От Советского Информбюро - 1941-1945 (Сборник)

неизвестен Автор

SHOUT
SHARE
IT

- Автор неизвестен

Автор неизвестен
От Советского Информбюро - 1941-1945 (Сборник)

От Советского Информбюро... 1941-1945

Сборник

Публицистика и очерки военных лет

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

От составителя: Материалы в сборнике расположены в соответствии с хронологией их написания. В тех случаях, когда отсутствует авторская датировка, дата устанавливается по времени регистрации материала в Совинформбюро. Некоторые статьи И. Эренбурга не имеют названия. Поэтому в заголовок вынесена дата написания статьи, набранная курсивом.

С о д е р ж а н и е

ТОМ I

Предисловие

Из заявления Советского правительства

1941

Илья Эренбург. В первый день

Всеволод Вишневский. В пути из Москвы

Константин Симонов. Части прикрытия

Петр Павленко, П. Крылов. Капитан Гастелло

Николай Тихонов. Город в броне

Владимир Ставский. Ельнинский удар

Борис Лапин, Захар Хацревин. Киев в эти дни

Корней Чуковский. Госпиталь No 11

Михаил Шолохов. По пути к фронту

Лидия Сейфуллина. Три письма

Илья Эренбург. Киев

Федор Панферов. Подарки

Михаил Шолохов. Люди Красной Армии

Алексей Толстой. Только победа и жизнь!

Всеволод Иванов. Сила юности

Илья Эренбург. Мы выстоим!

Константин Финн. Рокоссовский

Евгений Воробьев. Святая святых

Владимир Ставский. Боевая орденоносная

Евгений Кригер. У гвардейцев Доватора

Евгений Воробьев. Половодье в декабре

Евгений Петров. В Клину
Борис Полевой. Как был занят гор. Калинин
Константин Симонов. На Рыбачьем и Среднем
Илья Эренбург. 30 декабря 1941 года
1942
Петр Лидов. Таня
Борис Горбатов. Шахтеры
Илья Эренбург. Мужество
Александр Фадеев. Дети
Илья Эренбург. "Весенние дивизии"
Петр Павленко. Сибиряки
Павел Нилин. Завтра
Константин Симонов. День, в который ничего не произошло
Илья Эренбург. 20 апреля 1942 года
Леонид Леонов. Твой брат Володя Куриленко
Илья Эренбург. О ненависти
Константин Симонов. Американцы
Евгений Петров. На мурманском направлении
Александр Довженко. Сто ураганов в груди
Вера Инбер. Улица Рентгена
Алексей Каплер. Сердце героя
Евгений Петров. На левом фланге
Михаил Шолохов. Наука ненависти
Александр Хамадан. Смерть Нины Ониловой
Борис Лавренев. Глаза войны
Борис Полевой. В партизанском крае
Борис Войтехов. Так уходил Севастополь
Леонид Леонов. Неизвестному американскому другу. Письмо первое
Алексей Толстой. Упорство
Константин Федин. Волга - Миссисипи
Вера Инбер. Пальмовая ветвь, залитая кровью
Илья Эренбург. Письмо чилийскому поэту Пабло Неруде
Петр Павленко. Битва за Сталинград
Василий Гроссман. Направление главного удара
Константин Симонов. Дни и ночи
Лев Никулин. Госпиталь танков
Николай Тихонов. Ладога - дорога боевая.
Георгий Леонидзе. Кавказ борется!
Максим Рыльский. Так будет!
Илья Эренбург. 24 ноября 1942 года
Евгений Кригер. Свет
Василий Гроссман. Военный совет
ТОМ II

1943

Всеволод Вишневский. Битва на Неве

Евгений Кригер. Ответ Сталинградаа

Константин Симонов. Краснодар

Леонид Соболев. Зубковская батарея

Лев Славин. Дороги идут на запад

Вера Инбер. Так надо

Оскар Курганов. Три километра на запад

Корней Чуковский. Фундамент победы

Федор Панферов. Уральцы

Илья Эренбург. Возвращение Прозерпины

Михаил Шолохов. Письмо американским друзьям

Евгений Габрилович. Охотники за "языками"

Илья Эренбург. Их наступление

Евгений Воробьев. Кладбище танков

Андрей Платонов. Никодим Максимов

Василий Гроссман. Орел

Юрий Жуков. Конец Белгородского направления

Алексей Толстой. Русская сила

Константин Симонов. Песня

Илья Эренбург. 2 сентября 1943 года

Борис Горбатов. Мариуполь

Александр Фадеев. Бессмертие

Сергей Борзенко. "Малая Земля"

Всеволод Вишневский. Балтика - Новороссийску

Борис Полевой. Вторая Полтавская битва

Евгений Воробьев. Утро Смоленска

Леонид Леонов. Неизвестному американскому другу. Письмо второе

Андрей Платонов. Девушка Роза

Василий Гроссман. Первый день на Днепре

Леонид Первомайский. Днепровская быль

Евгений Кригер. Чуден Днепр...

1944

Илья Эренбург. Победа человека

Николай Тихонов. Победа!

Константин Федин. Ленинградка

Борис Горбатов. Чувство движения

Антанас Венцлова. Мария Мельникайте

Якуб Колас. Лагерь смерти

Андрей Платонов. Сын народа

Константин Симонов. Задержано доставкой...

Борис Горбатов. Весна на юге

Евгений Кригер. Штурм Севастополя

Вадим Кожевников. На берегу Черного моря
Борис Полевой. Дочери Молдавии
Илья Эренбург. Три года
Василий Гроссман. Бобруйский "котел"
Натан Рыбак. Ковпак
Евгений Воробьев. Пятеро в лодке
Илья Эренбург. 18 июля 1944 года
Леонид Леонов. Немцы в Москве
Василий Гроссман. Бои в Люблине
Борис Горбатов. Лагерь на Майданеке
Сергей Борзенко. На том берегу
Андрей Малышко, Александр Верхолетов. Хозяин неба Александр Покрышкин
Илья Эренбург. Весна в октябре
Геннадий Фиш. В Северной Норвегии
Борис Полевой. Ровесник Родины
Илья Эренбург. Герои "Нормандии"
Константин Симонов. Старшина Ерещенко
1945
Всеволод Вишневский. Привет 1945-му - году Победы!
Борис Полевой. В Кракове
Василий Гроссман. Сила наступления
Илья Эренбург. 24 января 1945 года
Евгений Кригер. Глубина фронта
Николай Тихонов. Армия-освободительница
Борис Полевой. Имени СССР
Всеволод Вишневский. День в Цоппоте
Константин Симонов. Встреча в Куманче
Евгений Воробьев. Трубка снайпера
Всеволод Иванов. Великая битва
Всеволод Вишневский. Уличные бои в Берлине
Илья Эренбург. 27 апреля 1945 года
Борис Горбатов. В районах Берлина
Павел Трояновский. Берлин в огне
Леонид Леонов. Утро Победы
Борис Горбатов. Капитуляция
Борис Полевой. Освобождение Праги
Леонид Леонов. Имя радости
Константин Федин. Вершина
Всеволод Иванов. Парад бессмертной славы
Летопись огненных лет. Писатели в Совинформбюро (1941-1945 гг.)
Авторы
Примечания

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Предисловие

Сборник "От Советского Информбюро..." прежде всего, несомненно, важный исторический, а не просто литературно-публицистический документ. Его содержание охватывает самое драматическое четырехлетие нашего века: 1941-1945. Годы, когда на советско-германском фронте, по существу, решалась судьба всего человечества, когда многим на Западе казалось, что Советский Союз не выдержит, выдержать не может, что катастрофа Советского государства неминуема. В кругах западных скептиков тогда еще не понимали, что война с социалистической страной совсем не то, что война с капиталистической, что в расчет военного потенциала социалистического государства входят иные слагаемые, иные мерила. Вчитываясь в настоящий сборник, особенно ясно ощущаешь эту истину.

В нем отражено советское общественное мнение в самые трудные, неимоверно тяжелые годы жизни народов СССР, отражено от первого до последнего дня войны; не пропущен ни один ее период. То, что происходило, освещено и документировано известными советскими писателями и публицистами, шедшими вместе с войсками или находившимися в Москве. Перед читателем раскрывается широкая панорама общественных настроений тех лет.

Молодью сегодня читают и слышат о том, что было. Но старшие помнят, они видели все сами. Такое не забыть. Военные годы врезались в души навсегда. Люди отдавали тогда этой страшной, но великой войне все, что могли. Страшное и великое, ощущаемое в одном дыхании! Это и чувствуется при чтении сборника страница за страницей.

Его авторы не просто писали и рассказывали, чувствуешь, что их сердца при этом обливались кровью. Я знаю со слов некоторых из них, лично мне знакомых, - Ильи Эренбурга, Бориса Полевого, Алексея Толстого, Корнея Чуковского и других - как это было нелегко. Но думаю, что эти самые трудные, самые мучительные годы были самыми значительными и важными в их писательской судьбе.

Некоторые из них потеряли тогда своих близких. Другие были на годы отрезаны от захваченных врагом родных мест. Третьим приходилось писать тут же на позициях, под огнем противника или прорываясь вместе с солдатами через вражеское

окружение. Многие, особенно в первые месяцы войны, были очевидцами вынужденного и не всегда организованно проходившего отступления. Как забыть об этом!

Но таких, кто впадал в панику, не находил в себе мужества писать, как будто не было. Я не сторонник громких слов. Но не употребить здесь слово "героизм", не сказать о силе человеческого духа, о достоинстве советского публициста, столкнувшегося с механизированной античеловеческой ордой, невозможно.

Что пронизывает каждую статью, каждый очерк в этом сборнике? Прежде всего одно: великий, ни с чем не сравнимый гнев. Это не была обычная война с обычным врагом. Это была схватка с армией людей-автоматов и выродков, специально выдрессированной для истребления настоящих людей, настоящей культуры, и авторы Совинформбюро ощущали это так же четко, как солдаты на позициях.

"В этой войне обращение с врагом в соответствии с нормами человечности и международного права недопустимо", - предписывал 8 июля 1941 г., спустя две недели после начала войны, начальник штаба верховного главнокомандования фельдмаршал Кейтель. Фашистские войска и эсэсовские команды предписание выполняли. Советские литераторы видели своими глазами, как это делалось. Отсюда та безграничная ненависть к фашистским захватчикам, которая пронизывает их очерки. И отсюда их выдержка в дни испытаний.

1941-й, год отступления. Нападение Гитлера происходит по правилам "молниеносной" стратегии внезапно, советские войска отходят с боями в глубь своей территории. Враг у Москвы, у Ленинграда, в Киеве, в Одессе. Чувствуется ли в статьях авторов сборника в это время хоть крупица скрытого страха, хоть намек на отчаяние? Казалось бы, такие настроения должны были бы где-то, у кого-то прорваться наружу, ощутиться хотя бы в тоне высказываний: люди есть люди.

Перечитываешь и убеждаешься: такого нет. Авторы, свидетели разыгравшейся вокруг них небывалой трагедии, не отчаиваются, не теряют веры в завтрашний день. Один из них, Илья Эренбург, пишет в первый же день войны:

"Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты начали войну. Мы ее кончим - победой труда и свободы. Война - тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем... Высокая судьба выпала на нашу долю защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики,

станет освободительной войной порабощенной Европы".

Это значило: мы выдержим что бы ни было, выдержим не только ради себя, но и ради всех европейцев.

Три с половиной года спустя писатель Всеволод Вишневский пишет:

"Ничего не убоялся советский человек. Он был в вечном бою и в вечной работе. Он нес в своей светлой душе -как бы враг подло и гадко ни уродовал нашу землю, наши города и наши села - чувство жизни, всегда торжествующей... Не черепа "СС", не смрад крематориев гестапо, а возрожденная прекрасная жизнь под синим небом 1944 года - вот что побеждает и победит!"

И уже перед самым концом, 24 января 1945 г., за несколько месяцев перед взятием Красной Армией Берлина, Эренбург подводит итоги:

"Немцы уверяют, что мы продвигаемся только благодаря численному превосходству. Это неправда. Мы превосходим теперь противника и в боевых качествах наших солдат, и в умении командования, и в технике. Мы теперь воюем лучше немцев, и если взять одну нашу дивизию против одной немецкой, мы побьем немцев. А так как у нас против одной немецкой дивизии во многих местах две, то мы их бьем на редкость быстро".

Так в эти четыре года совершился тот неслыханный поворот в судьбах Европы, в который на Западе почти никто, кроме коммунистов, не верил. Но сколько он стоил советскому народу!

Откуда исходила эта непоколебимая твердость, эта железная уверенность в победоносном завтрашнем дне? Ответ один: социализм делает человека сильным.

Каждая статья в этом сборнике воспринимается как удар в лицо фашистского полубога фюрера. Он рвался к Москве. Но армия страны социализма возьмет Берлин.

Давать врагу отпор, жить впроголодь, мучиться из-за судьбы близких приходилось долго, иногда, казалось, невыносимо долго. Но разгневанный советский человек все же возобладал, взращенные фашизмом люди-автоматы покатились назад.

В этой связи стоит коснуться одного вопроса, который нередко ставили и ставят за рубежом. Можно ли объяснить могучий боевой дух советского народа в ходе войны 1941-1945 гг. ненавистью к немцам как нации? Нет, это было бы грубой ошибкой.

Правда, внезапное нападение Германии потрясло советскую общественность, в том числе, разумеется, писателей и публицистов. Между тем ни в одной из содержащихся в сборнике статей или очерков не найти ни следа вражды к немцам как к народу. Германофобство полностью отсутствует.

Социалистический патриотизм авторов никогда не переходит в шовинизм, и в этом тоже отражается та моральная сила, которая помогла одержать победу.

Шовинисту обычно свойственна наглость, но когда его ставят на колени, в нем столь же отчетливо выявляется трусость. Одно почти всегда запрятано в другом. Но социализм и шовинизм несовместимы.

Да, в ряде статей в сборнике встречаются крепкие слова, проклятия по адресу нацистских захватчиков, этих растленных ничтожеств, овладевших механизмом танков и самолетов и возомнивших себя сверхчеловеками. Но, скажем еще раз, к немецкой нации, породившей Гете, Бетховена, Канта, это не относится. Эсэсовцы, гестаповцы, палачи из лагерей смерти - это не олицетворение немецкой нации, а ее позор, и советские люди за редким исключением это понимали.

Милитаристам и эсэсовцам они ничего не прощали, как не прощают по сей день. Михаил Шолохов называет одну из своих корреспонденции "Наука ненависти". Он пишет со слов советского лейтенанта Герасимова, сказанных в 1942 г.: "И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить... Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... А вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время... люблю свой народ... Вот это и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу".

Продвигаясь вместе с войсками на запад, советские публицисты видели своими глазами, что делали на чужой земле гитлеровцы. Вот отрывок из отчета Василия Гроссмана после посещения лагеря смерти в Майданеке близ Люблина вслед за освобождением этого польского города советскими войсками.

"...Шеф крематория Мунфельд даже жил в крематории. Трупный запах, от которого задыхался весь Люблин, не смущал его. Он говорил, что от жареных трупов хорошо пахнет.

Он любил шутить с заключенными.

Встречаясь с ними в лагере, он ласково спрашивал:

- Ну, как, приятель? Скоро ко мне, в печечку? - и, хлопая побледневшую жертву по плечу, обещал: - Ничего, для тебя я хорошо истоплю печечку...

И шел дальше, сопровождаемый своей собачонкой.

- Я видел, - рассказывает свидетель Станислав Гальян, житель соседнего села, мобилизованный со своей подводой на работу в лагерь. - Я сам видел, как обершарфюрер Мунфельд взял четырехлетнего ребенка, положил его на землю, встал ногой на

ножку ребенка, а другую ножку взял руками и разорвал, - да, разорвал бедняжку пополам. Я видел это собственными глазами. И как все внутренности ребенка вывалились наружу.

Разорвав мальчика, Мунфельд бросил его в печь. Потом стал ласкать свою собачонку".

Можно ли было прощать фашистам после такого?

И все-таки, страстно ненавидя гитлеровцев, передовая советская общественность уже тогда не сомневалась, что в Центральной Европе рано или поздно возникнет новое, антифашистское германское государство, которое будет другом СССР.

Хотел бы коснуться здесь еще одного вопроса, который может зародиться в умах читателей сборника. Нетрудно заметить, что некоторые из побывавших на фронте в начале войны авторов писали больше о тех боях, которые уже тогда оканчивались успешно для советских войск. Старшее поколение об этом вспомнит. Известно, между тем, что в масштабах всего фронта советские армии тогда отходили на восток. Кроется ли здесь какое-то противоречие?

Нет. Совинформбюро об отступлении в своих сводках сообщало, и вся страна о положении знала. Стратегия Верховного командования была в тот период направлена прежде всего на то, чтобы всячески задерживать врага, где только можно и как можно дольше, изматывая его, пока не будут накоплены силы для перехода в решающее контрнаступление.

Именно таким боям, в которых удавалось на какое-то время задерживать вермахт, и уделяли в то время свое главное внимание советские очеркисты. Для них это было тем более естественно, что они были уверены в победе советских войск в предстоящих решающих сражениях - как это вскоре и подтвердилось в битве под Москвой. Сомнениям не было места. Надо было к тому же поддерживать боевой дух в тылу. Коммунистическая партия, социалистический строй научили народ выдержке и оптимизму, основанному на правильном социально-историческом анализе, и это плюс сила воли, несомненно, сыграло в ходе событий важнейшую роль.

События второй мировой войны на других фронтах в Европе особенно ясно показывают, какое огромное значение имеет своевременная закалка боевого духа народа, которому угрожает агрессия. Достаточно вспомнить о том, как быстро в 1940 г., сразу же после первых успехов вермахта на Западном фронте, пала тогдашняя Франция, государство Рейно, Петена и Вейгана. Все в стране, по существу, рассыпалось в несколько дней. Французская буржуазия капитулировала немедленно, и в Париже, затем в

Виши делали все, чтобы обескуражить также рядовое население. Только вспыхнувшее вопреки капитулянтам народное движение Сопротивления вновь мобилизовало французов и они внесли свой вклад в дело разгрома фашизма.

Несколько слов об авторах этого сборника и о той организации, которая вела всю эту работу.

Совинформбюро было основано в первые же дни войны. И оно почти сразу сумело привлечь к участию в его огромной работе лучших, наиболее талантливых писателей и публицистов страны. Занятые по горло своим творческим трудом, они всегда отзывались, когда с просьбой писать о войне к ним обращалось Совинформбюро.

Почти для всех это было довольно сложно. Большинство авторов были до этого погружены в чисто художественное творчество или занимались обычной публицистикой на внутренние советские темы. Теперь они должны были броситься в огонь военной и международной публицистики. При этом почти каждому из них приходилось разъезжать по разным участкам фронта, от позиции к позиции. Трудно понять, как они успевали перестроиться. Но сумели это сделать.

Каждый из них считал теперь тему войны, защиты страны, идейной битвы с врагом своей темой номер 1. Никто не пытался оторваться от воюющего народа, укрыться в башне из слоновой кости.

Помогая закалять советское общественное мнение, они находили в себе новые, неведомые до тех пор им самим силы, и страна была благодарна им за это. Статьи лучших из них, напечатанные в советской прессе, зачитывались на фронте и в тылу до дыр, и эта публицистика становилась настоящим, действенным политическим и психологическим оружием в руках воюющей страны.

Это была одна из причин, почему все эти годы, к изумлению гитлеровцев, так стойко держался советский тыл. История сама учила писателей, как в такое время говорить с народом. Что же касается тем, то драматизм событий далеко превосходил все прежние сюжеты.

Материал был неисчерпаем. Так, например, в руки Александра Фадеева попали в те дни уникальные данные о совершавшей в германском тылу в городе Краснодоне на редкость смелые дела подпольной комсомольской организации "Молодая гвардия". Данные эти, как известно, и стали основой позднее прогремевшего на всю страну романа. Первый очерк Фадеева на эту тему под названием "Бессмертие", написанный 15 сентября 1943 г. и включенный в данный сборник, все еще читается с

волнением.

Совинформбюро все время следило за тем, чтобы отбирать лучшие из работ для отсылки за рубеж. Вот почему среди авторов сборника столько блестящих имен. Сравнивая этот список с жалким перечнем немецких писателей и журналистов, согласившихся в те годы служить Геббельсу, убеждаешься снова, где были настоящие мастера культуры и где лакеи.

Приведу только один пример. Двумя самыми неутомимыми авторами Совинформбюро, как и вообще советской печати за все военные годы, были Илья Эренбург и Константин Симонов. Они опубликовали за это время сотни статей. Об Эренбурге будет сказано ниже. Симонов же, я думаю, только во время войны и нашел себя как крупный публицист. Здесь мне хотелось бы обратить внимание читателей лишь на один его очерк в сборнике: "Встреча в Куманче".

Не знаю, сколько времени потребовалось Симонову, чтобы написать его: полагаю, один день, такие вещи почти всегда пишутся сразу. Пересказывать очерк не стану. Но какая удивительная идейная и моральная сила исходит из этой небольшой работы! Нравственный, а не просто политический облик словацких партизан встает прямо перед вами. Пусть, однако, читатель прочтет его сам - прочтет и подумает, какие люди тогда воевали с фашистами.

Ведущие писатели и публицисты составляли своего рода боевой отряд Совинформбюро. В чем же заключалась оперативная задача этого отряда?

Коммунистической партией и правительством Советскому Информбюро было поручено непрерывно осведомлять об СССР людей за рубежом: сообщать о том, что происходит на советско-германском фронте, как обстоит дело в тылу, что думают в дни войны советские рабочие, колхозники, интеллигенция, как и чем дышит в это время советская культура. Иначе говоря, предлагалось вести как бы дневник происходивших вокруг исторических событий и доводить этот дневник до сведения зарубежной общественности.

Второе отнюдь не было так просто: несравненно сложнее первого.

Дело было в том, что большинство людей на Западе мало что знало о Советском Союзе или верило в самые глупые небылицы о нем: некоторые и просто не хотели что-то знать. Я был тогда в Лондоне уполномоченным Совинформбюро и главным редактором советской газеты на английском языке "Совьет уор ньюс уикли"{1} и помню, как трудно было пробивать эту стену непонимания и неосведомленности.

Мало того. Надо учесть, что в Англии и США, связанных тогда взаимными союзными обязательствами с СССР, с самого начала войны действовали влиятельные круги, стремившиеся свалить всю тяжесть борьбы с Гитлером на плечи Советского Союза. Самим же западным союзникам предназначалось держаться в резерве, ограничиваясь "приготовлениями" к серьезным военным действиям в каком-то неопределенном будущем.

От фашизма, конечно, открещивались, но вступить в действительно эффективную борьбу с ним не спешили. Подобная двойственность отношения к ультраправым наблюдается, кстати сказать, в правящих кругах западных стран сплошь и рядом и теперь. Все это, конечно, сказывалось на нашей работе по распространению информации Совинформбюро.

Помню, как осложнились условия для нас, когда в 1942 г. на очередь встал вопрос об открытии второго фронта, твердо обещанного Советскому Союзу Англией и Америкой еще на этот год или, во всяком случае, на весну 1943 г. Совинформбюро из Москвы присылало статью за статьей советских авторов, задававших все тот же вопрос: где же второй фронт? Почему его не открывают, хотя при крайнем напряжении сил Красной Армии он срочно нужен? Когда его откроют? Спрашивали писатели, военные, рядовые люди.

Я передавал эти статьи в редакции английских газет, но готовности печатать их в большинстве случаев не встречал. Тогда я публиковал их в нашей "Совьет уор ньюс уикли". Газета эта довольно широко распространялась среди рабочих, в кругах интеллигенции, а также среди военных: мы регулярно помещали статьи советских специалистов о стратегических проблемах, возникавших на советско-германском фронте, и о новшествах в тактике вермахта.

Особый шум производили статьи Эренбурга, умевшего писать для Запада как едва ли кто-либо другой. Его прямо называли европейским публицистом номер 1, и Геббельс, по слухам, созывал специальные совещания, чтобы решать, как ему отвечать. Глубокое личное знание западных стран, чеканный стиль Эренбурга, его умение поражать противника рапирой приводили в восхищение даже явных противников СССР, о чем мне не раз говорили английские журналисты при встречах где-нибудь на Флит-стрите, газетном квартале Лондона. Я бомбардировал Москву телеграммами: скорее и побольше Эренбурга! И я до сих пор удивляюсь тому, как много он умел писать, не снижая качества.

Главное для нас тогда заключалось в том, чтобы давать знать

людям за рубежом, какие гигантские усилия предпринимает Советский Союз, чтобы поскорее победоносно окончить войну, какие жертвы уже принесены и приносятся неделя за неделей. Надо было честно сообщать и о недовольстве в кругах советской общественности, вызванном постоянными отсрочками открытия второго фронта; пояснять, что союзники СССР в связи с заключенными соглашениями не вправе медлить с высадкой на континенте, что нужна помощь не на словах, а на деле.

Сильное впечатление в этой кампании за второй фронт производили, например, такие работы, как написанное в августе 1942 г. "Письмо к неизвестному американскому другу" Леонида Леонова и статья Константина Федина в том же месяце "Волга - Миссисипи". Прямо ни в той, ни в другой статье о втором фронте не упоминалось, но взволнованная мысль крупных советских писателей была ясна.

Должен сказать, что мы находили по этому вопросу в Англии как понимание - преимущественно среди левых, - так и нечто худшее, чем непонимание в официальных кругах: холодную недоброжелательность, даже раздражение. На верхах в Лондоне нами были откровенно недовольны. Мы же все-таки продолжали все время печатать такие материалы.

После того как в июне 1944 г. второй фронт был наконец открыт, работать стало легче. Говорили, однако, что решение было принято не столько из желания помочь советскому союзнику, сколько из боязни, что иначе он прорвется в Германию и в другие страны фашистского блока один.

Такую же работу, как мы в Лондоне, выполняли к тому времени представительства Совинформбюро в других антигитлеровских странах.

Советские писатели и публицисты внесли в те годы немалый вклад в борьбу антифашистов за рубежом. Сегодня, спустя 40 лет после начала войны, можно с полным правом сказать, что они с честью выполнили свой долг. Историки не пройдут мимо статей и очерков И.Эренбурга, К.Симонова, Б.Полевого, А. Толстого, М.Шолохова, Л.Леонова, А.Фадеева, В.Гроссмана, Н. Тихонова, Б.Горбатова и многих других. Боевой, бесстрашной и яркой публицистике можно на их примере учиться и в наши дни.

Мы перечитываем этот сборник, думаем о том времени и вспоминаем тех, чей творческий труд в нем запечатлен. Очень немногие из них еще живы. Мы склоняем голову перед всеми, ушедшими и живыми. Они дали своей стране тогда все, что могли, не падая духом, не уставая, не прячась в кусты, когда было особенно трудно. Не только советская -мировая публицистика может ими гордиться. Они вошли в ее историю.

Совинформбюро больше не существует, но дело его не кончено. Зарубежный капиталистический мир и сегодня не очень много знает о Советском Союзе, о советских людях, о социалистическом образе жизни, о свершениях и идеалах социализма. Появились новые непримиримые противники, непрерывно ведущие отравленную антисоветскую пропаганду. Причем некоторые из них явно мечтают сравняться с Геббельсом.

Нет сомнения, что преемники тех, чьи статьи и очерки вошли в этот сборник, будут и в 80-х годах давать им достойный отпор, нести зарубежному читателю и слушателю правду о нашей великой стране.

Эрнст Генри

Из заявления Советского правительства

...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

22 июня 1941 года

1941

Когда страна узнала о войне,
в тот первый день, в сумятице и бреде,
я помню, я подумала о дне,
когда страна узнает о победе.

Маргарита Алигер

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря...

Из сводки Главного Командования Красной Армии, 22 июня 1941 г.

Илья Эренбург

В первый день

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном нападении

германских фашистов на наши советские города. Не словами ответит наш народ врагу. Игрок зарвался. Его ждет неизбежная гибель.

Германские фашисты подчинили своему игу много стран. Я видел, как пал Париж, - он пал не потому, что были непобедимы немцы. Он пал потому, что Францию разъели измена и малодушие. Правящая головка предала французский народ. Но там, где солдаты, брошенные всеми, вопреки воле командования, оказывали сопротивление, немецкие фашисты топтались перед ничтожными отрядами защитников. Население небольшого города Тура и два батальона трое суток защищали город от основных сил германской армии.

Советский народ един, сплочен, он защищает родину, честь, свободу, и здесь не удастся фашистам их низкая и темная игра.

Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы - высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев. Я был в разоренных немцами странах. Повсюду я видел горящие гневом глаза, - люди ненавидят разбойников, которые разграбили их страны, убивают их детей, уничтожают их культуру, язык, традиции. Они только ждут минуты, когда зашатается разбойная империя Гитлера, чтобы подняться, все как один, против своих поработителей. У советского народа есть верные союзники - это народы всех порабощенных стран - парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы. Все народы с нами. Как на освободительницу они смотрят на Красную Армию. В оккупированных фашистами странах уже зимой начались партизанские бои - смельчаки не могли больше выдержать неслыханного ига. В ноябре парижские студенты вышли на улицу с револьверами. Норвежцы по ночам истребляли отряды фашистов, поляки уходили в леса и оттуда совершали налеты на фашистских оккупантов. В Чехии рабочие ломали станки: "Ни одного снаряда для немецких фашистов". Теперь на них пойдут не тысячи смельчаков, но миллионы - народы Европы. Судьбе зазнавшегося фашистского палача пришел конец.

На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: "Гитлер начал войну, Сталин ее кончит". Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты начали войну. Мы ее кончим - победой труда и свободы. Война - тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы

не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю - защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной порабощенной Европы.

22 июня 1941 года

В течение 24 июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии.

Из сообщения Совинформбюро, 24 июня 1941 г.{2}

Всеволод Вишневский

В пути из Москвы

Весть о начале войны застала меня под Москвой. Мобилизационный подъем начался немедленно. Люди спешили в столицу. Стоило поднять руку останавливались на шоссе посторонние машины и подхватывали людей. "Запасники, браток!" Шофера и без слов понимали: "Давай!.. Большие дела".

Москва строгая, серьезная. В Союзе советских писателей собрались сотни писателей. Пришел Новиков-Прибой: "Давайте работу, дежурство". Приехал Л. Соболев. Многие уже в военной или военно-морской форме. Идет проверка списков: на фронт мне надо отправить сразу десятки писателей. Интеллигенция честно, верно идет в общих народных рядах.

В Наркомате Военно-Морского Флота проверяем еще раз нужные писательские списки. В первую очередь отправлять участников войны с белой Финляндией, людей с опытом.

В редакции "Правды" - все четко, оперативно. Проводим ночное совещание о том, как писателям работать в армии и во флоте. "Быть в массах, нести живое слово, описывать борьбу, отмечать героев, клеймить трусов, ликвидировать ложные слухи. Работать везде. Перо приравнено к штыку!"

Лебедев-Кумач мобилизован на Всесоюзное радио: нужны песни, стихи, фельетоны.

Вот Вл. Ставский, - три советских и один монгольский орден на груди. "Иду от "Правды" на Западный фронт!" Выезжают, не теряя ни часа, товарищи Н. Вирта, Ал. Сурков, А. Безыменский. Готовы Е. Долматовский, К. Симонов. Присылает молнию-заявку Г. Фиш... Да всех разве перечислишь! Литература вся становится оборонной.

Встречаюсь с боевыми немецкими писателями-антифашистами. Глаза горят: "Рот фронт, геноссе! Пришел час!" Вот Фридрих Вольф - автор популярнейшего у нас и в АНглии, и США "Профессора Мамлока". Пишет, не разгибаясь, нужные

материалы. А человек едва оправился после мучений и избиений во французском концлагере Вернэ, где просидел более семнадцати месяцев. "Меня, - говорит Вольф, - спасли советские товарищи... Все мои силы, вся жизнь -для СССР".

Работает напряженно Илья Эренбург. В течение одного дня он написал пять нужнейших острых, интересных листовок-обращений.

Работа советскими писателями начата! Мы будем вести ее неустанно.

Уезжать на фронт приходится не первый раз. Для меня эта война уже пятая по счету в жизни{3}. Но никогда не видел я таких глубоких, серьезных проводов, как в эти дни. Москва, впервые вся затемненная, настороженная. Могучий 5-миллионный город - центр революционного мира -по всем направлениям шлет, разряжает свою энергию. На вокзалах тысячи и тысячи людей. С песнями, в темноте, подходят колонны запасников. Радио передает сводки, инструкции ПВО. Женщины стоят у дверей вагонов и негромко беседуют с мужьями, братьями, сыновьями. Спасибо вам, любимые боевые подруги наши, за все, что вы сделали для нас в жизни. За ласку, верность, заботы, за готовность скромно, стойко заменить нас на многих постах.

Последние слова, скрытое волнение, скрытый душевный ток, который соединяет уезжающих и остающихся... "Пиши, милый!.." - "А вы тут тылы держите в порядке..." Свисток, поезд трогается, провожающие идут рядом, плотной массой. Лица еще не видны в синем, военном освещении... До свиданья, - до победы!..

Поезд за поездом... Окидываешь мысленным взором родную страну - от Камчатки до Карпат, от Мурманска до иранской и афганской границы. Миллионы людей занимают боевые посты... В гражданскую войну, - усталые, истощенные, цинготные, заблокированные со всех сторон, - мы сумели бросить 5-миллионную армию против пришельцев: тех же немцев и их подпевал. И победили! В эту войну мы двинем в дело гораздо большие силы. И опять победим! Техника наша в сравнении с прошлым удесятерена. Сверху донизу перестроив всю работу, взяв оборонные темпы, 200-миллионный СССР покажет миру, что такое народная война!

Стрелять, бить врага, нападать на его прорывающиеся авангарды, истреблять диверсантов - будут все, от мала до велика.

В вагоне завязываются душевные разговоры...Со мной почти сплошь военные моряки. Вспоминаем начало войны 1914 года. "Пьяных было много, сейчас не видно. В такие дни преступно

выпивать".

Люди отдают себе отчет в обстановке. Немцев мы знаем давно, бивали их не раз и их тактику изучили. Вот разговор о немцах:

- Ну, ясно - будут оголтело кидаться на прорыв, распускать провокационные слухи, рвать связь, бросать парашютистов, наносить неожиданные удары то с воздуха, то подлодками и катерами. У них дельце рассчитано в надежде на "молниеносные" результаты, чтобы смять прикрытия границ, помешать нам провести мобилизацию.

- Точно!.. Только не на Бельгию, Голландию нарвались в этот раз. Тут СССР.

Вспоминаем попытку немцев прорваться в Прибалтику в 1918 году, геройскую оборону балтийских матросских отрядов. Были трудные времена, но народ как один поднялся... Памятна на всю жизнь ночь 23 февраля 1918 года, когда против немцев поднялся пролетарский Питер. В ту ночь и зародилась регулярная Красная Армия.

Поезд идет второй, третий день. Всюду запасники: четырнадцать возрастов, мужчины от 23 до 36 лет, миллионы людей в расцвете физических и духовных сил поднимаются на защиту родины.

Мы не хотим и не допустим, чтобы фашистские сволочные типы с блондинистыми проборами шлялись по нашим городам. Мы не хотим, чтобы фашистская сволочь где-нибудь посмела запретить Пушкина (он имел примесь неарийской -негритянской крови) и сжечь его творения.

Мы знаем, что гитлеровская система натворила в Европе. Там искалечена жизнь добрых двенадцати стран. Сотни тысяч женщин оторваны от семей и отправлены в публичные дома - для фашистских "молодцов". Сотни тысяч мужчин оскоплены немцами, чтобы не могли воспроизводить новые поколения. Сотни тысяч людей хладнокровно перестреляны...

Мировая история не знает подобных преступлений.

На нас возложен долг - остановить преступников и обезвредить.

Каждый должен сказать сам себе, наедине со своей совестью:

- Я не потерплю фашистских злодеяний, обманов, насилий! Я готов к любой борьбе, на смерть. Я оберегу родину, помогу этим и народам Европы... Имя русского, имя советского человека должно стать и станет всемирным именем: победитель, спаситель культуры, права и свободы.

1 июля 1941 года

Наши войска стойко удерживали свои позиции, нанося

танкам противника большой урон.

Из сообщения Совинформбюро

4 июля 1941 г.

Константин Симонов

Части прикрытия

"Наши части прикрытия, переходя в контратаки, задерживают противника до подхода наших главных сил".

Эту скромную, по-деловому звучащую фразу мы не раз читали в сводках Информбюро.

Но что скрывается за этой фразой, какие подвиги, какая железная выдержка стоят за простыми словами - "задержать противника до подхода наших главных сил", - это не все себе ясно представляют.

Военный язык лаконичен. В приказе сказано - задержать противника. Но слово "задержать" в нашей армии значит - задержать во что бы то ни стало. Слово "драться" в нашей армии значит - драться до последней капли крови.

Части прикрытия - это значит части, которые приняли на себя первый удар врага, первыми прощупали его стратегию и тактику, первыми на ходу, во время боя, научились новым приемам борьбы с ним.

Они задержали врага, они совершали иногда дорого обходившиеся ошибки, они, исправляя эту ошибки, накопили новый боевой опыт, которым сегодня и завтра воспользуется вся армия для разгрома врага.

Это сделает наша армия, которая сосредоточилась и развернулась, пока части прикрытия выигрывали для нее время, - время, настоящая цена которому познается только на войне.

Армия развернулась, части прикрытия отведены в армейский тыл на несколько десятков километров. Но фронт и тыл - между ними в этой войне нет четкой границы.

По ночам, когда кругом тишина, можно слышать далекую канонаду тяжелых орудий. Это бьет наша корпусная артиллерия.

Когда начинает темнеть, в лесу мелькают белые отсветы - точка, тире, точка, тире, - это немецкие диверсионные группы пытаются снестись друг с другом или подать сигнал своим самолетам.

Огоньки быстро потухают, наша разведка научилась точно работать: на третьем тире сигналисту пришлось поднять руки вверх.

Части прикрытия комплектуются, восполняются потери. Взамен искалеченных в тяжелых боях орудий и пулеметов подвозятся новые.

Но если вы станете говорить с командирами и бойцами такой

части, недавно вышедшей из боя, то меньше всего вы услышите разговоров о потерях; бойцы и командиры говорят об опыте боев, о слабых местах врага, о новой тактике, которую они выработали в боях и теперь применят против него. И когда вспоминают о погибших товарищах, то вспоминают о них. не просто сожалея, а обсуждая и одобряя их поведение в бою, их опыт борьбы, который они ценой своей жизни передали другим.

Н-ский стрелковый полк вместе с другими полками дивизии был 22 июня поднят по тревоге и, приведя себя в боевую готовность, сделал за двадцать один час семидесятипятикилометровый марш.

Перегрузившись под обстрелом вражеской авиации на машины, полк на рассвете прибыл к месту сосредоточения.

Полк и подходившую танковую дивизию противника теперь разделяло расстояние всего в несколько километров.

С хода развернувшись, полк занял оборону вдоль покатого берега реки Ш.

Чтобы дать полку возможность окопаться, а гаубичному дивизиону занять выгодные огневые позиции, 2-й батальон был выброшен вперед.

На него была возложена почетная задача принять первый удар.

Стойкую пехоту, которая успела хоть немного закопаться в землю и укрепиться, трудно выбить с ее позиций, трудно, даже если против одного полка действует танковая дивизия.

Немцы понимали это не хуже нас, и пока полк окапывался, каждые пятнадцать минут над его головой с ревом пикировали чужие бомбардировщики.

Но расчет врага на панику, на замедление темпа оборонительных работ был сорван. Маскируясь, укрываясь за деревьями, ложась и снова вставая, бойцы хладнокровно и быстро продолжали свое дело. Не было ни беготни, ни беспорядочной пальбы из винтовок, каждый был занят своим делом: бойцы своим, зенитчики - своим.

И надо сказать, что зенитчики в первом бою действовали довольно удачно.

Спокойно выждав секунды, когда бомбардировщики переходили в пике, расчет крупнокалиберных зенитных пулеметов посылал очереди прямо в лоб, в моторную группу фашистских машин.

Один за другим три бомбардировщика, горя и с грохотом ломая деревья, обрушились в лес.

Тем временем 2-й батальон уже принимал неравный бой.

Противотанковые пушки били прямой наводкой по танкам.

Отступая с рубежа на рубеж, пулеметчики метким огнем старались оторвать вражескую пехоту от танков, заставить ее лечь, не дать ей поднять головы.

Вот загорелся один танк, потом второй, третий, четвертый, остальные двигались уже медленнее, чем вначале, останавливаясь, чтобы пристреляться по нашим противотанковым пушкам, подтягивая свою не особенно храбро шедшую под огнем пехоту.

Между тем батальон, выполнив свою задачу и задержав противника, постепенно отходил за левый фланг полка.

К четырем часам дня бой разгорелся уже перед всем фронтом полка.

Теперь по числу атакующих танков уже легко на глаз можно было определить, что против нас в полном составе действует мотомеханизированная дивизия врага.

Узкая полоса реки с единственным мостом отделяла нас от противника. Танки, выходя на берег, стягивались к мосту, но жестокий артиллерийский огонь не пускал их на самый мост. Немецкая пехота, скопившись на опушке леса, пыталась короткими перебежками достичь берега реки и переправиться через нее вброд.

Загорелось еще несколько танков. С наших позиций было хорошо видно, как вела себя немецкая пехота. Под пулеметным огнем она пыталась, пусть медленно, но все-таки продвигаться.

Но когда справа и слева от нее черными факелами вспыхивали танки, она немедленно ложилась, и офицерам, видно, уже трудно было оторвать ее от земли.

Вера в эти стальные машины, с которыми до сих пор так легко доставались победы, эта вера, оказывается, имела свою оборотную сторону.

Машины горели одна за другой. Немецкая пехота не привыкла к этому, она боялась, она не хотела сама идти вперед. Пусть первыми пойдут танки.

И танки снова шли, и снова скучивались у моста, и снова загорались.

На помощь им пришла артиллерия. Подтянув к реке свою артиллерию танковой поддержки, немцы стали охотиться за нашими противотанковыми орудиями.

Соединенными усилиями танков и артиллерии к вечеру половина наших пушек была выведена из строя.

Но недаром славится русская артиллерия. Остальные наши пушки нащупали позицию врага и метким огнем к ночи разбили восемнадцать орудий противника и зажгли шестнадцать танков.

Помогая артиллерии, пулеметчики четко били по смотровым

щелям танков, ослепляя врага.

Но потери все-таки сказывались. Наш огонь был уже реже, и, пользуясь этим, части немецкой пехоты доползли до берега реки и начали переходить ее вброд.

Заметив это, вторая рота полка вылезла из укрытий и перешла в стремительную контратаку.

Испугавшись штыкового удара, немецкая пехота с поспешностью ретировалась на тот берег.

Было уже темно. На несколько минут наступило затишье.

Но ровно в десять часов вечера, видимо, отчаявшись овладеть нашими позициями с налету, противник подвез гаубичную артиллерию и открыл ураганный огонь.

Разрывы шли сплошным огневым валом с берега реки в глубь леса и с флангов к центру наших позиций.

Нужна была железная выдержка, чтобы высидеть под этим огнем, зорко наблюдая за каждым движением врага.

Под прикрытием огневого вала немецкая пехота стала переправляться через реку и скапливаться на том берегу.

Ровно в двенадцать часов ночи немцы перенесли артиллерийский огонь вглубь. Убежденные, что наши части уничтожены и деморализованы двухчасовым ураганным огнем, они наконец решили идти в атаку.

Но ровно в двенадцать часов командир полка, решив не дожидаться немецкой атаки, подтянул все силы, собрал всех уцелевших бойцов и, подняв их, с криком "ура!" сам повел в контратаку.

Грозное русское "ура" совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат.

Они в беспорядке, кто вброд, кто вплавь бросились обратно, не принимая штыкового боя.

Впрочем, далеко не все успели уйти за реку, многим поневоле пришлось все-таки испытать на себе силу русского штыка.

Так закончился этот трудный для полка день.

Немецкая танковая дивизия была задержана на двенадцать часов. Было выведено из строя до тридцати танков и восемнадцати орудий противника.

Мы тоже понесли серьезные потери. Но как ни были они тяжелы, - бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями. Разбитые немецкие танки и орудия, уничтоженная немецкая пехота - все это только половина победы. Второй половиной победы был выигрыш времени. Двенадцать часов военного боевого времени! Бойцы знали, там, сзади, развертываются главные силы, используя эти двенадцать часов, выигранных ими в кровавом бою.

К рассвету полк оставил этот лес, изрешеченный снарядами, изрытый воронками, точно пристрелянный немецкой артиллерией.

Полк отошел назад, на новый рубеж обороны, где завтра ему предстоял такой же жестокий и героический бой.

А в сводке Информбюро утром появилась скупая фраза: "В течение прошлого дня наши части прикрытия сдерживали наступление противника до подхода наших главных сил".

5 июля 1941 года

Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя.

Из сообщения Совинформбюро

5 июля 1941 г.

Петр Павленко, П. Крылов

Капитан Гастелло

На рассвете 6 июля на разных участках фронта летчики собрались у репродукторов. Говорила московская радиостанция, диктор по голосу был старым знакомым - сразу повеяло домом, Москвой. Передавалась сводка Информбюро.

Диктор прочел краткое сообщение о героическом подвиге капитана Гастелло. Сотни людей на разных участках фронта повторяли это имя...

Еще задолго до войны, когда он вместе с отцом работал на одном из московских заводов, о нем говорили: "Куда ни поставь - всюду пример".

Это был человек, упорно воспитывающий себя на трудностях, человек, копивший силы на большое дело.

Чувствовалось - Николай Гастелло стоящий человек.

Когда он стал военным летчиком, это сразу же подтвердилось. Он не был знаменит, но быстро шел к известности.

В 1939 году он бомбил белофинские военные заводы, мосты и доты. В Бессарабии выбрасывал наши парашютные десанты, чтобы удержать румынских бояр от грабежа страны.

С первого же дня Великой Отечественной войны капитан Гастелло во главе своей эскадрильи громил фашистские танковые колонны, разносил в пух и прах военные объекты, в щепу ломал мосты.

О капитане Гастелло уже шла слава в летных частях. Люди воздуха быстро узнают друг о друге!

Последний подвиг капитана Гастелло не забудется никогда.

26 июня во главе своей эскадрильи капитан Гастелло сражался в воздухе. Далеко внизу, на земле, тоже шел бой. Моторизованные части противника прорывались на советскую землю. Огонь нашей артиллерии и авиация сдерживали и останавливали их движение. Ведя свой бой, Гастелло не упускал из виду и бой наземный.

Черные пятна танковых скоплений, сгрудившиеся бензиновые цистерны говорили о заминке в боевых действиях врага.

И бесстрашный Гастелло продолжал свое дело в воздухе. Но вот снаряд вражеской зенитки разбивает бензиновый бак его самолета.

Машина в огне. Выхода нет.

Что же, так и закончить на этом свой путь? Скользнуть, пока не поздно, на парашюте и, оказавшись на территории, занятой врагом, сдаться в постыдный плен? Нет, это не выход.

И капитан Гастелло не отстегивает наплечных ремней, не оставляет пылающей машины. Вниз, к земле, к сгрудившимся цистернам противника мчит он огненный комок своего самолета. Огонь уже возле летчика. Но земля близка. Глаза Гастелло, мучимые огнем, еще видят, опаленные руки тверды. Умирающий самолет еще слушается руки умирающего пилота.

Так вот как закончится сейчас жизнь: не аварией и не пленом подвигом.

Машина Гастелло врезается в "толпу" цистерн и машин -и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны.

Запомним имя героя капитана Николая Францевича Гастелло. Его семья потеряла сына и мужа; семья, Родина приобрели героя...

10 июля 1941 года

Николай Тихонов

Город в броне

По Неве в тумане проходят корабли. Глухо звучат шаги ночного дозора: улицы стали напоминать совсем другие времена. Голос времен, как эхо, живет в пространствах ночи.

Броневик Ильича у Финляндского вокзала в свете бледного прожектора и бронзовый Киров на Новой площади врезаются в самое сердце. И проспект имени Газа говорит о непреклонном комиссаре, улица Ракова - о человеке, прошедшем жизнь, состоявшую из смертельных опасностей, во имя победы народа; проспект Огородникова - о железном путиловском рабочем, беспощадно разившем врагов народа.

Площадь Жертв Революции, молчаливая и пустынная, напоминает о великом долге каждого ленинградца быть на боевом посту в городе, где рождалась революция, бороться за свободу, честь, счастье, за будущее, как боролись они - павшие с оружием в руках, - и не бояться отдать, если нужно, жизнь за то, чтобы этот русский город был всегда русским, свободным, советским городом.

По улицам проходят обозы и пушки, проходят войска. С мужчинами рядом шагают женщины - сестры, жены. Так они пройдут до самого фронта. Фронт недалеко. И тут же под вой разрывов им скажут: довольно, вернитесь. Они ответят: мы остаемся, и останутся дружинницами. Будут выносить раненых и следить, чтобы их оружие было при них.

Город живет по-боевому. У бани женщины заинтересовались

группой бородатых, серьезных людей с загорелыми, обветренными лицами.

- Откуда такие бородачи в наше время, да еще целая куча?

- Подождите, через часок все будем молодыми, - говорят, посмеиваясь, бородачи. Это партизаны пришли помыться, попариться, побриться, отдохнуть в городе.

Вот женщины, много женщин склонилось над шитьем. Почему такие серьезные у них лица, как будто они не шьют, а участвуют в сражении? Они приготовляют теплое белье, теплые вещи для бойцов. Все время открывается дверь, и новые и новые приносят узлы, чемоданы, пакеты с теплыми вещами, которые надо просмотреть, переделать, перешить. Зима на дворе. Наши бойцы ходят в теплой чистой одежде, в фуфайках, перешитых добрыми руками. У этих женщин не у всех родные на фронте, но у них нет деления на своего и твоего. Все фронтовые стали родными, все стали близкими.

На заводах делают боевое оружие, снаряды, на заводах работают на фронт. Со скрежетом разрывается в цехе снаряд. Мгновение замешательства. Раздается тихий, но твердый голос руководителя:

- Товарищи, фронт ждет нашей помощи!

- Люди становятся к станкам. Аварийная команда начинает исправлять повреждения.

А на фронте мастера огня засекают вспышки вражеских орудий, бьющих по городу. Ненавистью пылают сердца артиллеристов. Залп, еще залп - конец разбойничьей батарее. Летят в сторону колеса, головы и руки немецких бандитов, думавших внести замешательство в работу завода.

Пробирается разведка. В ней все ленинградцы. Им знакома каждая дорога в этих местах. Люди сжимают оружие, как самое дорогое. Мстить, мстить врагу за все. За то, что сгорели пригородные чудные уголки, и за то, что убиты родные, истерзаны дети и женщины, за то, что в Пушкине на улице виселицы, и бомбы разбили большую залу Екатерининского дворца, за то, что бронзового позолоченного Самсона, украшение петергофских фонтанов, немцы распилили на части и увезли, за все страдания людей, за все поруганные памятники нашей родной старины, за ночные выстрелы по мирному населению - за все.

Тяжелые наши орудия бьют с фортов. И разбиваются немецкие штабы и танки, батареи и автоколонны. Скоро немецких трупов будет столько, что некогда будет их закапывать.

Высоко в небе, где так не нужна луна, все залившая своим равнодушным светом, скрываются немецкие стервятники. Они бросают бомбы Бомбы падают в каналы, взметывая воду выше

домов. Бомбы ломают деревья, убивают старую ленинградскую слониху в зоопарке, падают на дома. Дома рушатся. Бойца аварийной команды вызывают на место попадания. Он видит, что завалило щель, где укрывались жильцы дома. Он работает без устали, осторожно и умело. Один живой ребенок извлечен из-под груд мусора и земли, второй, третий, четвертый, пятого он передает молча товарищам, и те чувствуют, что руки его ослабели.

- Заработался, устал?

Нет, на его руках лежит его 11-летняя дочь. Ее убили звери, умеющие летать. Начальник команды предлагает ему отдохнуть, прямо сказать - уйти со своим горем. Единственная дочь. Он говорит: нет, он не уйдет! Он будет работать. Его дочь умерла, но есть там, под землей, другие, живые, дети, их надо спасти, их можно спасти и их спасают.

Людей такого города нельзя сделать рабами. На родину нашу упало страшное, невыразимое простыми словами бедствие.

Нам много предстоит тяжелого. Надо пройти через все. Ничто не страшно человеку, стоящему за правду. Мы стоим за правду. В наш человеческий город пропустить зверей нельзя, мы их не пропустим! Их будут истреблять безжалостно, беспощадно. С ними нет другого разговора, как разговор пулей и снарядом, танком и минометом.

Так пусть будет больше орудий, пуль, танков и минометов! Вот почему по улицам маршируют штатские люди с винтовками на плече. Они стали бойцами все до единого. Вот почему праздник мы празднуем за боевой работой. То, что добыто народной кровью и потом, не отдадим врагу. Это все надо защищать до последнего вздоха. Вот почему Ленинград темен и суров. К нему подкрался враг с ножом, чтобы перерезать горло спящему. Но он застал Ленинград бодрствующим. Горе врагу!

Какой веселый гомон бывал в Ленинграде перед Октябрьскими праздниками в мирные времена! Как светились его выпуклые, длинные, круглые огни, как играли их отсветы в каналах и в широкой Неве, сколько народу толпилось перед витринами магазинов! Детвора заполняла его скверы и парки. Долго за полночь проносились шумные трамваи, сияли окна, возвращались из театров и из гостей, встречаясь с ночной сменой идущих на заводы. Молодежь смеялась так заразительно, что самый суровый прохожий начинал невольно улыбаться. Нет, Ленинград не был холодным городом.

Это выдумали от зависти к его большим площадям и широким улицам, к его просторам и к его непрерывной деловой энергии.

Приезжие бегали на Неву в белые ночи, смотрели разведенные мосты с поднятыми, повисшими в небе стенами, любовались прекрасными лунными ночами и зимними морозами, колдовскими сумерками. Он был бесконечным. Трамвай шел по городу часами, и город не кончался. Заставы его -прежние окраины - никто бы из людей десятого года не узнал в сороковом... Так они выросли, сами стали городом, зажили богато и представительно.

Если смотреть на Ленинград с высот Пулковских холмов весенним вечером, то по всему горизонту лежал как бы огненный пояс. Золотая полоса огней с каждым годом все ближе продвигалась к югу, все ширилась и росла.

Теперь мы узнали, каков Ленинград во мраке затемнения. Узнали, как выглядят улицы без огней и без людей ночью. Как не нужна и прямо враждебна луна над городом. Как надо жить, стиснув зубы от великой ненависти к врагу, отказаться от всех мелочей жизни, забыть беспечную суету и взять в руки оружие.

Страна наша стала вооруженным лагерем, Ленинград -ее передовой пост. На посту часовые не спят. И Ленинград стоит, как закованный в броню часовой, и зорко всматривается в туманную ночь, в которой притаился враг, беспощадный, настойчивый, кровожадный.

7 сентября 1941 года

В течение 8 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. На Смоленском направлении двадцатишестидневные бои за г. Ельня под Смоленском закончились разгромом дивизии "СС"Y, 15-й пехотной дивизии, 17-й мотодивизии, 10-й танковой дивизии, 137, 178, 292, 268-й пехотных дивизий противника. Остатки дивизий противника поспешно отходят в западном направлении. Наши войска заняли г. Ельня.

Из сообщения Совинформбюро

8 сентября 1941г.

Владимир Ставский

Ельнинский удар

По обе стороны большака, тут и там, в ложбинах, в кустах, на обратных скатах бугорков и просто у обочины пути высятся штабеля снарядов, горки винтовочных патронов в картонной упаковке. Поодаль, на огневых позициях, видны орудия. В нескошенной ржи, в дубовых кустарниках, в окопах валяются винтовки, автоматы, пулеметы. И по тому, как все это брошено, оставлено, рассеяно, нетрудно понять, какая здесь была паника, в каком животном страхе, забыв обо всем, кроме собственной шкуры, удирали отсюда хваленые дивизии Гитлера.

Да и как им было не удирать! Обратите внимание: позиции противника все в воронках от разрывов наших снарядов.

Все места, где был враг, исклеваны огнем нашей артиллерии. Овраги, канавы, долины у деревень - вернее, у пепелищ населенных пунктов, уничтоженных фашистами, - завалены трупами насильников, топтавших нашу священную землю.

Деревенька за деревенькой. У дворов - колхозники. Радостные возгласы слышны в вечернем воздухе. И тут же -сдавленное рыдание женщин, плач детей над пожарищами.

Все это - и сожженные деревни, и истоптанные вражескими, кованными в двадцать шесть гвоздей сапогами, поля и перелески, - все это свидетельствует о гнусном облике фашизма, все это вопиет о священном возмездии заклятым врагам.

Позади остались высотки. Впереди в котловине расположен город Ельня. Здесь, в Ельнинском районе, свирепствовали гитлеровские банды. Какими словами выразить, какими словами поведать о неслыханных преступлениях фашистских злодеев?! Город Ельня выжжен. По улицам, полным пепла, гари и смрада, ходят бездомные жители.

Красноармейцы собирают трофеи, закапывают вражеские трупы, восстанавливают взорванные мосты. Гром артиллерийской канонады доносится с запада за добрых два десятка километров. Там доблестные части наши продолжают громить врага. Здесь, в освобожденном от гитлеровских бандитов районе, началась новая, полная напряженных трудов и усилий страница жизни. Более полусотни сел и деревень отбито у врага. А Ельня, вся ельнинская округа вошли отныне в историю Великой Отечественной войны как места, где были ожесточенные бои и где наголову разбита крупная армейская группировка противника.

Ельня... Сюда после Смоленска ринулись фашистские орды. Здесь, в этом старинном русском городке, сходились многие пути. Отсюда шли большаки на север, на северо-восток, на восток и юго-восток. Отсюда, из этого узла дорог, гитлеровцы думали развивать наступление - двигаться на Москву и на юг.

Немецкое командование учитывало особый рельеф Ельнинского района. Окруженный высотами, покрытый лесными массивами, изрезанный оврагами, Ельнинский район казался противнику особенно удобным для сосредоточения крупных сил.

Не останавливаясь перед потерями, устлав пути к Ельне трупами и залив кровью своих солдат, фашистское командование добилось захвата Ельнинского района. Это было в июле. С тех пор противник не прошел дальше ни шагу. Советское командование разгадало его замыслы. Оно в полной мере оценило все значение Ельни и ее района, поставив задачу: разгромить здесь врага.

После вдумчивой подготовки и выработки плана действий наши войска перешли в наступление. Удар был рассчитан методично и точно. Нанесен он был неотразимо. В первые же дни оказались разгромленными части 10-й танковой дивизии врага. Наши воины под командованием энергичного и веселого украинца полковника Утвенко растрепали и уничтожили полки 15-й дивизии противника, захватив при этом тяжелые орудия, боеприпасы и пленных. К слову сказать, эти орудия были обращены в сторону врага.

Умело и доблестно действовали части полковника Миронова, командиров Некрасова и Батракова.

Гитлеровцы перешли к обороне. На командных высотах они создали крупные узлы сопротивления, построили окопы, дзоты, проволочные заграждения. В их блиндажах были не только бревенчатые перекрытия, накаты и полутораметровые настилы земли, но и рельсовые перекрытия. Несмотря на все это, враг нес огромные потери от нашего артиллерийского огня.

Я говорил с пленными. Они рассказывали, что советский артиллерийский огонь подавляет их морально, уничтожает в их убежищах и укрытиях.

Однако в эти дни вражеская группировка полностью еще не была разгромлена. Главное командование фашистской армии, придававшее большое значение району Ельни как выгоднейшей позиции для дальнейшего наступления, стремилось любой ценой удержать в своих руках этот район. Оно подтягивало сюда все новые дивизии.

После короткой передышки наши части с новыми силами ринулись на врага. Пехота, артиллерия, танки и авиация действовали согласованно. В первых числах сентября этот натиск особенно усилился. И вражеские дивизии дрогнули под нашими могучими ударами.

В ночь на 5 сентября под покровом темноты, оставив обреченных на смерть автоматчиков и минометчиков для прикрытия, открыв яростный артиллерийский и минометный огонь по нашим частям, захватчики в беспорядке и панике отступили.

В боях под Ельней беззаветную преданность Родине проявили бойцы, командиры и политработники. Воодушевленные высоким чувством советского патриотизма, священной ненавистью к фашизму, они нанесли гитлеровским ордам могучий удар.

9 сентября 1941 года

В течение ночи на 19 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте и особенно ожесточенные под Киевом.

Из сообщения Совинформбюро

19 сентября 1941 г.

Борис Лапин, Захар Хацревин{4}.

Киев в эти дни

- Проезда нет! - говорит постовой. Мы слезаем с грузовика и некоторое время идем вдоль оврага.

Вот он - передний край киевской обороны. За нашей спиной город. Неровная линия башен и крыш. Дорога ведет прямо к немецким позициям. Она желта и светится на солнце. С тех пор как немцы подошли к Ирпеню, по этому участку шоссе никто не ездит.

Немного правее чернеет роща, откуда наблюдают неприятельские "кукушки". Их сейчас не слышно и не видно, однако разнообразные признаки неурочный крик болотной выпи, шумный взлет птиц над верхушками деревьев и подозрительная точность внезапного минного обстрела - доказывают присутствие врага.

С наблюдательного пункта батальона открывается перекопанное поле, кирпичные службы разрушенного немцами совхоза.

Героические защитники Киева сидят в земляных укрытиях. Разрывы мин слышны метрах в семидесяти. Иногда дальше, иногда совсем близко. Сейчас минометный и орудийный огонь довольно силен. Он умолкает неожиданно и сразу. Проходит минут десять, и бойцы понемногу начинают высовываться из щелей.

У немецких обстрелов есть свои приливы и отливы. Впрочем, этому своеобразному расписанию не следует доверяться.

- Тут обычный прием, - говорит лейтенант, вглядываясь через бинокль в серые крыши совхоза. - Создают видимую регулярность, а потом обрушиваются внезапным ударом.

Четверть часа спустя возвращаются разведчики, посланные в рощу. Они захватили шестерых немецких автоматчиков. Один из них, совершенно очумевший от неожиданности, бормочет:

- Русски! Я за русски, - и крайне удивлен, что ему не верят.

Немцев допрашивают, потом усаживают на грузовик, чтобы отвезти в город.

- Наконец увидят Киев, который они так хотели посмотреть, - иронически замечает лейтенант. - Они ведь туристы - эта сволочь. Особенно тот высокий. У него в бумажнике коллекция фотографий. Штук сорок. Развалины улиц и женские трупы. Он побывал уже в пяти странах.

Фашистские автоматчики одичали от многодневных блужданий по лесу. Небритые, с землистыми щеками и

испуганными оловянными глазами. Особенно досталось им на прошлой неделе, когда они попали под жестокий артиллерийский огонь.

Лейтенант показывает нам оборонительные сооружения города. Десятки тысяч горожан в течение двух месяцев работали здесь, копали рвы, сооружали завалы, строили заграждения и блиндажи. Машина движется через пригородный лес медленно, как сквозь джунгли. Вокруг желтые стволы сосен с зарубками для стока смолы, поваленные деревья, ямы, надолбы, противотанковые рвы. На повороте дороги лес кончается, и шоссе входит в город параллельно с линией трамвая.

Прекрасен Киев в сентябрьские дни. На каштанах и липах пробиваются первые желтью листья. Их подожгла осень.

На тротуарах новая киевская толпа - ополченская, в военных гимнастерках. Вы встретите много неожиданного в этом суровом городе, где мостовые перегорожены баррикадами.

Как всегда, многолюден и шумен Крещатик. По утрам его поливают из шлангов, моют и скребут. Только теперь этим занимаются не мужчины, а женщины. Иногда на Крещатике слышен голос радиорупора: "Внимание, говорит штаб местной противовоздушной обороны Киева". Над городом фашистские самолеты, обстреливаемые зенитной артиллерией.

Мы приходим на наблюдательный пункт летчиков, расположенный внутри города, к полковнику Зеленцову. Здесь днем и ночью бдительно следят за вражескими самолетами. Они еще далеко от Киева, когда посты оповещают об их появлении. Динамик на наблюдательной площадке сообщает цифры, указывающие, где находятся самолеты. Спустя минуту звонит телефон: наши истребители вылетели им навстречу.

Много дней немцы охотятся за киевским железнодорожным мостом. Они регулярно бьют по нему из орудий, но повредить его не удалось. "Мост цел, голубчик, по нему открыто движение, он, как острие бритвы - в него не попадешь", - с гордостью говорят киевляне.

Военный закал, патриотическая решимость растут в Киеве с каждым днем.

Начались занятия в школах. Дети учатся прилежно, старательно, но старшеклассников тянет туда, на окраины и пригороды, откуда доносятся глухие удары орудий, где вспыхивает внезапный огонь ночного боя.

- У меня вчера шесть ребят собрались бежать на фронт. Все возбуждены. Один говорит: "Пустите бить фашистов, буду шесть дней воевать, а седьмой учиться", - рассказывала нам учительница истории Анна Федоровна Русова.

Несколько дней назад по Крещатику своим ходом прошел захваченный под Киевом тяжелый немецкий танк. На брюхе танка была нарисована военная эмблема: буйвол с задранным вверх хвостом. Танк этот теперь стоит в городском саду...

Мы проходим по рабочему поселку.

С главной улицы, где дребезжит трамвай, сворачиваем в боковые улочки. Дома деревянные, со скамейками возле калиток. Голые песчаные холмы желтеют сразу за крышами домов. Во всех переулках баррикады, построенные руками местных жителей. Никто не остался в стороне от оборонных работ.

Вот это и есть сегодняшний Киев - суровый, трудовой, яростный, бессмертный советский город. И ополченцы, и санитарки, выносящие раненых, и старые рабочие-арсенальцы, снова приготовившиеся к боям по прошествии двадцати с лишним лет и нацепившие на пояс связки гранат, и пушки, стоящие в глубине дворов, и части Красной Армии, и скверы, и очередь у кассы цирка, - все это наш Киев, героический Киев.

18 сентября 1941 года

Корней Чуковский

Госпиталь No 11

Еще так недавно на этих веселых лужайках кувыркались и барахтались дети. Здесь, под старинными липами, был летний санаторий для школьников.

А теперь по тем же столетним аллеям медленно ковыляют раненые - в длинных халатах, на костылях, с забинтованными головами и руками.

Издали они показались мне такими печальными. Я пришел сюда как друг-писатель, чтобы прочитать им стишок или отрывок из повести, но что я прочту этим "несчастным страдальцам", чем отвлеку их от их тяжелого горя?

Я подошел ближе и с изумлением увидел, что никаких "печальных страдальцев" здесь нет. Загорелые круглые лица, простодушные, чуть-чуть озорные глаза.

Неужели эти улыбающиеся, спокойные, ясноглазые люди только что были в огне самой кровопролитной и беспощадной войны, какой еще не знала мировая история?

С громким крестьянским смехом слушают они носатого гиганта, который, опираясь на два костылька, рассказывает им историю о каком-то "проклятом козле":

- Не отходит, бродяга, от меня ни на шаг. Я в канаву, и он в канаву. Я в огороды, и он в огороды. Что ты будешь делать с проклятым козлом!

Мне объясняют, что этот гигант - минометчик Семен Захарчук, бежавший из фашистского плена. Бежал он два дня и

три ночи, прячась в кустах и оврагах, и все сошло бы отлично, да пристал к нему чей-то козел.

- Я его и палкой, и камнем, а он вроде влюбился в меня...

И Захарчук с неотразимым украинским юмором рассказывает, как он привязал своего спутника к дереву и был счастлив, что может бежать без него, а наутро, проснувшись во ржи, опять увидел над собой его бороду...

Слушатели смеются без удержу, и такой же могучий смех слышится в той толпе, которая обступила садовый бильярд и следит за чемпионатом двух дюжих танкистов, орудующих костылями, как киями.

И уже не смех, а громкий хохот сотрясает ту группу бойцов, которая затеяла игру "бери-кури": между двумя деревьями протянули веревку, а к этой веревке прикрепили на тоненьких ленточках коробки с папиросами "Казбек". Желающий добыть папиросы вооружается ножницами, ему завязывают глаза полотенцем, заставляют покружиться на месте и гогочут как гуси, когда, сбившись с дороги, он режет ножницами не ленту, а воздух.

И я вспоминаю, что здесь же, на этой самой лужайке, месяца два назад, в эту самую игру точно так же играли дети - только вместо папирос были лакомства.

Видно, и вправду у всех мужественных и сильных людей всегда есть в душе что-то детское.

Я расспрашиваю их о боях, в которых они принимали участие. Но, как все истинно бесстрашные люди, они очень неохотно говорят о себе, о своих героических подвигах.

- Ну-ка, сержант Толстяков, расскажи, как ты спас командира! - говорит одному раненому доктор.

Толстяков густо краснеет и машет рукой: стоит ли говорить о таких пустяках! И лишь от его товарищей я узнаю, что, когда одиннадцатого августа немцы окружили его взвод и открыли ураганный пулеметный огонь. Толстяков вместе с другом своим Максименко пошел почти на верную смерть и вывел из немецкого кольца тяжелораненого лейтенанта товарища Аркина.

Во время рассказа он небрежно и равнодушно пожимает плечами, энергично показывая всей своей мимикой, что он не придает своему подвигу никакого значения.

- Вы, - говорит он, - лучше спросите у Миши Ельцова, как он доставил под немецкими выстрелами в свое минометное гнездо десять мин.

Обращаемся к Мише Ельцову, но Миша Ельцов принимает такое же равнодушное выражение лица и даже пренебрежительно выпячивает нижнюю губу, когда какой-то очевидец рассказывает о

его геройском поступке. Когда же мы просим его, чтобы он сам рассказал о себе, он встает и начинает нараспев говорить, словно читая стихи, что все дело не в нем, а в его товарищах, Моргуне и Попкове, которые, найдя его в овраге, перевязали ему правую руку, привели его в чувство и проводили в санитарную часть.

Таков стиль разговора, установленный этим коллективом бойцов, - ни за что не говорить о себе.

Оказывается, гигант Захарчук, изображая козла чуть ли не единственным героем своей эпопеи, был верен этому же суровому стилю. Его боевые товарищи сообщают о нем, что, убегая из плена, он уложил двух или трех часовых, поджег захваченную немцами солому и доставил командованию какие-то важные сведения, но Захарчук об этом -ни гугу!

Мне хотелось расспросить их еще о многом, но тут из города прибыл автобус и привез труппу актеров Малого Академического театра, одного из лучших советских театров. Они приехали "дать раненым спектакль". Бойцы поспешили в клуб, и скоро оттуда послышался знакомый жизнерадостный смех.

Если бы нужно было определить одним словом то чувство, которое выносишь из этого госпиталя, я сказал бы: чувство оптимизма. У этих людей нет ни тени сомнения в том, что они победят. Залечив раны, они, в огромном своем большинстве, снова уйдут на фронт - мужественные, простодушные, несокрушимо-спокойные, сплоченные люди, готовые отдать свою жизнь, чтобы спасти родину и все человечество от тирании озверелого врага.

Сентябрь 1941 года

Михаил Шолохов

По пути к фронту

Вооруженные карандашами, записными книжками и ручными пулеметами, мы едем на автомобиле к линии фронта, обгоняя множество грузовых автомашин, везущих к передовым позициям боеприпасы, продовольствие, красноармейцев.

Все машины искусно замаскированы ветвями берез и елей, и когда смотришь с холма вниз на дорогу, создается впечатление, будто в сказочный поход с востока на запад движутся, переселяясь куда-то, кусты и деревья. В движении - целый лес!

С запада все слышнее доносятся громовые раскаты артиллерийской канонады. Близок фронт, но по-прежнему машут желтыми и красными флажками красноармейцы-регулировщики движения, так же стремительно движется поток грузовых автомашин, а по бокам дороги грохочут гусеницами мощные тракторы-тягачи.

Предупрежденные, что в любой момент можно ожидать

нападения с воздуха, я и мои спутники по очереди ведем наблюдения, стоя на подножке автомобиля, но немецкие самолеты не появляются, и мы без помех продолжаем поездку.

Мне, жителю почти безлесных донских степей, чужда природа Смоленской области. Я с интересом слежу за разворачивающимися пейзажами. По сторонам дороги зеленой стеной стоят сосновые леса. От них веет прохладой и крепким смолистым запахом. Там, в лесной гущине, полутемно даже днем, и что-то зловещее есть в сумеречной тишине, и недоброй кажется мне эта земля, покрытая высокими папоротниками и полусгнившими пнями.

Изредка на поляне, поросшей молодыми березками и осинником, ослепительно вспыхнет под солнцем и промелькнет куст красной рябины, и снова с двух сторон обступают нас леса. А потом в просвете вдруг покажется холмистое поле, вытоптанные войсками рожь или овес, и где-нибудь на склоне черными пятнами выступят обуглившиеся развалины сожженной немцами деревни.

Мы сворачиваем на проселочную дорогу, едем по местности, где всего несколько дней назад были немцы. Сейчас они выбиты отсюда, но все вокруг еще носит следы недавних ожесточенных боев. Земля обезображена воронками от снарядов, мин, авиабомб. Воронок этих множество. Все чаще попадаются пока еще не прибранные трупы людей и лошадей. Сладковато-приторный трупный запах все чаще заставляет задерживать дыхание. Вот неподалеку от дороги лежит вздувшаяся гнедая кобылица и рядом с мертвой матерью - мертвый крохотный жеребенок, успокоенно откинувший пушистую метелку хвоста. И такой трагически ненужной кажется эта маленькая жертва на большом поле войны...

На скате холма - немецкие групповые и одиночные окопы, блиндажи. Они взрыты нашими снарядами. Торчат из-под земли расщепленные бревна накатов, возле брустверов валяются патронные гильзы, пустые консервные банки, каски, бесформенные клочья серо-зеленых немецких мундиров, обломки разбитого оружия и причудливо изогнутые оборванные телефонные провода. Прямым попаданием снаряда уничтожен пулеметный расчет вместе с пулеметом. В дверях сарая неподалеку от окопов видно исковерканное противотанковое орудие. Страшная картина разрушения, причиненного шквалом огня советской артиллерии.

Село, за овладение которым несколько дней шли упорные бои, находится по ту сторону холма. Перед уходом немцы выжгли его дотла. Внизу через небольшую речушку красноармейцы-

саперы возводят мост. Пахнет свежей сосновой стружкой, речным илом. Саперы работают без рубашек. Загорелые спины их лоснятся от пота и блестят на солнце так же, как и свежий тес мостового настила.

Осторожно переезжаем речку по уложенным в ряд бревнам. Грязь по сторонам взмешена гусеницами танков и тракторов. Въезжаем в то, что недавно называлось селом. По сторонам обгорелые развалины домов, торчат одни печные задымленные трубы. Груды кирпича на месте, где недавно были жилища, обгорелая домашняя утварь, осколки разбитой посуды, детская кроватка с покоробившимися от огня металлическими прутьями.

На мрачном фоне пожарища неправдоподобно, кощунственно красиво выглядит единственный, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотистыми лепестками. Он стоит неподалеку от фундамента сгоревшего дома, среди вытоптанной картофельной ботвы. Листья его слегка опалены пламенем пожара, ствол засыпан обломками кирпичей, но он живет! Он упорно живет среди всеобщего разрушения и смерти, и кажется, что подсолнечник, слегка покачивающийся от ветра, - единственное живое создание природы на этом кладбище.

Однако это не так: оставив машину, мы тихо идем по улице и вдруг видим на черной обгорелой стене желтую кошку. Она мирно умывается лапкой. Она ведет себя так, как будто вовсе не являлась свидетельницей страшных событий, лишивших ее и крова, и хозяев. Но, завидев нас, она на секунду неподвижно замирает, а затем, сверкнув, как желтая молния, исчезает в развалинах.

Две одичавшие курицы - две вдовы, оставшиеся без своего петуха и подружек, - не подпустили нас даже на сорок метров. Они мирно добывали себе корм, роясь на вытоптанном огороде, но как только увидели людей в одежде цвета хаки, без крика метнулись в сторону и тотчас исчезли.

- Они по птичьей неопытности не разобрались в форме и приняли нас за немцев, - сказал один из моих спутников - участник недавних боев.

Он рассказал, что немцы в занятых деревнях устраивают настоящую охоту на домашних гусей, уток и кур. Коров и свиней режут в хлевах, а птицу, которую трудно изловить, стреляют из автоматов.

- Эти пеструшки несомненно побывали под огнем, им надо простить их чрезмерную осторожность, - улыбаясь, заключил он свой рассказ.

Удивительно трогательна привязанность у животных и птиц к обжитому месту. В этом же селе мне пришлось видеть

разрушенную немецкими снарядами церковь и стайку голубей, сиротливо вившуюся над развалинами. Они жили, вероятно, на колокольне, но, лишившись приюта, все же не покинули родного места. Небольшая собачонка в одном из переулков поползла нам навстречу, униженно виляя хвостом. У нее не оказалось того, что называется собачьим достоинством, но мужество, необходимое, чтобы одной приходить из леса к родному пепелищу, она сохранила. На окраине села, в конопляник, мы вспугнули стаю воробьев. Это были вовсе не те оживленные, хлопотливо чирикающие воробьи мирного времени, которых мы привыкли видеть прежде. Молчаливые и жалкие, они покружились над сожженным селом, затем вернулись и, нахохлившись, расселись на стеблях конопли.

Впрочем, у местных колхозниц эта тяга к родному месту, на котором прожита жизнь, столь же сильна. Мужчины ушли на фронт, женщины и дети с приходом немцев попрятались в окрестных лесах. Сейчас они вернулись в сожженные деревни и потерянно бродят по развалинам, роются на пожарищах, разыскивая хоть что-либо уцелевшее из домашнего скарба. На ночь они уходят в леса, красноармейцы резервных частей кормят их за счет ротных котлов, дают им хлеба, а днем они снова идут в деревни, как птицы вьются у своих разрушенных гнезд.

В соседней, тоже выжженной деревушке, я видел несколько колхозниц и детей, помогавших матерям разыскивать на пожарищах уцелевшие вещи. Одна из женщин на мой вопрос, как теперь она думает жить, ответила:

- Прогоните проклятых немцев подальше, а за нас не беспокойтесь, заново построимся, сельсовет поможет, кое-как проживем.

Серые от золы и пепла, измученные лица и воспаленные глаза детей и женщин надолго остались в моей памяти, и я невольно думал: "Какой же тупой, дьявольской ненавистью ко всему живому надо обладать, чтобы стирать с лица земли мирные города и деревни, без смысла, без цели подвергать все разрушению и огню".

Мы проехали еще одну деревню, и снова нас окружили леса, затем промелькнули поля с неубранным хлебом, участок отцветшего льна, с сохранившимися кое-где голубенькими цветочками, часовой-красноармеец возле дороги и предостерегающая надпись на столбике, торчащем изо льна: "Поле минировано".

При отступлении немцы минировали дороги, обочины дорог, брошенные автомашины, собственные окопы и даже трупы своих солдат. Наши саперы заняты очисткой от мин взятой территории,

всюду видны их согнутые ищущие фигуры, а пока на минированных участках осторожно, впритирку, разъезжаются машины и повозки, и расставленные кругом часовые внимательно следят, чтобы никто не удалялся в опасных местах от дороги.

Все сильнее нарастает ревущая октава артиллерийского боя, и вот уже можно различить сладостный нашему слуху гром советских тяжелых батарей.

Вскоре мы находимся в расположении одной из частей нашего резерва. Совсем недавно эти люди были в бою, а сейчас около землянки вполголоса наигрывает гармошка, человек двадцать красноармейцев стоят, собравшись в круг, весело смеются, а посредине круга выхаживает молодой коренастый красноармеец. Он лениво шевелит крутыми плечами, и на лопатках его зеленой гимнастерки отчетливо белеют соляные пятна засохшего пота. Задорно похлопывая по голенищам сапог большими ладонями, он говорит своему товарищу, высокому нескладному красноармейцу:

- Выходи, выходи, чего испугался? Ты Рязанской области, а я Орловской. Вот и попробуем, кто кого перепляшет!

Но скоро короткие сумерки затемняют лес, и в лагере устанавливается тишина. Завтра с рассветом нам предстоит поездка в ведущую наступление часть командира Козлова.

Сентябрь 1941 года

Лидия Сейфуллина

Три письма

Что может быть для матери дороже человека, рожденного ею? Какая любовь сильней, глубже и выше материнской? Война с гитлеровской Германией показала, что существует в человеческой жизни еще более самоотверженная любовь. Это - любовь к Родине, к своему народу в целом. На огромном пространстве СССР, в больших городах и самых малых селениях, одним стремлением полна сейчас душа советских матерей. О нем говорят их письма к сыновьям на фронт. Три таких письма лежат передо мной. Первое послала крестьянка Ярина Севастьяновна Барановская. Эта многодетная мать прожила длинную и трудную жизнь. Но старческого слабосилия нет в ней. Спокойное здоровое мужество звучит в ее словах, перед ее мысленным взором проходят лишения и беды прожитых лет и счастье матери, вырастившей крепких, бодрых детей. Вспоминаются ей их младенческие игры, перенесенные ими болезни, торжество и заботы их личной жизни. А теперь они на фронте, в жестокой боевой страде. Чуть дрогнуло сердце, но воспрянуло от другого воспоминания. Высохли выступившие на глазах слезы. Как счастливо жила она в достоинстве своей чистой, честной старости

на хуторе Гоглове, в колхозе имени Сталина. На склоне дней она увидела крепкую зажиточность и довольство своей страны. Но вторгся страшный враг в пределы СССР. Мародеры и насильники несут гибель нашему народу. И рука старой колхозницы крепнет в твердом наказе своим сыновьям:

"Мне, как матери, вырастившей семь сыновей, было жалко расставаться со своими птенцами. Но интересы родины выше всего. Я знаю, что мои сыны ушли защищать счастье советского народа. И это дает мне, как матери, успокоение. Родным сыновьям я наказываю быть достойными своего дяди, моего брата, погибшего во время войны с германцами, быть достойными своего брата Степана Барановского, награжденного медалью "За отвагу", участника боев с белофиннами. Помните, дети, отец ваш до Октября батрачил, ходил по найму и зарабатывал кусок хлеба. Он не мог получить образования даже за один класс. Вы же все получили образование в Советской стране, стали командирами, инженерами, студентами, квалифицированными рабочими. Родина позаботилась о вас, и вам есть за что быть благодарными ей. Убеждена, что вы, сыны, выполните и выполняете свой долг перед родиной, перед партией..."

Из Калининской области, из деревни Бурково Кимрского района доносится на фронт горячий завет другой старой матери:

"Дорогие мои сыновья, Миша и Ваня! Это вам передает привет ваша маманя. Я жива и здорова. Дети мои, Миша и Ваня! Бейте изверга-врага! Сыны мои любимые, бейте его за вашего отца, который погиб в пятнадцатом году. Сыны мои! Будьте такими, как был ваш отец, стойкими и верными своей родине. Буду ждать вас с победой и с наградой.

Ваша маманя".

Над простыми, даже наивными словами этой "мамани" встает волевое лицо матери-патриотки. Глухой ночью или в призрачный час предрассветный не раз просыпалась она в тоске и в страхе за своих детей. Но пламенная стойкая вера в необходимую и обязательно грядущую победу вливала новую бодрость в ее усталое сердце. С предельной нежностью к сыновьям она молит их об одном: будьте беспощадны к врагу! Это сочетанье женственной мягкости с грозным требованием выполнения неуклонного гражданского долга необычайно волнует душу своей святой отвагой.

В Саратове мать Володи Блинова долго искала слова, чтобы письмом своим к его бодрости прибавить свою. И вдохновенное это желание, неожиданно для нее самой, вылилось в стихотворные строчки.

"Сын родной, дорогой!

Ты - один у меня.
Ты на фронте сейчас
Бьешь фашиста-врага.
Будь всегда впереди!
Я тужу лишь о том,
Что нет сил у меня,
Я пошла бы на фронт
Бить фашиста-врага".

Три письма из многих тысяч таких же простых, безыскусственных, неярких словесно, но полных внутренней силы, - как они величавы в глубокой своей сущности! Не пошлет мать своего сына в неправый бой. Его честь для нее дороже собственной своей. Его смерть для матери -неизбывное горе. Подлинно свят тот бой, в который она сама посылает кровного сына, плоть от плоти своей, кость от кости своей. Справедлива, счастлива и победоносна страна, которой матери отдают самую священную свою любовь. Ни одному врагу, какой бы технической мощью он ни обладал, не подмять, не сокрушить, не победить такой страны!

19 сентября 1941 года

В течение 21 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. После многодневных ожесточенных боев наши войска оставили Киев.

Из сообщения Совинформбюро

21 сентября 1941 г.

Илья Эренбург

Киев

Я родился в Киеве на Горбатой улице. Ее тогда звали Институтской. Неистребима привязанность человека к тому месту, где он родился. Я прежде редко вспоминал о Киеве. Теперь он перед моими глазами: сады над Днепром, крутые улицы, липы, веселая толпа на Крещатике.

Киев звали "матерью русских городов". Это - колыбель нашей культуры. Когда предки гитлеровцев еще бродили в лесах, кутаясь в звериные шкуры, по всему миру гремела слава Киева. В Киеве родились понятия права. В Киеве расцвело изумительное искусство - язык Эллады дошел до славян, его не смогла исказить Византия. Теперь гитлеровские выскочки, самозванцы топчут древние камни. По городу Ярослава Мудрого шатаются пьяные эсэсовцы. В школах Киева стоят жеребцы-ефрейторы. В музеях Киева кутят погромщики.

Светлый пышный Киев издавна манил дикарей. Его много раз разоряли. Его жгли. Он воскресал. Давно забыты имена его случайных поработителей, но бессмертно имя Киева.

Здесь были кровью скреплены судьба Украины и судьба России. И теперь горе украинского народа - горе всех советских людей. В избах Сибири и в саклях Кавказа женщины с тоской думают о городе-красавце.

Я был в Киеве этой весной. Я не узнал родного города. На окраинах выросли новые кварталы. Липки стали одним цветущим садом. В университете дети пастухов сжимали циркуль и колбы - перед ними открывался мир, как открываются поля, когда смотришь вниз с крутого берега Днепра.

Настанет день, и мы узнаем изумительную эпопею защитников Киева. Каждый камень будет памятником героям. Ополченцы сражались рядом с красноармейцами, и до последней минуты летели в немецкие танки гранаты, бутылки с горючим. В самом сердце Киева, на углу Крещатика и улицы Шевченко, гранаты впились в немецкую колонну. Настанет день, и мы узнаем, как много сделали для защиты родины защитники Киева. Мы скажем тогда: они проиграли сражение, но они помогли народу выиграть войну.

В 1918 году немцы тоже гарцевали по Крещатику. Их офицеры вешали непокорных и обжирались в паштетных. Вскоре им пришлось убраться восвояси. Я помню, как они убегали по Бибиковскому бульвару. Они унесли свои кости. Их дети, которые снова пришли в Киев, не унесут и костей.

Отомстим за Киев - говорят защитники Ленинграда и Одессы, бойцы у Смоленска, у Новгорода, у Херсона. Ревет осенний ветер. Редеют русские леса. Редеют и немецкие дивизии.

Немцы в Киеве - эта мысль нестерпима. Мы отплатим им за это до конца... Как птица Феникс, Киев восстанет из пепла. Горе кормит ненависть. Ненависть крепит надежду.

27 сентября 1941 года

Федор Панферов

Подарки

Как-то необычайно из Москвы, с ее красивых улиц попасть вот в этот блиндаж - подземное царство. Но здесь, на передовой линии фронта, блиндаж считается самым комфортабельным местом: над тобой березовый в три-четыре яруса потолок, выше над потолком проносятся с воем снаряды, где-то совсем недалеко с треском рвется минометный огонь, строчат пулеметы, а тут, в блиндаже, ты можешь читать, писать, отдыхать. Но все это в какой-то свободный час, а в остальное время не до этого: на передовой линии идет жесточайший бой. Только несколько часов тому назад у немцев-фашистов отбита высота, и майор Шитов, командир полка, решив передохнуть часок-другой, с несколькими бойцами вошел в блиндаж.

Странно, когда он входил через узкую щель в блиндаж, он показался огромным, высоким и широкоплечим, но вот он сел за столик против нас, и мы видим - он маленький, а загорелое, обветренное лицо у него улыбчивое, глаза синие, какие-то детские. Но это тот самый Шитов, который отбил уже не одну высоту у фашистов, тот самый Шитов, за которым постоянно охотятся немцы и которого боятся, хуже чем минометного огня.

Он сел за столик и сразу заговорил:

- Знаете, чего бы я сейчас хотел? Забраться в ванну, затем в чистую постель и спать... недели две-три. Ну, чего нет, того нет.

В эту самую секунду бойцы внесли в блиндаж длинный ящик, и один из них, вытянувшись перед Шитовым, улыбаясь во все лицо, отрапортовал:

- Опять, так сказать, подарки, товарищ майор.

- Ну-у! Интересно. Что же сегодня прислали? - и пока бойцы открывали ящик, Шитов достал из угла прекрасное байковое одеяло, теплое белье и, разложив это на столе, задорно спросил. - Знаете, откуда это чудесное прислали? Э-э-э! Не догадаетесь. С Сахалина. Понимаете, с острова Сахалина. А это вот, - он выдвинул перед нами кульки с сушеными фруктами, - из Ташкента, - и взяв пригоршню, глубоко вдохнув запах фруктов, добавил. - Ох, как пахнет от них солнцем.

Пока Шитов рассказывал нам все это, бойцы открыли ящик. В ящике оказались самые простенькие вещи - карандаши, письменная бумага, конвертики, конфеты, затем платочки, сумочки для табака. По всему было видно, что все это и шили, и укладывали весьма неопытные, но любовные руки: конфеты лежали рядом с табаком, платочки, сумочки расшиты вкось и кривь косые зайчики, цыплятки, петушки.

Бойцы вместе с Шитовым смеются, отыскивая письма или записочки. Но ни письма, ни записки нет. Посмотрели на верхнюю крышку ящика, там и обратного адреса нет.

- Жаль. Видимо, забыли, - с грустью произнес Шитов, взяв сумочку с махоркой. - Ну, закурим махорочки, - сунул руку в сумочку и, что-то еще нащупав там, добавил. - Эх, да тут и бумажка, - но то, что показалось Шитову бумажкой, оказалось запиской. Он вынул ее и прочитал: "Бойцу Красной Армии от Сахновой Нины, ученицы 6-го класса, 14-й средней школы, г. Воронеж. ПОЖЕЛАНИЕ: Желаю вам успешных боев с немецкими фашистами".

- А вот еще, еще, - и боец тоже зачитал записочку: "Приезжайте скорее домой с победой. Ваня Чуркин".

Лица бойцов, майора Шитова на какой-то миг вдруг посуровели, зубы стиснулись: видимо, все в эту секунду

перенеслись на линию огня, и тут же все заулыбались, а из глаз брызнули слезы. Стыдясь, украдкой смахивая с загорелых, обветренных лиц слезы, бойцы громко рассмеялись, а Шитов, разглаживая маленький платочек, тихо произнес:

- Ну, разве можно не драться за такой народ... Вот через несколько часов мы снова идем в бой... и будем бить врага с еще большей любовью к нашему народу...

Через несколько дней мы попали в штаб армии.

Мы вошли в крестьянскую, бревенчатую, с низкими потолками избу и попросили доложить о нас генерал-майору, начальнику штаба Кондратьеву. Когда адъютант, полуоткрыв дверь, докладывал о нас, я увидел: за столом сидит генерал-майор и что-то напряженно пишет. Он на слова адъютанта даже не поднял головы, и мне даже показалось, что мы напрасно зашли в этот час к генерал-майору: начальник штаба занят чем-то весьма серьезным, и нам, пожалуй, лучше удалиться. Но в эту секунду генерал-майор поднял голову, сказал:

- Просите.

Мы вошли. Генерал-майор любезно предложил нам сесть, любезно начал рассказывать про дела на фронте, но все равно по всему было видно, что рассказывает он как-то между прочим, улыбается как-то между прочим, что мысли его заняты чем-то совсем другим... и, может быть, поэтому мой взор невольно упал на ложку. Да. Да. На самую простую, столовую, алюминиевую ложку. Она лежала на столе, рядом с недоконченным письмом.

- Что это за ложка у вас? - спросил я.

Генерал-майор вдруг весь ожил, преобразился и, взяв ложку, показывая ее нам, взволнованно произнес:

- Понимаете ли, старушка... восьмидесяти двух лет... из Иркутска. Вон откуда. Тысяч семь километров будет.

Прислала мне сегодня вот эту ложку и письмецо: "Сынок! Кушай моей ложкой, накапливай сил и беспощадней колоти фашиста и помни, я всем своим сердцем, всей своей душой с тобой". И вот, понимаете ли, я выбрал свободную минутку и пишу ей... Понимаете?

Так взволновала меня эта ложка. Как говорят, не дорог подарок, а дорога любовь. Понимаете?

Да, мы вполне понимали генерал-майора, начальника штаба армии.

4 октября 1941 года

Михаил Шолохов

Люди Красной Армии

Генерал Козлов прощается с нами и уезжает в одну из частей, чтобы на поле боя следить за ходом наступления. Мы желаем ему

успеха, но и без нашего пожелания кажется совершенно очевидным, что военная удача не повернется спиной к этому генералу-крестьянину, осмотрительному и опытному, по-крестьянски хитрому и по-солдатски упорному в достижении намеченной цели.

Выхожу из землянки. До начала нашей артподготовки остается пятнадцать минут. Меня знакомят с младшим лейтенантом Наумовым, только что прибывшим с передовых позиций. Ему пришлось ползти с полкилометра под неприятельским огнем. На рукавах его гимнастерки, на груди, на коленях видны ярко-зеленые пятна раздавленной травы, но пыль он успел стряхнуть и сейчас стоит передо мной улыбающийся и спокойный, по-военному подобранный и ловкий. Ему двадцать семь лет. Два года назад он был учителем средней школы. В боях с первого дня войны. У него круглое лицо, покрытые золотистым юношеским пушком щеки, серые добрые глаза и выгоревшие на солнце белесые брови. С губ его все время не сходит застенчивая, милая улыбка. Я ловлю себя на мысли о том, что этого скромного, молодого учителя, наверное, очень любили школьники и что теперь, должно быть, так же любят красноармейцы, которым он старательно объясняет военные задачи, видимо, так же старательно, как два года назад объяснял ученикам задачи арифметические. С удивлением я замечаю, что в коротко остриженных белокурых волосах молодого лейтенанта, там, где не покрывает их каска, щедро поблескивает седина. Спрашиваю, не война ли наградила его преждевременной сединой? Он улыбается и говорит, что в армию пришел поседевшим и теперь никакие переживания уже не смогут изменить цвета его волос.

Мы садимся на насыпь блиндажа. Разговор у нас не клеится. Мой собеседник скупо говорит о себе и оживляется только тогда, когда разговор касается его товарищей. С восхищением говорит он о своем недавно погибшем друге лейтенанте Анашкине. Время от времени он прерывает речь, прислушиваясь к выстрелам наших орудий и к разрывам немецких снарядов, ложащихся где-то в стороне и сзади территории штаба. Прошу его рассказать что-либо о себе. Он морщится, неохотно говорит:

- Собственно про себя мне рассказывать нечего. Наша противотанковая батарея действует хорошо. Много мы покалечили немецких танков. Я делаю то, что все делают, а вот Анашкин - это действительно был парень! Под деревней Лучки ночью пошли мы в наступление. С рассветом обнаружили против себя пять немецких танков. Четыре бегают по полю, пятый стоит без горючего. Начали огонь. Подбили все пять танков. Немцы ведут сильный минометный огонь. Подавить их огневые точки не

удается. Пехота наша залегла. Тогда Анашкин и разведчик Шкалев ползком незамеченные добрались до одного немецкого танка, влезли в него. Осмотрелся Анашкин - видит немецкую минометную батарею. 76-миллиметровое орудие на танке в исправности, снарядов достаточно. Повернул он немецкую пушку против немцев и расстрелял минометную батарею, а потом начал расстреливать немецкую пехоту. Погиб Анашкин вместе с орудийным расчетом, меняя огневую позицию.

Серые глаза моего собеседника потемнели, слегка дрогнули губы. И еще раз во время разговора заметил я волнение на его лице: неосторожно спросив о том, как часто получает он письма от своей семьи, я снова увидел потемневшие глаза и дрогнувшие губы.

- За последние три недели я послал жене шесть писем. Ответа не получил, - сказал он и, смущенно улыбнувшись, попросил. - Не сможете ли вы, когда вернетесь в Москву, сообщить жене, что у меня здесь все в порядке и чтобы она написала мне по новому адресу? Наша часть сейчас переменила номер почтового ящика, может быть, поэтому я и не получаю писем.

Я с удовольствием согласился выполнить это поручение. Вскоре наш разговор был прерван начавшейся артподготовкой. Грохот наших батарей сотрясал землю. Отдельные выстрелы и залпы слились в сплошной гул. Немцы усилили ответный огонь, и разрывы тяжелых снарядов стали заметно приближаться. Мы сошли в блиндаж, а когда через несколько минут снова вышли на поверхность, я увидел, что саперы, строившие укрытие, не прекращали работы. Один из них, пожилой, с торчащими, как у кота, рыжими усами, деловито осматривал огромную сваленную сосну, постукивая по стволу топором, остальные дружно работали кирками и лопатами, и на глазах рос огромный холм ярко-желтой глины.

- Не хотите ли поговорить с одним из наших лучших разведчиков? Он только сегодня утром пришел из немецкого тыла, принес важные сведения. Вон он лежит под сосной, - обратился ко мне один из командиров, кивком головы указывая на лежавшего неподалеку красноармейца. Я охотно изъявил согласие, и командир сквозь гул артиллерийской канонады громко крикнул:

-Товарищ Белов!

Быстрым, неуловимо мягким движением разведчик встал на ноги, пошел к нам, на ходу оправляя гимнастерку.

Внезапно наступила тишина. Командир посмотрел на часы, вздохнул и сказал:

- Теперь наши пошли в атаку.

Было что-то звериное в движениях, в скользящей походке разведчика Белова. Я обратил внимание на то, что под ногой его не хрустнул ни один сучок, а шел он по земле, захламленной сосновыми ветками и сучьями, но шел так бесшумно, будто ступал по песку. И только потом, когда я узнал, что он - уроженец одной из деревень близ Мурома, исстари славящегося дремучими лесами, мне стала понятна его сноровистость в ходьбе по лесу и мягкая поступь охотника-зверовика.

В разговоре с разведчиком повторилось то же, что и с младшим лейтенантом Наумовым: разведчик неохотно говорил о себе, зато с восторгом рассказывал о своих боевых товарищах. Воистину, скромность - неотъемлемое качество всех героев, бесстрашно сражающихся за свою Родину.

Разведчик внимательно рассматривает меня коричневыми острыми глазами, улыбаясь, говорит:

- Первый раз вижу живого писателя. Читал ваши книги, видел портреты разных писателей, а вот живого писателя вижу впервые.

Я с не меньшим интересом смотрю на человека, шестнадцать раз ходившего в тыл к немцам, ежедневно рискующего жизнью, безупречно смелого и находчивого. Представителя этой военной профессии я тоже встречаю впервые.

Он сутуловат и длиннорук. Улыбается редко, но как-то по-детски - всем лицом, и тогда становятся видны его редкие белые зубы. Шоколадные глаза его часто щурятся. Словно ночная птица, он боится дневного света, прикрывая глаза густыми ресницами. Ночью он, наверное, видит превосходно. Внимание мое привлекают его ладони: они сплошь покрыты свежими и зарубцевавшимися ссадинами. Догадываюсь - это от того, что ему много приходится ползать по земле. Рубашка и брюки разведчика грязны, покрыты пятнами, но эта естественная камуфляция столь хороша, что, ляг разведчик в блеклой осенней траве, и его не разглядишь в пяти шагах от себя. Он неторопливо рассказывает, время от времени перекусывая крепкими зубами сорванный стебелек травы.

- Вначале я был пулеметчиком. Взвод наш отрезали немцы. Куда ни сунемся - всюду они. Мой друг-пулеметчик вызвался в разведку. Я пошел с ним. Подползли к шоссе, залегли у моста. Долго лежали. Немецкие грузовые машины идут. Мы их считаем, записываем, что они везут. Потом подошла легковая машина и стала около моста. Немецкий офицер вышел из нее, высокий такой, в фуражке. Включился в полевой телефон, лег под машину, что-то говорит. Два солдата стоят около него. Шофер сидит за рулем. Мой товарищ лихой парень - подмигнул мне и достал гранату. Я тоже достал гранату. Приподнялись и метнули две

сразу. Всех четверых немцев уничтожили, машину испортили. Бросились мы к убитым, сорвали с офицера полевую сумку, карту взяли с какими-то отметками, часть оружия успели взять, и тут, слышим, трещит мотоцикл. Мы снова залегли в канаве. Как только мотоциклист сбавил ход возле разбитой машины, мы кинули вторую гранату. Мотоциклиста убило, а мотоцикл перевернулся два раза и заглох. Подбежал я, смотрю, мотоцикл-то целехонький. Мой дружок -очень геройский парень, а на мотоцикле ездить не умеет. Я тоже не умею, а бросать его жалко. Взяли мы его за руль и повели, - разведчик улыбается, говорит:

- Руки он мне, проклятый, оттянул, пока я его по лесу вел, а все же довели мы его до своих. На другой день прорвались из окружения и мотоцикл прикатили. Теперь на нем наш связист скачет, аж пыль идет! Вот с этого дня мне и понравилось ходить в разведку. Попросил я командира роты, он и отчислил меня в разведчики. Много раз я к немцам в гости ходил. Где идешь, где на брюхе ползешь, а иной раз лежишь несколько часов и шевельнуться нельзя. Такое наше занятие. Все больше ночью ходим, ищем, вынюхиваем, где у немцев склады боеприпасов, радиостанции, аэродромы и прочее хозяйство.

Прошу его рассказать о последнем визите к немцам. Он говорит:

- Ничего, товарищ писатель, нет интересного. Пошли мы позавчера ночью целым взводом. Проползли через немецкие окопы. Одного немца тихо прикололи, чтобы он шуму не наделал. Потом долго шли лесом. Приказ нам был рвануть один мост, построенный недавно немцами. Это километров сорок в тылу у них. Ну, еще кое-что надо было узнать. Отошли за ночь восемнадцать километров, меня взводный послал обратно с пакетом. Шел я лесной тропинкой, вдруг вижу свежий конский след. Нагнулся, вижу -подковы не наши, немецкие. Потом людские следы пошли. Четверо шли за лошадью. Один хромой на правую ногу. Проходили недавно. Догнал я их, долго шел сзади, а потом обошел стороной неподалеку и направился своим путем. Мог бы я их перестрелять всех, но мне с ними в драку ввязываться нельзя было. У меня пакет на руках и рисковать этим пакетом я не имел права. Дождался ночи возле немецких окопов и к утру переполз на свою сторону. Вот и все.

Некоторое время он молчит, щурит глаза и задумчиво вертит в руках сухую травинку, а потом, словно отвечая на собственные мысли, говорит:

- Я так думаю, товарищ писатель, что побьем мы немцев. Трудно наш народ рассердить, и пока он еще не рассердился по-настоящему, а вот как только рассердится, как полагается, худо

будет немцам. Задавим мы их!

По пути к машине мы догоняем раненого красноармейца. Он тихо бредет к санитарной автомашине, изредка покачивается, как пьяный. Голова его забинтована, но сквозь бинт густо проступила кровь. Отвороты и полы шинели, даже сапоги его в потеках засохшей крови. Руки в крови по локти, и лицо белеет той известковой, прозрачной белизной, какая приходит к человеку, потерявшему много крови.

Предлагаем ему помочь дойти до машины, но он отклоняет нашу помощь, говорит, что дойдет сам. Спрашиваем, когда он ранен. Отвечает, что час назад. Голова его забинтована по самые глазницы, и он, отвечая, высоко поднимает голову, чтобы рассмотреть того, кто с ним говорит.

- Осколком мины ранило. Каска спасла, а то бы голову на черепки побило, - тихо говорит он и даже пробует улыбнуться обескровленными синеватыми губами. - Каску осколок пробил, схватился я руками за голову кровь густо пошла. - Он внимательно рассматривает свои руки, еще тише говорит: - Винтовку, патроны и две гранаты отдал товарищу, кое-как дополз до перевязочного пункта. - И вдруг его голос крепнет, становится громче. Повернувшись на запад, откуда доносятся взрывы мин и трескотня пулеметов, он твердо говорит: - Я еще вернусь туда Вот подлечат меня, и я вернусь в свою часть. Я с немцами еще посчитаюсь!

Голова его высоко поднята, глаза блестят из-под повязки, и простые слова звучат торжественно, как клятва.

Мы идем по лесу. На земле лежат багряные листья -первые признаки наступающей осени. Они похожи на кровяные пятна, эти листья, и краснеют, как раны на земле моей Родины, оскверненной немецкими захватчиками.

Один из товарищей вполголоса говорит: - Какие люди есть в Красной Армии! Вот недавно погиб смертью героя майор Войцеховский. Неподалеку отсюда, находясь на чердаке одного здания, он корректировал огонь нашей артиллерии. Шестнадцать немецких танков ворвались в село и остановились вблизи здания, где находился майор Войцеховский. Не колеблясь, он передал по телефону артиллеристам: "Немедленно огонь по мне! Здесь немецкие танки". Он настоял на этом. Все шестнадцать танков были уничтожены, угроза прорыва нашей обороны была предотвращена, погиб и Войцеховский.

Дальше идем молча. Каждый из нас думает о своем, но все мы покидаем этот лес с одной твердой верой: какие бы тяжкие испытания ни пришлось перенести Родине - она непобедима. Непобедима потому, что на защиту ее встали миллионы простых,

скромных и мужественных сынов, не щадящих в борьбе с коричневым врагом ни крови, ни самой жизни.

8 октября 1941 года

В течение 18 октября продолжались упорные бои с противником на всем фронте. Особенно ожесточенные бои шли на Западном направлении фронта, где наши части отбили несколько атак немецко-фашистских войск.

Из сообщения Совинформбюро

18 октября 1941 г.

Алексей Толстой

Только победа и жизнь!

Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины - нашей Москвы, - гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле.

Встанем стеной против смертельного врага. Он голоден и жаден. Сегодня он решился напасть на нас и пошел на нас... Это не война, как бывало, когда война завершалась мирным договором, торжеством для одних и стыдом для других. Это завоевание такое же, как на заре истории, когда германские орды под предводительством царя гуннов Атиллы двигались на запад - в Европу для захвата земель и истребления всего живого на них.

В этой войне мирного завершения не будет. Социалистическая Россия и фашистская Германия бьются насмерть, и весь мир внимает гигантской битве, не прекращающейся уже более ста дней.

Враг нас теснит. Над Москвой нависла угроза. Враг собрал оружие со всей покоренной Европы. У него пока еще больше танков. В эту битву он бросил все, что мог, и большего усилия, чем в эти дни октября, он повторить уже не сможет. Его тыл - как дупло гнилого дерева. Остановленный в эти дни, он именно сейчас, захлебнувшийся в своем наступлении, перейдет к обороне и изнеможет...

Наша задача в том, чтобы остановить гитлеровские армии перед Москвой. Тогда великая битва будет выиграна. Силы наши растут. День и ночь наши танки во все увеличивающемся количестве готовятся на машиностроительных заводах Союза. Заводы Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Брянска, Киева эвакуированы в глубь страны.

Настанет час, когда мы перейдем к решающей фазе войны наступательному удару по германскому фронту. Но чтобы перейти к этой фазе войны, нужно сейчас и немедленно остановить врага.

Ленинград нашел в себе величие духа. Ленинград сурово, организованно и твердо принял на себя чудовищный удар

фашистских танковых и пехотных корпусов. Ленинградцы, красноармейцы, балтийские моряки отбросили их и жестко приостановили наступление.

На днях один из моих друзей прислал открытку из Ленинграда: "...настроение у нас бодрое, работаем. На кафедре у меня сквозняки, дырки в стенах. Лекции читаю. Оперирую. Вечером прихожу к сыну, приношу котлеты, кусок хлебе, вареной картошки; мы сидим в темноте в Военно-медицинской академии и смотрим в окно на черную Неву, на силуэты домов, на зарево по горизонту. Верим в скорую победу..."

Одесса остановила наступление вчетверо превосходящей по численности вражеской армии. Защитники Одессы оттянули большие силы врага, уложили на подступах к городу многие тысячи фашистских молодчиков.

Ленинград с честью выполняет свой долг перед Родиной - на подступах к нему враг захлебнулся в крови. Жребий славы и величия духа выпал теперь на Москву.

Мы, русские, часто были благодушны и беспечны. Много у нас в запасе сил и таланта, и земли, и нетронутых богатств. Не во всю силу понимали размер грозной опасности, надвигающейся на нас. Казалось, так и положено, чтобы русское солнце ясно светило над русской землей...

Черная тень легла на нашу землю. Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости - все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?

Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!

На днях я был на одном из авиационных заводов, где делают штурмовики, которых фашисты называют "черная смерть". Они были сконструированы незадолго до войны. Их конструкция и вооружение улучшаются в процессе производства. Потери наших металлургических заводов не замедляют выпуска "черной смерти", он увеличивается с каждым днем: нехватка каких-либо материалов немедленно заменяется иными, местными

материалами. Здесь, на заводе, неустанное творчество: инженеры, начальники цехов, мастера, рабочие изобретают, приспособляют, выдумывают... И тут же за воротами, на аэродроме, новые и новые грозные птицы, созданные творчеством русского народа, поднимаются в воздух и с тугим звуком натянутой струны улетают на запад - в бой...

На всех наших заводах идет та же напряженная творческая, изобретательская работа. Место уходящих на фронт занимают женщины и молодежь. Перебоев нет, темпы растут. Те, от кого зависит выполнение и перевыполнение ежедневного плана, или же те, кто на ходу перестраивает производство, работают по трое или по четверо суток, не выходя из цехов. У них потемневшие от усталости лица, усталые глаза ясны и спокойны. Они знают, что еще много-много дней не будет сна и отдыха, они понимают, что в этой войне русский гений схватился на жизнь и смерть с гигантской фашистской машиной войны и русский гений одержит победу.

Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла - только так! Ни шагу назад! Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить гитлеровские полчища!

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали,
И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали...

Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся - в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны.

Бессмертна слава погибших за Родину. Бессмертную славу завоюют себе живущие.

18 октября 1941 года

Всеволод Иванов

Сила юности

Я стоял на берегу широкой многоводной реки, под солнцем быть может более ярким, чем в Москве, но, несомненно, менее теплым, хотя бы и потому, что здесь я более чем где-либо предавался воспоминаниям, а воспоминания в дни войны редко согревают. Вокруг меня лежал большой город, дымились фабрики, кричали автомобили, по реке шли пароходы, от города отходили поезда с войсками и орудиями на запад. Я много, много лет не был в этом городе, который теперь переменил не только

очертания своих улиц, застроился новыми домами, но и изменил свое название. Раньше этот город назывался Самара. Тогда, когда я в нем был, это имя звучало чем-то степным, татарским, - и разве эти три переливающиеся буквы "а" не кажутся ли какими-то разрозненными воплями, криками в темноте ночи? Стремление воскресить древнее имя - как много в этом юношеского! Я смотрю на этот город, на реку, и мне кажется, что я перелистываю те книги о гражданской войне, о своей юности, которые я написал, и мне думается, что я существую не только как автор, давший название книгам, но что я вновь шагнул в главы уже напечатанных и, возможно, истлевших книг, и этим шагом воскресил свою юность, чтобы вместе с ней встать на берегу таинственной и медленной реки Волги.

Я приехал сюда из Москвы. Надолго ли? Не знаю. Но, даже если и на один день, все равно это так же грустно, как и на пять лет. Со мной приехало много знакомых. И они постоянно прибывают, на поездах, на пароходах. Повесть поездки очень коротка и, в сущности, одинакова у всех: "штатскому", если можно говорить о штатских в наше время, незачем стоять возле окопов, он должен работать в относительном спокойствии, а следовательно, он должен отойти. Правда, приказание это выполнялось не с точностью часового механизма и случалось так, что кассир, шедший с деньгами из банка в свою кассу, привез эти деньги в Куйбышев, а человек, который должен был получить деньги, которые ему нес кассир, оказывался в Казани или Саратове, но кто осмелится сетовать на войну и некоторое невнимание к "штатским", когда все мысли об армии, о победе, о необходимости победы, о неизбежности нашей победы!

Сетовать не нужно, но удержаться от грусти очень трудно, да, наверное, и не стоит удерживаться. И мы сами, и потомки наши вряд ли простили бы себе развязность и легкомыслие, если б они существовали в эти дни. Признаюсь, за свою поездку из Москвы в Куйбышев я видел много грусти на лицах уезжавших. Но навстречу нашим эшелонам шли поезда с войсками на запад. И стоило только запомнить то выражение, которое появлялось на этих грустных лицах, когда они смотрели на войска, чтобы с восхищением и громаднейшим уважением думать о русской грусти. Вы понимали, что перед вами грусть расставания, а не грусть смерти и тления. И мне думается, что у нас есть все основания гордиться этой грустью, потому что многоводная, многонародная река времени смоет эту грусть и смоет не забвением, а утверждением ее, потому что это грусть неизбежная и необходимая, грусть терпения и веры в свой народ.

Мы шли медленно. Мы уступали дорогу многочисленным

войскам, орудиям и автомобилям, тесно заполнившим все платформы. И едва ли какой пешеход на улице уступает дорогу знаменитому ученому или артисту с большим уважением и почтением, чем делали это мы, когда поезд наш останавливался на крошечных разъездах, среди снегов и дубов, с которых еще не успели отлететь зеленые листья, так как зима нынче очень ранняя. Иногда я заходил в вагон к красноармейцам. На стенах я видел плакаты, написанную от руки газету, которую составляли сами красноармейцы. Здесь были призывы - бить немца так, чтобы он на века запомнил наши равнины и никогда более не появлялся на них! В конце номера газеты встречались карикатуры на врага, нарисованные рукой если не искусной, то во всяком случае достаточно сердитой. Почти каждая газета торопила железнодорожников, а одна прямо говорила: "Мы ждали этого случая четыре месяца, просились - везите же скорее, товарищи".

Я разговорился с этими людьми, которые три месяца уже просятся на фронт. Это артиллеристы из Сибири, коренастые, не очень высокие ростом, но крепости, несомненно, неистребимой. Они, видимо, знают, куда их направили, они будут биться, как должно биться сибирякам, привыкшим и к битвам и к непогодам. Но у них есть мечта, и один из авторов газеты говорит мне:

- Как только побьем немца на своем участке, попросимся поближе к Москве. Лапу ему отрубить очень хочется.

Принимая во внимание, что "лапой" в Сибири называются сучья на деревьях, желание сибиряков показалось мне и красивым, и скромным, и достаточно убедительным. Они с суеверием охотников не кричали, что свалят все немецко-фашистское древо, но, надеясь на свои силы, верили, что отрубят лапы, протянувшиеся к Москве, а коль у дерева обрублены все сучья, дереву недолго ждать, когда буря повалит его или иссушит время.

Стоило также посмотреть и на то, как встречались заводы, уходящие в тыл, с войсками, идущими на фронт. Право, грусть на лицах моих спутников приобретала то поразительно прекрасное выражение, которое, несомненно, передаст будущий художник этой удивительной и страстной войны. На одной линии рельс стояли орудия, на другой - станки, те станки, которые делали эти орудия. Почти в течение всех пяти дней, когда мы ехали, шел мокрый и тяжелый снег. Он закрывал брезенты, наброшенные на станки, вагоны, пути белой и ровной полосой. И все же словно фразы, накиданные поспешным журналистом, сквозь снег протаивали станки, сбрасывая с себя пелену, и тогда казалось, что они говорят, обращаясь к орудиям: "Ничего, сынки, не беспокойтесь, скоро к вам еще новых братьев пришлю".

Рабочие рассказывали красноармейцам, что и какие заводы вывезены, и почти неизбежно мы слышали один вопрос из уст военных:

- А в какой срок возобновите работу?

Рабочие называли срок. И можно быть уверенным, что эти простые слова обещания будут так же свято выполнены, как клятва. Да и не были разве клятвой эти встречи под мокрым небом, этот беглый разговор, когда раздаются один за другим звонки и два эшелона идут в противоположные стороны, но наполненные одним стремлением, одной жаждой - победы, победы, победы!

Куйбышев - город очень большой, но в нем сейчас, естественно, нет для всех квартир, а еще менее тут ресторанов, потому что жители города не привыкли ходить в рестораны, а стряпали все дома, как и в любом провинциальном городе. Много людей, приехавших в Куйбышев, естественно, не имея квартир, не имеют и кухонь и, также естественно, стремятся в рестораны, которые поэтому похожи на театральный разъезд. Здесь встретишь всех, кого ты хочешь или не хочешь встретить, и здесь услышишь так много, что, будь все посетители ресторана журналистами, они чрезвычайно благодарили бы судьбу за эту толкотню. И вот среди разговоров, которые мне довелось услышать, я слышал много разговоров о том, как оживают и как становятся на ноги, и как начинают работать те станки, которые обгоняли нас, стремясь на восток к работе, к своим обязанностям. Например, рабочих и инженеров поселят в дома. Они покидают их, чтобы в дома эти поставить станки, и сами переходят в землянки. Уже работающий много лет завод вдруг принимает в себя три или даже четыре завода, и рабочие этих заводов теснятся в своих домах, чтобы принять друзей с Украины, друзей, которых они до того никогда не видали и не слыхали.

Года через два-три мне будет пятьдесят лет. Возможно, при упорстве, терпении и вере народа, среди которого я живу и который я люблю страстно, из этой войны я выйду дряхлым стариком, потому что этот народ не сложит оружия, а наоборот, будет создавать его беспрерывно и неустанно. И появление моей старости, -если, конечно, ее не прервет вражеская пуля, как не может казаться странным, является для меня отрадной мыслью. Наблюдая все, что вокруг тебя делается, ты, действительно, вдруг начинаешь понимать, что ты вновь попал на страницы твоих юных книг, разве что переставились заголовки и вдобавок, что старости и дряхлости не существует, пока существует твоя Родина.

Немцы, как представляется мне, боясь приближающихся зимних холодов, надели на себя для тепла несколько шуб. Каких

только нет тут покроев! Тут и югославский тулуп, и польский кунтуш, и чешская телогрейка, и модное парижское пальто, где меху как раз настолько, чтобы прикрыть уши, тут и норвежский меховой плащ, тут и тулуп украинского мужика. Но, уверяю вас, я родом из Сибири и превосходно знаю морозы, - чем больше шуб на плечах, тем труднее идти и тем легче сбиться с дороги. Тут уж не до того будет, чтобы обозревать и защищать свои "жизненные пространства", тут только бы не попасть в то пространство, которое называется пастью льва.

Нельзя при вспышке магния перейти площадь! Магний потухнет, и тьма охватит тебя еще сильней, и эта тьма, -в особенности, если ты несправедлив, груб и жесток, что мы утверждаем о нашем враге и что подтверждает настоящее, и что с еще большими подробностями подтвердит будущее, - охватит тебя и ты уйдешь в тьму!

Вот так думали мы в юности и так думаем сейчас, когда стоим на берегу большой, таинственной и сильной реки Волги. Возраста - нет. Есть - сила. Эта сила простерлась сейчас от Москвы до степей крайней Азии, и это все сила юности, сила победы, разрешите мне утверждать это, как очевидцу тех дней, которые и сейчас, и позже встанут над землей как символ человеческой воли, терпения и справедливости.

В течение 28 октября наши войска вели бои с противником на Можайском, Малоярославецком, Волоколамском и Харьковском направлениях. Атаки немецко-фашистских войск на наши позиции на ряде участков Западного фронта отбиты частями Красной Армии с большими потерями для врага.

Из сообщения Совинформбюро

28 октября 1941 г.

Илья Эренбург

Мы выстоим!

Еще недавно я ехал по Можайскому шоссе. Голубоглазая девочка пасла гусей и пела взрослую песню о чужой любви. Там теперь говорят орудия. Они говорят о ярости мирного народа, который защищает Москву.

Еще недавно я писал в моей комнате. Над моим столом висел пейзаж Марке: Париж, Сена. В окно, золотая, розовая, виднелась Москва. Этой комнаты больше нет: ее снесла немецкая фугаска. Я пишу эти строки впопыхах: пишущая машинка на ящике.

Большая беда стряслась над миром. Я понял это в августе 1939 года, когда беспечный Париж вдруг загудел, как развороченный улей. Каждому народу, каждому честному человеку суждено в этой беде потерять уют, добро, покой. Мы многое потеряли, мы сохранили надежду.

Надевая солдатскую шинель, человек оставляет теплую, сложную жизнь. Все, что его волновало вчера, становится призрачным. Неужели он вчера гадал, какой покрышкой обить кресло, или горевал о разбитой чашке? Россия теперь в солдатской шинели. Она трясется на грузовиках, шагает по дорогам, громыхает на телегах, спит в блиндажах и теплушках. Здесь не о чем жалеть! Погиб Днепрогэс, взорваны прекрасные заводы, мосты, плотины. Вражеские бомбы зажгли древний Новгород. Они терзают изумительные дворцы Ленинграда. Они ранят нежное тело красавицы Москвы. Миллионы людей остались без крова. Ради права дышать мы отказались от самого дорогого, каждый из нас и все мы, народ.

Москва теперь превратилась в военный лагерь. Она может защищаться, как крепость. Она получила высокое право рисковать собой. Я видел защитников Москвы. Они хорошо дерутся. Земля становится вязкой, когда позади тебя Москва, нельзя отступить хотя бы на шаг. Враг торопится. Он шлет новые дивизии. Он говорит каждый день: "Завтра Москва будет немецкой". Но Москва хочет быть русской.

Что ищет Гитлер, врезаясь в тайники нашей страны? Может быть, он надеется на капитуляцию? У нас есть злые старики, у нас нет петенов, и воры у нас есть, но нет у нас лавалей. Россия, прошедшая по дорогам, вдвойне страшнее России оседлой. Горе нашего народа обратится на врага.

Я ничего не хочу приукрашивать. Русский никогда не отличался методичностью немцев. Но вот в эти грозные часы люди, порой бесшабашные, порой рыхлые, сжимаются, твердеют. Наши железнодорожники показали себя героями: под бомбами они вывозили из городов заводы и склады.

За Волгой, на Урале уже работают эвакуированные цехи. Ночью устанавливают машины. Рабочие зачастую спят в морозных теплушках и, отогревшись у костра, начинают работу. В авиашколах учатся юноши, но через несколько месяцев они заменят погибших героев. В глубоком тылу формируется новая мощная армия. Народ понял, что эта война - надолго, что впереди годы испытаний. Народ помрачнел, но не поддался. Он готов к кочевью, к пещерной жизни, к самым страшным лишениям. Война сейчас меняет свою природу, она становится длинной, как жизнь, она становится эпопеей народа. Теперь все поняли, что дело идет о судьбе России - быть России или не быть. "Долго будем воевать!" - говорят красноармейцы, уходя на запад. И в этих горьких словах - большое мужество, надежда.

Нельзя оккупировать Россию, этого не было и не будет. Россия всегда засасывала врагов. Русский обычно беззлобен,

гостеприимен. Но он умеет быть злым. Он умеет мстить, и в месть он вносит смекалку, даже хозяйственность. Мы знаем, что немцев теперь убивают под Москвой, но немцы, знают, что их убивают и за Киевом. Слов нет, Гудериан умеет маневрировать, но и ему не усмирить крестьян от Новгорода до Таганрога. Германская армия продвигается вперед, но позади она оставляет десятки, сотни фронтов.

Россия - особая страна. Трудно ее понять на Вильгельмштрассе. Россия может от всего отказаться. Люди у нас привыкли к суровой жизни. Может быть, за границей стройка Магнитки и выглядела, как картинка, на самом деле она была тяжелой войной. Неудачи нас не обескураживают. Издавна русские учились на неудачах. Издавна русские закалялись в бедствиях. Вероятно, мы сможем исправить наши недостатки. Но и со всеми нашими недостатками мы выстоим, отобьемся. Тому порукой история России. Тому порукой и защита Москвы.

Может быть, врагу удастся еще глубже врезаться в нашу страну. Мы готовы и к этому. Мы не сдадимся. Мы перестали жить по минутной стрелке, от утренней сводки до вечерней, мы перевели дыхание на другой счет. Мы смело глядим вперед: там горе и там победа. Мы выстоим - это шум русских лесов, это вой русских метелей, это голос русской земли.

28 октября 1941 года

Константин Финн

Рокоссовский

Немцы предприняли на Москву молниеносное наступление. Они хотели взять Москву сразу, не дать времени для ее обороны. Под Москвой они наткнулись на невиданное сопротивление советских войск. По немецким расчетам, армия генерал-лейтенанта Рокоссовского должна была погибнуть, так как была окружена. Рокоссовский, нанеся немцам громадный урон, вывел свою армию из окружения и встал между немцами и Москвой. Немцы не могут пройти к Москве. Они не могут сдвинуть с места армию Рокоссовского, не могут перешагнуть через нее. Рокоссовский встал между ними и Москвой. За его плечами Москва роет окопы, подтягивает резервы, укрепляет свою оборону.

Воинские части под командованием Рокоссовского дерутся с врагом бесстрашно. Они не могут драться иначе: бесстрашен их генерал. Он сам личным своим поведением там, где это требуется, показывает примеры храбрости и отваги.

На одном из участков фронта немцы вели ураганный огонь, артиллерийский и минометный. Наши бойцы и командиры на этом участке не могли подняться и идти в атаку. Они буквально

были прижаты к земле. Смерть давила на них. И именно с этого участка нужно было атаковать врага. Тогда сюда прибыл генерал Рокоссовский. Он подполз к передней линии, огляделся, подумал с минуту и решил. Он не закричал вдохновляющих слов, он не пытался объяснить необходимость атаки. Нет. Он просто встал во весь рост и закурил папиросу. Вокруг него был ад. Рвались снаряды, свистели осколки мин. Трава и кустарники вокруг него колыхались, как от ветра. Все металось вокруг него. А Рокоссовский стоял спокойно, курил, не обращал ни на что внимания, точно он был не на поле боя, не под ураганным огнем, а у себя в комнате. Он пренебрегал опасностью. Он делал вид, что ее не замечает. Он курил и, казалось, главным образом был занят тем, не потухла ли папироса, вкусом табака.

Я не знаю, что переживало в этот момент его сердце. Я знаю: он вел в этот момент своих людей в бой. И люди смотрели на своего командира и вставали. Тут. уже не было более храбрых или менее храбрых. Встали все. И все пошли в атаку, и все добыли победу. Славу этой победы по праву надо было разделить поровну.

Я не знаю, что в тот момент переживало его сердце, думал ли он тогда о жене, о тех, кого любил, о жизни, о солнце, которое ласкает жизнь. При последующем разговоре с Рокоссовским мне очень хотелось спросить его об этом, но я не решился это сделать. Это было бы бестактно. Об этом не спрашивают храброго воина, если он не рассказывает сам.

Я беседовал с ним два часа. Это было в лесу, в том лесу, где расположился штаб его соединения. Лил дождь, осенний, вечный, и палатка, в которой мы сидели, протекала. Парусина ее набухла от тяжелого обильного дождя, провисла. В палатке был дождь. Палатка деформировала тот крупный и точный осенний дождь, что лил на нее сверху, в маленький беспорядочный неравномерный дождичек, и капли падали на рукав генеральского мундира Рокоссовского. Он не обращал на них внимания, время от времени отряхивал их, как стряхивают пепел папироски.

Он думал. Это отличительное свойство его. Видно, как он думает. Буквально видно глазами. Он очень целеустремлен. Если бы в это время не дождевые капельки падали на его рукав, а нечто более солидное, он, наверное, тоже не обратил бы никакого внимания.

Если он, Рокоссовский, говорит - он думает. Он ответственен за каждое произнесенное слово. Пусть болтают другие, если им это нравится. Он так не может и не хочет.

Он высокий и стройный человек. Ему лет под пятьдесят, но

на вид ему не больше сорока. Он очень красив, той благородной мужской красотой, которая располагает к себе и к которой неизвестно, собственно, почему относишься с уважением, точно она достоинство, заработанное в жизни. Мундир на нем сидит прекрасно. На груди его много боевых орденов. Он очень похож на генерала, так похож, что, кажется, если бы не было в мире этого высокого воинского звания, его следовало бы придумать для Рокоссовского. Его нельзя себе представить человеком невоенной профессии. Я попытался это мысленно сделать. Я переодел его в штатский костюм, я наделял его профессией врача, инженера, химика. Ничего не вышло из этого. Эти профессии не сливались с ним.

Он, Рокоссовский, военный, только военный. Он очень образованный военный. Он любит свою профессию и уважает ее. С немцами он встречается во второй раз. Он воевал с ними еще во время первой мировой войны.

- Я воевал с отцами, - сказал он, - теперь воюю с сыновьями.

- Ну, и как?

- Может быть, я не объективен. Люди всегда склонны переоценивать своих сверстников и брюзжать по поводу молодежи. Но отцы были лучшими солдатами. Вильгельмовская армия была лучше гитлеровской. Я думаю, что Гитлер испортил свою армию.

- Не понимаю.

- Это трудно объяснить непрофессионалу - военному. Эта гитлеровская армия может одержать много побед. Но она никогда не выиграет войну. Войны выигрывают только настоящие армии. А это не армия. Она очень похожа на настоящую армию. Неопытный глаз может спутать. Эта армия прекрасно марширует. В ней козыряют лихо. Она вся пронизана законами армии. Множество ее солдат прекрасно стреляют, храбры. Командиры ее замечательно знают тактику и топографию, и многие из них тоже храбры. Тем не менее это не армия. Это суррогат армии. В ней отсутствует идея войны. В ней есть страстное желание наживы. Это, я бы сказал, коммерческая армия, а не военная. Немецкое командование хочет во что бы то ни стало победить. Это понятно. Никакое другое командование не рассуждает иначе. Но немецкое командование никогда не победит окончательно, потому что оно строит свои планы на использовании слабых сторон противника. И только. Это губительно для армии. Это атрофирует ценные свойства армии. Приведу вам пример. Полк немецкий наступает на нашу роту. Превосходство сил несомненное. Победа полку обеспечена. И тем не менее немцы засылают в эту роту провокаторов, сеющих панику и т. д. Они хотят победить всеми

способами. Им кажется, что они правы. Рота действительно побеждена, но побежден и немецкий полк. С нашим полком он драться уже не сможет. Он будет разбит. Этот немецкий полк надо послать на переформирование, добавить в него свежих солдат, тех, кто не участвовал в наступлении на роту, те уже плохие солдаты, их разобьют. Я поставил задачу своим людям, я сказал им: "Немцы предложили нам такую систему войны. Они врезаются танковыми массами, слабо подкрепленными пехотой, в наше расположение, они окружают нас. Примем их систему и скажем себе - если мы в тылу у них, то не мы окружены, а они окружены. Все. И я бью немцев, и буду бить. Они проиграют войну. Они проиграли войну Англии. Это бесспорно. Они проиграют войну нам. Вопрос во времени. Только".

Я ушел от него. Лес был полон людьми. Штаб есть штаб. Штаб есть учреждение. Учреждение есть суета. Слышен был стук машинок, кто-то нес бумаги на подпись, кто-то громко говорил, что он с чем-то не согласен и ни за что не желал согласиться. Война обжила этот лес. Люди войны превратили его в огромный дом. Кое-где в этом доме появились уже следы уюта. И дождь пытался уют разрушить.

Пройдет время. И тут опять будет лес, люди будут ходить сюда по грибы, здесь будут гулять, целоваться. Вернутся сюда птицы, и травы опять будут зеленые и свежие здесь.

Люди будут говорить: "Тут был штаб генерала Рокоссовского". Это будет знаменитый лес.

28 октября 1941 года

Евгений Воробьев

Святая святых

Приземистая буква М едва светилась синим светом.

Эскалатор на станции метро "Маяковская" работал без перебоев, к нему вела ковровая дорожка. Станция неожиданно превратилась в огромный, вытянутый в длину партер, заставленный разномастными креслами и стульями. Еще днем воинские команды носили и транспортировали вниз стулья, сложенные по два, и блоки кресел, свинченных по полдюжине, из соседних зданий - Зала имени Чайковского, бывшего мюзик-холла, кинотеатра "Аквариум", а также из Театра сатиры и кинотеатра "Москва" с противоположной стороны площади.

В дальнем конце подземного зала установили трибуну и стол для президиума.

В предпраздничный вечер здесь состоялось торжественное заседание Моссовета, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции. Несколько военных корреспондентов, прибывших с фронта, тоже получили пропуска.

Слева у платформы стоял метропоезд с раскрытыми дверями. Окна одного из вагонов были занавешены - там была артистическая для участников концерта.

Рядом с вагоном-артистической - вагон-буфет, где продавали бутерброды, сдобные булочки, мандарины. О существовании последних мы уже давно позабыли. В окопах, заметенных снегом ранней и сердитой зимы, мандарины выглядели бы, наверное, плодами с другой планеты.

Справа к платформе, нарушив привычное направление следования от станции "Белорусская", пришел специальный поезд, в котором прибыли руководители партии и правительства. Два последних вагона остановились в самом конце станции. В окна этих вагонов было видно, как пассажирам помогают снять с себя зимнюю одежду. И весь вечер вагоны стояли под охраной, освещенные, с раскрытыми настежь дверями, а шубы, зимние пальто, шинели висели рядком на плечиках, прицепленных к никелированным поручням, за которые обычно держатся пассажиры.

Так как я пришел рано, мне удалось занять место сравнительно близко от трибуны.

Торжественное заседание открыл короткой речью председатель Моссовета В. Пронин. Я достаточно подробно записал доклад И, В. Сталина. Никто из нас, фронтовых корреспондентов, не знал, будет ли опубликован в печати отчет об этом торжественном заседании. Смогу ли я выполнить задание редактора "Красноармейской правды"?

Поздно вечером, когда мы поднялись в вестибюль, нам доверительно сообщили, что в случае благоприятной, то есть скверной, погоды завтра утром на Красной площади состоится парад войск. Пропуска выдадут в Московском комитете партии, в секретариате А. С. Щербакова.

Весь поздний вечер и ночь мы жили ожиданием плохой погоды. Обнадеживала метеосводка, какую вечером 6 ноября получили в войсках фронта: "Низкая облачность. Ограниченная видимость. Дороги для всех видов транспорта проходимы. В ночь на седьмое наступит похолодание. Вероятны осадки. Действия военно-воздушных сил будут затруднены..."

Конные патрули из конца в конец мерили притихшую площадь, из темноты доносился цокот копыт, приглушенный снегом. Циферблат часов на Спасской башне не светился, не горело рубиновое созвездие Москвы.

Редкие машины, проходившие мимо здания ГУМа, освещали себе дорогу прищуренными фарами: узкие прорези пропускали лишь подслеповатый синий свет.

До поры до времени решение провести парад держали в тайне - в прифронтовом городе нужно опасаться враждебных ушей и глаз. Еще в половине десятого вечера площадь оставалась без праздничного наряда и была пустынна. Но под стеклянной, побитой осколками крышей мерзлого ГУМа хлопотали декораторы и художники, там сколачивали рамы для транспарантов и лозунгов.

Здесь же, в ГУМе, расположился на постой истребительный батальон добровольцев-спортсменов. Среди них были и знаменитые чемпионы, кого мы неоднократно видели победителями на стадионах.

На крыши Исторического музея и ГУМа забрались саперы. В Ветошном переулке дежурили пожарные машины. Начиная с ночи 22 июля им часто приходилось тушить пожары, вызванные бомбардировками. И вот впервые за месяцы войны пожарным дали праздничное поручение - приставить свои высоченные лестницы к фасадам зданий, обступающих площадь, чтобы помочь ее украшению. Только электрикам нечего было делать в тот предпраздничный вечер. Площадь оставалась совсем темной. Ведь не развешивать же гирлянду из синих лампочек!

Ранним утром все заиндевело от тумана; сырой, морозной тяжестью стлался он над землей. Колокольня Ивана Великого и соборные купола посвечивали тусклым золотом. Памятник Минину и Пожарскому был укрыт мешками с песком, а окна в храме Василия Блаженного походили на бойницы крепости: в нужную минуту там появились бы пулеметы и противотанковые ружья.

Погода была явно нелетной, но аэростаты заграждения после ночного дежурства в московском небе не опустили, как делали это обычно, не отвели на дневной покой.

Да, погода не обманула ожиданий: ее следовало признать как нельзя более подходящей для парада, прямо-таки великолепной. Именно о такой погоде мечтали устроители и участники парада.

Есть в жизни Красной площади минуты, полные пафоса. Такие вот минуты всегда предваряют начало парада. Торжественная тишина, полная сдержанного волнения, овладевает площадью. Тишина ожидания, когда каждая минута ощущается во всем ее объеме. Тишина, которая позволяет различать могучую поступь времени.

Литыми квадратами стояли на заснеженной площади войска, готовые к параду. Еще движение не наполнило ветром знамена. Лишь слегка колышутся шелк и бархат. Безмолвен оркестр - еще не раздались голоса повелительной меди, мелодии не согреты живым теплом, дыханием трубачей.

Но в этой сосредоточенной тишине, в покое замершей площади уже слышится близость праздника, все ближе, ближе величественная и гордая минута - вот-вот начнется парад.

И сколько бы раз ты ни стоял в такую минуту на Красной площади, нетерпеливо поглядывая на стрелки часов Спасской башни, все равно ты, как и все вокруг, волнуешься. Нужно ли объяснять, почему сегодня эти минуты наполнены особенно радостным волнением?!

В ожидании парада, в минуты, полные сокровенного смысла, легче охватываешь памятью прошлое.

Здесь Ленин прощался взглядом, жестом, словом с бойцами Всевобуча, с рабочими, уходившими на защиту революции, биться с Деникиным и Колчаком. На булыжном просторе площади учились маршировать первые красноармейцы и будущие красные командиры.

Больше полусотни военных парадов видела за годы Советской власти Красная площадь, а еще больше числит она в своей памяти демонстраций и других торжеств.

Первого мая 1919 года по Красной площади впервые прогрохотал трофейный танк, добытый в боях с белогвардейцами и интервентами. Праздничная толпа запрудила площадь, а красноармейцы демонстрировали танк на ходу, поворачивая его во все стороны, как игрушку. Рабочие с большим интересом следили за движениями невиданной диковины. Казалось, танк движется очень быстро. На самом же деле эта неуклюжая бронированная колымага громыхала и тряслась по булыжнику трехкилометровым ходом. Далекий предок современных сухопутных броненосцев!

Мы вспоминаем сегодня и другой исторический день -1 мая 1918 года. Летит самолет в просвете между двумя шпилями Исторического музея. То была первая ласточка красной авиации, предвестница будущих эскадрилий, стерегущих сегодня тревожное небо Москвы.

У стен Кремля отчетливее, чем где-либо, ощущается дыхание нашей эпохи, богатырское дыхание народа - созидателя и воина...

Предосторожности ради парад начался на два часа раньше, чем было до войны, - в восемь утра.

Погода шла на "улучшение": перед утром стало очевидно, что снег не перестает идти, а усиливается. И когда куранты отбили восемь ударов и принимавший парад маршал Буденный выехал на коне из Спасских ворот, снег уже шел довольно усердно, а небо сделалось цвета шинельного сукна.

Снег набросил белые маскировочные халаты на шеренгу голубых елей.

Ветер сметал белую пыль с зубцов кремлевской стены, и казалось, это пороховой дым стелется над твердыней. Кое-где на стене виднелись следы камуфляжа: летом там были намалеваны зеленые аллеи, чтобы затруднить ориентировку фашистским летчикам, ввести их в заблуждение.

Казармы Училища имени Верховного Совета РСФСР к этому утру изрядно опустели. Уже немало курсантов отправилось на фронт; они героически отражают атаки противника на Волоколамском направлении.

Горстка военных корреспондентов собралась у левого крыла Мавзолея. До войны во время парадов на том месте обычно толпились военные атташе в своей разномастной форме. Сейчас военных атташе не было, все посольства эвакуировались.

Буденный поздоровался с войсками: "Здравствуйте, товарищи! Поздравляю с праздником!..", отдал команду: "Парад вольно!" - и, провожаемый раскатистым "ура-а-а-а", направился к трибуне. Но вопреки традиции с речью выступил не принимающий парад, а Председатель Государственного Комитета Обороны Сталин.

В то утро, из разумных требований безопасности, радиотрансляция с Красной площади началась с опозданием - когда Сталин уже заканчивал свою речь. А вся страна услышала его речь в специальной радиозаписи.

В довоенные годы Красная площадь видела и более внушительные, торжественные парады - когда все лошади в эскадронах и на батареях были подобраны в масть, когда все маршировали в парадной форме.

Судя по сегодняшнему параду, в казармах Москвы осталось не так много войск. Но на парад вышли курсанты военных училищ, полки дивизии особого назначения имени Дзержинского, Московский флотский экипаж.

А отдельные батальоны были незаметно для противника отведены с фронта во второй эшелон и переброшены в Москву только для участия в параде.

Вслед за частями и подразделениями, прибывшими с фронта, прошагал полк народного ополчения - разношерстное и пестрое войско.

Полушубки, бушлаты, стеганые ватники, бекеши и шинели; иные шинели еще помнили Каховку и Царицын, Касторную и Перекоп...

Сапоги, валенки, ботинки с обмотками...

Шапки-ушанки, буденовки, треухи, картузы, кубанки, папахи...

Винтовки вперемежку с карабинами, мало автоматов и совсем нет противотанковых ружей.

Надо признать, вид у бойцов народного ополчения недостаточно молодцеватый, парадный. Долговязый парень из тех, кого называют "дядя, достань воробушка", затесался на левый фланг и шагал в соседстве с низенькими, приземистыми. Но кто поставит в упрек вам, бойцам народного ополчения, плохую строевую выправку? Ваша ли вина, что не осталось времени на строевые занятия? Люди непризывного возраста и не весьма отменного здоровья учились маршировать под аккомпанемент близкой канонады.

Но именно отсюда, с Красной площади, где каждый камень принадлежит истории, начинается ваш путь в бессмертие. Сыновья и внуки будут гордиться вашим непреклонным мужеством, доблестные красногвардейцы сорок первого года, волонтеры прифронтовой Москвы!

Вы явили всему миру преданность Родине, святым идеалам революции, заветам Ленина. Да, только в минуту грозной опасности познается истинная привязанность и любовь. Только любовь преданная, готовая на жертвы, выдерживает испытание в лихую годину.

Бесконечно дорога Красная площадь сердцу каждого советского человека и потому, что здесь в Мавзолее, в кремлевской стене и возле нее покоятся великий Ленин, его соратники, которые умерли "от трудов, от каторг и от пуль, и никто почти - от долгих лет". Здесь, где в вечном почетном карауле стоят голубые ели, покоится прах лучших сынов революции, героев гражданской войны, гениальных сынов советского народа, обогативших науку и культуру человечества.

В то праздничное утро, совсем как в годы гражданской войны, парад стал одновременно проводами на фронт. В отличие от мирных парадов, сегодня винтовки, пулеметы, орудия, танки были снабжены боеприпасами. И одна из верных примет того, что путь с Красной площади вел не в казармы, а на позиции, - у многих участников парада заплечные вещевые мешки.

Вещевой мешок! Неразлучный спутник бойца в походах и маршах; нехитрый его гардероб, где хранятся такие ценности, как сухие портянки и пара чистого белья; запасной патронташ и

арсенал: гранаты отдельно, запалы к ним отдельно; холщовая кладовочка с сухарями, пачками пшенного концентрата и банкой консервов; заплечная библиотечка, где лежит заветный томик стихов; портативный архив, куда спрятаны милая сердцу фотография, интимное письмо, детский рисунок... Солдатская тебе благодарность за верную службу и наша долговечная любовь - тебе, незабвенный "сидор"!..

Позже по площади с железным громыханием везли пушки. Иные из них казались прибывшими из другой эпохи -"времен Очакова и покоренья Крыма". Наверно, то были очень заслуженные пушки, но за выслугой лет им давно пора на музейный покой. И если они дефилировали, то лишь потому, что все боеспособные пушки нужны, до зарезу нужны были на фронте и не могли покинуть своих огневых позиций.

Затем, к нашей радости, прошли танки, их было много, около двухсот, в том числе немало тяжелых. Танкисты оказались в Москве мимоездом. Накануне самого праздника две танковые бригады выгрузились на задворках вокзалов, на станциях Окружной дороги.

А с Красной площади танки держали путь прямехонько на исходные позиции. Может, для того чтоб сократить дорогу, танки сегодня не спускались, как обычно, мимо Василия Блаженного к набережной, а возле Лобного места поворачивали налево и через Ильинку, площадь Дзержинского спешили по улице Горького на север и на запад, на Ленинградское, Волоколамское и Можайское шоссе.

Долго по мостовым города громыхали танки, тягачи, броневики, пушки, слышалось цоканье копыт, маршевый шаг пехоты, скрип обозов, тянувшихся из города на его окраины, в пригороды, предместья...

Ноябрь 1941 года

Владимир Ставский{5}

Боевая орденоносная

1.

С глубоким и радостным волнением узнали все фронтовики, все советские патриоты о переименовании ряда дивизий в гвардейские дивизии. В боях за Родину, в боях против полчищ немецких захватчиков выросла и растет славная советская гвардия, нанося жестокие удары немцам и обращая их в бегство, наводя на них ужас.

В числе других переименована в 8-ю гвардейскую дивизию 316-я стрелковая дивизия, которой командует генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия награждена орденом Красного Знамени за

образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.

Яркие страницы в героическую историю Красной Армии, в бессмертную эпопею защиты Родины вписали гвардейцы 8-й дивизии.

Вторая декада октября. Немецко-фашистские орды рвутся вперед. У врага - явное численное превосходство, особенно в танках. Участок дивизии исключительно важен. Здесь - одна из магистралей, автострада. Здесь железная дорога, узел большаков.

Немцы все это учитывали. На это направление они бросили три пехотные дивизии, одну мотодивизию и одну танковую дивизию, много авиации.

Основные силы немецкой группировки действовали против 316-й стрелковой дивизии. Ее боевой участок оказался во много раз больше уставных норм и не был подготовлен к обороне. Работы по оборонительным сооружениям здесь были лишь намечены.

- Мы пришли и сели на колышки! - с усмешкой вспоминает Иван Васильевич Панфилов. - Разметка сделана, а копать еще не начинали!

Командование дивизии отчетливо представляло себе сложность обстановки.

Генерал-майор Панфилов - старый солдат, с 1915 года он на войне, был унтер-офицером и фельдфебелем царской армии, дрался с немцами на Юго-Западном фронте. В гражданскую войну - Панфилов служил в дивизии Чапаева -командовал вначале взводом, потом батальоном. Два ордена Красного Знамени горят у него на груди. В ВКП(б) вступил в 1920 году на фронте. Сейчас ему уже 48 лет. В коротко стриженных волосах его - широкое серебро седины. Но карие глаза удивительно молоды и свежи. Панфилов подтянут, подвижен. На смуглом, чуть скуластом лице - выражение уверенности, силы, а в часто возникающей усмешке, усмешке бывалого, видавшего всякие виды солдата, светится и природный глубокий ум, и проницательность, и неистребимо веселое лукавство.

Генерал-майор принял решение: вести активную оборону, закрыть фланги, на решающих направлениях создать сильные противотанковые узлы с глубиной. И - что он считал особенно важным - создать и держать в руке сильный резерв, заградительный отряд, с тем чтобы в любой миг бросить его на опасный участок.

8 борьбе против атакующих немецких танков блестяще действовали три противотанковых полка, приданных дивизии, и

поддерживающий пушечный полк.

Генерал-майор Панфилов, не выпуская из рук управления, смело подчинял на время стрелковые части и подразделения артиллерийским командирам, и в данной конкретной обстановке это было единственно правильным решением.

Также правильно и своевременно закрыл он свои фланги. А когда немцы угрозой нависли на левом фланге, он быстро и плотно закрылся резервом, заградотрядом. И тотчас же создал снова хотя и меньший, но стойкий резерв, оторвав буквально по роте всюду, где только была возможность. И когда танки врага просочились в обход к командному пункту дивизии, они напоролись на организованный отпор, ничего сделать не смогли и отошли, оставив горящими несколько машин.

Пристального внимания заслуживают противотанковые узлы обороны дивизии, расположенные на решающем направлении, их значительная глубина. Это построение дало возможность наносить немцам тяжелые удары и огромные потери. Несмотря на все их численное и техническое превосходство, немцы были задержаны на несколько дней, которые нужны были командованию армии для соответствующих мероприятий.

2.

8-я гвардейская дивизия молодая. Личный состав - в подавляющем большинстве - воюет впервые. Поэтому командование дивизии - и генерал-майор Панфилов, и комиссар дивизии старший батальонный комиссар Сергей Алексеевич Егоров - особое внимание обратило на изучение всего личного состава, на его подготовку. Во фронтовых условиях во всех частях и подразделениях была организована глубокая планомерная учеба.

"Воюя, учись воевать!" - эту заповедь крепко усвоили и осуществили на деле в дивизии. В частности, на фронте были проведены все учебные стрельбы.

Вместе с боевой подготовкой велась и ведется огромная политико-воспитательная работа. Командир и комиссар дивизии повседневно и неразрывно связаны со всей жизнью своих бойцов, командиров и политработников.

И в результате дивизия - все ее части, все подразделения стали на огневые рубежи крепким коллективом, сплоченным стальной волей к победе, беззаветной преданностью Родине. И они доказали это на деле.

Рота старшего лейтенанта Маслова первой столкнулась с противником. Боевое охранение отбросило разведку немцев.

Тогда противник подтянул двадцать танков и больше роты пехоты. Охранение с боями отошло в ротный узел обороны. На

другой день немцы повели наступление, собрав в кулак до ста танков, подбросив на 80 грузовиках пехоту.

Старший лейтенант Маслов умело организовал оборону, замечательно использовал взвод станковых пулеметов, две пушки и два противотанковых орудия, которыми командовал младший лейтенант Иванов.

В этот день танки атаковали наш батальон прямо в лоб. Артиллеристы расстреливали их прямой наводкой. Несколько танков загорелось.

Группа стальных чудовищ зашла слева, прорвалась к окопам, под гусеницами стали гибнуть отважные бойцы, забрасывавшие танки ручными гранатами и зажигательными бутылками. Но и танки останавливались, пылая.

Семнадцать танков было уничтожено в один этот день. Остальные в беспорядке отошли, бежали с поля боя. Но на другой день немцы снова пошли в атаку.

Рота Маслова была окружена. Глубоко и тщательно зарывшись в землю, герои отбивали все попытки врага. Они отбивались три дня. Боеприпасы и продовольствие вышли. Осталось только по пять патронов и всего четыре гранаты. Эти гранаты Маслов сберег, чтобы оставшиеся в живых могли взорвать себя, если не удастся прорваться из вражеского кольца.

На пятый день Маслов с группой красноармейцев пробился с оружием в руках к своим. Героически дрались и другие подразделения, как в эти дни, так и позднее.

Немцы бросили на позиции 8-й роты сорок танков, охватили фланги. Слева прямо в окопы ворвались танки.

Красноармеец Левкобылов, казах из Алма-Аты, колхозник, коммунист, ротный агитатор и редактор "Боевого листка", выскочил из окопа. Смуглое лицо его, прекрасные черные глаза пламенели.

- За Родину!

Пробежав с десяток шагов, он метнул гранату и сбил башенку немецкого легкого танка. Люк башни открылся. Левкобылов подбежал к танку вплотную и вторую гранату метнул прямо в люк.

Раздался взрыв. Левкобылов схватил зажигательную бутылку. В этот момент его прошила очередь из немецкого автомата. Левкобылов поднял руку с бутылкой. Гусеница вражеского танка своим последним судорожным движением раздавила героя.

Всюду пылали вражеские танки, расстрелянные нашими артиллеристами, зажженные бутылками, брошенными твердыми руками бойцов.

Но танков было еще много. Они осаждали и лезли на

позиции, на окопы, обходили их.

Начальник штаба полка капитан Манаенков был на наблюдательном пункте батальона старшего лейтенанта Райкина. Отсюда они управляли боем, и тут они подверглись нападению слева - трех танков, справа - немецких броневиков.

Старший лейтенант Райкин был ранен автоматчиком в руку и в правый бок.

Капитан Манаенков бросил две гранаты. Без промаха. Сзади по капитану грохнули очереди автоматчиков. Подскочив, Манаенков расстрелял группу немецких автоматчиков из своего пистолета-пулемета и забежал в сарай. Вражеский танк, подойдя вплотную, бил из пушки. Сарай загорелся.

Стреляя из автомата, капитан Манаенков выбежал из сарая и упал, пронзенный многими десятками пуль.

На правом фланге батальона занимал огневые позиции взвод станковых пулеметов. Командир взвода, грузин, лейтенант Какулия выбрал эти позиции, чтобы отсюда вести фланговый огонь по пехоте противника, которая шла вслед за танками. Какулия безмолвно пропустил танки. Потом расстрелял и уничтожил немецких солдат.

Второй эшелон немецких танков обнаружил пулеметные точки Какулии. Немцы дали шквал огня из пушек и минометов.

Расчеты всех пулеметов Какулии были выбиты.

Какулия лег за пулемет и сам стал стрелять. Он стрелял до последнего патрона. Он погиб от взрыва немецкой мины. Его навеки застывшая рука сжимала ручку станкового пулемета.

Поле впереди окопов было усеяно немецкими трупами. Атака немцев провалилась.

3.

Не пересказать всех подвигов бойцов, командиров и политработников 316-й стрелковой - ныне 8-й гвардейской дивизии.

Отбивая, изматывая, уничтожая живую силу противника, дивизия ведет бой второй месяц подряд.

В самые тяжелые для себя дни дивизия не давала немецким панцирным ордам продвинуться больше чем на километр - полтора. И это - ценой потоков немецкой крови, ценой многих десятков танков.

Немецкое командование давно уже заменило одну танковую дивизию, истрепанную на этих рубежах, другой, подтянуло из глубины ряд других дивизий. А славная дивизия Панфилова по-прежнему зорко и грозно обороняет дальние подступы к Москве. И в эти дни - вчера, позавчера, сегодня гвардейцы изматывают и разят врага.

19 ноября 1941 года

Кавалеристы-гвардейцы генерала Доватора на одном из участков Западного фронта за день боев с противником истребили 1000 немецких солдат и офицеров, уничтожили 2 вражеских танка, 3 пулемета, орудие, 9 легковых машин и захватили 50 орудий, 62 пулемета, 136 автоматов и 250 автомашин.

Из сообщения Совинформбюро

19 декабря 1941 г.

Евгений Кригер

У гвардейцев Доватора

Нет, нелегкая это задача - найти штаб генерал-майора Доватора. Водитель просто взмолился: пожалейте бедную "эмочку". Люди Доватора совершенно неуловимы. Можно представить себе затруднение немцев в те дни, когда гуляли казаки в их глубоком тылу, если здесь, по эту сторону фронта, мы потратили день на поиски штаба кавалеристов-гвардейцев. Наконец нам дали адрес, наиболее достоверный и точный:

- Ищите Доватора там, где по-настоящему жарко, где идет самая свирепая драка. Вот и все. Очень просто.

Положим, не так уж просто, потому что в последние дни жарко на всех фронтах под Москвой. Все же мы последовали разумному совету и действительно нашли гвардейцев на участке самого горячего боя. За лесом вставали дымы пожаров, в воздухе было тесно от звуков артиллерийской пальбы, рева зениток, треска рвущихся бомб, скрежета танковых гусениц. Да, только здесь! Именно в такой обстановке, если позволено применить здесь это тихое, мирное слово, кавалеристы Доватора чувствуют себя как рыба в воде. Всегда появляются там, где никто их не ждал, а меньше всего - противник, и с марша бросаются в бой. Так было на днях, когда немцы прорвались у очень важного пункта и гвардейцы совершили 24-часовой марш на конях с фланга на фланг, через леса и затянутые тонким льдом реки, без привалов и отдыха, лишь бы поспеть туда, где опасно, где помощь нужна немедленно и запас времени для маневра исчисляется не в часах, а в минутах. Гвардейцы поспели, оседлали дорогу, приняли бой и задержали врага.

Они до сих пор вспоминают свой рейд по немецким тылам. Три тысячи всадников во главе с генерал-майором Доватором прорвались сквозь линию фронта и в течение многих дней наводили свои порядки за спиной у немецких генералов. Только в состоянии испуга можно было издать приказ, извещавший немецкие войска о том, что в их тыл прорвались не 100 тысяч казаков, как пронесся слух, а всего лишь 18 тысяч. На самом-то

деле было три тысячи, -это и нравится гвардейцам больше всего.

Такая война пришлась гвардейцам по вкусу. Они дышали горячим воздухом настоящей опасности, они дрались во вражеском логове, вздымали на воздух склады с боеприпасами, проскальзывали между заслонами и вдруг обрушивались на немцев в новом и самом неожиданном месте. Дважды разгоняли штаб 6-й германской армии. Топографический отдел этого штаба уничтожили начисто. В одной из засад взорвали 56 машин, начиная от легковых и кончая бензоцистернами. Это было сделано с лихостью чисто гвардейской, казачьей, доваторской.

Под самым носом у немцев, так сказать, на главной улице их далекого тыла, заминировали дорогу, пустили на воздух первую из машин, тем самым устроили грандиозную пробку и по неподвижной застрявшей колонне ударили из пулеметов. Неважный вид имела тогда главная улица немецкого тыла. А казаки ушли, перебрались с главной улицы в переулки, в глухие места, и были дни, когда на вражеской территории двигались они через села с песнями, в конном строю, поэскадронно и люди бежали из домов к ним навстречу, не веря глазам своим, как будто просыпаясь после страшного сна.

Германское командование вынуждено было создать специальный отряд по борьбе с группой Доватора. Назвали его карательным, чем привели конников в очень веселое расположение духа. Вскоре немецкий майор, возглавлявший отряд, был пойман казаками вместе со штабом. Майор бежал очень быстро, видимо, сказалась спортивная подготовка. За ним гнался 19-летний лейтенант Немков, кричал: "Хальт, хальт!" - и, наконец, устал. Ему надоело возиться с майором. Выстрелом из винтовки с колена он свалил резвого бегуна на землю, свалил навсегда. "Вот тебе и карательный отряд, -говорили казаки. - Нашли кого карать. Доваторцев! Вот чудаки, честное слово, прямо умора!"

Закончив рейд, группа генерал-майора Доватора с боем перешла через линию фронта и соединилась с нашими частями. Этот рейд памятен многим, но больше всего - врагу.

Теперь гвардейцы Доватора сражаются за Москву. Вчера мы встретились с ними на одном из самых сложных участков фронта. День был на исходе, когда генерал-майор вернулся с переднего края в свой штаб. Не раздеваясь, он прошел к столу, развернул карту и, оживленно обводя взглядом своих командиров, стал объяснять обстановку и план следующей операции. Он говорил быстро и коротко, не задерживаясь на мелочах, стараясь, чтобы все поняли его главную мысль. Энергия его заразительна. Все повеселели, когда он появился в избе, - теперь будет дело для

каждого, гвардейцы готовятся к новому бою. Тут же генерал-майор отменил решение о переводе штаба из села, только что подвергавшегося бомбежке.

- Отменить! - сказал Доватор так весело, что все вокруг него засмеялись. - Да ведь сейчас война для их летчиков окончена. Три часа немцы сейчас будут обедать. Не любят они темноты. Темнота - наше время. Командный пункт остается здесь. Все!

И все поняли, что конечно же лучшее место для штаба именно здесь, поближе к войскам. Такой Доватор всегда. Речь его картинна и выразительна. О своих гвардейцах он говорит:

- Наше оружие? Винтовка! Клинок! Граната! Бутылка с горючей смесью. И наше лихое казачье "ура!". В том рейде это заменяло артиллерию, танки и авиацию. Есть у меня один командир. Пошел в атаку на танк. В конном строю! Вот чудак. Но что ж с ним поделать, если танк он все-таки уничтожил. Я его спрашиваю: "Как же так, на танк идешь в конном строю?" А он мне: "Да черт его знает, вижу, прет на нас. Я крикнул "ура!" и айда!" А ведь сам -старик, ветеран. Я его поругал, а сам думаю: красавец старик, настоящий гвардеец!

Дверь распахнулась. В избу вошел командир гвардейской дивизии Исса Александрович Плиев. Доватор просиял:

- Прямо из боя? Ну не убили там тебя немцы? Гость помотал головой.

- Пятый месяц убивают, да все не убьют, понимаешь.

Они говорили как люди большой, прочной дружбы, два гвардии генерала, два командира, воспитавшие своим примером тысячи храбрецов. Доватор рассказывал:

- Характерный бой был здесь у Плиева. Удары по флангам - наше любимое дело. В сложной обстановке решаем перерезать коммуникации немцев. Плиев держит двухдневный бой, имея малые силы, держит успешно, и сам идет в атаку впереди своих конников. И выполняет задачу. А народ-то какой у него! Истребители в одном только деле десять танков подбили. До чего дошли палкой стучат по танку, кричат: "Выходи, окаянный!" Честное слово, палкой по танку. Чтоб гранату не тратить. И выкурили! Спросите меня, пришлось ли когда-нибудь мне ездить восстанавливать положение в дивизии Плиева или в дивизии Мельника, комбрига. Не приходилось. Стойко дерутся гвардейцы, силой не вырвешь из боя. На днях разыграли бой, как на маневрах. Немцы два раза ходили в атаку, и все впустую. Тогда напились пьяными, все до единого, и в третью атаку. На горсточку казаков. А те дождались пьяной атаки, подпустили к себе, огнем обожгли, и сами в атаку. Так рота немецкая и осталась лежать, всю перебили. Это у Мельника в дивизии. А

положение было трудное. Да и сейчас вот...

Генерал-майор снова склонился над картой. Она была перед ним как живая, с настоящими реками под коркой первого льда, с поросшими лесом высотами, с землей, которую нужно взять от врага. Доватор отдал последнее распоряжение командиру полка. Тот сказал коротко: "Будет сделано, как вы желаете". И, щелкнув шпорами, вышел. Генерал-майор Доватор посмотрел ему вслед, улыбнулся, как улыбаются другу, и сказал:

- Знаете, что значат эти слова? Только одно - немцев оттуда он выбьет.

28 ноября 1941 года

К исходу 11 декабря 1941 года, войска генерала Рокоссовского, преследуя 5, 10-ю и 11-ю танковые дивизии, дивизию "СС" и 25-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истру.

Из сообщения Совинформбюро

"В последний час" 12 декабря 1941 г.

Евгений Воробьев

Половодье в декабре

1.

После кратковременного и непрочного потепления набрал силу лютый мороз.

Длинной цепочкой, тающей в тумане, шли бойцы батальона, которым командовал лейтенант Юсупов. Шагали след в след по узкой тропке, проложенной через минное поле. По обеим сторонам лежал задымленный снег, пропахший минным порохом и гарью. Снег в рябых отметинах, проплешины чернеют там, где поземка еще не успела замести воронки. Саперы установили здесь ночью вехи - торчали воткнутые дулами в снег трофейные карабины, длинные деревянные рукоятки от немецких гранат, мины, уже обезвреженные и безопасные, и все это вперемежку с хвойными ветками.

Не забыть Истры в утро ее освобождения, 11 декабря. Неужели этот вот городок называли живописным и он привлекал московских дачников сочным зеленым нарядом, пестрыми дачами? Все взорвано, сожжено педантичными минерами и факельщиками. Уцелели лишь два кирпичных здания справа от дороги, а в центре городка остался в живых дом с разбитой крышей и зеленый дощатый киоск. Сплошное пожарище и каменоломня, все превращено в прах, обломки, головешки, пепел.

Молоденький сапер с миноискателем подошел к черному квадрату и тихо сказал:

- Кажется, здесь стоял домик Чехова. Мы приезжали сюда в мае. Экскурсия...

Больше он ничего не сказал и стал прислушиваться к миноискателю. Взрыв следовал за взрывом: наши саперы продолжали свое опасное дело.

Пора бы уже показаться на горизонте золоченым куполам Воскресенского монастыря. Не такой плотный туман, и дым на горизонте опал. Вот видны стены монастыря. Но где же знакомые купола? Куда они исчезли?

Стало очевидно, что храм Новый Иерусалим обезглавлен, разрушен.

Наше командование, и в частности комдив-девять Белобородов, знало, что интенданты эсэсовской дивизии "Рейх" устроили в храме склад боеприпасов. Наши летчики получили строжайший приказ - Новый Иерусалим не бомбить, чтобы не повредить этот памятник архитектуры. Гитлеровцы же, отступая, взорвали драгоценное сооружение, отмеченное гением безвестных крепостных зодчих, а позже - Казакова и Растрелли.

Лейтенант Юсупов встретил в городке комдива Белобородова, комиссара дивизии Бронникова и группу штабных командиров. Комдив перед утром оставил командный пункт в доме лесника, на кромке леса, подступающего с востока к городу. Комдив вошел в Истру с одной из головных рот, по тропке, которую проделали саперы из батальона Романова, соседа Юсупова...

2.

Полмесяца назад наблюдательный пункт Белобородова находился еще далеко от Истры, на западной окраине Дедовска, в помещении сельского магазина. По соседству высилась давно остывшая труба текстильной фабрики. На каждый разрыв снаряда дом отзывался дребезжанием уцелевших стекол.

Рано утром 27 ноября мне посчастливилось привезти в 78-ю стрелковую дивизию радостную новость: дивизия стала девятой гвардейской, а полковнику Белобородову присвоено звание генерал-майора. "Красноармейская правда" еще печаталась, когда я ночью захватил с собой влажный оттиск первой полосы газеты.

Афанасий Павлантьевич Белобородов, черноволосый, широкоскулый, плечистый, взял в руки оттиск, остро пахнущий типографской краской, и медленно перечитывал приказ No 342 Народного Комиссара Обороны. Бронников читал через плечо комдива.

- Гвардейцы! И Ленин на знамени... Такая честь, - на лице комдива смешались счастливое волнение и озабоченность. - А мы ночью снова отошли на новый рубеж...

Прежде всего Белобородов поздравил с гвардейским званием Николая Гавриловича Докучаева. Ну как же! Командир полка

Докучаев стал гвардейцем второй раз в жизни; он, рядовой Преображенского гвардейского полка, воевал еще в первую мировую войну.

В то утро командир новорожденной гвардейской дивизии как бы обрел новый запас сил, новую решимость, почувствовал новую ответственность. Заряд его энергии передавался всем, кто находился рядом...

В помещение вошел лейтенант в закопченном полушубке. Он стал в дальнем углу и безмолвно, выжидающе смотрел оттуда на комдива. Наконец тот сказал сердито:

- Не разрешаю! Можете идти. Занялись бы лучше более полезным делом!

Лейтенант в полушубке выслушал выговор, повеселел и вышел, не желая скрывать, что обрадован строгим запретом.

Бронников объяснил мне, что решается судьба Дедовской прядильно-ткацкой фабрики. Есть строгий приказ сверху. Все подготовлено к взрыву, фугасы заложены под стены и трубы. Но комдив задержал исполнение приказа, упрямо не позволяет саперам взорвать фабрику и клянется, что не ступит назад ни шагу...

Новое донесение с передовой сильно встревожило комдива. Он наскоро собрался, кивком позвал адъютанта Власова и уехал на передовую. Бронников вздохнул: комдив не спал уже три ночи.

Фашисты наращивали силу своих ударов, и бои достигли крайнего напряжения. В Нефедьеве шел бой за каждую избу. Командир полка Суханов сидел, отрезанный от своих, на колокольне церкви в деревне Козине и корректировал огонь, вызванный им на себя.

- Понимаете, браточки? - устало, но твердо сказал комдив, стоя в окопе на околице деревни Нефедьево, наполовину захваченной противником. - Ну некуда нам отступать. Нет такой земли, куда мы можем отойти, чтобы нам не стыдно было смотреть в глаза русским людям...

Дивизия еще ни разу не отступила без приказа, а отступая, не потеряла ни одного орудия.

В минуты, когда силы людей бывали напряжены до предела и положение становилось критическим, Белобородов не уходил с передовой. Он умеет подбодрить бойцов сердечным словом. Он может отдать боевой приказ тоном отеческого совета, не по-уставному назвать Иваном Никаноровичем капитана Романова, и от этого приказ ничуть не теряет в своей категоричности и суровости. Он может сперва расцеловать геройского разведчика Нипоридзе, а затем чинно объявить ему благодарность и сообщить, что тот представлен к награде.

Вот и под Нефедьевом присутствие комдива вселило в бойцов уверенность, влило новью силы, воодушевило. Наступила минута, когда батальон Романова с кличем "Вперед, гвардейцы!" рванулся в атаку. От избы к избе покатился вал рукопашной схватки.

Утром 3 декабря Нефедьево снова полностью перешло в наши руки, были вызволены с колокольни командир полка Суханов, его адъютант и радист...

3.

И вот фронтовая дорога вновь привела меня в дивизию в дни наступления.

Генерал Белобородов был по-прежнему в форме полковника - четыре шпалы в петлицах. Он так и не нашел времени, чтобы съездить куда-то в армейские тылы на примерку, облачиться в генеральскую форму.

Девятая гвардейская дивизия перешла в наступление в ночь на 8 декабря. Мороз достигал 26-28 градусов, накануне прошли обильные снегопады, метели. Все это было весьма кстати, потому что фашистские танки и цуг-машины уже не могли двигаться напрямик по полям, как в середине ноября, когда снег в округе покрывал промерзшую землю таким тонким слоем, что темнели оголенные холмы и взгорки. Сугробы и крепкие морозы дальневосточникам на руку. Но в то же время снегопады и морозы несли с собой и для наших бойцов лишения и тяготы. Это могли бы подтвердить все те, кто под огнем, проваливаясь по пояс в снег, отбивал деревню Рождествено.

С начала наступления Белобородов и все командиры, в том числе командир полка Докучаев, богатырского роста, самый пожилой в дивизии, выглядели помолодевшими; все заново учились улыбаться, шутить.

Белобородов кричал в трубку телефона, прижимая ладонь к уху, чтобы не заглушала канонада, и поднимая при этом правую руку так, словно требовал, чтобы воюющие прекратили шум и грохот, - что за безобразие, в самом деле, не дают поговорить человеку!

- Что? Не слышишь? - комдив раскатисто засмеялся и подмигнул Бронникову, стоявшему рядом. - Когда тебя хвалю, всегда слышишь отлично. А когда ругаю, сразу глохнешь. Город пора брать, говорю. Что же тут непонятного? Не теряя времени, возьми город. Теперь понятно?..

На проводе был командир 258-го полка Суханов, а речь шла о наступлении на Истру.

После того как фашистов выбили из городка, они пытались остановить наступательный порыв наших бойцов и закрепились за рекой. Западный берег господствовал над местностью. Там, на

холмах, поросших густым ельником, прятались вражеские наблюдатели, там скрывались их минометы, пушки, пулеметы. А перед лесистыми холмами простиралось открытое снежное поле.

Русло реки было сковано льдом. Вчерашние воронки уже затянуло тонким молодым ледком, а от сегодняшних шел пар.

Донесся зловещий гул, и поверх льда пошла вода. Она затопила воронки, свежие и старые. Бурное декабрьское половодье леденило все - и кровь в жилах тоже. Это выше по течению противник взорвал плотину Истринского водохранилища.

В те минуты кто-то помянул недобрым словом минеров, которые не успели взорвать плотину полмесяца назад, когда фашисты теснили дивизию на восток. Вражеские танки прошли тогда по целехонькой дамбе и устремились вдоль восточного берега реки к югу, к городу Истре, подавляя очаги сопротивления укрепленного района, угрожая дивизии окружением. Батальон из полка Коновалова еще бился на западном берегу. Командарм отдал Белобородову приказ отойти, но связной с этим приказом был убит. Дивизия в полуокружении, с оголенными флангами, удерживала Истру, пока батальон не отошел через реку.

Но тогда был ледостав, а сейчас при двадцатипятиградусном морозе белели гребешки волн - то ли пена это, то ли пороша, подмытая и унесенная водой.

Вода быстро прибывала, а шла зимняя река с таким напором, словно течение накапливало силу все долгие годы своего заточения за плотиной. Облако пара, послушное всем поворотам реки, ее излучинам, подымалось над течением, пар смешивался с дымом. Каждый разрыв мины, снаряда рождал свою маленькую снежную метель. Не успеет снег опасть, и вот уже новый разрыв взметает черный снег, пропахший порохом и горелой землей.

Ни одной, даже утлой лодки, ни одного понтона не подтащили к заснеженному берегу вечером, ночью и на следующее утро. Можно ли поставить это в вину саперам дивизии? Кто мог вообразить, что в берегах, окованных льдом, неожиданно возникнет водная преграда?

Вода стала затапливать подходившие к реке овражки, лощинки, а эти низинные места, хотя и намело туда много снега, были самыми удобными, скрытыми подходами к реке. Бойцы, спасаясь от зловредного, опасного наводнения, поневоле подымались на высотки, карабкались на оледеневшие взгорки и бугры (по дальневосточной привычке называли их сопками), им вода не угрожала. Но сухие сопки, увы, просматривались и простреливались противником. Лишь за монастырской стеной, высотой в четыре сажени, было безопасно. Но ведь не

отсиживаться нужно было, а наступать!

Бойцы из роты Кочергина пытались перейти вброд - куда там! Дно реки превратилось в ледяной каток, и каждая свежая воронка, выдолбленная снарядом во льду и залитая теперь водой, стала невидимой и смертельной западней.

А немногие бойцы, которые форсировали Истру, не смогли удержаться на том берегу, их отбросили назад.

Тогда комдив поставил эту боевую задачу перед "романовцами", так в дивизии называли бойцов первого батальона 258-го стрелкового полка, батальоном командовал Иван Никанорович Романов.

Ночь напролет комдив просидел над картой, у полевого телефона. Он координировал действия артиллеристов, саперов и всех, кто обеспечивал операцию. В этой операции была та обдуманная дерзость, тот расчетливый азарт, какие в высшей степени свойственны старому комдиву и молодому генералу Белобородову.

Он ждал и никак не мог дождаться условной ракеты с того берега. Не было еще в его фронтовой жизни сигнала, которого он ждал бы с такой тревогой и с таким скрытым возбуждением. Тревога всегда больше, когда комдив сам не испытывает тех опасностей и невзгод, каким подвержены его бойцы и командиры.

Переправлялись кто как приспособился, на подручных средствах. Связисты догадались притащить половинки ворот и связать их проводом. Пулеметный расчет со своим "максимом" забрался на плотик из трех телеграфных столбов, скрепленных обмотками, обрывками проволоки. А самые отчаянные переправлялись вброд-вплавь, держась за плащ-палатки, туго набитые сухим сеном, за пустые бочки, за доски, за колеса, за снарядные ящики.

Нелегко дались дальневосточникам эти двести пятьдесят метров пути через оледеневшее русло реки и оледеневший берег. Тем больше обрадовали ракеты - белая и красная - с того берега, тем больше обрадовало первое благоприятное донесение, полученное от Романова!

- Держитесь, браточки, держитесь, земляки! Ай да Иван Никанорович, геройская твоя душа!.. - сказал Белобородов так, словно Романов мог услышать его с того берега.

Все раннее утро 12 декабря комдив и комиссар не уходили с берега. Белобородов вникал во все мелочи, связанные с организацией переправы. Под его присмотром саперы сколачивали первый плот из спиленных телеграфных столбов. Бревенчатый настил залили водой, лед накрепко схватил связанные бревна - на скользкий настил легче вкатить пушку. А

как нужны были на том берегу пушки для стрельбы прямой наводкой!

Боец с забинтованной головой, подталкиваемый более робкими товарищами, подошел к комдиву:

- Разрешите, товарищ генерал, обратиться по причине сильного обстрела. Дальневосточники за вас беспокоятся. Чересчур опасно. Приглашаем к нам в землянку...

По-видимому, землянка эта, вырытая в крутости прибрежного холма, уцелела с осени, ее отрыли и оборудовали пулеметчики укрепленного района, которые так неудачно оборонялись здесь.

Первую полковую пушку уже удалось переправить на тот берег, дела шли на поправку, и настроение у комдива соответственно поднялось. Боец, сидевший на корточках при входе в землянку, перечитывал письмо. Выяснилось, что письмо от невесты; комдив подшучивал, неназойливо расспрашивал бойца о его мирном житье-бытье. Но настроение комдива испортилось, когда он узнал, что бойцы сидят без хлеба, что кормили их только холодной картошкой.

Бронников давно служит, дружит с Белобородовым и не помнит случая, чтобы комдив потерял самообладание даже в самые критические минуты. Но когда комдив узнал о нерасторопности (трусости?) кого-то, кто оставил бойцов без хлеба, он был вне себя.

Был, правда, случай в 258-м полку, когда бойцы двое суток не получали горячей пищи. Но тогда снарядом разбило походную кухню, тогда бойцы дрались в полуокружении, а сейчас...

- Ненавижу... - Белобородов даже побледнел от негодования. - Натощак воюют герои. А кто-то дрыхнет или прячется. Смотреть ни на кого не хочу и слушать ничего не буду!

Комдив вышел из землянки, не дослушав объяснений прибежавшего туда батальонного штабиста. Кто-то оказался недостойным звания гвардейца, а Белобородов -слишком горячий патриот своей дивизии, чтобы с этим примириться.

Позже комдив вновь стоял на берегу Истры, к нему подошел начальник штаба полка и доложил, что хлеб в батальон доставлен. А кроме того, прибыли старшины, по-." вара и притащили термосы и бидоны. В термосах щи с мясом, в одном бидоне сладкий чай, а в другом - продукт номер шестьдесят один; в переводе с интендантского языка, на русский этот продукт именуется водкой.

Комдив наблюдал за переправой, стоя у подножия заснеженного кургана, близ монастыря. Когда-то здесь произошло сражение войск молодого Петра с взбунтовавшимися стрельцами. Мы помним об этой кровавой странице русской истории прежде

всего благодаря картине Сурикова "Утро стрелецкой казни". Но в то декабрьское утро никому в голову не приходило, что дивизия форсирует Истру в столь историческом месте.

Начальник дивизионной разведки Тычинин вручил комдиву захваченный его разведчиками и уже переведенный приказ командира дивизии СС "Рейх" Биттриха-от 2 декабря. Фашистский генерал исчислил в часах и минутах темп наступления на Москву. Но Белобородов. вместе со своими дальневосточниками властно перечеркнул все это аккуратное расписание.

Пушки, переправленные на западный берег, помогли,Романову закрепиться. Саперы старшего лейтенанта Трушникова воспользовались тем, что напор воды ослабел. Они пустили в дело сваи разрушенного моста, навели переправу, и теперь уже на подмогу батальону Романова торопились новые роты. По шатким мосткам прогромыхали орудийные передки, груженные снарядами, и санитарные повозки, которые тоже ехали не.порожняком, а везли ящики с патронами. На радостях Белобородов называл сапера Трушникова не иначе как Толей.

Я воспользовался минутным затишьем и спросил у Михаила Васильевича Бронникова о судьбе прядильно-ткацкой фабрики, которая давно была подготовлена к взрыву и начинена минами.

Оказывается, на днях на командный пункт к Белобородову пришли из Дедовска рабочие. Они поблагодарили комдива за спасение фабрики. Уже возобновили, работу! Сотканы первые метры ткани, из нее шьют обмундирование для бойцов, телогрейки, стеганые брюки, а также вещевые мешки.

Спросил я и про марш "Девятая гвардейская". Бронников сказал, что музыку пишет композитор Дунаевский. А на западном берегу Истры в те минуты звучала совсем другая музыка. Бойцы не маршировали, а ползли там по-пластунски, перебегали от укрытия к укрытию под аккомпанемент боя.

Комдив подбадривал тех, кто принял ледяную ванну, и бойцы по его приказу переобувались, наматывали сухие портянки, сушили валенки, наскоро обсыхали у догорающих домов. Роль костра играл и немецкий танк в низинке, близ берега. В такой мороз надобно согреться также изнутри, и старшины по приказу комдива выдавали всем невольным купальщикам двойную порцию водки.

Кроме бойцов в обледеневшей одежде, которым комдив приказал греться-сушиться, все остальные торопились на запад; подгоняемые ветром наступления. И только мне предстоял путь назад, в штаб армии. Там помогли связаться по телефону с Москвой, и мне выпала печальная обязанность первому сообщить в "Комсомольскую правду" о судьбе Истры и Нового Иерусалима...

12 декабря 1941 года.

В течение 15 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного и Юго-Западного фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником; продолжали продвигаться вперед и заняли г. Клин, Ясную Поляну - южнее Тулы, Дедилово и Богородицк юго-восточнее Тулы.

Из сообщения Совинформбюро

15 декабря 1941 г.

Евгений Петров

В Клину

Положение военных корреспондентов на Западном фронте становится все более сложным. Всего несколько дней назад мы выезжали налегке и, проехав какие-нибудь тридцать километров, оказывались на фронте. Сегодня в том же направлении нам пришлось проехать около сотни километров.

Путь немецкого отступления становится довольно длинным. И этот путь однообразен: сожженные деревни, минированные дороги, скелеты автомобилей и танков, оставшиеся без крова жители. Такой путь я наблюдал на днях, когда ехал в Истру.

Но есть еще один путь - путь немецкого бегства. Его я видел сегодня. Этот путь еще длиннее и гораздо приятнее для глаза советского человека. Здесь немцы не успевали сжигать дома. Они бросали совершенно целые автомобили, танки и ящики с патронами. Здесь жителям остались хотя и загаженные, но все-таки дома. Полы будут помыты, стекла вставлены, и из труб потянется дымок восстановленного очага.

Клин пострадал сильно. Есть немало разрушенных домов. Но все-таки город существует. Вы подъезжаете к нему и видите: это город.

Он был взят вчера в два часа. Сегодня это уже тыл. И тыл далеко не ближайший.

Что сказать о жителях? Они смотрят на красноармейцев с обожанием:

- Немцы уже не вернутся сюда? Правда? - выпытывают они. - Теперь здесь будете только вы?

Красноармейцы солидно и загадочно поднимают брови. Они не считают возможным ставить военные прогнозы. Но по тому, каким веселым доброжелательством светятся их глаза, исстрадавшимся жителям ясно: немцы никогда не придут сюда.

Начальник гарнизона майор Гусев рассказал мне, что недалеко от Клина, в деревне Поздневе, пятнадцатилетняя девочка Вера задала ему этот обычный вопрос: могут ли вернуться немцы? Майор пошутил. Он сказал, что, может быть, и вернутся. Он горько пожалел об этом. С девочкой приключился

глубокий обморок. Оказывается, в этой самой деревне Поздневе немцы убили нескольких жителей и изнасиловали двух девушек.

Красная Армия не только взяла Клин. Она спасла его в полном смысле слова. Удар был так стремителен и неожидан, что немцы бежали, не успев сделать то, что они сделали с Истрой, - сжечь город дотла.

И жители не знают, как отблагодарить красноармейцев.

Наша машина застряла в сугробе. Мы вылезли, чтобы помочь шоферу вытащить ее. Не успели мы оглянуться, как машину подталкивали уже десятка два рук. Все, кто проходили в эту минуту мимо нас, бросились нам помогать. Они, перебивая друг друга, рассказывают, как удобнее нам проехать, где встретится яма, скрытая снегом, и в каком месте лучше переехать по льду реку, так как мост через нее взорван.

Как только в Клин вошли первые красноармейцы, жители сразу же рассказали им, где и что заминировали немцы и где они оставили свои склады.

В одной из деревушек за Клином произошел случай столько же героический, сколько и юмористический.

Первыми о том, что немцы собираются бежать, пронюхали мальчики. Они подкрались к немецким грузовикам и стащили все ручки, которыми заводятся моторы. Немцы рвали на себе волосы, когда поняли, что бежать не на чем. Но медлить было нельзя. Пришлось им бежать самым естественным путем - при помощи собственных ног. Как только в деревне появились наши войска, мальчики торжественно поднесли им ключи. Машины были заведены и пущены в дело.

Побывал я и в домике Чайковского. Это была давнишняя моя мечта увидеть то, о чем я столько раз читал: уголок у окна, где Чайковский писал 6-ю симфонию и смотрел на свои любимые три березки, его рояль, книги и ноты.

Лучше бы я не приходил в домик Чайковского. То, что сделали в нем немцы, так отвратительно, чудовищно, тупо, что долго еще буду я вспоминать об этом посещении с тоской.

Мы вошли в дом. Встретил нас старичок-экскурсовод А. Шапшал. Он так привык встречать экскурсантов и водить их мимо экспонатов музея, что даже сейчас, после первых радостных восклицаний, он чинно повел нас наверх по узкой деревянной лесенке и, пригласив в довольно большую комнату, сказал:

- Вот зал, принадлежавший лично Петру Ильичу Чайковскому. Здесь, в этой нише, был устроен кабинет великого композитора. А здесь Петр Ильич любил...

Но вдруг он оборвал свою плавную речь и, всплеснув руками, крикнул:

- Нет, вы только посмотрите, что наделали эти мерзавцы!

Но мы давно уже во все глаза смотрели на то, что было когда-то музеем Чайковского. Стадо взбесившихся свиней не могло бы так загадить дом, как загадили его немцы. Они отрывали деревянные панели и топили ими, в то время как во дворе было сколько угодно дров, к счастью, все манускрипты, личные книги, любимый рояль, письменный стол - одним словом, все самое ценное было своевременно эвакуировано. Относительно менее ценное упаковали в ящики, но не успели отправить. Немцы выпотрошили ящики и рассыпали по дому их содержимое. Они топили нотами и книгами, ходили в грязных сапогах по старинным фотографическим карточкам, срывали со стен портреты. Они отбили у бюста Чайковского нос и часть головы. Они разбили бюсты Пушкина, Горького и Шаляпина. На полу лежал портрет Моцарта со старинной гравюры с жирным следом немецкого сапога. Я видел собственными глазами портрет Бетховена, сорванный со стены и небрежно брошенный на стул. Неподалеку от него немцы просто нагадили. Я не верил своим глазам. Я протирал их. Но ручаюсь своим добрым именем: немецкие солдаты или офицеры нагадили на полу рядом с превосходным большим портретом Бетховена.

Повсюду валялись пустые консервные банки и бутылки из-под коньяка. На одной из бутылок была прямо-таки сшибающая с ног этикетка: "Смесь водки и рома".

А. Шапшал сказал нам, что по ночам немцы с грохотом исполняли на рояле какие-то жалкие маршики. В эти минуты им на глаза попадаться было опасно.

- Неужели вы не объяснили немецкому офицеру, что это за дом?

- Да, я объяснил. Захожу как-то сюда и говорю: "Чайковский очень любил вашего Моцарта. Хотя бы поэтому пощадите дом". Да меня никто не стал слушать. Вот я и перестал говорить с ними об искусстве. И то придешь, а они вдруг и скажут: "А ну, старик, снимай валенки". Куда я пойду без валенок? Они тут многих в Клину пораздевали. Нет, с ними нельзя говорить об искусстве!

И мы перешли к чисто бытовым делам. В одной из маленьких комнаток рядом с кухней немцы устроили уборную, то есть, вернее, использовали в качестве уборной пол этой комнаты. Двух старых женщин, живущих при домике, они совершенно терроризировали: превратили в своих денщиков. Перед уходом из Клина немцы успели вывезти фортепьяно и всю кухонную посуду. Экспонатов они не взяли, видимо, не видя в них никакой ценности. Просто порвали и пораскидали их.

Я подошел к окну в том месте, где стоял письменный стол

Чайковского и где, он писал Патетическую симфонию. Прямо за окном, рядышком, стояли три знаменитые березки. Только это были уже березы, большие, вполне "взрослые" деревья. Они остались.

Но сейчас было не до грусти. Была деятельная военная жизнь.

16 декабря 1941 года

После ожесточенных боев войска Калининского фронта 16 декабря с. г. овладели городом Калинин.

Из сообщения Совинформбюро

"YB последний час"Y 16 декабря 1941 года

Борис Полевой

Как был занят гор. Калинин

Немцы стянули на этот участок фронта под Калинином большие силы. Одним только войскам генерала Юшкевича противостояли здесь части 86, 110, 129-й и 162-й пехотных дивизий противника. Они обосновались всерьез, построили несколько сильных укрепленных линий, густо насыщенных артиллерией и минометами. Они выселили целью деревни и устроили под домами колхозников дзоты, а в домах оборудовали нары в четыре этажа, очевидно собираясь тут зимовать.

Наши части прорвали линию немецких укреплений. В жестоких боях, переходящих в штыковые атаки и рукопашные схватки, они выбивали врага из окопов и блиндажей и отвоевывали одну деревню за другой. Сколько смелости, отваги, воинского умения, сочетавшегося с безграничной самоотверженностью, проявили бойцы и комиссары в этой борьбе!

Ваш корреспондент был свидетелем, как шел в атаку батальон депутата Верховного Совета СССР старшего лейтенанта Левуса.

Под прикрытием артиллерийского огня бойцы умело подползли к вражеским позициям. Потом загремело русское "ура".

Бойцы вскочили на ноги и с винтовками наперевес во главе со своим командиром, поражая немцев пулей и штыком, перескакивая через вражеские трупы, ворвались в деревню. Удар был так силен и стремителен, что немцы, бросив сильно укрепленные позиции, стали удирать. Они бежали через деревню и через поле, бросая оружие. Бойцы преследовали их. В этом бою вражеской пулей был сражен лейтенант Левус.

Чудеса храбрости показала в бою за важный узел вражеского сопротивления - село К. - рота автоматчиков во главе с Героем Советского Союза лейтенантом Кузекиным. Под покровом темноты они просочились сквозь линию вражеской обороны в самый центр укрепленного узла и открыли огонь из своих автоматов, поражая врага с тыла. Горсточка храбрецов,

неожиданно появившаяся в сердце вражеского расположения, вызвала панику. Солдаты и офицеры группами выбегали из блиндажей и тут же падали, сраженные пулями автоматов.

Лейтенант Кузекин был ранен в плечо и в живот. Преодолевая страшную боль и скрывая от своих бойцов рану, он лежа продолжал руководить боем, не выпуская из рук своего автомата. Он дал отнести себя на медпункт только тогда, когда на помощь автоматчикам подоспела наша пехота и вражеский укрепленный узел был взят. Мы повидали Кузекина через несколько минут после боя. Весь забинтованный, лежа на носилках, он еще продолжал жить сражением, и первое, что он спросил, было:

- Выбили гадов? Ну а как мои автоматчики, не подкачали? Орлы ребята!

В этих напряженных боях части генерала Юшкевича разгромили 86, 129-ю и 162-ю немецкие дивизии и сильно потрепали 110-ю дивизию, освободив свыше 35 населенных пунктов. Не давая немцам опомниться, войска генерала Юшкевича вместе с частями генерала Масленникова ударили на город Калинин.

* * *

И вот сегодня в полночь после короткой и энергичной артиллерийской подготовки войска генерала Конева, прорвав мощную оборону противника, несколькими колоннами ринулись на штурм города. На темных улицах погруженного в мрак города разгорелся жестокий бой.

Шквальным огнем артиллерии и автоматчиков немцы пытались сдержать наши части. Напрасно! Наступательный порыв бойцов рос с каждой минутой. С боем беря каждый дом, наши воины продолжали двигаться вперед, и вскоре Н-ская часть овладела Заволжьем и Затверечьем.

Другие части сломили сопротивление немцев на юго-востоке от города, захватили 15 селений и заняли элеватор, который немцы превратили в мощный оборонительный узел. Вслед за тем бойцы ринулись в город по Московскому шоссе.

Не выдержав стремительного натиска наших войск, враг начал в беспорядке отступать на запад, бросая оружие, снаряжение, боеприпасы.

В боях за Калинин разгромлены 86, 110, 129, 161, 162-я и 251-я пехотные дивизии противника. Враг оставил в предместьях и на улицах города очень много неубранных трупов солдат и офицеров. Наши части взяли богатые трофеи.

Захвачено много орудий, оружия и снаряжения. Подсчет трофеев продолжается.

* * *

Город Калинин снова стал советским!

Два красноармейца, забравшись на крышу старинного здания, где помещался облсовет, подняли на флагшток красный флаг. С Волги рванул ветер, флаг развернулся в морозном воздухе.

Мы медленно едем по улицам, огибая вырытые бомбами воронки, срезанные осколками снарядов телеграфные столбы и трупы немецких солдат, кучами и в одиночку валяющиеся на перекрестках, где только что происходил бой. Мы едем по городу, испытывая одновременно и радость и боль. Радостно потому, что город вырван из грязных вражеских лап. Больно видеть, как за два месяца своего хозяйничанья немецкие бандиты разрушили и загадили то, что с такими трудами, с такой любовью создавалось годами.

Мы едем мимо сквера. Он почти вырублен немцами на дрова. Посредине его лежат осколки памятника Пушкину. Немцы сделали из него мишень для метания гранат. Черными впадинами окон смотрит на улицу здание сожженной библиотеки. Разрушен театр, которым так гордились калининцы. Черный дым стелется по улицам: это догорают хлебозавод, баня и новые дома на проспекте Чайковского.

Удирая из Калинина, немцы оставили в целости большие склады с боеприпасами, бросили на дороге массу исправных автомашин. А вот баню и дома трудящихся зажгли! Только бешеному зверю, ослепшему от бессильной ярости, свойственна такая жажда бесцельного разрушения.

Немцы бежали из Калинина в панике.

На одной из улиц они бросили 3 танка, не успев их даже зажечь. На проспекте Калинина застряла длинная вереница автомашин: шоферы бежали, оставив их.

Одна из машин разбилась о телеграфный столб. В ней были посылки немецких солдат, которые не успели отправить адресатам в Германию. Красноармейцы вынули содержимое одной из них и разложили на снегу. Это: два поношенных детских костюмчика, выкраденных из чьего-то комода, две пары поношенных женских галош, грязное мужское белье, кукла без ноги и две измятые серебряные ризы, содранные с какой-то иконы.

Все это обер-ефрейтор Курт Рухенау посылал своей матери в город Кельн, на Кайзерштрассе, 14.

И вот лежат на снегу эти трофеи гитлеровского жулика! А рядом труп дюжего немца. Красноармейцы, проходя мимо, брезгливо смотрят на них: сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать!

Темнеет. Раскаты артиллерии доносятся все глуше. Линия боя отодвигается на запад. А в городе уже начинает завязываться жизнь: связисты тянут провода, саперы расчищают улицы.

Красное знамя полощется на ветру. После двухмесячного страшного кошмара жизнь в Калинине начинается снова.

17 декабря 1941 года

Константин Симонов

На Рыбачьем и Среднем

В политотделе среди захваченных у немцев документов хранится затрепанный номер немецкой газеты. На четвертой странице ее напечатана любопытная история о том, как храбрые горноегерские части штурмом брали полуострова Средний и Рыбачий.

История эта особенно любопытна потому, что мы сейчас полным ходом идем на маленьком буксире к берегам того самого Рыбачьего полуострова, который на страницах немецких газет еще в июле захвачен горными егерями.

Однако капитан буксирчика, долговязый, спокойный моряк в выцветшей фуфайке, Петруша, как его ласково зовут на буксире, отнюдь не боится попасть в плен к немцам.

Он, к сожалению, не читал "Фелькишер беобахтер", и поэтому о пребывании немцев на Рыбачьем полуострове ему, конечно, ничего не известно.

- Сколько раз хожу, не видел, - говорит он, лениво пожевывая папироску. - Правда, стреляют иногда с того берега, от Пикшуева мыса. Это действительно. Ну, да ведь моя байда, как блоха, - разве в блоху из пушки попадешь.

И правда, буксирчик малодоступен для артиллерии, особенно в такую погоду, как сегодня, когда среди бушующих волн Мотовского залива за пятьдесят метров видна только верхушка его трубы.

Не знаю, откуда произошло название Мотовский залив, но здесь все вполне резонно считают, что не иначе как от слова "мотать", и между собой фамильярно называют его просто "Мотка".

Вся земля кругом причалов, окрестные сопки и ущелья покрыты воронками. День за днем, месяц за месяцем, пытаясь нарушить снабжение защитников Среднего и Рыбачьего, немцы бомбили это побережье. На дне залива лежат тысячи тонн сброшенного ими металла.

- Если бы собрать все железо, которое они сбросили, чтобы разбомбить этот портовый поселок, то можно было бы выстроить точно такой же металлический, - со спокойным стариковским юмором замечает седой подполковник.

Крайний Север дает себя знать. Всю ночь валит снег. К утру дороги заносит настолько, что до расчистки их тракторами ехать на машине с Рыбачьего на Средний нечего и думать.

- Вы только посмотрите на карту, - говорит комендант. - Куда только судьба может занести одессита! Весь Кольский полуостров - это, можно считать, самый нос материка. Ну, а Рыбачий - это же бородавка на носу. И выходит, что я не кто иной, как комендант бородавки. Да. А вам придется посидеть у меня сутки, раньше дороги не будет. Кстати посмотрите, как нас тут бомбят.

Гинзбург смотрит на часы и направляется к выходу из землянки.

- Обычно как раз в это время попьют утром своего бобового кофе и прилетают.

На высоте пяти тысяч метров, еле видный, действительно крутится самолет.

- Сначала ниже летали, потом сбили несколько из зениток, и теперь ниже трех тысяч не порхают.

Самолет сделал еще несколько кругов и, не пикируя, сбросил полдюжины бомб. Над заливом поднялись водяные столбы.

Самолет повернул на запад.

- Ну, вот нас и "разбомбили", - меланхолически замечает комендант, провожая самолет равнодушным взглядом. -Теперь пойдемте завтракать.

До ночи мы не остались. Снег безнадежно продолжал сыпать, и мы решили переправиться с Рыбачьего на Средний на моторной лодке. Лодку так заливало встречными волнами, что минутами казалось, что она идет не по волнам, а где-то внизу, сквозь них.

Стоя по щиколотку в воде, закутанный в резиновый плащ, рулевой на всякий случай держал ближе к берегу. Моторист дежурил у пулемета. От немцев нас отделял только узкий пролив.

Впрочем, встреча в такую ночь, по словам рулевого, была маловероятна.

- Немец не выйдет в море по такой погоде. Норвежец бы и вышел, да немца не повезет. Не любит немца.

- Не любит?

- Точно!..

На исходе второго часа, когда вода в лодке дошла как раз до картера мотора, мы, наконец, мокрые до нитки, причалили к берегу Среднего полуострова.

С места в карьер пришлось карабкаться вверх по крутой дороге, а потом и вовсе без дороги, по скользкому, обледеневшему обрыву.

Часовой открыл перед нами невидимую дверь.

Электрический свет, пышущая жаром, сделанная из

гофрированного железа трофейная финская печка, стены, потолок и пол из толстых бревен, рабочие столы с настольными лампами под зелеными абажурами, - все говорило, что здесь устроились с необходимыми удобствами и разумным комфортом.

Полковник Васильчиков после трудового дня, уютно примостившись к печке, стакан за стаканом, "по-московски", не спеша пил крепкий чай.

- Как стояли, так и стоим, - сказал он, отчеркивая ногтем на карте полуострова линию, где проходит передний край. - Слева - залив, справа море, впереди - горы. Как были они в наших руках, так и остались. И отдавать не собираемся. А немцы? Что ж, немцы, конечно, пробуют. Сначала неосторожно пробовали, теперь осторожнее стали. А что касается подробностей, так вы лучше в боевой журнал посмотрите. Там все записано...

И, считая вопрос исчерпанным, неразговорчивый полковник взялся за пятый стакан.

Причина его неразговорчивости, обычная причина неразговорчивости наших командиров, выяснилась впоследствии.

Рассказывая о боях за полуостров, полковник волей-неволей был бы принужден много говорить о себе.

В первые дни войны немцы, сосредоточив несколько дивизий, прорвались на тридцать километров вдоль побережья по направлению к Мурманску. Узкий перешеек, единственный выход с полуострова на материк, неожиданно оказался закупоренным немцами.

Гарнизон и Рыбачьего и Среднего готовился к обороне с моря. Появление немцев с суши было внезапным.

На перешейке стояло только несколько рот. Обрушив на них целую дивизию, немцы пытались одним ударом с гор спуститься на перешеек, и, пройдя его узкое горло, разлиться по всему полуострову.

В эту критическую минуту на полуострове нашлась твердая рука и железная воля Васильчикова.

Полковник приказал в кратчайший срок выдвинуть вперед к перешейку тяжелые береговые батареи, а сам тем временем, собрав все, что оказалось под рукой, выехал на передовые.

Он не остановился перед тем, чтоб своей рукой на месте расстрелять труса, повернул отступившие роты и бросил их в контратаку.

Тем временем подвезли пулеметы и орудия. Установив их на ближайших сопках, удалось их огнем задержать немцев. К вечеру заговорили подтянутые на новые позиции наши тяжелые орудия. Они поставили перед наступавшей немецкой дивизией стену огня, и на следующий день положение было восстановлено. Ни

одного живого немца не осталось на перешейке. Только на скатах хребта, там, где вчера немецкие батальоны густым строем шли в "психическую атаку", вповалку лежали груды трупов, скошенных пулеметным и артиллерийским огнем.

И с этого дня ни один немецкий сапог уже не ступал на скалистую почву Среднего и Рыбачьего полуостровов.

Месяц за месяцем делали они попытки прорваться, шли жестокие бои за прилегающие к перешейку командные высоты на материке. Но прорваться к перешейку немцам так и не удалось.

Мы день за днем объезжали оба полуострова.

Дороги здесь особенные, их не строят, а обнажают. Снимают неровности, дерн, валуны и обнажают скалу, ровняют камень и гальку. Часто дороги в то же время поневоле служат стоком для горной воды. Вода, пробиваясь сквозь лед, бежит под полозьями саней. Телеграфные столбы, чтобы их не вырвало здешними свирепыми ветрами, до половины человеческого роста обложены пирамидами из камней.

Землянки, убежища, командные пункты - все построено прочно, надолго, с тяжелыми накатами бревен, с перекрытиями из двухтаврового железа.

Беспрерывный полярный день с его короткими белыми сумерками все лето не давал ни минуты покоя, сна, передышки. Все укрепления возводили на глазах врага, под пулями.

Когда эти работы были закончены, саперы взялись за дороги и постройку госпиталя.

Через месяц под землей вырос, а верней сказать - в землю врос, целый медицинский городок. Палаты на сто двадцать коек, приемный покой, операционная, кабинеты врачей. На полуострове создался подземный госпиталь особого типа - и полевой и в то же время тыловой.

Здесь не оставляли только тех, кому предстояло лежать более полутора месяцев. А всех тех, кто хоть через полтора месяца мог стать снова в строй, лечили здесь же, на полуострове, не отправляя на материк.

На полуострове все вросло в землю: землянки, медпункты, гаражи, конюшни, склады - все стало подземным.

Можно ехать километр за километром среди расположения войск и не видеть ничего, кроме снега и торчащих из-под него красноватых скал.

Замаскированные в скалах западного побережья полуострова береговые батареи топят немецкие транспорты, идущие по единственному пути из Киркенеса в Петсамо.

По вспышкам нащупав примерное расположение батарей, немцы несколько раз пытались провести свои транспорты под

прикрытием бомбежек.

Как только транспорты, крадучись вдоль берега, подходили к Петсамскому заливу, начиналась бомбежка батарей.

Но артиллеристы ухитрялись все-таки давать залпы по кораблям, выскакивая из укрытий к своим орудиям, в короткие интервалы между двумя заходами бомбардировщиков.

Потеряв так еще один транспорт, немцы стали бомбить беспрерывно, заходя и пикируя по очереди, по одному самолету. Тогда артиллеристы стали уходить в укрытие тоже по очереди. Один орудийный расчет во время бомбежки оставался и продолжал стрельбу по транспортам.

Большие хлопоты причиняют немцам тяжелые батареи, бьющие по подступам к перешейку.

На гребне покрытых снегом скал, куда нам добрых два часа пришлось добираться чуть не ползком, бессменно, денно и нощно сидит на своем наблюдательном пункте командир Скробов.

Это место похоже на орлиное гнездо, и на больших белых птиц похожи наблюдатели Скробова, неподвижно припавшие в своих широких белых халатах к гребню скалы.

Постоянный, непрерывный, бешеный, режущий ветер. Здесь, на вершине, он дует минуту, час, день, неделю, месяц, год. Он дует всегда. У наблюдателей - потрескавшиеся от ветра губы и красные, воспаленные глаза. Но зато отсюда, с этой открытой всем четырем ветрам скалы, видны все дороги и тропки, ведущие к перешейку.

Сам Скробов, большой молчаливый, редко улыбающийся человек, "научный работник", как его шутя называют в штабе, действительно ведет свою работу с научной точностью.

Все пристреляно: каждый квадрат, каждый выступ, каждая лощинка, тропа.

Провода идут вперед, на второй наблюдательный пункт - он всего в пятистах метрах от немцев. Впрочем, однажды, когда это было нужно, он был не в пятистах метрах от немцев, а в пятистах метрах за немцами. Артиллерист-лейтенант Лоскутов с радиопередатчиком прополз в тыл к немцам и трое суток корректировал огонь оттуда.

У Скробова все подсчитано, отмечено, записано. Здесь в крохотной, врубленной в скалы землянке, он, недавний красноармеец, экстерном окончивший школу средних командиров, человек с упрямым ртом и острыми глазами самородка, ухитряется вести сложную артиллерийскую документацию во всей ее красоте и аккуратности, почти как на выпускных испытаниях в школе.

Зато и документация потерь, нанесенных немцам, оставляет

внушительное впечатление. Артиллеристы уничтожили за небольшой отрезок времени семь орудий, семнадцать минометов, двадцать три станковых пулемета, сорок шесть машин, пять командных пунктов, два самолета и тысячу сто человек живой силы врага!

Кстати, один из этих самолетов - "летающую лодку" - артиллеристы расстреляли за двенадцать километров, когда она, ничего не подозревая, спокойно села на воду у своего берега.

Над полуостровом ревет ноябрьская вьюга. Теперь снег и ветры зарядили до самого мая. Снегом заметает входы в блиндажи, по утрам их откапывают. Еще неделя - и дома вместе с крышами и трубами уйдут под снег. День и ночь, под вой пурги, на склонах хребта, отделяющего перешеек от материка, идет кровавая упорная борьба передовых отрядов. По ночам туда, карабкаясь по скалам, в термосах на спине подносят горячую пищу. Ветер, ветер и еще раз ветер. В землянке, включив радио и ничего не слыша, кроме свиста и воя, шутят:

- Опять идет трансляция с аэродрома.

Всю ночь дуют ветры из Норвегии. От Норвегии до Рыбачьего - шестьдесят миль. От нас до Норвегии -столько же.

Илья Эренбург

30 декабря 1941 года

Под елкой - убитый немец. Он наполовину занесен снегом. Кажется, будто он, прищурясь, смотрит на восток.

Отсюда три недели тому назад немецкие офицеры разглядывали Москву в полевой бинокль. Я читаю листок "Золдатен ангрифф": "Москва огромный город. В нем - прославленный своей восточной красотой Кремль. В Москве много больших гостиниц, театров и кафе..." Кажется, что это "гид", изданный бюро путешествий. Вероятно, немецкие офицеры уже выбирали себе гостиницу...

Они не сомневались в своей победе. Они писали, что заводы Калинина начнут работать весной 1942 года. Их штабы в Ельце, в Алексине, в Белеве обосновались прочно, надолго. На стенах портреты Гитлера, семейные фотографии и непристойные открытки, вывезенные из Парижа... Они раскладывали по шкафам архивы, посвященные боям в Югославии, и летние вещи. Вот ракетка для тенниса... Елка с недогоревшими свечами. На ней звезда. Они пили вокруг елки водку и шампанское. Они верили в счастливую звезду своего фюрера. Они убежали, не успев даже подумать, что с ними случилось.

1941 год был для них победным. Они сожгли Белград. Они надругались над Акрополем. Они захватили Украину и Белоруссию. Они уже выбирали барабанщиков, которые пройдут

по проспектам Ленинграда. Они уже спорили, кто первый снимется в Москве на Красной площади. Одиннадцать месяцев они торжествовали, но в году двенадцать месяцев, и двенадцатый оказался для немцев фатальным. Звезда фюрера потускнела.

Вот ведут в штаб пленных. Немцев не узнать. В Париже летом 1940 года я видел беспечных и наглых туристов. Осенью 1941 года в Брянском лесу я видел солдат, усталых, но дисциплинированных. Попав к нам в плен, они боялись не нас, но своего фюрера и своего ротного командира. Теперь это не те немцы. Они смотрят бессмысленными, тусклыми глазами. Они чешутся, ругаются, судорожно зевают. Солдат толкает офицера - хочет продвинуться ближе к печке. Им наплевать на расовые теории, на железные кресты, на "крестовый поход". Они говорят только о холоде, о голоде, о том, что у какого-то Рашке осколок снаряда прободал живот. Они столько просидели вместе со смертью, что пропитались трупным запахом. Это неживые. Их хочется разбудить, растолкать. Вдруг один, встряхиваясь, будто ему нужно скинуть с себя одурь, ругает Гитлера - черная, угрюмая брань кипит на его растрескавшихся губах. Немцы уносят легкое вооружение и винтовки убитых, но на дорогах тысячи машин. Одни из них забуксовали в снегу, у других не хватило бензина. Немцы, недавно кричавшие о своем превосходстве ("У нас моторы"), отдавали "мерседес" за тощую лошаденку. Их моторизированная пехота наконец-то научилась ходить пешком... Брошены орудия, минометы, ящики с патронами. Это не паническое бегство, но это и не стратегический отход, это - отступление под натиском наших частей. В Волоколамске мы нашли посередине города большую виселицу: восемь повешенных, среди них молоденькая девушка. Такие же виселицы были в Калинине, в Ливнах... У себя к рождеству фашисты ставили на площадях елки, у нас они воздвигали виселицы.

Повсюду приказы - перечень проступков, за которые полагается петля. Достаточно накормить красноармейца или дать ему гражданскую одежду, чтобы попасть на виселицу. Гитлеровцы не пытались заигрывать с населением. Они хотели одного: запугать народ. Но жители русских городов оказались неукротимыми. Многие из них уходили в соседние леса и там, несмотря на суровые морозы, ждали возвращения Красной Армии. Когда немцы взяли Наро-Фоминск, они не нашли в городе ни одного жителя. В Калинине жители не выполняли немецких приказов. Гитлеровцы загоняли женщин в сараи и там расстреливали. Один гараж подожгли - с людьми.

Я читал приказ немецкого полковника Шитника: "Чтобы произвести надлежащие разрушения, надо сжечь все дома..."

Сожжен древний город Епифань. Истра, веселая Истра, хорошо знакомая москвичам, - обугленные стены и щебень. Если в Калинине, Ельце, Ливнах остались неповрежденные кварталы, то только потому, что немцы спешили убраться восвояси.

Когда приходят наши бойцы, показываются люди - из лесов, из рвов, из подвалов. Кажется, что в эти короткие зимние дни, в последние дни года, начинается весна. Строят бараки. После долгого перерыва пекут хлеб, и запах свежеиспеченного хлеба веселит, как свидетельство вечной жизни. Старенькая библиотекарша, вся в инее, прижимает к груди несколько спасенных книжек. А час спустя, обезумев от радости, пишет на обороте немецкого плаката: "Библиотека снова открыта". Вставляют стекла. Женщины помогают чинить железнодорожный путь. Из Москвы привезли конверты, крупу, сахар. С каждым днем жизнь плотнеет, становится ощутимой, реальной.

Вечером черна затемненная Москва. Но ярко горят глаза людей: Москва спасена. Москва не узнала горчайшего: плена. Не страшны теперь сирены. Улыбаясь, москвичи украшают скромные елки. Над ними сусальные звезды. И там, над домами, под звездами неба, звезды Кремля...

Канун Нового года... Мы не мерим победы на аршины и фунты. Мы не примем четвертушки победы, восьмушки свободы, половинки мира. Мы хотим свободы для себя и для всех народов. Мы хотим мира не на пять, не на десять, не на двадцать лет. Мы хотим, чтобы наши дети забыли о голосе сирен. У моего друга, красноармейца, который первым вошел в Волоколамск, жена родила в Москве - осенью. Мальчик провел уже сорок ночей в метро, а мальчику два месяца. И мой друг говорит: "Я умру, чтобы этого больше не было..." Мы хотим, чтобы наши дети рассказывали о танках как о доисторических чудовищах. Не затем мы сажаем сады и строим заводы, чтобы каждые двадцать пять лет их уничтожали буйные кочевники. Это мы говорим, глядя, на развалины Наро-Фоминска и Истры. Гитлеровцев мы уничтожим такова наша новогодняя клятва.

1942

Клянемся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад!
Чтоб больше не шли вслед за нами
Безмолвные тени солдат.
Константин Симонов

Преследуя противника, бойцы тов. Говорова (Западный фронт) заняли 4 важных населенных пункта...

Из сообщения Совинформбюро
16 января 1942 г.

Петр Лидов{6}

Таня

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю девушку-партизанку.

Еще не установлено, кто она и откуда родом. Незадолго до разыгравшейся в Петрищеве трагедии один из верейских партизан встретил эту девушку в лесу. Они вместе грелись в потаенной партизанской землянке. Девушка назвала себя Таней. Больше местные партизаны не встречали ее, но знали, что где-то здесь, неподалеку, заодно с ними действует отважная партизанка Таня.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Генеральное наступление немцев на нашу столицу, начавшееся 16 ноября, достигло к этому моменту своего предела. Неприятелю удалось на значительную глубину охватить Москву своими клещами, выйти на рубеж канала Москва - Волга, захватить Яхрому, обстреливать Серпухов, вплотную подойти к Кашире и Зарайску. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев, а в Москве слышна была артиллерийская канонада.

Однако эти временные успехи дались врагу недешево. Войска генерала армии Г. К. Жукова оказывали ему сильнейшее сопротивление. Продвигаясь вперед, немцы несли громадные потери и к началу декабря были измотаны и обескровлены. Их ноябрьское наступление выдохлось, а Верховное Главнокомандование Красной Армии уже готовило врагу внезапный и сокрушительный удар.

Партизаны, действовавшие в захваченных оккупантами местностях, помогали Красной Армии изматывать врага. Они выкуривали немцев из теплых изб на мороз, нарушали связь, портили дороги, нападали на мелкие группы солдат и даже на фашистские штабы, вели разведку для советских воинских частей.

Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам. Вот тогда-то в Верейском районе и появилась Таня.

Небольшая, окруженная лесом деревня Петрищево была битком набита немецкими войсками. Здесь, пожирая сено, добытое трудами колхозников, стояла кавалерийская часть. В каждой избе было размещено по десять двадцать солдат. Хозяева домов ютились на печке или по углам.

Немцы отобрали у колхозников все запасы продуктов. Особенно лют был состоявший при части переводчик. Он издевался над жителями больше других и бил подряд всех - и старого и малого.

Однажды ночью кто-то перерезал все провода германского

полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей.

На следующий вечер партизан снова пришел в деревню. Он пробрался к конюшне, в которой находилось свыше двухсот лошадей кавалерийской части. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо - сумка. Подойдя к конюшне, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизана ввели в дом, и тут разглядели, что это девушка, совсем юная, высокая, смуглая, чернобровая, с живыми темными глазами и темными стриженными, зачесанными наверх волосами.

Солдаты в возбуждении забегали взад и вперед и, как передает хозяйка дома Мария Седова, все повторяли: "Фрау партизан, фрау партизан", - что значит по-русски - женщина-партизан. Девушку раздели и били кулаками, а минут через двадцать избитую, босую, в одной сорочке и трусиках повели через все селение в дом Ворониных, где помещался штаб.

Здесь уже знали о поимке партизанки. Более того, уже была предрешена ее судьба. Татьяну еще не привели, а переводчик уже торжествующе объявил Ворониным, что завтра утром партизанку публично повесят.

И вот ввели Таню. Ей указали на нары. Против нее на столе стояли телефоны, пишущая машинка, радиоприемник и были разложены штабные бумаги.

Стали сходиться офицеры. Хозяевам было велено уйти в кухню. Старуха замешкалась, и офицер прикрикнул: "Матка, фьють!.." - и подтолкнул ее в спину. Был удален, между прочим, и переводчик. Старший из офицеров сам допрашивал Татьяну на русском языке.

Сидя на кухне, Воронины все же могли слышать, что происходит в комнате.

- Офицер задавал вопросы, и Таня отвечала на них без запинки, громко и дерзко.

- Кто вы? - спросил офицер.

- Не скажу.

- Это вы подожгли вчера конюшню?

- Да, я.

- Ваша цель?

- Уничтожить вас.

Пауза.

- Когда вы перешли через линию фронта?

- В пятницу.

- Вы слишком быстро дошли.

- Что ж, зевать, что ли?

Татьяну спрашивали, кто послал ее и кто был с нею. Требовали, чтобы она выдала своих друзей. Через дверь доносились ответы: "Нет", "Не знаю", "Не скажу", "Нет". Потом в воздухе засвистели ремни и слышно было, как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил из комнаты в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши. Даже нервы фашиста не выдержали...

Четверо мужчин, сняв пояса, избивали девушку. Хозяева насчитали двести ударов. Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: "Нет", "Не скажу", - только голос ее звучал глуше, чем прежде.

Два часа продержали Татьяну в избе Ворониных. После допроса ее повели в дом Василия Александровича Кулика. Она шла под конвоем, по-прежнему раздетая, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в избу, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Она тяжело дышала, волосы ее были растрепаны и черные пряди слиплись на высоком, покрытом каплями пота лбу. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями хотели от нее добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошел было к кадушке с водой, но часовой опередил его, схватил со стола лампу и, подойдя к Татьяне, поднес ей лампу ко рту. Он хотел этим сказать, что ее надо напоить керосином, а не водой.

Кулик стал просить за девушку. Часовой огрызнулся, но потом нехотя уступил. Она жадно выпила две большие кружки.

Вскоре солдаты, жившие в избе, окружили девушку и стали над ней издеваться. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой.

Хозяева просили немцев не мучить девушку, пощадить хотя бы находившихся здесь же детей. Но это не помогло.

Лишь вдоволь натешившись, солдаты ушли спать. Тогда часовой, вскинув винтовку на изготовку, велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Так, босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти часов вечера до двух часов ночи и через каждый час выводил девушку на улицу на пятнадцать-двадцать минут. Никто в точности не знает, каким еще надругательствам и мучениям подвергалась Татьяна во время этих страшных ночных прогулок...

Наконец на пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

- Ты чья будешь? - спросила она.

- А вам зачем это?

- Сама-то откуда?

- Я из Москвы.

- Родители есть?

Девушка не ответила.

Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

- Позавчера - это ты была?

- Я... Немцы сгорели?

-Нет.

- Жаль. А что сгорело?

- Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело...

В десять часов утра пришли офицеры. Старший из них снова спросил Татьяну:

- Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила.

- Скажите, где находится Сталин?

- Сталин находится на своем посту, - ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали - им велели выйти из комнаты и впустили их обратно, когда допрос был уже окончен.

Принесли Татьянины вещи: кофточку, брюки, чулки. Тут же

был ее вещевой мешок, и в нем - сахар, спички и соль. Шапка, меховая куртка, пуховая вязаная фуфайка и валеные сапоги исчезли. Их успели поделить между собой унтер-офицеры, а варежки достались повару с офицерской кухни...

Татьяна стала одеваться, хозяева помогли ей натянуть чулки на почерневшие ноги. На грудь девушки повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: "Зажигатель домов". Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружили десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые из пришедших потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под петлей, спущенной с перекладины, были поставлены один на другой два ящика. Отважную девушку палачи приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего "кодака" - немцы любят фотографировать казни и порки. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

- Эй, товарищи! Что смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

- Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье -умереть за свой народ...

Офицер снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул офицеру:

- Абер дох шнеллер!{7}

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

- Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами!

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и

крикнула, напрягая все силы:

- Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!

Палач уперся кованым башмаком в ящик. Ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену на фашистской дыбе, ни единым звуком не высказав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить. Память о ней да живет вечно!

Площадь быстро опустела. Люди торопились по домам, и в тот день никто не выходил уже на улицу без крайней надобности. А те, кому нужно было пройти мимо виселицы, низко опускали голову и убыстряли шаг.

Целый месяц провисело тело Татьяны, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Когда через деревню проходили немецкие части, тупые фигуры окружали эшафот и долго развлекались возле него, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах от Петрищева их ждало новое развлечение: здесь, у здания участковой больницы, висели трупы двух повешенных немцами мальчиков. Так шли они по русской земле, залитой кровью, утыканной виселицами и вопиющей о мщении.

...В ночь под Новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом Тани. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января переводчик распорядился спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Здесь, на отшибе, стояло здание начальной школы. Немцы разорили его, содрали полы и из половиц построили в избах нары, а партами топили печи. Между этим растерзанным домом и опушкой леса, средь редких кустов, была приготовлена могила. Тело Тани привезли сюда на дровнях, с обрывком веревки на шее, и положили на снег. Глаза ее были закрыты, и на мертвом смуглом лице выделялись черные дуги бровей, длинные шелковистые ресницы, сомкнутые губы да фиолетовый кровоподтек на высоком челе. Прекрасное русское лицо Тани сохранило цельность и свежесть линий. Печать глубокого покоя лежала на нем.

- Надо бы обернуть ее чем-нибудь, - сказал один из рывших могилу крестьян.

- Еще чего, - прогнусавил переводчик. - Почести ей отдавать

вздумал?..

Юное тело зарыли без почестей под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик.

А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Нападение русских было внезапно, и немцы покидали Петрищево в спешке. Если прежде они любили твердить колхозникам: "Москау - капут!", то теперь они знаками показывали, что русские их бьют, а они, немцы, собираются в Берлин. Пока же они отходили в направлении на Дорохово.

Дойдя до соседней деревни Грибцово, немцы подожгли ее. Грибцово сгорело все целиком. Погорельцы потянулись в Петрищево искать приюта. И из других окрестных деревень, подожженных фашистами, тянулись сюда обездоленные семьи, волоча за собой на салазках закутанных плачущих детей и остатки домашнего скарба.

Лишь на другой день отступившие немцы спохватились, что Петрищево-то они и не подожгли. Из Грибцова был послан отряд в двадцать четыре человека. Этим людям приказали вернуться и сжечь Петрищево. С неохотой возвращались фрицы и думали: а что, как мы провозимся здесь, отстанем от своих да попадем в лапы к русским? И решили не возиться с поджогом, а рысцой пробежав по деревне, только переколотили палками все окна в домах и тут же скорее понеслись вдогонку за своей частью.

Хорошо, что трусливые фрицы не отважились выполнить приказание своего начальства. Хоть одна деревня в округе уцелела. И уцелели свидетели кошмарного преступления, содеянного гитлеровскими гнусами над славной партизанкой. Сохранились места, связанные с ее героическим подвигом, сохранилась и святая для русских людей могила, где покоится прах Татьяны.

Войска храброго генерала Леонида Говорова быстро прошли через Петрищево, преследуя отступающего врага на запад, к Можайску и дальше - к Гжатску и Вязьме. Но бойцы найдут еще время прийти и сюда, чтобы до земли поклониться праху Татьяны и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух.

И скажет тогда любимый командир:

- Друг! Целясь в фашиста, вспомни Таню. Пусть пуля твоя полетит без промаху и отомстит за нее. Идя в атаку, вспомни Таню и не оглядывайся назад...

И бойцы поклянутся над могилой страшной клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым из них пойдет в бой Таня.

Немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке...

27 января 1942 года

Борис Горбатов

Шахтеры

В ясную погоду навалоотбойщик Федорук видит родную шахту из своего блиндажа. Шахта мертва, там враги. Не кучерявится дымок над силовой. Замерзли, покрылись синим снегом вагонетки на терриконе, набок покосился копер. Федорук узнает знакомые контуры эстакад, рудничного двора, поселка. К ним кровью и мясом приросли воспоминания, не отдерешь. И острая нетерпеливая тоска охватывает его. Тогда он находит командира и начинает бередить ему душу. "Скоро ли, товарищ командир, скоро ли?" И командир, сам шахтер, отвечает:

- Скоро, Федорук, погоди.

В боях за родной Донбасс сложилась, закалилась и выросла шахтерская дивизия Героя Советского Союза полковника Провалова. Она родилась на шахтах. Забойщики приходили вместе с бурильщиками, мастера с учениками. Приходили целые отряды, полуополченские, полупартизанские. Вливались в регулярное шахтерское воинство. Приходили шахтерские семьи, и седоусый глава семьи торжественно объявлял:

- Одно у моей фамилии мнение: стоять за Донбасс до последнего.

Забойщики становились бойцами, бурильщики - пулеметчиками, проходчики - разведчиками. О боях за Донбасс когда-нибудь сложат песни. Шахты назовут именами героев. О капитане Кипиани, о боевом комиссаре Романове, о младшем политруке Мельникове, о лейтенанте Урбанском, о пулеметчике Калайде, о разведчике Комарове будут петь девчата на откатке, как поют о Пархоменко.

Недешево достались врагу мертвые донецкие шахты. Дорога в Донбасс стала дорогой трупов. Под Елизаветовской горняки капитана Кипиани уничтожили четыре сотни неприятельских кавалеристов. Шахтеры рубили их зло и методически, как рубают уголь. Шесть тысяч фашистов легло от их шахтерских пуль на подступах к Сталине, полторы тысячи - под Чистяковом, две тысячи - под Красным Лучом. У каждого шахтера-бойца был свой кровавый счет с врагом: одни расплачивались за шахту, другие - за семью... И хоть на каждого бойца уже приходилось по десятку битых гитлеровцев, никто еще не считал свой счет оплаченным.

Мутный прибой неприятельского наступления докатился до шахтерского городка Красный Луч и здесь разбился о гранитные

скалы шахтерской обороны. Два месяца шла драка на Миусе. Лед стал кровавым на этой реке. Город Красный Луч выстоял! Красным лучом вонзался он в темное царство оккупантов, и на свет его стекались вырвавшиеся из фашистского ада шахтерские семьи, приходили растерзанные, окровавленные, измученные и рассказывали о зверствах, расстрелах, грабежах. И сердце закипало у бойцов, и кулаки чесались в предчувствии великой драки, и снова и снова вырывалось нетерпеливое: скоро ли? скоро ли?

Но тяжкие дни обороны не прошли для шахтеров даром. Шахтеры стали воинами. Теперь забойщики владели пулеметом, как некогда отбойным молотком, теперь умело вели боевую разведку проходчики, как раньше разведку недр. Шахтерская удаль вышла на простор, шахтерская злость нашла цель, шахтерское презрение к смерти рождало героев.

Я встретил здесь старшину разведроты Владимира Хацко. В эти дни его как раз наградили орденом Красного Знамени. Маленький, коренастый, приземистый, облаченный в неповторимую кожаную куртку, он был весь увешан оружием. За плечами автомат, на боку пистолет, на другом -шашка, за поясом кинжал, на ремне граната. Он называл себя "сыном Донбасса" - и так его стали звать все. Его дерзости нет предела так же, как его ярости. Лихие налеты - его профессия, отчаянный риск - его стихия.

Вот и сейчас он с пятью "пробивными ребятами" ворвался во вражеские окопы и напоролся на жестокий огонь. Он немедленно ответил огнем из автомата, но автомат скоро "заело", и на Хацко набросился огромного роста гитлеровец. Завязалась рукопашная схватка. Скверная это была схватка, раз маленький Хацко едва достигал до груди рыжего гитлеровца. Но враг остался на земле с собственным штыком в животе, а Хацко вернулся и приволок прямо в кабинет полковника вражеский миномет, потому что "сыну Донбасса" без трофеев приходить неловко.

Так дерутся шахтеры.

Мы встретили здесь старшего сержанта Якова Приходько, командира роты автоматчиков. Его голова была в кровавой повязке. Рассказывал он неохотно, но вся дивизия знала уже историю домика в Грибовке. В этом каменном мешке одиннадцать часов подряд держался Приходько с двумя бойцами. Враг не мог его взять.

Оккупанты окружили дом и изрешетили все стены пулями. Но по-прежнему из слухового окошка убийственно пощелкивал автомат Приходько и косил врагов. Они стали забрасывать дом гранатами, бросали их в окна, на крышу, через трубу. Приходько

ловил гранаты на лету и вышвыривал их обратно. Уже полдома обрушилось под минами и гранатами, уже были ранены и бойцы, и Приходько, но шахтеры не думали сдаваться. Тогда гитлеровцы подожгли дом. Смрадный дым пополз по стенам, запахло газовой шахтой, старым, знакомым запахом смерти. Но шахтеры и из обвала, и из газа, и из огня привыкли выходить живыми. Приходько вытащил раненых бойцов в укромное место, где не жарко, и затих. Враги решили, что он сгорел, а он дождался темноты и ушел к своим и раненых бойцов вывел.

Так обороняются шахтеры.

Мы встретили здесь пулеметчика Анатолия Калайду и поздравили его с Красной Звездой на груди. У шахты No 4 было дело. Гитлеровцы пошли в атаку и напоролись на пулемет Калайды. Он был один у пулемета на фланге роты. Огонь его "максима" остановил оккупантов. Но это показалось - Калайде неинтересным. Ему нужно было, чтобы враги бежали и падали, скошенные пулями. Он пополз вперед, волоча за собой друга - "максимку". С нового, уже более близкого рубежа он снова открыл огонь. Гитлеровцы не могли теперь лежать - побежали. А он один неотвратимо двигался за ними и поливал их, и поливал...

Так наступают шахтеры.

Разведчики рассказали мне об откатчице Нине Гнилицкой. Кто знает, как она появилась среди бойцов! Но уходить она не хотела. Ее вежливо выпроваживали, она невежливо огрызалась, требовала, чтобы взяли ее в бойцы.

- Я вас в разведку водить буду, - умоляла она. - Я тут все места знаю.

Отделаться от нее было невозможно, и она стала "водить бойцов в разведку". Эта девушка с откатки не знала, что такое страх. Под пулеметным огнем она кричала мужчинам:

- За мной! Лежать дома будете. Вот глядите, мужчины, - и она первая бросалась в огонь.

- В силу необходимости, бывало, за ней идешь, раз впереди баба! усмехаясь, рассказывали мне разведчики.

А умерла она просто. Враги окружили разведчиков во время их дерзкого налета на село. Не желая сдаваться, откатчица Нина Гнилицкая застрелилась.

Так умирают шахтеры.

Здесь с земляками-шахтерами встречал я солнце нового года, здесь провел январские дни. Мы бродили по высотам над Миусом, и никогда еще не казался мне таким прекрасным Донбасс, как в эту фронтовую ночь. И боец Филюшкин, в прошлом горный мастер, говорил мне, что отвоевывать Донбасс надо немедленно, пока в затопленные шахты не ринулась весенняя вода, и что

только б поскорее разбить врага, а пустить шахты - дело нехитрое, и рисовал мне чертежи на снегу.

- А пускать шахты без нас будут, - улыбаясь, прибавил он. - Мы за Днепр, за Буг, словом, дальше пойдем. Мы теперь не шахтеры, а воины.

А потом я был у разведчиков. И здесь тоже владели людьми великое нетерпение и жажда большой драки, и знаменитый командир полковой разведки забойщик Семен Комаров убежденно говорил Федоруку:

- Теперь, Федорук, скоро. Теперь скоро.

Январь 1942 года

Илья Эренбург

Мужество

Двадцать четыре года народ любил и лелеял Красную Армию. Для нее он не жалел ни бессонных ночей, ни краюхи хлеба. Когда мимо городского сквера проходил отряд красноармейцев, матери доверчиво глядели на веселых загоревших бойцов: не выдадут! А под деревьями играли дети... Эти дети теперь выросли, они дерутся за Полярным кругом или в крымской степи.

Красная Армия не выдала. Мы все знаем: если мы живем, дышим, думаем, надеемся, если мы говорим на родном языке и живем в родных городах, это только потому, что Красная Армия - великая сила. В средневековой балладе дьявол говорит: "Я делаю на земле все, что хочу, потому что у людей доброй воли - пожелания, а у меня - воля. Они сделаны из воска, я - из железа". Наш народ был народом доброй воли. Он не нес свободу на штыках, но свою судьбу он научился защищать штыками. Дьявол узнал, что такое человеческая воля. Мы преградили путь его железным сколопендрам, потому что сердце каждого красноармейца, того самого, что ребенком играл в сквере, а потом пел лукавые и ласковые песни, оказалось крепче железа.

Далеко светят маленькие красные звезды. Их свет виден в двух полушариях. На них с надеждой смотрят рабочие Детройта и земледельцы Египта. Нет звезды ярче! Вот она - на шапке бойца, и к ней тянется ручонками годовалый русский ребенок: звезда спасет.

Мужество не случайность, не свойство - свойством бывает врожденная и безудержная отвага. Мужество - добродетель. Мужество - высшая ступень человеческого сознания, как любовь и как мудрость. Оно вызревает в сердце народа, как вызревает пшеница на горячем солнце. Когда человеку сызмальства внушают чувство достоинства, когда пастуха приводят к телескопу, когда депутат-доярка проходит во дворец, жизнь становится радостной и важной. Наши отцы могли кинуть на

землю золотой, но они не кидали куска хлеба: хлеб уважали, как человеческий пот. Так мы привыкли уважать человеческое достоинство. Его отстаивают мужественные люди.

Мужество - это любовь к жизни, такая любовь, что частная судьба становится бледной, неощутимой. Может быть, малодушный и думает, что он спасет свою жизнь. Горько его заблуждение! Есть в малодушии неотвязный привкус предательства, и человек, который спас свою жизнь любой ценой, никогда уже не будет радоваться жизни. Для него отравлены все ручьи, все песни приглушены, все чувства смещены. Большая любовь к жизни означает настоящее мужество.

Есть перед боем час большой тишины, иногда не час -минута. Тишина тогда кажется подчеркнутой. Нигде не бывает такой тишины, как на войне. И вот в эти короткие минуты человек невольно вспоминает многое. Он не воспроизводит, как фильм, свои прошлые годы. Но разрозненные видения создают ткань жизни. Он смотрит на нее, как хозяин на сад с плодами. Если суждено ему расстаться с жизнью, он сделает это не как покоренный смертью, но как победитель смерти. Он знает, что он будет жить в близких. А если нет у него родных, его жизнь продлится в жизни народа. Если нет у него родной матери, все старые женщины благословят героя. Если нет у него детей, все дети России, черноглазые и светлоглазые, все дети будут ему обязаны жизнью, миром, счастьем.

Умереть за Россию - это не только умереть за государство, за историю, за свободу. Любой мальчик, тот, что сейчас играет в сквере, это - тоже Россия - живая, ощутимая, точная...

Есть в немецкой армии и трусы, и смельчаки. Нет в германской армии подлинного мужества. Человек, который привык притеснять других, не может защищать свою свободу. Человек, который привык подтверждать свои права кнутом, не может защищать своего достоинства. Мы видели упорство немецких дивизий, засевших в наших городах, удаль того или иного немецкого танкиста, спортивный азарт немецких летчиков. Но мы не видели в немецкой армии мужества.

Красная Армия неразрывно связана с нашим народом: ее доблести - это доблести нашей страны. Кто прокладывал путь победителям Ростова и Калинина? Мирные люди, челюскинцы, летчики Арктики, строители Кузнецка и Магнитки, врачи, боровшиеся с эпидемиями, учительницы, которые несли в чумы букварь, люди, прорывшие огромные каналы, осушившие болота, сколотившие большую и стройную страну. Дело не только в том, что у нас больше железа, чем у немцев. У них еще много железа и много танков. Дело в том, что сердце дьявола оказалось

сделанным из грязного воска. А сердце нашей родины теплая плоть, которая крепче любого металла.

Любимец русских былин полжизни просидел сидьмя, а потом пошел в бой и начал разить врагов. Мы не полезли в драку: были мы народом братства и труда. Но, выйдя в бой, мы не остановимся. Есть корабли дальнего плавания. Есть эскадрильи дальнего следования. Красная Армия -это армия дальнего действия. Красная звезда не обманет мир, не закатится, не померкнет. Люди с красной звездой на шапках несут жизнь. Они несут жизнь в мир развалин, пыток и виселиц. Смерть их не возьмет, погибшие, они бессмертны. Живые, они пройдут с песнями по улицам освобожденных городов, и протянется рука спасенного ребенка к маленькой красной звездочке.

23 февраля 1942 года

Александр Фадеев

Дети

Ленинградцы и прежде всего ленинградские женщины могут гордиться тем, что в условиях блокады они сохранили детей. Значительная часть детей была эвакуирована из Ленинграда - речь идет не о них. Речь идет о тех маленьких ленинградцах, которые прошли все тяготы и лишения вместе со своим городом.

В Ленинграде создана была широкая сеть детских домов, которым голодный город отдавал лучшее из того, что имел. За три месяца я побывал во многих детских домах в Ленинграде. Но еще чаще, присев на скамейке где-нибудь в городском скверике или в парке в Лесном, я, не замечаемый детьми, часами наблюдал за их играми и разговорами. В апреле, когда я впервые увидел ленинградских детей, они уже вышли из самого трудного периода своей жизни, но печать тяжелой зимы еще лежала на их лицах и сказывалась в их играх. Это сказывалось в том, что многие дети играли в одиночку, и в том, что даже в коллективную игру дети играли молча, с серьезными лицами. Я видел лица детей, полные такой взрослой серьезности, видел детские глаза, исполненные такой думы и грусти, что эти лица и эти глаза могут сказать больше, чем все рассказы об ужасах голода.

В июле таких детей было уже немного, главным образом из числа сирот, родители которых погибли совсем недавно. У подавляющего большинства детей вид был вполне здоровый, и по своему поведению, по характеру игр, по смеху и веселости они не отличались от всяких других нормальных детей.

Это результат великого святого труда ленинградских женщин, многие из которых добровольно посвятили свои силы делу спасения и воспитания детей. Рядовая ленинградская женщина проявила здесь столько материнской любви и

самоотверженности, что перед величием ее подвига можно преклониться. Ленинградцы знают примеры исключительного мужества и героизма, проявленного женщинами - работниками детских домов во время опасности.

Утром в Красногвардейском районе начался интенсивный артиллерийский обстрел участка, где расположены ясли No 165. Заведующая яслями Голуткина Лидия Дмитриевна вместе с сестрой-воспитательницей Российской и санитаркой Анисифоровой под огнем стали выносить детей в укрытие. Обстрел был так силен и опасность, угрожавшая детям, была настолько велика, что женщины, чтобы успеть снести всех детей в укрытие, сваливали их по нескольку человек в одеяло и так кучами и выносили. Артиллерийским снарядом выбило все рамы и внутренние перегородки тех домиков, в которых были расположены ясли. Но все дети - их было 170 - были спасены.

Сестра-воспитательница Российская лишь после того, как все дети были укрыты, попросила разрешения пройти к своему собственному дому, где находились трое ее детей. Приближаясь к дому, она увидела, что он горит. На помощь детям Российской пришли другие советские люди и вынесли их из огня.

Я не преувеличу, когда скажу, что я видел сотни женщин, молодых и старых, показавших такое знание детской души и такой педагогический талант, какие могут сравниться со знаниями и талантами величайших педагогов мира.

Я предоставляю слово одной из них.

"Двадцать четвертого февраля 1942 года в суровых условиях блокированного Ленинграда начинает свою жизнь наш дошкольный детский дом No 38 Куйбышевского района.

У нас сто детей. Недавно, совсем недавно перед нами стояли печальные сгорбленные дети. Все как один жались к печке и, как птенчики, убирали свои головки в плечики и воротники, спустив рукава халатиков ниже кистей рук, с плачем отвоевывая себе место у печки. Дети часами могли сидеть молча. Наш план работы первого дня оказался неудачным. Детей раздражала музыка, она им была не нужна. Детей раздражала и улыбка взрослых. Это ярко выразила Лерочка, семи лет. На вопрос воспитательницы, почему она такая скучная, Лерочка резко ответила: "А почему вы улыбаетесь?" Лерочка стояла у печи, прижавшись к ней животиком, грудью и лицом, крепко зажимая уши ручками. Она не хотела слышать музыки. Музыка нарушала мысли Лерочки. Мы убедились, что многого недодумали: весь наш настрой, музыка, новые игрушки - все только усиливало тяжелые переживания детей.

Резкий общий упадок был выражен не только во внешних

проявлениях детей, это было выражено во всей их психофизической деятельности, все их нервировало, все затрудняло. Застегнуть халат не может - лицо морщит. Нужно передвинуть стул с места на место -и вдруг слезы. Коля, взяв стул в руки, хочет его перенести, но ему мешает Витя, стоящий у стола. Коля двигает стул ему под ноги. Витя начинает плакать. Коля видит его слезы, но они его не трогают, он и сам плачет. Ему трудно было и стул переставить, ему так же трудно и говорить.

Девочка Эмма сидит и горько плачет. Эмме пять лет. Причину ее слез мы не можем выяснить, она просто молчит и на вопросы взрослых бурно реагирует - все толкает от себя и мычит: "м-м-м"... А позже узнаем, что ей трудно зашнуровать ботинок, и она плачет, но не просит помощи. У детей младшей и средней группы все просьбы и требования выражаются в форме слез, капризов, хныканья, как будто дети никогда не умели говорить.

Мы долго боролись с тем, чтобы дети без слез шли мыться. Дети плакали, обманывали, ссорились и прятались от воспитателя, объясняя это тем, что вода холодная. Валя тоже плачет, объясняет это тем, что она чистая. Она сквозь слезы говорит: "Меня мама не каждый день мыла, я совсем чистая". Шамиль из средней группы после сна садился за стол, и только вместе со стулом можно было его перенести к умывальнику. Исключительно бурную реакцию проявили дети, когда была организована первая баня в детдоме. Все малыши как один криком кричали, не желая купаться. Коля кричит: "Мылом не хочу мыться, не буду мыться!" Валя: "Мне холодно, не буду мыться!"

Дети очень долго не хотели снимать с себя рейтузы, валенки, платки и шапки, хотя в помещении было тепло. Дети украдкой ложились в постель в верхнем платье, в чулках, в рейтузах. Трудно было отучить детей от привычки спать, под одеялом, закрываясь с головой, в позе спящего котенка. Странная поза, излюбленная у детей, - лицо в подушку, и вся тяжесть туловища держится на согнутых коленях, попка кверху. "Так теплее", - говорят дети.

Больно было видеть детей за столом, как они ели. Суп они ели в два приема: вначале бульон, а потом все содержимое супа.

Кашу и кисель они намазывали На хлеб. Хлеб крошили на микроскопические кусочки и прятали их в спичечные коробки. Хлеб дети могли оставлять как самую лакомую пищу и есть его после третьего блюда и наслаждались тем, что кусочек хлеба ели часами, рассматривая этот кусочек, словно какую-нибудь диковину. Никакие убеждения, никакие обещания не влияли на детей до тех пор, пока они не окрепли.

Но были случаи, когда дети прятали хлеб и по другой причине. Лерочка обычно и своей нормы не поедает -оставляет на столе и часто отдает детям. И вдруг она спрятала кусок хлеба. Лерочка сама огорчена своим поступком, она обещает больше этого не делать. Она говорит: "Я хотела вспомнить мамочку, мы всегда очень поздно в постельке кушали хлеб. Мама нарочно поздно его выкупала, и я хотела сделать, как мамочка. Я люблю свою мамочку, я хочу о ней вспоминать".

Лорик пришел к нам на второй день после смерти мамы. Ребенок физически не слабый, но его страдания, его печаль ярко выражены во всем его поведении. Лорик не отказывается ни от каких занятий, но нужно видеть, как трудно ему сосредоточиться, как ему не хочется думать по заданию, ведь он живет своими мыслями, а задание педагога мешает ему думать о своей маме. Лорик никому не говорит о маленькой пудренице, которую он приспособил для медальона и носит на тесемочке на шее. Одиннадцать дней Лорик прятал ее, и вот в бане он не знал, как ее уберечь, куда спрятать, он бережно держал эту вещь, смутился страшно, когда заметил, что я наблюдаю за ним. Я ничего ему не сказала, не спросила ни о чем. Сам Лорик раскрыл мне свою тайну. "У меня моя мама, я берегу ее, - шепотом сказал он мне. - Я сам это сделал, сам тесемочку привязал". Он открыл крышку круглой пудреницы, посмотрел, крепко поцеловал и не успокаивался, пока сам не увидел место, где будет храниться эта пудреница, пока он вымоется в бане. После этого случая Лорик стал более откровенным. В этот же день он подробно все рассказал и о смерти мамы, и о смерти тети, и о том, почему не хотел никому показывать портрет. "Я хотел только один... только один... - и больше не нашел слов сказать. - Этот портрет мне сама мама дала перед смертью", И у Лорика на глаза навертываются слезы.

Одиннадцать дней страданий, воспоминаний о маме не давали проявиться богатейшим его качествам: логичной речи, богатому разнообразному творчеству, исключительной способности в рисовании. Лорику стало легче после того, как он открыл свою тайну, он ожил, сам берет материалы, быстро увлекается работой и увлекает товарищей.

Леня, семи лет, отказывается снимать вязаный колпак, даже не колпак, а бесформенную шапку, которая сползает ниже ушей и уродует его. Мы долго не могли узнать причины, почему Лене нравится эта шапка. Причина оказалась та же - Леня хранил ее как память об умершем брате. Леня говорит: "Я берегу ее, это память мне от брата, и картинки тоже я берегу. Они у меня спрятаны, а когда мне скучно, я их вынимаю и смотрю".

Женя, шести лет, пришел в детский дом и в этот же день показал всем портрет мамы и мелкие фотоснимки ее же, но сказал: "Рассказывать не буду, пускай папа рассказывает". Женя скучает, ночью долго не засыпает, лежит с открытыми глазами молча. Ночью просит няню поднести свет, чтобы посмотреть на портрет мамы. На вопрос няни, почему он не спит, Женя отвечает: "Я думаю все о маме. А вот Вова (его младший брат, трех лет) спит, он, наверное, забыл про маму. Разрешите мне к Вовочке на кроватку лечь, тогда я засну, а так я до утра не засну. Я сам не хочу думать, а все думаю да думаю".

Лера - девочка глубоких и устойчивых переживаний. Лишенная полноценной семьи (отец уже до войны имел другую семью и навещал Лерочку лишь изредка), она была страстно привязана к матери. Тридцатилетняя женщина, нежно любившая дочь, увлекавшаяся рисованием, пляской, рукоделием, сделалась для Леры идеалом всего прекрасного. Горе своей потери девочка переживает чрезвычайно тяжело и упорно. Она болезненно цепляется за все, что хотя бы немногим напоминает ей мать и былую жизнь дома. Проникается симпатией к тем людям, которые случайно назовут ее так, как называла мать. Может целый день рисовать: она занималась этим с мамой.

С ребятами Лера скрытна, замкнута, ко многим относится с пренебрежением, подмечая их недостатки и давая им прозвища: "Я презираю Леню, он ест так противно, да и вообще мямля какая-то, просто петух бесхвостый". Или: "Этот Боря ходит, как крадется, он по шкафам лазает, а говорит так, что ничего не поймешь... крыса". С избранными взрослыми Лера любит поговорить и рассказать про свои переживания. Она сообразительна и наблюдательна. Ее рассуждения и рассказы всегда последовательны и логичны. Ее рисунки и аппликативные работы оригинальны по замыслу. В своих эмоциях Лера сильна и страстна. Она способна утром поколотить девочку, которая мешала ей спать ночью.

Но Лера честна и в своих поступках всегда сознается, причем их обосновывает - не в оправдание себе, а скорее желая сама выяснить причину. Она сильна и страстна не только в злом, но и в хорошем. Это милая девочка, с большими вдумчивыми, полными печали серыми глазами. Она дичилась нас первое время, пряталась в угол, опустив головку, что-то переживала про себя, но никому ничего не говорила. Но после того, как она поделилась своим горем в первый раз, ей стало легче. На Леру легко влиять лаской, разумной беседой.

Вот перед нами чудный мальчик, его имя Эрик. Дети и взрослые любят его за исключительную нежность, которую он

проявляет ко всем. Но Эрик не любит никаких занятий. Он говорит: "Что-то не хочется" или "Я плохо себя чувствую". Молчаливый, он часто подходит к окну или выходит на балкон. Его взоры сейчас же устремляются на противоположный дом, откуда его привели и где он потерял маму. Однажды во время дневного сна Эрик, закрывшись с головой, тихо плачет. Воспитательница встревожена - не болен ли ребенок, но Эрик объясняет: "Я вспомнил, как у нас мама умерла, мне жалко ее, она ушла за хлебом рано утром и целый день до ночи не возвращалась, а дома было холодно. Мы лежали в кроватке вместе с братом, мы все слушали - не идет ли мама. Как только хлопнет дверь, так и думаем, что это наша мамочка идет. Стало темно, а мама наша все не шла, а когда она вошла, то упала на пол. Я побежал через дом и там достал воды, и дал маме воды, а она не пьет. Я ее на кровать притащил, она очень тяжелая, а потом соседки сказали, что она умерла. Я так испугался, но я не плакал, а сейчас не могу, мне ее очень жаль".

Я привел здесь эти отрывки из официального отчета заведующей детским домом No 38 для того, чтобы показать, какой высоты понимания детской психики и любви к детям достигли лучшие женщины Ленинграда, посвятившие себя делу спасения детей-сирот и делу их воспитания. Я должен сказать здесь, что детский дом No 38 примечателен именно тем, что через него прошли в подавляющем большинстве дети, оставшиеся без родителей, и что к тому времени, когда этот отчет попал мне в руки, все эти дети были уже нормальными детьми!

В то же время этот официальный отчет заведующей детским домом No 38 является одним из тех великих и страшных счетов, которые наш народ должен предъявить и предъявит врагу. Пусть позор преступления против жизни, счастья и души наших детей навеки ляжет проклятием на головы убийц. Вся подлая животная жизнь всех этих гитлеров и герингов и сотен тысяч и миллионов немцев, развращенных ими и доведенных ими до последней степени вырождения и зверства, не стоит единой слезинки нашего ребенка. За каждую эту слезинку они должны заплатить и заплатят потоками своей черной крови.

А в памяти человечества навеки сохранится прекрасный и величественный облик ленинградской женщины-матери как символ великой и бессмертной всечеловеческой любви, которая - придет время! - будет господствовать над всем миром.

Илья Эренбург

"Весенние дивизии"

Вот уж девятый день, как это село окружено огнем и дымом. В нем засели немцы, ушедшие из Юхнова. От села ничего не

осталось. Немцы засели в блиндажах. Несколько раз наши бойцы доходили до передних блиндажей, очищали их. Немцы тотчас шли в контратаку. Не замолкают артиллерия, минометы. Кажется, за эту войну я не видел еще таких ожесточенных боев, и я не удивляюсь, когда молодой майор говорит мне: "Это маленький Верден", - я был у Вердена.

Еще стоят суровые морозы. Еще немецкие пленные, которых ведут в штаб, стонут: "Kalt. Kalt". Еще в полевой бинокль можно увидеть, как русские крестьянки с маленькими детьми под штыками немцев воздвигают ледяные валы нагребают снег и обливают его водой. Но за последнюю неделю, может быть за две, война вступила в новую фазу. Направо, налево от этого участка повсюду замечено появление свежих немецких дивизий. Я разговаривал со многими пленными, взятыми на разных участках фронта, -все они были переправлены в Россию за последний месяц. С января по март немцы перебросили на наш фронт несколько десятков свежих дивизий. Это так называемые "весенние дивизии". Большинство из них во время последних боев понесли огромные потери. Установлено присутствие на нашем фронте тридцати восьми свежих "весенних дивизий".

Задолго до жаворонков появились в небе снова "юнкерсы" и "мессершмитты". Они упорно бомбят все дороги, стараясь создать пробки, заторы. Это им не удается. В летную погоду движение по фронтовым дорогам начинается с сумерками и кончается на рассвете. Наша авиация проявляет большую активность. В воздушных боях наши летчики обычно берут верх. Но бои жаркие - в небе, как и на земле. Немцы придерживали свою авиацию для весенних операций. Они были вынуждены выпустить ее в марте.

Особенность новой фазы войны - ее исключительная кровопролитность. Потери немцев на редкость велики. Но и наши потери чувствительны.

Трудно было бы нарисовать линию фронта - она оказалась бы непомерно извилистой и длинной. В ряде мест наши части прошли далеко вперед. Кое-где вокруг развалин небольшого городка или даже деревни идут отчаянные бои. Солдатам кажется, что судьба кампании зависит от того, в чьих руках окажутся несколько блиндажей. А в пятидесяти километрах налево или направо - тишина. Есть места, где люди спокойно переходят через фронт. В освобожденной зоне можно найти деревни, где немцев и не видали. А рядом деревня, которая десять раз переходила из рук в руки.

Почему немцы подвезли свои резервы? Почему они идут в контратаки? Они боятся дальнейшего отхода. Они во что бы то ни стало хотят удержаться на занимаемых ими позициях. И все же

каждый день то здесь, то там наши части продвигаются вперед. Это медленное и трудное продвижение. Его значение сейчас не в километрах пути, не в названиях селений, а в перемалывании живой силы противника. Инициатива по-прежнему в наших руках. Если бы завтра замолкли наши орудия, остановились бы наши бойцы, на всем фронте воцарилась бы тишина - враг сейчас хочет покоя. Он принужден быть активным - в этом наша воля, наша тактика.

Мы видим сейчас в развернутом виде операции всех видов оружия. Вот только танки, как звери, подверженные зимней спячке, не торопятся. Немцы пускают танки небольшими соединениями - по пять или десять танков.

Снега очень много. Холода держатся позднее обычного. Следует предполагать, что весна будет дружной и распутица сильной. Так что вряд ли мы скоро увидим на западном и северном фронтах большие танковые бои. Но пленные рассказывают о приготовлениях немцев к танковому наступлению.

Пленные стали словоохотливыми, хотя, согласно инструкции немецкого командования, они должны "прикидываться дурачками". Зима явно сказалась на психике немецких офицеров и солдат: эти люди, привыкшие к слепому повиновению, начали думать. Разгадка проста: жестокий артиллерийский обстрел неизменно пробуждает мысли в голове молодого гитлеровца, я скажу, первые мысли. Я видел вчера одного пленного. На его голове были краденые дамские рейтузы - повязался от мороза. Он не был уже стандартным немецким солдатом. Он сам признался, что не отдавал честь офицерам - неудобно было подносить руку к рейтузам, да и офицеры отворачивались. Эта мелочь имела последствия: солдат, не отдающий чести, задумался и многое понял: под рейтузами в голове гитлеровца родилась человеческая мысль.

Меня больше не удивляет смелость наших бойцов - мы видим каждый день подлинных героев. Но меня не перестает удивлять смекалка каждого отдельного бойца. Еще вчера он был земледельцем, не видел ничего, кроме родного села. И вот один в разведке он всегда перехитрит противника. Он прикинется мертвым. Он подползет к блиндажу. Он пропустит мимо танк. А потом вскочит и прикончит врага, кинет в блиндаж гранаты, подорвет танк. В его поступках как бы сказываются все разветвления мозга, и это особенно ясно, когда напротив - автомат, - как иначе назвать солдата гитлеровской армии?..

Ночью у радистов я слушаю радио. Москва передает спокойные сдержанные слова. "Существенных изменений не

произошло". Мы знаем, что скрыто за этими словами, -редкие по упорству бои, горы немецких трупов, смерть многих из наших героев, длинные эшелоны с ранеными, не смолкающий всю ночь голос орудий.

Вот говорит Берлин. Он нам сообщает, что дивизия, в которой мы находимся, "уничтожена храбрыми вюртембержцами". Странно - мы не заметили, что наша дивизия уничтожена. А вюртембержцы?.. Я видал сегодня этих "храбрецов". Их вели в тыл. Один из них горячо мне доказывал: "У меня два дедушки рабочие и одна бабушка работала на фабрике. Я могу сказать их имена..." Он думал, что во всем свете люди интересуются одним: генеалогией.

Поворачиваю рычаг. Говорит дружеская станция. Она сообщает, что наши части заняли столько-то городов, и приводит названия. Я понимаю нетерпение зрителей. Но до чего, видно, не представляют там характера этих боев...

Сегодня на этом участке не занято ни одной деревни. Но сегодня на этом участке обнаружена еще одна немецкая дивизия, подвезенная из Франции. Если друзья издали не видят плотности немецкого фронта в России, может быть, они заметят поредение немецких гарнизонов на побережье Атлантики?

Впрочем, эти рассуждения выпадают из описания военного корреспондента. Что добавить? Что сейчас снова началась атака. Наши части дошли до развалин церкви. Вероятно, утром немцы будут атаковать. Бойцы говорят, что возле крайних домов они насчитали четыреста немецких трупов. Война продолжается.

Март 1942 года

...Наши войска продолжали теснить немецко-фашистские войска на запад... Наши части заняли город Можайск.

Из сообщения Совинформбюро

20 января 1942 г.

Петр Павленко

Сибиряки

Они прибыли в разгар великой битвы за Москву. В вагонах, запорошенных снегом, звучало неторопливо: "На тихом бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой". Из вагонов на жестокий мороз степенно выходили в распахнутых ватниках, в гимнастерках с раскрытыми воротами, деловито умывались на ледяном ветру.

- Однако климат у вас легкий, - говорили москвичам Покровительственно. Обтирались снегом до пояса. - Снежок холодит, снежок и молодит. Снегом мойся -никакого этого вашего обморожа не будет.

И в эту же ночь зазвучал сибирский говор на дорогах к западу

от Москвы. По деревням Подмосковья разнеслось сразу:

- Сибиряки подошли!

Они ударили по немцу с ходу. Пехотинцы, разведчики, артиллеристы, они влили в ряды защитников Москвы свежую сибирскую мощь. Заскрипели лыжи, привезенные из родной тайги. Заработали таежные охотники-следопыты.

В одних ватниках, скинув шинели, ударили в штыки пехотинцы.

- Сибирь - грудь нараспашку! - говорили о себе с гордостью.

Медленен, даже угрюм и неразговорчив сибиряк, когда делать нечего. Но в бою нет злее, упорнее и веселее его. Опасность захватывает его целиком, и весь он в ней.

Сибирский говор промчался за Кубинку, раздался у Волоколамска, где сибиряки-артиллеристы громили немецкие дзоты, и прозвучал у Наро-Фоминска и Рузы и дальше к Можайску, и еще за Можайск - на запад.

Немцы очень быстро узнали о приходе сибиряков, вернее, почувствовали его на себе. Входя в деревню, обязательно расспрашивали жителей - не сибиряки ли тут действуют. Качали головами, если оказывались сибиряки. Да как тут не закачать?

- Зимою и конь того не осилит, с чем сибиряк справится, - говорит лейтенант Анатолий Кузнецов, разведчик из дивизии, которой командовал славно погибший полковник Виктор Иванович Полосухин.

На карте лейтенанта, размеченной незадолго до своей гибели покойным командиром, только и есть что стрелки, ведущие в немецкие тылы.

- Я у них, подлецов, во втором эшелоне абсолютно свой человек, все тропки знаю. Лес! Меня в нем не возьмешь...

Как-то тридцать два его разведчика с младшим лейтенантом Карепиным трое суток пробивались лесом к штабу немецкой дивизии.

Разведчик огромного таланта и редкой изобретательности, любитель рукопашного боя, Карепин носил прозвище "шумового мастера".

- Вперед идет, - говорили о нем, - как лисица, снега не пошевелит, а назад прет, как медведь. Такого шуму даст, у немцев в ушах скребет. Они уж знают. "Сибырак, сибырак!" - закричат и скорее мордами в снег.

Трое суток с боями прорывался Карепин к пункту, где рассчитывал найти штаб немецкой дивизии. Трое суток сбивал немецкие дозоры, уходил от преследования и наконец ворвался в штаб.

Штабную избу забросали гранатами, охранение разогнали.

Ведя бой, собрали в охапку все штабные документы, запихали их в семь портфелей и один чемодан и с этим грузом, отбиваясь от немецкой комендантской роты, снова три дня возвращались к себе. По дороге взорвали у немцев мост.

Напорист и азартен в бою сибиряк. Любит взять он, что не дается сразу, хорош на тяжелое дело.

Старший сержант Кудашкин отправился с двумя бойцами добывать "языка". Немцы укрепились на берегу реки. Кудашкин с бойцами подполз с противоположного берега. У него был автомат, у бойцов - винтовки. Видят на берегу блиндаж, у блиндажа пулемет, а рядом с ним, точно заяц, прыгает немецкий часовой.

Кудашкин говорит:

- Этого положим на месте. Вылезет из блиндажа второй - и его положим, а третьего - их тут трое, не меньше, -третьего в ноги, чтоб не ушел, и возьмем его в качестве "языка".

Кудашкин начал действовать.

Часовой упал, не шевелится. Замертво упал и второй, третьему дали, как условлено, по ногам. Только двинулись к речке, как выскочил из блиндажа четвертый, бросился к пулемету и открыл огонь. Старшего сержанта Кудашкина ранило в локоть левой руки.

Пришлось отойти, залечь в снег.

Бойцы говорят:

- Товарищ старший сержант, идите во взвод, перевяжитесь.

- Нет, я его так не оставлю, - отвечает Кудашкин. - Меня уж злость взяла, я его так не оставлю.

А четвертый немец палит, головы от снега не поднять. Лежат.

Один из бойцов замечает, что в тыл к ним тихо заходит пятерка немцев. Медленно идут гуськом по глубокому снегу, внимательно всматриваясь в местность.

- Ну так мы этих и возьмем, - решает Кудашкин. - Я бью головного, вы второго и третьего, а последних двух испытаем. Либо залягут, либо побегут, тогда и посмотрим, как с ними быть.

Первые три немца пали замертво, уцелевшие сначала легли, а затем панически побежали назад.

Кудашкин вскочил.

- Хальт! - закричал он. - Сдавайся!

Двое немцев подняли руки. Разведчики повели их в штаб.

Но, придя в штаб и ожидая перевязки, Геннадий Кудашкин опять вспомнил того пулеметчика, что прострелил ему руку, и злость, совсем было утихшая, снова поднялась в нем.

- Я его, гада, все-таки так не могу оставить, - сказал он тем двоим бойцам, что ходили с ним. - Сходим-ка еще раз. Надо его

успокоить.

Не ожидая, когда его перевяжут, вернулся Кудашкин к реке. Немец прыгал у пулемета и хлопал руками по бокам. Кудашкин узнал его - это был тот самый, что ранил его. Он внимательно прицелился, и немец навсегда перестал прыгать на русском снегу.

- Теперь пойдем, товарищ старший сержант, перевязать вас надо, сказали бойцы.

Но боевой азарт уже овладел всем существом Кудашкина. Он распахнул ворот шинели. В бою мороза не чувствуешь. Сибирское охотничье упорство играло в Кудашкине.

- Зачем отходить? - сказал он. - Надо пулемет забрать. Я ему, гаду, и мертвому пулемета не оставлю.

И Кудашкин с бойцами стал переползать реку.

Но пулемет не был одинок.

Стоило разведчикам вылезти на открытый лед, как два соседних пулемета скрестили над ними светящиеся линии огня.

Укрыться было негде. Трое разведчиков оказались хорошей мишенью.

- Не вышло дело, - со злостью и раздражением сказал Кудашкин. - Ползем назад.

Взяв двух "языков", убив шестерых и ранив одного немца, сибиряк Кудашкин возвращался недовольный собою. Он считал, что задача дня была им не выполнена, как надо.

В санбате, где он, мрачно хмуря брови, рассказал о своей "неудаче", сержант Борзов и боец Прокопьев в один голос спросили его:

- Ты не из Сибири, Кудашкин?

- А вы как признали?

- Да ведь характер не скроешь. Сибиряка сразу узнать можно - упорный человек.

6 марта 1942 года

Отступая под ударами советских войск, немецкие изверги грабят население, жгут деревни, расстреливают стариков, женщин и детей.

Из сообщения Совинформбюро

15 апреля 1942 г.

Павел Нилин

Завтра

Петух не поет, а кричит на рассвете - голосисто, задорно и весело, будто радуясь, что немцы не успели сожрать его.

Всю деревню спалили, а петух остался.

Под глубоким снегом, в предутренней темноте, хлопотливо журчит ручей, пахнет прелым прошлогодним листом, землей, дегтем.

Но когда из-за леса поднимается солнце, вместе с ним возникают, как страшные видения, одинокие черные столбы печей, обугленные остовы каменных фундаментов, обрушившиеся и вставшие дыбом железные крыши.

И даже лес, поредевший, нестриженный артиллерией, напоминает, что здесь совсем недавно ураганом прошла война.

Она сровняла с землей добротные русские колхозные избы, изранила, искромсала, обожгла эту землю.

И петух кричит из-под земли, из прикрытой погоревшим железным листом землянки, где живет теперь его хозяйка - старуха Зотова Катерина Степановна.

Она потеряла мужа, двух сыновей, невестку и внучка, замученных немцами, и по случайности сберегла только петуха, укрываясь с ним в лесу, согревая его теплом своего старушечьего сердца.

Петух - последний живой свидетель ее былого семейного благополучия.

- И с чего он поет, окаянный? - ласково и, пожалуй, почтительно говорит она про него. - Пищи я ему никакой не даю, ведь ничего нету, а он поет и поет. Природа у него, что ли, такая крепкая, веселая?

У петуха, наверно, и в самом деле природа такая. Но поет он еще и потому, что подходит весна и он чует ее приближение в темном своем подземелье, в узком логове, похожем на могилу.

Весна приходит в свои естественные сроки и на эти обожженные земли, на эти места, которые теперь мы называем Западным фронтом.

Вот здесь, на желтом немецком столбике при дороге, как будто совсем недавно еще была давно прибитая немцами табличка: "Nach Moskau"- "На Москву".

Красноармеец из наступавшей части гневно сорвал ее, бросил в снег. Потом, подумав, снова поднял ее, снова, но обратной стороной прибил к желтому немецкому столбику и, не сильно грамотный, хмуря брови от напряжения, старательно, большими буквами написал: "На Берлин".

Наша армия пошла дальше.

Но не все немцы, ставившие эти столбики на израненной ими земле, ушли отсюда. Далеко не все. Из-под глубокого снега и сейчас еще высовываются их ноги и руки, и заржавевшие каски.

У обочин валяются опрокинутые, разрушенные бомбой и заметенные последней предвесенней вьюгой немецкие пушки, сгоревшие танки с порыжевшим знаком свастики, изрешеченные пулями кузова автомобилей. И вдоль широкого шоссе, за кюветами, тянутся длинной шеренгой бесчисленные немецкие

кресты, срубленные из наших юных, нежных березок.

Но в России еще много берез, и сосен много, и елей.

Ранним утром заморенная лошаденка, которая вместе с хозяевами своими долго скрывалась от немцев в лесу, тащит из леса в деревню, в колхоз, напрягая все силы, три огромных сосновых, остро пахнущих весной бревна.

Не вытянуть бы их ей одной, если б в оглобли не вцепились женщины, дети.

Всей деревней, всем колхозом помогая коню, они тащат из леса эти три огромных бревна.

И притянут еще десять, сорок, тысячу, две, три, сколько надо, чтобы восстановить деревню.

Плотник Злобин Антип Захарович, крепкий, сильный, жилистый старик, скинув полушубок и поплевывая со страстью в ладони, берет топор и с хрустом, ловко обтесывает бревна.

Немцы сожгли его избу, расстреляли у оврага его единственного сына и его самого повели было на расстрел.

Но в самый последний момент из трех солдат, которые вели его на тот свет, двух потребовало к себе зачем-то начальство, а одного немца за околицей окружили бабы и слезно просили отпустить старика. Ведь это плотник-то какой знаменитый, его и в Москве даже знают!

- Не губи его, ваше благородие! - умоляли солдата бабы. -Он никому никакого вреда не сделал, не губи его, пожалуйста. Побойся греха. А то мы тебя растерзаем...

Но немец не внял их просьбам, пугал их своим автоматом и сердито кричал им, как собакам, какое-то собачье слово: "Цурюк!"

Тогда озорная крупная баба Степанида Любина бросилась на немца сзади, свалила его в снег, и с немцем сделали то, что и обещали.

А Антип Захарович Злобин, человек действительно добрый, несмотря на свою фамилию, незлобивый, низко поклонился бабам за спасение своей души, поднял немецкий автомат и ушел в лес, к партизанам.

Теперь он обтесывает бревна, из которых будут строиться новые колхозные избы, и на теплом предвесеннем солнце поблескивает его топор, и летят пахучие щепки.

Около него, невдалеке, на развалинах колхозной школы, поместил горн кузнец Барыка Михаило Осипович.

Хромой после немецкой пули, он работает, кует болты для плуга, а у наковальни стоят его костыли. Но он, должно быть, забыл про них, охваченный азартом труда, по которому давно истосковались душа и руки, тяжелые, цепкие руки кузнеца.

Огонь озорно и яростно ворчит в горне. Осиротевший

мальчонка лет семи, Сережа Пехов, старательно раздувает мехи, гордый порученной ему важной и ответственной работой.

Много надо железа, чтобы привести в порядок разрушенное хозяйство. И железо надо найти самим.

У горна лежат остов фашистской пушки, половина танка и тяжелая блестящая деталь бомбардировщика "Юнкерс-88".

Все это, с особого разрешения, приволокли сюда на себе колхозные ребята-школьники. Все это кузнец перекует, починит плуги и сеялки, наделает лопат и вил и подкует единственную уцелевшую в колхозе кобылу Люсю.

Весна все стремительнее наступает на эти места. Солнце торопливо растапливает снег, гонит по канавам голубую воду и торопит кузнеца и плотника, и другой колхозный народ.

Из Москвы в воскресенье приехали шефы-женщины - домашние хозяйки и работницы. Они привезли с собой подарки, собранные от разных неизвестных, пожелавших остаться неизвестными, людей.

Из землянки вылезла худенькая, с навеки испуганными глазами девочка Нюра Петушкова. У нее теперь нет ни матери, ни отца, ни старшей сестры. Их угнали немцы куда-то далеко, в завоеванный ими и еще не отбитый нами Минск, что ли, и Нюра живет в землянке со старушкой Бубиковой, которой поручено пока наблюдать за нею.

Шефы привезли ребятам ботинки и калоши, и штаны с рубашками.

Нюре достался пестренький ношеный пиджачок, он пришелся ей в самую пору. Она надела его, прошлась в нем вокруг землянки, и впалые, страдальческие щечки ее порозовели от счастья.

- Может, я девочку-то у вас заберу, - говорит добродушная, закутанная в мохнатый платок домохозяйка из Москвы. - У меня их трое, все мальчики. Ну, пусть четвертая будет девочка. Как-нибудь перебьемся. Муж у меня печник, человек хороший, очень даже сознательный.

- Нет, - твердо ответила старуха Бубикова. - Председатель у нас будет против этого несогласный. Девочка - она тут нужная. Она хорошая, вострая девочка. Она только сейчас немножко заморенная, а потом она поправится. Вы что ж думаете, мы вечно вот этак жить будем? Мы поправимся, встанем на ноги. А как же, дорогая!

- Ну что ж, - сказала, чуть обидевшись, домохозяйка из Москвы, - как хотите. А я думала, девочке будет лучше у меня. У нас все-таки квартира с газом, с электричеством!

Старуха Бубикова подозвала девочку.

- Желаешь, Нюрушка, с электричеством жить вот у этой тети?

- Нет, - решительно сказала Нюра. И, должно быть, боясь обидеть приезжую тетю, сейчас же прижалась к ней, поиграла концами ее пухового платка и добавила: - Я никуда не хочу уходить. Я тут хочу. Я за грибами тут в лес ходить буду. Приезжайте, тетенька, к нам. У нас лес красивый...

- У вас в лесу покойники, - улыбнувшись, сказала москвичка. - Глядите, полный лес покойников немецких...

- А их не будет потом, - твердо сказала девочка. - Покойников ведь потом закопают. И одни живые будут ходить.

Большое, тяжелое, страшное горе, постигшее взрослых, постигло и маленькую, худенькую Нюру. Но как взрослые, занятые починкой разрушенного, из гордости не плачутся и неохотно вспоминают о том, что случилось с ними, так и девочка охотнее думает о завтрашнем дне.

Завтра еще будут бои, грандиозные и ожесточенные, прольется кровь, сгорят еще новые дома, осиротеют еще многие дети. Но завтра будет наша победа, обязательно будет, во что бы то ни стало.

В это верует всей силой сердец своих весь народ наш.

И весь народ работает на войну, на победу, на завтра, которое встает и встанет из этих еще теплых пепелищ.

В полдень мы выезжаем из этой деревни на шоссе.

Автомобиль опять продвигается мимо длинной шеренги могил, мимо березовых крестов, мимо оброненных в отступлении немецких касок, мимо брошенных при поспешном бегстве немецких автомобилей, танков, мотоциклеток.

Враг прошел здесь совсем недавно - может быть, всего неделю или несколько дней назад.

В двух километрах от деревни нас останавливает заградительный отряд. Проверка документов. Дальше ехать нельзя.

Автомобиль уводят в укрытие, мы идем пешком.

Вдалеке, метрах в четырехстах от нас, по широкой, уже источенной солнцем снежной целине, ползут вперед в белых маскировочных халатах красноармейцы.

- Наверно, они учатся, - вслух думает шофер.

Да, может быть, учатся. И мы, остановившись, смотрим на них.

Но странное дело - почему на ученье стреляют с той стороны, почему пули свистят совсем близко и трепещут кусты при шоссе?

- Головы! - тревожно кричит нам кто-то невидимый из кювета.

Мы наклоняем головы, потом ложимся.

Нет, красноармейцы не учатся. Они ведут бой. На целине

столкнулись русские разведчики с немецкими.

Впереди, всего в полутора километрах отсюда, находится передний край нашей обороны.

Война совсем недалеко ушла от выгоревшей деревни Алексеевки.

Вот уже хорошо слышны клекот и кваканье, и визг, и грохот мин. И на снегу впереди вспыхивает красный огонь.

Но в памяти все еще стоит уцелевший от немца исхудавший пестрый петух, который, несмотря ни на что, изо всех сил поет о наступающей суровой и нежной русской весне. И в лукошко сыплется золотистое зерно, которым скоро - вот как сойдет снег и уберут мертвых немцев - крестьяне засеют обожженную землю, как засевали в прошлом году и в позапрошлом, и, может быть, тысячу лет назад...

Апрель 1942 года

В течение 16 апреля на фронте чего-либо существенного не произошло.

Из сообщения Совинформбюро

16 апреля 1942 г.

Константин Симонов

День, в который ничего не произошло

В городе кажется, что уже весна. Здесь, в лесах Смоленщины, среди берез и сосен, по пояс заваленных небывалым снегом, - еще зима.

Стало теплее, на дорогах снова видны оттаявшие воронки; над березовыми немецкими крестами летают черные вороньи стаи, напоминая о декабрьских боях; из-под снега снова начинают показываться серые башни разбитых немецких танков.

По календарю весна. Но стоит на пять шагов отойти с дороги - и снег снова по грудь, и двигаться можно, только прорывая траншеи, и пушки надо тащить на себе.

На косогоре, с которого широко видны белью холмы и синие перелески, стоит памятник. Жестяная звезда; заботливой, но торопливой рукой человека, снова идущего в бой, выведены скупые торжественные слова:

"Самоотверженные командиры - старший лейтенант Бондаренко и младший лейтенант Гавриш - пали смертью храбрых 27 марта в боях под рощей Квадратной.

Прощайте, наши боевые друзья. Вперед, на запад!"

Памятник стоит высоко. Отсюда хорошо видна зимняя русская природа. Может быть, товарищи погибших хотели, чтобы они и после смерти далеко провожали взглядом свой полк, теперь уже без них идущий на запад по широкой снежной русской земле.

Впереди расстилаются рощи: и Квадратная, в бою под

которой погибли Гавриш и Бондаренко, и другие - Березовая, Дубовая, Кривая, Черепаха, Нога.

Они не назывались так раньше и не будут называться потом. Это маленькие безымянные перелески и рощицы Их крестными отцами были командиры полков, дерущихся здесь за каждую опушку, за каждую лесную прогалину.

Эти рощи - место ежедневных кровавых боев. Их новые имена каждую ночь появляются в дивизионных сводках, иногда упоминаются в армейских. Но в сводке Информбюро от всего этого остается только короткая фраза: "За день ничего существенного не произошло".

День... Двадцать четыре часа непрерывного боя, глухих минных разрывов, треска ломаемых танками деревьев, короткого щелканья пуль о стволы берез...

Полк майора Грищенко только что овладел маленькой рощицей со злым названием "Аппендицит". Роща врезалась в наши позиции. В ней зарылись немцы. Несколько дней она мешала жить полку. Ее называли по-медицински "Аппендицит" и сделали именно то, что полагается делать при этой болезни, проникли вглубь и отрезали.

Сейчас в роще все тихо. Молчат полтора десятка крытых в четыре наката землянок. Молчат мертвые немецкие солдаты, в разных позах лежащие под белыми русскими березами. Один из мертвецов сидит на снегу, вцепившись в березу руками, и почему-то хочется оторвать от нее эти вцепившиеся нечистые руки.

В двух местах мертвецы сложены в штабеля. Они убиты еще вчера и позавчера, очевидно, оставшиеся к тому времени в живых немцы стащили их вместе, чтобы похоронить здесь или сжечь.

Да, они дерутся с волчьим упорством. И побеждать их - это значит каждый день на каждом метре земли ломать их невероятное упорство своим еще более невероятным напором.

Здесь это знают и не закрывают на это глаза.

В феврале Гитлер взял клятву с каждого солдата не отступать ни на шаг без его личного приказа. Это был призыв к воинскому духу солдат.

Но его оказалось мало. Тогда было объявлено, что скупо раздававшиеся награды будут теперь даваться за каждое ранение, даже царапину.

Это был призыв к тщеславию, но и его оказалось недостаточно.

Тогда был введен немедленный расстрел за каждую попытку отойти.

Это был призыв к чувству страха.

Все вместе создавало безысходность, которая наряду с

издавна вскормленной привычкой к тупому повиновению вдавила немецкого солдата в этот снег и сказала: лежи до конца.

Мы убиваем их много, но штабель из трупов, такой, как сегодня, редкость. Немцы во что бы то ни стало уносят убитых в тыл.

Вечер. Стволы берез становятся синими. Снежные навалы и наших и немецких траншей сливаются с окружающим снегом. В немецких землянках черные дыры бойниц замаскированы платками и обрывками белья. Все бело и невидимо.

Короткие полчаса обманчивой тишины. Только кое-где редким дятлом стукнет автомат.

Там, где только что взятая роща соединяется перелеском со следующей, которую в сводках называют теперь "Дубовой", в наскоро вырытых траншеях лежит батальон. Он зарылся в снег и приготовился отражать новую контратаку.

Утром подойдут наши танки и батальон будет брать Дубовую рощу. А сейчас, лежа на краю длинной снежной траншеи, комиссар батальона вслух читает последнюю сводку трофеев Ленинградского фронта:

"С шестнадцатого по двадцать шестое марта войсками Ленинградского фронта захвачены следующие трофеи..."

Он останавливается, и рядом с ним лежащий боец, повернувшись к следующему, тихо повторяет:

"С шестнадцатого по двадцать шестое марта войсками Ленинградского фронта..."

А через три минуты эти слова, повторенные уже сотыми устами, слышатся на другом конце траншеи.

Тишина обманчива. Стоит пройти по траншее, зашуметь, обнаружить себя и лес снова огласится воющим полетом мин.

Но лежащие на снегу смоленской земли люди хотят сегодня же знать, что произошло в Ленинграде, и комиссар терпеливо повторяет фразу за фразой:

"Семьдесят шесть орудий, восемь танков, два самолета..."

Девять вечера. Самое темное время. Луна еще не взошла. Нервы напряжены до предела. Пальцы даже не замечают, как холодна сталь автомата. Все ждут контратаки.

Но автоматная трескотня неожиданно начинается не с запада, откуда ее ждали, а сзади, из взятой сегодня днем рощи.

Майор Грищенко отправляет отряд еще раз прочесать рощу.

По мере продвижения отряда огонь стихает.

Короткая очередь сверху. Прижавшись к стволу ели, сержант Королев стреляет вверх, в гущу ветвей, где что-то мелькнуло.

"Кукушка" падает вниз неуклюжим серым мешком. Со вздрогнувших ветвей хлопьями сыплется мокрый снег.

Вот и землянки. Узкие амбразуры, толстые накаты, черные дыры входов. Внутри брошенные каски, тряпье. Здесь мы проходили уже раньше, днем. Но сейчас, сунув штык под широкие низкие нары, бойцы натыкаются на что-то мягкое. Резкий крик. Несколько коротких рукопашных схваток в темноте землянок.

Днем бойцы торопились, они наскоро проскочили землянки и пошли дальше. Ночью двое или трое из немцев вышли на воздух и открыли автоматную стрельбу. И вылезших, и оставшихся постигла одинаковая участь. В роще прибавилось еще восемнадцать трупов.

К рассвету прочищавший рощу отряд, продвигаясь шаг за шагом, дошел почти до опушки. Здесь одного из шедших впереди бойцов сразила неожиданная автоматная очередь. Он молча упал. Его соседи продолжали двигаться вперед, перебегая от ствола к стволу, падая и снова поднимаясь. Огонь усиливался. В густо заросшей лесом лощинке засела оставшаяся у нас в тылу крупная группа немцев. Теперь стреляли уже не только автоматы. Прерывисто, короткими очередями били немецкие ручные пулеметы. В синеватом холодном рассвете за низким снежным бруствером траншей то там, то здесь было заметно движение.

Нельзя было двигаться в глубь Дубовой рощи, не истребив этих засевших у нас в тылу солдат. Но особенно откладывать атаку на Дубовую рощу тоже было нельзя.

Майор Грищенко приказал своему головному батальону, прикрывшись с фронта тонкой цепочкой, всех остальных бросить в тыл для молниеносного уничтожения засевших там немцев.

Атака была короткой и бесстрашной. Может быть, именно благодаря своей стремительности она не сопровождалась большими жертвами.

Немцы были выбиты из наспех вырытой траншеи, рассеяны и убиты поодиночке.

Всего их здесь было пятьдесят. Сорок девять мертвых солдат и обер-лейтенант. Они накануне думали, отойдя из рощи, отсидеться здесь и потом прорваться к своим. Но их нервы оказались слабее наших. Они не выдержали прочесывания леса и выдали себя огнем.

Впрочем, мертвых солдат здесь было не сорок девять, а сорок пять.

Помня об истории с землянками, бойцы, не веря одним глазам, пробовали трупы штыком, и, не выдержав этого испытания, четверо "мертвецов" встали и подняли руки. Глубоко впечатанные в снег, чернели лежавшие под ними на всякий случай автоматы.

В одиннадцать часов в роще "Аппендицит" все было кончено.

Оставалась Дубовая.

В половине двенадцатого к одной из немецких землянок, теперь уже служившей командным пунктом майора Грищенко, подошел представитель танкистов.

Он доложил, что танки прибыли. Майор вышел вместе с ним. Танки стояли на опушке - тяжелые, серо-белые машины, ломающие, как спички, двадцатисантиметровый березовый лес.

Сделав несколько сильных огневых налетов рано утром, немцы теперь вели систематический минометный и орудийный огонь. То здесь, то там среди стволов взметывались высокие снежные столбы.

Впереди, в роще, как выяснила разведка, были две линии глубоких продольных снежных траншей с тремя-четырьмя десятками укрепленных землянок. Подходы к ним были минированы.

Но майор уже не первый день штурмовал эти лески и перелески.

У него были заранее отобраны маленькие штурмовые группы, по шесть-семь человек в каждой. По три группы на танк. Одна впереди него, две по бокам. На опушке, рядом с танками, наготове стояли легкие сорокапятимиллиметровые орудия.

Майор подзывал к себе одновременно командира штурмовой группы, командира танка и командира орудия.

- Вот командир группы, которая пойдет впереди твоего танка, - говорил он танкисту, показывая на рослого сержанта с автоматом через плечо. - Вот танкист, который за тобой пойдет. А вот командир орудия, который вас обоих поддержит.

Трое людей молча стояли перед майором. Они молчали потому, что им все было ясно. Они видели друг друга и видели цель, на которую им троим предстояло идти через пятнадцать минут.

Так, не торопясь, но и не теряя времени, майор сводил вместе всех командиров, которые должны были идти в атаку.

Все было предусмотрено. Орудия на широких лыжах были подтащены по траншеям к самому переднему краю. Танки стояли, заглушив моторы. Люди ждали бесшумно, поправляя на плечах ручные пулеметы и автоматы.

Было ровно двенадцать. Сквозь стволы просвечивало полуденное солнце, и, если бы не глухие разрывы перелетавших через голову мин, лес выглядел бы, как в мирный зимний день.

Первыми скользнули вперед штурмовые группы. Они шли по снегу во главе с саперами, очищая путь для танков.

Пятьдесят, шестьдесят, восемьдесят шагов - немцы еще молчали. Но вот кто-то не выдержал. Из-за высокого снежного

завала раздалась пулеметная очередь.

Штурмовая группа залегла. Она сделала свое дело, вызвав на себя огонь. Танк, шедший за ней, на ходу повернул орудие, сделал короткую остановку и ударил по замеченной пулеметной амбразуре раз, другой, третий. В воздух полетели снег и обломки бревен.

Немцы замолкли. Штурмовая группа поднялась и рванулась вперед еще на тридцать шагов.

Снова то же самое. Пулеметные очереди из следующей землянки, короткий рывок танка, несколько снарядов - и летящие вверх снег и бревна.

Немцы отступали по траншее. Но танк, то лавируя между деревьями, то ломая их, тоже двигался вдоль траншей, посылая туда снаряд за снарядом.

Сначала немцы, пробежав несколько шагов по траншее, пробивали дырку в бруствере и, просунув в нее ствол автомата, били по нашей пехоте, сами оставаясь неуловимыми. Теперь им все чаще приходилось выскакивать из одной траншеи и, проваливаясь по пояс в снегу, пытаться дойти до следующей.

Но в эти секунды поднимались наши, шедшие впереди танков бойцы, и одна за другой темными пятнами оставались лежать на снегу немецкие шинели.

В роще, казалось, свистел сам воздух, пули врезались в стволы, рикошетили и бессильно падали в снег.

Первая линия траншей была занята. Артиллеристы, с помощью пехоты расчищая рыхлый весенний снег, на руках волокли свои пушки вслед за танками и с каждой остановкой били, без конца били по землянкам и блиндажам.

Все уже стало так близко, что стоявшие на противоположной опушке немецкие минометы были приведены в молчание, иначе им бы пришлось бить по своим.

Впереди была вторая линия траншей. Огонь оттуда стал яростным.

Немцы потеряли остатки выдержки и, уже не боясь себя обнаружить, истерически и беспрерывно обстреливали все находившееся перед ними пространство.

Под этим огнем трудно было поднять голову. Но первая траншея без второй - это была бы не половина успеха, а едва десятая доля его. В бою обыкновенная арифметика неприменима.

И усталые бойцы, как им ни хотелось хоть минутку отсидеться, передохнуть в только что отбитой траншее, все-таки вылезали и шли дальше рядом с танками и впереди них, вызывая на себя огонь автоматов.

К семи вечера части полка, пройдя с боем восемьсот снежных

и кровавых метров, дошли до противоположной опушки. Роща Дубовая была взята. Несколько сот убитых немецких солдат, восемь пленных, пулеметы, автоматы, винтовки сколько их, еще не знали, еще продолжали считать, но уже знали, что много.

Землянок было до сорока, частью брошенных, частью разбитых. У их входов обломки дерева были смешаны с почерневшим от орудийных разрывов снегом.

Санитары выносили раненых. День выдался тяжелый, раненых было много.

Мимо командира полка пронесли на носилках командира штурмовой группы политрука Александренко.

Он лежал, смертельно раненный, бледный, со сжатыми губами.

Майор Грищенко остановил носилки и взглянул ему в лицо.

- Хорошо, хоть отомстили им, это хоть хорошо, - с трудом раздвигая губы, сказал Александренко и, застонав от боли, закрыл глаза.

Носилки понесли дальше.

Теперь роща целиком наша, и немцы открыли по ней ураганный минометный огонь.

Уже темнело. Между стволами были видны не только снежные столбы, но и вспышки разрывов.

Усталые люди тяжело дыша лежали в отбитых траншеях. У многих от усталости, несмотря на оглушительный огонь, смыкались глаза.

А по лощине к опушке рощи, пригибаясь и перебегая в промежутках между разрывами, шли термосоносцы с обедом. Был восьмой час, кончались сутки боя.

В штабе дивизии писали оперативную сводку, в которой среди других событий дня отмечалось взятие Дубовой рощи.

А ночью в редакции газет поступила очередная, скромная сводка Информбюро: "На фронте за день ничего существенного не произошло".

16 апреля 1942 года

Илья Эренбург

20 апреля 1942 года

Я видел немецкий танк, выкрашенный в зеленый цвет. Его подбили наши в начале апреля, тогда еще лежал снег, и немецкий танк напоминал франта, который преждевременно сменил одежду. Но не франтовство, нужда выгнала в холод весенние танки и весенние дивизии Гитлера. А теперь снег сошел. Дороги потекли. Они покрыты ветками, едешь и подпрыгиваешь: автомобиль будто скачет галопом. Распутица на несколько недель замедлила военные операции. Кое-где - в Карелии, в районе Старой Руссы, на Брянском фронте продолжаются атаки наших частей, но это отдельные операции. Перед майскими битвами наступило грозное затишье. А по Десне, по Днепру проходят последние льдины. На полях - разбитые немецкие машины, трупы

людей и лошадей, шлемы, неразорвавшиеся снаряды - снег сошел, открылась угрюмая картина военной весны.

Никогда столько не говорили о весне, как в этом году. Гитлер колдовал этим словом. Он хотел приободрить немецкий народ. И вот весна наступила. Две армии готовятся к бою. Тем временем Гитлер начинает лихорадочно оглядываться назад. Что его смущает? Добротные фугаски томми? Кампания в Америке и в Англии за второй фронт? Растущее возмущение порабощенных народов? Так или иначе, Гитлер начал весну походом... на Виши. Для этого ему не пришлось израсходовать много горючего. Несколько баков на поездки Лаваля и Абеца. Английское радио передает, что фон Рундштедт перекочевал с Украины в Париж. Это, однако, только путешествие генерала. По дороге фон Рундштедт должен был встретиться с немецкими эшелонами: Гитлер продолжает перебрасывать дивизии из Франции, Бельгии, Норвегии в Россию. Видимо, ни RAF{8}, ни статья в американской печати, ни гнев безоружных французов не отразились на немецкой стратегии.

Перед весенними битвами Гитлер хочет приободрить своих солдат, потерпевших зимой поражение. Он пускает слухи о новом "колоссальном" вооружении немцев. Он распространяет вздорные сообщения о слабости Красной Армии. Вряд ли солдаты 16-й армии обрадуются, услыхав по радио рассказы Берлина о том, что в русских полках теперь только шестидесятилетние старики и шестнадцатилетние подростки...

Сейчас не время говорить о наших резервах. О них расскажут летние битвы. Я побывал в одной из резервных частей, видел молодых, крепких бойцов, хорошо обученных и хорошо экипированных. Настроение в резервных частях прекрасное: все понимают, что враг еще очень силен, но все понимают также, что враг будет разбит. Прошлым летом люди помнили о Париже, о Дюнкерке, о Крите. Теперь они помнят о Калинине, о Калуге, о Можайске, о Ростове. Ненависть к захватчикам воодушевляет резервистов. Прошлым летом Германия представлялась русскому крестьянину государством, фашизм еще мог сойти за газетное слово. Теперь фашизм стал реальностью - сожженными избами, трупами детей, горем народа. Между Нью-Йорком и Филиппинами не только тысячи миль, между ними - мир. Сибиряк чувствует, что под Смоленском он защищает свою землю и своих детей.

Наши заводы хорошо работали эту зиму. Не стоит напоминать, в каких тяжелых условиях протекала эта работа. Миллионы эвакуированных показали себя героями. Есть у нас танки. Есть самолеты. Наши друзья часто спрашивают: "А как

показали себя американские истребители? Английские танки?" Легко понять чувства американского рабочего или английского моряка, которые хотят проверить, не напрасно ли пропал их труд. Отвечу сразу: не напрасно. Я видел немецкие бомбардировщики, сбитые американскими истребителями. Я видел русские деревни, в освобождении которых участвовали английские "матильды". Но правда всего дороже, и друзьям говорят только правду: у нас фронт не в сто километров, и на нашем огромном фронте английские и американские истребители или танки - это отдельные эпизоды. Достаточно вспомнить, что все заводы Европы работают на Гитлера. И Гитлер самолеты не коллекционирует. Гитлер не копит свои танки - его самолеты и танки не во Франции, не в Норвегии, они даже не в Ливии -они перед нами и над нами.

О втором фронте говорят у нас повсюду - в блиндажах и в поездах, в городах и в деревнях, женщины и бойцы, командиры и рабочие. Мы не осуждаем, не спорим, мы просто хотим понять. Мы читаем цифры ежемесячной продукции авиазаводов США и улыбаемся: мы горды за наших друзей. И тотчас в голове рождается мысль: какой будет судьба этих самолетов?

Мы говорим о втором фронте как о судьбе наших друзей. Мы знаем, что теперь мы воюем одни против общего врага. Вот уже триста дней, как война опустошает наши поля, вот уже триста ночей, как сирены прорезают наши ночи. Мы пошли на все жертвы. Мы не играем в покер, мы воюем. Судьба Ленинграда, его истерзанные дворцы, его погибшие дети - это символ русского мужества и русской жертвенности. Накануне весны мы говорим о втором фронте как о военной мудрости и как о человеческой морали. Так мать, у которой все дети на фронте, глядит на другую - ее дети дома...

Леонид Леонов

Твой брат Володя Куриленко

Набатный колокол бьет на Руси. Свирепое лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон да скулит ветер, пропахший горечью пожарищ, да шарит по развалинам многорукий иноземный вор...

Второй год от моря до моря, не смолкая ни на минуту, гремит стократное Бородино Отечественной войны. Утром шелестит газета в твоей руке, мой безвестный читатель. И вместе с тобою вся страна узнает о событиях дня, с грохотом отошедшего в историю. Еще один день, еще одна ночь беспримерной схватки с врагом миновала. С благоговейной нежностью ты читаешь про людей, которые вчера сложили свои жизни к приножью великой матери. Кажется, самые тени великих предков наших обнажают

головы и склоняют свои святые знамена пред ними. Какой могучий призыв к подвигу, мужеству и мщенью заключен в громовом шелесте газетного листа!

И еще громче орудийных раскатов звучит в нем тихое и строгое, как молитва, слово героя:

- За свободу, честь и достояние твое... в любое мгновение возьми меня, родина. Все мое - последний жар дыхания и пламя мысли, и биение сердца тебе одной!

Многие из них уже отошли навеки к немеркнущим вершинам славы - воины, девушки и дети, женщины и старцы, принявшие на себя благородное звание воина. Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные пращуры наши, оборонившие родную землю в годы былых лихолетий. Никогда не поредеет это племя богатырей, потому что самый слух о герое родит героев. Там, в аду несмолкающего боя, стоят они плотным строем, один к одному, как звенья на стальной кольчуге Невского Александра. Весь свет дивится нынче закалке и прочности этой брони, о которую разбиваются свирепые валы вражеского нашествия. Нет такой человеческой стали нигде на Западе. И в мире нет такой. Она изготовляется только у нас.

Слава вам, сыны великой матери!

Нам знакомы тысячи знаменитых имен современников наших во всех областях мирной человеческой деятельности. Мы гордимся ими и каждого знаем в лицо. Славные машинисты и шахтеры, хирурги и сталевары, строители материальных очагов нашего счастья, изобретатели умнейших машин, мастера неслыханных рекордов, музыканты, художники, певцы... Ими, как ковром пестрых и благоуханных цветов, усеяны наши необъятные пространства. И вот мы услышали новые имена людей, которые в огне сражений или в бессонной партизанской ночи отдали себя родине. Они стоят перед нами во весь свой исполинский рост, светлее солнца, без которого никогда - ни в прошлом, ни в будущем нашем -не цвели бы такие цветы на благодатной русской земле. Воистину непобедим народ, который родил их!

Сверкающей вереницей они проходят перед лицом отечества. Опаляют разум картины их нечеловеческой отваги.

Вот юноша-красноармеец заслоняет собой амбразуру пулеметного гнезда, чтоб преградить дорогу смерти и обезопасить идущих в бой товарищей. Вот сапер, когда разбило осколком его миноискатель, голыми руками, на ощупь, и в сыпучих сугробах по пояс, расчищает перед штурмом минированное поле. Вот, приколов, как реликвию, поверх бушлатов клочки нахимовского мундира, идет в последнюю атаку севастопольская морская пехота...

Кто вырастил тебя, гордое и мужественное племя? Где ты нашло такую силу гнева и ярость такую?

Родина скорбит о павших, но забвенье никогда не поглотит памяти об этих лучших из ее детей. Грозен и прекрасен летчик Гастелло, который крылатым телом своим, как кинжалом, ударил в гущу вражеской колонны. Легендой прозвучал подвиг двадцати восьми братьев, которых сроднила смерть на подмосковном шоссе. Бессмертен образ комсомолки Зои, которую мы впервые увидели на белом снегу газетной страницы в траурной рамке. Вся страна пытливо вглядывалась в это красивое лицо русской девушки. Ни смертная мука, ни ледяная могила не смогли стереть с него выражение бесконечной решимости и прощальной улыбки милой родине... Созвездия надо бы называть именами этих людей, смертью поправших смерть!

Память народа - громадная книга, где записано все. Народ наш хорошо помнит причиненное ему горе. Не забудем ничего, даже сломленного в поле колоска. Есть у нас кому мстить, завоеватели!

Когда стихнет военная непогода, и громадная победа озарит дымные развалины мира, и восстановится биение жизни в его перебитых артериях, лучшие площади наших городов будут украшены памятниками бессмертным. И дети будут играть среди цветов у их гранитных подножий и учиться грамоте по великой заповеди, начертанной на камне:

"Любите родину свою, как мы ее любили!.."

Но еще прежде, чем историки, скульпторы и поэты найдут достойные формы для воплощения беззаветных свершений героев, а отечество оденет в бронзу их образы, следует любыми средствами сохранить в памяти хотя бы самые незначительные их живые черты. Запомни их лица, друг! Запомни навсегда эту гордую, по-орлиному склоненную к земле голову Гастелло, и хмурые, опаленные пламенем неравного боя лица двадцати восьми, и строгий профиль Зои, и честный, простой, как небо родины, взор партизана Володи Куриленко.

Мы не знали его в лицо, хотя он жил среди нас, скромно выполняя повседневную свою работу. Это обыкновенный человек наших героических будней. Трудно начертить спокойный его портрет нашими обиходными словами. Могучие воины, его овеянные славой соратники, немного рассказали о нем. Еще гремят поля войны, дорого каждое мгновение, и скупо цедятся нежные слова.

Знакомься же с ним, современник!

Вот он стоит перед тобой, Владимир Тимофеевич Куриленко, голубоглазый, русоволосый, русский парень, совсем юный. Он

родился 25 декабря 1924 года. Семнадцать лет ему исполнилось в партизанском отряде, когда он умел уже не только стрелять, но и попадать в самое сердце немца. Природа одарила всем этого юношу. Он был, как тот, павший за родину в битве на Калке, великолепный Даниил, о котором с предельной и сердечной ясностью сообщил летописец: "...был он молод, и не было на нем порока с головы до пят". И если любой, наугад взятый молодой гитлеровец - законченный пример средневековой низости, Владимир Куриленко - отличный образец честного, деятельного юноши нашей эпохи.

Итак, он сын учителя на Смоленщине. Восемь лет провел он в школе. В нем рано проснулся дар организатора: он руководил ученическим комитетом, пионерским отрядом, потом комсомольской ячейкой. С малых лет его влекло к себе широкое океанское раздолье, где человек волей и выдержкой своими меряется со стихией. Но природа не поместила на Смоленщине седого и грозного океана, который грезился Володе. Все же Володя создал отряд "юных моряков", и уж, наверно, армады детских корабликов ходили по тамошней речке, и уж, конечно, адмиралом среди товарищей своих был этот статный и крепкий паренек...

Позже его в особенности влекла романтика военного дела. Хотелось ему также строить и изобретать. Он даже сердился на свою молодость, мешавшую ему поступить в Ленинградскую военно-инженерную школу. Он был принят туда 6 июня 1941 года, - все, даже самые мелкие даты важны в этой краткой и такой емкой биографии. Уже сбывалась мечта... и не сбылась, разрушенная, как миллионы других молодых мечтаний, вторжением фашистских громил. Ленинград был отрезан фронтом. Гитлеровская орда потекла на Русь. Юношеская склонность Володи к военным занятиям пригодилась; больше того - она стала потребностью дня. Такова первая страница в анкете героя.

Как быстро в военное время растут и мужают наши дети!.. Когда первые немцы появились в Володиных местах, где каждый кустик, каждую полянку он любил с неосознанной еще детской привязанностью, он сразу занял свое место рядом со взрослыми. Видимо, и отец Володи принадлежал к той замечательной категории народных учителей, которые собственным примером своим учат молодых граждан поведению в жизни. Тимофей Куриленко встретил гитлеровских посланцев пулеметным огнем, и два сына его. Владимир и пятнадцатилетний Геннадий, помогали ему при этом.

- Учитесь, учитесь, детки, этой азбуке войны, без которой

пока нельзя быть спокойным за свое счастье на земле...

Это был новый вариант старинной и любимой песни -о Трансваале, о родине, горящей в огне, и об отце, который повел своих юных сыновей бороться за свободу. Засада Тимофея Куриленко изменила направление неприятельского удара. Свернув с намеченного пути, немцы наткнулись на регулярные части Красной Армии и были искрошены. Полтораста вражеских трупов и десятки разбитых машин -вот первое наглядное пособие, которое народный учитель показал своим сыновьям.

Несколько позже, в августе 1941 года, Володя самостоятельно организует партизанский отряд из ребят своего селения. Он сам становится педагогом в этой боевой школе. И вот наступает первый скромный урок - первая встреча с завоевателями, покорившими пол-Европы. Мальчики мужественно ложатся в засаду у дороги. Грузовая машина, громыхая железной посудой, проходит совсем близко. И вровень с нею стволы винтовок движутся в высокой траве. Ребятки хорошо знают незваных гостей: это "доильцы", сборщики молока для германской армии. Кроме молока, они отбирают яйца, хлеб, мясо, вилки и ножи, сарафаны и ведра: доброму вору все в пору!.. В особенности вон тот, что сидит поверх бидонов, знаком и ненавистен Володе. Этот выдающийся мастер гитлеровского разбоя, отлично изучивший русский язык в пределах своей грабительской деятельности, давно заслужил добрую порцию партизанского свинца.

- Огонь! - сурово произносит мальчик.

Гремит нестройный залп.

Хрипят тормоза, машина останавливается. Володя сердито кусает губы: ох, сколько промахов враз, да еще по такой мишени! Выскочив, немцы залегли под откосом, - все, кроме того, белесого, который медленно, оскалив зубы, сползает с бидонов. Какое розовое молоко хлещет сквозь щели автомобильного кузова!.. Жаркая перепалка. Необстрелянные Володины юнцы разбегаются с поля боя. Значит, это дается не сразу... Хорошо! Оставшись один, Володя припадает к пулемету: "Вот я их!" Одиночный выстрел, очереди не последовало. Второпях растерялся и сам командир: что это, поломка пулемета? Он же сам чистил и разбирал его накануне... Полудетское замешательство: в мгновение ока надо припомнить все, что проходили на специальных занятиях в школе.

- Так почему же, почему же он не стреляет? Забыл, забыл... - шепчут губы.

Это похоже на экзамен, на грозный экзамен, где экзаменаторами - жизнь и смерть... В минуту затишья немцы вскакивают на машину. Володя снова хватается за винтовку: это

проще. Ага, еще один свалился, точно нырнул в зеленую некошеную траву! А вот и вражеский офицер, согнувшись/ хватается за живот.

- Смотри, не обожги себе утробы горячим русским молочком, майор!

Немецкий офицер успевает завести мотор. И только теперь Володя понял свою ошибку: он просто забыл нажать предохранитель. Машина пускается наутек. Гитлеровцев гонит животный страх перед русскими партизанами. Закусив безусую губу, Володя посылает вдогонку длинную, не очень меткую очередь.

А вечером в укромном месте, где-нибудь в уцелевшем овине, состоялись, наверное, занятия в отряде. Никто не глядел в лицо друг другу, и с недетской серьезностью звучал басок Володи:

- Ничего, товарищи! Учимся. Однако рассмотрим все-таки причины этой неудачной операции...

Конечно, он не бранил их; он всматривался в смущенные добрые лица крестьянских детей, искал слова поддержки, чтоб разбудить в них сноровку, стойкость и великую силу к сопротивлению. В конце концов, немудрено, что случилась неудача. То была пора, когда вся страна лишь училась давать отпор внезапному врагу. Прославленная германская организованность, помноженная на массовый опыт всеевропейских убийств, примененная в гнусном деле разбоя и террора на нашей земле, казалась тогда черной и грозной силой. И Володя Куриленко знал, что этот первый урок еще пригодится им впоследствии.

Рано закончилась юность у поколения русской молодежи времен Отечественной войны. Родина поставила их в самое горячее место боя и приказала стоять насмерть. Кто бы узнал теперь в молодом и строгом командире с незастегнутой кобурой и гранатой у пояса мальчика Володю Куриленко, мечтателя и адмирала несуществующих морей? Хозяйская ответственность за судьбу страны легла на его плечи и как бы придавила их слегка. Суровая морщинка прочертилась меж бровей, тоньше и жестче стали возмужавшие губы, и еще тверже сердце, познавшее радость мщения и горечь разлуки с павшими друзьями.

В сентябре враг высылает уже крупные карательные отряды против партизанских сил, к которым присоединилась и группка Володи Куриленко. Началась лютая охота нацистов на непокорное и непокоренное население. Отряд Куриленко был окружен в деревне. Уже каратели идут по избам, но командиру удалось проскользнуть сквозь самые пальцы ночной облавы. Несколько человек из отряда попадают в плен к фашистам.

Приговор им вынесен заранее. Подобно прославленным восьми волоколамским комсомольцам-мученикам, они погибают на виселице.

Прощайте, юные мореплаватели, познавшие море жизни в самую грозную штормовую ночь! Может быть, вы стали бы капитанами дальних плаваний и прокладывали новые трассы в ледяных пространствах Севера... Веревка иноземных палачей оборвала вашу мечту. Запомним: они заплатят вдесятеро. И на стальных бортах новехоньких кораблей ваши имена много раз еще обойдут все моря родины!

Каратели трудятся. Питекантропы в гестаповских мундирах убивают и жгут. Пепел и слезы, слезы и пепел -вот удел занятых врагом областей. Ничего, они - как споры ненависти, эти серые пепелинки: из каждой родится по герою. Дню всегда предшествует ночь... Партизанское движение в этом крае, кажется, совсем подавлено. Наступила черная осень 1941 года. Отступление наших армий. Первый снег кружится над поруганной землей. Знойко и тихо в этой искусственно созданной пустыне, отгороженной от мира огневой завесой разрывов. Куриленко возвращается к отцу и снова на некоторое время становится прежним Володей. Он отбивается от усталости и разочарования, что невольно крадутся в сердце: "Ничего, выстоим, выдюжим! Не для того мы рождались на свет... и еще не допеты наши песни!"

Тайком он устанавливает радиоприемник - пригодилась детская любознательность. Вместе с родными в темные ночи он слушает передачи из такой близкой и такой далекой теперь осажденной Москвы. Громче, громче бейте, часы на Спасской башне: миллионы преданных сердец слушают вас в эту ночь! А чуть забрезжит утро, Володя отправляется в путь, с ломтем хлеба за пазухой. Он разносит слова правды, которые узнал ночью, по всем отдаленным местностям района. В селах знают, любят и ждут его. Куриленко становится живой газетой. Трудное и почетное дело в условиях глубокого немецкого тыла и зверских законов оккупации.

Идут месяцы. Декабрь. Могучие удары сибирских дивизий под Москвой. Эхо их разносится по всему миру, добивая глупый миф о непобедимости германских армий. Фронт снова приближается к родным Володиным местам. Скоро, совсем скоро взметнется под ногами поработителей эта измученная, расковырянная земля. А пока таись и жди своего часа, гордый мститель Смоленщины! И часто, отправляясь с добрыми вестями по тайным тропкам в самые глухие углы, к друзьям, он останавливался где-нибудь на опушке леса, этот коробейник

новостей, и, прищурясь, глядел на железнодорожное полотно.

Дни прибывали. Слепил глаза крепнущий снежный наст.

Шел очередной поезд с гитлеровскими убийцами. Усердно пыхтели паровозные поршни и то ли зимний ветерок подвывал в ветвях, то ли постылая вражеская песня сочилась сквозь железную обшивку вагонов. Вражеские рожи прильнули к окнам изнутри. Любопытно было поглядеть, среди каких таких восточных просторов и немеряных русских лесов придется им сгнивать в недалеком будущем...

И, наверно, улыбался Володя, думая про себя:

"Вот новая партия немецких покойников своим ходом, в живом виде, направляется к предназначенным для них могилам. Не вернется ни один, ни один! Что же, спешите, бравые подлецы!.."

И, кстати, считал вагоны с живым и платформы с мертвым инвентарем, чтобы рассказать потом, кому следует, об этой встрече. Всякое знание полезно партизану.

...В январе не выдержало сердце. Володя уводит отца и брата в лес, в жгучую морозную неизвестность. Оказалось, там кочевал тогда отряд славного партизана товарища Ш.

Часть февраля уходит на разведку, на установление правильной связи с Красной Армией. Приходится много раз пересекать огневую линию фронта. У Владимира Куриленко накапливается богатый опыт диверсий, шлифуется мастерство партизанского действия. Ненависть к врагу -вот всенародная академия, где он получил свое военное образование. Теперь уже никакая внезапность не застанет его врасплох. Зрелость входит в его трудную и чреватую опасностями юность. Партизан всегда бьется с численно превосходящими силами противника. "Четверо против шестидесяти восьми? Ничего. Великая мать смотрит на нас. Вперед!" И отступали, только израсходовав весь огневой запас.

Какое пламя гнева нужно было хранить в себе, чтобы не закоченеть в такие бездомные, метельные партизанские ночи!

Молодой Куриленко поспевает везде. Ему хватает времени на все, точно он сторукий. Все партизанские специальности знакомы ему. Вот дополз слух о том, что в одной деревне организован полицейский отряд для борьбы с партизанами. Володе дается поручение превратить в падаль изменников родины, и он с друзьями выполняет приказ. Это он за какие-нибудь полтора месяца, сообща с товарищами, пускает под откос пять вражеских поездов с боеприпасами и живым солдатским грузом. Это он взрывает мосты на магистралях и сообщает нашему командованию о заторах, образовавшихся на путях. И стаи наших

краснокрылых птиц расклевывают дочиста скопления вражеских эшелонов...

Порою, кажется, юноша дразнит судьбу, как будто не одну, а сотню жизней подарила ему родина. И тут начинается широкая, как река, песенная слава партизана.

Умей расшифровать, увидеть в недосказанных подробностях сухую газетную сводку, современник! Это стенограмма народной войны. Сердцем патриота почувствуй, глазами брата прочти эти скудные записи в партизанском дневнике. Вот некоторые из них, скромная повесть о буднях партизана:

"2.3.1942. Владимир Куриленко с товарищем А. при возвращении в лагерь наткнулся на немецкую батарею. Пулеметным огнем скошено 2 артиллерийских расчета. Товарищ А. убит.

5.3.1942. Четверо, среди которых Владимир Куриленко, вступили в бой с 68 фашистами. Убито три оккупанта, один ранен.

30.3.1942. Партизаны нашего отряда, Владимир Куриленко и бойцы отряда особого назначения, скинули под откос поезд между станциями Л. и К. Убито 250 фашистов.

10.4.1942. Крушение товарного состава на дороге С. -Л. Одновременно подорвано соседнее железнодорожное полотно. Владимир К.

13.4.1942. Подбита машина. Уничтожено 4 немца. Куриленко с товарищами.

14.4.1942. На комсомольском собрании ответственным секретарем президиума ВЛКСМ избран Владимир Куриленко.

26.4.1942. Еще один эшелон на перегоне К. - Л. спущен под откос Владимиром К. Погибло 270 немцев. Взорван паровоз и железнодорожное полотно на О. направлении".

В этих скупо обозначенных эпизодах ничего нет о стремительной дерзости, о высоком искусстве преодоления, казалось бы, непреодолимых препятствий, об особенностях партизанской жизни. Каждую минуту бодрствования или тревожного, урывками, сна находиться в окружении! И в самом кратком, почти бесцветном эпизоде от 13 апреля ничего не сказано про обстоятельства очередной схватки с противником. Приблизь к глазам эту скромную запись, современник!

Ранняя шла в том краю весна. Талая кашица стояла под снегом, почернелым и источенным, хрупким, как стеклянное кружево. Уже на возвышенностях, где днем пригревало солнышко, глубоко увязали ноги. Трое, во главе с Володей Куриленко, шли на выполнение боевой задачи. О, столько раз описанное в литературе предприятие и ни разу не описанное до конца: мост.

Река встала на их пути. Слабо мерцал в сумерках синий, истончавший ледок, кое-где уже залитый водою. На задней кулисе туманного леска тревожно чернел силуэт самой цели. По зыбкому, гибельному льду, чуть схваченному вечерним морозцем, подрывники перешли реку. Оставался еще ручей; он клокотал и шумел всеми голосами весны. Пришлось перебраться вброд. К мосту подошли уже мокрые по пояс... Спокойно и деловито закладывали кегли, когда Миша, товарищ Куриленко, сигнализировал о приближении вражеской автомашины. Жалко было упускать и эту маленькую цель. Здесь было достаточно удобное место для засады, в глубоком затоне ручья. Трое залегли в воду, только глаза, злые и зоркие глаза их, остались над поверхностью.

Мы не знаем, как тянулись эти минуты ожидания. Те, которые еще бьются с врагом на Смоленщине, расскажут потом подробнее про этот вечер. Наверно, пронзительная тишина стояла в воздухе. И, может быть, Володя спросил шепотом, чтобы шуткой поддержать товарища:

- Что, не промок, хлопец?

- Кажется, коленку замочил ненароком, - шуткой же отвечал тот. - А что?

- Ничего... Смотри не остудись. Этак и насморок можно заработать.

Ближе стеклянный хруст ледка в подмерзших колеях. Вот и свет фар показался на дороге. Кто-то шевельнулся в засаде. Желтые латунные блестки пробежали зыбью по воде.

- Начнем с гранаты, хлопцы!

Трудно кидать эту чугунную игрушку закоченевшей рукой. Но не промахнись, партизан: их больше. Взрыв - и мгновение спустя басовитое одобрительное эхо вернулось от леска к засаде Куриленко. Машину почти сошвырнуло с дороги, но она еще двигалась. "Теперь стрелять..." Четырех убили, пятерых ранили; безотказно действовал ППД. Из строений ближней МТС, где расположились немцы, уже бежали, галдя и стреляя наугад, полуодетые фигуры солдат. Обшарили, прострочили всякий кустик, черневший на берегу, но все было неподвижно: и вода, и мертвые солдаты на завоеванной ими земле, и дальний лесок, охваченный чутким безмолвием весны...

Она вступила в свои права, весна. Повеселели лужки на припеках; тонким, почти бесплотным туманцем окутались рощи. И птицы, каких еще не разогнал орудийный грохот, шумели иногда в лесных вершинках. Подступала пора великих работ на земле, и не было их - мешали фашисты. Злее становились удары исподтишка, в затылок врага. И ровно месяц спустя после

памятной операции наступил отличный вечер, уже проникнутый тончайшим ароматом целомудренной русской флоры. Снова отправлялись в путь партизаны, и опять их было трое, с Куриленко Володей во главе. Теперь они свою взрывчатку заложили под железнодорожное полотно и терпеливо ждали, как ждет рыболов своей добычи на громадной и безветренной реке.

Сбивчивые стуки пошли по рельсам; земля подсказала на ухо партизану:

- Пора!

Володя выждал положенное время и крутнул рукоятку заветной машинки. И тихий русский вечер по-медвежьи, раскоряко, встал на дыбы и черную когтистую лапу взрыва обрушил на вражеский эшелон. Гаркнула тишина; вагоны с их живой начинкой посыпались под откос, вдвигаясь один в другой, как спичечные коробки... И где-то невдалеке трое юношей, исполнители казни, сурово наблюдали эту страшную окрошку из трехсот фрицев.

- Люблю большую и чистую работу, - сквозь зубы процедил Владимир Куриленко и повернулся уходить.

Он был веселый в тот вечер. Легко и вольно дышалось в майском воздухе. И хорошо было чувствовать, что Родина опирается о твое надежное комсомольское плечо... Они шли молча, и необъятная жизнь лежала перед ними в дымке юношеских мечтаний. На ночь они расположились в деревне С., и никто не знал, что это была последняя ночь Володи.

В полночь деревня была охвачена кольцом карательного отряда. Началось избиение людей, не пожелавших выдать спрятанных партизан. В перестрелке был насмерть сражен друг и соратник Володи комсомолец К. Сам Куриленко, раненный в голову и живот, продолжал отстреливаться. Каратели подожгли дом. Пламя хлестнуло в окно, зазвенело стекло, черная бензиновая копоть заструилась в нежнейшем дыхании ночи. Тогда товарищ Володи, владевший языком врага, крикнул по-немецки в окно:

- В своих стреляете, негодяи! Кто, кто стреляет?

Пальба прекратилась, и в этот краткий миг передышки Куриленко и его товарищ выскочили из избы на огород, не забывая при этом унести и оружие убитого товарища.

Кое-как они дотащились до соседней деревни. Незнакомая Володе смертная слабость овладела его телом. Так вот как это бывает!.. "Ничего, крепись, партизан! Чапаю было еще труднее, когда он боролся один на один со смертью и воды Урала тянули его вниз..."

Крови становилось меньше, он уже не мог стоять, когда

добрались до деревни. Неизвестный друг запряг лошадь и положил, сколько влезет, соломы на дно телеги. Двинулись в путь медленно, чтобы не увеличивать муки раненого. Лошадь шла шагом.

- Крепись, крепись... Еще немного, Володя, - шептал А.

Откинув голову, ослабев от потери крови, Куриленко лежал в телеге. Тысячи самых красивых, самых здоровых девушек в стране без раздумья отдали бы кровь этому герою и всю жизнь потом гордились бы этой честью. Но не было никого кругом, кроме друга, бессильного помочь ему, да еще великого утреннего безмолвия. Затылок с непокорными юношескими вихрами, смоченными кровью, бился о задок телеги, и голубой взор был устремлен в бесконечно доброе небо родины, едва начинавшее синеть в рассвете.

Он слышал все в этот час: всякий шорох утра, каждый запах, веявший с поля, треск сучка, шелест земли, разминаемой колесом, просвист птичьего крыла над самым ухом... И, уже бессильный повернуть голову, он узнавал по этим бесценным мелочам облик того, что так беззаветно и страстно любил... Боль уже прошла, но это означало приближение смерти. Только легкая и острая тоска по родине, покидаемой навсегда, теплилась в этом молодом и холодеющем теле. Вот оборвалась и она...

Такова последняя строка в анкете героя.

"Не долго жил, да славно умер" - говорит русская древняя пословица. Он умер за семь месяцев до своего совершеннолетия. Для того ли родина любовно растила тебя, Володя Куриленко, чтоб сразила тебя пуля гитлеровского подлеца? Прощай! Отряд твоего имени мстит сейчас за тебя на Смоленщине.

Не плачь о нем, современник. Копи в себе святую злобу. Но вспомни Володю Куриленко, когда ты будешь идти в атаку или почувствуешь усталость, стоя долгую военную смену у станка. Это придаст тебе ярости и силы...

На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!

Илья Эренбург

О ненависти

Неутолимая темная злоба испепеляет сердце фашизма. Это злоба магнатов Рура, которые в двадцатые годы нашего века испугались утренней зари, зрелости народов, идеи справедливости. Это злоба Круппа, Феглера, владельцев "Фиат", Шнейдера, призвавших на выручку шайку авантюристов и бессовестных убийц. Это злоба прусских баронов, андалузских герцогов, румынских бояр, венгерских графов, бездарных и слабоумных эпигонов некогда пышного мира, которые

рассматривают страны как землю для охоты с гончими, а крестьян, подбирающих желуди на барской земле, как дичь. Это злоба мелких невежественных мещан, возмущенных сложностью культуры, смелостью мысли, прогрессом. Это злоба неудачников, провинциальных цезарей, захолустных наполеонов, жаждущих войти в историю хотя бы с черного хода. Это злоба ренегатов, стремящихся осквернить все то, что они некогда любили. Это злоба старости, бездушья, смерти.

Итальянские фашисты, выйдя на сцену, вырядились в черные рубашки, установили культ волчицы, переняли у волчьей стаи крик "алала". Испанские фалангисты ввели обряд "обручения со смертью", носили свои знамена на кладбища, устраивали шествия с голыми горбунами, с юродивыми, с могильщиками, - шествия, похожие на кошмарные видения великого Гойи. Французские кагуляры надевали на себя глухие капюшоны, взятые из средневековья и рожденные чумными эпидемиями. Немецкие эсэсовцы носят на рукавах череп и скрещенные кости. Геринг возродил палача во фраке с топором. Гиммлер перенес в свои застенки орудия пыток, хранившиеся в Нюрнбергском музее. Даже бутафория фашизма свидетельствует о черной безвыходной злобе.

Фашизм является самой крупной попыткой остановить ход истории. Он воскресил некоторые обряды и заблуждения средневековья. Но люди средних веков жили не только этими обрядами или заблуждениями, в них горела подлинная вера; они создали изумительные соборы, замечательные эпические поэмы; своим трудом, своим исступлением, даже своим неведением они подготовили век Возрождения. Фашистов не следует сравнивать с людьми средневековья. Они живут в другую эпоху. Они попытались выйти из понятия времени; этим объясняется их бесплодность. Конечно, лозы Италии продолжали давать вино и при Муссолини. Конечно, заводы Германии продолжали работать и при Гитлере. Но фашисты ничего не создали. Они только мобилизовали современную технику на борьбу против духа нашего времени. Все завоевания цивилизации они обратили на уничтожение.

Италия справедливо почиталась страной искусств. Фашизм не родил художников. Фашизм убил художников. Может ли гордиться итальянский народ завоеванием потерянной потом Абиссинии, применением иприта к безоружным пастухам, разгромом Малаги, расстрелами в Греции, виселицами на Украине? Сказался ли в этих преступлениях дух Леонардо да Винчи, Данте, Петрарки, Леопарди, Гарибальди? Читая безграмотные и тупые книги Розенберга, статьи Геббельса или

Штрейхера, находим ли мы в них тень немецкого гения, ясность Гете, сложность Гегеля, свободолюбие романтиков? Разрушение сотен городов, Европа, превращенная в пустыню, - такова созидательная деятельность фашизма. Страны, очищенные от людей, а голова человека, очищенная от мыслей, - вот идеал Гитлера.

Неудивительно, что фашизм притягивает к себе отбросы человечества, людей с неопрятной биографией, садистов, духовных уродов, предателей. Бездарный живописец Гитлер, бездарный романист Геббельс, бездарный драматург Муссолини - разве не поразительно, что во главе фашистских государств стоят люди, мечтавшие о лаврах художника и освистанные как плохие фигляры? Фашизм притягивает к себе всех ренегатов. Иуда в тоске повесился. Фашистские иуды предпочитают вешать других. Муссолини утолял свою злобу убийствами былых товарищей - социалистов. Во Франции Гитлер нашел двух приверженцев, двух отступников - Лаваля и Дорио. Половые извращения и в первую очередь садизм стали оплотом фашизма. Морфинист Геринг, блудодей Геббельс, садист Гиммлер, специалист по растлению малолетних "доктор" Лей, выродки, о местонахождении которых должны были спорить начальники тюрем и директора госпиталей, оказались на постах министров.

Злоба - мелкое и низкое чувство. В жизни мы справедливо стыдимся проявлений злобы. Бездарный поэт скрывает свою обиду. Жадный человек не решится сделать из своего страха за зарытые деньги идеологию. Старик, возмущенный чужой молодостью, побрюзжит и все же умолкнет. Фашисты из злобы сделали религию. В фашизме нет места человеческому братству: немецкий фашист презирает итальянского фашиста, а румынский фашист мечтает, как бы удушить венгерского. В фашизме нет места справедливости: война для немецкого крестьянина - это могила, в лучшем случае - костыли, война для рейхсмаршала Геринга - это огромные барыши, которые он, не смущаясь, переправляет за границу. В фашизме нет места праву: прихоть припадочного Гитлера подменила в Германии все законы. Века и века человечество пыталось усовершенствовать защиту человека от произвола; но вот в 1942 году палач Гиммлер пытает французских ученых и норвежских художников, рабочих Чехии и польских земледельцев. Международное право, уголовное право, гражданское право - все это заменено болезненной дурью любого эсэсовца. В фашизме нет места творческой мысли: книги заменены погромными брошюрами, университеты закрыты или превращены в специальные курсы для вешателей. Европа, еще недавно пытливая, плодоносная, сложная, как извилины

человеческого мозга, под пятой фашистов стала единообразной пустыней.

Злоба движет каждым солдатом фашизма. Проигрывая битву, они после этого вешают женщин или пытают детей. Зайдя в чужой дом и не найдя в нем добычи, фашистский солдат убивает хозяйку. Один немецкий ефрейтор написал в своем дневнике, что пытки его "веселят и даже горячат". В речах Гитлера нет любви к немецкому народу, его речи дышат одним: злобой. Даже голос Гитлера похож на хриплый лай гиены. Гитлер пытается согреть злобой сердца немецких солдат: жгите, грабьте, убивайте! Он рассылает свои дивизии, как стрелы, отравленные ядом анчара, в далекие страны. Да и что может вести вперед уроженца Баварии или Вестфалии, посланного убивать украинских и русских детей, кроме бессмысленной, слепой злобы?

Русский народ пережил большую и трудную жизнь; не розами была устлана его дорога к счастью и к совершенству. Но и в самые тяжелые годы своей истории русский человек ограждал себя от темной злобы. Не на презрении к другим народам, но на любви к своему был вскормлен русский патриотизм. Русский солдат жалел пленного и никогда не обижал безоружных. Русская литература в девятнадцатом веке овладела совестью всего передового человечества: нет европейского писателя, который не учился бы на русском романе гуманности. Наша национальная, политическая и социальная борьба - от декабристов до Зои Космодемьянской - потрясла мир бескорыстьем, самоотверженностью, душевным благородством.

Чувство злобы не соблазняет нас и теперь. Идея мести не может удовлетворить нашего возмущенного разума. Мы говорим не о злобе - о ненависти, не о мести - о справедливости. Это не оттенки слов, это - другие чувства. Ненависть, как и любовь, присуща только чистым и горячим сердцам. Мы ненавидим фашизм, потому что любим людей, детей, землю, деревья, лошадей, смех, книги, тепло дружеской руки, потому что любим жизнь. Чем сильнее в нас любовь к жизни, тем крепче наша ненависть.

В газетных статьях можно встретить выражение "пехота противника". Для нас гитлеровцы не просто противники: для нас гитлеровцы не люди, гитлеровцы для нас - убийцы, палачи, нравственные уроды, жестокие изуверы, и поэтому мы их ненавидим. Многие из нас в начале этой необычной войны не понимали, кто топчет нашу землю. Люди чересчур доверчивые или чересчур недоверчивые думали, что армия Гитлера - это армия государства враждебного, но культурного, что она состоит из воспитанных офицеров и дисциплинированных солдат.

Наивные полагали, что против нас идут люди. Но против нас шли изверги, избравшие своей эмблемой череп, молодые и беззастенчивые грабители, вандалы, жаждавшие уничтожить все на своем пути. В ту осень сводки несколько раз отмечали атаки пьяных немецких солдат. Но гитлеровцы пришли к нам пьяные не только шнапсом, они пришли к нам пьяные кровью поляков, французов, сербов, кровью стариков, девушек, грудных младенцев. И с ними на нашу землю пришла смерть. Я не говорю о смерти бойцов: нет войны без жертв. Я говорю о виселицах, на которых качаются русские девушки, о страшном рве под Керчью, где зарыты дети русских, татар, евреев. Я говорю о том, как гитлеровцы добивали наших раненых и жгли наши хаты. Теперь об этом знают все: от защитников Севастополя до колхозниц Сибири. Каждое преступление немцев раздувало нашу ненависть. Все советские люди поняли, что это не обычная война, что против нас не обычная армия, что спор идет не о территории, не о деньгах, но о праве жить, дышать, говорить на своем языке, нянчить своих детей, быть человеком.

Мы не мечтаем о мести: может ли месть утишить наше негодование? Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытать детей или мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Никто не воскресит детей Керчи. Никто не сотрет из нашей памяти пережитого. Мы решили уничтожить фашистов: этого требует справедливость. Этого требует наше понимание человеческого братства, доброты, гуманности. Мы знаем, что на земле могут ужиться люди разных языков, разных нравов, разных верований. Если мы решили уничтожить фашистов, то только потому, что на земле нет места для фашистов и для людей, - или фашисты истребят человечество или люди уничтожат фашистов. Мы знаем, что смерть не может победить жизнь, и поэтому мы убеждены в том, что мы уничтожим фашистов.

Немецкий солдат с винтовкой в руке для нас не человек, но фашист. Мы его ненавидим. Мы ненавидим каждого из них за все, что сделали они вкупе. Мы ненавидим белокурого или чернявого фрица, потому что он для нас - мелкий гитлеряга, виновник горя детей, осквернитель земли, потому что он для нас фашист. Если немецкий солдат опустит оружие и сдастся в плен, мы его не тронем пальцем - он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает: сделает из тупого убийцы труженика и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашей земле, о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы умеем любить.

Недавно на Северо-Западном фронте семь бойцов под

командой лейтенанта Дементьева защищали небольшую высоту. Немцы контратаковали крупными силами. Сорок бомбардировщиков, огонь орудий и минометов - все было брошено против восьми отважных людей. Герои погибли, но склоны холма покрылись немецкими трупами. Свыше трехсот фашистов умерли, штурмуя холмик с восемью героями. Лейтенант Дементьев и семеро бойцов - я не знаю их имен - отдали свою жизнь за друзей, за близких, за свой дом и за наш общий дом: за бессмертную Россию. Они истребили сотни фашистов; этим они спасли жизни многих честных людей. За лейтенанта Дементьева и за семерых бойцов может помолиться старая сербская крестьянка, а далеко за океаном люди скажут: "Вечная им память!" В последние минуты, как золото зари, великая неистребимая любовь воодушевляла восьмерых героев, и, как кровь заката, священная ненависть ложилась на их одухотворенные боем лица. Кто сильно любит, тот сильно ненавидит. Красное знамя полков и дивизий, иди на поле боя - в тебе кровь жертвенной любви, в тебе наш гнев и наша ненависть, в тебе наша клятва Россия будет жить, фашисты жить не будут!

5 мая 1942 года

Константин Симонов

Американцы

По русскому городу ходят веселые рослые парни в кожаных, проеденных морской солью пальто, в толстых бархатных морских куртках, с пестрыми шарфами, небрежно повязанными на загорелых шеях.

К ним уже привыкли здесь - к их веселым любопытным глазам, к отрывистой речи, к их любви покупать бесконечные сувениры. Больше всего они любят игрушечный магазин: они заходят туда и покупают раскрашенных деревянных лошадок, кустарные игрушки, деревянные чашки, разрисованные яркими цветами, - всякие забавные пустяки, которых мы давно не замечаем и которые они видят впервые.

Они берут в свои большие загорелые руки тружеников моря эти игрушки и смеются, разглядывая их. Им непременно хочется привезти из далекой России, из этого опасного похода, забавный сувенир, который будет стоять на столе в маленькой комнате в Сиэтле или Сан-Диего. Ничего, что это пустяк - он станет памятью о суровом времени, об их первом боевом крещении.

Все они смелые моряки и хорошие ребята, но мне особенно запомнились двое, встреченные мною в разные дни и на разных кораблях.

С капитаном Кларенсом Маккоем мы говорили на борту его парохода. Шотландец по рождению, американец по воспитанию,

он завел свою дружбу с морем еще мальчишкой, девятнадцать лет назад. Он прошел все ступеньки нелегкой лестницы - от боя до капитана. Его волосы выгорели от солнца южных морей, а лицо стало темным от северных ветров.

Он старый моряк, но молодой капитан. Еще недавно он ходил старшим помощником, и этот рейс в Советский Союз - первый рейс, когда он пошел капитаном.

За бортом плещется ледяная северная вода, над головой - одноцветное серое небо, на котором после только что кончившегося воздушного боя выписаны громадные снежно-белые вензеля.

С палубных надстроек к небу тянутся черные стволы зенитных пулеметов и пушек. Они остывают на холодном ветру, и командиры их, первый и второй помощники капитана и оба пароходных механика, только что покончив с этой горячей работой, гуляют по палубе, заложив руки в карманы, посвистывая и перебрасываясь короткими фразами о происшедшем.

- Самая ближняя бомба упала вот здесь, - капитан показывает в воду за левый борт, - в шестидесяти футах. И можете поверить, что от нее был фонтан гораздо больше, чем от кита.

Сам он это видит не в первый раз. Он в прошлом году уже бывал под бомбежкой в Красном море и Суэцком канале. Но его люди впервые познакомились с такими фонтанами вокруг парохода Ничего, они спокойно стоят на своих местах и стреляют заодно с советской зенитной артиллерией.

-О, жаль, что вы не были здесь час назад, - в то время, когда русский истребитель сбил над гаванью немца. В этот момент стоило посмотреть на ребят. Давно, наверное, ни одного немца так весело не провожали в могилу. Все ребята кричали и свистели, а Саймон, кок-филиппинец, - вот этот, который сейчас в белой куртке идет по палубе, - так он просто плясал от удовольствия. Между прочим, он уже двадцать пять лет работает коком, но сейчас он непременно хочет быть пулеметчиком и уже который день надоедает этим капитану, как будто у капитана есть столько же пулеметов, сколько членов команды!

А видите вот этого человека с ружьем, который ходит по нижней палубе? Это старый Дивайн - главный механик. Ему пошел шестой десяток. Он морской офицер запаса и воевал с немцами еще в ту войну. Теперь он все время ходит с ружьем и хочет сам подстрелить самолет. Он очень упрямый человек, этот Дивайн. Маккой улыбается.

- Мы все понемногу становимся военными, - говорит он, - каждый по-своему. Я очень доволен, что мой первый капитанский рейс оказался военным рейсом в Россию. Я вернусь и непременно

поеду в следующий. Немцы думали, что своими подводными лодками они закроют нам путь в Россию, глупцы, они не знают янки! Наши корабли идут в Россию и будут идти. Немцы думали, что своими воздушными налетами они помешают нам здесь, в порту, но мы хорошо знаем, как горят их самолеты от пуль ваших летчиков! И мы, и ваши грузчики разгружаем пароход, не обращая внимания на тревоги. Так надо. А если так надо, значит, так и будет.

И, точно подтверждая его слова, огромные краны, лязгая, снова ныряют в глубокие пароходные трюмы и поднимают в железных руках огромные деревянные ящики с черными английскими надписями.

К нам подходит Дивайн, которого мы пять минут назад заметили на палубе. У него седая грива волос и хитро поблескивающие из-за очков глаза. Он не расстается со своим ружьем. Старый охотничий карабин испытанной системы "Ремингтон" воинственно перекинут через его плечо. Он говорит, что, по его мнению, зенитные пушки и пулеметы - это, конечно, пушки и пулеметы, но хорошее охотничье ружье в руках старого, испытанного охотника - это тоже кое-что.

- У вас же там ничего нет внутри, - поддразнивает его Маккой.

Старик окидывает его надменным взглядом и, свирепо щелкнув затвором, показывает лежащие в магазине патроны. Маккой снова улыбается.

- Не знаю, мистер Дивайн, - говорит он, - застрелите ли вы немца, но что до конца рейса вы, с вашими воинственными наклонностями, застрелите меня или кого-нибудь из команды - это уже наверное.

...Начинается отлив. Пароход слегка покачивает. Моряки, покуривая, стоят у медных поручней и смотрят то в воздух, то на далекие снежные горы. Подумать только, сколько тысяч миль сюда и сколько тысяч миль потом обратно, и потом снова сюда и снова обратно! Хорошие ребята, давно привыкшие к морю и начинающие привыкать к войне.

На следующий день в тесной комнатке одного из северных бревенчатых домов я встретился с другим американцем. Это был уже не капитан, а рядовой моряк, механик с грузового парохода.

Он рассказывал о себе, время от времени затягиваясь сигареткой и дружески подмигивая в тех местах рассказа, которые ему самому казались забавными.

Этому небольшому, крепко скроенному, белокурому парню двадцать девять лет. Чистокровный янки, он родом из города Сент-Пол в штате Миннесота. Это хороший городок, не такой уж

большой, но хороший.

По его расчетам, несколько дней назад, когда он шел через Ледовитый океан, а может быть, даже вот сейчас, когда он сидит здесь, в России, его жена Мэри родила там сына. А, впрочем, может быть, и дочь. Они не успели окончательно решить перед отъездом, так что этот вопрос остался открытым.

Его зовут Норман Эдвард Дорленд из Миннесоты. Может быть, нам не обязательно запоминать его имя, потому что он ничем не прославился, но его отец и дед были хорошие ребята - оба механики, так же, как и он сам. Впрочем, он доволен, что первый из фамилии Дорленд к своей старой профессии механика прибавил новую - профессию солдата.

Плавать на торговом пароходе со звездным флагом через моря, по которым рыщут немцы, - это уже более или менее близко к солдатской службе. Но он говорит не только об этом. Он стал солдатом уже давно - в 1936 году, когда поехал сражаться в батальон Линкольна. В этом батальоне дрались янки, и у него было хорошее название, потому что президент Линкольн был хорошим президентом.

Он воевал в Испании долго - больше года. Сначала у них было много желания и никакого умения. Но при большом желании умение появляется Они научились драться.

Когда его ранили в Брунете, под Мадридом, у него в руках была только винтовка. Выздоровев после ранения, он попросил, чтобы его сделали пулеметчиком.

Да, он злопамятный: он хотел отплатить за свою рану так же, как и за раны своих друзей. И отплатил. Пулемет его был хорошей машиной!

Если говорить о его первых встречах с немцами, то они тоже были не здесь, в Ледовитом океане, по дороге в Россию, а еще тогда - в 1936 году. Тем лучше: старому врагу вдвое приятнее насолить, провезя у него под носом сюда, в Россию, кое-что, о чем пока не стоит подробно говорить. Это кое-что само вскоре заговорит о себе на полях сражений.

Ему очень давно хотелось попасть в Россию, и он бросил свое место механика на верфях в Балтиморе для того, чтобы пойти на судне, которое было зафрахтовано сюда. Правда, это не так легко было сделать. Когда янки начинают воевать, они становятся сердитыми, и когда капитан говорит своей команде, что его судно зафрахтовано в Россию и что это опасный рейс, то все равно никто из моряков не желает списываться с парохода, и к старой гордости моряков сейчас еще прибавляется гордость солдата.

Он все-таки нанялся на это судно механиком, но, кроме того, ему пригодилась и его старая профессия пулеметчика. За время

тех четырех налетов, которые были на них в Ледовитом океане, он успел уже четыре раза подраться с немцами. Небо было покрыто очень низкими, очень серыми облаками, из-за которых "юнкерсы" (не те, которые были в Испании, но похожие) выскакивали на высоте тысячи футов.

Нет, он не может поклясться, что именно он сбил какой-нибудь самолет, но все-таки он должен сказать, что из девяти самолетов, которые на них напали, четыре потом оказались в воде. Американские моряки - миролюбивые люди, но, когда они видят немецких летчиков, они становятся злыми как черти.

Он был рад, когда здесь, во время налета, в воздух, в немецкие самолеты летели рядом американские и русские снаряды. Им на корабле было трудно удержаться и не стрелять, увидев немцев в воздухе, хотя русская зенитная оборона и не нуждалась в помощи.

Видя, какой тут огонь, моряки между собой шутя говорили, что здесь второй зонтик после Скапа-Флоу.

Дело в том, что, когда зенитки здорово стреляют, у них принято называть это "зонтиками".

Нет, он не будет говорить, что всем легко и что это был легкий рейс. Нет, рейс был трудный, но все, кого он знает в команде, готовы пойти в следующий рейс и еще в следующий. Они готовы снова и снова ходить сюда и возить оружие для своих русских товарищей. Если бы это зависело лично от него, то он бы возил это оружие еще больше, чем его возят сейчас, несмотря ни на какие трудности.

Когда он прощался с Мэри, она после всех поцелуев крепко пожала его руку, - о, у нее очень крепкое, мужское пожатие! - и он хорошо понял, что это значит: это значит, чтобы он делал свое дело, а потом возвратился бы обнять сына, потому что у него будет сын.

Май 1942 года

Евгений Петров

На мурманском направлении

Метель продолжалась три дня. Военные действия не затихали. Они, конечно, потеряли в стремительности, но самый тот факт, что они велись, дает вам представление о неслыханном в истории ожесточении, с каким проходит эта титаническая война не на жизнь, а на смерть.

По утрам дежурный телефонист снимает в штабной землянке телефонную трубку и, нисколько не удивляясь, слышит строгий командирский голос: "Откопайте меня, я уже проснулся".

Командирскую палатку откапывают. Командир выходит из нее, низко согнувшись. Он разгибается и поводит богатырскими

плечами. Он бодр и полон решимости. Он снимает гимнастерку и долго с удовольствием трет лицо и шею свежим сухим снегом. То, что это не декабрьский снег, а майский, даже веселит командира...

Красноармейцы раскапывают палатки соседей. Начинается боевой полярный день, ничем, впрочем, не отличающийся от ночи. Разведчики в белых маскировочных халатах с автоматами на шее отправляются в разведку. В такую бурю можно подойти незамеченным хоть к самому генералу Шернеру.

Олени увозят в тыл раненых. Артиллерия бьет по заранее пристрелянным целям. Пехота все больше смыкает кольцо вокруг небольшого горного пространства, где на вершинах, среди камней, сосредоточилась довольно крупная немецкая часть. Этот выступ командование для удобства называет аппендицитом. Этот аппендицит требовал незамедлительной операции, и она была проведена с удивительным упорством. Немцев отрезали и уничтожили. Человек тридцать солдат во главе с обер-лейтенантом сдались в плен.

Сейчас еще трудно сказать, сколько немцы потеряли убитыми, так как трупы завалены снегом. Но, судя по показаниям пленных, они потеряли не менее батальона. Всего же за последнюю неделю немцы потеряли на этом узком участке фронта (он не превышает от берега Баренцева моря и сорока километров) больше четырех тысяч человек. Это колоссальные потери.

Интересно, что потери эти пали главным образом на 6-ю горноегерскую дивизию, которая сменила разбитые части 2-й и 3-й дивизий. То были герои Нарвика. После разгрома их увели в Норвегию на отдых и переформирование.

Солдат 6-й дивизии немцы торжественно называют героями Греции и Крита. Итак, героев Нарвика сменили герои Крита. Но они не оказались более счастливыми. Русские хорошо отомстили за своих друзей англичан, которые пали смертью храбрых в неравном бою с превышающим по численности врагом...

Интересна история 6-й германской горноегерской дивизии. С наглостью и самоуверенностью бандитов, знающих, что они не встретят серьезного сопротивления, вторглись немецкие солдаты в пределы несчастной отважной Греции.

Они прошли страну с такой быстротой, с какой нож проходит сквозь масло. "Мы прорвали линию Метаксаса", - говорили они с гордостью во время парада в Афинах. 6-я дивизия шла во главе войск. Она была признана лучшей среди лучших. Это были наглые здоровые парни.

Я рассматривал фотографии, найденные в их карманах. Они

любили сниматься на Акрополе, на фоне Парфенона. Надо видеть этих людей в стальных шлемах с идиотски выпученными глазами рядом с классическими колоннами, под сенью которых прогуливались когда-то мудрецы и поэты. Однако любовь к истории недолго занимала господ командиров и солдат знаменитой дивизии...

Последняя операция, проведенная в Греции командованием 6-й дивизии, была поистине очаровательна: оно просто-напросто обокрало в Афинах королевскую конюшню. Так как немецкие интенданты очень аккуратны и умеют считать трофеи, пришлось взамен королевских коней поставить в стойла своих потрепанных в походе немецких одров.

На наш фронт дивизия явилась с такой же самоуверенностью, как и в Грецию, да еще с королевскими лошадьми. Лошади быстро подохли. После Греции они совершенно не выдерживали полярного климата. Их новые хозяева, непобедимые герои Греции и Крита, были разбиты так же, как и герои Нарвика.

Сейчас, во время майских боев, Шернер бросил на фронт все свои силы. Здесь сейчас весь горноегерский корпус. От дивизии осталась лишь одна сомнительная слава. Героев Нарвика и Крита уже нет. Они либо лежат в лапландских снегах, либо отлеживаются в норвежских госпиталях. Новый состав дивизии совсем не похож на старый. "Весенний немец", как выражаются у нас на фронте, это беспредельно утомленный (хотя он пришел на фронт совсем недавно), совершенно не верящий в победу, отупевший и, конечно, глубоко несчастный человек. Он еще далек от панического бегства. Он сражается в силу своей покорности и привычки подчиняться. Но среди пленных невозможно найти убежденных гитлеровцев. В свое время их было довольно много. "Весенний немец" - плохое пушечное мясо.

15 мая 1942 года

На Харьковском направлении пять наших истребителей под командованием капитана Гусарова вступили в бой с семью вражескими самолетами и сбили четыре "Хейнкеля-113"Y и один "Мессершмитт-109"Y. Все наши истребители благополучно вернулись на свой аэродром.

Из сообщения Совинформбюро

16 мая 1942 г.

Александр Довженко

Сто ураганов в груди

Встаньте, бойцы и командиры! Обнажите головы! Слушайте, как боролся со смертью изумительный русский летчик капитан Виктор Гусаров и как победил он смерть.

Сто раз он вылетал с родных аэродромов. Сто боевых

вылетов! Сто замираний сердца! Сто ураганов в груди! Сто вулканов ненависти!

С каким волнением впивались в небеса его друзья, но всегда, из всех бурь, из дождей осколков и пуль приводил он. Гусаров, свою шестерку с победой и улыбался потом, как большое дитя.

Кто же он? Счастливчик, которому выпало на долю такое везение? Удачник? Нет! За последние тринадцать вылетов собственноручно сбил он шесть фашистских самолетов; только мастерство, помноженное на неукротимую ненависть к врагу, обеспечило эту победу.

Он был воин. Он был бесстрашен, смел и горячо любил свою Родину. Он был трудолюбив, как рабочий, и знал в совершенстве свое трудное боевое ремесло. Ориентироваться на чудовищных скоростях, где обыкновенный людской ум уже не в состоянии постигать, где то, что называется верхом и низом, правым и левым, что впереди и что позади. Это огромное, исключительное искусство нового человека, нашего воина-рыцаря с новыми психотехническими качествами.

Он не был тщеславен, не скрывал своих боевых тактических секретов, приобретенных опытом борьбы. Он обучал своих товарищей тактике воздушного боя со всей страстностью. Ему хотелось раздвоиться, расшестериться, размножиться в своих истребителях, чтобы умножить до предела весь гнев к врагу, всю страсть, всю ненависть и сокрушать его, проклятого, до края.

- Ну, братья, - говорил он недавно перед наступлением, - начинается наше время, теперь забудь обо всем на свете. Об одном помните: победить! Помните, друзья, -сколько бы их ни встретилось - бой принимаем! Понятно?

- Понятно, товарищ капитан! - отвечали его истребители, и гордое волнение вздымало их молодые сердца. И пошли биться во славу Родины...

Заходили шестеркою и против девяток, бились и с двадцаткой. Одиннадцать вражеских машин уничтожили они, потеряв одного человека. Сколько бы их ни было, а победителями выходим мы! - гордо думали истребители.

Пятнадцатого мая Гусаров водил их в бой. Каждые сорок пять минут, возвращаясь на аэродром для заправки и зарядки, и каждые сорок пять минут на вражеские колонны, на окопы, на аэродромы низвергался ужас гусаровского огня. Еще, еще! Как их ждали наши войска в этот день! Скорей! Скорей! Давай!

Пошли, вдавили в землю целый полк, сбили одного фашиста с неба и хотели уже заворачивать на заправку, как показались две стаи противника. Мгновение, другое -и загорелся неравный смертный бой. Хищники боялись грозной шестерки. Они уже

знали ее по почерку и не подходили близко. Они кружили возле эскадрильи, поливали ее градом бронебойного свинца, чтобы выбить хотя бы одного из строя и тогда уж навалиться на отставшего, как акулы набрасываются в океане на одинокого пловца.

Но не дрогнули питомцы Гусарова. Долго решетили они противника, забирая курс к аэродрому. Уже и патроны на исходе. Нет патронов больше у Виктора Гусарова! Смертельная вражеская пуля пробила ему шею насквозь. Плюнул Гусаров кровью и закрыл рот, крепко-крепко сжал зубы. Тогда кровь хлынула из шеи двумя струями. И понял Гусаров, что он убит в бою, что он умирает. Ослабли руки, голова опустилась и не слушается, закрылись очи, и мир завертелся, и полетело все куда-то в сверкающую радужную бездну. Оторвался он от шестерки, как лебедь от стаи, и пара врагов уже набросилась на него и кружится, поливает огнем. Смерть...

Гусаров открыл глаза, и вот откуда-то из глубины его души, от лесов и полей, от песен и широты русской натуры заговорил в нем голос жизни, всесокрушающая воля к победе:

- Стой, смерть, остановись! Стой! Дай посадить машину на родную землю, а там уж черт с тобой!

Пожелал Гусаров, и смерть отступила. Благородная воля напряглась в нем, как грозовой заряд необычайной силы, она заполнила все его существо и держала его нервы, как натянутый могучий лук. Она была равна только его ненависти к врагу и былому наслаждению в боях.

Капитан Гусаров выровнял машину. "Нет, проклятые! Не возьмете! Нет! Нет! Никогда-никогда-никогда, - бушевал мотор истребителя. - Не хватит у вас пороху тягаться с советским человеком... Что, взяли?" Задрожал от ненависти Виктор Гусаров и, глядя на пролетающего "хейнкеля", стиснул зубы, через которые просачивалась кровь. Близко со страшным воем промчался мимо него фашист, и видна была его подлая фашистская гримаса. Град пуль снова посыпался на Гусарова. Черная пелена закрывала его глаза. Поник Гусаров на руль и, напрягши остатки своей несокрушимой воли, ушел от неприятеля.

Родная земля. Аэродром... Бегут...

- Милые!..

Шасси не работает. Не надо - сядем на "живот".

Истребитель тяжело приземлился, подняв облако пыли. Бросились к нему товарищи. Капитан Виктор Гусаров был мертв.

Воины великой советской земли, братья мои! Это был великий человек. Не плакать хочется над Гусаровым, хочется

говорить о жизни, о ее величественных откровениях среди наших благородных людей и с благодарностью склонить головы перед героем, что поднялся к бессмертию в смертном неравном бою.

Пусть же вечно красуется доблестью наша земля! Слава победителю!

26 мая 1942 года

Вера Инбер

Улица Рентгена

Улица Рентгена в Ленинграде расположена между улицей Льва Толстого и проспектом имени Кирова. Великий немецкий ученый занял место между гениальным русским писателем и пламенным революционером. Перед зданием Рентгеновского института за оградой стоит памятник -бронзовая голова Рентгена на узком гранитном постаменте, напоминающем высокую стопку книг.

Улица Рентгена тиха и сосредоточенна. До войны она оживала лишь в приемные часы, когда сотни больных устремлялись к дверям института. Теперь он частично закрыт, частично переведен в другое место. Деревянный дом, стоящий рядом, зимой был разобран на топливо. Теперь от него остались только дымоходы и круглая железная печка.

Я видела - однажды, в морозный день прислонясь к этой печке, сидел человек: он согревался воображением. В зимние месяцы закутанные до глаз дети собирали здесь щепки. Теперь они ищут здесь крапиву для супа и одуванчики для салата: все это витамины, которых так недостает городу. Когда начинается вражеский артобстрел, дети определяют на слух: это восьмидюймовые, это шрапнель.

Пятилетний малыш уверенно говорит:

- А вот это мы стреляем.

И он не ошибается. Он полностью переключился на войну. Такой малыш похож на тот маленький ленинградский завод, который до войны выпускал мандолины и балалайки. Теперь гамма его звучаний несколько иная - он работает для фронта.

Бронзовый Рентген полузакрытыми глазами глядит на ленинградских детей. Порой кажется, что грустная усмешка мелькает на его губах и прячется в густой бороде. Если памятники сохраняют дар воспоминаний, то, возможно. Рентген снова видит родной Вюрцбург, где осенью 1895 года он вырвал у природы еще одну тайну: открыл чудодейственные лучи. Тогда в книжном магазине была выставлена фотография кисти руки, где были видны только кости и на одном из пальцев надето кольцо. А мышцы, нервы, сосуды и кожа исчезли, как будто их никогда и не было..

В этот знаменательный вечер студенческие корпорации города с факелами и знаменами прошли мимо двухэтажного здания физического института. Весь Вюрцбург, разодевшись по-праздничному, чествовал своего родича. Толпа, в которой смешались студенты и рабочие, солдаты, торговцы и чиновники, все эти люди - не гитлеровцы, не эсэсовцы, не фашисты, не арийцы, а подлинные сыны и дочери Германии - в лице профессора Рентгена славили величие науки.

Все это было давно, когда Германия насаждала университеты, не разрушала их, как в Лейдене, когда она создавала памятники культуры, а не сжигала их, как в Ясной Поляне. Все это было и будет снова, когда не будет Гитлера и порожденного им варварства.

В марте 1942 года в Ленинграде в предвесенний, солнечный день германский снаряд взорвался у самого входа в институт, убил несколько детей (в тот раз они не успели определить его калибра) и сбросил бронзового Рентгена с его пьедестала.

Я проходила мимо здания института примерно через час после обстрела. Трупы детей были уже увезены: валялись только щепки, разбитые салазки и одна маленькая красная варежка, далеко видная на снегу. Голова Рентгена, как срезанная ножом, лежала на земле. Ее сорвало взрывной волной. Постамент покривился, но устоял.

И снова я проходила по этой улице на другой день. Бронзовая голова уже не была повержена во прах. Чьи-то заботливые руки, видимо, с большим трудом подняли ее с земли и снова возложили на пьедестал. Теперь голова великого немца лежала на боку, скорбно припав щекой к холодному граниту. Нежный мартовский снежок падал на бронзу, таял и покрывал высокий лоб как бы холодным потом. Крупные капли катились по бронзовой щеке.

Я постояла у памятника. Проходивший мимо молодой балтийский моряк остановился тоже. И вдруг молча обнажил голову перед плачущим Рентгеном. В воздухе над нами пронесся гул. Начинался очередной обстрел.

29 мая 1942 года

Алексей Каплер

Сердце героя

В землянке командного пункта ложились спать. Гудела и дрожала раскаленная чугунная печурка - ночью ее старались топить как можно больше, вознаграждая себя за дневной холод, вражеские разведчики целыми днями кружили над лесом, разыскивая партизан. Поэтому в наших землянках топили мало и осторожно - дым мог выдать расположение лагеря.

Тетя Фрося, большая, неторопливая женщина, стянула со всех нас валенки и укрыла полушубком. Затем она подсела к печке и, задумчиво глядя в огонь, стала подбрасывать маленькие сосновые полешки. Обязанности тети Фроси были весьма разнообразны. Установила круг их она сама, и все приняли это как должное. Кроме обязанности убивать фашистов в бою, тетя Фрося должна была готовить пищу для командования партизанской бригады, убирать землянку командного пункта, топить печку, прятать личное имущество каждого обитателя землянки, чистить оружие, поливать воду умывающимся, укладывать народ спать, то есть стягивать валенки, ставить их к печке для просушки, укрывать спящих полушубками...

Муж и сын Фроси были убиты фашистами. Она осталась совершенно одинокой.

Лежа на нарах между командиром и комиссаром бригады - между "товарищем В." и "товарищем О.", как их называли в газетах и сообщениях Информбюро, я смотрел на тетю Фросю. Она сидела, подперев голову рукой. Ее глаза были закрыты, лицо то освещалось отблесками пламени, то покрывалось тенью.

Комиссар, "товарищ О.", покряхтел и сказал:

- Не перевернуться ли нам?

Николай Григорьевич, лежавший с краю, стал молча поворачиваться на левый бок. Его длинные ноги сгибались в коленях, почти задевая бревенчатый потолок землянки.

Мы лежали на нарах вшестером - так плотно друг к другу, что поворачиваться можно было только всей компанией: начинал крайний, за ним последовательно переворачивались все. Каждый раз, когда кто-нибудь отлеживал руку, этот вопрос - ворочаться ли, нет ли - дискутировался сонными голосами и в конце концов всегда решался положительно. Теперь мы повернулись молча, один за другим... Я стал засыпать и сквозь дрему услышал голос нашего командира:

- Фрося, дай огонька!

Николай Григорьевич закурил.

Мне казалось, я знаю, почему он не засыпает, хоть и ужасно устал за день. Этот человек, смелый и беспощадный, чьего имени смертельно боялись враги, командовал полутора тысячами партизан, но во сне иногда жалобно всхлипывал. Однажды я слышал, как он прошептал:

- Мамуся...

Он знал это, знал, что когда засыпает, то "дискредитирует" себя, "роняет авторитет", и всегда прибегал к маленьким хитростям, чтобы заснуть последним.

От папиросы Николая Григорьевича прикурил комиссар.

- Не спится что-то, - сказал он. - И тебе не спится?

- И мне не спится, - откликнулся командир. - Ты о чем думаешь, о Юре?

- Ага.

- Жаль.

- Ужасно жаль.

Я спросил:

- Товарищи, кто это Юра?

Комиссар ответил, что Юрий - партизанский офицер связи. Пять дней назад, то есть за два дня до моего приезда сюда, в лес, Юрий пробирался еще с тремя партизанами мимо деревни. Гитлеровцы заметили их, началась перестрелка. Одного партизана убили, двое - оба раненые -убежали. Они видели, как Юрий упал, - у него были перебиты очередью автомата обе ноги и правая рука. Видели, как подбежали к Юрию фашисты и как он пытался застрелиться левой рукой. Но ему это не удалось, его схватили. Случилось самое страшное для партизана.

Если всегда ужасно попасться партизану живым к фашистам, то сейчас это было в тысячу раз ужасней. Гитлеровцы взбешены деятельностью партизан в этих краях, -им ежедневно наносят удары в самых неожиданных, самых незащищенных местах, они терпят большой урон. Партизаны парализуют их фронт с тыла Естественно, что немцам очень нужны сведения о партизанских отрядах. А кто же знает больше офицера связи? И нечего сомневаться, фашисты делают все, чтобы получить у пленного нужные им сведения.

Мне вдруг стало ясно, как много, собственно, висит сейчас на тонком волоске воли этого Юры: человеческие жизни, судьба партизанских отрядов, судьба дела, за которое боролся он сам и его товарищи... Где-то, в каких-то деревнях прячут раненых партизан, они будут живы или будут замучены фашистами в зависимости от того, выдержит ли эта ниточка, не порвется ли она раньше, чем другая нить - угасающая нить жизни самого Юры, испытывающего все муки, какие только может выдумать извращенная, чудовищная изобретательность озверевших садистов. И жизни тысяч партизан и колхозников, жизни наши, тех, что лежат сейчас в этой лесной землянке, зависят от силы воли этого человека, которого я никогда не видел и никогда не увижу.

- Какой он, этот Юрий? - спросил я. - Расскажите про него.

- Какой он? - переспросил командир. - Ну, такой, обыкновенный, как все. Я, право, не знаю, что рассказать. Ничего такого особенного, средний паренек. Симпатичный.

Комиссар уже спал. Через несколько мгновений заснул и

командир. Спала тетя Фрося, сидя у огня. Их сон охраняла преданность далекого Юры.

Я лежал с открытыми глазами, слушал, как ревел ветер, все усиливаясь, как разыгрывалась буря. Деревья свистели и гудели над нами. Я старался представить себе, какой был этот человек...

Наутро пришел разведчик и сказал, что в городе, на площади, висит изуродованный труп Юры.

Тетя Фрося заплакала. Командир приказал готовиться к налету на город. Днем из отряда "Храбрый" привезли рюкзак с вещами Юрия. Вещей у него было немного, они лежали кучкой внизу, рюкзак оставался полупустым.

В маленькое оконце землянки пробивался дневной свет.

Тетя Фрося развязала узелок, связанный еще Юрием, когда он в последний раз укладывал вещи в рюкзак. Здесь лежала пачка маленьких бумажных треугольников - это были письма партизан, которые Юра не успел доставить на посадочную площадку. Там эти самодельные конверты забирает самолет, иногда прилетающий темной ночью с советской земли.

Фрося вынула из рюкзака полотенце Юрия с вышитым синим петушком, целлулоидную мыльницу, в ней лежал розовый обмылок, зубную щетку, несколько пар носков, смену белья, маленький надкусанный кусочек шоколада в серебряной бумажке...

Никаких документов, никаких записей, дневника - ничего, решительно ничего, что рассказало бы об этом человеке, объяснило бы его самого, его великий подвиг, его прекрасное сердце.

- Тут еще что-то есть, - сказала Фрося, доставая с самого дна рюкзака нечто, тщательно завернутое в газетную бумагу и перевязанное несколько раз бечевкой. Мы развернули пакет.

Там лежал томик Ленина.

Переплет был обернут бумагой. В книге - много закладок, много пометок на полях, много фраз, подчеркнутых карандашом. Это был четырнадцатый том. Видно, что над книжкой когда-то упорно работали. Здесь были пометки на полях писем Ильича Горькому, отметины в текстах декабрьской конференции РСДРП и в "Заметке публициста", и закладка в резолюции об отзовизме и ультиматизме, и выписка из некролога "Иван Васильевич Бабушкин".

Я прочел: "Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч,

миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят..."

Этот томик Ленина в обернутом бумагой переплете стоит теперь на столе в партизанской землянке, в тылу врага.

Весенние ветры гуляют по лесу. И скоро наступит час нашей победы. Ленинский этот томик мы тогда отдадим в музей Революции и напишем с ним рядом несколько слов про Юру Иванова, верного товарища, воспитанника Ильича.

3 июня 1942 года

Защитники Севастополя проявляют беспримерный героизм и мужество в борьбе с немецко-фашистскими войсками.

Из сообщения Совинформбюро

25 июня 1942 г.

Евгений Петров

На левом фланге{10}

В сравнительно короткий срок я проделал путь от правого фланга великого фронта до его левого фланга - от Баренцева моря до Черного.

Даже быстрый полет на аэроплане не может уменьшить впечатление от географической грандиозности этого расстояния. Организм не может сразу примириться с переменой климата. Совсем недавно я с трудом выскочил на американском вездеходе из майской мурманской вьюги, способной засыпать человека с головой, а также со всеми его записными книжками и пишущей машинкой. Теперь я пишу "где-то на Черном море", обливаясь горячим потом, хотя я родился в Одессе и имею некоторый иммунитет по части черноморской жары. Впрочем, июнь выдался здесь исключительно жаркий - в прямом и переносном смысле этого слова. Что касается жары в прямом смысле, я не буду описывать вам ни солнца, которое, в отличие от мурманского, имеет все же привычку до утра опускаться в море, ни душных черных ночей с большими южными звездами. Вообразите себе, что я нахожусь "где-то в Калифорнии", и вам сразу все станет ясно. Что же до жары в переносном смысле, то такой человечество не знало за всю историю своего существования. Я заявляю это с полной ответственностью. Речь идет о сверхгероической обороне Севастополя, который защищается уже восьмой месяц с нечеловеческим упорством.

Сегодня пошел двадцать первый день последнего штурма, который предприняли немцы. И двадцать один день на город и передний край обороны, находящийся в непосредственной близости от города, немцы сбрасывают ежедневно столько бомб, сколько англичане сбросили однажды на Кельн, превратив его в

развалины. Всего, следовательно, на Севастополь сброшено в двадцать раз больше бомб, чем на Кельн. При этом надо помнить, что Севастополь меньше Кельна раз в пятнадцать и что, кроме бомб, каждый метр обороняемой земли днем и ночью обстреливается из орудий, минометов и пулеметов. Это был очень красивый, чистенький белый город с военно-морской базой, весь в акациях и каштанах, с памятниками старины, с прекрасным институтом водолечения, с одним из лучших в мире аквариумов, где были собраны представители всех подводных обитателей Черного и Средиземного морей. Я пишу "был", потому что его нет больше. Он уничтожен, превращен в пыль. Каким-то чудом уцелели пока старинные белые колонны Графской пристани и большой бронзовый памятник Ленину.

Здесь нет тыла. Здесь есть только фронт, так как простреливается вся территория.

И город все-таки держится. Он держится наперекор всему - теории, опыту, бешеному желанию немцев взять Севастополь любой ценой. Немцы атакуют его ежедневно со всех сторон. Они сосредоточили вокруг города на небольшом фронте двенадцать лучших своих дивизий и с упорством самоубийц посылают на гибель своих солдат. Потери немцев грандиозны. Они во много раз превышают потери защитников города. Сейчас немцы пустились на хитрость. Они объявили во всеуслышание, что Севастополь -неприступная крепость. Цель их пропаганды ясна - если бы им удалось взять Севастополь, они сказали бы: "Мы взяли неприступную крепость", если они не смогут взять Севастополь, они скажут: "Мы говорили, что крепость неприступна".

Пора внести ясность в этот вопрос. Морская база Севастополь никогда, к сожалению, не была сухопутной крепостью. В этом смысле Севастополь ничем не отличается, скажем, от Сингапура. Полевые укрепления создавались вокруг города уже во время его обороны. Немцы пишут о каких-то взятых ими "железобетонных фортах". Для большей правдоподобности они даже дали им какие-то названия. Но никаких фортов они не взяли, так как их не было. В одном месте они блокировали тяжелую морскую батарею, предназначенную для стрельбы по кораблям; но и ее они не взяли. Моряки отказались капитулировать. Они решились умереть, но не поднять белого флага. Быть может, когда пишутся эти строки, немцы подкладывают под казематы аммонал и жизни патриотов остались считанные минуты. А может быть, их выручат еще товарищи отчаянной атакой. Хорошо, если бы это было так. Но вот, собственно, и все, чем могут похвастать немцы.

Вообще же сражение за Севастополь уже давно немцами проиграно. Это звучит несколько парадоксально, но это так. Еще

не взяв города, немцы заплатили за него гораздо больше, чем могли заплатить, если бы действовали разумно. После взятия Керчи они обрушили на город всю освободившуюся авиацию - около тысячи самолетов. Они подготовили штурм, который теоретически невозможно отбить. Штурм начался второго июня. Пленные в один голос рассказывают, что на десятое июня германское командование назначило в Севастополе парад войск. В то время немцы еще не писали, что Севастополь "неприступная крепость".

И вот пошел двадцать первый день сплошного штурма, а город все держится и держится, как тростинка во время урагана, когда вокруг рушатся вековые дубы.

В чем секрет защитников Севастополя? Как невозможное они сделали возможным? Мне кажется, что дело тут не только в безупречном мужестве и готовности умереть, без которых вообще невозможна никакая оборона, но и в удивительном умении воевать, в замечательно верном понимании современной войны, которое проявили защитники Севастополя.

Здесь воюют не только зарывшиеся в желтую скалистую землю пехотинцы и перешедшие со своих кораблей моряки (они перенесли в блиндажи весь свой корабельный быт и стараются жить так, как будто они все еще находятся на миноносце или крейсере), не только артиллеристы, минометчики и разведчики, но и жители города. Не подумайте, что жители воюют в полном смысле слова, т.е. стреляют. Нет. Они помогают воевать. Они живут под землей. Под землей рабочие ремонтируют подбитые орудия или пулеметы, под землей пекут хлеб, укачивают детей, выпускают газету. Председатель горисполкома Борисов (человек, ставший легендарным) руководит жизнью этого подземного города, хирурги производят операции и выступают артисты. По ночам люди собирают урожай с огородов (редиска растет здесь прямо на блиндажах) и достают воду из колодцев.

Города нет, но есть люди. Их героизм удивителен. Но еще удивительнее понимание современной войны, которое проявили руководители города, а за ними и все население. Секрет в том, что для людей, хорошо закопавшихся в землю, не страшны никакие бомбы. И вся, так сказать, тактика обороны населения заключается в умении использовать каждый час, каждую минуту передышки. И вот этой тактикой сопротивления жители города овладели в полной мере. И именно поэтому количество жертв среди населения сравнительно невелико.

Пошел двадцать первый день штурма. Держаться становится все труднее. Возможно, что город все-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса, потому что семь с лишним месяцев

обороны Севастополя - военное чудо. Но что бы ни произошло, ясно одно: поражение немцев под Севастополем совершившийся факт. Если Севастополь будет взят, немцы не найдут там ни одного живого солдата, офицера или моряка. Но потеряют они в три-четыре раза больше людей, чем это было до сих пор. И все равно - поражение немцев под Севастополем останется фактом.

25 июня 1942 года

Михаил Шолохов

Наука ненависти

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядами сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах.

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцевито-клейких листках.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

- Как же ты тут уцелела, милая?..

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб.

На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...

* * *

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сегодняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скрещивая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев и сзади - конвоировавшего их красноармейца в выгоревшей, почти белой от солнца, летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно. Мерно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая на солнце жалом штыка. И так же медленно брели пленные немцы, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец - пожилой, со впалыми щеками, густо заросшими каштановой щетиной, - поравнялся с блиндажом, кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся, на ходу поправляя привешенную к поясу каску. И тогда лейтенант Герасимов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким, лающим голосом:

- Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шагу! Веди быстрей, говорят тебе!..

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

- Ничего не поделаешь - нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит ничего, я бы сказал - даже с удовольствием, а вот пленных увидит и либо закроет глаза и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет. - Политрук придвинулся ко мне, перешел на шепот: - Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку; силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось видывать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли, - это страшно!

* * *

Ночью немецкая тяжелая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени, издалека

доносился орудийный выстрел, спустя несколько секунд над нашими головами, высоко в звездном небе, слышался железный клекот снаряда, воющий звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади нас, в направлении дороги, по которой днем густо шли машины, подвозившие к линии фронта боеприпасы, желтой зарницей вспыхивало пламя и громово звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные стрельбой лягушки.

Мы лежали под кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе. Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить.

- До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван девятого июля прошлого года. Семья у меня - жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: "Защищай родину и нас крепко. Если понадобится -жизнь отдай, а чтобы победа была нашей". Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: "Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!"

Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: "Смотри, - говорит, - Виктор, фамилия Герасимовых - это не простая фамилия. Ты - потомственный рабочий; прадед твой еще у Строганова работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным. Власть-то - твоя, она тебя командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко".

"Будет сделано, отец".

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуску не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. "Садись, Герасимов, - говорит мой секретарь, -перед дорогой посидим минутку по старому обычаю".

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу - очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: "Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди, бей гадов

беспощадно! Парторганизация на тебя надеется". Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и черт его знает, показался он тогда мне вовсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что провожать мужа на фронт никакой жене не весело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит:

"Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте". - "Что ты, - говорю ей, - Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный". И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи, - теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась, продолжал:

- До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осмотрю ее со всех сторон. Ничего не скажешь - умные руки эти машины делали. Книги немецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было в конце концов их дело. Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия - тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцать седьмого рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню как сейчас: привели их, испуганных,

бледных; бойцы мои к тому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто - котелок щей, кто табаку или папирос, кто чаем угощает. По спинам их похлопывают, "камрадами" называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: "Слюни вы распустили с этими "друзьями". Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и мирным населением обращаются". Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники... Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как исступленный, шептал: "Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы". Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки, - восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! Лейтенант Герасимов надолго умолк.

- Можно здесь закурить? - спросил я его.

- Можно. Курите в руку, - охрипшим голосом ответил он. И, закурив, продолжал:

- Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь папиросой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

- Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что не скупясь проливали мы там свою кровь, а кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В сентябре я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцать первого, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебегали по лощине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это - все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на

том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планшетку и оружие кто-то из наших снял с меня.

"Вот и смерть", - подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа, понятно? Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежачего. Ни одного лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: "Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду". Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более - оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шел - значит, я был жив и мог еще действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту у меня спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шел и думал: "Как только напьюсь и чуточку отдохну - убегу!"

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он приказал: "Комиссары и офицеры идут два шага вперед". Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: "Юде?" - и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто

русские, но смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали - и отобрали бумажники и все, что было из личных вещей. Я никогда не носил партбилета в бумажнике, боялся потерять; он был у меня во внутреннем кармане брюк, и его при обыске не нашли. Все же человек удивительное создание: я твердо знал, что жизнь моя - на волоске, что если меня не убьют при попытке к бегству, то все равно убьют по дороге, так как от сильной потери крови я едва ли мог бы идти наравне с остальными, но когда обыск кончился и партбилет остался при мне, я так обрадовался, что даже про жажду забыл!

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой и ехали человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел, потому что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стеная, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал:

- Нет, не могу. Прощайте, товарищи! - и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда, и тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться я не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: "Вставай же, а то убьют!" Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршат колеса подъезжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и автомашины взмутили воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и

она казалась нам слаще самой хорошей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы - пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унизить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за огорожу. Сказать, что этот лагерь был адом, - значит ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по нескольку десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжелораненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения

обратиться к врачу, который, как сказали мне, был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: "Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь".

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченый человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

"Видели? - спросил у меня врач. - Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери - свежая зола".

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. "Ну как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь?" Я хотел молча пройти мимо него, НО он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: "Ты не хочешь отвечать, скотина?!" Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал. Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом - по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное -это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Из этого лагеря, который являлся как бы распределительным, меня перевели в другой лагерь, находившийся километрах в ста от первого. Там все было так же устроено, как и в распределительном: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного гнилого зерна или же втаскивали в лагерь трупы издохших лошадей, предоставляя пленным самим делить эту падаль. Чтобы не умереть с голоду, мы ели - и умирали сотнями... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по

утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода. С умершего красноармейца мне удалось снять гимнастерку и шинель. Но и это не спасало от холода, а к голоду мы уже привыкли...

Стерегли нас разжиревшие от грабежей солдаты. Все они по характеру были сделаны на одну колодку. Наша охрана на подбор состояла из отъявленных мерзавцев. Как они, к примеру, развлекались: утром к проволоке подходит какой-нибудь ефрейтор и говорит через переводчика:

"Сейчас раздача пищи. Раздача будет происходить с левой стороны".

Ефрейтор уходит. У левой стороны огорожи толпятся все, кто в состоянии стоять на ногах. Ждем час, два, три. Сотни дрожащих, живых скелетов стоят на пронизывающем ветру... Стоят и ждут.

И вдруг на противоположной стороне быстро появляются охранники. Они бросают через проволоку куски нарубленной конины. Вся толпа, понукаемая голодом, шарахается туда, около кусков измазанной в грязи конины идет свалка...

Охранники хохочут во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. Крики и стоны. Пленные от бегают к левой стороне огорожи, а на земле остаются убитые и раненые... Высокий обер-лейтенант начальник лагеря -подходит с переводчиком к проволоке. Обер-лейтенант, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

"При раздаче пищи произошли возмутительные беспорядки. Если это повторится, я прикажу вас, русских свиней, расстреливать беспощадно! Убрать убитых и раненых!" Гитлеровские солдаты, толпящиеся позади начальника лагеря, просто помирают со смеху. Им по душе "остроумная" выходка их начальника.

Мы молча вытаскиваем из лагеря убитых, хороним их неподалеку, в овраге... Били и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. Били так просто, от скуки или для развлечения. Раны мои затянулись, потом, наверное, от вечной сырости и побоев, снова открылись и болели нестерпимо. Но я все еще жил и не терял надежды на избавление... Спали мы прямо в грязи, не было ни соломенных подстилок, ничего. Собьемся в тесную кучу, лежим. Всю ночь идет тихая возня: зябнут те, которые лежат на самом низу, в грязи, зябнут и те, которые находятся сверху. Это был не сон, а горькая мука.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: "Как же я уйду отсюда?" Вот когда я

проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец, было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелились. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

- Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже... - прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: - У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел "Интернационал", мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: "Лежать!" Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

* * *

Мне не удалось в ту ночь дослушать рассказ лейтенанта Герасимова. Его срочно вызвали в штаб части. Но через несколько дней мы снова встретились. В землянке пахло плесенью и сосновой смолью. Лейтенант сидел на скамье согнувшись, положив на колени огромные кисти рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать...

- Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того как услышали мы ночью орудийный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменились оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге... Впрочем, одного унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. Мы шли через картофельное поле. Старшина по фамилии Гончар, украинец по национальности, поднял эту проклятую картофелину и хотел спрятать ее. Унтер заметил. Ни слова не говоря, он подошел к Гончару и выстрелил ему в затылок. Колонну остановили, построили. "Все это - собственность германского государства, - сказал унтер, широко поводя вокруг рукой. Всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит".

В деревне, через которую мы проходили, женщины, увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Кое-кто из наших успел поднять, остальным не удалось: конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было идти быстрее. Но ребятишки - бесстрашный народ, они выбегали за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, съели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу. Немцы значительно усилили охрану, выдали нам лопаты. Нет, не строить им укрепления, а разрушать я хотел.

В этот же день перед вечером я решился: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику... До этого я приметил, что остальные немцы находятся у рва и, кроме этого, какой наблюдал за нашей группой, поблизости никого из охраны не было.

- У меня сломалась лопата... вот посмотрите, - бормотал я, приближаясь к солдату. На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что, если не хватит сил и я не свалю его с первого удара, - я погиб. Часовой, видимо, что-то заметил в выражении моего лица.

Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове, на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь.

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцой. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше. Всхлипывая и задыхаясь от усталости, пробирался я по чаще на той стороне холма, когда далеко сзади застучали очереди автоматов и послышался крик. Теперь поймать меня было нелегко.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть на мой след и приблизиться, только последний патрон я приберег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

Ночевал в лесу. Какая-то деревня была от меня в полукилометре, но я побоялся идти туда, опасаясь нарваться на немцев.

На другой день меня подобрали партизаны. Недели две я отлеживался у них в землянке, окреп и набрался сил. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, несмотря на то, что я достал из-под подкладки шинели кое-как зашитый мною в лагере партбилет и показал им. Потом, когда я стал принимать участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною фашистам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду залечивать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь до конца.

* * *

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

- ...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: "В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань", - а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все,

что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, - закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался.

В течение 21 июня на Севастопольском участке фронта наши войска отбивали неоднократные и ожесточенные атаки немецко-фашистских войск. Противнику ценой огромных жертв удалось вклиниться в нашу оборону.

Из сообщения Совинформбюро

21 июня 1942 г.

Александр Хамадан

Смерть Нины Ониловой

Мы ехали сперва вдоль Черной речки, справа от себя имея в виду Инкерманский монастырь. Потом пересекли речку в нескольких местах, где она, извиваясь, преграждала нам путь. Долиной пробирались к широкой каменистой горе. Вершина горы напоминала раскрытую львиную пасть, зияющую, страшную. Выбитые в горном камне ступени ведут в эту пасть. Там поместился КП чапаевцев. Нас встретил полковник Гросман - хмурый, опечаленный. Вниз, в долину, пошли вместе. Гросман долго молчал. И, только подойдя к машине, тихим, дрожащим голосом сказал:

- Вчера была смертельно ранена наша Анка - Нина Онилова.

Губы его подпрыгивали: так мог говорить отец о своей дочери.

- Звонил сейчас в медсанбат. Ответили, что надежды нет.

Жестокий удар. Эту боль чувствуешь, как острие ножа, вонзившегося в грудь. Нина Онилова смертельно ранена! Живая, смеющаяся девушка, певунья. Смерть и Онилова! Могло ли когда-нибудь раньше прийти в голову такое сопоставление? Всегда все

знаменитые "сто случаев смерти" щадили ее. И вот теперь один из этих злосчастных ста случаев подстерег, сразил насмерть Нину. Нет надежд.

Аркадия не надо было торопить. Услышав о смертельном ранении Ониловой, он вел машину на максимальной скорости, на пределе. Стремительно несся мимо прыгающих в стороны регулировщиков, отчаянно проскальзывал между грузовиками. Через несколько минут автомобиль свернул с шоссе и покатил вниз, в Инкерманские штольни. У входа в гигантскую горную пещеру стояла группа военных врачей, профессора. Начсандив Борис Варшавский грустно повел плечами. Мы поняли его без слов. Он проводил нас.

Она лежала в каменной пещере с высоким потолком. Мягкий свет излучала электрическая лампа, окутанная марлей. В ногах сидела медсестра.

Глаза Нины Ониловой были закрыты. Лицо бело как простыня. Она не двигалась, не стонала. Казалось, что она уже умерла. Но она была жива. Жизнь еще теплилась в ней, еще боролась со смертью.

- Иногда она открывает глаза, - прошептал Варшавский. - Скажет два-три слова и опять впадает в забытье. Делаем все, что может сделать медицина. Но слишком много ран, много крови она потеряла. Только чудо спасет ее. Но...

Он так беспомощно произнес это "но"!

Нина Онилова угасала молча. Она открыла глаза, посмотрела на нас и не узнала. Перевела взгляд на свет лампочки и долго смотрела не мигая. Варшавский рывком снял с лампочки марлю. Яркий свет брызнул в глаза ей. Но она не отвела взгляда. Казалось, она еще пристальнее стала всматриваться в этот свет, точно старалась запомнить его яркость. Варшавский прикрыл лампочку марлей. Онилова опустила веки и тотчас же подняла их.

Варшавский наклонился к ее уху и спросил:

- Вы хотите сказать что-нибудь?

Онилова снова посмотрела на лампочку.

- Вам мешает свет?

Она опустила веки, и голова ее чуть заметно качнулась в сторону. Мы поняли, что нет, не мешает.

- Вам нужно что-нибудь?

Она все еще смотрела на лампу. И только теперь мы заметили на столике возле лампы сверток. Варшавский взял его в руки. Онилова улыбнулась и прошептала что-то неслышное. Мы развернули сверток. В нем лежала книжка Л. Толстого "Севастопольские рассказы", ученическая тетрадь, пачки писем,

адресованных Нине Ониловой из различных городов, вырезки из фронтовых газет, в которых описывались ее подвиги.

Мы развернули тетрадь. Первые страницы ее были исписаны рукой Ониловой. Торопливые, неразборчивые строчки. Полностью записан текст боевой песни приморцев: "Раскинулось море широко у крымских родных берегов". На другой страничке было недописанное письмо: "Настоящей Анке-пулеметчице из Чапаевской дивизии, которую я видела в кинокартине "Чапаев".

...Нина Онилова закрыла глаза. Мы вышли из палаты. В кабинете начсандива можно было спокойно рассмотреть записи Ониловой. Она, очевидно, внимательно прочла книгу Толстого о Севастополе: многие слова и строки были подчеркнуты карандашом, на полях книжки стояли восклицательные знаки, кое-где слова:

"Правильно!"

"Как это верно!"

"И у меня было такое же чувство!"

"Не надо думать о смерти, тогда очень легко бороться. Надо понять, зачем ты жертвуешь своей жизнью. Если для красоты подвига и славы - это очень плохо. Только тот подвиг красив, который совершается во имя народа и Родины. Думай о том, что борешься за свою жизнь, за свою страну, - и тебе будет очень легко. Подвиг и слава сами придут к тебе".

Эти торопливые надписи соответствовали строкам Толстого о переживаниях героев первой обороны Севастополя в 1854 -1855 годах. Тетрадь начиналась словами Л. Толстого:

"Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах".

И здесь же, на той же странице, был написан Ониловой ответ:

"Да! И кровь стала быстротекучей, и душа наполнена высоким волнением, а на лице яркая краска гордости и достоинства. Это наш, родной советский город - Севастополь. Без малого сто лет тому назад потряс он мир своей боевой доблестью, украсил себя величавой, немеркнущей славой!

Слава русского народа - Севастополь! Храбрость русского народа Севастополь! Севастополь - это характер русского советского человека, стиль его души. Советский Севастополь - это героическая и прекрасная поэма Великой Отечественной войны. Когда говоришь о нем, не хватает ни слов, ни воздуха для дыхания. Сюда бы Льва Толстого. Только такие русские львы и могли бы все понять. Понять и обуздать, одолеть, осилить эту бездну бурных человеческих страстей, пламенную ярость, ледяную ненависть, мужество и героизм, доблесть под градом

бомб и снарядов, доблесть в вихре пуль и неистовом лязге танков. Он придет, новый наш Лев Толстой, и трижды прославит тебя, любимый, незабываемый, вечный наш Севастополь".

Так могла отвечать гениальному русскому писателю только подлинная, не знающая ни страха, ни упрека, благородная патриотка.

Дальше следовала другая выписка слов Толстого:

"Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа".

"Корнилов, объезжая войска, говорил: "Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя", и наши русские, не способные к фразерству, отвечали: "Умрем. Ура!" - только теперь рассказы про эти времена перестали быть для нас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за Родину".

В конце тетради - недописанное письмо, адресованное героине кинофильма "Чапаев":

"Настоящей Анке-пулеметчице из Чапаевской дивизии, которую я видела в кинокартине "Чапаев". Я не знакома вам, товарищ, и вы меня извините за это письмо. Но с самого начала войны я хотела написать вам и познакомиться. Я знаю, что вы не та Анка, не настоящая, чапаевская пулеметчица. Но вы играли, как настоящая, и я вам всегда завидовала. Я мечтала стать пулеметчицей и так же храбро сражаться. Когда случилась война, я была уже готова, сдала на "отлично" пулеметное дело. Я попала - какое это было счастье для меня! - в Чапаевскую дивизию, ту самую, настоящую. Я со своим пулеметом защищала Одессу, а теперь защищаю Севастополь. С виду я, конечно, очень слабая, маленькая, худая. Но я вам скажу правду: у меня ни разу не дрогнула рука. Первое время я еще боялась. А потом все прошло... (несколько неразборчивых слов). Когда защищаешь дорогую, родную землю и свою семью (у меня нет родной семьи - и поэтому весь народ - моя семья), тогда делаешься очень храброй и не понимаешь, что такое трусость. Я вам хочу подробно написать о своей жизни и о том, как вместе с чапаевцами борюсь против фашистских..."

Письмо это осталось недописанным.

Вбежал Варшавский и сказал, что Онилову решили перевезти в другой госпиталь: там испытают еще одно средство спасения.

За жизнь этой славной девушки шла упорная, ожесточенная борьба. Из батальонов, полков и дивизий звонили каждые пятьдесят минут. Всех беспокоила, волновала судьба героической пулеметчицы. Ответы были неутешительные. Медсестра Лида, дежурившая у телефона, в отчаянии сказала:

- Я не могу больше отвечать на эти звонки! Люди хотят услышать, что ей легче, а я должна огорчать их, говорить, что Нине все хуже и хуже...

Поздно ночью крупнейший специалист, профессор Кофман, дрожащим голосом сказал:

- Все средства испробованы. Больше ничем помочь нельзя. Она продержится еще несколько часов.

Потом нам сообщили просьбу Нины Ониловой. Очнувшись от забытья, она сказала:

- Я знаю, что умираю, и скажите всем, чтобы не утешали меня и не говорили неправду.

* * *

В госпитальной палате, склонившись над постелью Ониловой, стоял командующий. Голова его подергивалась, но на лице была ласковая отеческая улыбка. Он смотрел Ониловой прямо в глаза, и она отвечала ему таким же пристальным взглядом. Генерал тяжело опустился на стул, положил руку на лоб Ониловой, погладил ее волосы. Тень благодарной улыбки легла на ее губы.

- Ну, дочка, повоевала ты славно, - сказал он чуть хрипловатым голосом. - Спасибо тебе от всей армии, от всего нашего народа. Ты хорошо, дочка, храбро сражалась...

Голова боевого генерала склонилась к груди. Сдерживая нахлынувшие чувства, он быстрым движением руки достал платок и вытер стекла пенсне. Все это продолжалось какое-то мгновение. Он говорил негромко, наклонившись к самому лицу Ониловой:

- Ты хорошо защищала Одессу. Помнишь лесные посадки, поселок Дальник, холмы?..

На губах Ониловой теплилась улыбка. Она широко раскрыла глаза и молча не мигая смотрела в лицо командующего.

- Весь Севастополь знает тебя. Вся страна будет теперь знать тебя. Спасибо тебе, дочка.

Генерал поцеловал ее в губы. Он снова положил руку на ее лоб. Нина Онилова закрыла глаза, ясная улыбка шевельнула ее губы и застыла навсегда.

В палате вдоль стен стояли пришедшие проститься с "чапаевской Анкой" боевые командиры-приморцы. С мокрыми глазами они подходили к постели Ониловой и целовали ее,

своего верного и бесстрашного боевого соратника.

В течение 26 июня на Харьковском направлении наши войска вели бои с наступающими войсками противника

Из сообщения Совинформбюро

26 июня 1942 г.

Борис Лавренев

Глаза войны

Когда над гремящей и огнедышащей, как огромный вулкан, полосой фронта спускается ночная темнота и усталые от грохота и нервного напряжения бойцы стараются хоть на несколько минут вздремнуть на едко пахнущей порохом земле чутким военным сном, в это время другие начинают оживленную, интенсивную ночную жизнь.

Сквозь посты боевого охранения пробирается группка красноармейцев. Всмотритесь в этих людей, насколько возможно разглядеть их в синеватой тьме. Все на них пригнано точно и аккуратно, ничто не брякнет и не звякнет. Подсумки полны патронов. Диски автоматов заряжены. В мешках запас продовольствия, рядом с саперной лопатой подвешены ножницы для резки проволоки.

У всех энергичные, решительные лица. Видно, что это отборные люди полка.

Неслышной походкой они уходят туда, где за линией фронта лежит большой город Харьков, ждущий часа, когда на его улицах прозвучат родные шаги освободителей.

Люди, ушедшие в ночь, подготовляют для армии тот комплекс сведений, на основании которых забывшие сон и отдых работники штабов строят планы боя.

Последняя человеческая тень растаяла во тьме. Разведчики - глаза войны - ушли на свое опасное и трудное дело.

Здесь, на Южном фронте, работа разведчиков сложнее и рискованнее, чем на севере. Здесь нет друга и помощника разведчика - густого леса, где можно укрыться в чаще кустарников. Обнаженные украинские степи, поросшие лишь седым ковылем, тянутся на сотни километров, и всякое движение видно как на ладони.

Разведчики то идут, пригибаясь, когда складка местности, какой-нибудь маленький овражек позволяет им укрыться от наблюдателей и часовых врага, то ползут, вплотную прижимаясь к влажной от росы земле и еле заметными движениями передвигая тело.

Но вот впереди из мрака выступают какие-то столбы. Это проволочное заграждение перед немецкими укреплениями. Разведчики замирают на месте. Они знают, что все пространство

впереди огневых точек пристреляно гитлеровцами, как в тире. Сейчас каждое неосторожное движение, шумный вздох могут вызвать ливень огня из притаившихся укреплений. Разведчики лежат неподвижно, и лишь одна тень продолжает свое бесшумное, мучительно медленное движение вперед. Слышно несколько слабых щелчков. Это распадается проволока под ножницами смельчака. Разведчики прислушиваются. Все тихо вокруг. Тогда один за другим люди проскальзывают в проделанную товарищем щель. Они пробираются мимо гитлеровских укреплений не задерживаясь. Сегодня у них дальний прицел.

На пути что-то чернеет. Это ивы, насаженные вдоль придорожной канавы на пути в село. Разведчики сползают в канаву. Здесь можно разогнуться и прибавить шагу. Цель уже близко. В смутном ночном свете белеют стены украинских мазанок. Разведчики крадутся огородами, пробираются в тени вишневых садиков. Они уверенно держат направление. И вот идущий впереди дает знак опасности. Все замирают на месте. Начальник разведчиков молодой сержант передает по цепочке людей беззвучным шепотом: "Джабулаева ко мне". И на приказ начальника к нему приближается гибкая бесшумная фигура. Это казах Джабулаев, уроженец горного Казахстана. В родных горах он приобрел навык охотника подкрадываться к осторожным горным козлам-джейранам, которые редко подпускают на выстрел. Сержант молча показывает Джабулаеву вперед. Там, в желтом отблеске света из окна дома, мерно ходит силуэт, поблескивая штыком. Это гитлеровский часовой охраняет свой штаб. Джабулаев отдает свою винтовку сержанту, вытаскивает из-за пояса нож, берет его в зубы и ползком исчезает. Напряженно слушают оставшиеся. Проходит минута, другая -и все слышат короткий судорожный хрип. Враг уничтожен.

Разведчики бесшумно окружают дом. Сержант заглядывает в окошко. На столе лежат карты и документы. Пожилой офицер в расстегнутом мундире курит сигару. Обер-лейтенант водит карандашом по карте, докладывая что-то начальнику. Сержант отползает от окна. Три человека бесшумно входят на крыльцо дома. Одновременный натиск трех тел - и дверь широко распахивается. В одно мгновение сержант и его товарищи вскакивают в комнату. Одна секунда замешательства, пока руки ошеломленных офицеров тянулись к кобурам. Но этой секунды довольно. Обер-лейтенант падает, проткнутый штыком. Его начальник с кляпом во рту хрипит на полу, и ловкие руки Джабулаева вяжут гитлеровца. Карты и документы перекочевывают со стола в полевую сумку сержанта.

И, довольные удачей, "глаза войны" отправляются в обратный путь.

Он нелегок. Надо не только пройти самим, но и дотащить тушу ошарашенного гитлеровца. Но не в первый раз доблестным разведчикам доставлять такой груз. И едва на востоке небо начинает бледнеть, как разведчики достигают красноармейского боевого охранения. Сегодня в штабе будет много работы - разобраться в документах и допросить "языка".

А разведчики, вызвавшие восхищение товарищей и благодарность командира полка, отправятся на отдых.

6 июля 1942 года

Борис Полевой

В партизанском крае

Пароль - смерть нацистам. Внизу под крылом самолета медленно плывет темная, плотно окутанная синим сумраком летней ночи земля. Изредка блеснет на ней извилина маленькой речки, тускло, как рыбья чешуя, сверкают затянутые туманом болотца. И снова ровная, непроглядная тьма, лишенная каких бы то ни было земных ориентиров. Но летчик Петр Иовлев каким-то особым чутьем, шестым чувством пилота угадывает приближение линии фронта. Самолет начинает круто набирать высоту и, достигнув своего потолка, с приглушенным мотором, почти планируя, продолжает бесшумно скользить вперед. И все же немцы нас заметили. Как красные ракеты, потянулись к нам снизу очереди снарядов автоматических зениток, ночь засверкала бисером трассирующих пуль, и близкие разрывы несколько раз встряхнули самолет.

Но немцы опоздали. Линия фронта осталась позади. Самолет резко переменил курс и на заре, сделав несколько осторожных кругов, приземлился на просторной и пустынной лесной поляне, обрамленной со всех сторон высокими и стройными елями.

Пустынной - это только так показалось. Из глубины леса за нами наблюдали десятки настороженных внимательных глаз, за кустами чувствовалось шевеление, наконец, откуда-то из глубины леса хрипловатый голос спрашивает:

- Кто?

- Свои.

- Пароль?

- Смерть нацистам.

Резкий свист раздается в лесу. Лес ожил. Со всех сторон к самолету бегут пестро одетые загорелые люди с винтовками и автоматами в руках, с пистолетами, заткнутыми за пояс, с гранатами, торчащими из карманов. Эти суровые, закаленные в лесных битвах люди рады, как дети, прибытию советских людей

оттуда, из-за линии фронта, с "Большой земли". Они обнимают нас, жмут нам руки, задают нам десятки вопросов и тут же жадно развертывают привезенные нами свежие газеты. Потом сквозь толпу к нам пробирается высокий широкоплечий партизан, с голым черепом и огромной курчавой седеющей бородой. Он целует каждого из нас со щеки на щеку и радушно говорит:

- Поздравляю с благополучным прибытием в нашу партизанскую сторону.

Партизанская сторона. Так зовут здесь этот обширный край, находящийся в глубоком тылу немецких войск и включающий в себя свыше 600 селений и поселков. Немецкие войска ворвались сюда еще в октябре прошлого года. Они прошли по этим местам, как орды современных гуннов, опустошая все на своем пути, сжигая и уничтожая то, что нельзя было разграбить и унести с собой; грудами угля на месте деревень и безымянными могилами у дорог отмечен их путь. Когда фронт отодвинулся далеко на восток к Москве, в глубоком тылу немецких армий возникло и стало действовать много партизанских отрядов. Сначала они действовали робко, сидели в лесах, совершали налеты на мелкие немецкие колонны. Но когда немцы, истекавшие под Москвой кровью, оттянули туда свои резервы, а партизанские отряды накопили боевой опыт, вооружились трофейным оружием и выросли в крупные боевые единицы, в тылу у немцев развернулась настоящая народная война.

На вооружении у партизан появились не только ружья и гранаты, но и автоматы, пулеметы, минометы, противотанковая и даже полевая артиллерия. Все это трофейное, отбитое у немцев. Все это отлично служит партизанам в борьбе с гитлеровцами. Отряды по-прежнему сохраняют свою партизанскую тактику. Главным оружием их является внезапность, маневренность, умение выбирать местность для нападения. Но масштаб их операций изменился, выросли и задачи, которые ставят перед собой партизаны. Теперь, взаимодействуя с частями Красной Армии, они держат под контролем важнейшие немецкие коммуникации, нападают на марши, на вражеские роты и батальоны, дают им настоящий бой, обращают их в бегство и часто уничтожают совсем. В январе отряды стали нападать на немцев и в их собственных логовах. Они атаковывали немецкие гарнизоны, освобождая от врагов деревни, села, целые поселки. Территория, очищенная от немцев, росла, группы освобожденных селений сливаются между собой. Так далеко за линией фронта в глубоком немецком тылу образовалась эта замечательная партизанская сторона - обширный советский район, где люди живут по советским законам, свято хранят советские порядки,

куда не смеет ступить нога фашистского завоевателя.

На трофейной немецкой штабной квадратной машине, которую партизаны называют сундуком, мы едем с товарищем Никоном по селениям партизанской стороны. Этот живой, веселый, очень общительный человек, в недавнем прошлом агроном-селекционер, а сейчас - командир крупнейшего в партизанской стороне отряда, за голову которого немцы назначили 45 тысяч марок премии, весело рассказывает:

- При немцах тут не было ни школ, ни больниц. Ни одно предприятие не работало, ни один магазин не торговал. Пустыня. Я уж не говорю о библиотеках, избах-читальнях. Немцы тем и прославились, что как куда в новое место являются - первое дело кур ловить да книжки жечь. Но ведь на здоровом теле раны заживают быстро. И хоть мы от "Большой земли" далеконько живем, хоть и фронт нас отделяет, но жизнь все-таки наладили.

Мы заходим с ним в школу, где молоденькая учительница экзаменует 12-летних малышей, которые при появлении Никона встают и приветливо ему улыбаются. Заезжаем в кустарные мастерские, работающие на полный ход, где ремонтируется трофейное оружие, в чистенькую больницу. Здесь в особой палате лежат раненые партизаны. Эта комната убрана с особой любовью, на окнах большие домашние растения. Крестьянки принесли их из своих домов, чтобы порадовать партизан. На столиках возле коек свежие букеты ландышей. Старенькая женщина-врач принимает больных крестьян. Товарищ Никон показывает на нее:

- Храбрый человек. Зимой во время боев из-под огня раненых партизан на саночках вывозила. Сама была ранена.

Клуб в районном центре немцы сожгли, но перед отступлением работники клуба успели закопать в землю киноаппаратуру и несколько фильмов. И вот сейчас кино, расположившееся в просторном, разукрашенном хвоей сарае, показывает картины "Александр Невский", "Ленин в Октябре" и старый американский фильм Чарли Чаплина "Новые времена".

Телефонная связь восстановлена. Радиоузел работает. А вот газет нет.

- Бумаги нет, - с сожалением говорит Никон. - Сначала откопали типографию и было наладили выпуск. Бумагу у населения собрали, у кого что было: у кого оберточной, у кого почтовой, у кого тетрадки. Ну и выходила газетка маленькая-маленькая. Сейчас кончилась бумага. Вот что вместо газеты выпускаем.

И он показывает на стоящую посреди площади черную классную доску, на которой мелом выписаны важнейшие сообщения из последней сводки Совинформбюро, заметка о

налетах англичан на Бремен. Маленький белокурый паренек как раз в этот момент старательно, мелкими буковками, стараясь экономить место, выписывал на доску краткое изложение речи Рузвельта. А за спиной его уже стояла целая толпа народу, обычная толпа, отличающаяся разве только тем, что почти все в ней, от седобородого старца до 15-летнего школьника, были вооружены кто пистолетом, кто гранатой, кто ножом от немецкой винтовки.

По пути в партизанский отряд Никона мы заезжаем в маленькую лесную деревеньку Мамоново. На пороге одной из хат нас встречает высокая крестьянка, строго повязанная черным платком, с немолодым суровым лицом и плотно сжатыми губами. Командир партизанского отряда с уважением жмет ей руку.

- "Партизанская мать" зовем мы ее, - рекомендует он. И вот в чистой горенке за самоваром он рассказывает историю этой женщины, обычной, ничем до войны не примечательной крестьянки. Когда немцы заняли ее деревню и многие семьи колхозников ушли в лес, она осталась дома, не успела уйти, да и, как она сама говорила, не очень верила в рассказы о немецких зверствах. Она осталась с дочерью Клавдией, девушкой лет 15-ти, учившейся в восьмом классе, и 12-летним сынишкой, Петей. И вот настал страшный день, когда немцы заняли деревню. Сначала они занимались ловлей кур, гусей, поросят. Вечером вломились в магазин сельской кооперации, разграбили его, перепились. Пьяная ватага солдат ворвалась в хату колхозницы. Немцы схватили Клавдию, потащили ее с собой. Девушка отбивалась. Она ударила по физиономии рыжего немецкого ефрейтора, плюнула в лицо другому. Ефрейтор вынул парабеллум и хладнокровно застрелил ее на глазах матери. Бросившийся на выручку сестры Петя был ранен.

Ночью пожилая крестьянка с раненым сыном на руках явилась в лес, в партизанский отряд, и осталась в нем. Всю трудную зиму она прожила с партизанами, деля с ними тяжести боевой жизни. Она варила им обед, стирала, чинила одежду, ходила в разведку и вместе с ней так же храбро ходил в разведку ее сын Петя. Его и сейчас нет дома. Он лучший разведчик в отряде Никона.

В отряд мы приехали уже под вечер. Несмотря на то, что командира каждый партизан хорошо знал в лицо, на опушке леса нас задержал патруль и пожилой бородатый человек, направив на нас немецкий автомат, потребовал пароль.

- Смерть нацистам, - ответил Никон, очень довольный строгостью своего патруля, и пояснил: - У нас дисциплина суровая, нельзя иначе - немец кругом.

Отряд мы застали на учении. Группами по 15-20 человек партизаны занимались. Одна группа возилась у двух пулеметов, другая окапывалась. И вдруг бросилась в глаза странная несуразность. В центре одной из групп стоял высокий коренастый человек в полной форме немецкого ефрейтора и показывал внимательно слушающим партизанам, как надо действовать трофейным минометом. Видя мое недоумение, Никон пояснил:

- Это Ганс, наш немец. Он зимой к нам приехал на паре коней и привез несколько винтовок, пулемет с лентами и еще что-то, и сдался. Не хочу, говорит, воевать против вас, хочу с вами. Испытали мы его. Видим, верно, за нас. Сейчас он у нас пулеметчик, и какой пулеметчик. Сколько он немцев перебил - не счесть. А сейчас, вот видите, инструктором по трофейному оружию. А в другом отряде есть Зигфрид - тоже немец. Этот к нам пришел и с собой связанного ефрейтора приволок.

Мы знакомимся с Гансом. Он немножко уже научился говорить по-русски. Грустно покачав головой, он говорит:

- Мне жаль мой народ, который все еще идет за Гитлером. Русские, англичане, американцы - это гора. Кто пытается головой разбить гору, тот разбивает голову...

С последними лучами солнца наш самолет взмывает с лесной площадки, с тем чтобы затемно миновать линию фронта. Партизанская сторона остается далеко позади. Но долго еще мысленно остаешься в ней, в этой стороне суровых отважных людей, свято хранящих в тылу немецких войск советские законы и традиции, помогающих Красной Армии ударами с тыла по немецким войскам, рвущих жилы немецких коммуникаций, в стороне, где люди борются, умирают, но никогда не будут рабами нацистов.

6 июля 1942 года

По приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск... Немцы в июне бросили против отважных защитников Севастополя до 300 000 своих солдат, свыше 400 танков и до 900 самолетов.

Из сообщения Совинформбюро

3 июля 1942 г.

Борис Войтехов

Так уходил Севастополь

Бывают временные отступления, которые значительнее иных побед. Таким было отступление Севастополя. Весь мир обнажил головы в знак уважения, когда окровавленный, измученный титанической борьбой город моряков шаг за шагом отходил

спиной к последнему маяку Крыма - Херсонесу...

Враг, вгрызаясь в каменистую севастопольскую почву тысячами авиационных атак, занял, наконец. Северную сторону, захватил Инкерман, ворвался на территорию разрушенного города. В этот час каждому стало ясно, что дни Севастополя сочтены. Никто не обманывался. И все-таки никто не чувствовал себя побежденным. И никто не помышлял о капитуляции. Борьба продолжалась. Смертельная, страшная борьба.

Севастополь, одетый в гимнастерку, из-под которой виднелась оставленная "на счастье" морская тельняшка, бил и рушил, крошил и сжигал ненавистью и злобой, умением и отвагой соединения фашистских войск.

Военные специалисты Гитлера были поражены не столько упорством наших войск, сколько удивительной гармонией - "симфоничностью" взаимодействия всех родов нашего оружия. Медленно отступавший Севастополь уносил на своих опаленных знаменах великие примеры блестящего владения оружием.

Немцы били по городу из 24-дюймовых пушек, каждый снаряд был длиной более двух метров. Они перепахивали землю авиабомбами весом в полторы-две тонны. Уже был стерт с лица земли Малахов Курган. Уже сгорела знаменитая Севастопольская панорама. Уже трудно было угадать, где пролегали когда-то улицы: самый профиль их был смят глубокими воронками. А город все еще сопротивлялся. Снова и снова бросались наши моряки в контратаки. Снова и снова под прикрытием дымовой завесы вылетали из тесного ангара, высеченного в скале, наши самолеты, бесстрашно вступая в неравные воздушные бои.

Уже десятки немцев и румын упали навзничь, чтобы никогда не встать. И немцы в исступлении посылали на город новые и новые сотни самолетов. Воздушная блокада достигла апогея. На город, порт, подходы был надет бронированный воздушный колпак, под которым Севастополь, по замыслу немцев, должен был задохнуться без хлеба и снарядов, горючего и бинтов, воды и подкреплений. Немцам уже мерещился белый флаг капитуляции.

Над руинами города, над безмятежно застывшим морем предательски светила луна. Своим мертвенно-бледным светом она выдавала врагу малейшую попытку нашего военного флота прийти на помощь Севастополю. Уже в начале июня Черное море стало ареной жесточайших боев. Оно было покрыто огромными нефтяными пятнами, отмечавшими след погибших танкеров, обломками немецких подводных лодок и самолетов. На его поверхности плавали спасательные круги, стулья, трупы.

Да, уже не хватало снарядов. Уже не хватало хлеба и пуль. Да, было нестерпимо тяжело. Настал час самого страшного

испытания. Как теперь без медикаментов и пресной воды, без достаточного количества боеприпасов будут вести бой защитники города? Не подымут ли они свои загорелые руки к голубому небу, моля врага о пощаде?

Нет. В эти последние минуты севастопольцы как никогда были сказочно мужественны и великолепны в своем бесстрашии. Героическое племя советских моряков, нашедших когда-то в себе волю по приказу Ленина потопить Черноморский флот, поклявшихся теперь Сталину умереть, но не опозорить родной земли, выполняли свой долг и умирали строго и просто.

Знаменитая береговая батарея капитана Александера, имя которой прогремело по всей стране, прикрывала огнем своих 12-дюймовых орудий Северную сторону. Она вела огонь до тех пор, пока немцы не окружили ее и не подошли вплотную. Одно орудие уже было выведено из строя. Снаряды подошли к концу. На батарею по радио был передан приказ эвакуироваться. Артиллеристы бросили в эфир гордый ответ: "Умираем на родной земле". Раздался страшной силы взрыв, и батарея Александера перестала существовать.

А Севастополь все еще боролся.

Ни одна батарея не сдалась на милость победителю. Все они, одна за другой, заканчивая бой, сами взрывали себя.

Только раненым был предначертан другой исход. На машинах без шин и покрышек, грохотавших металлическими скатами по разбитому шоссе, на лафетах орудий, на руках несли, везли раненых. Под градом пуль их сажали в самолеты, подводные лодки, шаланды, баркасы и отправляли на Большую землю.

Раненые, истекающие кровью моряки в пехотных, защитного цвета пилотках, обшитых морскими ленточками бескозырках, обливаясь слезами, ложились на берег и целовали песок. Они умоляли не отправлять их. Они хотели умереть здесь, в Севастополе, рядом с друзьями, оставшимися до последнего смертного часа. С трудом отрывали их от севастопольской земли с зажатыми пригоршнями песка и насильно уносили в подводные лодки.

Уже пятые сутки над Севастополем висел непроницаемый пыльный туман от страшной артиллерийской канонады. Все потонуло в этом мраке. Все, что можно было взорвать, взорвали. Все, что можно было спасти и увезти, спасли и увезли. Все выведенное из строя вооружение утопили в море, чтобы даже металлический лом не достался врагу...

Немцы вступили в огромный город-кладбище. Сомкнутыми рядами, защищая грудью друг друга и общей цепью тех, кто

должен был уйти на Большую землю, шаг за шагом отступали севастопольцы. Это уже не были строгие войсковые соединения. Но это не был и хаос. В великую последнюю шеренгу Севастополя встали рядом моряки и кавалеристы, артиллеристы и летчики, курьеры и пехотинцы, женщины и подростки.

Теперь уже шла борьба "на характер". Каждое из таких стихийно сложившихся соединений ставило перед собой цель - затащить на свою позицию побольше боеприпасов и подороже отдать свою жизнь. Умирая, моряки кровью писали: "Вернитесь в Севастополь!"

И те, кто ушел, вернутся. Они вернутся не одни. С ними придут все, у кого с именем Севастополя связаны личная гордость, любовь к Родине, преданность великой идее нашей страны, уважение к нашей замечательной истории и вера в счастливое будущее.

Уже по ту сторону моря я виделся и разговаривал с людьми, которые самыми последними уходили из Севастополя. Когда в городе раздавались последние выстрелы, командиры Севастопольской обороны, следуя гордой морской традиции, последними сходили с исторического капитанского мостика. Вице-адмирал Октябрьский и дивизионный комиссар Кулаков улетели с последним самолетом. Генерал Петров ушел в море с последней подводной лодкой.

Я видел катер, уходивший из Севастополя, в его последний час. Этот катер назывался "Папанин". На нем не было ни мачт, ни мостика. Он был весь прострелен и светился как решето. Но немцам не удалось его потопить. И первое, о чем заговорили измученные, измотанные не прекращавшейся ни на час восьмимесячной борьбой люди, было: мы вернемся в Севастополь...

...Среди раненых краснофлотцев я заметил одного, у которого рядом с медалью была пришита какая-то странная, очень большая пуговица. "Что это за пуговица?" - спросил я. "Нахимовская, - ответил моряк. - Музей разбомбило, сюртук ихний разорвало, так вот мы ее и пришили..."

26 июля 1942 года

Леонид Леонов

Неизвестному американскому другу. Письмо первое

Мой добрый друг!

Я не знаю твоего имени. Наверное, мы не встретимся с тобою никогда. Пустыни, более непроходимые, чем во времена Цезаря и Колумба, разделяют нас. Завеса сплошного огня и стального ливня стоит сегодня на главных магистралях земли. Завтра, когда схлынет эта большая ночь, нам долго придется восстанавливать

разбитые очаги цивилизации. Мы начнем стареть. Необъятные пространства, которыми мы владели в мечтах юности, будут постепенно мельчать, ограничиваться пределами родного города, потом дома и сада, где резвятся наши внуки, и, наконец, могилы.

Но мы не чужие. Капли воды в Волге, Темзе и Миссисипи сродни друг другу. Они соприкасаются в небе. Кто бы ты ни был - врач, инженер, ученый, литератор, как я, - мы вместе крутим могучее колесо прогресса. Сам Геракл не сдвинет его в одиночку. Я слышу твое дыхание рядом с собою, я вижу умную работу твоих рук и мысли. Одни и те же звезды смотрят на нас. В громадном океане вечности нас разделяют лишь секунды. Мы - современники.

Грозное несчастье вломилось в наши стены. Оглянись, милый друг. Искусственно созданные пустыни лежат на месте знаменитых садов земли. Черная птица кружит в небе, как тысячи лет назад, и садится на лоб поверженного человека. Она клюет глаз, читавший Данте и Шекспира. Бездомные дети бродят на этих гиблых просторах и жуют лебеду, выросшую на крови их матерей. Все гуще пахнет горелой человечиной в мире. Пожар в разгаре. Небо, в которое ты смотришь, пища, которую ты ешь, цветы, которых ты касаешься, все покрыто ядовитой копотью. Основательны спасенья, что человеческая культура будет погребена, как Геркуланум, под этим черным пеплом. Война.

Бывают даты, которых не празднуют. Вдовы надевают траур в такие дни, и листья на деревьях выглядят жестяными, как на кладбищенском венке. Прошло три года этой войны. Облика ее не могли представить себе даже самые мрачные фантасты, - им материалом для воображения служила наивная потасовка 1914 года. С тех пор была изобретена тотальная война, и дело истребления поставлено на прочную материальную основу. Немыслимо перечислить черные достижения этих лет. Обесчещено все, чего веками страдания и труда добился род людской. Затоптаны все заповеди земли, охранявшие моральную гигиену мира. Война еще не кончена.

В такую пору надо говорить прямо и грубо, - это умнее и честнее перед нашими детьми. Речь идет о главном. Мы позволили возникнуть Гитлеру на земле... Будущий историк с суровостью следователя назовет вслух виновников происходящих злодеяний. Ты думаешь, там будут только имена Гитлера и его помощников, замысливших порабощение мира? Петитом там будут обозначены тысячи имен его вольных и невольных пособников - красноречивых молчальников, изысканных скептиков, государственных эгоистов и пилатов всех оттенков. Там будут приведены и некоторые географические названия -

Испания и Женева, Абиссиния и Мюнхен. Там будут фонетически расшифрованы грязные имена Петена и Лаваля, омывших руки в крови своей страны. Может быть, даже целый фильм будет приложен к этому обвинительному акту - фильм о последовательном возвышении Гитлера: как возникал убийца, и как неторопливо точил он топор на глазах у почтенной публики, и как он взмахнул топором над Европой в первый раз, и как непонятные капли красного вещества полетели во все стороны от удара, и как мир вытер эти брызги с лица и постарался не догадаться, какого рода была та жидкость.

Люди, когда они идут в одну сторону, - попутчики и друзья. Когда они отдают силы, жизнь и достояние за великое дело, - становятся братьями. И если громадное преступление безнаказанно совершается перед ними, - они сообщники. Протестовать против этого неминуемого приговора можно только сегодня, пока судья не сел за стол, -протестовать только делом и только сообща.

Милый друг, со школьной скамьи мы со страхом поглядывали на седую древность, где, кажется, самые чернила летописцев были разведены кровью. Наш детский разум подавляли образы хотя бы Тимура, Александра, Каракаллы... Позже детский страх сменился почтенностью расстояния и романтическим великодушием поэтов. Наш юношеский гнев и взрослую осторожность парализовала мнимая безопасность нынешнего существования. Ужас запечатленного факта окутывался легкой дымкой мифа. Ведь это было так давно, еще до Галилея и Дарвина, до Менделеева и Эдисона. Мы даже немножко презирали их, этих провинциальных вояк, ближайших правнуков неандертальца и кроманьонца!..

Так вот, все эти бородатые мужчины с зазубренным мечом в руке, эти миропотрясатели, джихангиры, - как их і называли на Востоке, - все они были только кустари, самоучки истребления. Что Тимур, растоптавший конницей семь тысяч детей, выставленных в открытом поле; или Александр, распявший две тысячи человек при взятии Нового Тира; или Василий Болгароктон, ослепивший в поученье побежденным сто пятьдесят тысяч пленных болгар; или Каракалла, осудивший на смерть всю Александрию? Сколько жителей было в этой большой старинной деревне?

Мир услышал имя Гитлера. Рекорды Диоклетиана, Альбы, Чингиса биты. На смену неумелым простакам, вымазанным в крови, пришли новые варвары, с университетским дипломом, докторанты военного разбоя, академики массовых убийств. В стране, где однажды на горькое благо человечества был изобретен

порох (во Фрейбурге, верно, еще стоит монумент тому черному Бартольду!), теперь родилась идея, которую трудно описать вполне корректными словами. Отныне им принадлежат, - вопят они, - земля и небо, наши города и машины, наши дома, и семьи, и наши дети, наше будущее, наше - все. Поработить людей, забыть все, долой homo sapiens, да здравствует покорное человеческое существо, которое отныне будет разводить рыжий арийский пастух. Этот новый вид двуногого домашнего животного будет работать, взирая на бич хозяина, драться за его интересы - с теми, кто еще не лег добровольно под ярмо, уныло жрать свой травяной корм и спать в обширном хлеву, в который должна обратиться Европа. И пусть ему не хватит времени на любовь, на познание, на мышление - эти неиссякаемые источники его радости, его горя, его божественных трагедий. В этом и будет заключаться "счастье" преобразованной нордической Европы.

Была пора - русский поэт Александр Блок в 1918-м кричал о времени:

...когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!

и мы принимали этот пророческий образ за поэтическую метафору. "Этого не бывает..." Нет, бывает! Мертвые Шекспир и Данте не смогут нас защитить от живого Гитлера. И время это пришло.

Хоругви предков - какие бы величественные слова ни были начертаны на их ветхих полотнищах - не защитят тебя от пикирующего бомбардировщика. Смотри, красномордые гитлеровские апостолы, с руками по локоть в сукровице, уже взялись за переустройство Европы. И не такими уж неприступными оказались наши прославленные цитадели гуманизма. Политые лигроином, книги горят отлично, а толуол неплохо действует под фундаментами наших храмов. Гитлер идет на штурм мира. Вена и Прага, Варшава и Белград, Афины и Париж... - вот преодоленные ступени штурмовой лестницы, по которой варвар лезет на наши с тобою стены. Он уже приблизился на расстояние руки; смотри ему в глаза, в них нет пощады. Топор с пропеллерной скоростью свистит и вьется в его руке... Холодок этого вращенья ложится на твое лицо. И если бы не Россия, он был бы сейчас на самом верху цитадели.

Прости мне эти мрачные картины незнакомой тебе действительности. Мне приятнее было бы рассказать, как еще несколько лет назад мы без устали строили у себя материальные базы человеческого благосостояния. Наши юноши и девушки

хотели прокладывать дороги, воздвигать заводы и театры, проникать в тайны мироздания, побеждать неизлечимые болезни, изобретать механизмы и создавать ценности, из которых образуются стройные коралловые острова цивилизаций. Они стремились обогатить и расширить великое культурное наследство, подаренное нам предками. Они мечтали о золотом веке мира... Их мечта разбилась под дубиной дикаря. Военная непогода заволокла безоблачное небо нашей родины. В самое пекло войны была поставлена наша молодежь и даже там не утратила своей гордой и прекрасной веры в Человека.

Они-то крепко знают, что в этой схватке победят правда и добро. Орлиная русская слава царит над молодежью моей страны. Какими великанами оказались наши вчера еще незаметные люди? Они возмужали за эти годы, страдания умножают мудрость. Они постигли необъятное значение этой воистину Народной войны. Они дерутся за родину так, как никто, нигде и никогда не дрался: вспомните черную осень 1941 года!.. Они ненавидят врага ненавистью, которой можно плавить сталь, - ненавистью, когда уже не чувствуется ни боль, ни лишения. Пламя гнева их растет ежеминутно, - все новое горючее доставляют для него гитлеровские прохвосты, ибо безмерны злодеяния этих громил. Все меркнет перед ними - утонченная жестокость европейского средневековья и свирепая изобретательность заплечных мастеров Азии. Нет такого мучения, какое не было бы причинено нашим людям этими нелюдьми.

Может быть, тебе не видно всего этого издалека? Чужое горе всегда маленькое. Может быть, ты все-таки думаешь, что воды в Темзе и Миссисипи протекает за единицу времени больше, чем крови и слез в Европе? Может быть, ты не слышал про Лидице? Может быть, тебе кажутся преувеличенными газетные описания всех этих палаческих ухищрений?.. Я помогу тебе поверить. Сообщи мне адрес, и я пошлю тебе фотографии расстрелянных, замученных, сожженных. Ты увидишь ребятишек с расколотыми черепами, женщин с разорванной утробой, девственниц с вырезанной после надругательств грудью, обугленных стариков, никому не причинивших зла, спины раненых, где упражнялись на досуге резчики по человеческому мясу... Ты увидишь испепеленные деревни и раскрошенные города, маленькие братские могилы, где под каждым крестиком лежат сотни, пирамиды исковерканных безумием трупов... Керченский ров, наконец, если выдержат твои очи, увидишь ты! Ты увидишь самое милое на свете, самое человеческое лицо Зои Космодемьянской, после того как она, вынутая из петли, целый месяц пролежала в своей ледяной могиле. Ты увидишь, как вешают гирляндой

молодых и славных русских парней, которые дрались и за тебя, мой добрый друг, как порют русских крестьян, не пожелавших склонить своей гордой славянской головы перед завоевателями, как выглядит девушка, которую осквернила гитлеровская рота... Оставь у себя эти документы. Сложи их вместе с теми выцветшими за четверть века снимками героев Ютландского боя и Марнской битвы. Сохрани их как наглядное пособие для твоих детей, когда станешь учить их любви к родине, вере в Человека и готовности погибнуть за них любой гибелью.

Не жалости и не сочувствия мы ждем от тебя. Только справедливости. И еще: чтобы ты хорошо подумал над всем этим в наступившую крайнюю минуту.

После разрушения Тира Навуходоносором (573 г. до н. э.) было высечено там на камне, что "осталась только голая скала, где рыбаки сушили свои сети". Иероним горько сказал о своей родине, Паннонии, что после войны "не осталось там ничего, кроме земли да неба". Теперь эти описания пригодны для областей, стократно больших. Гостем или туристом приезжая к нам, ты посетил, конечно, и Ясную Поляну с могилой великого старика, и киевские соборы; ты щелкал своим кодаком, наверно, и Новоиерусалимский храм на Истре и прозрачные рощи петергофских фонтанов. Их больше нет. Все, что не влезло в объемистый карман этих фашистских туристов, было уничтожено на месте яростью нового Аттилы.

Нерадиво берегли мы нашу цивилизацию: не сумели даже обезопасить ее от падающих бомб. Слишком верили в ее святость и прочность. Когда наше радио передавало легкую, порою - легчайшую музыку, с нацистских станций откровенно гремела медь грубых солдатских маршей. Бог войны примерял свои доспехи, которые мы слишком рано сочли за утиль. Моя страна говорила об этом не раз, -мир не умел или не хотел слышать. Не ссылайтесь же впоследствии, что никто не предупредил вас о грядущих несчастьях!

Есть такие граждане мира, которые полагают, что если они местожительствуют далеко от вулкана, то до них не доползет беда. В стремлении изолироваться от всеобщего горя они подвергают риску не только жизнь свою, но и репутацию. Самые хитроумные пройдохи юриспруденции не придумали пока оправдания джентльмену, равнодушно созерцающему, как топчут ребенка или насилуют женщину... Условно, из вежливости, назовем это пока выжидательной осторожностью Запада. Однако не сомнительная ли это мудрость - ждать, пока утомится убийца, или притупится его топор, или иссякнут его жертвы? Больше того -пока на протяжении двух с половиной тысяч километров длится

жесточайший Верден, уснащенный новейшими орудиями истребления, эти почтенные умы подсчитывают количества танков, какими они будут располагать летом сорок пятого года и осенью пятьдесят шестого. Прогнозы вселяют в них животворящий оптимизм, как будто врага могут устрашить или остановить подобные математические декларации. Наши эксперты не сомневаются, кстати, что к зиме 1997 года количество этих железных ящеров достигнет гомерических чисел. Армады старых железных птиц, поржавевших от безделья и не снесших ни одного яйца на вражеские арсеналы, закроют своими крыльями целые материки. Но не случится ли что-нибудь неожиданное и чрезвычайное до наступления той обманчиво-благоразумной даты?

Пьяному море по колено, а безумцу не страшен и океан. Никто не превосходил в хитрости безумца. Береги своих детей, милый друг. Послушай, как они плачут в Европе. Все дети мира плачут на одном языке. Великие беды легко перешагивают через любые проливы. Французы тоже надеялись, что их спасет комфортабельная железобетонная канава на северо-восточной границе, линия Мажино, оборудованная всеми военными удобствами!

Я люблю моих современников, тружеников земли! Я благодарен этим людям уже за то, что не один я перед лицом врага, который им также не может быть другом. Я уважаю их деятельную, искательную мысль, их творческое беспокойство, их прошлое, полное героев и мудрецов. Мне дороги их отличные театры, их обсерватории, где пальцами лучей они считают светила, их университеты, где по граммам выплавляется бесценное знание человека, их стадионы, парки, лаборатории, самые города их. Они умеют все - делать чудовищные машины, послушные легчайшему прикосновению руки, создавать великолепные произведения искусства, которые - как цветы, что роняет, шествуя по вечности. Человек! Все это под ударом сейчас.

Скажи тем, которые думают пересидеть в своих убежищах, что они не уцелеют. Война взойдет к ним и возьмет их за горло, как и тебя. Она превратит в щебень все, чем ты гордился в твоих городах, развеет пеплом создания твоих искусств, в каменную муку обратит твои святыни. Едкая гарь Европы еще не ест тебе глаза?.. Гитлер вступит в твою страну, как в громадный универмаг, где можно не платить и даже получать подать за произведенную им погромную работу! Если он на Смоленщине отбирал скудный ширпотреб у русского мужика, почему бы ему не поживиться сокровищами американских музеев? Его давняя мечта - походным маршем прогуляться по британским островам.

Новый Иов, ты сядешь посреди смрадных развалин, в гноище раскаяния, с единой душой да с телом!

Скажи сомневающемуся соседу, что война ворвется к нему в щель, выволочет за волосы жену его и детей его передушит у него на глазах. Оглянись на Белоруссию, Югославию, Украину. Если там девушек, не достигших совершеннолетия, гонят кнутом в солдатские бордели, почему же они думают, что Гитлер пощадит их мать, сестру или дочь? Если русских и еврейских детей он кидает в печь, или пробует на них остроту штыка, или проверяет меткость своего автомата, какая сила сможет защитить твоего ребенка от зверя? Война - безглазое и сторукое чудовище, и каждая рука шарит свою добычу... Прежде чем он заплачет слезами Иеремии, посоветуй ему купить "Майн кампф": там начертана его участь.

В этой войне, в которую рано или поздно ты вольешь свою гневную мощь, нужно победить любым усилием. Безумец не страшен, если своевременно взяться за него. Непобедимых нет.

Русские солдаты под Москвой видели этих каналий в декабре прошлого года: они бежали с нормальной для застигнутого вора резвостью... Победу нужно начинать немедля и с главного: убивать убийц, поднявших руку на священные права Человека. Потом нужно истребить и самый микроб войны, который еще гнездится кое-где в древних фанабериях европейских народов. С некоторого времени перерывы между войнами существуют только для того, чтобы народы поострей отточили сабли. Развитие промышленности все более укорачивает эти антракты между великими вселенскими бойнями. Их размеры возрастают в геометрических прогрессиях, обусловленных расширением технических возможностей. Александр Македонский, идя на завоевание мира, перевел через Геллеспонт 35 000 воинов в трусиках и с короткими мечами. Нынешняя война начинается с вторжения десятков миллионов людей, многих тысяч боевых машин, с бомбежек и истребления самого неприкосновенного фонда - наших матерей и малюток. Нужно заглянуть в самый корень этого основного недуга Земли. Нужно клинически проследить кровавую родословную последних войн и найти их первую праматерь, имя которой Несправедливость, и убить ее в ее гнездовье.

Мой добрый друг, подумай о происходящем вокруг. Вот сыновья героев 1914-1918 годов ложатся на кости своих отцов, не успевшие истлеть на полях сражений. Какие гарантии у тебя, что и твой голубоглазый мальчик, соскользнув с злодейского штыка, не упадет на кости деда?

Цивилизации гибнут, как и люди. Бездне нет предела. Помни,

потухают и звезды.

Мы, Россия, произнесли свое слово: Освобождение. Мы отдаем все, что имеем, делу победы. Еще не родилось искусство, чтобы соразмерно рассказать об отваге наших армий. Они отдают жизнь за самое главное, чему и ты себя считаешь другом.

Но... Amicus cognoscitur amore, more, ore, re{11}.

Я опускаю это письмо в почтовый ящик мира.

Дойдет ли оно?

Август 1942 года

Алексей Толстой

Упорство

Как может красноармейское сердце далее терпеть то, что немец наступает, а мы продолжаем отдавать ему нашу землю, наши города и села, обрекать наших детей, жен и матерей на жестокие муки и горькое посмешище нахальным немцам?

Нет этому оправдания, так поступать не годится!

Верховное гитлеровское командование торопится упредить неизбежные, страшные ему события этой осени. Оно пытается захватить как можно больше советской земли и воспользоваться не им посеянным хлебом на Дону и Кубани и этим еще раз подхлестнуть настроение у себя в тылу и на фронте; у Гитлера доверчивых дураков еще много, и вагоны с советской пшеницей несомненно вызовут взрыв торжества у людей с голодными болячками на губах.

Германский тыл смотрит на каждого своего солдата как на добытчика: он-то уже привоюет и хуторок с мельницей и пшеничным полем, и в Берлин пригонит рабынь - славянских девок, не пропустит ни куска сала, ни хвоста вяленой рыбки, аккуратно упакует для посылки своей Амалии одеяло с пуховой подушкой и казачьи суконные шаровары, и сдернет с казачки юбку и кофточку, и залезет в ее сундук, обтерев свою лапу от крови.

Немец идет на добычу. Немец упрямо прет: он понимает, что неотделимо связан с Гитлером и всей фашистской Германией общностью кровавого преступления, - он боится суда больше, чем смерти.

Германское командование намеревается вырваться к низовьям Волги и на Каспийское море, чтобы парализовать могучую водную артерию, питающую наш фронт и тылы нефтью и хлебом. И основная его задача - прорыв на Москву и на Баку.

О! Тогда Гитлер - король. Тогда немцам уже не понадобится зарывать свои танки, тогда их будут бросать на нас тысячами; тогда фашистские пикировщики с командами безусых белобрысых мальчишек, жадных до убийства ради убийства,

снова, как и в прошлом году, будут бомбить и жечь города и селенья, все, что попадет им в окуляр стереотрубы; будут гоняться за одиночной машиной, подстреливать из пулемета путника на дороге, девочку с лукошком грибов или четырнадцатилетнего кормильца в отцовском жилете ниже колен, пропахивающего картошку вместе с меньшим братишкой, который ведет лошадь по борозде.

Эти дети, их матери и сестры, жнущие пшеницу, бабушка, которая ковыляет с хворостиной за гусями, и дед, что пошел с пасеки за хлебом и кислым молоком, - все будут убиты немецкими пулями и бомбами, если сейчас и не позже, а в эти дни, сегодня, - каждый воин Красной Армии не скажет своей совести: "Стой! Ни шагу назад! Стой, русский человек, врасти ногами в родную землю".

Нацист, как злая собака, ощетинится и попятится, когда ему твердо взглянут в глаза.

Мало одной злобы, мало ненависти, мало жгучей томительной жажды отомстить врагу за все его кровавые дела. Упорство! Упорство всего Красного Флота, всех частей и всех родов оружия, всех воинов - от генерала до еще не обстрелянного красноармейца, встречающего гранатой набегающий танк, - вот обо что должна в кровь и смерть разбиться наступающая фашистская армия.

"Могучее, богатырское русское упорство в обороне и встречном бою, в контратаках и в наступлении, на земле и в воздухе" - вот знамя Красной Армии.

Преклоняя колена, целуем край нашего святого знамени, клянемся: не выдать земли русской, не отступать более ни на шаг. Отступать должны не мы, но враги наши. Нам же, как велел Суворов, всегда надлежит наступать. В этом -честь русского солдата.

Больше нельзя оглядываться на наши необъятные просторы и думать, что у нас еще много земли, куда можно попятиться, собираясь с силами. Силы собраны. На затылке глаз нет. Взор во взор - пусть немец опустит глаза, в которых ужасом мелькнет тень смерти. Русское упорство -против немецкого упорства. Немцев должно остановить. Перед силой русского оружия упадут фашистские знамена.

3 августа 1942 года

Константин Федин

Волга - Миссисипи

Я только что пролетел над Волгой на самолете.

Волга - моя родина. Каждое новое свидание с ней волнует меня, точно, ступив на ее берега, я попадаю в дом. И вот теперь я

увидел просторы этой необычайной реки с высоты облаков. Остатки бесчисленных озер на заливных лугах, песчаные островки перекатов, целые моря косматой зелени лесов, темные массивы Жигулевских гор. Богатство природы соединено на этих берегах с привольем и широтою поселений, человеческого жилья, с плаванием разновидных судов, с горячим шумом больших городов, с тишиною и задумчивостью рыбачьих становищ.

Волга в русской жизни - как небо и воздух. Мы дышим Волгой, мы любуемся ею. Мы поем о ней самые сердечные песни. Мы учим детей на ее преданиях.

Волга - родина удали, смелости, народной славы.

Волга - родина русских гениев и талантов.

С детства волжанин мечтает о своей реке как о самом прекрасном из всего, что ему дано на земле.

Когда я сидел на школьной скамье, в воображении моем, словно праздник, проплывали волжские пароходы, плоты, лодки, тянулись зеленые острова, сверкало серебро рыбьей чешуи, дышал аромат прибрежных колышащихся тальников. И это все жило обок со мною, я знал, что после уроков могу побежать на Волгу и потрогать все это своею рукой.

Я читал "Путешествие по Миссисипи" и видел себя маленьким героем Марка Твена на волжском пароходе. Американские матросы и капитаны превращались в моей фантазии в матросов и капитанов Волги, я узнавал их как товарищей и как учителей моей речной жизни, а вода Миссисипи сливалась с волжской в нераздельный поток, уносивший меня в страну заманчивую, как Америка, любимую, как Россия.

Далекий друг американец хорошо видит, что означает для нас Волга, потому что он обладает Миссисипи. Волга -наша мечта. Но Волга не только мечта. Это наше судоходство, наш лесной сплав, наша промышленность на огромных расстояниях, великий путь нашей нефти, наш хлеб на необозримых полях, наш дом - дом отцов, дом детей.

С высоты облаков гляжу на эти богатства, на свое достояние, и сердце мое теряет всегдашний бег до боли, какой я не испытывал никогда.

Представь себе, мой друг американец, в ста километрах от Миссисипи, на тридцать пятой параллели, где-то неподалеку от Мемфиса, лязгают танки Гитлера. Они рвутся вперед, к реке, которую воспел Марк Твен, которую воспевает народ Америки - капитаны и матросы, рыбаки и фермеры, -к твоей реке, о которой ты мечтал на школьной скамье. Танки Гитлера со дня на день угрожают перерезать Миссисипи. Нью-Орлеан становится германским городом. Луизиана и Техас вывешивают на своих

домах портреты покорителя Соединенных Штатов - Адольфа Гитлера. Мексиканский залив недосягаем для американцев.

Ровно ли бьется твое сердце, американец? Можешь ли ты еще произнести спокойно родное имя - Миссисипи?

Я уже не говорю спокойно - Волга. "Волга", - кричу я, и в ушах моих раздается - война! "Волга", - кричу я, и угрожающе отзывается мне лязг гитлеровских танков.

Бой на Дону - бой за Волгу. Бой за Волгу - бой за Миссисипи. Все ли ты сделал, чтобы защитить свою родную, свою чудесную реку, американец? Ты сделал не все, если еще не принял участия в боях за Волгу.

Мы отдаем драгоценнейшие силы, чтобы остановить лавину танков Гитлера, чтобы перебить ненавистных фашистских солдат, брошенных наперерез Волги.

Волгу отдавать нельзя. Мы ее не отдадим.

Но, дорогой друг американец, не забывай, что Волга -это Миссисипи и что Гитлер стоит где-то в ста километрах от нее. А для того, чтобы отстоять такие реки, как Волга и Миссисипи, нельзя терять времени.

6 августа 1942 года

Вера Инбер

Пальмовая ветвь, залитая кровью

"Моя шляпа и шпага, которые я купил перед отъездом в Стокгольм, также были унесены волной. Но благодаря богу я вышел живым из такой ужасной опасности..."

Что это? Начало романа XVIII века? Нет, это взято из письма шведского ботаника Иогана Петера Фалька к его учителю Линнею. Фальк описывает свое путешествие из Швеции в Петербург, где он впоследствии заведовал так называемым "Аптекарским огородом". Старинный аптекарский огород - это и было начало современного ботанического сада, гордостью Ленинграда. Тесная связь между Фальком и Линнеем не прекращалась. Они посылали друг другу письма и семена растений. Кто знает - не растут ли и сейчас в Упсале питомцы Ленинграда. И наоборот, проходя по аллеям нашего ботанического сада, не встречаю ли я там растений, уходящих своими корнями в Швецию, в ту самую Упсалу, где мне довелось побывать в 1934 году. Ленинградскому ботаническому саду 230 лет. Там есть деревья, посаженные еще царем Петром. Там есть, вернее была, пальма "Левистона Южная", подаренная Потемкину Екатериной Великой. Это высочайшая в Европе пальма и сама была великим деревом, для которого была выстроена специальная оранжерея. Все эти африканские, южноамериканские и китайские деревья были подлинные тропики, взращенные

человеческой заботой. Над этими райскими деревьями были не властны невские ветра и метели. Вечное лето царило здесь под стеклом. Целые поколения ученых-садоводов, ботаников и натуралистов отдали все свои силы этому саду. А потомки этих немцев в ледяную ноябрьскую ночь разрушили фугасными бомбами всю эту редчайшую красоту. От взрывов бомб вдребезги разлетелись все стекла теплиц. Стужа дохнула на дремлющие в теплоте тропики. И все пальмы, все папоротники, все орхидеи и лианы - все это погибло в несколько часов. В звоне падающих стекол, в грохоте и огненных вспышках, полубезумный от отчаяния, метался по оранжереям старейший работник ботанического сада Курнаков. Его изрезало стеклом, обожгло огнем. Он вздымал руки в высоту к "Левистоне Южной", как бы умоляя ее: живи! Но та качала царственной главой. К утру она была мертва.

"Это было, - так сказал нам Курнаков, - как если бы ледниковый период внезапно надвинулся на тропики".

И он был прав. Германский фашизм, подобно ледниковому периоду истории, обрушился на цветущую европейскую культуру. И воцарилась смерть. Жутко теперь в мертвых оранжереях. Пучки безжизненных листьев при порывах ветра издают печальный звон, подобный звону железных кладбищенских венков. Ласточки влетают в разбитый купол и исчезают, как будто стремясь как можно скорее уйти из этого царства запустения. Саговая пальма невысокая, но с могучим чешуйчатым стволом и перистыми листьями неслыханной пышности лежит, как мертвый страус, засыпанный собственными перьями. И только "Левистона Южная" вздымается колонной разрушенного храма.

"Понадобится двести лет, чтобы возродить все это", -говорит старый Курнаков. На лице у него белеет шрам от раны, полученной им в ту трагическую ночь. Запустение и тишина. И все же... не совсем. Круглая низкая оранжерея с резервуаром для воды, где произрастала знаменитая "Виктория Регия", уже возрождается к жизни. Вставлены выбитые стекла, резервуар снова наполнен водой. Плавучий термометр снова показывает нужную температуру. Мелодически капают где-то мерные капли. Теплый воздух навевает истому и маленькие, величиной с чайное блюдце, листья - внуки и правнуки погибшей "Виктории Регии" - плавают в воде. На одном из таких листов сидит кремовая бабочка. Старик Курнаков, озабоченно глядя вверх, говорит: "Как она сюда влетела? Очевидно, где-то еще не заделано стекло". Вокруг воды, на каменной ограде, стоят молоденькие пальмы. Мы узнаем, что это дети "Левистоны Южной". Не хочется уходить отсюда. Здесь снова зацветает вечно прекрасная жизнь. Но ее

судьба неизвестна. Счастье ее хрупкое. Если не бомбежкой с воздуха, то очередным, почти ни на один день не прекращающимся обстрелом все это может быть разрушено в одну ночь, в один час, в одну минуту. Европейская культура, ее многосотлетние сокровища в опасности. Одни уже погибли, другие под угрозой гибели. В Англии разрушены строения времен Шекспира. Погиб Руан - жемчужина французского средневековья. Вторично разрушен Реймский собор. Сожжена и разрушена Пулковская обсерватория в Ленинграде. Сожжены и разрушены дворцы под Ленинградом. Непоправимо повреждены деревья ленинградского ботанического сада. Кто может поручиться, что такая же участь не постигнет их братьев и сестер в Упсале? Символ мира - пальмовая ветвь - залита кровью. Это будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать германский фашизм, пока будет жить гитлеризм.

Дети наших растений и наши собственные дети находятся в смертельной опасности. Их подлинная жизнь начинается только после смерти гитлеровской Германии.

26 августа 1942 года

Илья Эренбург

Письмо чилийскому поэту Пабло Неруде

Дорогой Пабло Неруда!

Мы встретились в обреченной Испании. Мы расстались в обреченном Париже. Мы многое потеряли. Расставаясь, мы говорили о верности: мы сохранили веру. Я хочу теперь сказать Вам, что на русской земле идет грозная битва: за нас, за вас, за Париж, за Америку, за нашу любимицу Испанию, за гуманизм, за искусство, за жизнь. Я хочу Вам сказать, что мы сражаемся одни против страшной силы, что все народы и все люди должны услышать бурю над Волгой и вступить в бой.

Вы написали о страшном кровавом блюде Альмерии. Вы помните злосчастный день, когда немецкий корабль уничтожил мирный испанский город, убил рыбаков, женщин и детей. Тогда это было внове, мы негодовали. Теперь негодовать незачем. Теперь нужно одно: воевать. Альмерия для нас была трагедией. Для фашистов Альмерия была репетицией, примеркой, маневрами.

Я обращаюсь к Вам, Пабло Неруда, прекрасный поэт далекой Америки. Я обращаюсь к Вашим и к моим друзьям, к писателям Мексики и Чили, Аргентины и Бразилии, Уругвая и Кубы, Венесуэлы и Эквадора. Я обращаюсь к интеллигенции Латинской Америки. Я хочу сказать, что мы отстаиваем на Кавказе Анды, что мы боремся в России не только за нашу свободу - за свободу мира, что от исхода этих битв зависит ваша судьба.

Вы живы высокими традициями. Ваша культура не амальгама, но синтез. Для немецких расистов вы "помесь". Для нас вы носители большой, новой и самостоятельной цивилизации. Мы преклоняемся перед искусством древней Америки. Во всей Германии не сыщешь такого богатства, такого высокого искусства, как в одном из лесов Америки, где высятся реликвии инков или ацтеков. Вы взяли у бессмертной Испании самое прекрасное: ее культ человека, ее нежную суровость, ее скромную гордость, ее универсальность.

Вы отдалены от окровавленной Европы океаном. Волны могут грозить, они могут и убаюкивать. Вас убаюкивают волны океана. Вас убаюкивают волны радио. Вы можете проснуться слишком поздно. Слишком поздно проснулась Испания - из июля 1936 года. Слишком поздно проснулся Париж - 14 июня 1940 года. Колыбельные песни иногда страшнее сирен, которые теперь наполняют ночи Европы.

Одни вам говорят, что бой происходит за право России на советский строй, другие возражают, что бой идет за русскую землю, за русскую нефть. Может быть, некоторые из вас равнодушно просматривают телеграммы с чужими для вашего уха именами. У вас нет советского строя. У вас своя земля и своя нефть. Что вам эта война? Но бой идет не за наше право на советский строй. Вы знаете, Пабло Неруда, что во главе Франции стояли радикалы. Вы знаете, что Хираль и Асанья не были коммунистами. Вы знаете, что в Голландии была королева, а в Норвегии король. Бой идет не только за нашу нефть и нашу землю. Бой идет за нечто большее - за человека.

Немецкая цивилизация - это машина. Немцы хотят всех обкорнать на свой лад. Это автоматы, дикари, оснащенные великолепной техникой. Они возомнили себя избранной расой. Они хотят подчинить себе мир. Народы иных культур -латинской, славянской или англосаксонской - должны стать рабами немцев. Люди должны стать рабами машин. Немцы отрицают Возрождение, гуманизм, французских энциклопедистов, девятнадцатый век. Зачем им Леонардо да Винчи с его сложностью? У них конструктор Мессершмитт. Зачем им Сервантес, Кеведо, Гонгора, Мачадо, Дарио, Лорка? У них философия Розенберга, песни штурмовиков и много танков.

Недавно в селах близ Ржева, освобожденных от немцев, мы увидали на крестьянах деревянные бирки - такие бирки надевали прежде на скот. На бирках - название деревни и номер человека. Все русские в захваченных немцами областях обязаны носить такие бирки на шее. Фашисты хотят лишить человека даже имени: он становится номером. У них готовы бирки для всех. И

для американцев. Вас не спасет океан. Вас может спасти одно - мужество. Проснитесь до тревоги, после тревоги вы уже не сможете проснуться!

Сейчас на полях России идут суровые бои. Тем временем многие еще дремлют. Вы помните, Пабло Неруда, Париж за несколько месяцев до его гибели? Французы тогда шутили: "drole de guerre"{12}. Теперь французам не до смеха. Вы умнее нас на океан. Но фашисты умеют переплывать через моря. Если их не уничтожат теперь, они бросятся на Запад. Англия станет еще одной примеркой: за Англией последует Америка.

Дорогой друг, Пабло Неруда, Вы слышали запах коричневой смерти. Скажите Вашим друзьям, скажите Вашему народу, скажите всем народам Америки, что наступил двенадцатый час. Если Америка не пойдет походом на Германию, Германия пойдет походом на Америку.

Я пишу эти строки в раненой и опечаленной России. Горе посетило нашу землю. Молчат матери, потерявшие сыновей, молчат жены, потерявшие мужей, молчат развалины древних городов Киева, Новгорода, Пскова. Молчат вытоптанные нивы. Молчат музы. Молчат дети. Вы слышите это молчание? Слово принадлежит оружию. Если вы не будете воевать в Европе, война придет в Америку, в ваши города, к вашим детям. Я тороплю мужественных солдат. Я с жалостью отворачиваюсь от беспечных. Сейчас еще можно победить и жить. Может быть, завтра нам останется одно - и нам и вам: победив, умереть?

15 сентября 1942 года

В течение 21 сентября наши войска вели ожесточенные бои с противником в районе Сталинграда и в районе Моздока. На других фронтах никаких изменений не произошло.

Из сообщения Совинформбюро

21 сентября 1942 г.

Петр Павленко

Битва за Сталинград

Сражение, развернувшееся под Сталинградом, самое ожесточенное из всех, имевших место за время войны. Это наиболее жестокое по характеру, сложное по маневренности и наиболее многолюдное сражение с таким количеством техники, которого не знала еще никакая другая операция. Авиация "висит" над полем боя сотнями и сотнями машин ежечасно в течение всего боя. Ночь не представляет исключения, потому что на смену истребителям в воздух поднимаются ночные бомбардировщики. Город подвергается непрерывным атакам с воздуха в течение круглых суток, причем сплошь и рядом к бомбежке присоединяется еще и артиллерийский обстрел. Наземные бои

тоже не затихают. Они только меняют свой характер. Ночь - время маневров, разведок, неожиданных фланговых ударов. Именно ночью оживают дороги. Подходят пополнения и боеприпасы, вывозятся раненые, в частях спешно ведется перегруппировка.

Обстановка в районе Сталинграда приняла за последние дни напряженный характер.

Северо-западная окраина города стала ареной кровавых схваток, и полем сражения является каждый переулок, каждый дом.

В предместьях города идут кровавые рукопашные бои. Здесь главным образом развертываются штыковые, пулеметные схватки, а также бои гранатами. Часто первый этаж здания занят немцами, но красноармейцы держат второй и третий этажи. Вскрываются полы, пробиваются бреши в стенах и потолках. Схватки проходят по квартирам и коридорам.

Немцы рвутся к Сталинграду любой ценой. Непрерывностью своих атак германское командование стремится измотать силы обороняющихся. Но стойкость их необычайна.

Еще ни разу за эту войну не сражались наши войска с такой отвагой, с таким бесстрашием, с таким презрением к опасности.

Героический эпос Севастополя и Ленинграда повторяется здесь в новых и подчас более кровавых вариантах.

Мы отошли к Сталинграду не оттого, что нам легко сражаться. Наши войска знают, каково значение Сталинграда и Волги в жизни страны. Сталинград нам особенно дорог. Но нам приходится трудно. Немцы несут поистине страшные потери, но не малы и наши.

И мы теряем довольно значительно в людях и технике. Этот район борьбы труден для нас, кроме того, и в отношении коммуникаций. Он не совсем удобен и в отношении рельефа. И, однако, ни у одного из бойцов, сражающихся за Сталинград, не возникает мысли об уступке города, об отходе.

Мы хотим победы. И сейчас мы думаем о ней еще более напряженно, чем две, чем три недели назад.

Нам трудно потому, что мы одни. Это ясно каждому. Бойцам нелегко разобраться в тонкостях стратегии выжидания союзников, но как воины, они видят, что стратегия пассивного выжидания - это стратегия отдаления победы. Между тем, нет более удобного и выгодного момента для нанесения удара на западе, ибо к Сталинграду стянуто немецким командованием все, что есть у него в тылах.

Силы противника напряжены до крайности. Это видно по пленным. Они засыпают на ходу. Они изможднены, измотаны, они, несмотря на успехи, настроены далеко не оптимистически. Их

психологическое состояние близко к истерии. В такой момент малейшее изменение обстановки к худшему превращает людей в панически бегущее стадо.

Настроение защитников Сталинграда не может быть даже сравнимо с самочувствием немецкого солдата, хотя им приходится трудно, очень трудно, невыносимо трудно.

Окрепло умение сражаться. Выросло искусство ближнего боя, в котором наш красноармеец, впрочем, всегда был сильнее немца. Техника борьбы с танками стала гораздо более действенной и эффективной. Битва за Сталинград -одно из самых крупных и массовых сражений этой войны, сражений сложных, включающих и маневренные операции, и оборону, и уличные рукопашные бои. Такого сражения еще не было ни по размаху, ни по кровопролитию, ни, наконец, по железной стойкости обороняющихся.

21 сентябри 1942 года

Василий Гроссман

Направление главного удара

Ночью сибирские полки дивизии полковника Гуртьева заняли оборону. Всегда суров и строг вид завода, но можно ли найти в мире картину суровее той, что увидали люди дивизии в октябрьское утро 1942 года? Темные громады цехов, поблескивающие влагой рельсы, уже кое-где тронутые следами окиси, нагромождение разбитых товарных вагонов, горы стальных стволов, в беспорядке валяющиеся по обширному, как главная площадь столицы, заводскому двору, холмы красного шлака, уголь, могучие заводские трубы, во многих местах пробитые немецкими снарядами.

На асфальтированной площадке темнели ямы, вырытые авиационными бомбами, всюду валялись стальные осколки, изорванные силой взрыва, словно тонкие лоскуты ситца. Дивизии предстояло стать перед этим заводом и стоять насмерть. За спиной была холодная, темная Волга. Ночью саперы взламывали асфальт и в каменистой почве выдалбливали кирками окопы, в мощных стенах цехов прорубали боевые амбразуры, в подвалах разрушенных зданий устраивали убежища. Полки Маркелова и Михалева обороняли завод. Один из командных пунктов был устроен в бетонированном канале, проходившем под зданиями главных цехов. Полк Сергеенко оборонял район глубокой балки, шедшей через заводские поселки к Волге. "Логом смерти" называли ее бойцы и командиры полка. Да, за спиной была ледяная, темная Волга, за спиной была судьба России. Дивизии предстояло стоять насмерть. Прошлая мировая война стоила России больших жертв и большой крови, но в первой мировой

войне черная сила противника делилась между западным фронтом и восточным. В нынешней войне Россия приняла всю тяжесть удара германского нашествия. В 1941 году германские полки двигались от моря до моря. В нынешнем, 1942 году немцы всю силу своего удара сконцентрировали в юго-восточном направлении. То, что в первую войну распределялось на два фронта великих держав, что в прошлом году давило на Россию, на одну лишь Россию фронтом в три тысячи километров, нынешним летом и нынешней осенью тяжким молотом обрушилось на Сталинград и Кавказ. Но, мало того, здесь, в Сталинграде, немцы вновь заострили свое наступательное давление. Они стабилизировали свои усилия в южных и центральных частях города. Всю огневую тяжесть бесчисленных минометных батарей, тысячи орудий и воздушных корпусов обрушили немцы на северную часть города, на стоящий в центре промышленного района завод "Баррикады". Немцы полагали, что человеческая порода не в состоянии выдержать такого напряжения, что нет на земле таких сердец, таких нервов, которые не порвались бы в диком аду огня, визжащего металла, сотрясаемой земли и обезумевшего воздуха. Здесь был собран весь дьявольский арсенал германского милитаризма - тяжелые и огнеметные танки, шестиствольные минометы, армады пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными, фугасными бомбами. Здесь автоматчиков снабдили разрывными пулями, артиллеристов и минометчиков - термитными снарядами. Здесь была собрана германская артиллерия от малых калибров противотанковых полуавтоматов до тяжелых дальнобойных пушек. Здесь бросали мины, похожие на безобидные зеленые и красные мячики, и воздушные торпеды, вырывающие ямы объемом в двухэтажный дом. Здесь ночью было светло от пожаров и ракет, здесь днем было темно от дыма горящих зданий и дымовых шашек германских маскировщиков. Здесь грохот был плотен, как земля, а короткие минуты тишины казались страшней и зловещей грохота битвы. И если мир склоняет головы перед героизмом русских армий, если русские армии с восхищением говорят о защитниках Сталинграда, то уже здесь, в самом Сталинграде, бойцы Шумилова с почтительным уважением произносят.

- Ну, что мы? Вот люди: держат заводы. Страшно и удивительно смотреть: день и ночь висит над ними туча огня, дыма, немецких пикировщиков, а Чуйков стоит.

Грозные эти слова для военного человека: направление главного удара жестокие, страшные слова. Нет слов страшнее на войне, и, конечно, не случайно, что в хмурое осеннее утро заняла

оборону у завода сибирская дивизия полковника Гуртьева. Сибиряки - народ коренастый, строгий, привыкший к холоду и лишениям, молчаливый, любящий порядок и дисциплину, резкий на слова. Сибиряки - народ надежный, кряжистый. Они-то в суровом молчании били кирками каменистую землю, рубили амбразуры в стенах цехов, устраивали блиндажи, окопы, ходы сообщения, готовя смертную оборону.

Полковник Гуртьев, сухощавый пятидесятилетний человек, в 1914 году ушел со второго курса Петербургского политехнического института добровольцем на русско-германскую войну. Он был тогда артиллеристом, воевал с немцами под Варшавой, под Барановичами, Чарторийском.

Двадцать восемь лет своей жизни посвятил полковник военному делу, воевал и учил командиров. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка. И в этот торжественный и грозный день полковник вспомнил и сыновей-лейтенантов, и дочь, и жену, и много десятков воспитанных им молодых командиров, и всю свою долгую, полную труда, спартански скромную жизнь. Да, пришел час, когда все принципы военной науки, морали, долга, которые он с суровым постоянством преподавал сыновьям своим, ученикам, сослуживцам, должны были получить проверку, и с волнением поглядывал полковник на лица солдат-сибиряков: омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев - тех, с кем сулила ему судьба отражать удары врага. Сибиряки пришли к великим рубежам хорошо подготовленными. Дивизия прошла большую школу, прежде чем выступить на фронт. Тщательно и умно, беспощадно придирчиво учил бойцов полковник Гуртьев. Он знал, что, сколь ни тяжела военная учеба - ночные учебные штурмы, утюжение танками сидящих в щелях бойцов, долгие марши, - все же во много крат тяжелее и суровее сама война. Он верил в стойкость, в силу сибирских полков. Он проверил ее в дороге, когда весь долгий путь было лишь одно чрезвычайное происшествие: боец уронил на ходу поезда винтовку, соскочил, поднял винтовку и три километра бежал до станции, чтобы догнать идущий к фронту эшелон. Он проверил стойкость полков в сталинградской степи, где необстрелянные люди спокойно отразили внезапную атаку тридцати немецких танков. Он проверил выносливость сибиряков во время последнего марша к Сталинграду, когда люди за двое суток покрыли расстояние в двести километров. И все же с волнением поглядывал полковник на лица бойцов, вышедших на главный рубеж, на направление главного удара.

Гуртьев верил в своих командиров. Молодой, не знающий

устали, начальник штаба полковник Тарасов мог дни и ночи сидеть в сотрясаемом взрывами блиндаже над картами, планировать сложный бой. Его прямота и беспощадность суждений, его привычка смотреть жизни прямо в глаза и искать военную правду, как бы горька она ни была, зиждились на железной вере. В этом небольшом сухощавом молодом человеке с лицом, речью и руками крестьянина жила неукротимая сила мысли и духа. Заместитель командира дивизии по политической части Свирин обладал крепкой волей, острой мыслью, аскетической скромностью, он умел оставаться спокойным, веселым и улыбаться там, где забывал об улыбке самый спокойный и жизнерадостный человек. Командиры полков Маркелов, Михалев и Чамов были гордостью полковника, он верил им как самому себе. О спокойной храбрости Чамова, о несгибаемой воле Маркелова, о замечательных душевных качествах Михалева, любимца полка, по-отечески заботливого к подчиненным, мягкого и "симпатичнейшего человека", не знающего, что такое страх, все в дивизии говорили с любовью и восхищением, - и все же с волнением глядел на лица своих командиров полковник Гуртьев, ибо он знал, что такое направление главного удара, что значит держать великий рубеж сталинградской обороны. "Выдержат ли, выстоят ли?" - думал полковник.

Едва дивизия успела закопаться в каменистую почву Сталинграда, едва управление дивизии ушло в глубокую штольню, выдолбленную в песчаной скале над Волгой, едва протянулась проволочная связь и застучали радиопередатчики, связывающие командные пункты с занявшей в Заволжье огневые позиции артиллерией, едва мрак ночи сменился рассветом, как немцы открыли огонь. Восемь часов подряд пикировали "Юнкерсы-87" на оборону дивизии, восемь часов, без единой минуты перерыва, шли, волна за волной, немецкие самолеты, восемь часов выли сирены, свистели бомбы, сотрясалась земля, рушились остатки кирпичных зданий, восемь часов в воздухе стояли клубы дыма и пыли, смертно выли осколки. Тот, кто слышал вопль воздуха, раскаленного авиационной бомбой, тот, кто пережил напряжение стремительного десятиминутного налета немецкой авиации, тот поймет, что такое восемь часов интенсивной воздушной бомбежки пикирующих бомбардировщиков. Восемь часов сибиряки били всем своим оружием по немецким самолетам, и, вероятно, чувство, похожее на отчаяние, овладевало немцами, когда эта горящая, окутанная черной пылью и дымом заводская земля упрямо трещала винтовочными залпами, рокотала пулеметными очередями,

короткими ударами противотанковых ружей и мерной злой стрельбой зениток. Казалось, все живое должно быть сломлено, уничтожено, а сибирская дивизия, закопавшись в землю, не согнулась, не сломалась, а вела огонь - упрямая, бессмертная. Немцы ввели в действие тяжелые полковые минометы и артиллерию. Нудное шипение мин и вой снарядов присоединились к свисту сирен и грохоту рвущихся авиационных бомб. Так продолжалось до ночи. В печальном и строгом молчании хоронили красноармейцы своих погибших товарищей. Это был первый день - новоселье. Всю ночь не умолкали немецкие артиллерийские минометные батареи, и мало кто спал в эту ночь.

Этой ночью на командном пункте полковник Гуртьев встретил двух своих старых друзей, которых не видел больше двадцати лет. Люди, расставшиеся молодыми, неженатыми, встретились уже седыми, морщинистыми. Двое из них командовали дивизиями, третий - танковой бригадой. Они обнялись, и все вокруг: начальники их штабов и адъютанты, и майоры из оперативного отдела увидели слезы на глазах седых людей.

"Какая судьба, какая судьба!" - говорили они. И в самом деле: что-то величественное и трогательное было во встрече друзей юности в грозный час, среди пылавших заводских корпусов и развалин Сталинграда. Видно, правильной дорогой шли они, если встретились вновь при выполнении высокого и тяжелого долга.

Всю ночь грохотала немецкая артиллерия, и, едва взошло солнце над вспаханной немецким железом землей, появилось сорок пикировщиков, и снова завыли сирены, и снова черное облако пыли и дыма поднялось над заводом, закрыло землю, цеха, разбитые вагоны, и даже высокие заводские трубы потонули в черном тумане. В это утро полк Маркелова вышел из укрытий, убежищ, окопов, он покинул бетонные и каменные норы и перешел в наступление. Батальоны шли вперед через горы шлака, через развалины домов, мимо гранитного здания заводской конторы, через рельсовые пути, через садик городского предместья. Они шли мимо тысяч безобразных ям, вырытых бомбами, и над головами людей был весь ад немецкой воздушной армии. Железный ветер бил в лицо, и они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?

Да, они были смертны. Полк Маркелова прошел километр, занял новые позиции, закрепился на них. Только здесь знают, что такое километр. Это тысяча метров, это сто тысяч сантиметров. Ночью немцы атаковали полк во много раз превосходящими силами. Шли батальоны немецкой пехоты, шли тяжелые танки, и

пулеметы заливали позиции полка железом. Пьяные автоматчики лезли с упорством лунатиков. О том, как сражался полк Маркелова, расскажут мертвые тела бойцов, расскажут друзья, слышавшие, как в ночь и на следующий день, и снова в ночь рокотали русские пулеметы, раздавались взрывы русских гранат. Повесть об этом бое расскажут развороченные и сожженные немецкие танки и длинные вереницы крестов с немецкими касками, выстроившиеся повзводно, поротно, побатальонно...

Да, они были простыми смертными, и мало кто уцелел из них, но они сделали свое дело.

На третий день немецкие самолеты висели над дивизией уже не восемь, а двенадцать часов. Они оставались в воздухе после заката солнца, и из высокой тьмы ночного неба возникали воющие голоса сирен "юнкерсов", и, как тяжелые и частые удары молота, обрушивались на полыхавшую дымным красным пламенем землю фугасные бомбы. С утренней зари до вечерней били по дивизии немецкие пушки и минометы. Сто артиллерийских полков работало на немцев в районе Сталинграда. Иногда они устраивали огневые налеты, по ночам они вели изматывающий методический огонь. Вместе с ними работали минометные батареи. Это было направление главного удара.

По нескольку раз в день вдруг замолкали немецкие пушки, минометы, вдруг исчезала давящая сила пикировщиков. Наступала необычайная тишина. Тогда наблюдатели кричали: "Внимание!" - и боевое охранение бралось за бутылки горючей жидкости, бронебойщики раскрывали брезентовые сумки с патронами, автоматчики обтирали ладонью свои ППШ, гранатометчики ближе подвигали ящики гранат. Эта короткая, минутная тишина не означала отдыха. Она предшествовала атаке.

Вскоре лязг сотен гусениц, низкое гудение моторов оповещали о движении танков, и лейтенант кричал:

- Товарищи, внимание! Слева просачиваются автоматчики.

Иногда немцы подходили на расстояние тридцати-сорока метров, и сибиряки видели их грязные лица, порванные шинели, слышали картавые выкрики, угрозы, насмешки, а после того как немцы откатывались, на дивизию с новой яростью обрушивались пикировщики и огневые валы артиллерии и минометов. В отражении немецких атак великую заслугу имела наша артиллерия. Командир артиллерийского полка Фугенфиров, командиры дивизионов и батарей находились вместе с батальонами, ротами дивизии на передовой. Радио связывало их с огневыми позициями, и десятки мощных дальнобойных орудий на левом берегу жили одним дыханием, одной тревогой, одной

бедой и одной радостью с пехотой. Артиллерия делала десятки замечательных вещей: она прикрывала стальным плащом пехотные позиции, она корежила, как картон, сверхтяжелые немецкие танки, с которыми не могли справиться бронебойщики, она, словно меч, отсекала автоматчиков, лепившихся к броне танков, она обрушивалась то на боевую площадь, то на тайные места сосредоточения, она взрывала склады и поднимала на воздух немецкие минометные батареи. Нигде за время войны пехота так не чувствовала дружбу и великую помощь артиллерии, как в Сталинграде.

В течение месяца немцы произвели сто семнадцать атак на полки сибирской дивизии.

Был один страшный день, когда немецкие танки и пехота двадцать три раза ходили в атаку. И эти двадцать три атаки были отбиты. В течение месяца каждый день, за исключением трех, немецкая авиация висела над дивизией десять-двенадцать часов. Всего за месяц триста двадцать часов. Оперативное отделение подсчитало астрономическое количество бомб, сброшенных немцами на дивизию. Это -цифра с четырьмя нолями. Такой же цифрой определяется количество немецких самолето-налетов. Все это происходило на фронте длиной около полутора-двух километров. Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и металлом можно было сжечь и уничтожить государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они полагали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов. Но удивительное дело: люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильней и спокойней. Молчаливый, кряжистый сибирский народ стал еще суровей, еще молчаливей, ввалились у красноармейцев щеки, мрачно смотрели глаза. Здесь, на направлении главного удара германских сил, не слышно было в короткие минуты отдыха ни песни, ни гармоники, ни веселого легкого слова. Здесь люди выдерживали сверхчеловеческое напряжение. Бывали периоды, когда они не спали по трое, четверо суток кряду, и командир дивизии, седой полковник Гуртьев, разговаривая с красноармейцами, с болью услышал слова бойца, тихо сказавшего:

- Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеб - девятьсот граммов, и горячую пищу непременно два раза в день приносят в термосах, да не кушается.

Гуртьев любил и уважал своих людей, и знал он - когда солдату "не кушается", то уже крепко, по-настоящему тяжело ему. Но теперь Гуртьев был спокоен. Он понял: нет на свете силы, которая могла бы сдвинуть с места сибирские полки. Великим и

жестоким опытом обогатились красноармейцы и командиры за время боев. Еще прочней и совершенней стала оборона. Перед заводскими цехами выросли сложные переплетения саперных сооружений блиндажи, ходы сообщения, стрелковые ячейки; инженерная оборона была вынесена далеко вперед, перед цехами. Люди научились быстро и слаженно производить подземные маневры, сосредоточиваться, рассыпаться, переходить из цеха в окопы ходами сообщения и обратно, в зависимости от того, куда обрушивала свои удары авиация противника, в зависимости от того, откуда появлялись танки и пехота атакующих немцев. Были сооружены подземные "усы", "щупальца", по которым истребители подбирались к тяжелым немецким танкам, останавливающимся в ста метрах от здания цехов. Саперы минировали все подходы к заводу. Мины приходилось подносить на руках, по две штуки, держа их под мышками, как хлебы. Этот путь от берега к заводу шел на протяжении шести-восьми километров и полностью простреливался немцами. Само минирование производилось в глубоком мраке, в предрассветные часы, часто на расстоянии тридцати метров от фашистских позиций. Так было заложено около двух тысяч мин под бревна разнесенных бомбежкой домиков, под кучи камней, в ямки, вырытые снарядами и минами. Люди научились защищать большие дома, создавая плотный огонь от первого этажа до пятого, устраивали изумительно тонко замаскированные наблюдательные пункты перед самым носом у неприятеля, использовали в обороне ямы, вырытые тяжелыми бомбами, всю сложную систему подземных заводских газопроводов, маслопроводов, водопроводов. С каждым днем совершенствовалась связь между пехотой и артиллерией, и иногда казалось, что Волга не отделяет пушек от полков, что глазастые пушки, мгновенно реагирующие на каждое движение врага, находятся рядом со взводами, с командными пунктами.

Вместе с опытом росла внутренняя закалка людей. Дивизия превратилась в совершенный, на диво слаженный единый организм. Люди дивизии не чувствовали, сами не понимали, не могли ощутить тех психологических изменений, которые произошли в них за месяц пребывания в аду, на переднем крае обороны великого сталинградского рубежа. Им казалось, что они те же, какими были всегда: они в свободную тихую минуту мылись в подземных банях, им так же приносили горячую пищу в термосах, и заросшие бородами Макаревич и Карнаухов, похожие на мирных сельских почтарей, приносили под огнем на передовую в своих кожаных сумках газеты и письма из далеких омских, тюменских, тобольских, красноярских деревень. Они вспоминали о своих плотницких, кузнечных, крестьянских делах.

Они насмешливо звали шестиствольный немецкий миномет "дурилой", а пикирующие бомбардировщики с сиренами -"скрипунами" и "музыкантами". На крики немецких автоматчиков, грозивших им из развалин соседних зданий и кричавших: "Эй, рус, буль-буль, сдавайся", они усмехались и меж собой говорили: "Что это немец все гнилую воду пьет или не хочет волжской?" Им казалось, что они те же, и только вновь приезжавшие с лугового берега с почтительным изумлением смотрели на них, уже не ведавших страха людей, для которых не было больше слов "жизнь" и "смерть". Только глаза со стороны могли оценить всю железную силу сибиряков, державших смертную оборону, их равнодушие к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжкий жребий.

Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем. Героизм был в работе поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку. Великий героизм был в работе девушек-санитарок, тобольских школьниц - Тони Егоровой, Зои Калгановой, Веры Каляды, Нади Кастериной, Лели Новиковой и многих их подруг, перевязывавших и поивших водой раненых в разгаре боя. Да, если посмотреть глазами со стороны, то героизм был в каждом будничном движении людей дивизии: и в том, как командир взвода связи Хамицкий, мирно сидя на пригорке перед блиндажом, читал "беллетристику", в то время как десяток немецких пикировщиков с ревом бодали землю, и в том, как офицер связи Батраков, аккуратно протирая очки, вкладывал в полевую сумку донесения и отправлялся в двадцатикилометровый путь по "логу смерти" с таким будничным спокойствием, словно речь шла о привычной воскресной прогулке, и в том, как автоматчик Колосов, засыпанный в блиндаже разрывом по самую шею землей и обломками досок, повернул к заместителю командира Свирину лицо и рассмеялся, и в том, как машинистка штаба, краснощекая толстуха, сибирячка Клава Копылова, начала печатать в блиндаже боевой приказ и была засыпана, откопана, перешла печатать во второй блиндаж, снова была засыпана, снова откопана и все же допечатала приказ в третьем блиндаже и принесла его командиру дивизии на подпись.

Вот такие люди стояли на направлении главного удара.

Об их несгибаемом упорстве больше всего знают сами немцы. Ночью в блиндаж к Свирину привели пленного. Руки и лицо его, поросшие седой щетиной, были совершенно чернью от грязи, превратившийся в тряпку шерстяной шарф прикрывал шею. Это был немец из пробивных отборных частей немецкой армии,

участник всех походов, член нацистской партии. После обычных вопросов пленному перевели вопрос Свирина: "Как расценивают немцы сопротивление в районе завода?" Пленный стоял, прислонившись плечом к каменной стене блиндажа. "О!" - сказал он и вдруг разрыдался.

Да, настоящие люди стояли на направлении главного удара, их нервы и сердца выдержали.

К концу второй декады немцы предприняли решительный штурм завода. Такой подготовки к атаке не знал мир. Восемьдесят часов подряд работала авиация, тяжелые минометы и артиллерия. Три дня и три ночи превратились в хаос дыма, огня и грохота. Шипение бомб, скрипящий рев мин из шестиствольных "дурил", гул тяжелых снарядов, протяжный визг сирен одни могли оглушить людей, но они лишь предшествовали грому разрывов. Рваное пламя взрывов полыхало в воздухе, вой истерзанного металла пронизывал пространство. Так было восемьдесят часов. Затем подготовка кончилась, и сразу же в пять утра в атаку перешли тяжелые и средние танки, пьяные орды автоматчиков, пехотные немецкие полки. Немцам удалось ворваться в завод, их танки ревели у стен цехов, они рассекали нашу оборону, отрезали командные пункты дивизии и полков от переднего края обороны. Казалось, что лишенная управления дивизия потеряет способность к сопротивлению, что командные пункты, попавшие под непосредственный удар противника, обречены уничтожению, но произошла поразительная вещь: каждая траншея, каждый блиндаж, каждая стрелковая ячейка и укрепленные руины домов превратились в крепости со своими управлениями, со своей связью. Сержанты и рядовые красноармейцы стали командирами, смело и мудро отражавшими атаки. И вот в горький и тяжелый час командиры, штабные работники превратили командные пункты в укрепления и сами, как рядовые, отражали атаки врага. Десять атак отбил Чамов. Огромный рыжий командир танка, оборонявший командный пункт Чамова, расстреляв все снаряды и патроны, соскочил на землю и стал камнями бить подошедших автоматчиков. Командир полка сам стрелял из миномета. Любимец дивизии, командир полка Михалев, погиб от прямого попадания бомбы в командный пункт. "Убило нашего отца", - говорили красноармейцы. Сменивший Михалева майор Кушнарев перенес свой командный пункт в бетонированную трубу, проходящую под заводскими цехами. Несколько часов вели бой у входа в эту трубу Кушнарев, его начальник штаба Дятленко и шесть человек командиров. У них имелось несколько ящиков гранат, и этими гранатами они отбили все атаки немецких автоматчиков.

Этот невиданный по ожесточенности бой длился, не переставая, несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цеха, он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода. Ни один человек не отступал в этом бою. И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев. Все дрались так, как рыжий великан-танкист, фамилии которого так и не узнал Чамов, как сапер Косиченко, выдергивавший чеку из гранаты зубами, так как у него была перебита левая рука. Погибшие словно передали силу оставшимся в живых, и бывали такие минуты, когда десять активных штыков успешно держали оборону, занимаемую батальоном. Много раз переходили заводские цеха от сибиряков к немцам, и снова сибиряки захватывали их. В этом бою немцам удалось занять ряд зданий и заводских цехов. В этом бою немцы достигли максимального напряжения атак. Это был самый высокий потенциал их удара на главном направлении. Словно подняв непомерную тяжесть, они надорвали какие-то внутренние пружины, приводившие в действие их пробивной таран.

Кривая немецкого напора начала падать. Три немецкие дивизии - 94, 305, 389-я - дрались против сибиряков. Пяти тысяч немецких жизней стоили сто семнадцать пехотных атак. Сибиряки выдержали это сверхчеловеческое напряжение. Две тысячи тонн превращенного в лом танкового металла легло перед заводом. Тысячи тонн снарядов, мин, авиабомб упали на заводской двор, на цеха, но дивизия выдержала напор. Она не сошла со смертного рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны.

Невольно думаешь о том, как выковывалась эта великая стойкость. Тут сказался и народный характер, и высокое сознание великой ответственности, и угрюмое, кряжистое сибирское упорство, и отличная военная и политическая подготовка, и суровая дисциплина. Но мне хочется сказать еще об одной черте, сыгравшей немалую роль в этой великой и трагической эпопее, - об удивительной целомудренной морали, о крепкой любви, связывавшей всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойствен всему командному составу дивизии. Он сказывается и в бытовых мелочах, и в отказе от положенных законом ста граммов водки во все время сталинградских боев, и в разумной, нешумливой деловитости. Любовь, связывающую людей дивизии, я увидел в той скорби, с которой говорят о погибших товарищах. Я услышал ее в словах красноармейца из полка Михалева, ответившего на вопрос: "Как живется вам?" - "Эх,

как живется, - остались мы без отца".

Я увидел ее в трогательной встрече седого полковника Гуртьева с вернувшейся после второго ранения батальонной санитаркой Зоей Калгановой. "Здравствуйте, дорогая девочка моя", - тихо сказал Гуртьев и быстро, с протянутыми руками, пошел навстречу худой стриженой девушке. Так лишь отец может встречать свою родную дочь. Эта любовь и вера друг в друга помогали в страшном бою красноармейцам становиться на место командиров, помогали командирам и работникам штаба браться за пулемет, ручную гранату, бутылку с горючей жидкостью, чтобы отражать немецкие танки, вышедшие к командным пунктам.

Жены и дети никогда не забудут своих мужей и отцов, павших на великом волжском рубеже. Этих хороших, верных людей нельзя забыть. Наша Красная Армия может лишь одним достойным способом почтить святую память павших на направлении главного удара противника - освободительным, не знающим преград наступлением. Мы верим, что час этого наступления близок.

Константин Симонов

Дни и ночи

Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово "война", то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжелый бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое громыхание перегоревшего кровельного железа.

Немцы осаждают Сталинград. Но когда здесь говорят "Сталинград", то под этим словом понимают не центр города, не Ленинскую улицу и даже не его окраины, - под этим понимают всю огромную, шестидесятипятикилометровую полосу вдоль Волги, весь город с его предместьями, с заводскими площадками, с рабочими городками. Это -много городков, создавших один город, который опоясал собой целую излучину Волги. Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волжских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет легких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков. Теперь это город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город-солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастионов, с камнями героических развалин.

И Волга под Сталинградом - это не та Волга, которую мы видели когда-то, с глубокой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами сосновых плотов, с караванами барж. Ее набережные

изрыты воронками, в ее воду падают бомбы, поднимая тяжелые водяные столбы. Взад и вперед через нее идут к осажденному городу грузные паромы и легкие лодки. Над ней бряцает оружие, и окровавленные бинты раненых видны над темной водой.

Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогающейся землей. В городе давно уже нет безопасных мест, но за эти дни осады здесь привыкли к отсутствию безопасности. В городе пожары. Многих улиц уже не существует. Еще оставшиеся в городе женщины и дети ютятся в подвалах, роют пещеры в спускающихся к Волге оврагах. Уже месяц штурмуют немцы город, уже месяц хотят овладеть им во что бы то ни стало. На улицах валяются обломки сбитых бомбардировщиков, в воздухе рвутся снаряды зениток, но бомбежка не прекращается ни на час. Осаждающие стараются сделать из этого города ад.

Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой и земля содрогается под ногами. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных фашистами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить сражаясь - так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.

Вечер. Мы стоим на окраине. Впереди расстилается поле боя. Дымящиеся холмы, горящие улицы. Как всегда на юге, начинает быстро темнеть. Все заволакивается иссиня-черной дымкой, которую разрывают огненные стрелы гвардейских минометных батарей. Обозначая передний край, по огромному кольцу взлетают в небо белые сигнальные немецкие ракеты. Ночь не прерывает боя. Тяжелый грохот: немецкие бомбардировщики опять обрушили бомбы на город за нашей спиной. Гул самолетов минуту назад прошел над нашими головами с запада на восток, теперь он слышен с востока на запад. На запад прошли наши. Вот они развесили над немецкими позициями цепь желтых светящихся "фонарей", и разрывы бомб ложатся на освещенную ими землю.

Четверть часа относительной тишины - относительной потому, что все время продолжает слышаться глухая канонада на севере и юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называют тишиной, потому что другой тишины здесь уже давно нет, а что:нибудь надо же называть тишиной!

В такие минуты разом вспоминаются все картины, прошедшие перед тобой за эти дни и ночи, лица людей, то усталые, то разгоряченные, их бессонные яростные глаза.

Мы переправлялись через Волгу вечером. Пятна пожаров становились уже совсем красными на черном вечернем небе. Самоходный паром, на котором мы переезжали, был перегружен: на нем было пять машин с боеприпасами, рота красноармейцев, несколько девушек из медсанбата. Паром шел под прикрытием дымовых завес, но переправа казалась все-таки долгой. Рядом со мной на краю парома сидела двадцатилетняя военфельдшер девушка-украинка по фамилии Щепеня, с причудливым именем Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз.

Здесь, в осаде, обычные правила эвакуации раненых изменились: санитарные учреждения уже негде было размещать в этом горящем городе; фельдшеры и санитарки, собрав раненых, прямо с передовых сами везли их через город, погружали на лодки, на паромы, а перевезя на ту сторону, возвращались обратно за новыми ранеными, ждавшими их помощи. Виктория и мой спутник, редактор "Красной звезды" Вадимов, оказались земляками. Половину пути они оба наперебой вспоминали Днепропетровск, свой родной город, и чувствовалось, что в сердцах своих они не отдали его немцам и никогда не отдадут, что этот город, что бы ни случилось, есть и всегда будет их городом.

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

- А все-таки каждый раз немножко страшно выходить, - вдруг сказала Виктория. - Вот меня уже два раза ранили, один раз тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял, что это правда: очень страшно в двадцать лет быть уже два раза раненной, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди - вся жизнь, любовь, может быть, даже первый поцелуй, кто знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через пятнадцать минут она пройдет среди горящих домов и где-то на одной из окраинных улиц, среди развалин, под жужжание осколков, будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда, в шестой раз.

Вот уже пристань, крутой подъем в гору и этот страшный запах спаленного жилья. Небо черное, но остовы домов еще черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломленные

стены врезаются в небо, и, когда далекая вспышка бомбы делает небо на минуту красным, развалины домов кажутся зубцами крепости.

Да это и есть крепость. В одном подземелье работает штаб. Здесь, под землей, обычная штабная сутолока. Выстукивают свои точки и тире бледные от бессонницы телеграфистки и, запыленные, запорошенные, как снегом, обвалившейся штукатуркой, проходят торопливым шагом офицеры связи. Только в их донесениях фигурируют уже не нумерованные высоты, не холмы и рубежи обороны, а названия улиц, предместий, поселков, иногда даже домов.

Штаб и узел связи спрятаны глубоко под землею. Это мозг обороны, и он не должен быть подвергнут случайностям. Люди устали, у всех тяжелые, бессонные глаза и свинцовые лица. Я пробую закурить, но спички одна за другой мгновенно потухают - здесь, в подземелье, мало кислорода.

Ночь. Мы почти на ощупь едем на разбитом "газике" из штаба к одному из командных пунктов. Среди вереницы разбитых и сожженных домов один целый. Из ворот, громыхая, выезжают скрипучие подводы, груженные хлебом: в этом уцелевшем доме пекарня. Город живет, живет - что бы ни было. Подводы едут по улицам, скрипя и вдруг останавливаясь, когда впереди, где-то на следующем углу, вспыхивает ослепительный разрыв мины.

Утро. Над головой ровный голубой квадрат неба. В одном из недостроенных заводских зданий расположился штаб бригады. Улица, уходящая на север, в сторону немцев, простреливается вдоль минометным огнем. И там, где когда-то, может быть, стоял милиционер, указывая, где можно и где не должно переходить улицу, теперь под прикрытием обломков стены стоит автоматчик, показывая место, где улица спускается под уклон и где можно переходить невидимо для немцев, не обнаруживая расположения штаба. Час назад здесь убило автоматчика. Теперь- здесь стоит новый и по-прежнему на своем опасном посту "регулирует движение".

Уже совсем светло. Сегодня солнечный день. Время близится к полудню. Мы сидим на наблюдательном пункте в мягких плюшевых креслах, потому что наблюдательный пункт расположен на пятом этаже в хорошо обставленной инженерской квартире. На полу стоят снятые с подоконников горшки с цветами, на подоконнике укреплена стереотруба. Впрочем, стереотруба здесь для более дальнего наблюдения, так называемые передовые позиции отсюда видны простым глазом. Вот вдоль крайних домов поселка идут немецкие машины, вот проскочил мотоциклист, вот идут пешие немцы. Несколько

разрывов наших мин. Одна машина останавливается посреди улицы, другая, заметавшись, прижимается к домам поселка. Сейчас же с ответным завыванием через наши головы в соседний дом ударяют немецкие мины.

Я отхожу от окна к стоящему посреди комнаты столу. На нем в вазочке засохшие цветы, книжки, разбросанные ученические тетради. На одной аккуратно, по линейкам, детской рукой выведено слово "сочинение". Да, как и во многих других, в этом доме, в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, и она будет продолжаться, потому что именно для этого ведь дерутся и умирают здесь, среди развалин и пожарищ, наши бойцы.

Еще один день, еще одна ночь. Улицы города стали еще пустыннее, но сердце его бьется. Мы подъезжаем к воротам завода. Рабочие-дружинники, в пальто и кожанках, перепоясанных ремнями, похожие на красногвардейцев восемнадцатого года, строго проверяют документы. И вот мы сидим в одном из подземных помещений. Все, кто остался охранять территорию завода и его цехи - директор, дежурные, пожарники и рабочие самообороны, - все на своих местах.

В городе нет теперь просто жителей - в нем остались только защитники. И, что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

- Мы здесь еще не все отметили, - кивает директор на доску с планом заводской территории, где угольниками и кружочками аккуратно отмечены бесчисленные попадания бомб и снарядов.

Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали оборону и устремились к заводу. Надо было чем-то срочно, до ночи, помочь бойцам и заткнуть прорыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал в течение часа выпустить из ремонта те несколько танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них и стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев -рабочих и приемщиков - было сформировано несколько танковых экипажей; они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный овраг, через который танки могли пройти только по мосту, и как раз на этом

мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танки.

Завязалась артиллерийская дуэль. Тем временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою, заводскую, - вслед за танками у оврага появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовали начальник милиции Костюченко и заведующий кафедрой механического института Панченко, другим управляли мастер инструментального цеха Попов и старый сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода: Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

Окраины заводского поселка преобразились. На улицах, выходивших к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все: котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили мужьям патроны и девушки прямо из цехов шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл... Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие-ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части.

Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон сыплются остатки стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности вообще можно привыкнуть, то, значит, здесь к ней привыкли. Привыкли так, как нигде.

Мы едем по мосту через один из городских оврагов. Я никогда не забуду этой картины. Овраг далеко тянется влево и вправо, и весь он кишит, как муравейник, весь он изрыт пещерами. В нем вырыты целые улицы. Пещеры; накрыты обгорелыми досками, тряпьем - женщины стащили сюда все, чем можно закрыть от дождя и ветра своих птенцов. Трудно сказать словами, как горько видеть вместо улиц и перекрестков, вместо шумного города ряды этих печальных человеческих гнезд.

Опять окраина - так называемые передовые. Обломки сметенных с лица земли домов, невысокие холмы, взрытые минами. Мы неожиданно встречаем здесь человека - одного из четверых, которым с месяц назад газеты посвящали целые передовицы. Тогда они сожгли пятнадцать немецких танков, эти четверо бронебойщиков - Александр Беликов, Петр Самойлов, Иван Олейников и вот этот, Петр Болото, который сейчас неожиданно оказался здесь, перед нами. Хотя, в сущности, почему неожиданно? Такой человек, как он, и должен был оказаться

здесь, в Сталинграде. Именно такие, как он, защищают сегодня город. И именно потому, что у него такие защитники, город держится вот уже целый месяц, вопреки всему, среди развалин, огня и крови.

У Петра Болото крепкая, коренастая фигура, открытое лицо с прищуренными, с хитринкой глазами. Вспоминая о бое, в котором они подбили пятнадцать танков, он вдруг улыбается и говорит:

- Когда на меня первый танк шел, я уже думал - конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышло не мне, а ему конец. И, между прочим, знаете, я за тот бой цигарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может быть, не до конца - врать не буду, -но все-таки скрутил пять цигарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то промахнешься и уже не закуришь - вот какое дело...

Петр Болото улыбается спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте своих взглядов на солдатскую жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться.

Разные люди защищают Сталинград. Но у многих, у очень многих есть эта широкая, уверенная улыбка, как у Петра Болото, есть спокойные, твердые, не промахивающиеся солдатские руки. И поэтому город дерется, дерется даже тогда, когда то в одном, то в другом месте это кажется почти невозможным.

Набережная, вернее, то, что осталось от нее - остовы сгоревших машин, обломки выброшенных на берег барж, уцелевшие покосившиеся домишки. Жаркий полдень. Солнце заволокло сплошным дымом. Сегодня с утра немцы опять бомбят город. Один за другим на глазах пикируют самолеты. Все небо в зенитных разрывах: оно похоже на пятнистую серо-голубую шкуру какого-то зверя. С визгом кружатся истребители. Над головой, не прекращаясь ни на минуту, идут бои. Город решил защищаться любой ценой, и если эта цена дорога и подвиги людей жестоки, а страдания их неслыханны, то с этим ничего не поделаешь: борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нем лежит утопленница, обхватив его опаленными скрюченными пальцами. Я не знаю, откуда принесли ее волны. Может быть, это одна из тех, кто погиб на пароходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо ее искажено: муки перед смертью были, должно быть, невероятными. Это сделал враг, сделал на наших глазах. И пусть потом он не просит пощады ни у одного из тех, кто это

видел. После Сталинграда мы его не пощадим.

24 сентября 1942 года

Лев Никулин

Госпиталь танков

Через всю страну, от Волги к Уралу, движутся бесчисленные железнодорожные грузовые составы.

Бывалые, видавшие виды вагоны, цистерны, платформы, следы пулеметного обстрела, пробитые осколками крыши... Они везли снаряды, оружие с востока на запад и теперь возвращаются в тыл порожняком, чтобы снова вернуться на фронт. На одной из платформ возвышается закоптелый, почти черный корпус танка. Огромный, с пробоиной на башне, с вмятинами от разрывов снарядов, он все еще грозен и страшен. Изуродованное дуло орудия, казалось, все еще готово открыть огонь. Но внутри машины пусто и черно. Снаряды ударили с близкого расстояния, орудия били почти в упор и потому не выдержала броневая сталь.

Пересекая страну, танк движется с запада на восток. Проходят дни. Мощный трактор приводит танк на буксире в цех большого завода на Урале. Бригадир Кудрявцев поднимается на танк и долго разглядывает пробоину.

- Так, - говорит он тихо, - боевая была машина. И ребята тоже, видать, были боевые.

От этого слова "были" у людей, стоявших вокруг, защемило сердце.

- Ну что ж... Давайте лечить.

На закоптелой стали написали мелом номер, многотонный кран пополз и выжидательно остановился над корпусом подбитого танка.

Прошел месяц. В цех, наполненный лязгом и грохотом моторов, вошел старший сержант в комбинезоне и шлеме танкиста. Он шел по широкому проходу между двух рядов боевых машин. То, что он видел, радовало его. Он широко улыбался, как добрым знакомым, рабочим и танкистам, которых было немало в этом цехе.

Четвертая с края машина чуть выдвинулась вперед. Мотор затих, и водитель, высунув голову в люк, закричал:

- Ну, скоро ли там?

- Сейчас, оформляем, - сказал бригадир. Он ждал разрешения на выпуск танка из цеха.

Сержант-танкист остановился. Несколько мгновений он рассматривал едва заметные вмятины на броневой стали.

- А ну, разрешите взглянуть? - сказал он бригадиру и, получив разрешение, поднялся по лесенке на машину. Несколько мгновений он стоял в раздумье, внимательно оглядывая башню

танка.

- Вижу, что машина из ремонта, бывалая боевая машина. И похоже, что моя.

- Почему похоже? - спросил бригадир.

- Есть одна знакомая отметина... Нет, наверное, не моя, - наконец решил танкист. - От моей одна коробка осталась.

- Да и от этой одна коробка осталась, - улыбаясь, сказал мастер, - вы бы на нее поглядели, когда мы ее на лечение приняли.

- Подбили мою машину в августе на Дону, - вспоминал танкист, наделали мы немцам хлопот, три танка разбили, пять орудий в кашу смяли и разогнались прямо на блиндаж. А тут он с близкой дистанции термитным снарядом как даст... Угодил прямо в мотор. Левин, водитель, так на месте и остался. Хороший парень был, студент ленинградский... А второй снаряд убил командира танка Федотова. И загорелась наша машина. Видишь?

Он снял шлем и показал на затылок. На бритой голове танкиста был красноватый след большого ожога.

- Кончилась наша машина. Вышли мы с радистом из танка, фашисты нас из автоматов поливают, однако у нас гранаты были - отбились... Поблизости овраг был, мы прямо под откос и сползли. А на рассвете пришла подмога вытащили нашу машину и отвели в тыл. А Левина и Федотова похоронили мы в станционном саду, под тополем...

- А вы что же здесь, в отпуску?

- Да нет же... За новыми машинами прибыли. Завтра в ночь уходим.

Они спустились вниз, уступая место экипажу танка, и, отойдя в сторону, смотрели, как пришли в движение гусеницы, как боевой бывалый танк легко сдвинулся с места и, сделав искусный поворот, двинулся к широко открытым воротам цеха.

В неудержимом порыве сержант вдруг протянул руку и сказал, сжимая зубы:

- Покажи им, дай им за Левина, за Федотова, дай им жару, милый!

...На танке, упираясь ногами в сталь, стоял бригадир. Он думал о том, что четверо суток его бригада не выходила из цеха, чтобы иметь право написать на броне вновь рожденного танка слова: "Слава сталинградцам!" Он вспомнил день, когда перед ним стоял искалеченный остов той самой машины, которая сейчас пойдет в бой и будет громить, жечь, испепелять врага, и сердце его наполнилось счастливой гордостью.

2 октября 1942 года

Николай Тихонов

Ладога - дорога боевая.

Ранней весной я летел над Ладогой. Зимняя дорога -дорога жизни кончалась. Самолет шел почти бреющим полетом, и стало видно, как среди маленьких сосенок и елок стоят вмерзшие в снег крошечные суденышки. Но я знал, что это не простая флотилия. Это могучий Ладожский флот с экипажами испытанных моряков. И действительно, наступили дни навигации, и каждое из этих маленьких судов получило свою миссию, свой боевой приказ. На смену воинственному племени дорожников и шоферов пришли отважные моряки.

По волнующейся голубой дороге ладожских вод в город устремились потоки продовольствия и боеприпасов. Ленинград знал хорошо, кому он обязан каждым мешком муки, каждым кулем сахара, каждым ящиком крупы.

Ленинградцы знали, что работа на Ладоге требует особых качеств. Бурное озеро, враги на берегу, враги в небе, враги, грозящие с севера на воде, все это преодолевали ладожские моряки. Простые, суровые люди крепко держали штурвал в своих привычных руках.

Боевая дорога через Ладогу, как и зимой, когда она имела указатели, ледяные домики и регулировщиков, работала полным ходом. Много подвигов совершено скромными бойцами Ладожской флотилии...

Сейчас снова осень. Сентябрьские штормы уже вздымают седые валы и бросают легкие суденышки в водяную бездну, глухо

ударяют в берега. Туманы и дожди закрывают горизонт.

Дорогие моряки Ладоги! Ленинград, великий боец, отразивший все атаки свирепого врага, закованный в броню, сам наносит врагу сокрушительные удары.

Он неприступен благодаря постоянному бодрствованию и совершенствованию своей обороны. Он тоже готовится к новой зиме, блокадной и суровой. Скоро Ладога покроется первым салом, потом и ледяной корой. Наладить дорогу сразу не удастся. Будет перерыв, когда ни корабль, ни грузовик не смогут преодолеть водную преграду. Прервется аккуратное снабжение. Что это значит? Это значит, что героические моряки Ладоги должны удвоить, утроить свои усилия по перевозкам, должны напрячь все силы, все умение, чтобы больше перевезти, больше закинуть грузов в Ленинград.

... Родина переживает грозное время. Враг рвется на юг, не жалея жертв. Но он, истекая кровью, может совершить бешеный прыжок отчаяния и на наш город, может попытаться снова отрезать нас неожиданным ударом. Надо быть наготове, надо быть стойкими и зоркими. Надо быть терпеливыми и запасливыми бойцами. Чем больше даст Ладога Ленинграду запасов продовольствия и боеприпасов, тем спокойнее, тем увереннее будет стоять наш чудесный, прекрасный город.

В ожесточенной борьбе советский народ завоевал себе свободу двадцать пять лет тому назад.

Перенося всевозможные лишения, отбивая натиски всевозможных врагов, все преодолел он и вырвал победу. Сегодня снова приходится советскому народу праздновать день Октября в ожесточенных сражениях со смертельным врагом, который хочет лишить нас всех завоеваний Октября и кинуть наш народ во тьму средневековья.

Не будет этого, не выйдет это дело у врага. Будет он истреблен и уничтожен. Но для этого надо напрячь все силы и в тылу, и на фронте, особенно у нас, где и город - фронт, и озеро - фронт и где ради великого дня мы должны не посрамить заветов прошлого и быть достойными встретить славную годовщину новыми победами.

Вперед, дорогие ладожцы, вершите новые боевые дела, работайте бесстрашно и неустанно, победа будет за нами.

3 октября 1942 года

В течение 3 ноября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда, северо-восточнее Туапсе и юго-восточнее Нальчика. На других фронтах никаких изменений не произошло.

Из сообщения Совинформбюро

3 ноября 1942 г.

Георгий Леонидзе

Кавказ борется!

"... Нет обычая у нас, грузин, чтобы завидев врага, к нам идущего, показать спину, если даже будет смерть..."

Так гласит летопись Грузии. В XIII веке сделана эта запись, и спустя многие века эти слова, запечатленные в сердцах народа, повторялись людьми, защищавшими родину в минуты опасности. Повторялись они, как клятва, как боевой клич, как священный лозунг на знамени.

В 1795 году в Крцанисском сражении под Тбилиси, в кровавой неравной борьбе 70 000 персов разгромили маленькую трехтысячную армию храброго, но уже обессиленного старостью и изменами царя-полководца Ираклия. Тогда жители осажденного Тбилиси взяли в руки оружие. Горстку тбилисских граждан повел в бой Начабели, любимый певец города. Вместо копья он взял в руки чонгури. Тронув струны, он запел веселую свадебную мелодию и пошел впереди отряда. Знакомую песню подхватили сотни голосов. В наше время это назвали бы психической атакой. Тогда это была атака чувств и веры. Отряд горожан дошел почти до самых знамен Ага-Магомед-хана Восточный тиран, видевший много упорных боев, воскликнул, не в силах сдержать восторг:

- С детства до сегодняшнего дня я видел много. Я участвовал во многих сражениях, но еще не видел такого яростного сопротивления, такой отваги...

Сегодня над родиной вновь нависла опасность. Сегодня, чаще, чем когда-либо, наш народ повторяет слова своих мужественных предков. Как будто о наших днях написаны стихи Ильи Чавчавадзе:

Кавказ одною мыслью жив,
И чувство в нем одно,
Священный гнев в его груди
Клокочет с грозной силой...

Банды Гитлера подступили к предгорьям Кавказа. Но, кроме естественной преграды - гордых Кавказских гор, они встретили преграду еще более твердую - содружество народов, их закаленную волю. Кавказ не помнит такого крепкого единства, как в эти суровые дни: не помнит такой ярости, с какою русские, грузины, армяне, азербайджанцы кинулись на врага.

Седой Кавказ, старая Грузия помнят времена "кровавых дождей", времена страшных пожарищ. Но ни орды Тамерлана, ни орды Чингисхана, ни войска Шах-Абасса не были так опасны для Кавказа, для его культуры, для национальной независимости населяющих его народов, как чудовищно опасны рвущиеся к снежным горам черные корпуса Гитлера.

Мы это знаем. Это понимает каждый. И потому в боях за Ржев и Ленинград, за Ростов и Сталинград, в донских степях и в ущельях Клухорского перевала плечом к плечу, как братья, сражаются, как братья, побеждают или умирают люди всех национальностей - советские люди, не знающие национальной розни, познавшие радость искренней и истинной дружбы народов. И герой-грузин, павший в бою за Москву, так же близок нашим сердцам, как герой-русский, отдавший жизнь за Грузию.

Борясь за честь и жизнь родины, сыны наших народов грудью и кровью своей преграждают путь немецко-фашистским ордам. И кровь эта, слитая воедино, кровь русских, грузин, узбеков, евреев, крепит наше единство.

Грузия гордится именами девяти братьев Херхеулидзе. В 1624 году героиня-мать проводила их в кровопролитную Маробдинскую битву, и они стали героями. Но сегодня колхозник Абесадзе из семнадцати сыновей послал защищать отечество - четырнадцать, и они сражаются почти на всех фронтах Отечественной войны.

Герой Советского Союза, участник героической обороны Севастополя Н. Адамия один уничтожил более 200 фашистов. Далеко идет слава о подвигах Героев Советского Союза М. Чахонидзе и А, Гегешидзе, о бесстрашном морском летчике капитане Цурцумия, гвардии генерал-лейтенанте П. Чанчибадзе, летчике Джармелашвили, полковнике Инаури, майоре Джахиеее, политруке Шубитадзе, шофере Кереселидзе и многих других, прославляющих родину боевыми делами. И вот сейчас получено известие о подвиге бесстрашной комсомолки медицинской сестры Тамары Датуашвили, которая под непрерывным обстрелом врага, взобравшись по крутой скале, оказала первую помощь тяжелораненому моряку Губаренко. А до этого она вынесла с поля сражения 25 тяжелораненых бойцов и командиров. А сколько таких мужественных, отважных и преданных патриоток в нашей стране.

Письма героев-бойцов дышат священной ненавистью к лютому врагу. Письма жен, матерей и родных к бойцам -призыв удесятерить свою силу, свое умение в схватке с врагом.

Враг рвется к Кавказу. Протягивает свои отравленные когти к полной жизни и цветения Советской Грузии.

Нет! Грузия никогда не станет провинцией гитлеровской Германии, прислужницей фашистских рабовладельцев. Никогда грузинский народ не менял свободу отечества на заржавленные цепи. Народ помнит прежние раны и мужественно отражает натиск фашистов, так бешено рвущихся к старому "Эдему".

Мужественные образы предков - Давида-Строителя, Вахтанга

Горгасала, Георгия Саакадзе зовут к героической борьбе.

Дорога к Кавказу станет могилой прусских шакалов.

3 ноября 1942 года

Максим Рыльский

Так будет!

"В далекой Романовке в саду дяди Тодося Чуприны между двумя яблонями-арнаутками висит гамак. В нем, наевшись яблок, с папиросой в зубах отдыхает после "трудов праведных" фашист. А по дороге из Кошляк плетутся прибитые горем односельчане наши. Там, на площади, возле старой школы их собирают в табуны и гонят на Кожанку или Попельню, чтобы оттуда, как скот, в закрытых товарных вагонах везти в рабство на проклятую неметчину. Плачут старые матери, взлелеявшие и вырастившие детей своих. Стонет по ночам от печали Черный лес, слезами горя переполняется река Унава".

Так начинает свое письмо ко мне старший лейтенант нашей славной Красной Армии Леонид Ступницкий, сын моего приятеля кузнеца Василия Ступницкого, которого я помню мальчиком. Романовка - мое родное село, с которым связаны мои детские годы, мечты и радости. Унава -река, на берегах которой я вырос, рыбача и охотясь со своими сверстниками и учась у старших мудрой любви к природе. Тодось Чуприна - наш односельчанин, страстный садовод-самоучка, чьи опыты и наблюдения родственны великим начинаниям Мичурина. Маленький мирок, о котором пишет Леня Ступницкий, - это ведь капля, отражающая море. Имя этому морю - Украина.

Украина, которую мы любим, в которую верим и за которую боремся, - это не только прекрасный синий Днепр, это и прекрасный Днепрогэс - дело рук человеческих. Пусть вчера он пал священной жертвою, - завтра он возникнет еще более мощный, еще более стройный силой нашего труда и нашей воли.

Украина - это не только гордый Киев, овеянный легендами минувшего, это и смелые киевские новостройки. Не только город героического прошлого, но и город осиянного будущего.

Украина - это не только благоуханные степи, белые хатки, вишневые сады, девственно-стройные тополя, это и широкие опытные поля, где явила советская наука не одну победу над природой.

Украина - это в неутомимой работе, в борьбе и в испытаниях обретенное человеческое счастье. Советская Украина! Иной мы себе ее и не мыслим.

Описав тяжелую осень прошлого года, скорбь и горе родной земли, временно захваченной подлыми хищниками. Леня Ступницкий говорит:

"Сердце переполнилось местью, ничто не может угасить боли. Ненависть моя - не минутное раздражение нервов. Это зрелая ненависть. Это жгучая рана, нанесенная в сердце в тот час, когда черные коршуны, пронесясь над Бучей, Ирпенем, сбросили ужас смерти на дома мирного древнего Киева. В то время я был далеко от тех мест, где учился ходить. Но, потому что землю Украины живило сердце Москвы, я почувствовал боль истекающих кровью Житомира, Киева - и выехал на фронт. Больше года на полях России я воюю за Украину".

Хорошие, правильные слова! Землю Украины, как и землю Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Башкирии, живит сердце Москвы. Украина - свободная трудовая Украина - неотъемлемая часть великого Советского Союза. Иной мы себе ее и не мыслим.

Воюя за Украину, мы воюем и за Ленинград, и за Сталинград. Воюя за Украину, мы воюем за идею, совершенно недоступную нашим врагам, - за братство народов, освященное потом и кровью поколении и озаренное солнцем прекрасного грядущего.

Мой корреспондент почти незнакомый мне человек. Помню как сквозь сон: когда я посещал кузницу Василия Ступницкого, этот своеобразный сельский клуб, напоминавший ту кузницу Якова Франко, отца нашего Ивана Франко, о которой поэт всю жизнь вспоминал с нежностью и благодарностью, то вертелся там у горна какой-то мальчик, действительно, припоминаю, называвшийся Леней. А он теперь пишет о том времени:

"Положишь, бывало, книгу на наковальню и читаешь Франко "Каменоломы", "Вечный революционер" или что-нибудь Коцюбинского".

Хорошие книги читал маленький Леня. И они, конечно, помогли ему сделаться настоящим человеком, когда он, по его словам, "благодаря советской власти пошел в жизнь".

Дальше в письме говорится:

"Теперь я отдыхаю. Это видно из того, что есть возможность писать чернилами. Но скоро снова пойду писать пулей, штыком".

И вот что замечательно: письмо это изобилует цитатами - здесь целые строфы из советских украинских поэтов, заученные наизусть, отвечающие самым дорогим, заветным мыслям и чаяниям молодого красного командира. Книга, культура, песня и мысль вошли в плоть и кровь советского человека. И, конечно, Леня Ступницкий - не исключение. Я и мои товарищи получаем с фронта сотни писем, в которых говорится о радости бойцов, получивших шевченковского "Кобзаря", о коллективном его чтении в далеко не спокойные промежутки между боями.

За свой хлеб, свое поле, свои заводы, свои книги, свои песни,

за счастье и дружбу воюет наш народ. И наступит день - веселым шелестом зашумит печальный ныне Черный лес, светлые струи малоизвестной реки Унавы отразят радостные лица юношей и девушек, снова нашедших свое счастье.

Пусть вырублен сад Тодося Чуприны, разрушены кузница и хата Василия Ступницкого, - вырастут на милой нашей земле новые невиданные сады, зарубцуются раны, утихнут боли, и вчерашние бойцы, молодые кузнецы и пахари, будут жить, любить, трудиться, созидать. И засверкает всеми своими гранями в светлом созвездии братских республик наша любимая, наша родная, кровь наша, гордость наша, радость наша - Советская Украина.

3 ноября 1942 года

В течение 24 ноября наши войска продолжали вести успешное наступление с северо-запада и с юга от гор. Сталинграда на прежних направлениях.

Из сообщения Совинформбюро

24 ноября 1942 г.

Илья Эренбург

24 ноября 1942 года

"Наступление продолжается" - эти заключительные слова русских сообщений, передаваемых по радио, звучат, как смутный гул шагов. Идет Красная Армия. Идет также История.

Еще недавно Гитлер торжественно заявил, что он возьмет Сталинград. Немцы тогда удивлялись, почему бесноватый фюрер так скромен, почему он не обещает им ни Москву, ни Баку, ни мира. Зато они были уверены, что Сталинград у фюрера в кармане.

Все помнят, как год тому назад немцы смотрели в бинокль на Москву. Этот бинокль стал символическим. В Сталинграде немцы обходились без бинокля. Два месяца шли уличные бои. Немцы прекрасно видели развалины завода или дома, которые они атаковали в течение дней, иногда недель. Несколько сот шагов отделяли их от цели, но эти несколько сот шагов были непереходными, они были стойкостью и мужеством Красной Армии. Может быть, будущий историк напишет, что в годы второй мировой войны не раз бывали опасные повороты, когда всего несколько сот шагов отделяли гитлеровскую Германию от победы. Но эти несколько сот шагов были непримиримостью и упорством свободных народов.

Еще недавно немцы объявляли битву за Сталинград своей победой. Поэтому они охотно подчеркивали трудности битвы: тем почетнее роль победителя. 14 ноября "Берлинер берзенцайтунг" поместила статью своего военного корреспондента со

Сталинградского фронта, которая начинается следующими, скажем прямо, неосторожными словами: "Борьба мирового значения, происходящая в районе Сталинграда, оказалась огромным решающим сражением". Дальше корреспондент пытается объяснить немцам длительность захвата Сталинграда: "Разве когда-нибудь случалось, чтобы полковые штабы приходилось выкуривать из канализационных труб? Мы приводим только один из ежедневных сюрпризов этой "крысиной войны". Впервые в истории современный город удерживается вплоть до разрушенной последней стены. Брюссель и Париж капитулировали. Даже Варшава согласилась на капитуляцию... Но советский солдат борется с тупой покорностью зверя..." Что думает теперь корреспондент "Берлинер берзенцайтунг" о роли Сталинграда? Впрочем, вероятно, он думает о более частных вопросах, как, например, о возможности выбраться из "завоеванного" Сталинграда...

Еще недавно даже наши друзья склонны были считать судьбу Сталинграда предрешенной. Издалека стойкость защитников этого города представлялась прекрасным безумием, бесцельным избытком мужества. На самом деле защита Сталинграда была частью большого стратегического плана. Защита Сталинграда подготовила теперешнее наступление. Несколько сот шагов, отделявших немцев от завода "Красный Октябрь", оказались, как справедливо отметил немецкий журналист, полными "мирового значения". Защитники Сталинграда упорно удерживали каждый метр земли. Это позволило русским армиям на двух флангах пройти за несколько дней добрых сто километров. Защитники Сталинграда не страшились окружения. Кто теперь окружен? Гитлеровцы и их вассалы.

На близких подступах к Сталинграду и в самом городе немцы сосредоточили около двадцати дивизий. Эти дивизии еще недавно можно было назвать отборными. В ежедневных боях немцы несли огромные потери. Однако и поныне у них в Сталинграде значительные силы. Русское наступление началось на обоих флангах, где немцы занимали сильно укрепленные рубежи, по большей части на берегах рек. Здесь десятки вражеских дивизий, казалось, ограждали немецкую группу, которая вела бои в Сталинграде.

Задачи Красной Армии были сложны. Наступающим пришлось преодолеть чрезвычайно сильное сопротивление. Калач, Абганерово, Кривомузгинская и некоторые другие пункты представляли собой мощные узлы сопротивления. Конечно, и в этой обороне имелись свои слабые места. Разведка их обнаружила. Это было первой порукой успеха.

В статье "Берлинер берзенцайтунг", которую я цитировал, имеются следующие размышления: "Мы узнали цель, которую преследовал противник при обороне Сталинграда. Сильное предмостное укрепление на западном берегу Волги должно было стать исходной точкой для атак зимой. В соединении с ударами с севера по нашей фланговой позиции наши силы на Волге должны были быть ослаблены клещеобразным наступлением..." Немецкий журналист говорил о русских планах с усмешкой: он думал, что опасность предотвращена. А неделю спустя газета с его статьей, прибывшая на самолете из Берлина в штаб немецкой дивизии, вместе со штабом попала в руки красноармейцев.

Немцы не ждали одновременного удара на двух флангах. В начале осени отдельные операции русских происходили то на северном, то на южном фланге, что давало возможность немцам перебрасывать силы. Одновременный удар оказался для противника фатальным.

Наступательные операции были хорошо подготовлены. Переброска войск с восточного берега Волги происходила ночью. В ряде мест наступающие прорвали оборону. Кое-где противник пытался предпринять сильные контратаки, но все они потерпели неудачу. Сильный артиллерийский и минометный огонь ломал вражеское сопротивление. В ряде мест дальнобойные орудия уничтожали штабы противника, и фашистские войска, лишенные руководства, уже не отступали, но убегали. Большое количество пленных свидетельствует о деморализации противника. Много пленных из окруженной и разбитой наголову немецкой мотодивизии.

Когда нацисты наступают, они едут, как господа, с прислугой. В тяжелые минуты господа забывают о челяди.

Если итальянцы это узнали в Ливии, то румыны ознакомились с этим под Сталинградом.

Подвижные части Красной Армии, прорываясь в тылы противника, вносят еще большее смятение, уничтожают самолеты на полевых аэродромах, склады и тыловые штабы.

Сражение за Сталинград представляет для Гитлера нечто большее, чем одну из битв: здесь поставлен на карту престиж фюрера. Немцы растеряны, но мы должны ожидать упорного сопротивления. События в Африке уже ударили по нервам Германии. Зима и так не сулила немцам ничего отрадного. Гитлер, конечно, сделает все, чтобы избежать отступления от Сталинграда, тем паче что это отступление может легко превратиться в катастрофу. Упорные бои продолжаются. Продолжается и наступление Красной Армии. Оно встречено с радостью всей Россией. Надо думать, оно воодушевит и наших

союзников, сражающихся в Африке: после конца начала не пора ли перейти к началу конца?

Евгений Кригер

Свет

Мы возвращались из штаба пехотной дивизии, расположенного внутри бетонной трубы под железнодорожной насыпью; там протекала когда-то небольшая речушка, ее закрыли дощатым настилом, поставили сверху штабные столы с картами, схемами, телефонами и управляли из этой трубы долгим и трудным боем за южную окраину Сталинграда.

Речушка порою давала о себе знать, глухо возилась под досками, хлюпала, просилась наружу маленькими ручейками и лужами, но к этому привыкли, как будто речушка стала частью штабного инвентаря.

Подходы к трубе находились под огнем немецких батарей, расположенных на возвышенности, и мы выбирались в поселок по узкому, размокшему от дождей ходу сообщения, потом лавировали между брошенными на станционных путях товарными вагонами и, наконец, выходили к домам с пробитыми стенами, сорванными крышами, торчащими наружу кроватями, мокрыми занавесками на продырявленных окнах. Здесь никого уже не было, люди ушли, и занавески, бившиеся на ветру о камень, казались последним движением жизни. Как пусто и грустно вокруг!

Но вдруг мы остановились. Мы увидели дым. Это не был горький дым пожарища, дикий, яростный, мечущийся из стороны в сторону в поисках новой добычи. Это был плотный, спокойный дым больших печей, давно забытый нами дым индустрии. Крутыми клубами он выходил из большой, заводского типа трубы, поднимался к небу и сливался с серыми тучами.

Только люди, побывавшие в Сталинграде в те месяцы, смогут понять, каким невероятным представилось нам это зрелище, в трех-четырех километрах от линии боя, посреди разбитых в щепы домов, вагонов, заборов, в каменной, разжеванной снарядами пустыне, на виду у немецких батарей. Так же дико было бы увидеть человека, который вытащил на поле перед вражескими окопами концертный рояль и стал играть Шопена в царстве войны, где звучат лишь угрюмые голоса орудий.

На поле боя дымила заводская труба.

Перепрыгивая через груды камня, путаясь в телефонной проволоке, сваленной вместе со столбами, чуть не проваливаясь в оголенные канонадой подвалы, мы бегом направились к этой трубе.

Я не знаю, как назвать чувство, охватившее нас в эту минуту,

удивлением или восторгом, но сопротивляться этому чувству мы не могли и, забыв обо всем, бежали к трубе.

Мы увидели высокое, обожженное, закопченное войной здание. Стены его были насквозь пробиты снарядами. В воротах нас остановил седой, строгий старик, долго звонивший куда-то, спрашивая, можно ли нас пропустить.

Двор был изрыт воронками. В другом его конце по дощатым ступеням мы спустились под землю.

Бархатная, домашнего вида портьера отделяла узкий коридор от небольшого помещения, где на стенах висели контрольные приборы, сигнальные лампы, еще непонятные нам циферблаты с дрожащими стрелками, рубильники, бегущие по карнизу провода.

Следующее помещение представляло собой нечто среднее между обычным городским кабинетом и жильем аккуратного холостяка. Как странно видеть все это в хаосе уличных схваток осажденного немцами города. Чувствовалось, что люди не только работают здесь, но и живут, и живут прочно, отнюдь не собираясь отсюда уходить.

Многие вещи, видно, были принесены из дома. Ковры, скатерть с цветной бахромой на одном из столов, шахматы, мандолина. Рядом с мандолиной лежала ручная граната. Были даже картины, я почему-то запомнил их: портрет Пугачева работы неизвестного художника и "Допрос революционерки" В. Маковского. Тут же стояли телефоны и радиоприемник, разложенные стопками технические справочники. Однако между справочниками заблудилась и беллетристика, - значит, людям здесь часто не спится. Один из сидевших за столом проверил наши документы и сказал:

- Вы находитесь на командном пункте Сталинградской электростанции...

После всего, что произошло в те месяцы в Сталинграде, это знакомое слово прозвучало как из далекого, забытого, милого прошлого. В Сталинграде мы видели обагренные кровью камни; и камень рассыпался, а люди держались; и домов уже не было, стен не было, ничего не было, а люди держались; и то, что называлось городом, были люди, которые его держали.

И здесь-то, в огне грандиозной битвы, с дымом войны смешивала свой спокойный, плотный дым живая, работающая, излучающая свет электростанция.

На линии фронта, в тридцати минутах ходьбы от штаба пехотной дивизии, упрятанного в железнодорожную насыпь, странно было видеть штатских людей в пиджаках, полосатых или клетчатых брюках, в замасленных кепках - людей, ходивших вразвалку, совсем не по-военному, с движениями размашистыми,

способных во время разговора взять вас за пуговицу шинели и вертеть ее рассеянно, похудевших, осунувшихся; но тех же, каких мы видели до отъезда на фронт. Как давно мы не встречались с ними!

- Сталинградская ГРЭС, - повторил один из них, и он сказал это с гордостью. Это был главный инженер электростанции Константин Васильевич Зубанов, очень еще молодой, с живым блеском в глазах, внешне спокойный, но, видимо, сдерживавший громадное нервное напряжение, сжигавшее его изнутри. И он, и те, кто его окружал, и те, кто стоял на вахте в цехах, несмотря на свои галстуки и кепки, были людьми войны.

ГРЭС была участком фронта.

Больше того, она была на передней линии фронта, гитлеровцы охотились за нею, чтобы погасить ее свет. У гитлеровцев было тогда много железа, несущего смерть, много пушек, дальнобойных, тяжелых, и они могли раздавить станцию и ее людей.

Охоту за электростанцией гитлеровцы начали с первых дней осады. В августе 1942 года они совершили воздушный налет на Красноармейск и попутно на ГРЭС. Первые две бомбы разорвались над третьей турбиной. Разрушенные взрывом перекрытия, части крыши и свода обрушились на машину. Там был человек, работавший на станции десять лет без перерыва. Скотников. Избитый осколками железа и камня, весь в ссадинах и в крови, он испытал на себе первый внезапный удар войны, но в эти минуты продолжал делать то, что делал все десять лет каждый день, - он удержал машину в работе.

Вторая бомба убила слесаря турбинного цеха Парамонова и тяжело ранила любимца всей станции, пятнадцатилетнего ученика слесаря Колю Сердюкова.

Этот мальчик рвался на самое опасное дело, в часы тревог забирался на крышу, вызывался дежурить за других, чуть не плакал, когда его угрозами, силой стаскивали вниз. Осколком бомбы ему оторвало ногу. Его собирались эвакуировать, но он взмолился, чтобы его оставили вблизи 6т станции, и его оставили дома, и старики Сталинградской ГРЭС взяли себе в обязанность навещать его каждый день, носили ему хлеб из своего пайка, табачок, болтали с ним о стариковских своих делах, как с человеком бывалым, приятелем. И он был с ними как равный.

На территории станции разорвалось тогда восемь бомб. Углеподача была разрушена. Ее восстановили. Во дворе и в цехах смыли первую кровь. Так электростанция вошла в войну. Город был в бою, и ему нужна была энергия, нужен был свет.

Вскоре городу понадобилась вода, в первую очередь вода,

прежде всего вода. Город жаждал воды, умирал без воды. После чудовищных бомбардировок город был в пламени мени. Огонь перекинулся лаже на Волгу, в реку стекала с холмов горевшая нефть.

- Воды!

Своей энергией станция должна добывать воду.

Бой шел уже в пределах города. Линия электропередачи была под огнем, снаряды и бомбы по десять раз в сутки обрывали на линии провода. Приток энергии и, следовательно, приток воды прекращался.

Под пушечным огнем и под непрестанной бомбардировкой с воздуха монтеры изо дня в день восстанавливали поврежденные линии и каким-то образом ухитрялись подавать энергию даже через кварталы, занятые противником.

Это был уже настоящий бой за энергию. Им руководил худой молчаливый, скромный человек Николай Петрович Панков, главный инженер сетевого района. Его называли человеком без сна и без нервов. С той минуты, когда Комитет Обороны приказал обеспечить подачу воды для тушения пожаров, он все дни проводил на линии, где стреляли уже из пулеметов, и однажды на станцию не вернулся. Электростанция вела бой за энергию, и как во всяком бою, у нее были потери. Но упрямые монтеры делали свое дело. Там, где нужна была энергия, была энергия. Там, где нужен был свет, был свет.

С 18 сентября немцы начали методическую охоту за станцией. В тот день они провели первую артиллерийскую пристрелку и с тех пор обстреливали Сталинградскую ГРЭС ежедневно. Взрывы и разрушения вошли в быт станции, 23 сентября на ее территории разорвалось более ста снарядов. Люди уже приноровились к работе под огнем.

Пушки били с северной стороны. Там, где было можно, рабочие укрывались за железобетонными колоннами. Но в водопроводном цехе, в электроцехе, в химцехе, в котельной укрытий не было. Люди продолжали работать. Химический цех расположен на отлете от главного здания, как бы в одиночестве, на войне особенно неприятном. В этом цехе работали главным образом женщины. Ни одна из них ни разу не покинула своего поста, а снаряды рвались один за другим. Главный инженер станции Зубанов появлялся здесь в самые трудные минуты, видел синие от холода лица женщин, видел их дрожащие руки, спрашивал нарочито громко и весело:

- Ну, как тут у вас, девушки? Страшно?

И ему отвечали:

- Да нет, Константин Васильевич, холодно. Чего ж страшного?

И вода из химцеха исправно поступала в котлы.

Уйти от котла, струсить, даже если над головой проламывается крыша и все, что держало ее, с воем и грохотом валится вниз, уйти от котла - значит вывести его из строя надолго. Кочегар Савенков оставался на вахте в такие минуты, а наверху, на высоте в сорок метров над землей, где свист снарядов слышен отчетливо, оставался на вахте водосмотр Дубоносов. Три снаряда разорвались над ним, головка одного из снарядов ударила в пол, а он не ушел.

Внизу держал вахту старший кочегар Константин Харитонов. Когда снарядом перебило питающую котел мазутную линию, он пошел искать повреждение, но при выключенном насосе не слышно, где свистит течь, и Харитонов сквозь рев и треск разрывов дал знак пустить насос в подозрительном месте. Поток горячего мазута под давлением в 15 атмосфер ударил в него. Черный, задыхающийся, покрытый ожогами, он стоял под струей, которая могла сжечь его, и продолжал отключать поврежденный участок. Воля этого молодого, веселого человека была сильнее, чем ураган немецких батарей. Полуживого, его хотели подхватить на руки. Он вырвался и, выплевывая мазут изо рта, сердито спросил:

- Кто здесь начальник вахты, вы или я?

Шатаясь, он направился к котлу и включил его сам. Электрический ток снова устремился по проводам к израненному, полуживому, измятому бомбами городу.

Его люди оказались сильнее дальнобойных немецких орудий. Они добывали свет Сталинграду, уцелевшим заводам южной окраины, подземным штабам, обороне. Это был свет человеческой доблести. И гитлеровская машина смерти не могла его погасить.

О, как страшно было людям, когда все рушилось вокруг них, ведь это были так называемые штатские люди, их никто не учил воевать, но война подошла к ним вплотную, и они приняли бой за свет.

У главного щита, который называют алтарем станции, сидел дежурный инженер, связным у него был длинноногий юноша, электрик, большой, видно, любитель музыки, потому что всегда держал при себе патефон, и ему разрешили вертеть какие угодно пластинки - каждый подавляет в себе страх по-своему. А перекрытие над щитом легкое, гул канонады бьет в самое ухо, а ночи длинные, и все, кто мог, ушли в укрытия, и юноша один в темноте.

Пластинки он выбирал на ощупь. После очередного разрыва люди прислушивались - как там обстоят дела у электрика? После некоторой паузы из темноты доносилось легкое шипение, затем

пленительный голос вопрошал:

Что день грядущий мне готовит?

Его мой взор напрасно ловит.

В глубокой тьме таится он...

И все вздыхали облегченно:

- Ленского нащупал. Цел паренек...

Однажды свет погас всюду. Связь оборвалась. Здание дрожало от канонады. Снаряд попал в распределительное устройство. В дыму, в каменной пыли, поднятой взрывом, инженеры совещались, что делать. Трансформаторы повреждены, масленники пробиты. При включенных потребителях энергии поднимать в этих условиях напряжение от нуля до нормального - значит нарушить узаконенные долгим опытом правила эксплуатации.

Это совещание здесь помнят до сих пор и называют его Филями Сталинградской ГРЭС. Обороне нужен свет для штабов, для мастерских, для пекарен. Решено пойти на риск, невиданный, кощунственный. Дали пар турбине. Начал вращаться вал генератора, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее; у инженеров захватывало дыхание; напряжение поднималось от нуля, нить в лампочках накалялась, слабый свет становился полнее, ярче, расчет оправдался!

Люди Сталинградской электростанции смотрели на лампочку, в которой медленно разгорался свет, и знали, что свет возрождается в таких лампочках всюду: над штабными картами, в далеких цехах, где люди работают на оборону, в мастерских, где исправляют пушки, всюду, где свет - это бой.

А гитлеровцы продолжали артиллерийскую охоту за неугасимым светом. На ходу приходилось менять всю налаженную годами систему работы станции, всех ее агрегатов, применять тысячи технических хитростей, изворачиваться каждый день, каждый час, только бы свет не угас. Уже не осталось перекрытий над многими цехами. Остался маленький генератор, "домашний", для внутренних нужд станции, и остались люди, - этого было достаточно, чтобы свет не умирал.

Потом и это кончилось. Все кончилось. Ничего уже не было для котлов. Люди отправились на розыски, обшаривали железнодорожные пути, рылись в разрушенных мастерских, на складах и шпалозаводе, нашли креозот и немного мазута. Качали невиданное топливо пожарной машиной.

Немецкая артиллерия надрывалась.

Станция полуразрушена. Но свет есть.

Свет Сталинграда!

Сражались не только за свет.

Не хватало хлеба. Управляющий электростанцией Землянский вызвал начальника электроцеха Львова. Это был удивительный человек, который все умел. Командирам из соседних со станцией траншей Львов чинил часы и пистолеты.

Землянский сказал:

- Лев Владимирович, люди без хлеба, сам знаешь. Есть зерно. Надо бы, видишь, наладить мукомольное производство. Как ты?

Сказал - и сам испугался: мукомольное производство на электростанции! Львов побренчал в кармане инструментами и сказал: "Надо попробовать". Каким-то чудом он в течение суток переделал обычный сверлильный станок, заставил его вращать два наждачных круга. Вот и вся мельница! И хлеб появился.

А гитлеровцы продолжали артиллерийскую охоту за станцией, не желавшей тушить котлы. Жизнь была всюду, где стояли на вахте люди, упрямые, веселые, неунывающие, пересиливающие в себе страх. В часы обстрела, аварий, обвалов главный инженер Зубанов появлялся в дымящихся, дрожащих от взрывов цехах и кричал во мглу:

- Электрики! Живы?

И тогда из-под лестничных клеток мгла отвечала человеческими голосами:

- Ого-го-о! Жи-ивы-ы!

И через несколько минут или несколько часов бешеной работы ведущий к генератору вал начинал вращаться быстрей и быстрей, как бьется сердце человека, пришедшего в себя после обморока; и напряжение тока нарастало; и где-то далеко от станции на земле и под землей свет брезжил в лампочках все ярче и ярче и, наконец, становился белым, как солнечный свет.

Линия фронта прошла через каменное тело электростанции. Стены ее пробили снаряды. Крыша ее обвалилась от бомб. Но электростанция продолжала работать на линии боя. Люди ее держались в этом бою, как бывалые солдаты, и они переупрямили немецкую артиллерию.

До сих пор я помню звонкое, упрямое эхо во мгле:

- Жи-ивы-ы!

Волей судьбы Сталинградская государственная районная электростанция оказалась в центре грандиозного сражения, определившего коренной перелом в ходе войны. Человек в пиджаке и замасленной кепке, человек нашего тыла, среди развалин удержал в своих усталых, окровавленных руках свет города-воина, свет нашей победы на берегах Волги.

Декабрь 1942 года

В течение 29 декабря наши войска южнее Сталинграда продолжали успешно развивать наступление и заняли ряд

населенных пунктов.

Из сообщения Совинформбюро

29 декабря 1942 г.

Василий Гроссман

Военный совет

Когда входишь в блиндажи и подземные жилища командиров и бойцов, вновь охватывает страстное желание сохранить навек замечательные черты этого неповторимого быта: эти светильники и печные трубы, сделанные из артиллерийских гильз; эти чарки из снарядных головок, которые на столах рядом с бокалом из хрусталя; эту фарфоровую пепельницу с надписью "Жена, не серди мужа" рядом с противотанковой гранатой; этот огромный матовый электрический шар в рабочем блиндаже командующего, и эту улыбку Чуйкова, говорящего: "Ну да, и люстра, мы ведь в городе живем"; и этот том Шекспира в подземном кабинете генерала Гурова с положенными на раскрытые страницы очками в металлической оправе; эту пачку фотографий в конверте на исчерченной красным и синим карте с надписью "Папочке"; этот подземный кабинет генерала Крылова с добрым письменным столом, за которым шла великолепная работа начальника штаба; все эти самовары и патефоны, голубые семейные сахарницы и круглые зеркала в деревянных рамах, висящие на глиняных стенах подземелий, - весь этот быт, мирную утварь, вынесенную из огня горящих зданий; это пианино на командном пункте пулеметного батальона, где играли под рев германского наступления; и этот высокий, благородный стиль отношений, простоту и непосредственность людей, связанных узами крови, памятью о павших, величайшими трудами и муками сталинградских боев. Когда командующий 62-й армией разговаривает со связным и связной разговаривает с командующим, когда телефонист заходит к начальнику штаба проверить на слышимость аппарат, когда командир дивизии Батюк отдает приказ красноармейцу, а командир роты докладывает командиру полка Михайлову о ночном бое, - во всем, в каждом движении, в каждом слове и взгляде ощущается этот особый стиль высокого достоинства, стиль, совмещающий в себе железную, беспощадную дисциплину, когда по одному слову тысячи людей поднимались на смерть, и одновременно братство и равенство всех сталинградцев - генералов и бойцов. Пусть эту черту, этот стиль не упустят те, кто будет писать историю сталинградской битвы.

Не раз писалось о том, как создавалась великая сталинградская оборона, как цементировалась она. Это - слава нашего человека, слава его мужеству, терпению, его способность

к самопожертвованию.

Среди многих условий, определивших успех нашей обороны, следует на одно из почетных мест поставить умелое руководство 62-й армией. О нем нужно рассказать нашему читателю. Командующий Чуйков, член военного совета Гуров и начальник штаба Крылов были не только военными руководителями операций, они являлись и духовным стержнем сталинградской обороны. Не только ясная, спокойная военная мысль, не только беспощадная воля и упорство нужны были для руководства 62-й армией. В это великое дело нужно было вложить все сердце, всю душу. И суровые приказы в дни октября часто шли не только от разума, но и от сердца. И эти суровые, холодные приказы, продиктованные сердцем, как пламя, жгли людей, поднимали их на сверхчеловеческие подвиги самопожертвования и терпения, ибо в те дни человеческих подвигов было мало для решения задач, стоящих перед бойцами 62-й армии.

Военный совет армии делил с бойцами все тяжести обороны. Восемь раз переезжал командный пункт армии. В Сталинграде знают, что значит переезд КП. Это значит: попадание тонных бомб и прицельный огонь автоматчиков. Сорок работников штаба погибли от минометного огня в блиндажах военного совета. Была одна страшная ночь, когда тысячи тонн горящей нефти вырвались из подожженных немецкими снарядами хранилищ и с ревом устремились на блиндажи военного совета. Пламя поднималось на высоту восьмисот метров. Волга запылала, вся покрывшись горящей нефтью. Горела земля, огненные потоки стремительно срывались с крутого обрыва. Начальника штаба генерала Крылова, работавшего в своем блиндаже и лишь по страшному жару заметившего, что кругом все пылает, в последнюю минуту сумели перетащить через огненную реку. Всю ночь военный совет простоял на узкой кромке берега среди ревущего черного пламени. Командир гвардейской дивизии Родимцев послал к месту пожара бойцов. Они вернулись и доложили, что военный совет ушел. "На левый берег?" - спросили их. "Нет, - ответили бойцы, - ближе к переднему краю".

Бывали дни, когда военный совет находился ближе к противнику, чем командные пункты дивизий и даже полков. Блиндажи сотрясались так, словно находились в центре мощного землетрясения. Казалось, что могучие бревна крепления сгибаются, словно эластичные прутья, земля ходила волнами под ногами, кровати и столы приходилось прибивать к полу, как в каютах кораблей во время бури. Бывало, что посуда на столе рассыпалась на мелкие черепки от постоянной вибрации высокой частоты. Радиопередатчики отказывали, многочасовая бомбежка

выводила из строя и лампы. Уши уже не воспринимали грохота, казалось, что две стальные иглы проникают в ушные раковины и мучительно давят на мозг. Вот в такой обстановке проходили дни, а ночью, когда стихала бомбежка, командарм Чуйков, сидя за картой, отдавал командирам дивизий приказы. Гуров, спокойный, дружественный, неожиданно появлялся в дивизиях и полках. Крылов вел свою работу над картами, таблицами, планами, писал доклады, проверял тысячи цифр, думал. И все они поглядывали на часы и вздыхали: "Вот скоро и рассвет, и снова волтузка".

Вот те условия, в которых работал военный совет 62-й армии. Когда я спросил Чуйкова, что было самым тяжелым для него, он, не задумываясь, ответил:

- Часы нарушения связи с войсками. Представляете себе, бывали дни, когда немцы обрывали всю проволочную связь с дивизиями, радио переставало работать от сотрясения, отказывали лампы. Пошлешь офицера связи - убивает, пошлешь другого - убивает. Все трещит, грохочет, и нет связи. Вот это ожидание ночи, когда можно, наконец, связаться с дивизиями... Не было для меня ничего страшней и мучительней этого чувства связанности, неизвестности.

Мы беседуем с командиром долгую декабрьскую ночь. Иногда Чуйков прослушивается и говорит:

- Слышите: тихо, - и, смеясь, добавляет: - Честное слово, скучно.

Он - высокий человек с большим темным, несколько обрюзгшим лицом, с курчавыми волосами, крупным горбатым носом, большими губами, большим голосом. Этот сын тульского крестьянина Чуйкова почему-то напоминает генерала далеких времен первой Отечественной войны. Когда-то он был рабочим в шпорной мастерской в Петрограде, вырабатывал "малиновый звон". Девятнадцатилетним юношей он командовал полком во время гражданской войны. С тех пор он военный.

Для этого человека оборона Сталинграда не была одной лишь военной проблемой, пусть даже первостепенного стратегического значения. Он переживал и ощущал романтику этой битвы, жестокую и мрачную красоту ее, поэзию войны, поэзию смертной обороны, к которой он обязывал железным приказом командиров и красноармейцев. Для него эта битва за Сталинград была торжеством и величайшей славой русской пехоты. Когда черные силы немецкой авиации и танков, артиллерии и минометов, собранные фон Буком, Тодтом и Паулюсом на направлении главного удара, обрушивались всей тяжестью на линию нашей обороны, когда в черном дыму тонуло солнце и гранитный

фундамент зданий рассыпался мелким песком, когда от гула моторов танковых дивизий колебались подточенные стены зданий и, казалось, нет и не может быть ничего живого в этом аду, - тогда из земли поднималась бессмертная русская пехота.

Да, здесь все силы германской техники были встречены русским солдатом-пехотинцем, и Чуйков, для которого эта залитая кровью земля была дороже и прекрасней райских садов, говорил: "Как, пролить столько крови, подняться на такие высоты славы и отступить? Да никогда этого не будет!" Он учил командиров спокойному, трезвому отношению к противнику. "Не так страшен черт, как его малюют", - говорил он, хотя знал, что в некоторые дни немецкий черт бывал очень страшен на направлении главного удара. Он знал, что суровая правда в оценке противника -необходимейшее условие победы, и говорил: "Переоценивать силу противника вредно, недооценивать - опасно". Он говорил командирам о гордости русского военного, о том, что лучше офицеру не сносить головы, чем поклониться перед строем немецкому снаряду. Он верил в русский военный задор. Суровейший среди суровых, он был беспощаден с паникерами и трусами. Говорят, победителей не судят. Но, я думаю, случись так, что 62-я армия была бы побеждена, ее командующего тоже нельзя было бы судить.

Такой же верой в силу нашей пехоты жил генерал-майор Крылов. На этой вере основывал он свою сложную работу, свои расчеты, свои предвидения. Судьба положила ему жребий быть от первого до последнего дня начальником штаба армии, защищавшей Одессу, затем начальником штаба героической армии, семь месяцев оборонявшей Севастополь, и, наконец, начальником штаба 62-й сталинградской армии. Этот спокойный, задумчивый человек, с размеренной негромкой речью, мягкими движениями и мягкой улыбкой, пожалуй, единственный генерал в мире, столь богатый опытом обороны городов. Такого опыта не имеет ни одна академия.

Суровую науку свою генерал Крылов изучал в огне пожаров и грохоте взрывов. Он приучил себя методически работать, обдумывать сложные вопросы, размышлять над замыслами противника, разрабатывать и детализировать маневры и планы в таких диких условиях, в которых ни один человек науки не мог бы и на минуту сосредоточить свои мысли.

В Сталинграде ему иногда казалось, что севастопольская битва не кончилась, а продолжается здесь, что грохот румынской артиллерии на подступах к Одессе слился с ревом немецких пикировщиков, нависших над сталинградскими заводами. В Одессе бой шел на внешнем обводе, в пятнадцати-восемнадцати

километрах от города, в Севастополе он придвинулся к окраинам, шел на Северной и Корабельной стороне, а здесь он вошел в самый город - на площади и переулки, во дворы, в дома, в цехи заводов. Здесь бой шел на том же страшном потенциале, как и в Севастополе, но масштабы его, воинские массы, втянутые в него, были неизмеримо больше. И здесь сражение, наконец, было выиграно. Крылову казалось, что это победа не только сталинградской армии - что это победа Одессы и Севастополя.

В чем была тактика противника во всех трех битвах за города? Немцы во всех трех сражениях применяли метод последовательного, методического прогрызания нашей обороны, рассечения боевых порядков и уничтожения, подавления их по частям в тех случаях, когда им удавалось расчленить эти боевые порядки. В этих ударах весь главный расчет делался на силу мотора, на массированное применение концентрированной техники, на ошеломление. В такой тактике с военной точки зрения не было ничего порочного. Наоборот, это была правильная тактика, но в ней имелся один органический порок, избежать которого немцы не могли, - это диспропорция между силой могучего мотора и несовершенством немецкой пехоты. И вот стальным клином, вошедшим в эту брешь, были великолепно вооруженные русские стрелковые дивизии, оборонявшие Сталинград, их стойкость, их бессмертное мужество. Эту силу Крылов по-настоящему понял в Одессе, он измерил ее возможности в Севастополе, и он стал свидетелем и участником ее торжества на берегу Волги, в Сталинграде.

Вероятно, если через четверть века люди, командовавшие 62-й армией, встретятся с командирами сталинградских дивизий, эта встреча будет встречей братьев. Старики обнимутся, утрут слезу и начнут вспоминать о великих сталинградских днях. Вспомнят погибшего в бою Болвинова, которого нежно любили бойцы за то, что он до дна выпил с ними горькую чарку солдатской беды, Болвинова, который, обвязавшись гранатами, подползал к боевому охранению и говорил своим бойцам: "Ничего, ребята, не поделаешь, держись". Вспомнят, как Жолудева засыпало в блиндаже и он под землей вместе со своим штабом затянул песню: "Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!" Вспомнят трубу, в которой сидел Родимцев, и вспомнят, как в тот день, когда дивизия Родимцева переправлялась через Волгу, работники штаба армии сели в танки и поддерживали переправу. Вспомнят, как Гуртьева засыпало вместе со штабом в пещере и как друзья прокопали к ним ход. Вспомнят, как командир дивизии Батюк шел на доклад к командующему и крупнокалиберный германский снаряд упал ему под ноги, но не

разорвался, и как Батюк покачал головой и зашагал дальше, заложив руки за борт шинели. Вспомнят, как генерал Гуртьев звонил по телефону своему другу генералу Жолудеву и говорил: "Крепись, дорогой, помочь ничем тебе не могу". Вспомнят, как на замерзшем берегу встретились Горишный и Людников.

Вспомнят многое. Вспомнят, конечно, и то, как крепко жал Чуйков и как жарко бывало не только по дороге в блиндаж командующего, но и в самом его блиндаже. Многое вспомнят. Это будет торжественная, радостная встреча. Но будет в ней и большая печаль, ибо многие не придут на нее из тех, кого невозможно забыть, ибо все - и командарм и командиры дивизий - никогда не забудут великого и горького подвига русского солдата, большой кровью своей отстоявшего отчизну.

29 декабря 1942 года

Том II

Сквозь время - везде и всегда
Мучительно помним про это.
Пришла в сорок первом беда
И лишь в сорок пятом победа.

1943

И вспять покатилась орда.
Мы снова весь путь повторяли.
Мы брали назад города.
Мы близких навеки теряли.

Константин Ваншенкин

На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших г. Ленинград... Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли: г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липка, рабочие поселки NoNo1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная. Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда.

Из сообщения Совинформбюро

"В последний час" 18 января 1943 г.

Всеволод Вишневский

Битва на Неве

Ночь на 12 января... По заснеженным дорогам идут и идут войска, исчезая во мраке, в лесах. Движутся автоколонны. Дальнобойные батареи заняли фронт от Ладожского озера до

Ленинграда. Жерла устремлены на Шлиссельбург, на Московскую Дубровку, на Синявино. Мерцают кое-где огоньки. Мчатся с последними распоряжениями офицеры связи. Балтийским морякам-артиллеристам приказ о наступлении был объявлен рано утром. Темно, холодно. При скупом свете керосинки сверкают только молодые горячие глаза. Краткое вступление... "Город Ленина ждет. Он вправе требовать такого удара, чтобы немецкую блокаду к чертям сорвать и дух немецкий вообще выветрить из окрестностей".

На артиллеристов ложится задача очень большого значения. Сложные инженерные узлы, вся эта сеть немецких дотов, дзотов, траншей, укреплений, карьеров, батарей, затянутая вокруг Ленинграда, должна быть пробита! Артиллеристы-балтийцы выделяют сотни своих моряков и в ряды гвардейской пехоты. На аэродромах готовятся летчики. Балтика в историческом бою будет биться везде, и биться с таким напором, что он в памяти людской останется.

Дивизии на исходных рубежах. Все тихо, незримо. Сотни и сотни орудий, расставленных скрытно и умело, ждут. Утро. Глаза всех впились в стрелку часов. Ну, ну?.. 9 часов 30 минут, и загрохотали орудия. Артиллерия - "бог войны". Весьма свирепый и могучий бог, ничего не скажешь. Это металлургия Ленинграда, металлургия страны объясняла Гитлеру, что такое война против СССР.

Били многие калибры. От малых тявкалок до пушек-гигантов, снаряды которых покрепче авиабомб весом в тонну.

Дымом стало заволакивать горизонт. Наблюдатели впились в эту бурую стену, сквозь которую пробивались огни разрывов. Гул, гул, сплошной гул, а порой выбрасывало черные гейзеры дыма.

Орудия накалились. Пузырилась краска. Потом она стала гореть. Орудия были белого маскировочного цвета, - они стали бурыми, черными. От них волнами несло горячий воздух. Артиллеристы работали, не прекращая и не снижая темпов. Через руки проходили сотни пудов металла, сотни бросков, толчков, резких напряжений всех мышц. Люди обливались потом на морозе, сбрасывали ватники, бушлаты. Показались знакомые тельняшки и крепкие мускулы.

Стоял сложный смешанный гул, треск и грохот. В него вторгался львиный рык пушек. Немцы отвечали. Местами от обработки артиллерии чернел снег.

Бомбардировщики и штурмовики конвейером ныряли, пикировали прямо на немецкие позиции. Всеми овладела горячка боя. Сносились целые немецкие узлы сопротивления.

На некоторых участках ошеломленные, оглохшие фрицы

побежали спасаться во вторую линию. Артиллеристы добрались и туда...

В назначенный час двинулась пехота. Исходной точкой был на нашем участке знаменитый рубеж балтийских моряков на Неве: здесь все бойцы за редкую отвагу поголовно орденоносцы. Здесь в знак упорства, в знак неукротимости духа еще осенью моряки, взяв немецкий опорный узел, воткнули в глубину окопа русскую винтовку и на штык ее - матросскую тельняшку, полосатую, бело-синюю. Всю зиму немцы хотели сбить моряков с этого рубежа. Не смогли.

Теперь на этом участке и начался удар. Как шли, если бы вы видели, как шли ленинградские полки! По льду, среди разрывов - полыньи вокруг - лица, обращенные прямо к врагу, - и по морозу, в голубеющее небо клич: "За Ленинград!" Штыком и гранатой по сопротивляющимся фрицам!

Артиллеристы армии и артиллеристы-балтийцы перенесли огонь в глубину. Раскаленный металлический вал покатился дальше.

Бой в современной войне не решается одним броском. Завязалась борьба. Невские селения, электростанции, торфяные разъезды, склады - все было превращено немцами в крепостные сооружения, в фортификации разных видов.

На батареях переходили к методической стрельбе, потом вновь применяли огневые налеты. Так били орудия балтийских артиллеристов Тарасова, Потехина, Жука, Барбакадзе, Лезотова, Симакина и других. Всех не назовешь. Работали все - больные, раненые, девушки-связистки, писари. Никто в стороне быть не мог. Это за Ленинград! За всех родных, близких, столько перестрадавших... Все, что было в силах человеческих, сделано было в этом напряженнейшем долгом бою. Ночь сменилась утром. Стоял 17-градусный мороз. Утомленные непрерывной тревогой и стрельбой, люди не отдыхали. Ленинград честные, доблестные рабочие и работницы, инженеры и техники оборонных заводов - давал нам новый боезапас. Его выгружали по ночам у батарей. Мы не знали нужды в снарядах.

Бой длился сутки за сутками. Разрушались и истреблялись немецкие узлы один за другим, десяток за вторым, за третьим. Долгими ночами висели желтью мертвенные ракеты над лесами Невы. С озера в штурмовые атаки пошли храбрецы-лыжники. Немецкая оборона дала ряд трещин. Она стала разваливаться на куски.

Бойцы Ленинграда с упорством неописуемым двигались вперед и вперед. Артиллеристы продолжали свою работу.

С Невы везли раненых стрелков - героев штурмового удара.

Один майор спросил: "Где моряки?" Расцеловал их, закопченных, утомленных и радостных: "Ну, черти, и огонь вы дали! Ну и дали!"

Наблюдательные пункты сообщали новость за новостью. Наши штурмуют Шлиссельбург. Взято много опорных пунктов. Гонят пленных.

Огонь переносился все дальше. Впереди, по железнодорожным веткам, уже шли саперы, железнодорожные рабочие. Немцы огрызались, по ночам подтягивая железнодорожные батареи. Их засыпали огнем и выметали с их позиций. Вспыхивали новью пожары в немецком тылу. По ночам над нашими головами, почти задевая за телеграфные столбы, пролетали наши ночники-бомбардировщики - держать немцев, не давать им ни минуты передышки. К станциям в ближнем немецком тылу подвозили резервы. Их накрывали сразу форсированными артиллерийскими ударами. И в снегах оставались сотни трупов.

Артиллеристы Балтики во много раз перекрыли в этой битве уставные нормативы.

Бой принимал все больший размах. Из роты в роту, с батареи на батарею бежал слух: "Пробились, соединились!"

О, много еще мы будем говорить об этой битве. Но это потом. Сейчас бой продолжается. В радости своей ленинградцы обращают первую мысль свою к фронту. Чем они сегодня помогли ему? Чем его порадовали? Чем отдарить бойцов, которые идут сквозь болота и леса, по пояс в снегу, под огнем?

Поможем фронту всем, что только мы можем сделать. Будем громить, опрокидывать врага. Гнать его, гнать до края могилы, впихнуть туда поглубже, утрамбовать, засыпать, утрамбовать еще и еще. Ненависти, воли и силы у Ленинграда хватит! Мы сполна за все рассчитаемся с Гитлером. Расчет уже начат!

20 января 1943 года

Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск.

Из сообщения Совинформбюро

"В последний час" 2 февраля 1943 г.

Евгений Кригер

Ответ Сталинграда

Когда-нибудь в далеком будущем историки снова и снова вернутся к изучению поразительного явления в области военного искусства - обороне Сталинграда в 1942 году. Они ничего не смогут понять, если не примут в расчет один фактор, не поддающийся графическому изображению на картах и схемах.

В те дни советская страна находилась под угрозой небывалой, зловещей. Немцы под Сталинградом, в самом Сталинграде, немцы на горных перевалах Кавказа, в калмыцких степях, на подступах к нефти, немцы рвутся к Астрахани, заносят окровавленный меч над великой русской рекой, грозят перерубить гигантскую, питающую фронт артерию - Волгу. У всех на сердце великое слово: Сталинград. И в нем для миллионов людей и тревога, и гордость, и боль, и суровая прочная слава - на века, для потомков.

Изучая карту сталинградской обороны, будущие военные исследователи увидят, что все преимущества были на стороне гитлеровской армии. Множество сухопутных дорог для подвоза войск и боеприпасов к линии фронта (в то время как у защитников города одна переправа -через Волгу), обширная территория для маневра (у нас же позиции узкой полосой вытянуты вдоль берега Волги, втиснуты в каменную тесноту города и на многих участках расположены ниже немецких позиций). И, наконец, появление под стенами города колоссальных сухопутных и воздушных сил против немногочисленного в первые дни сталинградского гарнизона.

Все это вместе взятое покажет историкам, что в подобных случаях защитить город было немыслимо и самый факт успешной обороны в течение многих месяцев противоречит обычному представлению о человеческих возможностях.

И ничего не поймут добросовестные и точные исследователи, если забудут о самом важном факторе - о свойствах русских людей, о нравственной силе советского человека.

В Сталинграде, как и всюду, на всех фронтах, ядро армии, ядро обороны составляли люди, родившиеся после Октября и воспитанные революцией, подвигами партии и народа. Многие из них, зарывшись с винтовками в разрушенный немецкими бомбами камень, помнили железные ночи Тракторостроя, Магнитки, Кузнецка, бураны в степи, ледяной ветер, от которого дыхание застывало во рту и кожа трескалась на руках, помнили оркестры, игравшие марши в буранах, труд комсомольцев-бетонщиков, арматурщиков, гнавших бетон днем и ночью, чтобы заводы были построены к сроку на Волге, на Урале, в Сибири.

Сталинград - город нашей молодости. Молодые заводы, молодые сады на левом берегу Волги, новые школы и институты,

новые улицы. Я видел юношей и стариков, плакавших при виде горящего города, в котором многое было создано их руками.

Нож войны гитлеровцы вонзили в живое тело города. Молодой танкист, бывший учитель, рассказывал мне: он видел девочку, заваленную грудой камней на третьем этаже здания. Ее нельзя было вытащить. При малейшей попытке высвободить ее камень задавил бы девочку насмерть. Учитель видел хирурга, приступившего к чудовищной операции. Чтобы спасти девочке жизнь, нужно было отсечь ей зажатую камнем ногу. У девочки уже не было сил кричать: несколько часов она висела над дымящейся улицей. Внезапно хирург прервал операцию: немцы добили ребенка осколком.

Среди развалин, взывающих о мщении, в оцепенении города, раздавленного войной, в пламени и в дыму вдруг возникает детский хоровод. Взявшись за руки, дети танцуют. Это немыслимо. Тот, кто видел это, вздрагивал, будто глаза его поразила острая, резкая боль. Но это каменный хоровод - чудом сохранившаяся, исцарапанная осколками, опаленная пожарищем скульптурная группа: дети танцуют. Все, что осталось от площади. Этого я не забуду.

Таким мы видели Сталинград не одну ночь и не один день. Пламя войны терзало его многие недели, и уже не хватало в сердце горечи, чтобы до конца осознать нечеловеческую муку людей Сталинграда. И боль становилась злобой, сухой и едкой, как порох, брошенный на обнаженную рану. И самые простые, обыкновенные люди становились тогда солдатами невиданной обороны.

Много степных дорог вело с запада к городу, в район немецкой осады. Неделями, месяцами Гитлер гнал по этим дорогам войска, машины, снаряды, резервы, а у защитников Сталинграда была одна переправа, единственный путь к городу - через Волгу, в дыму, под бомбами и снарядами, под пулеметным огнем. Но одна русская переправа стоила многих немецких дорог. Город держался. По вздыбленной взрывами реке к нему пробирались волжские баржи с резервами, с боеприпасами, люди на берегу выстраивались в цепь, в реве и грохоте бомбардировок перебрасывались с руки мины, снаряды до самой линии боя, где люди срослись с камнем, и камень стал тверже, гнулись и ломались об него зубья вражеской военной машины.

Защитники Сталинграда, начиная от волжских лодочников на переправе до командиров дивизий и армий, дрались там, где драться было уже невозможно, стояли там, где выстоять было немыслимо, сражались в грудах камня, размолотого немецкими бомбами, изгрызенного немецкими танками, обращенного в пыль

немецкими машинами и снарядами. Они решили, что не уйдут, хотя бы на их головы свалился весь ад войны, и они не ушли.

Гитлеровские военные обозреватели называли это "бессмысленной храбростью русских". Гитлеровцы считали, что Сталинград более не может обороняться. На узкие кварталы города они сбрасывали не только бомбы, они сбрасывали листовки, обращенные к гвардейцам генерала Родимцева, к солдатам генерала Чуйкова, и в листовках изображали схему их окружения грандиозными силами немцев и убеждали, что сопротивление бесполезно, нужно прекратить борьбу, сохранить себе жизнь и сдаться.

Солдаты знали своих генералов. Они понимали, что немцы хотят посеять в лагере осажденных эпидемию страха. Солдаты топтали листовки ногами и снова бросались в атаку.

Тогда немцы решили довершить свой удар новым штурмом. Они начали штурмовать волю, психику, нравственную силу защитников города.

В небе ни на минуту не умолкал вой фашистских самолетов. Бомбардировщики появлялись с первыми лучами солнца и уходили только с темнотой. В один из самых трудных дней обороны они сбросили на узкий участок шириной в полтора километра две тысячи тонн бомб. Это - 1850 самолето-вылетов, 1850 ударов парового молота по хрупкому камню, в котором - люди. Взять измором нервы русского человека, долбить и долбить, ибо даже капля воды, падая непрестанно в течение многих и многих часов, может пробить человеческий череп и добраться до мозга.

Вслед за бомбардировкой гитлеровцы вводили в проломы свои танки, и перемолотый бомбами камень хрустел под стальными гусеницами, как во время пытки хрустят на дыбе человеческие кости.

Не было еще сражения, которое длилось бы непрерывно из часа в час, из минуты в минуту, неделями, месяцами. Такое сражение выдержали защитники волжского города.

В августе у германских генералов не было и тени сомнения в том, что Сталинград скоро, через несколько дней, будет немецким. Но еще в ноябре корреспондент "Берлинер берзенцайтунг" писал угрюмо:

"Борьба мирового значения, происходящая вокруг Сталинграда, оказалась огромным, решающим сражением. Участникам борьбы за Сталинград известны лишь ее отдельные ужасные детали, они не могут оценить ее во всем объеме и предвидеть ее конец. Если среди многих тысяч найдется Гойя, то пусть кисть его когда-либо изобразит потомкам все ужасы этой

уличной борьбы. У тех, кто переживет сражение, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется навсегда в памяти, как если бы он был выжжен каленым железом. Только позднее будут зарегистрированы характерные признаки этой войны, не имеющей прецедентов в истории войн, и будет создано тактическое учение об уличной борьбе, которая нигде еще не происходила в таких масштабах, с участием всех средств технической войны и в течение такого продолжительного времени. Впервые в истории современный город удерживается войсками вплоть до разрушения последней стены. Брюссель и Париж капитулировали. Даже Варшава согласилась на капитуляцию. Но этот противник не жалеет собственный город и не сдается, несмотря на тяжелые условия обороны".

Так писал гитлеровский корреспондент.

Фашистам хотелось бы, чтобы, "жалея собственный город", русские отдали его на растерзание фашизму. Но русские действительно жалели свой город, и они спасали его, они отстояли его, хотя, согласно "классической" военной теории, это невероятно, чудовищно.

Бой шел вплотную, как рукопашная схватка, где люди хватают друг друга за горло и душат. Но рукопашная схватка длится в окопе минутами, здесь она продолжалась месяцами. Бой шел в подвалах, на лестничных клетках, в оврагах, на высоких курганах, на крышах домов, в садах, во дворах - тесно было войне в Сталинграде. Люди вросли в камень, слились с городом в одно целое, и камни города стали живыми. В них слышались шорохи, человеческое дыхание, стук закладываемой обоймы.

Удержать Сталинград невозможно, но советские воины Сталинград удержали.

Как объяснить это?

Я помню слова начальника штаба 62-й армии, которую возглавлял генерал-лейтенант Чуйков. Начальник штаба работал в землянке, вырытой на самом берегу Волги. Он кашлял так, что больно было смотреть на него. Я думал, что он болен, и пожалел его, и сказал ему об этом, и он рассмеялся. Через полчаса я тоже стал кашлять, и тогда уже полковник пожалел меня и улыбнулся, и я понял, что кашель вызывается взрывными газами от немецких снарядов и бомб.

Начальник штаба трудился невозмутимо и обстоятельно, как в московском своем кабинете, приказания по телефону отдавал вполголоса, давая тем самым понять своим подчиненным, что все в порядке, обстановка для работы нормальная. И в тот день я запомнил его слова:

- Если бы три недели назад мне сказали, что и сегодня мы

будем в Сталинграде, я бы не поверил. Прижатые к Волге, без возможности маневра, с одной переправой... Нет, не поверил бы.

В то утро, когда происходил этот разговор, гитлеровцы бросили на поселок завода "Красный Октябрь" 130 танков с пехотой и автоматчиками. Бой развернулся в полутора километрах от землянки, в которой беседовал со мной полковник. Он продолжал:

- Кто может гарантировать, что через двадцать минут здесь не появятся немецкие танки и всем нам придется карабкаться на эти прибрежные кручи, чтобы выскочить, если до этого нас не прихлопнут? Это не только возможно, более чем вероятно. Тем не менее этого не будет.

Я спросил:

- Вы уверены, что вам удастся продержаться? Глядя на меня воспаленными от бессонницы глазами, полковник быстро ответил:

- Теперь да.

- Но ведь теперь вам труднее в тысячу раз, чем прежде, чем неделю, месяц назад.

- Да. Но теперь-то мы и узнали как следует наших солдат. Никто из них не хочет ни уходить, ни сдаваться. И они не уйдут, они верят в победу.

- Здесь?

- Да, - ответил полковник, - именно в этом положении и стоит верить в победу.

- Вы надеетесь на чудо? - спросил я.

Полковник усмехнулся.

- В советском военном лексиконе такого понятия нет. Мы надеемся на себя.

Вот что поражало всегда в Сталинграде. У солдат обороны даже в самые страшные дни не было чувства обреченности. Если немцы снова и снова переходили в наступление, - чем им ответить? Атакой! Так они действовали.

Когда-нибудь наши потомки увидят в обновленном солнечном городе бережно охраняемые руины домов, где держались гвардейцы генерал-майора Родимцева, бросаясь в атаку в тот час, когда немцы уже считали их мертвыми. Взводами они гнали немецкие роты, батальонами гнали немецкие дивизии, и городские кварталы, овраги, высоты трижды переходили из рук в руки. Гитлеровцы считали это бессмысленной храбростью русских. Смысл русской храбрости открылся врагам, когда их погнали от Сталинграда. Красноармейцы умели смотреть дальше и видеть больше, чем теоретики в фашистских штабах. Они знали, что рано или поздно их поведут в наступление. Это придавало им

силы и в обороне.

Я ни разу не видел среди сталинградских бойцов людей с печатью уныния на лице, хотя были моменты, когда пасть духом могли бы самые сильные. Сами же гитлеровцы, несмотря на преимущества своего положения, вопили, что попали в ад. Теперь этот ад в памяти любых агрессоров действительно "останется навсегда, как если бы он был выжжен каленым железом".

Я помню день, когда народы мира - в Европе и за океаном - услышали сообщение, потрясшее умы, опрокинувшее обычное представление о возможном и невозможном, затмившее все, что знали в истории войн о доблести солдат и мудрости полководцев.

Русские под Сталинградом перешли в наступление.

Далеким наблюдателям это казалось невероятным. Считалось, что даже оборона Сталинграда есть чудо и советские войска, державшие подступы к Волге, пережили тот предел сверхмерного напряжения, за которым силы человеческие исчерпываются. Большего от человека, самого отважного, самого стойкого, ждать нельзя. И вот, прижатые к Волге, окруженные, стиснутые со всех сторон дивизии Сталинградского фронта в полном взаимодействии с другими войсками Красной Армии переходят от обороны к решительному наступлению, берут гитлеровцев в кольцо, грозят раздавить всю армию фельдмаршала фон Паулюса.

Кто мог думать тогда, что внезапным и точно рассчитанным ударом советские войска выгнут стальную дугу немецкого окружения и муки Сталинграда превратят в победу Сталинграда, зажмут вражескую армию в тисках тройного окружения, заставят гитлеровцев зарыться в землю, голодать, питаться кониной и, наконец, предъявив предложение о капитуляции, получив отказ, начнут планомерное уничтожение всех германских войск в районе измученного Сталинграда.

В те тяжелые дни, осенью 1942 года, это казалось настолько невероятным, как если бы залитая лавой Помпея восстала из огненной своей гробницы и в страшной жажде возмездия поглотила Везувий.

С первого дня обороны советские солдаты верили, что рано или поздно их поведут в наступление. Вот почему не было видно угрюмых людей в Сталинграде, в дымящихся расщелинах между камнями, где и дышать почти немыслимо, а люди там дрались; на прибрежном песке, где оборонялись бойцы генерала Родимцева, хотя песок не может быть крепостью; на переправе, где лодочники и капитаны стали солдатами невиданной битвы; в толще города, где рушились стены домов и камни становились щебнем и пылью, а советские люди оставались стоять против десятков и сотен

танков противника.

Четверть века, прожитая с ленинской истиной в сердцах миллионов людей, стала и здесь гранитом на берегах русской Волги. Доблестная мысль снова, как год назад под Москвой, взлетела над войсками зовом к наступлению и победе. Когда не советские, а фашистские армии стали гибнуть под Сталинградом, выяснилось, что именно на этом участке фронта разыгралась решительная борьба не только между советскими и немецкими солдатами, но между гитлеровским генеральным штабом и генеральным штабом Красной Армии. И советский генеральный штаб победил. Победила железная выдержка. В самые страшные для всей страны дни подготовлялся в полной тайне неожиданный и роковой для немцев удар. Это - победа советской военной мысли, советского плана войны. Это - победа ленинской партии, ее стратегического гения, ее веры в народ, ее несгибаемой воли к победе.

Настал час, когда сквозь бешеный рее берлинского радио, предвещавшего близость триумфального для гитлеровской Германии конца войны, сквозь тревожную перекличку радиостанций Европы и Америки, вопрошавших о судьбе Сталинграда, сквозь грохот пушек германской осадной артиллерии, над душераздирающим гулом волжской битвы прозвучало:

- Вперед!

И гитлеровцы, окружавшие Сталинград, сами стали трижды окруженными, и гитлеровские генералы попали в плен вместе со своими голодными, оборванными, ошалевшими от страха солдатами, и страх от берегов Волги проник в далекую Германию, просочился во все немецкие дома, сковал оловянные сердца фашистских "фюреров", маленьких и больших, и самое острое жало вонзил в сердце бесноватого Гитлера.

Сталинград стал страшен Гитлеру, потому что Гитлер считал его преддверием к полной своей победе над советской страной и был убежден, что нет таких сил, которые способны были бы помочь русским в обороне волжского города.

Военные обозреватели многих стран предвещали неминуемое падение Сталинграда. Там, за океаном, мало кто мог думать, что десятки немецких дивизий завоют от страха, спасаясь от встречного штурма, зароются в землю, падут духом, потеряют волю к сопротивлению, увидев, как измученный, окровавленный город всей своей нетленной человеческой силой поднимается навстречу убийцам и заносит над ними тяжелый меч возмездия.

Окруженным под Сталинградом гитлеровским армиям предъявляется ультиматум о сдаче. В назначенный ультиматумом

час, секунда в секунду, повинуясь едва заметному движению часовой стрелки, сотни советских батарей открывают огонь, сотни советских бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков занимают фронт в небе, главенствуют.

На советской суше и в советском небе у Волги осуществляется доблестное "Вперед!" Это - ноябрь 1942 года. Поднятые из-под земли руки: гитлеровских солдат вытаскивают за шиворот из подвалов. Просунутые через проломы в стенах белые флаги: гитлеровские генералы сдаются в плен вместе со своими штабами. Монокли еще блестят у них под бровями, но в глазах свет потух.

Пленный фельдмаршал фон Паулюс предъявляет свои документы.

Кончено.

Гитлеровцы хотели победно промаршировать через Волгу. Мы помним, как они прошли через Волгу - одинокая, колченогая фигура пленного в соломенных чунях плетется по льду.

Тишина.

Мир, пораженный стойкостью Сталинграда, ждал объяснения того, что казалось чудом. Люди, сотворившие чудо, ответили всему человечеству:

- Это наша воля, наша вера в победу.

Февраль 1943 года

12 февраля на Кубани наши войска в результате решительной атаки овладели городом Краснодар...

Из сообщения Совинформбюро

12 февраля 1943 г.

Константин Симонов

Краснодар

Когда дымный рассвет поднимается над опаленным, дымящимся городом и на задворках еще стучат автоматы, и то там, то тут сухо щелкают винтовочные выстрелы, а на восточной окраине города, на булыжной мостовой, толпятся женщины, дети и неведомо откуда добытый букет цветов падает в первую въезжающую в город легковую машину, - должно быть все это, вместе взятое, и называется счастьем.

Да, горят дома, и невероятно изуродованные камни и железо громоздятся кругом, и нет дома, в котором не 'плакали бы о покойнике, но все-таки, что бы ни было, сегодняшний рассвет в Краснодаре - это счастье, трудное, прошедшее через смерть и горе военное счастье.

Счастье всегда приходит неожиданно. Так оно пришло к нам и здесь, среди пожаров и канонады, среди всех трагических случайностей войны, к которым как бы ни привыкали люди, до

конца привыкнуть они все равно никогда не смогут.

Уже неделю в городе было слышно, как бьют орудия, и хоть всю эту неделю они были примерно на одинаковом отдалении, но, подобно тому, как надежда сменялась опасениями и снова надеждой, - канонада казалась то очень близкой, то отдаленной, то снова близкой. Люди спали не раздеваясь. Изо дня в день, из ночи в ночь немцы, готовясь к неизбежному падению города, поджигали квартал за кварталом, и женщины с детьми на руках, среди огня, гонимые, переходили из дома в дом, из улицы в улицу, и казалось, что этому не будет конца, и хотелось шептать: "Когда же?" и кричать: "Скорей!"

Весь вечер в станице Пашковской и в предместье заливались пулеметы. Это было уже совсем близко, а все-таки и верилось и не верилось. Среди ночи в первые дома стали стучать и на вопрос: "Кто?" отвечали: "Мы" - одно короткое слово, к которому ничего не надо прибавлять, а люди плакали и боялись верить, и открывали двери дрожащими руками, и целовали незнакомых бойцов в колючие щеки, и, словно еще стараясь на ощупь проверить, - правда ли все это, осторожно трогали пальцами грубое сукно солдатских шинелей.

Я приехал в город на рассвете, а сейчас ночь, но за весь этот день мне так и не удалось ни с кем поговорить связно, основательно, до конца. Сегодня здесь все волнуются, все перебивают друг друга, все говорят обрывками фраз, вспоминают, забывают и снова вспоминают, и вдруг среди речи плачут и опять торопятся говорить, скорее говорить о самом главном, а самое главное, пожалуй, и не выговоришь словами, потому что это счастье. Счастье лучше слушается сердцем, чем выговаривается.

На окраине еще стреляют, и орудия бьют где-то близко, рядом, но кажется, что весь город вышел из домов, пощаженных пожаром; женщины суют бойцам в руки свертки с табаком и домашние, еще теплые пышки, выносят на дорогу крынки молока, потчуют проходящих солдат всем, что еще осталось в сожженном и ограбленном городе. Одни кричат "ура", другие говорят какие-то ласковые, первые приходящие на память слова, третьи не в силах говорить просто машут, машут руками.

Мосты взорваны. Чтобы добраться до центра города, мы долго крутимся между железнодорожными путями и наконец выезжаем на центральные улицы. Немцы готовились к неизбежному падению города, но последний удар войск генерала Рослого был все-таки неожиданным своей стремительностью. Впереди них горел и взрывался город, и весь этот день они, линию за линией, прорывали немецкую оборону с поспешностью людей, спасающих от огня и гибели свое родное гнездо. Части

полковника Богдановича за последние сутки в непрерывном бою прошли больше двадцати пяти километров. Смертельно усталые, они ворвались на окраину, но здесь та неведомая сила, какая в такие минуты рождается в сердцах русских людей, окрылила их, и они пронеслись через город, на плечах отступающих немцев, одним дыханием, одним порывом. На асфальте центральной улицы города - Красной, - опрокинувшись навзничь, лежат мертвые немцы, убитые час назад в последнем уличном бою. Вокруг них толпятся люди, мимо них безжалостно и спокойно проходят даже дети. Может быть, когда-то эти люди не могли равнодушно смотреть на кровь и страшились вида мертвого тела, но сейчас они спокойно смотрят на поверженных врагов, и я читаю в их глазах то простое, солдатское, чувство, которое за последние полтора года стало привычкой в армии. Они не жалеют, не содрогаются. Они считают: еще один убитый немец, еще один, еще два, -должно быть, так и надо, так и справедливо.

В поисках местной типографии мы выезжаем на одну из тихих, обойденных пожаром улиц. Где-то в конце ее слышатся звуки перестрелки, потом все стихает. Мы останавливаемся у ворот, чтобы спросить, куда ехать. Мой спутник на секунду вылезает из машины. Стоящая у ворот старая женщина подходит к нему, внимательно смотрит и вдруг, обняв, по-старинному, трижды неторопливо целует его.

- Сынок, сынок - говорит она, - не помнишь, сынок, а?

Я в первую секунду думаю, что, может быть, правда -это его мать, но нет: оказывается, он просто ночевал в их дворе в последний день, еще тогда, при наших, когда мы оставляли Краснодар.

- Вернулся, сынок, - говорит она. - Здоровый.

И хотя теперь я уже точно знаю, что он не ее сын, а случайный военный постоялец, но по интонации ее голоса, по тому, как она произносит это слово "сынок", мне снова кажется, что он все-таки ее сын.

По мостовой, прямо к нашей машине, задыхаясь, бежит простоволосая, в сбившемся платке, женщина.

- Поедемте, - говорит она. - Там у нас во дворе немцы ранили командира, вот прямо сюда, - и она тычет себя в грудь выше сердца. Поедемте, мы перевязываем его сейчас, но кровь так и бежит.

Через минуту въезжаем во двор, где у стены лежит один мертвый немец, а второй, застреленный, торчит в странной позе наверху, свесившись из слухового окна чердака.

- Он в него стрелял, вот этот, - говорит женщина, показывая на того, который свесился из чердачного окна, -а один побежал

туда, задворками, за ним два бойца побежали... Вы зайдите в квартиру, - кровь из него, бедного, так и бьет.

Мы заходим. На белоснежной хозяйской постели, между сбитых в сторону, залитых темной кровью, кружевных подушек, в разорванной гимнастерке лежит сержант. Грудь его наспех перевязана бинтами, сквозь которые все шире и шире проступает кровавое пятно. Раненый - без сознания, ему очень плохо. Вокруг него молча столпились женщины, и такое сострадание на их лицах, такое неукротимое желание все отдать ему, всем помочь, что мне кажется, он должен выжить силой этой материнской любви, этого желания.

Сын женщины, приютившей раненого, став на подножку машины, доезжает с нами до городской больницы и тут, соскочив, бежит во все лопатки по тропинке, ведущей к хирургическому отделению. Сейчас он там разыщет хирурга, разыщет во что бы то ни стало, и, если тому будет даже шестьдесят лет, он побежит к раненому, задыхаясь и все-таки не отставая от мальчика.

В саду за больницей нас встречает человек, который в первую секунду кажется мне стариком. Он обут в опорки, сквозь черную рваную гимнастерку просвечивает грязное тело. Голова у него седая, он все время трясется и дергается, одна рука у него висит как плеть, и он с трудом двигается, волоча распухшую, страшную, обожженную ногу. Слезы текут по его лицу, он даже не пробует их стереть, - очевидно, давно перестал их замечать. Дрожа и выговаривая слова с таким трудом, что мы едва их понимаем, он спрашивает, как ему дойти до коменданта. Мы долго пытаемся не то чтобы успокоить его, но хотя бы унять дрожь сотрясающегося его тела. Наконец он с трудом овладевает собой настолько, чтобы связно сказать, что с ним произошло. Он военнопленный, он раненый, - вот эта рука у него совсем перебита. Он был на ссыпке в том конце города, где несколько сараев, раньше там ссыпали пшеницу, а в последнее время там был лагерь для военнопленных. Позавчера немцы зажгли его, и там почти все сгорели. Когда стенка обрушилась, он пополз через обломки. Ему придавило ногу, он долго не мог выползти, и она обгорела. Но он все-таки выполз. Он узнал, что сегодня, вот только сейчас, пришли наши. Он почти не может идти, но ничего, он все равно дойдет до коменданта, он расскажет, что они сделали с пленными, вот они. И он рукой, которая на эту секунду становится твердой, показывает в ту сторону, где за садом громоздится огромное кладбище свезенных сюда немцами и скопом подожженных машин. "Они", - тычет он пальцем в сторону машин. И я чувствую, как он ненавидит не только самих немцев, но и все ими порожденное, все это серое, черное, обгорелое

подлое немецкое железо.

К середине дня количество пленных в самом Краснодаре переваливает за четвертую сотню. Они уже не помещаются в тесном подвале дома напротив горящего почтамта, куда их начали собирать с утра. Длинной цепочкой, одного за другим, их выводят из подвала. Они, спотыкаясь и хмурясь, поднимаются наверх по каменным ступенькам. Когда они идут по улице, люди, стоящие вдоль тротуаров тесной толпой, молча заглядывают в их лица. Стоит долгое угрожающее молчание, и вдруг среди этого общего молчания седой коренастый старик громко, на всю улицу говорит:

- Ну, что вы на них смотрите? Не нагляделись еще за шесть месяцев? Есть на что смотреть!

И, очевидно, большая человеческая правда есть в этих словах старика, потому что один за другим люди начинают отворачиваться от пленных немцев. И они идут дальше через по-прежнему враждебную , но уже почти равнодушную к ним улицу.

Да, нагляделись. Слишком нагляделись за эти шесть месяцев на них и на совершенное ими. И еще продолжаем глядеть, потому что все еще горит город, еще с треском рушатся пылающие бревна перекрытий, и вдоль всех центральных улиц тянутся ряды то взорванных, то обугленных домов, и тротуары завалены битым стеклом, камнями, кусками перегоревшей жести. Даже городской парк один из лучших парков юга - вырублен под корень. Даже самые маленькие каменные дома сожжены и разломаны. Каждый угол в городе - это своя трагедия, свои муки, свой ужас. Угол улиц Воровского и Шаумяна - виселица. На фонарном столбе - семнадцатилетний мальчик с дощечкой на груди: "Я распространял ложные слухи". Следующий угол - Красной и Ленина - еще один повешенный, еще одна дощечка: "Я не подчинялся приказам немецкого командования". Следующий угол - на столбе женщина: "Я отравила двух немцев". А дальше - развалины бывшего родильного дома, где, так же, как и на ссыпке, немцы три дня назад собрали раненых военнопленных и сожгли. Немецкие автоматчики стояли на углу, не давая ни выскочить из дома, ни подойти к нему. Женщины обежали дом задними дворами, проломали дыру в заборе и все-таки вытащили несколько десятков полуобгоревших раненых. Две или три из них поплатились за это жизнью: они были застрелены тут же у забора заметившими их немцами.

Краснодар - столица Кубани, один из старейших русских городов на Кавказе. Когда немцы входили в город и совали детям в руки грошовые шоколадки, четыре кинооператора с четырех разных углов снимали это. Потом немцы, разломав несколько

заборов и домов, раздавали женщинам эти краденые доски на топливо. Женщинам нечем было обогреть своих детей, и они брали доски. Четыре кинооператора с четырех разных углов снимали это. Немцы входили шумно и торжественно. Они входили в Краснодар, желая сделать вид, что эта столица Кубани и при них останется столицей Кубани. Они забыли только одно, - что русский город никогда не станет немецким городом, сколько бы дощечек с названиями они ни переменили на углах улиц и сколько бы портретов Гитлера с надписью "освободитель" они ни расклеили на заборах. Они вынули из нафталина двух дряхлых белогвардейцев, грызущихся между собой из-за того, кому из них предстоит владеть заказанной в Берлине гетманской булавой. Они открыли сбор в "фонд зимней помощи", собрали со всей Кубани семьдесят две тысячи рублей и в течение шести месяцев изо дня в день вербовали "кубанскую армию", которая в конце концов оказалась неполнокомплектной сотней. Они выдавали хлеб и сто пятьдесят рублей в месяц семьям иуд, пошедших служить в германскую армию, но за эти тридцать сребреников, несмотря на все старания, со всей Кубани не набралось и ста предателей. Люди голодали, пухли от голода, но не сдавались, умирали, но не предавали родину. И тогда вместо ворованных досок появились плети, вместо шоколада - виселицы, вместо кинооператоров - дополнительные отряды гестапо. Немцы сначала украсили улицы кубанской столицы виселицами, а потом сожгли эти улицы, взорвали дома, сделали все, чтобы хоть чем-то отомстить русскому народу за его непоколебимость.

Уже ночь. Пулеметов не слышно, все дальше, все глуше бьет артиллерия. Войска уходят на запад, к Таманскому полуострову, - туда, где, отчаянно огрызаясь, дерутся последние на Кубани немцы, где дыбом стоят их разбитые машины, где теснятся, давя друг на друга, на дорогах обозы, где на берегу пролива, ругаясь и дерясь из-за мест в лодках и на катерах, проклинают все на свете осатаневшие немецкие солдаты.

А на тихих ночных улицах Краснодара, над воротами домов, то там, то здесь трепещут маленькие полотнища наших красных флагов. Они маленькие потому, что прятать этот кумач - значило рисковать жизнью, и его рвали на небольшие кусочки, его засовывали в белье, под матрацы, в шкапы. Но едва-едва засинел рассвет и первые отряды наших войск пошли через город, кусочки кумача, заботливыми руками прикрепленные на самодельные палки, уже вились над горящими, дымными, многострадальными, но свободными улицами города.

И, должно быть, только тот, кто испытал на себе все, что пережили находившиеся здесь эти полгода, поймет, что такое

красный цвет этого обрывка кумача, висящего над воротами его сожженного дома. Это больше, чем радость, - это счастье.

1943 год

Гитлеровцы разграбили и разрушили город (Новороссийск. - Ред.). Целые улицы превращены в развалины. Фашистские палачи замучили, расстреляли и повесили тысячи мирных советских граждан.

Из сообщения Совинформбюро

11 апреля 1943 г.

Леонид Соболев

Зубковская батарея

Итак, наконец, вот он - Новороссийск...

Я покинул его почти год тому назад, когда никто не мог и подумать, что наступит день, когда эта третья база Черноморского флота окажется в руках фашистской армии. Я видел его полным силы. Отсюда уходили корабли и транспорты в помощь Севастополю, куда Новороссийск отправлял и войска, и "огурчики", и провиант, и нас, литераторов. Его улицы и дома я видел тогда в спокойствии полнейшем и в душевной заботе о Севастополе. И сколько посылок безымянным бойцам морских полков и Приморской армии от безымянных новороссийцев перевезли в Севастополь "оказии"!.. Для них, севастопольцев, Новороссийск тогда, в марте 1942 года, был некоей мечтой безмятежности, безбомбежности, покоя, отсутствия ежеминутной смерти.

И вот он - передо мной.

Я разглядываю смутные его очертания в линзы стереотрубы с батареи Зубкова, расположенной на высокой горе, которая так и называется Высокой. Батарея эта чудом существует на этой высоте, отлично известной немцам, известной настолько, что вся земля тут изрыта воронками от крупных снарядов, а деревья и кусты посечены осколками, вызывая в памяти одесскую Ильичевскую посадку осиповского полка или севастопольский дубнячок Третьего морского полка. Этой батарее фашисты не дают покоя, уж больно она им досаждает. Две недели назад она со штурманской точностью, минута в минуту по времени и метр в метр по дистанции, поддерживала куниковский десант, высаженный в самый город, который гитлеровцы считали захваченным надолго, если не навсегда...

А почему и не навсегда?

Ведь это - уже Кавказ, за ним - Персия, а там уже Индия и господство на всем материке Евразии...

Но неожиданным образом "адольфяне" - это новое словечко я подхватил здесь - застряли в черноморском флотском городе

надолго. Выяснилось, что Цемесская бухта непроходима ни по побережью, ни по воде. Обнаружился какой-то "девятый километр", а на нем - разбитый железнодорожный вагон.

Казалось бы, пустяк в громадной войне - вагон. Но он вырос в некий символ. Застряли тут гитлеровцы. Бьются, бьются, а пройти не могут, хоть брось. И не пройдут. Вот так и сидят тут они, бывшие завоеватели Европы, со страхом оглядываясь на черные от трупов снега под Сталинградом. Сидят и ждут у моря погоды. А погода на море для них оказалась неблагоприятная.

В ночь на четвертое февраля на побережье Новороссийска (которому фашистская газетка уже придумывала новое имя: "Адольфштадт" или "Кауказузсиг" - "Кавказская победа") внезапно высадился десант черноморских моряков. С помощью десятиминутного точного и обильного огня зубковской батареи они овладели крохотным участком берега возле мыса с романтическим названием мыс Любви. Вернее было бы именовать его "мыс Смерти", потому что за несколько дней до этого была попытка высадить разведчиков, и этот лирический мыс дал такой пулеметный, автоматный и орудийный огонь, который никак не соответствовал его наименованию.

На этот раз высадка была произведена в другом месте. Первый бросок флотского десанта под командованием майора Цезаря Куникова закрепился в немецких береговых траншеях, проник в кварталы Станички - и крошечная Малая земля, маленькая-премаленькая, величиной в сотни квадратных метров, была отнята у проклятых фашистов. За ночь на нее были переброшены новые десантные силы, и вот они уже проникли в другие кварталы, захватили Станичку и осели в ней крепко, по-флотски: всерьез и надолго.

Десант в Станичку был лишь частью большого плана. В другом, далеком отсюда месте побережья должны были высадиться основные силы, которым была поставлена задача освобождения Новороссийска, важного стратегического пункта обороны Кавказа. Но случилось так - чего в войне не бывает! - что демонстративная высадка, которая должна была только отвлечь внимание противника, превратилась в главнейшую.

Кто же осуществил эту высадку? Кто же перебросил первый героический отряд на весьма укрепленный берег и потом переправлял на него все новые и новые сотни бойцов?

Черноморская морская сила. Но на этот раз в поразительном качестве: не было тут ни гигантских линкоров, ни красавцев крейсеров, ни быстрых эсминцев, ни таинственных подлодок, - в Цемесской бухте нет для них ни глубин, ни простора.

Сделали это маленькие корабли с большой морской душой.

Сделали это СК и ПК (сторожевые и пограничные катера), РТЩ и КТЩ (рейдовые и катерные тральщики), "кимки" и "зисёнки" (катера морские или с моторами ЗИС), мотоботы, рыбачьи сейнеры (которые в свое время ловили в Черном море тюльку-сельдь), самоходные баржи и даже просто двадцативесельные баркасы, которых брали на буксир их разношерстные товарищи. Эта москитная флотилия совершила первый опасный рейс к сильно укрепленному берегу и под огнем высадила на него первый десант, а затем до утра перевозила подкрепления, боезапас, провизию, показав такое мужество и выдержку, какие стали потом нормой поведения в Цемесской бухте всего этого "Тюлькиного флота" - так добродушный и ласковый краснофлотский юмор окрестил это удивительное сборище водоплавающих храбрых малюток...

В линзы стереотрубы я вижу некое ничто: плоский рельеф разрушенных домов, щемящее душу несуществование города. Но я знаю, что где-то в подвалах, в землянках, в окопах -не вообразишь даже, где и в чем, существует, дерется, ужасает и побеждает врага могущественной силы силища: флотская, морсовфлотская, краснофлотская силища - добровольцы с боевых кораблей, бойцы из одесской и севастопольской морской пехоты, большевики, партийные и непартийные, комсомольцы горячего сердца, советские мужчины, все, в ком яростно рвется к подвигу неуемная морская душа...

Я медленно провожу волшебный взгляд стереотрубы вдоль берега бухты. Вот тот сгоревший танк, о котором мне успели рассказать: его убило прямой наводкой то орудие, рядом с каким я стою... Знакомый пирс... Возле него из воды торчат мачты - лежит на боку полузатопленный транспорт. Это "Украина", которая спасла столько человеческих жизней в осажденных Одессе и Севастополе. А за ней нашел вечный покой в родной черноморской воде дорогой моему сердцу лидер "Ташкент". Видеть его я не могу. Я только знаю, что он здесь.

Над кварталами Станички стали прорастать бурые разрывы крупных мин. Тотчас зубковская батарея приходит в свое опасное для врага действие. Двухминутный огонь. Запылал домик. От него отъехали три машины. Снаряд упал возле них, и две остались рядом с костром, переняв на себя языки пламени.

На Станичку начался налет - семь "юнкерсов". От Мысхако до цементного завода мечется в небе окаянная стая, то и дело опуская хищные клювы в стремительном пикировании. Тогда из земли встает очередной желто-черный столб. Вокруг самолетов возникают цветные облачка зенитных разрывов. Один из "юнкерсов" вдруг выпускает длинный черный хвост дыма и идет

на посадку. Это тем более неожиданно, что около него не было ни одного цветного пушка он был ниже их, ближе к земле. Тут его и сразила автоматная очередь. Автоматная!.. Он потянул в сторону, дымя и пылая, и наконец врезался в склон горы и долго еще горел там.

Я думаю о том, какой же нравственной силой наделены эти люди, которые находятся сейчас на крохотном кусочке отвоеванной советской земли, бьются там в полной уверенности, что дождутся в своих разбитых кварталах прихода победы.

Здесь, в Станичке, чье имя войдет в историю, я вижу тот же бессмертный огонь, какой видел я в Одессе и в Севастополе. Этот огонь - безмерная любовь к своей стране и безмерная ненависть к врагу. Он маленький еще, этот огонек, вспыхнувший две недели тому назад в Станичке. Но будет время, когда он встанет огненным столбом и сольется с тем ураганом беспощадного, всесжигающего пламени, которое испепелит последние остатки осквернившей нашу землю военной силы проклятого фашизма.

24 февраля 1943 года

На Западном фронте наши войске продолжали вести наступательные бои.

Из сообщения Совинформбюро

24 марта 1943 г.

Лев Славин

Дороги идут на запад

Дорога на фронт разделяется на несколько неравных частей. Первый отрезок ее, что начинается у Москвы и летит сверкающей стрелой на запад, никогда не был занят немцами и сохранил все великолепие мирного времени. Зеркальной гладкости асфальт, цветущие деревни по сторонам, кирпичные аллеи заводских корпусов, щегольские коттеджи санаториев, яблоневые сады, дачные автобусные станции. Забывшись на минуту, можно вообразить, что путешествуешь в обильном и счастливом мирном времени.

Потом въезжаешь на вторую часть этой дороги. Она пролегает по земле, откуда немцы были выгнаны еще прошлой зимой. Здесь видна могучая восстановительная сила советского народа. Раны залечены, хоть рубцы и остались. Сорванный асфальт заменен отлично укатанным гравием, местами булыжником. Развалины убраны, многие дома восстановлены. Сверкают новые кровли. Дети идут в школы. Дымят заводские трубы. Погоняя сытых лошадей, колхозники везут продукты в город.

Вдруг машина делает прыжок, переходя с гравия на обнаженную землю. И так без перехода начинается третья часть дороги, освобождаемая от немцев в эти дни.

Граница между этим отрезком и предыдущим обозначается линией фронта, передвинувшейся на запад, - поваленные, растоптанные колья с колючей проволокой, разбросанные противотанковые "ежи" и "пауки", извилистые нити опустелых окопов.

А по бокам - пустыня современной войны. Временами машина взлетает на пригорок, и открываются широкие горизонты. Но, насколько хватает глаз, видна все та же ужасающая пустыня, которую оставляют после себя немцы. Слышен только гул военных машин, да в поредевшем лесу поют птицы. На всем протяжении пути по освобожденной Смоленщине, некогда столь густо застроенной, я встретил в колхозах не более десятка уцелевших домов. По исковерканной дороге идут женщины, волоча за собой тележки с жалким скарбом. На месте изб своих они находят только неясные пятна на снегу. Все сровняли с землей фашистские палачи!

Уходя, немцы старались поставить возможно больше препятствий на пути наступления наших войск. Дорога эта славилась своими превосходными мостами. Сейчас на их месте - железобетонный хаос. Рядом - свежие бревенчатые мостики, быстро и прочно наведенные нашими саперами.

Дорога истыкана продолговатыми дырками, откуда извлечены мины. Вот они, обезвреженные, лежат грудами за обочиной. Кое-где торчат шесты с надписью, наскоро набросанной заботливой рукой сапера: "Здесь мины". Мы стараемся ехать по накатанным колеям.

Вдоль дороги валяются немецкие боевые машины. Вот куча обгорелого металлического хлама - то, что некогда было тяжелым танком. Толстая броня его скомкана, как бумага. Исковерканные пушки. Офицерский автобус, оттянутый в сторону, чтобы не мешать движению. Он лежит на боку дверцей в землю. 'Как же из него вышли немцы?" -интересуется проходящий мимо боец. "Так и ушли: в землю", - отвечает другой. Могилы, березовые кресты, на них - немецкие каски. Новенький, только что сколоченный барак с вывеской: "Пункт отогрева". Озябшие автоматчики забегают туда погреться горячим чаем. Рядом со своими шлангами и бочками располагается пункт заправки горючим. Полуразрушенные дзоты. Вороны взлетают над раздутым трупом лошади. Кости, черепа. А над всем высокое звучное небо.

У перекрестка валяется немецкий самолет. Обгорелые лохмотья дюраля, свернувшиеся от нестерпимого жара. Мотор с вывалившимися поршнями. Мальчуган лет двенадцати, с грустным лицом, с котомкой за плечами задумчиво смотрит на него. Внезапно охваченный мальчишеской страстью к сувенирам,

он тянется к полуразбитому альтиметру, виднеющемуся в обломках кабины, и вдруг с отвращением отшатывается: из кабины торчит обугленная нога в нерусском сапоге.

- Чего грустишь, мальчуган? - кричит кавалерист в помятой каске, тут же остановивший коня.

- Что вы меня в армию не берете, - угрюмо отвечает мальчик, - оттого я грущу.

- Вырастешь, возьмем, - отвечает кавалерист и трогает коня.

- Да! Покуда я вырасту, вы всю немецкую сволоту сами перебьете, отвечает мальчуган и с жадностью смотрит вслед машинам.

Вот шагает группа автоматчиков. Слышны разрывы снарядов. Автоматчики идут с оружием наперевес. Посреди них знаменосец Никитин. В руках у него аккуратно закутанное в чехол знамя полка. Никитин крепко сжимает древко. Это люди из взвода командира Ткаченко. Им приказано принести знамя туда, к переднему краю, где сражается часть.

Все ближе район боевых действий. Временами снаряды разрываются совсем недалеко. Взлетающие комья земли ударяют бойцов.

И вдруг снаряд ударил близко. Полетели осколки. Никитин упал. Кровь потекла по снегу. Знаменосец лежал, не выпуская древка из рук. Он умирал. Автоматчик Краснощеков поднял пробитое знамя и пошел вперед своей развалистой походкой сибирского охотника. Автоматчики двинулись за ним, по-прежнему окружая знамя. Они прошли сквозь огонь и доставили знамя в часть.

Здесь пролегает четвертый отрезок дороги. Он идет сквозь места, где сражаются. Все покрыто талым мартовским снегом. Иные воронки полны водой, мутной, глинистой. Весенний тревожный воздух полон пронзительной сырости. Меж деревьев торчат опустелые фрицевские шалаши с оконными отверстиями. Из них несет всей вонью войны. Регулировщики на перекрестках становятся строже. Особенно придирчивы девушки-регулировщицы. Одна из них, в тулупе, с винтовкой, с косами, выбивающимися из-под каски, долго вглядывалась в наш пропуск.

- Гербовая печать должна быть, - строго сказала она. Бах! Невдалеке разорвалась мина. Мы вскочили в окопчик. Еще мина. Жужжали иззубренные осколки. А девушка, стоя в щели, тыкала пальцем в пропуск и назидательно говорила:

- А у вас печать обыкновенная, а не гербовая. Это непорядок.

* * *

Современная война поставила саперов в авангарде армии. Саперы впереди. Они возрождают к жизни дороги, взорванные немцами. В освобождаемых населенных пунктах первыми проникают они в подвалы и чердаки домов и по еле слышному тиканью часового механизма находят и разряжают вражеские мины замедленного действия. Они прокладывают пути сквозь поля и леса, утыканные фугасами и минами. Они делают это,

проявляя поразительную самоотверженность, ловкость и быстроту. Гвардейцы-саперы подразделения лейтенанта Полякова в течение одного дня обезвредили двести мин. Саперы стали героями армии.

Пятый отрезок дороги пролегает сквозь места, еще занятью противником, пронизывая далекие вражеские тылы. Бойцы наши проникают и туда.

Недавно наши войска брали деревню Л. Немцы отступили к ней, предварительно они подожгли соседнее село. Главную свою оборону немцы организовали на дороге, уверенные, что по ней-то мы и будем наступать.

Командир наших наступавших подразделений предпочел обходной маневр. Понадобился проводник через лес. Им вызвался быть житель подожженного села старик Иван Борунов.

Он совсем уже было собрался идти, как вдруг оглянулся и замер в молчании.

- Ну, что же вы? - сказал командир.

Борунов помолчал и сказал глуховато:

- Идти сейчас надо? Или можно погодить малость? - Идти нужно немедленно, - нетерпеливо сказал командир, - или вы передумали?

Старик помолчал еще немного, потом повернул лицо свое, озаренное пожаром, и решительно сказал:

- Пошли.

Лесными тропами он вывел подразделение наше в тыл деревни. Стремительным натиском бойцы овладели деревней, не понеся потерь.

- Почему вы тогда спросили меня, - сказал командир, -надо ли идти немедленно?

- А видишь ли, какая вещь, - задумчиво сказал Борунов, - я как раз увидел, что пожар, стало быть, перекинулся на мою избенку. Там у меня добро, конечно. Но как надо немедленно, ничего, пущай горит. После победы новое наживу.

Командир обнял старика и повел бойцов дальше, на запад.

* * *

Эта великая фронтовая дорога имеет еще одну трассу. Она не видна. Но летчики знают ее хорошо. Она пролегает в небе.

Капитан Вдовин - дважды орденоносец. В авиации он уже двенадцать лет. Твердое лицо его словно обточено ветром поднебесных высот. Он воюет с первого дня войны. Опытный разведчик и бомбардировщик, он ни разу в жизни -ни в этой войне, ни в финской кампании - не был подбит, не имел ни одной аварии, ни одной вынужденной посадки, ни одной царапины. В мирное время вы могли любоваться точностью его полетов над

Москвой, так как с 1934 года он - неизменный участник авиационных парадов над Красной площадью и незабвенных тушинских празднеств.

Он осторожен и неустрашим. Не имея шансов на победу, он не кинется в атаку, но от навязанного боя никогда не уклонится. Искусная техника пилотирования позволяет ему выходить из жесточайшего заградительного огня почти без пробоин. Не раз бывал он атакован вражескими истребителями. Однажды шел он в составе двенадцати самолетов. На группу эту налетели двадцать немецких истребителей. Наши самолеты открыли мощный огонь. Немцы налетали и сзади, и сверху и не могли сломать строя наших самолетов. Отбиваясь от атаки, Вдовин и другие одновременно заходили на цель, хорошо отбомбились, сбили два немецких истребителя и без потерь, тем же строем ромба, вернулись домой.

Летчики летают по-разному. Один резвится, как жонглер, другой работает в небе, как дровосек. Можно найти летчиков более эффектного стиля, чем Вдовин. Но нельзя представить себе боевой работы более методичной, более точной, более равномерной и в результате более успешной, чем работа типичного русского воина капитана Вдовина.

Он летает во всех условиях, в любую погоду, при любой облачности.

Повседневность боевой работы сделала для Вдовина его собственный героизм неприметным, заурядным.

Поэтому он рассказывает о своих делах очень сдержанно, самыми будничными словами:

-Очереденку дал хорошую.

- Провосьмерил район.

- Полет был довольно насыщенный.

И он улыбается какому-то своему невысказанному воспоминанию, и на твердом, темном лице его сияют ясные голубые глаза.

Во Вдовине та неуставаемость, та тягучая медленная сила, которая есть в спокойствии русской природы, в ровности русского характера, в протяжности русских песен, в стойкости русского солдата.

Каждый раз, подымаясь, он летит не на подвиг, а на работу. И каждый раз, возвращаясь, он прилетает с победой.

Это так естественно. Ведь он знает свое небо, небо Западного фронта, так же хорошо, как лесник свои лесные тропы или как путевой сторож свой участок дороги. Потому что в небе тоже есть дороги, и они тоже ведут с востока на запад.

29 марта 1943 года

Вера Инбер

Так надо

Помню, в осенний вечер сорок первого года мы возвращались из филармонии, с концерта. Небольшая группка людей, мы долго ждали трамвая. Темный, темный город окружал нас. Смутно, как отяжелевшее облако, намечался купол Исаакия.

Внезапно где-то слева порозовело небо, алые отблески упали на клубящиеся тучи. "Луна", - радостно прозвучал в темноте женский голос.

"Луна ли?" - раздумчиво спросил мужской. "Обязательно она", подтвердил старческий. И вдруг все голоса одновременно воскликнули: "Зарево!" И горестно умолкли.

Это была война. Это были немцы.

Мысль не мирилась с этим, душа не принимала. Как? Мы только что слушали Чайковского. Как хороши были скрипки. Мы ждем трамвая. Придя домой, мы сядем к столу, пододвинем лампу, раскроем книгу. А война уже рядом. Уже немцы жгут окрестности города. Нестерпимо все это было!

Но настанет день - и события потекут в обратном порядке. Еще будут на улицах бойницы, а уже будут сняты с окон синие шторы. Еще будут замаскированы боевые корабли, а уже первая яхточка, доверчиво трепеща парусами, пойдет навстречу морю. Но сначала надо добиться этого. Для того чтобы засветились окна, надо много еще сбить немецких "юнкерсов" и "мессершмиттов". Много усилий для этого надо приложить нашим прожектористам и зенитчикам, нашей истребительной авиации.

Для того чтобы яхточка распростерла крылья, нужно разминировать балтийские воды, отодрать от берегов приросших к ним немцев. Много еще предстоит трудной, грозной военной работы.

Я столько видела в Ленинграде трагического, трогательного, жестокого и человечного, что не знаю - хватит ли жизни, чтобы описать все это.

Я пережила там первые бомбежки, когда горели продовольственные склады. Ленинградцы молча глядели на зловещий жирный дым и говорили: "Это горит масло. Это горит сахар". Окутанный этими черными клубами, в море пламени шел на Ленинград голод. Позднее - люди бережно собирали возле сгоревших складов землю, пропитанную сахаром и маслом, кипятили ее, фильтровали, извлекая оттуда крупицы сахара, золотники жира.

В Ленинграде я видела первые артиллерийские обстрелы. В те дни в городе происходила внутренняя, "трамвайная",

эвакуация. Из более опасных, "фронтовых", районов людей эвакуировали в менее опасные, "тыловые". В трамваях везли колыбельки с грудными детьми, стариков и старух. Везли мелкую домашнюю утварь, книги, иногда вазон с цветами, иногда клетку с птицей, все, что дорого сердцу по воспоминаниям.

Через два-три дня такая эвакуация сделалась бесполезной. Все районы стали одинаково опасными, все были в сфере огня, все были фронтовыми.

Зимой сорок второго года я видела, как две женщины, еле стоящие на ногах от утомления и голода, впрягшись в салазки, везли третью женщину с мертвым ребенком на руках.

Вдруг они остановились и сказали двум другим, незнакомым женщинам: "Нам пора на работу. На завод. А вы отвезите ее домой, вот адрес". И те молча впряглись в салазки и повлекли их дальше. В другой раз, в свежий весенний день, девушки вели на веревках баллон для аэростата. Ветер с моря, казалось, вот-вот вырвет из девичьих рук огромную махину. Проходивший мимо балтийский моряк сказал с добродушным лукавством: "Девушки, ох девушки. Оторвет вас, пожалуй, от мостовой и унесет куда глаза глядят".

Стройная девушка, борясь с ветром и отводя плечом бившие ей в глаза кудри, ответила твердо: "Не оторвет. Нас от нашей земли никто не оторвет".

Моряк остановился: "За такой ответ, девушка, хочу пожать вашу руку".

- Не могу, - ответила та. - Сейчас обе руки заняты. Вот победим тогда...

Мне иногда задают вопрос: "Каковы условия писательской работы в Ленинграде?" В ответ на это и я задаю вопрос: "А зачем непременно условия? Можно писать и без условий, если это нужно".

В связи с этим мне вспоминаются два небольших эпизода. Первый произошел на фронте, на командном пункте артиллерийского дивизиона. Вся жизнь здесь протекала под землей, в блиндажах и землянках. Под землей мы провели литературное выступление, мы беседовали с бойцами, встретились с военфельдшером и врачом, завтракали у командира, слушали радио, побывали в редакции дивизионной газеты.

При входе в одну из землянок нам сказали: "Осторожнее входите. Здесь темновато, электричества нет".

Мы вошли. Со свету мы сначала не увидели ничего. Слышно было только чье-то мирное дыхание и похрустывание, кротко светились зеленовато-рубиновые огоньки. Милый запах сухого

сена наполнял землянку.

Это была подземная конюшня. Здесь стояли три дивизионные лошадки, славные боевые коньки. Здесь их укрывали от опасностей, кормили их, ухаживали за ними. Силой обстоятельств кони свыклись со своим помещением, хотя, вероятно, наверное даже, порой и томились. Красноармеец-конюх ласково трепал их по шее, приговаривая: "Что делать, так надо. Война!"

Второй эпизод произошел на несколько месяцев раньше, в самом Ленинграде. С обеих сторон Аничкова моста стояли знаменитые бронзовые кони работы скульптора Клодта. Обнаженные юноши держали их под уздцы.

Когда начались в Ленинграде бомбежки и обстрелы, все наиболее ценные памятники на улицах и площадях были тщательно обложены мешками с песком и обшиты деревянными щитами. Что касается бронзовых коней с Аничкова моста, их укрыли где-то под землей. К постаментам вплотную подвезли площадки грузовиков, осторожно перегрузили на них коней и юношей. И увезли и тех и других от бомб и снарядов.

Мысленно я следую за ними, и воображение рисует мне надежные сводчатые подвалы старинной кладки. Там, в темноте, стоят бронзовые кони, глухо бьют копытами о древний камень, томясь по простору, к которому они привыкли на мосту. А юноши гладят их гривы, говоря: "Что делать, так надо. Война!"

Я вспомнила обо всем этом потому, что у нас, у поэтов, как известно, тоже есть свой конь. Имя ему - Пегас. Это волшебный крылатый конь, порожденный античным воображением тысячелетия назад, но вечно юный.

Это символ окрыленных замыслов, смелого полета мысли, широкого кругозора, этого "конька" нельзя держать в укрытии. Если ему и нужны иногда землянки и подвалы, то только для того, чтобы точнее описать их. Но укрываться там он не может. Не имеет права.

На фронте ли, в тылу - но он обязан быть там, где бьется пульс страны, где происходят решающие события, где идет борьба с врагом, где в тяжких трудах, грозных битвах добывается победа.

Если нашему коню иногда трудно, мы треплем его по гриве, говоря: "Что делать, так надо. Война!"

13 апреля 1943 года

Западнее Гжатска наши войска продолжали наступление и заняли несколько десятков населенных пунктов.

Из сообщения Совинформбюро

9 марта 1943 г.

Оскар Курганов

Три километра на запад

До опорного пункта осталось три километра. Это Косухин знал хорошо. Он измерил путь к деревне Силки, где укрепились немцы, изучил лесок, лощину за ним, два холмика, поле, покрытое талым снегом. Вот еще речонка - приток Угры, - ее придется перейти за лесом: там отлогий берег. Может быть, тогда дорога к деревне удлинится, но по прямой здесь - рукой подать! Шесть сантиметров на карте, три километра на местности. Косухин представлял теперь тот клочок земли, который ему надо было преодолеть, чтобы приблизиться к деревне. Склонившись над картой и освещая ее уже желтеющим накалом фонаря, Косухин видел не тонкие, едва заметные линии, не зеленые и серые пятна, а все, что таилось за ними, - тракт, минированный и непроходимый, лес, на опушке которого лежали сваленные снарядами ели, узкие просеки, бугры у реки, тропу и лощину - по ней можно идти даже под огнем врага. Нелегко далось Косухину это точное знание местности - весь вечер он ползал с саперами, стараясь при свете луны разглядеть подступы к деревне. Он вернулся мокрый, весь в грязи, вздрагивая от напряжения и усталости.

Батальон уже отдыхал.

Впрочем, можно ли было назвать это отдыхом? Люди спали в траншеях, вырытых в снегу, у потрескивающих костров, прикрытых плащ-палатками. Нет ни времени, ни возможности сооружать теплые землянки или блиндажи, а деревни уничтожены огнем, снарядами, отступающим врагом.

Два дня и две ночи, не задерживаясь, то пробираясь лесом, то проползая по заснеженным полям, то шагая по колено в талой воде, с боями наступал, двигался на запад батальон Косухина. Кони выбивались из сил, они то и дело проваливались в снег, их приходилось поднимать. Автомобили и орудия застревали в грязи уже начинающейся распутицы - моторы закипали и глохли, тогда им помогали люди. Они упирались руками и плечами в кузова, цеплялись за спицы колес орудийных лафетов, подталкивали или тянули их за собой, взявшись за веревку, и делали все это, не расставаясь ни с вещевым мешком, ни с винтовкой, ни с патронами. Только они, эти простые советские люди, казалось, не ощущали усталости. Они выдерживали и в воде, и в снегу, и в почерневшей жиже лесных дорог. Людям на войне, да еще во время наступления, не полагалось уставать, и они оказывались сильнее, выносливее - и коней, и автомашин, и танков.

Люди падали, лишь сраженные пулей или осколком, истекая кровью.

В эту ночь капитан Косухин остановился только потому, что

предстоял упорный бой, а нужно было осмотреться, прощупать вражеские позиции, обдумать все до мельчайших деталей.

Еще днем Косухин послал трех саперов разминировать кустарник и лес, по которым должен был пройти батальон. Тимофей Ковальчук, Николай Марченко и Василий Дрозд ушли, спрятав банки с мясными консервами.

- Вернемся - будет закуска, - улыбнулся Дрозд и взглянул на Косухина, как бы определяя, понял ли капитан его намек.

- Ладно, там видно будет, - ответил Косухин.

Они ушли с деловитой неторопливостью знающих свое дело людей. Вернее, не ушли, а поползли. Немцы держали под минометным и пулеметным обстрелом дорогу и поляны - надо было пробиться сквозь завесу огня. Может быть, в те дни, когда они только становились воинами, тоскливый и смертный вой приближающихся мин задержал бы их. Теперь же саперы знали, где прятаться от осколков, когда зарыться в снег, как обмануть смерть. Они вернулись к вечеру, но Дрозд лежал на спине Ковальчука ничком, свесив руки, а ног у него не было.

- Как его? - тихо спросил Косухин.

- Не уберегся, товарищ капитан, - ответил Марченко почему-то виноватым тоном, - на мину наткнулся... Теперь к лесу можно идти...

Повар принес ему котелок с кашей, но Марченко неохотно потянулся за ней. Он прилег на снег, наблюдая за врачом, который склонился над смертельно раненным Дроздом. Косухин открыл свою флягу и предложил Марченко:

- Хочешь?

Марченко покачал головой и ответил:

- Теперь бы, товарищ капитан, куда-нибудь на пол... И ночи на три...

Но изба, пол, три ночи - это казалось несбыточной мечтой. А все-таки людям надо отдохнуть, и Косухин уложил всех в снежных траншеях у занавешенных палатками костров. После ужина бойцы заснули сидя, прижавшись друг к другу. Лечь нельзя было, потому что оттаявший снег образовал в траншее лужи. Усталые люди спали крепким солдатским сном, забыв о нестихающем минометном обстреле, о промокших шинелях, о холоде и даже о тех трех километрах, которые им утром надо преодолеть, чтобы выбить врага из деревни Силки. Не мог о них забыть только капитан Косухин. Он сидел на патронном ящике в снежном окопе, сняв сапоги и спрятав окоченевшие ноги под шинель.

Уже восьмой десяток километров шел он со своим батальоном по смоленской земле. В те дни, когда немцы

поспешно отступали под ударами наших войск, бросая насиженные гнезда под Гжатском и Сычевкой, Косухин должен был не отрываясь преследовать их. Теперь они усиливали сопротивление и, подтянув танки, пехоту и артиллерию, переходили в контратаки. Вновь гул ожесточенных сражений сотрясал Смоленщину. Каждый километр советской земли приходилось отбивать. Вот теперь враг укрепился в Силках. Еще утром полковник напомнил Косухину:

- Не забывайте, что Силки - опорный пункт. Но деревню надо взять...

Может быть, в деревне этой уже не осталось ни одного дома, но драться за нее нужно, - там, в лесу или в пещерах, вырытых в горе, таятся люди, полуголодные и исстрадавшиеся, - они ждут его, Косухина. Он с начала наступления ощущал невидимую связь с ними, чувствовал на себе их полный надежды взгляд.

Усмехнувшись, Косухин отложил карту и потянулся за котелком с остывшей кашей.

- Вернусь домой, меня спросят, где ты, Вася, воевал -под Сталинградом или под Харьковом... А я скажу: под Силками... Да, деревню надо взять...

Но хотя Косухин понимал, что Силки - это не Сталинград, не Харьков и даже не Дорогобуж, путь к которому идет через Силки, в ту знаменательную ночь деревня эта представлялась ему важным центром, а три километра, отделившие его от опорного пункта, - целью жизни. Больше ни о чем он не мог думать. Не успев задремать, он уже просыпался, надевал сапоги и поднимался по крутой тропе из снежного окопа в лес. Косухин был еще молодым человеком, но уже испытал всю горечь войны. Здесь вот, на Днепре, а потом и на Угре, он начинал драться с врагом в 1941 году. Тогда он еще был лейтенантом, только вступающим на суровый путь воина. Может быть, именно в этом лесу бомбили его немцы, а он лежал в смертной тоске. Он уже хотел встать, но кто-то прошептал: "Вот, вот на нас!" И Косухин вновь припал к земле. Он прижимался к влажной траве, и мир в то мгновение был мал и охвачен пламенем. Но потом, устыдившись своей слабости, он вскочил. Вдали уже стоял, прислонившись к ели, молодой старшина - Костя Воронов. Он целился в самолет, хотя был ранен. Кровь стекала по лицу Воронова, но он не замечал ее. А когда стих гул бомбардировщиков, он бессильно сполз к земле, цепляясь ремнями за сучья. Косухин нес Воронова весь день и всю ночь. "Мы еще вернемся сюда, верно. Костя?" - спрашивал Косухин, а Воронов только отвечал: "Конечно!" Должно быть, они шли правильным путем все эти восемнадцать месяцев войны, если

встретились в дни возвращения на запад. Воронов уже стал лейтенантом и вел за собой вторую роту, или, как ее называли, косухинскую. Воронов гордился ее традициями и не уставал повторять бойцам излюбленную истину Косухина: "Спать, есть, ходить и отдыхать вас научила мать родная, а я вас должен научить не спать, не есть сутками, не отдыхать неделями, ползать, стрелять, бить врага..." Это была простая солдатская мудрость, подсказанная жизнью и опытом. Теперь и Косухин, и Воронов, и те люди, которых они вели в наступление, были уже более выносливыми, крепкими и умелыми воинами. Косухин не стал бы прятаться от бомбардировщиков, не поддался бы даже временно гнетущему чувству страха... Он уже понял, что в наступательном бою нужны не только храбрость, но и ум, и тактические знания... И теперь, обдумав весь ход предстоящей операции, он с внутренним спокойствием ждал рассвета.

Тем временем к опушке леса подтягивались наша артиллерия и танки. Они должны будут подавить укрепления на холмах у деревни Силки. В глубоком снегу прокладывали себе дорогу ездовые. Им приходилось самим впрягаться и тащить за собой застревавшие пушки, санки-лодочки со снарядами. Всю ночь не прекращался кропотливый, напряженный, неутомимый труд войны.

В четыре часа утра проснулись пехотинцы. Они вздрагивали от холода и талой воды, проникшей за ворот, под шинели и полушубки. Они снимали ботинки, согревали портянки у тлеющего огня и вновь завертывали их, потом мяли и скручивали шинели, влажные с ночи, а теперь затвердевшие от предутреннего холодка. С иронической усмешкой относились они ко всем тяготам войны - это было их жизнью, бытом, и они свыклись с ним. Все-таки им удалось отдохнуть и поспать. Теперь и ноги сами пойдут, и в плечах не такая усталость. Да, хорошо вздремнули, хоть в снегу, на ветках, сквозь которые просачивалась вода, но все же это сон, а не поход. Может быть, как о несбыточной мечте они думают теперь о сухой избе, кровати или даже о теплом блиндаже. Вот появился повар с термосами, и люди застывшими и непослушными пальцами вытаскивают котелки и ложки. Теперь можно согреться и подкрепиться. Где-то в лесу, взвизгивая, рвутся мины и снаряды. Никто не обращает на это внимания, - люди удивились бы даже, если бы вдруг наступила тишина, - на фронте ее труднее и нервознее переносят, чем самый яростный гул орудий.

На рассвете батальон Косухина начал наступать на деревню Силки, с боем отвоевывал те три километра, которые отделяли его от деревни.

Опушка леса, накануне разминированная Ковальчуком, Марченко и Дроздом, была исходной позицией для наступления. Воронова с его бойцами Косухин послал к лощине; они должны были подобраться к реке, пройти по льду или вброд и ударить во фланг немцам. Лейтенант Токарев с автоматчиками тоже ушел в обход по узкой проселочной дороге. Сам же Косухин готовился к штурму с фронта. Немцы сосредоточат силы на флангах против Воронова и Токарева, и тогда Косухин с артиллерией и пулеметами подавит врага огнем и стремительностью атаки.

Пока Воронов и Токарев двигались, Косухин лежал в мокром снегу. Вот они, эти шесть сантиметров на карте, три километра на местности: их измерил шагами разведчик Сергей Щукин. Он утверждал - до лесочка тысяча шагов, не больше, до берега - еще восемьсот. Но это по прямой, а сейчас на дороге и в лощине люди не шагают, а ползут, они только подталкивают свое непослушное и отяжелевшее тело - путь теперь измеряется локтями. Щукин видит, как Марченко ощупывает провод, взрыватель, вытаскивает мину за миной... Вслед за ним ползут люди в белых халатах, цепляясь за затвердевшую с утра колею, за снежные сугробы, за примерзшую дощечку, кем-то брошенную на дороге. На широкой и привольной смоленской земле люди могут двигаться только по узкому следу, проложенному саперами. Вот кто-то соскользнул в кювет и взорвался на мине, но нельзя задерживаться... Вот у дороги, там, вдали, уже падают вражеские мины и снаряды. Они поднимают снег, смешанный с землей. Но надо двигаться вперед. Люди задыхаются, глотают снег, на мгновение припадая к сугробу. Небольшой вещевой мешок кажется в этот час самой тяжелой ношей в мире, винтовка, к которой пехотинцы настолько привыкли, что она порой кажется естественным продолжением руки, теперь давит на спину... На дороге брошен котелок, какой-то измятый картуз, кнутовище, противогаз. Токарев передает по цепи: "Ничего не трогать, ничего не трогать!" Может быть, за ними таится смерть.

Вот они какие длинные и трудные, тысяча шагов Щукина! До кустов и редкого леска еще далеко, а время идет, и пальцы сводит в суставах. Наша артиллерия уже открыла сильный огонь по немецким укреплениям. Теперь надо торопиться. Токарев поднимает своих бойцов, они бегут по полю, проваливаясь в снег, с трудом вытаскивая ноги, туда, к лесу. Группа немецких автоматчиков, отстреливаясь, отходит к реке. Токарев идет за ними по пятам. На левом фланге слышен пулеметный огонь - это, должно быть, Воронов уже приблизился к реке. Токарев обходит лес вдоль опушки. Бойцы едва поспевают за длинноногим и проворным лейтенантом. Немецкие автоматчики бегут к реке, но

падают под нашим пулеметным огнем. Токарев пробирается к камышам. Здесь надо будет перейти на тот берег.

Косухин, следивший за движением Токарева и Воронова, начал наступление по полю, по прямой, к деревне. Саперы и разведчики уже проложили путь. Но не так-то легко протащить орудия по снегу. Кони прыгают из стороны в сторону, рвутся в постромках, но не могут вытащить застрявшие колеса. Люди помогают им, подталкивают, упираются в спицы, скользят, падают, вновь поднимаются. Косухин подбадривает их:

- Надо только добраться до леса, там легче будет... Уже совсем близко... Вперед!

У леса взрывается мина. Падают смертельно раненные правильный и заряжающий. Теперь в каждой секунде судьба боя. Нельзя медлить. Пехотинцы режут ремни и подтаскивают орудие к холмику у леса. Немцы переносят огонь на фланги - против Токарева и Воронова. Надо этим воспользоваться. Отсюда можно бить по вражеским укреплениям прямой наводкой. Косухин представлял в это мгновение всю сложность и напряженность пути, который приходится преодолевать бойцам Токарева и Воронова. Им придется двигаться под огнем. Но иного выхода нет - в крови и муках рождается победа. Косухин знал своих людей - они не дрогнут.

Уже солнце близилось к зениту, а Косухин прошел лишь два километра. Но самое трудное еще впереди - с бугра он увидел луг, огороды за рекой и торчащие, обгорелые трубы деревни. Еще один километр, и он - там, в опорном пункте. Но никогда он еще не представлял себе с такой остротой, что в километре - тысяча метров, и, кто знает, может быть, еще придется метры считать на сантиметры.

Косухин видит вдали людей, которых он воспитывал, учил, готовил к наступательным боям. Они не обманули его надежд. С непреодолимой стремительностью шли они под огнем к реке. Кое-где им приходилось ползти. Вот они встали на лед. Двое - это были Щукин и Марченко -побежали к тому берегу и провалились. Тонкий, уже оттаявший ледок не выдержал; неужели не удастся подтянуть и переправить орудия? Но Щукин и Марченко уже ломают лед. Должно быть, они попали в мелководье. За ними устремляются и пулеметчики, и минометчики. Они несут на головах диски, ленты и ящики с минами и идут по грудь в ледяной воде. Вражеская артиллерия помогает им взламывать лед осколки вырывают людей из двигающейся цепи. Зеленоватый ледок багровеет от крови.

Косухин выждал, пока наши орудия приготовятся к бою, и тоже начал двигаться к реке. Он уже знал: можно идти вброд. У

берега люди останавливаются, на какую-то долю секунды их охватывает нерешительность. Не так-то просто прыгать в ледяную воду, а потом бежать по лугу и огородам в мокрых сапогах, ватниках и шинелях. Косухин сам взламывает лед. Вода проникает в сапоги, холод пронизывает все тело, Косухин поднимает полы полушубка, придерживает их одной рукой. Бойцы обгоняют его, прокладывают ему дорогу. Ноги едва передвигаются, задевают камни на дне, Косухин идет ощупью, как слепец. "Только бы не упасть, только бы не упасть", - думает он. Вот и берег, скользкий, крутой. Косухин карабкается вверх, цепляясь за камыш.

Теперь надо пройти луг, огороды - и все! "Хорошо бы снять сапоги, можно пропасть..." Уже ползут люди по заснеженному лугу. Косухину не приходится их подбадривать. Всех охватило нетерпение - поскорее туда, к деревне. Два сантиметра на карте, один километр на местности!

Косухин высылает саперов обследовать луг. Тем временем мокрые, продрогшие, поеживающиеся от холода люди готовятся к решительной атаке. Немцы направляют и сюда свой огонь. Но он уже менее точный и несосредоточенный. Очевидно, враг не может определить - откуда наносится главный удар. Он предпринимает контратаку. Автоматчики при поддержке танков идут на Косухина. Наша артиллерия обрушивает на движущиеся чудовища снаряд за снарядом. Три танка воспламеняются, но шесть ползут по лугу, к берегу. Косухин выдвигает бронебойщиков. Они вступают в поединок с танками, а пулеметчики отражают контратаку немецких автоматчиков. Начинается наступление на деревню с трех сторон. Немцы вынуждены одновременно обороняться и от Воронова, и от Косухина, и от Токарева.

Уже пройден луг. Воронов прорвался с фланга к окраинам деревни, если только выжженное место с обгорелыми трубами, напоминающими памятники, можно назвать деревней. Косухину еще нужно пройти огороды. Всего двести метров, но они показались самыми тяжелыми в этот день. Враг держал под пулеметным и минометным огнем узкий разминированный проход. Теперь, казалось, надо проползти под снегом, слившись с землей. Каждый преодоленный шаг мог быть приравнен к подвигу. Но люди на войне так шагают день и ночь. Наша артиллерия уничтожает вражеские огневые гнезда. Немцы отступают. И им уже перерезает путь рота Воронова. Косухин поднимается и ведет своих людей в село. Последние двадцать метров они бегут. Огонь стихает, но в снегу еще притаились мины. Кто-то из передних оступился и взорвался. Теперь Косухин

двигается с величайшей осторожностью. День клонится к концу, на снегу лежат, запрокинув головы, мертвые гитлеровцы.

Косухин встретился наконец с Вороновым и Токаревым и обнял их. Все трое задыхались от усталости и возбуждения.

Вот они - Силки.

Трудный и мучительный день, переправа вброд через леденящую реку, кровь и героическая смерть павших в бою, огонь и холод, напряжение и усталость, величие духа и благородство подвига - все, все уложилось в сухом, сдержанном и коротком донесении капитана Косухина: "Заняли населенный пункт Силки". Потом он подумал и добавил: "Продвинулись на три километра на запад".

1943 год

Корней Чуковский

Фундамент победы

На прибрежной лужайке рядами стоят трубачи. Их невероятно длинные трубы, воздетые к синему небу, ревут настойчиво и страстно, созывая окрестных колхозников.

И услышав их громкий призыв, десять тысяч величавых красавцев идут и идут без конца к плоским берегам Карадарьи.

Моему непривычному глазу все это зрелище кажется роскошно поставленной оперой. Так ярки под солнцем Азии лиловые, желтые, синие, малиновые одежды этих смуглых и статных красавцев. Так музыкально движутся их пестрые толпы вдоль узких арыков по хлопковым полям. Так великолепна декорация, на фоне которой происходит этот грандиозный спектакль: белая как сахар, веселая арка, повисшая над мощной плотиной Большого Ферганского канала.

Канал этот, созданный узбекским народом года три или четыре назад, превратил Ферганскую долину в одно из плодороднейших мест на земле. К каналу прилегают три района - Андижанский, Алтынкульский, Избаскентский, и изо всех этих районов стекаются сюда, как на праздник, десять тысяч стахановцев узбекских полей.

Их колхозные знамена сверкают, как факелы. А когда на прибрежье въезжают большие арбы с женщинами, которые с необыкновенным изяществом усаживаются вместе со своими детьми на широких разноцветных коврах, хочется долго аплодировать им, как аплодируют театральные зрители талантливой и пышной постановке.

Но вскоре оказывается, что зрители - не мы, а они.

Мы, маленькая кучка рабочих, да два-три интеллигента, приехавшие из узбекской столицы сюда, в Андижан, стоим перед этой лилово-оранжевой и ало-бирюзовой толпой. У нас

непрезентабельный вид перед лицом этих нарядных красавцев в экзотических тюрбанах и халатах.

В смущении выбираемся мы на высокую плотину канала и с высоты этой необычайной трибуны обращаемся к разноцветной толпе с несколькими словами привета.

В первые минуты нам по-прежнему кажется, будто эти люди - чужие, но не проходит и четверти часа, как вся плотина сотрясается от восторженных криков, и мы видим тысячи черных, по-восточному сверкающих глаз, тепло и сочувственно глядящих на нас.

И как громко стучат эти люди громадными своими ладонями, когда перед ними встает на плотине тоненький, как хворостинка, 15-летний Муратов, издали похожий на ребенка, и к удивлению всех обнаруживается, что он не простой мальчуган, а мастер оборонного завода, руководитель целой бригады рабочих, что в его бригаде есть люди вчетверо старше его, что ему не раз и не два приходилось работать без смены по двое, по трое суток, что он в самом первом ряду тех знатных людей завода, благодаря патриотизму которых завод уже несколько месяцев кряду блистательно перевыполняет все нормы.

- Мой отец, уходя на фронт, приказал мне: работай по-фронтовому, полудетским голосом кричит он с трибуны, - и я честно выполняю отцовский наказ. Моя бригада так и зовется: фронтовая бригада...

Потом выступает стахановка того же завода, потом еще двое-трое рабочих, и, хотя большинство из них - ораторы далеко не блестящие, их краткие и незатейливые речи принимаются с такой горячностью, что вскоре становится ясно: эта большая толпа молчаливых и внешне спокойных людей, которые на первых порах показались нам такими чужими, эта народная масса далеких глубин Средней Азии всеми своими помыслами, всеми желаниями связана с нами.

Это становится особенно ясно, когда из их рядов начинают выходить друг за другом девушки, юноши, старики и старухи и без дальних околичностей называют полновесные цифры.

Цифры эти означают количество тонн овощей и плодов, которые каждый колхоз обязуется немедленно, завтра же послать в подарок рабочим оборонных заводов Ташкента "для того чтобы не слабели от недоедания их руки, кующие победу над нашим общим врагом", как выразилась колхозница Алкасим Иралиева, мать фронтовика, вырабатывающая в колхозе "Кзыл Батыр" трехдневную норму в день.

Долго длится это соревнование в щедрости. Честолюбие каждого заключается в том, чтобы названная им цифра была

возможно крупнее. Не нужно думать, что горы зерна, овощей и плодов, предлагаемые ташкентским рабочим, дались колхозникам даром. Правда, сказочно богата земля их полей, но она дает свой урожай лишь тому, кто трудится на ней не щадя своих сил. Поливная система хозяйства требует огромной - и притом непрерывной -работы.

Тотчас по окончании митинга в ту же ночь к Андижану по извилистым дорогам и улицам со всех концов стали съезжаться арбы, нагруженные яблоками, рисом, пшеницей, луком, капустой, картофелем. Колхозники трудились всю ночь и все утро без устали, таская в вагоны эту тяжелую кладь.

Всю ночь не уходил я с вокзала, увлеченный этим поэтическим трудом. Лошади, верблюды, ишаки, грузовые машины, факелы, восточная сутолока, восточные крики, - и на другой день мы, кучка рабочих и два-три интеллигента, везем ташкентским рабочим, большинство которых эвакуированы из Москвы, богатые дары от их братьев.

Конечно, эти дары не первые и не последние. Раньше всего каждый колхозник счел своим патриотическим долгом сверх всяких обязательных поставок послать обильные дары Красной Армии. Во вторую очередь много было подарено ими детям прифронтовой полосы, в том числе и детям Ленинграда. Теперь они шлют подарки рабочим и интеллигенции больших городов, трудящимся во имя победы над Гитлером.

И все это знаменует собою три дружбы, на которых стоит весь Советский Союз: дружбу разноплеменных народов СССР (в данном случае дружбу узбеков и русских), дружбу тыла и фронта, дружбу деревни и города. Три дружбы, о которые разбивается вдребезги вся дьявольская злоба фашистов.

16 апреля 1943 года

Федор Панферов

Уральцы

1.

В широкие, открытые ворота дуют страшные, пронизывающие сквозняки. Но вот мы прошли метров десять - пятнадцать, и обдало таким жаром, что, кажется, сейчас вспыхнет одежда, облупится лицо. Жар хватает со всех сторон - и снизу и с боков, а главное - откуда-то сверху. И мы невольно поднимаем глаза. Наверху, почти под переплетами крыши, движется огромный кран. Захватив двумя пальцами раскаленную многотонную болванку, он тащит ее. Звенят предупреждающие звонки. Они звенят повсюду, то тут, то там, нагоняя на свежего человека тревогу. Но люди спокойны, ловко и быстро железными крюками переворачивают металл, укладывая его в вагонетки.

- Вы что, малость растерялись, друг мой? - засмеялся партийный работник Николай Александрович и, взяв меня за руку, повел по лесенке. Главное вот здесь.

Не успели мы еще подняться по лесенке, как опять пахнуло таким жаром, что глаза невольно зажмурились, а по лицу забегали колючие мурашки. Секунда, две, три. Открываю глаза.

Передо мной - бушующие вулканы. Расплавленный металл кипит там, внутри печей, стенки печей будто покрыты ползучим серебром. Он воюет там, этот расплавленный металл. Воюет, как великан, которому мало места, которому нужны просторы. И кажется: сейчас этот великан вырвется на волю и зальет все и всех своим всесжигающим пламенем.

Но люди у печей, вооруженные длинными ломами, в синих очках, потные и обжаренные огнем, широко открывают жерла печей.

- Снимают шлак, - проговорил Николай Александрович. - Вы видите переднего сталевара - это бригадир. На него и падает главный огонь. Смотрите, как они работают. Ни одного слова. Все на движении. Вон бригадир повернул руку, и все двинулись за этой рукой. Кивок головой влево, и крюк пошел влево.

- Да-а. Это очень красиво, - вырвалось у меня.

- Смотрите, сейчас будут выпускать сталь.

Кран легко поднес огромнейший черный ковш - тонн на шестьдесят стали. И вот в него хлынул металл. Он вырвался, как из-под земли, фыркая, разбрасывая во все стороны огненные брызги.

Вскоре мы попали к электропечам. Они стояли в ряд - десять печей. Две печи не работали. Я спросил, почему они бездействуют.

- Не хватает электроэнергии. Урал, видимо, не ждал, что его так тряхнут в этом году. На электроэнергию, на нефть, на уголь сейчас такой спрос, как на хлеб...

- Что же предпринимает Урал?

- Строятся новые электростанции.

Мы видели блюминг. Раскаленная стальная болванка, попав сюда, словно превращается в игрушку. Рычаги толкают ее по роликам, и вот она попадает на обжимы... Минуты через две болванка уже превращена в длинный брус. И брус этот, как мыло, разрезают на части ножи.

Но что бы мы ни смотрели, внимание снова обращалось к мартенщикам - к этим людям бушующего огня. Николай Александрович проговорил:

- Эти люди ни на фронте не сдадут, ни здесь. Закалились.

2.

Директор часового завода Иван Иванович напоминает главу семейства, который очень доволен своими ребятами. Про самые тяжелые времена и то говорит с усмешкой:

- Ну, приехали мы сюда. В спешке, конечно. То не захватили, другое не захватили и стояли вот так же, как эта "эмка", - показывает он на легковую машину у подъезда, без мотора, без фар и без колес. - А тут еще людей нет. Приехало человек триста, а надо очень много. Где взять людей? Да ведь людей-то каких! Мы ведь не сапожные колодки работаем!

Что делать? Пошли к школьникам. Летчиков, мол, вы любите? Любим, кричат. Та-ак. А танкистов любите? Любим, кричат. Ну, вот, тогда айдате к нам, учиться будем. И повалили. Честное слово, повалили.

Но уже и без честного слова директора было ясно, что в цехах главным образом работают подростки.

Директор подошел к девушке. Она маленькая, золотоголовая. Лицо все обсыпано веснушками - веснушки на носу, на щеках и даже на подбородке. Это ей очень идет, но она-то, видимо, от этого страдает. Как только мы подошли к ней, она ладошкой прикрыла лицо.

- Ах, дочка, дочка! Молодчина ты у меня. Как, программу выполняешь?

Девушка вспыхнула, опустила глаза и еле слышно:

- Выполняю, Иван Иванович.

- А ты громче, громче об этом говори. О славе ведь говоришь, о хорошем деле. На весь цех крикни: программу, мол, выполнила!

- Вот когда перевыполнять буду, тогда и крикну, - еще тише говорит девушка.

Она этим даже как-то озадачила директора. Он чуточку постоял около нее молча, затем подхватил:

- Ой, молодчина! - И продолжал: - Да они у нас тут все такие. Есть, кто всей семьей работает. Например, Чесалкины. Мать, дочки, сыновья. А хотите, я вам покажу наши знаменитые автоматы? О-о-о! Это чудо-машины.

И вот мы в новом цехе. Тут в ряд стоят станки. Их очень много, но сами они будто игрушечные.

- Вот на этот, на этот подивитесь, - говорит директор и подводит к одному из автоматов. - Смотрите, какой он сердитый.

И в самом деле, станок работает как-то сердито, напоминая щенка, которому впервые попала в зубы кость, и он грызет ее, ворчит, боясь, как бы у него эту кость не отняли.

- Здорово! Что он делает?

- Деталь для камней, - отвечает паренек у станка.

- А ну, покажи эту деталь, - просит директор и громко

хохочет.

Паренек что-то несет на кончике пальца. Показывает:

- Вот, - говорит он весьма серьезно, - деталь. - Но и сам он не видит этой детали, на пальце у него какая-то черненькая крошка.

- Это надо под лупой. Под лупой. - И директор дает лупу.

Мы смотрим через лупу. Действительно, какой-то ободок.

- Для чего он?

- Для камней. Мы же вырабатываем часы - часы для танков, для самолетов, для кораблей. Вот камешки и вставляются в эти ободки. Посмотрите, какие часы.

Директор пригласил в помещение, открыл шкаф. Оттуда повеяло холодом, и там мы увидели заиндевевшие, поседевшие часы для самолетов, для танков.

- Морозом испытываем. А тут вот жарой. Второй шкаф был полон нестерпимым жаром.

- А это вот, - директор осторожно взял в руки огромные круглые часы, это морской хронометр. Вот какие штуки мы тут делаем.

3.

Все время, пока мы были на часовом заводе, Николай Александрович молчал. Молчал он и потом, когда пересекли на машине город, выбрались на снежную равнину и вскоре очутились в сосновом лесу. Освещенный фарами лес казался богатырским...

Наконец машина остановилась у новых ворот. Николай Александрович, выбираясь из машины, вдруг заметно заволновался.

- Тут туляки... - пробормотал он, заметив мой удивленный взгляд.

Где-то совсем недалеко от нас раздалась пулеметная очередь. Затем вторая, третья. В другой стороне, тоже неподалеку, загрохотали пушки.

- Что это?

- Испытание. Так вот и день и ночь, - ответил Николай Александрович, входя в помещение, залитое электрическим светом. По всему было видно, что здание построено совсем недавно: потолки еще светились золотистыми сосновыми переплетами. Это сборочный цех. Тут было неожиданно тихо. Только слышно, как за барьером, в соседнем цехе, урчат, шипят, царапают станки, оттачивая нужные детали.

- Как здесь просто все, - замечаю я.

- Просто? - Он покачал головой. - Нет. Очень сложно. Ну, например, пулемет. Он дает шестьсот выстрелов в минуту - это значит, шестьсот раз в минуту все детали приходят в движение.

Да еще в какое движение! Вы понимаете, какие должны быть детали? Ведь это то же самое, что часы, но гораздо серьезней. И вот какая-нибудь деталь на испытании заела... Тогда шарь по всему заводу - кто и где сплоховал. Иногда у всех инженеров головы вспухнут. Это и понятно, есть рабочие-то еще неопытные. На десяток туляков - сотня новых, здешних, месяцев десять назад пришли на завод.

- И как работают?

- Хорошо! Вы поговорите вон с тем рабочим. Фамилия его Лезаров. С ним недавно случилось такое: надо было обработать одну деталь, такую, без которой мог бы остановиться весь завод. Сменщик его заболел. И Лезаров не ушел от станка. Он стоял день, потом второй. Начали пухнуть ноги. Тогда он разулся и стал на пол босыми ногами... А своего-таки добился.

Я подошел к станку, за которым работал Лезаров. Он высокий, широкий в плечах, но с лица худ.

- Устаете? - спросил я и тут же понял, что вопрос мой наивен.

- А то как же! - просто ответил Лезаров. - Как не уставать? Конечно, устаем. Да ведь теперь по-другому-то и нельзя работать: война. Наши братья, поди-ка, на фронте устают. А мы-то что ж, по курортам, что ль, будем ездить? -Он глубоко вздохнул и еще сказал: - В этом, брат, и есть святая обязанность наша - работай не покладая рук. Будете в столице, так и передайте: работают, мол, на далеком-то Урале. Народ работает... И крепко работает. Вот что. Вместе с туляками работаем, с москвичами, с ленинградцами, с харьковчанами, с киевлянами...

- Вот они какие у нас, - уже входя в здание парткома, проговорил Николай Александрович.

30 апреля 1943 года

Илья Эренбург

Возвращение Прозерпины

Есть в самой сущности весны нечто бесконечно близкое нам, нашему строю чувств, тому делу, за которое мы боремся и умираем. Я говорю о первом глубоком волнении при виде травы на поле, изрытом снарядами, или птицы, прилетевшей в лес, изуродованный минами.

Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Вдумываясь в природу этого волнения, видишь, что нас потрясает торжество жизни, преодолевающей холод, тлен, лед. Человечество издавна связывало приход весны с прекрасными мифами о возрождении жизни. Задолго до того, как в римских

катакомбах первые христиане ранней весной шептали друг другу о воскресении из мертвых, в Греции люди праздновали возвращение юной и прекрасной Прозерпины. Согласно мифу, Прозерпину похитил владыка Аида, господин преисподней Плутон. Но весной заплаканная, бледная Прозерпина подымалась из тьмы, из холода, из небытия. Ее не могли удержать все стражи ада. Она подымалась, как трава, как жизнь.

Я думаю о Прозерпине, глядя на карту Европы: ее похитил маленький человечек, с лицом приказчика и с сердцем хорька, честолюбец, ставший тюремщиком мира. Глядя на пепелище Вязьмы, разговаривая с грустными тенями Курска, можно понять, в какое подземное царство заключена Прозерпина-Европа.

Небольшой кусок земли среди морей - такова она на карте, но это концентрат человеческой воли, сгусток мыслей и чувств. Сколько нужно было веков, гения, борьбы, крови, пота, слез, чтобы создать ее такой, какой она была в те доисторические дни, когда Гитлер в мюнхенской пивнушке мечтал о "новом порядке"! На Вальхерене день и ночь рыбаки укрепляли плотины, отстаивая остров от моря.

Голландия была страной, отвоеванной у стихии: море увели в каналы, и весной на полях цвели пестрые тюльпаны. Маяковский в своих путевых записках отметил трудолюбие Франции. Ее лозы казались мудрыми академиками. Возле Тромзе в короткое полярное лето на крохотном кусочке земли, среди скал, сторож маяка заботливо выращивал цветы юга. Датчане в особые книжки заносили не только вес, но и настроение каждой коровы. Гончар Андалузии превращал ком глины в античную вазу; а словацкие крестьянки вышивали, как сказочные феи. На огромных заводах изготовлялись часы, которые не должны были отстать в год больше чем на три секунды. Ученые страстно разглядывали атом. Прозерпина не знала, что дурной живописец мечтает о "новом порядке". Она не знала, что плут Розенберг уже готовит трактаты о "мистике крови". Она слышала, как чванливые и жадные бюргеры Германии твердили о "жизненном пространстве", но она не хотела понять, что "жизненное пространство" - это она, Прозерпина, Европа.

Нет описания ада, которое могло бы сравниться с жизнью похищенной немцами Европы. Терцины Данте кажутся идиллией. Разрушены города, вытоптаны виноградники, сожжены книги, развращены и заражены девушки, миллионы задушены голодом. Мы пригляделись к немецким зверствам. Но нельзя цифрами, статистикой передать глубину человеческого страдания. Мы говорим или читаем: "тысячи", "миллионы", и мы не можем себе представить, что каждый в этих замученных немцами миллионах

был ребенком, с которым нянчилась мать, что он рос, играл, влюблялся, шептал нежные слова, работал, мечтал о счастье. "Зона пустыни" -так немцы называют уничтоженную ими Смоленщину. Но зона пустыни куда больше: это вся захваченная немцами Европа. Зона пустыни охватывает не только территорию -сердца: люди опустошены годами рабства, они растеряли память, нормы морали, человеческие чувства. Бедная Прозерпина, дитя Эллады, парижская искусница, она теперь стирает белье господина фельдфебеля!..

Вот уже тысячу дней и ночей, как пленная Прозерпина-Европа пытается вырваться из мира тьмы. Никогда борьба не была такой напряженной, как в эти предвесенние дни. Из Белоруссии ветер занес искры в Савойю. Отчаянно дерутся партизаны Югославии. Каждый день то в Голландии, то в Чехии, то в Греции, то в Польше мужественные люди убивают тюремщиков. Немцев еще много, их слишком много - от Атлантики до Кубани, от Петсамо до Бизерты. Но с каким вдохновением встречает Европа смерть каждого из них, даже самого маленького, ничтожного фрица, заблудившегося среди гор Эпира или уснувшего в украинской хате. Европа хочет жить, а путь к жизни идет по немецким трупам. Прежде Европа открывала звездные туманности, писала октавы, выращивала орхидеи. Теперь Европа воодушевлена одним: умерщвлением немцев. Равны подвиги сурового русского солдата, в разведке убившего врага, и маленькой мастерицы из Страсбурга, казненной немцами за то, что она кухонным ножом зарезала, как борова, непрошенного поклонника в чине фельдфебеля.

Первое Мая - праздник братства. Горькими кажутся эти слова, когда видишь мир, по воле отвратительного маньяка залитый кровью, когда слово "уничтожены" или "истреблены" ласкает слух каждого честного человека как прекраснейшее из всех слов. Все же мы можем сказать, что братство народов живо, оно стало горше, горше и глубже: в нем теперь такая общность судьбы, такая связанность чувств, что без переводчика понимают друг друга летчик-француз из эскадрильи "Нормандия" и водитель-украинец. Народы объединились в ненависти к Германии, в привязанности к родному клочку земли и к общей родине, Европе. Корни этого братства уходят глубоко в ночь, в преисподнюю, где томится Прозерпина. Общее горе всегда сближает. Для солдата, сражающегося в суровой Карелии, понятна жизнь француза или англичанина, который идет на штурм Туниса. Мы всегда любили и почитали древнюю Прагу. Кровь чехов, пролившаяся на украинской земле, еще сильнее скрепила наше братство. Сегодня с особенной гордостью мы

говорим о мужестве польских партизан, которые отстаивают свою родину от захватчиков.

Прозерпина чувствует, что ее похититель теряет голову. Нерадостной кажется эта весна Германии. О, конечно, у Гитлера еще и огромная территория, и снаряжение, и сильная армия. У него нет одного: перспектив. Он еще может наступать, но теперь даже самые доверчивые немцы шушукаются: что им даст такое наступление, кроме крестов - сначала железных, а потом деревянных?

Долго немцы думали, что война - это нечто экспортное, что воюют они, немцы, но воюют далеко от родных мест. Четырехтонные бомбы крошат немецкие города. Немки теперь увидели воочию, что война летает. Африканский вариант войны близится к концу. Юг Европы всполошился. Вполне возможно, что немкам вскоре предстоит еще одно открытие: война не только летает, она и плавает. Она даже ходит пешком, и впереди тот неизбежный день, когда война, рожденная Германией, придет к своей матери - на немецкие поля.

Будущий историк разделит историю гитлеровской Германии на два периода: до и после Сталинграда. Конец шестой армии заставил даже бесноватого фюрера призадуматься. Можно воевать без идеалов, нельзя воевать без людей. После Сталинграда германская армия поредела. Лакеи Гитлера под благовидными или неблаговидными предлогами спешат убраться восвояси. Мало кому хочется разделить судьбу румынских кавалеристов в Сталинграде. Гитлер прячет на минуту кнут и показывает пряник. Конечно, это заменитель пряника - меда у Гитлера нет. Зато фюрер способен извлекать из себя медоточивые речи. Он больше не настаивает на "жизненном пространстве". Он даже забыл о почтенных трудах Розенберга. Гитлер теперь говорит о "равноценности наций", о "единстве Европы". Он прикидывается другом и защитником злосчастной Прозерпины. Тюрьма переименована в крепость. Немецкие доты на берегах поруганной Франции называются "европейским валом". Волк защищает овчарню. Хорек ратует за неприкосновенность курятника. Люди, убившие писателя Ванчуру, уничтожившие памятник Мицкевичу, разгромившие Сорбонну, прикидываются хранителями европейской культуры.

Однако Европа слишком стара, чтоб ее можно было заговорить, как деревенскую дурочку. Когда Гитлер до Сталинграда рычал, многие его пугались. Когда Гитлер после Сталинграда стал сюсюкать, над ним все смеются. Кто поверит в "равноценность наций" Гитлера? Тысячу дней и тысячу ночей немцы грабили, оскорбляли, опустошали Европу. О каком

"единстве" может говорить палач? О единстве веревки и повешенного? О единстве Штюльпнагеля и заложников? Да и трудно немцам перемениться хотя бы на час, хотя бы по приказу фюрера. Недавно англичане взяли в плен итальянского генерала Маннерини, который заявил, что ему пришлось сдаться, так как немцы, удирая, отказались предоставить итальянскому генералу место в машине. Такова практика "равноценности наций".

Прозерпина не согласилась признать в тюремщике супруга. Если есть в Европе люди, которые верят или делают вид, что верят речам Гитлера, мы вправе к ним относиться не как к обманутым, но как к обманщикам: все это те же "бургомистры" и "старосты". Пушечное мясо Гитлеру пришлось набирать силой. Он мобилизовал эльзасцев и лотарингцев - может быть, самых самоотверженных сынов Франции. Он заменил старых немецких рабочих украинскими, французскими, норвежскими рабами. Он наскреб новые дивизии. После похода за пушечным мясом он мечтает о новом походе - пушечного мяса.

Ярость немецкого контрнаступления в марте, ожесточенность, с которой Роммель защищает последний огрызок Африки, показывает, что силы Гитлера не исчерпаны. Безнадежность не способна остановить немецких тупиц. Нам предстоят суровые битвы. Большие ратные дела предстоят и нашим союзникам. Прозерпина знает, что еще не одна рана будет нанесена ей владыкой Аида. Для нее еще не пришла весна, и трагически звучат трели птиц в Булонском лесу Парижа, трагически выглядят цветы на пепелище Лидице.

Эта весна, столь ранняя, столь яркая, нам не в весну, май нам не в май: мы чувствуем всю полноту человеческого горя, принесенного на нашу землю немцами. Думая о близких, мы смотрим на запад: путь к родному гнезду для сибиряка или для волжанина идет через Смоленск, через Новгород, через Киев. Глядя на хлеба, которые всходят, мы думаем: кто будет убирать? Мы или немцы? Кто будет есть хлеб Украины? Наши жены или ненасытные немки? Кто будет жить: Прозерпина или ее похититель?

Настанет день, когда Прозерпина подымется на землю из царства ночи. Богиня весны, она выйдет не с цветами, но с винтовкой: она тоже сражается ночью на темных улицах европейских городов, в лесах, в горах, на заводах. Прозерпину никто не выпустит добровольно. Она сама себя освободит - не мольбой, не молчанием - оружием.

1 мая 1943 года

Михаил Шолохов

Письмо американским друзьям

Вот скоро уже два года, как мы ведем войну - войну жестокую и тяжелую. О том, что нам удалось остановить и отбросить врага, вы знаете. Вы, может быть, недостаточно знаете, с какими трудностями для каждого из нас связана эта война. А мне хотелось бы, чтобы наши друзья знали об этом.

В качестве военного корреспондента я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах. Сейчас я пишу роман "Они сражались за Родину". В нем я хочу показать тяжесть борьбы людей за свою свободу. Пока же роман недописан, я хочу обратиться к вам не как писатель, а просто как гражданин союзной вам страны.

В судьбу каждого из нас война вошла всей тяжестью, какую несет с собой попытка одной нации начисто уничтожить, поглотить другую. События фронта, события тотальной войны в жизни каждого из нас уже оставили свой нестираемый след. Я потерял свою семидесятилетнюю мать, убитую бомбой, брошенной с немецкого самолета, когда немцы бомбили станицу, не имевшую никакого стратегического значения, осуществляя свой разбойничий расчет: они попросту хотели разогнать население, чтобы люди не могли увести в степи скот от надвигавшейся немецкой армии. Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей - и по профессии, и моих земляков -на фронте. Долгое время я был в разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личное горе каждого из нас. Из этих тяжестей складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны. Личное наше горе не может заслонить от нас мучений нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумели еще рассказать миру.

Ведь надо помнить, что огромные пространства нашей земли, сотни тысяч жизней наших людей захвачены врагом, самым жестоким из тех, что знала история. Предания древности рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станции, хутора моих земляков - героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого манией крови вождя.

Эту же судьбу гитлеризм готовит всем странам мира -и вашей стране, и вашему дому, и вашей жизни.

Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед. Мы очень

ценим вашу дружескую бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну. Я сам видел ваши грузовики в донских степях, ваши прекрасные самолеты в схватках с теми, которые бомбили наши станицы. Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки.

Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат.

Если территория не позволит нам драться в буквальном смысле слова рядом, мы хотим знать, что в спину врагу, вторгнувшемуся в нашу землю, обращены мощные удары ваших армий.

Мы знаем огромный эффект бомбардировки вашей авиацией промышленных центров нашего общего врага. Но война -тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо.

1943 год

На отдельных участках Западного фронта небольшие группы нашей пехоты вели разведывательные поиски. Разведчиками уничтожено до 200 солдат противника и захвачены пленные.

Из сообщения Совинформбюро

29 июня 1943 г.

Евгений Габрилович

Охотники за "языками"

В полукилометре от переднего окопа, в блиндаже, собирается группа человек в пятнадцать, которая пойдет сегодня ночью в разведку, на захват пленных. Лейтенант Семен Яковлев, юноша двадцати лет, до войны студент Института истории и философии, готовившийся стать историком, поведет группу: он уже год на войне и испытан в подобного рода делах.

Негромкий говор. Бойцы осматривают свои пистолеты-пулеметы, пробуют действие затворов, переключателей, защелок магазинов. Тихий смех в углу это состязаются в остроумии сержант Мельканов и боец Нюбин - два известных в полку остряка.

Двадцать два ноль-ноль. Все готово. Бойцы под командованием Яковлева выходят из блиндажа.

Сильный дождь. Тихо. Только изредка посвистывает пуля да хлопает вдруг где-то совсем близко одинокая мина. Бойцы идут по ходу сообщения к переднему краю. Несколько человек несут доски и маты. Из передового дзота Яковлев докладывает по телефону командиру полка о готовности разведчиков и получает разрешение выступить.

Яковлев присаживается в окопе на корточки, закуривает последнюю папиросу и, поеживаясь от сырости, затягивается. Потом, не докурив до половины, он гасит папиросу и быстрым, сильным движением поднимается на бруствер. Бойцы следуют за ним.

Прямой спуск по обрыву довольно крут, но разведчики идут пологим кружным путем, маскируясь кустами, вполурост. Без помехи подходят они к речонке и залегают на берегу, всматриваясь и выжидая.

Короткая летняя ночь только еще начинается. Дождь как бы смыл краски заката, вокруг влажный мрак, неясно озаряемый вспышками ракет по всему переднему краю обороны врага. Яковлев подает условный знак рукой, трое бойцов - саперы - поднимаются, переходят реку и сразу же растворяются в темноте: их задача - проверить и, если нужно, расчистить путь. Остальные продолжают лежать. Дождь барабанит по их спинам. Лежит и Яковлев. Он лежит на животе. Дождь понемногу просачивается сквозь его шинель, гимнастерку, рубашку. Вот уже и мокро между лопатками. Очень хочется закурить - кажется, что крохотный огонек папиросы уймет неприятное ощущение этого мокрого холода.

В окулярах бинокля показывается неясная тень. Это сапер: путь проверен. Яковлев, проскользнув между кустами, пересекает речушку. Бойцы за ним. Едва последний из них переходит речку, как раздается дробь пулемета. Разведчики припадают к прибрежной тине. Пулемет затихает, потом начинает бить снова.

- Психует! - говорит Яковлеву лежащий с ним рядом сержант Мельканов.

Им обоим хорошо известна эта тактика немецких часовых. Сидя в дзоте, немецкий часовой время от времени начинает бить из пулемета - пусть, мол, противник, ежели он приблизился, думает, что его обнаружили. Неопытные разведчики, заслышав эту стрельбу, решают:

- До немца еще далеко, а нас уже обнаружили. Беда! А опытные залегают и ждут.

Отряд лежит и ждет. На дробь первого дзота откликается

другой дзот, потом третий. Начинает вдруг бить миномет. Сеня Яковлев лежит в тине. Ему всего двадцать лет, но это уже двадцать седьмая его боевая разведка. Первое время он волновался, писал перед каждым походом в разведку письма родным и любимой, прощался с товарищами. Потом привык. А храбрость, которая дается привычкой, -самая стойкая храбрость.

Двадцатилетний лейтенант спокоен. Он терпеливо ждет конца этой никчемной стрельбы, поворачиваясь с живота на бок и снова на живот. Беспокоит его одно: дождь начинает затихать. Из-за туч на миг показывается луна, потом опять скрывается. Но все же становится как будто светлей. Это плохо. Надо подойти к немцам, покуда дождь совсем не перестанет. А немцы, как нарочно, бьют и бьют из пулеметов. Яковлев сердито поглядывает на небо: да, дождь кончается, это точно.

Все же дождь еще моросит, когда стрельба наконец затихает и когда по знаку лейтенанта группа снова пускается в путь.

Минные поля позади, начинаются спиральные проволочные заграждения. Два мокрых усатых саперика встречают здесь отряд - они уже перебросили через заграждения доски и маты, и бойцы быстро переползают на другую сторону. Потом так же ползком начинают взбираться вверх. Однако, когда до вершины холма остается метров тридцать, дождь затихает окончательно, полная луна вырывается на волю, и вся местность становится ясно видной, как на ладони.

Теперь лежи и жди - ни вперед, ни назад, словно в ловушке! Группа залегает в кустах надолго. Снова Яковлев сердито поглядывает на небо - не подойдет ли какая-нибудь заблудшая тучка. Но тучки нет, безраздельно царит луна. Яковлев морщится, поудобнее устраивается в грязи и замирает.

Он очень терпелив, этот юный лейтенант. Было время -и совсем еще недавнее, до войны, - когда Сеня не мог усидеть спокойно на месте и десяти минут. Теперь он может лежать без движения час, другой, третий...

Сеня лежит и ждет. Он знает, чего ждет: ночь коротка, перед рассветом после дождя должен подняться сильный туман над рекой. Этого тумана и ждет лейтенант. Проходит час, второй, слышно, как переговариваются и перекликаются немецкие часовые. Снова и снова принимаются бить пулеметы и опять затихают. Яковлев поглядывает на звезды -дело идет к утру. Испарина начинает ползти по земле, все курится вокруг - травинки, ветки, цветы. Проходит еще полчаса, туман заволакивает и небо, и луну, и землю. Пора, надо спешить! Лейтенант встает и быстро карабкается наверх, едва заметный в тумане даже ближайшему к нему бойцу. Бойцы бесшумно

следуют гуськом друг за другом.

Объект нападения отряда - одиноко стоящая на холме изба, превращенная немцами в дзот. Туман все гуще и гуще, уже не видно и в двух шагах. Яковлев теряет ориентировку, залегает минуты на три, внимательно вглядываясь и вслушиваясь, потом, определив что-то в тумане, поднимается и решительно устремляется вперед. Вот и контуры хижины. Часовой шагает у крыльца, словно плывет в туманном мареве. Яковлев вынимает нож, подползает к стене избы. Выждав удобный момент, он делает точный бросок и ударяет часового ножом. Второй взмах ножа - это удар сержанта Мельканова. Часовой мертв.

Теперь гарнизон дзота в мышеловке. Нельзя медлить ни секунды: туман очень густ, но долго ли он продержится?

Одна часть группы окружает дзот, другая, поменьше, подкрадывается к дверям избы. В такой туман хорошо бы грохнуть дзот гранатами. Но дело не в гранатах - надо взять пленных.

Яковлев долго прислушивается возле дверей, прежде чем войти в сени. Нет, в сенях ни звука. Яковлев легонько сбрасывает сквозь щель ножом щеколду и входит в сени. Едва заметный глухой скрип, но он услышан, и кто-то отзывается из дзота коротким окриком, видимо окликает часового. Яковлев мычит в ответ что-то быстрое и неясное, нащупывает дверь в избу, рывком распахивает ее, и вся группа с автоматами наперевес входит в дзот.

Ранний рассветный час - время, когда затихает на короткий срок перестрелка, когда так хорошо дремлется в этой минутной, неверной фронтовой тишине. Трое немцев спят на нарах, в белье. Один дремлет, сидя у пулемета.

Пятый не дремлет - он тоже сидит у пулемета и подбивает молотком подошву на сапоге, который держит в руках.

Этот, пятый, сразу вскакивает и хватается за автомат, но автомат тут же выбивают у него из рук. Вот немец уже на земле связан, рот его крепко стянут тряпкой. Одновременно так же бесшумно сбивают на землю и связывают второго, дремавшего у пулемета. Не проходит и трех минут, как всех пятерых с завязанными руками, с повязками на губах выволакивают из дзота.

Туман все еще густ, но свет прибывает с каждой секундой, скоро взойдет солнце. Бойцы, взвалив на плечи пленных, начинают спускаться вниз. Трое из пленных покорны, но двое бьются, пытаются вырваться, крикнуть. С ними много хлопот.

На полдороге до речки одному из них удается сорвать повязку со рта о плечо несущего бойца, и немец начинает кричать

во все горло. Ему тут же затыкают снова рот, но крик услышан, взвивается ракета, и со всей немецкой линии на холме начинают бить пулеметы. Пули свистят над головами. Вот падает раненый Нюбин. Его подхватывают и несут. А туман рассеивается, вокруг становится все светлей и светлей, видимо, будет ясное, погожее утро. В последних обрывках тумана разведчики переправляются по матам через проволоку и достигают реки.

Под сильным обстрелом, неся пленных и раненых на плечах, группа переходит реку и залегает в кустах. Ясное утро, видимость превосходная взобраться наверх до ночи нельзя.

И вот двадцать часов лежат разведчики на берегу, зарывшись в землю. Немцы бьют пулеметами и минометами. Наши минометы и артиллерия открывают сверху, с холма, сильный ответный огонь.

Яковлев сидит в старом окопчике, оставшемся здесь от прежних боев. Рядом с ним пленный - тот самый, что начал кричать. Он и сейчас бьется на дне окопчика и пытается сорвать повязку со рта. Потом затихает.

Время тянется бесконечно. Жаркий июньский полдень, солнце даже через фуражку печет голову. Яковлев снимает шинель, расстегивает ворот гимнастерки. Скорей бы вечер! Есть уже не хочется, в ногах и руках неприятная слабость.

Проходит еще полчаса. Перестрелка совсем утихает. Яковлев завозился, расправляя затекшие члены, непроизвольно приподнялся над окопчиком и тут же почувствовал резкий толчок в руку повыше локтя "Ранен", - сразу подумал он и опустился на дно своей земляной норы.

Горячая струя, так непохожая на ту утреннюю холодную дождевую влагу, покатилась по руке. Гимнастерка на рукаве сразу побурела.

Вызвать кого-нибудь на помощь нельзя - всякого, кто попытается вылезти из окопчика, тут же подстрелят. Яковлев здоровой, правой, рукой вынул из сумки, индивидуальный пакет, разорвал его, подрезал ножом рукав гимнастерки и, стараясь не глядеть на рану, перевязал ее, пытаясь стянуть руку как можно туже. Бинт немедленно заалел. И немец, взглянув на повязку, довольно и зло улыбнулся.

Неукротимое бешенство поднялось в груди Яковлева. Он видел, что немец наслаждается его болью. "Ах, скотина!" - в гневе подумал он. И он небрежно улыбнулся, как если бы рука не причиняла ему ни боли, ни беспокойства, вынул из кармана папиросу и закурил. Немец ждет его слабости, его стонов, может быть, ждет, что он, Яковлев, обратится к нему за помощью, и тогда он, немец, откажет ему в этой помощи. Нет, не будет ни

слабости, ни стонов! Курить совсем не хотелось, кружилась голова, поташнивало, но он курил и стряхивал пепел равнодушно и спокойно, как ни в чем не бывало. Боль становилась все острее, а он курил и улыбался, будто мысли его были легки и беззаботны.

А вечер медлил, солнце словно приросло к верхушкам деревьев. Губы, пересохли, все поплыло куда-то вправо, потом влево. Силы Яковлева слабели, ноги подкашивались, боль становилась все нестерпимей. Несколько раз Яковлев впадал в беспамятство, но напряжение мускулов было столь велико, что тело продолжало оставаться все в том же положении даже тогда, когда мозг переставал контролировать его движения.

И юноша-воин победил: немец-враг не увидел его слабости, не насладился его болью, не порадовался стонам советского, русского офицера Спустилась ночная темнота, но Яковлев нашел в себе силы выждать, пока она максимально сгустится, и только тогда подал знак к выступлению. Он увидел, как по его знаку над земляными норами в темноте показались головы его бойцов. Он тоже вылез наружу, здоровой рукой схватил немца за шиворот, приподнял его над окопчиком и бросил на землю. Ту т же от этого напряжения он почувствовал такую страшную боль в руке, что опустился на траву. Чья-то голова наклонилась над ним, и знакомый, родной тревожный голос сержанта Мельканова произнес:

- Что с вами, товарищ лейтенант?

- Я ранен, - сказал Яковлев, - я вот уже семь часов как ранен.

29 июня 1943 года

Илья Эренбург

Их наступление

Вот что сообщали вчера немцы:

"Советское наступление между Орлом и Курском провалилось".

"Советские части попытались проникнуть в наше расположение, но их атаки отбиты".

"Наступление наших войск не является большим наступлением".

"Началось крупное наступление наших войск".

"В основном наши части удерживают все свои позиции".

Гитлер задал фрицам головоломку: они читают на той же полосе газеты самые разноречивые сообщения. РадиоБерлин бормочет: "Мы обороняемся". Радио-Донау кричит: "Мы наступаем". Радио-Рим ликует: "Мы прорвали вражескую оборону". Радио-Будапешт вздыхает: "Русским не удалось нас опрокинуть".

Между тем фрицы, которые не читают газет и не слушают

радио, а покорно гибнут у Белгорода, великолепно знают, что Гитлер приказал им наступать. Если в районе Орла немцы не продвинулись вперед, то это не потому, что радио-Берлин твердит об обороне, а потому, что Красная Армия отбила атаки фрицев.

5 июля немецким разведывательным самолетам было поручено "следить за отходом русских". В тот самый день Гитлер клялся, что немцы не наступают. Немецкие "рамы" действительно не обнаружили никакого отхода русских. Почему? Да потому, что 5 июля Красная Армия отразила неистовые атаки немцев.

Гитлер боится сказать немцам правду: он боится, что немцы вспомнят "поход на Индию", гекатомбы фрицев у Моздока, на Дону, в Сталинграде. Гитлеру нужно наступать, он знает, что для Германии оборона равносильна смерти. Но Гитлер не смеет сказать немцам, что он начал в России третье наступление. На этот раз Гитлер наступает втихомолку, как вор.

Наши части на Белгородском и Орловско-Курском направлениях ведут суровые бои. Гитлер бросает одну танковую дивизию за другой. Он хочет, чтобы немцы забыли Сталинград и Тунис. Он торопится: его подгоняет западный ветер. Он торопит своих солдат: живее, на восток! Но фрицы видят перед собой советские укрепления. Но фрицы видят перед собой советских бойцов.

Мы знаем, как выросло мастерство Красной Армии. Мы знаем, что у нас теперь плеяда прославленных командиров и много бывалых солдат. Мы знаем, что образами Красной Армии вдохновляются офицеры и солдаты союзных стран. В 1941 году вооруженный, но неопытный народ отбивал мощные атаки врага. В 1943 году атаки немцев отражает самая сильная армия мира: наша.

Если немцы несколько продвинулись на том или ином участке, они заплатили за каждый метр земли жизнями своих солдат и судьбой своей техники. Отбивая атаки врага, изнуряя его, нанося ему раны, Красная Армия не только обороняет рубежи, она готовится к наступлению. Зимний огонь, огонь Касторного и Миллерова, горит в сердцах наших бойцов.

Наступление немцев у Белгорода - это отчаянная попытка грандиозной вылазки. Гитлер хочет ослабить нас. Он хочет вклиниться в нашу страну. Но Красная Армия покажет фрицам, что всему свое время. Немцы наступают и думают при этом об обороне. Мы обороняемся и думаем при этом о наступлении.

11 июля 1943 года

Нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 122 немецких

танка.

Из оперативной сводки Совинформбюро

12 июля 1943 г.

Евгений Воробьев

Кладбище танков

Когда порыв ветра колышет травы, к аромату полевых цветов примешиваются запахи горелого тряпья, мяса, пороха, резины, обожженной земли и трупный смрад.

Поле, от синеющей на севере дубравы до ярко-зеленой березовой рощи и до серебряной излучины речки, покрыто унылым, бурым ковром сорняков: пашня одичала. Будто какой-то злой сеятель нарочно засеял ее бурьяном, лебедой, осотом, чертополохом.

В последний раз эта орловская земля видела землепашца весной 1941 года. С тех пор землю пололи саперы, ее перепахивали снарядами, минами, бомбами, ее засеивали осколками и пулями, но она не чувствовала прикосновения плуга, эта орловская земля, истосковавшаяся по тяжелому семенному зерну. Она слышала моторы танков и бронетранспортеров, но давным-давно не слышала мирного пыхтения трудолюбивого трактора.

Жители деревни Никитинка - за ее околицей начинается это одичавшее поле - забыли вкус и запах хлеба. Они стряпали лепешки из толченых головок клевера, ели хлеб из лебеды, собирали колосья дикого овса, ржи, пшеницы.

Сколько несжатых полос осталось на этих плодородных полях осенью 1941 года! На следующее лето здесь росла рожь-падалица, а ныне ее окончательно заглушило бурное цветение сорняков, которые земля взрастила с напрасной и горькой щедростью. Земля у деревни Никитинка не знает деления на желтые, черные, иссиня-зеленые квадраты и полосы - верный признак многополья, радующий глаз хлебопашца. Забыт кружащий голову запах свежего сена. Луга стояли нетронутые и в те дни, на которые некогда приходилась страдная пора сенокоса.

Но пусть заброшены луга, пашни и огороды - природа в этих местах по-прежнему великолепна в своей извечной красоте, она бесконечно мила и дорога русскому человеку. Крутые овраги, поросшие кустарником, дубравы, речки, неторопливо текущие по сочным лугам, перелески, березовые рощи - вот он, полный очарования, неумирающий орловский пейзаж, который благодаря Тургеневу стал классическим русским пейзажем. Недалеко от этих мест, а может быть, по той самой дубраве, синеющей к северу от деревни, по тому оврагу, по той рощице бродил с ягдташем и собакой Иван Сергеевич Тургенев. Отсюда родом Хорь

и Калиныч, Касьян с Красивой Мечи и ребята с Бежина луга, все знакомцы, попутчики и компаньоны Тургенева в его охотничьих скитаниях...

Еще сегодня утром на поле гремел жестокий бой. Десятки немецких танков ступали по этой траве тяжелой железной походкой и вели огонь с места и с ходу. Они пытались остановить продвижение наших полков.

Но наступающие обрушили на врага все средства борьбы с танками - от авиабомб до зажигательных бутылок, и безымянный холм возле деревни Никитинка, южнее реки Жиздры, стал просторным и обширным кладбищем для немецких танков. Здесь была разгромлена пятая танковая дивизия немцев.

"О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?.."

Нетрудно угадать, какая сила могла перевернуть вверх тормашками тяжелый танк 619 и швырнуть его на край глубокой воронки. Конечно, это работа могучей бомбы, ударившей рядом с танком.

У танка 624 башня вместе с орудием оторвана от стального туловища и отброшена в сторону. Орудие ткнулось в землю с такой силой, что пламегасителя совсем не видна Очевидно, в танк угодил снаряд, произошел взрыв, и силой этого взрыва танк разорвало, как картонную коробку.

Танк 616, несомненно, стал добычей бронебойщиков. В его бортовой броне - две небольшие дырки, следы пуль противотанкового ружья. Танк долго крутился на одной гусенице и вспахал ею глубокую борозду. По всей вероятности, вначале танк 616 был подбит, а уже затем подожжен. Крышка верхнего люка открыта, и через край его свесился по пояс убитый танкист: Чья-то меткая пуля настигла его, когда он хотел выпрыгнуть из горящей машины.

Другой танкист валяется на траве. Как все здешние мертвецы, он в черной куртке с розовым кантом на погонах и на петлицах, с серебряными черепами - форма немецких танкистов. Куртка надета на один рукав, она наполовину сгорела. Судя по всему, танкист пытался сорвать с себя горящую одежду и не успел этого сделать.

В его солдатскую книжку с чисто немецкой пунктуальностью занесены всевозможные сведения. Курт Мауэр, командир машины 616, пятой танковой дивизии. Рост 171 сантиметр. Глаза серые. Волосы темно-русые. Жалованье за июнь 1943 года получено. В лазарете был дважды. Кровь группы "А". Противогаз третьего размера. Отправил из России семь посылок. Шлем четвертого размера. Женат. Родился в 1914 году в Мюнхене.

Ну а где и когда Курт Мауэр окончил свое существование,

было ясно еще до того, как я взял в руки пожелтевшую от огня, обугленную с угла солдатскую книжку.

Соседний танк 626 лежит на боку, один борт изрядно помят, он хранит следы страшного удара. Кто же опрокинул набок эту железную махину? Воронки поблизости нет, значит, - не бомба. Вмятая внутрь бортовая броня окончательно убеждает в мысли, что здесь имел место танковый таран.

Танк 722 сгорел дотла, насколько может сгореть танк. Мы прилежно обследуем его бронированную шкуру, покрытую сажей и окалиной, и не можем найти ни одной пробоины от снаряда, от бронебойной пули. Но вскоре загадку удается разгадать: по соседству с танком на обугленном дерне поблескивают осколки разбитой бутылки.

Поблизости - свежий могильный холмик. Мы подходим и снимаем каски. На табличке, прикрепленной к шесту, воткнутому в холмик, написано чернильным карандашом: "Пал смертью храбрых в неравном бою против фашистских танков гвардии лейтенант Рассказов М. И. Героически вел своих бойцов в бой за Родину, не давал врагу передышки. Слава герою!"

На могильном холмике - осиротевшая каска героя и триплекс, вынутый из смотровой щели немецкого танка. Тяжелый брусок стекла в латунной оправе хранит следы пуль. Пули не пробили толстенного стекла, но покрыли его густой сеткой морщин и трещин, сделали стекло незрячим. Может быть, сам Рассказов вел огонь по смотровой щели танка, подожженного зажигательной бутылкой? Немецкий триплекс положен на могилу как знак доблести пехотинца, который вышел на поединок с танком, поджег и ослепил его.

Так постепенно, шаг за шагом, нам удается установить, кто усеял мертвыми костями это поле.

Линия фронта ушла за этот день на юго-запад, и здесь, на видавшем виды холме, царит строгая кладбищенская тишина.

На площади в несколько квадратных километров можно насчитать свыше трех десятков немецких танков, преимущественно типа T-IV.

Внимание привлекает огромный "тигр".

Подобно "тигру", большинство танков вокруг сгорело. Обугленные трупы машин, кажется, еще сохранили зной пожара. Трава вокруг них выгорела до корней, обнажив черную землю, удобренную свежей золой. Из нутра танков несет мертвечиной - они стали могилами экипажей.

Но попадаются машины (613, 621, 723, 627) в полном порядке. Гусеничные траки отполированы землей до блеска, как лемеха плуга в дни пахоты; сталь еще не успела потускнеть.

Танки полны нерасстрелянных снарядов и пулеметных лент, в баках - бензин, аккумуляторы заряжены. Эти целехонькие танки брошены экипажами.

Трофеи - машины, оружие, боеприпасы - могут многое рассказать тому, кто хочет и умеет их слушать. В иных случаях показания пленных танков даже ценнее сведений, которые дают на допросе пленные танкисты: машины, по крайней мере, не лгут, не виляют, ничего не скрывают и не заискивают угодливо и мерзко...

Все немецкие танки выкрашены под цвет лета. Все они пятнистой серо-зеленой окраски, которая хорошо прячет машину в кустарнике, на фоне леса, за пригорком, в высокой траве. Это совсем новенькие танки. Немцы готовили их к своему наступлению на Орловско-Курской дуге, но уничтожены эти танки нашими частями южнее реки Жиздры, севернее железной дороги Орел-Карачев-Брянск.

Еще несколько дней назад пятая танковая немецкая дивизия стояла в районе Орла Но удар гвардейских дивизий генерала Баграмяна во фланг орловско-курской группировки немцев заставил их снять дивизию с направления предполагавшегося главного удара и бросить танки на защиту своего левого фланга...

Невольно приходят на память немецкие танки, которые я впервые увидел летом 1941 года на Смоленщине. Вымазанные зловещей черной краской, с кричащими белыми крестами на башнях, с номерами, огромными, как на афише, танки перли напролом, уверенные в своей неуязвимости и безнаказанности.

Немецкие танки лета 1943 года сильно изменили свои повадки и свою внешность. Они тщательно камуфлированы под цвет летнего пейзажа. Белые кресты помельчали, присмирели, цифры тоже стали менее заметными - как бы не нарушить маскировки, не попасться на глаза нашему бронебойщику, наблюдателю батареи, штурману бомбардировщика, наводчику орудия, бьющего из засады.

Залезаю в танк 613. Экипаж бросил машину из-за неисправного мотора. Внутренние стенки танка, механизмы, пушка окрашены в нежно-кремовый цвет в такой цвет красят детские кроватки. Цвет этот кажется крайне неуместным внутри танка. Меня интересует возраст этой машины, его можно установить без труда по заводской табличке - июнь 1943. Видимо, фашисты очень нуждаются в танках и велики их потери, если прямо от заводских ворот гонят их сюда, на орловскую землю.

Никогда раньше немецкие танки не таскали на себе столько запасных траков и катков, как сейчас. На броне танка 613 восемь новеньких катков, еще не бывших в работе. Этой боязливой

запасливости научили фашистов наши бойцы, метко бьющие по гусеницам, по ходовой части.

Углы новых машин перекрашены в черный цвет. Дело в том, что сверху они представляются летчику квадратами, а если перекрасить углы, они теряют свою характерную конфигурацию и могут ввести в заблуждение даже опытного воздушного разведчика.

Некоторые танки (616, 722, 621, 703) несут на себе дополнительные бронещиты. Броня опоясывает башни, прикрывает моторы и даже гусеницы. К этой осторожности вынудили фашистов наши артиллеристы, бронебойщики.

Немецкие конструкторы усилили бронезащиту танков Т-III. Т-IV, но, как показывает обследование, стальные заплаты на броне не спасают положения.

Попадаются машины, у которых броня покрыта шершавой огнеупорной обмазкой из асбеста - немцы все больше боятся наших термитных снарядов.

Мы уходим с кладбища немецких танков, и радостное ощущение добытого превосходства над врагом не покидает нас. Наши бойцы и офицеры встречают сегодня фашистские танки спокойно и деловито, бьют их уверенно и умело.

В сущности говоря, здесь, на холме близ деревни Никитинка, нечаянно открылась маленькая выставка трофеев, хотя сюда и не нужно покупать входных билетов, здесь нет экскурсоводов и не продают газированную воду.

Пройдет время, вездесущая ржавчина покроет и стальные лохмотья, и невредимую броню, и внутренности машин. Трупный запах перестанет мешать аромату полевых цветов. Истоптанная трава распрямит свои стебли, примется расти в свежих черных воронках. На могиле гвардии лейтенанта М.И.Рассказова встанет траурный обелиск, увенчанный звездочкой.

А немецкие танки, пока не пойдут в лом, будут стоять здесь памятником доблести и воинского мастерства наших "охотников": они не позволили "тиграм" разгуливать по орловской земле.

Июль 1943 года

Андрей Платонов

Никодим Максимов

Максимов шел с поста на отдых. Их часть отвели во второй эшелон, и теперь бойцы расположились на временное Жительство в людной деревне.

В одной избе плакали дети сразу в три голоса, и мать-крестьянка, измученная своим многодетством, шумела на них:

- А ну замолчите, а то сейчас всех в Германию отправлю - вон немец за вами летит!

Дети приумолкли. Никодим Максимов улыбнулся: стоял-стоял свет и достоялся, люди государствами детей пугают.

Максимов вошел в свою избу, в которой он был на постое.

Полуденное солнце вышло из-за дыма горящего леса и осветило через окно теплым светом внутреннее убранство русской избы: печь, стол и две лавки, красный угол, большое изображение Ленина, затем картинки над сундуком на бревенчатой тесаной стене - портреты петербургских красавиц девятнадцатого века, страницу из детского журнала со стихотворением "Корова Прова", несколько желтых фотографий родных и знакомых старого крестьянина - хозяина избы, - житейскую обыденную утварь возле печи, - это было обыкновенное жилище, в котором рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские крестьяне. Все здесь было знакомо, просто, но мило и привычно сердцу.

Максимов снял с себя солдатскую оснастку, разулся, сел и вздохнул, радуя покоем уставшее тело.

В избу постепенно набирались красноармейцы разных подразделений, хотя на постое в этой избе стоял всего один человек - Никодим Максимов. Они здоровались с хозяином и молча сидели некоторое время, поглядывая на старого крестьянина, на ясный свет неба в окне, медленно осматривая внутренность избы. Видимо, тут им было хорошо, в них оживало здесь тихое чувство своего оставленного дома, отца и матери, всего прошлого. Эта изба, пропахшая хлебом и семейством, воскрешала в них ощущение родного жилища, и они внимательно разглядывали старика, может быть угадывая в нем схожесть с отцом, и тем утешали себя. Потом, вздохнув и погасив цигарки, они прощались и уходили, но приходили другие, придумывая иногда ложные пустяки, чтобы видно было, что они явились не зря, а с причиной.

Старый крестьянин хорошо понимал душевное расположение красноармейцев, и он приглашал каждого сидеть и курить, пока им еще не вышло время идти на занятия или в бой.

Хозяин смотрел на своих гостей красноармейцев с гордостью и тайной завистью, которую он укрощал в себе тем, что он и сам непременно был бы бойцом, будь он помоложе.

- Эх, будь бы я теперь при силе, я воевал бы с жадностью, - высказался старик. - Кто сейчас не солдат, тот и не человек... Хоть ты со штыком ходи, хоть в кузнице балдой бей, а действуй в одно. Так оно и быть должно, а то как же иначе! Земле не пропадать, а народу не помирать...

- Народу не помирать, - согласился Максимов и тихо добавил: - А трудно, папаша, бывает нашему брату, который солдат...

Иван Ефимович с уважением уставился на Максимова - человека уже пожилого на вид, но не от возраста, а от великих тягот войны.

- Да то, нешто не трудно! Разве к тому привыкнешь -надо ведь от самого себя отказаться да в огонь идти?

- Привыкнешь, Иван Ефимович, - сказал Максимов. - Я вот два года на войне и привык, а сперва тоже - все, бывало, сердце по дому плачет...

- Да как же ему не плакать, ведь и ты небось человек, а дома у тебя семейство, - оправдал Максимова Иван Ефимович.

- Нет, - сказал Максимов. - Кто на войне домашней тоскою живет, тот не солдат. Солдат начинается с думы об отечестве.

Иван Ефимович удивился и обрадовался этим словам.

- И то! - воскликнул он. - Вот ведь правда твоя: одно слово, а что оно значит! Где, стало быть, обо всем народе и отечестве есть дума такая, оттуда солдат начинается... Где ж ты сообразил правду такую или услыхал, что ль, от кого ее?..

- На войне, Иван Ефимович, ученье скорое бывает... Я ведь не особый какой человек, а так - живу и думаю...

- На кухню, что ль, за обедом пойдешь иль дома варить чего будешь? спросил Иван Ефимович.

- Давай дома кашу погуще сварим - у нас крупа есть, сала положим, поедим да отдохнем, а то завтра на передовую нужно, там части замена будет, наш черед немцев держать...

- Должно, здорово они на нас прут?..

- Да что ж они прут! Прут, а в нас упираются и на месте стоят. Немецкое время прошло, Иван Ефимович. Соседи наши уж вперед на него пошли, и мы, должно, на него тронемся.

- Ну, дай бог.

Поевши, хозяин и красноармеец легли на отдых. С фронта, как равномерные и равнодушные удары волны о береговой камень, шла пушечная канонада, и созревающий хлеб за окном избы кланялся колосом от сотрясения земли.

В ночь Никодим Максимов встал с лавки и стал снаряжаться, чтобы идти в роту. Старик помогал ему собраться в темноте и все спрашивал: "Ну, как ты себя чувствуешь-то? Не боязно тебе уходить-то?"

- Нет, - говорил Максимов, - не пойду я, так тебе боязно тут будет... Прощай, отец!

Перед рассветом подразделение, в котором служил Максимов, заняло свое место в окопах на переднем крае, а бывшие здесь бойцы отошли на отдых в резерв. Максимов огляделся в рассвете: ему всегда нужно было сначала освоиться с местом, породниться с ним, точно он желал заручиться сочувствием всех окружающих предметов, чтобы они были ему в помощь.

Наша первая линия окопов проходила поясом поперек отлогой высоты, а впереди окопов земля опускалась в долину, занятую маломерным кустарником, в котором были луговые поляны с клеверными травами, что узнал Максимов по их сладкому, дремотному запаху, доходившему сюда с низовой сыростью; далее земля подымалась опять на высоту, поросшую рожью и уязвленную щербиной глубокого оврага. Там уже, прямо по водоразделу, проходила немецкая линия, обороняемая частоколом с проволокой. Это был курский край - степь и медленная волнистая земля, заросшая по своим влажным впадинам, орошенным малыми реками, перелесками и благоухающим разнотравьем.

Красноармейцы, пока было тихо, занимались своим хозяйством: подшивали ослабевшие пуговицы, перебирали и перекладывали вещи в мешках, убирая их поудобнее на сохранение, читали сызнова старые письма, чтобы получше понять их, осматривали обувь и рассуждали о ее ремонте.

Сосед Максимова слева, Семен Жигунов, тщательно выбривал концами ножниц волосы из ушей у сержанта Николая Шостко и сообщал сержанту сведения о пчелах; у Жигунова был такой план, чтобы после войны, наравне с сахароварением, развить пчеловодство до полного изобилия, потому что мед есть волшебная, исцелительная пища для нашего народа, которому нужно будет поправляться после войны для здоровой, счастливой жизни.

У Максимова не было дела, у него все было в исправности, поэтому он стал рассматривать муравьиную жизнь в земле, видя в этой жизни тоже важное дело.

Командир роты прошел по окопу и сказал бойцам:

- Задачу вы знаете?

Командир поговорил с бойцами и прошел далее. Позади послышалось глубокое гудение, словно зазвучал древний голос из каменных недр.

- Это наша авиация! - сказал Жигунов. - Давай сюда, птица небесная... Сколько там вас - штук десять-то прилетит иль нет?

Вначале прилетело девять бомбардировщиков. Они сразу с трепещущим свистом крыльев пали с неба на немецкую сторону и, вонзив бомбы в землю, ушли вверх, взревев покорными, работящими моторами. Вослед первым девяти самолетам прилетело еще восемь раз по девять. Черная горячая пыль взошла высоко к небу на немецкой стороне, и там стало темно.

Пыль с немецкой высоты постепенно опускалась в долину, и заметно было, как из пыльной тучи выпадали вниз более крупные, сухие комочки грунта, что походило на редкие капли дождя, но дождя, в котором нельзя освежиться и можно задохнуться.

Немцы стали отвечать артиллерийским огнем по нашей стороне; однако сразу же после ухода самолетов из ближних тылов наша артиллерия начала работать на сокрушение немецких рубежей, так что на русской стороне осыпалась земля с окопных отвесов и живые трещины пошли по цельному месту. Ничего не стало слышно, и вовсе сумрачно было впереди от рушащейся земли.

Максимов поглядел на ближних людей. Лица их уже были покрыты пылью, но солдаты были довольны.

- Гляди, что народ наш в тылах наработал! - крикнул Жигунов Максимову. - Видал, сколько теперь самолетов и орудий! Теперь и воевать не трудно!

В окоп бросились из воздуха два воробья и трясогузка; они сели на дно и прижались к земле, не пугаясь людей.

Тогда Максимов увидел на скате немецкого холма их пехоту.

Хоть мы и в мешке, а кому легче - скоро увидим.

Максимову это положение понравилось потому, что оно было умным и смелым.

- Ничего, товарищи бойцы, - улыбнулся командир. - Окружение - это не стена. А если и стена, то мы сделаем из нее решето. Мы научились теперь это делать, вы сами знаете...

- Теперь воевать спокойно можно, - сказал Максимов. -Теперь у нас оружия много и понятие есть...

После полуночи в окопы тихо, один по одному, вошли еще две роты, и в земле стало тесно. Подремав немного, люди пробудились от неприятельского огня. Противник бил тяжелыми снарядами и уже рыхлил землю прямо возле линии окопов. Майор, общий командир всего трехротного отряда, приказал оставить рубеж и, выйдя осторожно вперед, залечь в низовом кустарнике и изготовиться там к штурму немецкой высоты; проволоки на той высоте теперь уже не было, ее размолотила наша артиллерия.

Максимов заодно со всеми пополз из окопов книзу, мимо охладелых немецких солдат. Пылью, комьями земли и жаром обдало Максимова от близкого разрыва снаряда. Он поскорее пополз дальше, а потом приподнялся и побежал в кустарник.

- Стой, обожди, ты кто? - глухо прошептал ему кто-то с темной земли, совсем теперь невидимой после слепящих разрывов.

- Я Максимов, а ты?

- Лейтенант Махотин... Ты помоги мне маленько... Максимов склонился к человеку и узнал в нем командира своей роты.

- Что с вами, товарищ лейтенант?

- Ранен, должно быть, осколком, стыну весь, убери меня с поля, пусть бойцы меня не видят - им в атаку скоро идти... Найди пойди майора... Одни руки действуют у меня, подняться никак не могу.

Максимов нашел майора уже внизу, в кустарнике, и доложил ему Майор послал с Максимовым санитара и приказал им вынести лейтенанта с поля и найти для него безопасное убежище.

Вскорости Максимов и санитар принесли лейтенанта в ту деревню, где еще вчера гостил Максимов у доброго старика.

Иван Ефимович не спал; от больших лет и войны он спал теперь вовсе мало.

Старый человек заплакал при виде раненого молодого лейтенанта и стал стелить для него мягкую постель.

- Немецкие танки тут проходили? - спросил лейтенант.

- Да, гудели недалече, из пушек били - чума их знает, - ответил Иван Ефимович.

Санитар осмотрел свои перевязки на теле лейтенанта и, уложивши раненого удобно в постель, ушел за врачом.

- Трудно вам, товарищ лейтенант? - спросил Максимов. - Усните, а я постерегу вас от немцев...

Лейтенант грустно поглядел на Максимова побледневшими, обессилевшими глазами.

- Мне не трудно, - сказал он тихо.

Лейтенанту стало легче при близких людях, и он сказал им:

- Мне не трудно, я вытерплю - и опять на войну... Махотин закрыл глаза от слабости и умолк на время, потом их открыл и отыскал взором Максимова:

- Ступай обратно в роту!

- А как же вас оставить одного, товарищ лейтенант?.. Тут немцы бродят, а вы ослабли.

- Иди, я тебе сказал. Ты там нужен, а мы здесь с дедушкой сами обороняться будем...

- Да ведь раз дело такое, то придется, - сказал Иван Ефимович.

- Пойди сюда, товарищ Максимов! - произнес лейтенант. - Мы давно с тобой служим, ты живой, ты здоровый, ты опять будешь сегодня в бою...

Максимов наклонился к постели и осторожно, вытерев сначала губы, поцеловал командира в лоб. А потом он взял винтовку и ушел из избы вперед, в свою роту.

Июль 1943 года

5 августа наши войска после ожесточенных уличных боев овладели городом и железнодорожным узлом Орел. Северо-западнее, южнее и юго-западнее Орла наши войска за день боев заняли свыше 30 населенных пунктов.

Из оперативной сводки Совинформбюро

5 августа 1943 г.

Василий Гроссман

Орел

Сегодня войска Красной Армии вошли в Орел. К рассвету замолкли очереди автоматов, треск винтовочных выстрелов, тяжелый, слитный гул артиллерийского огня перенесся с западной окраины города вновь на простор несжатых полей, на шоссейные и грейдерные дороги. С каждым часом грохот битвы становился приглушенней. Солнце взошло над городом. Среди дыма еще не погасших пожаров, среди неосевшей пыли, поднятой высоко в небо взрывами, по мостовым, покрытым битым кирпичом и осколками стекла, шли наши войска.

Шли люди в пыльных сапогах, в выгоревших гимнастерках, с лицами, темными от злого августовского солнца, люди, которые

много недель, в зной, в проливные дожди, сквозь огонь и смерть, шаг за шагом прорывая проволоку, разрушая траншеи, неотступно и неуклонно шли к Орлу с севера и с востока, с юга и с юго-востока. В пять часов утра по городу прошло управление стрелковой дивизии полковника Кустова. Впереди несли знамя первого полка майора Плотникова. Командиры шли такие же запыленные, как бойцы, в простреленных и продранных осколками гимнастерках. Сурово выглядел этот первый парад в дыму пожарищ, в пыли взрывов, в высоком тумане, застилавшем небо над разрушенными кварталами города.

И сотни людей выходили из подворотен, выползали из подвалов, бежали навстречу идущим под красным знаменем командирам и красноармейцам.

Откуда появилось столько цветов в эти минуты - ведь так суров был город в час окончания боя? Казалось, вдруг расцвели они среди изуродованных немцами улиц и дворов - и дети, женщины бросали цветы к ногам шагавших красноармейцев. Как всегда, навеки незабываема и для тех, кого встречали, и для жителей освобожденного Орла эта первая минута, этот первый радостный крик встречи, встречи, которую уже пережили тысячи наших сел, десятки освобожденных городов. Должно быть, великая справедливость судьбы в том, что счастье, гордость этой встречи всегда выпадали на долю тех передовых бойцов, которые вынесли на себе главную тяжесть боев, и тех, кто пережил всю тяжесть немецкого гнета. Они - матери, жены, сестры и дети красноармейцев и командиров, двадцать месяцев не знавшие о судьбе своих близких, они - братья и отцы угнанных в Германию девушек и молодых женщин, они -родственники замученных в гестапо и в германских концентрационных лагерях советских людей, - первыми бросаются, еще под взрывы гранат и выстрелы, навстречу нашим бойцам.

И, глядя на грязные, потные, запыленные лица красноармейцев, плачут слезами радости, произносят перехваченным от волнения голосом скупые слова:

- Пришли... вернулись... хорошие наши.

Это они перевязывали раны бойцам, это они убирали и обмывали убитых в бою пехотинцев и танкистов и приносили венки, чтобы украсить их могилы на площади Первого мая. И это они, старухи и старики, плакали над заколоченными гробами восемнадцати танкистов. Велика, торжественна и вовеки нерушима связь и судьба всех советских людей, и оттого так горьки были слезы орловских женщин над мертвыми телами танкистов. В эту горькую и торжественную минуту были они им сыновьями, мужьями, братьями.

Мы приехали в Орел днем 5 августа - по Московскому шоссе. Мы проехали по ожившей, веселой и деловитой Туле, мимо Плавска и Черни; и чем дальше, тем свежей выглядели раны, нанесенные немцами нашей земле.

Развалины мценских домов поросли травой, голубое небо глядит сквозь пустые глазницы окон и сорванные крыши. Почти все деревни между Мценском и Орлом сожжены, развалины изб еще дымятся. Старики и дети копаются в кучах кирпича, ищут уцелевшие вещи - чугуны, сковороды, смятые огнем железные кровати, швейные машины. Какая горькая и какая знакомая картина!

У железнодорожного переезда прибита свежеобтесанная белая доска с надписью "Орел". Железнодорожные пути взорваны немцами, рельсы, развороченные силой взрыва, искривились, изогнулись. Милый орловский вокзал, так хорошо знакомый многим москвичам, - взорван, дымятся разрушенные здания железнодорожных мастерских. Истерзанная силой взрыва сталь валяется на земле, на мостовой.

С холма хорошо виден весь город, та страшная работа, которую перед уходом вели немцы, работа палачей, казнивших огнем и взрывчаткой красивейшие здания и сооружения Орла. Взорван мост через Оку, соединявший центр города, Ленинскую улицу, с вокзалом, его массивные пролеты тяжело рухнули в воду. Взорвано белое здание почты и телеграфа, зияет пустыми глазницами театр, взорван Педагогический институт и белое здание городской больницы, пряди проводов свисают на мостовые, погромыхивают сорванные взрывами вывески и листы кровельной жести. Дети стоят возле сожженных школ, и мальчик с худеньким, серьезным личиком говорит мне:

- Немцы врали, что любят детей, а сожгли все школы.

Эту разбойничью работу немцы проводили методически и планомерно, по приказу генерал-разбойника Моделя, в течение пяти суток. Но, пожалуй, еще страшней разрушений, произведенных ими, выглядят уцелевшие следы их пребывания в Орле - названия улиц на немецком языке, вывески над солдатскими и офицерскими увеселительными заведениями, объявления, приклеенные к стенам, жирный знак свастики, нарисованный масляной краской в комнате офицерской столовой, худой, с тощей шеей имперский орел, прилепленный к стенам некоторых зданий. На каждой улице можно видеть вывески комиссионных магазинов "Скупка... скупка... скупка..."

Через эти комиссионные магазины немцы выкачивали у населения Орла мебель, картины, платья, меха, обувь, носильные вещи. И эти десятки, сотни вывесок над комиссионными

магазинами свидетельствуют ярче многих рассказов о характере разбойничьей экономики, установленной оккупантами.

Но не только на стенах домов и на табличках, повешенных на углах улиц, оставили немцы следы своего растленного пребывания. Есть некоторые люди, которым стыдно сейчас смотреть открыто и прямо в глаза нашим красноармейцам, люди слабой, податливой души, работавшие на немцев, своей услужливой молчаливостью старавшиеся если не выслужиться, то по крайней мере не вызывать их гнева. И теперь этим людям страшно и стыдно.

Несколько часов ездили и ходили мы по улицам Орла, разговаривали с женщинами, с детьми, стариками. Они рассказывали о нищенских голодных нормах питания, которым немцы обрекли рабочих, - двести граммов хлеба в день и сто граммов соли в месяц, о том, как вчера немцы взорвали здание, где находились сорок тяжело раненных военнопленных красноармейцев, о грубой, наглой германизации, которую пытались проводить они в школах, о подлой черносотенной газетке, издававшейся ими.

Пыль стоит над городом, ее поднимают тяжелые танки и орудия, со скрежетом и грохотом идущие по улицам, ее поднимают тысячи красноармейских сапог. Запах гари стоит в воздухе, голубой молочный дымок поднимается над догорающими пожарищами. Осколки стекла и битый кирпич поскрипывают под ногами. Сквозь выбитые стекла глядят увядшие от жары пожаров комнатные растения и цветы. Но удивительное, странное дело!

Немцы хотели разрушить город, а он выглядит так радостно, молодо, как вряд ли когда-нибудь выглядел. Люди смеются, возбужденно разговаривают, дети кричат "ура" проезжающим машинам, вокруг красноармейцев собираются группы женщин, мужчин, стариков, все рассказывают быстро, оживленно, - и кажется, что каждый красноармеец, стоящий возле дома или сидящий на ступеньках и живо, горячо разговаривающий с жителями, - это брат, сын, вернувшийся в родной дом после долгой разлуки. Первый день - день начала жизни! Над многими домами уже вывешены красные флаги, ветер расправляет их складки. Всего шесть-семь часов тому назад были здесь немцы, а в городе уже чувствуется первый удар пульса ожившей советской жизни.

Привезена громкоговорительная установка. На площади слышен "Интернационал", на стенах расклеиваются плакаты и воззвания, жителям раздают листовки. На всех углах стоят румяные девушки-регулировщицы, лихо машут красными и

желтыми флажками. Пройдет еще день-два, и Орел начнет оживать, работать, учиться, станет в славный строй наших городов и сел, ведущих победоносную борьбу с фашизмом.

И в этот первый, беспокойный и радостный день, когда под удаляющийся грохот канонады, среди пыли и дыма вновь стал советским, русским Орел, мне вспомнился Орел, который я видел ровно двадцать два месяца тому назад, в тот октябрьский день 1941 года, когда в него ворвались немецкие танки, шедшие по Кромскому шоссе. Мне вспомнилась последняя ночь в Орле - больная, страшная ночь: гуденье уходящих машин, плач женщин, бегущих следом за отходящими войсками, скорбные лица людей, полные тревоги и муки, вопросы, которые мне задавали. Вспомнилось последнее утро Орла, когда, казалось, весь он плакал и метался, охваченный страшной, смертной тревогой.

Город стоял тогда во всей своей красоте, без единого выбитого стекла, без единого разрушенного здания. Но являл он собой вид обреченности и смерти. Эта обреченность была во всем. Город плакал весь, словно навеки расставался человек с самым дорогим и близким, что было у него в жизни. И чем нарядней выглядел он тогда, чем ярче блистало осеннее солнце в это последнее советское утро в бесчисленных стеклах домов, тем безысходней была тоска в глазах людей, понявших и знавших, что вечером в Орле будут немцы. И, вспомнив то горе, ту тревогу, то страшное смятение, в котором был город, я как-то по-особенному ощутил святое счастье сегодняшней встречи разоренного и опоганенного немцами Орла с великой страной, с великой армией.

Я понял, почему плакали женщины, обнимая красноармейцев, и, протягивая им детей своих, просили поцеловать отцовским поцелуем малышей. И, слушая речь полковника-танкиста, стоявшего на пыльном боевом танке над телами убитых в бою за Орел офицеров и красноармейцев, прислушиваясь к тому, как его отрывистые слова прощания послушно и гулко повторяли сгоревшие дома, как бы оживая и подчиняясь живой силе, которую несут в сердцах своих наши красноармейцы и командиры, я видел и понимал: эта сегодняшняя встреча и то горькое расставание в октябрьское утро 1941 года - едины, связаны между собой. Это проявление верной любви народа. Она сильней всего на свете. Сильней смерти!

5 августа 1943 года

... 5 августа наши наступающие войска после упорных боев овладели городом Белгород.

Из оперативной сводки Совинформбюро"Y

6 августа 1943 г.

Юрий Жуков

Конец Белгородского направления

Как быстро, как стремительно развиваются события! Право же, военным корреспондентам становится все труднее за ними угнаться...

Только вчера мы описывали важнейшее событие - как наши вооруженные силы, ломая долговременную оборону гитлеровцев в районе Томаровки, прорвали фронт, открывая тем самым путь к решению важнейших наступательных операций. В первый же день наши части продвинулись вперед на десять километров, а сегодня танковые части, вошедшие в прорыв, умчались далеко вперед.

Но пока развертывалась эта операция, рядом был нанесен новый мощный удар. Рано утром нам рекомендовали ехать в Белгород. "В Белгород?" переспросил я, не веря своим ушам. "Да, в Белгород, - сказал улыбаясь штабной офицер. - Пока вы туда доедете, наши войска, по-видимому, уже вступят в город..." И мы помчались на нашем видавшем виды вездеходе по пыльным, ухабистым проселкам на Белгород, в обход Томаровки, в которой все еще ожесточенно оборонялись зажатые в клещи гитлеровцы.

Дорога была новая, незнакомая, и мы долго блуждали, лавируя среди минных полей, к счастью, гитлеровцы бежали столь стремительно, что не успели снять установленные ими для сведения собственных солдат таблички с коротким, но многозначительным словом "Minen" - "Мины". Наконец, во второй половине дня, вырвавшись к железной дороге, мы помчались вдоль нее на юг, туда, откуда доносился грохот канонады. Впереди белели меловые холмы.

Куда нам двигаться? Выручило старое фронтовое правило: езжай туда, где стреляют, - обязательно найдешь того, кто тебе нужен. Так и получилось. В цехе полуразбитого артиллерией и авиацией мелового завода мы встретили боевого сталинградского генерала Труфанова, который вел отсюда наблюдение за ходом боя. Еще немного погодя мы добрались до командного пункта командира гвардейского полка подполковника Прошунина, рослого богатыря со шрамом от ранения на лбу и с серебряной суворовской звездой на груди.

Гвардейцам была поручена архитрудная, но почетнейшая задача: лобовым ударом вдоль узкой полоски железной дороги, справа и слева от которой расстилаются топкие болота, ворваться на станцию Белгород, поднять над ней красный флаг, тем самым покончить с Белгородским направлением и открыть новое - Харьковское направление. Кому, как не гвардейцам, решать эту задачу? Ведь 89-я гвардейская дивизия, в которую входит полк Прошунина, имеет большой опыт уличных боев. Она дралась на

улицах Гомеля, Тима, Коротояка, прошлой зимой участвовала в сражении за Харьков - брала штурмом район тракторного завода, и вот теперь снова движется на Харьков...

Загремела артиллерийская подготовка. Над позициями гитлеровцев встали тучи пыли. Гвардейцы поднялись и пошли в атаку. Одновременно пошли на штурм и другие полки 89-й гвардейской и 305-й стрелковой дивизий. Это был жестокий и кровопролитный бой...

Советские войска брали Белгород вторично. В прошлом году он уже был освобожден нами, однако нынешней весной гитлеровцы, предприняв сильное контрнаступление, при поддержке авиации и танков потеснили наши части, и им пришлось вновь покинуть город.

Гитлеровцы пытались тогда продвинуться на Курск, но были остановлены на Северном Донце, и все их старания возобновить наступление терпели крах. Тогда они возвели вокруг Белгорода мощные оборонительные сооружения и, превратив его в важнейший опорный пункт, начали готовиться к большой летней операции на Курской дуге.

Когда их июльское наступление на Обоянь потерпело провал, гитлеровцы перешли к обороне. Они рассчитывали, что Белгород будет неприступен, тем более что подходы к нему с севера чрезвычайно трудны - в руках у них были высоты Меловых гор, а нашим войскам наступать надо было по болотистым низинам, которые были заранее пристреляны немецкой артиллерией...

Но и на этот раз расчеты гитлеровского генерального штаба провалились: немецкие генералы не учли, что силы Красной Армии неизмеримо возросли и что наступательный порыв наших солдат сейчас очень высок. Бойцы Красной Армии шли в наступление на Белгород с сознанием, что они берут реванш над гитлеровцами, и у всех было одно горячее желание: как можно быстрее вступить в город...

Выдающуюся роль в боях за Белгород сыграла наша авиация. Ушли в прошлое те страшные времена, когда самолеты Геринга безраздельно властвовали в небе. Теперь небо принадлежит нашей авиации. Бомбардировщики, штурмовики, истребители.непрерывно висели над позициями противника, засыпая их бомбами всех калибров, расстреливая из пушек и пулеметов. Атаки с воздуха сочетались и координировались с убийственным огнем нашей артиллерии. Мощный вал огня и стали смешал с землей полосу долговременной гитлеровской обороны, сооружавшейся на протяжении многих месяцев, и наши танки и пехота двинулись в атаку.

Когда наши части вплотную продвинулись к Белгороду,

гитлеровское командование поспешно перебросило сюда на выручку своему гарнизону свежие авиационные части. С Южного фронта сюда направили лучших летчиков-истребителей. На полевых аэродромах поспешно размещались и бомбардировочные части. В тот момент, когда полк Прошунина уже шел в решающую атаку, пробиваясь вдоль железной дороги к вокзалу, пятьдесят немецких бомбардировщиков "Юнкерс-87" ринулись в атаку, стремясь прижать гвардейцев к земле и уничтожить их.

Но было уже поздно... Бомбардировщиков встретила завеса огня, поставленная вовремя доставленной сюда нашей зенитной артиллерией. На них бросились наши истребители, и они поспешно вышли из боя. А в это время гвардейцы с криками "ура" уже ворвались в город, завязывая уличные бои.

С передовой группой первого батальона полка, которым командует Прошунин, шли заместитель командира по политчасти гвардии капитан Водопьянов и агитатор гвардии старший лейтенант Гурмаза. Они ворвались в здание, где до войны помещался городской Совет, и подняли над ним красный флаг. Это воодушевило всех солдат, и они еще дружнее атаковали гитлеровцев.

Отлично показал себя учебный батальон под командованием гвардии капитана Рябцева. Вырвавшись вперед, курсанты атаковали и разгромили гитлеровский штаб. Были убиты два немецких офицера, семнадцать унтер-офицеров и двести солдат. Шестьдесят гитлеровцев были захвачены в плен. Взяты большие трофеи. В учебном батальоне, как сказал мне Прошунин, нет ни одного человека, который не убил бы двух-трех гитлеровцев...

Отличился в этих боях взвод, которым командовал гвардии младший лейтенант Циперзон. Отрезав путь отступления немецкой роте, Циперзон со своими бойцами смело атаковал ее. Шестьдесят гитлеровцев были убиты, одиннадцать взяты в плен. Затем взвод атаковал две автомашины, битком набитые гитлеровцами, - они пытались вырваться из Белгорода и уйти на Харьков. И здесь было уничтожено семнадцать гитлеровцев. В этом бою Циперзон геройски погиб.

И вот уже перед нами полуразрушенный Белгородский вокзал, так хорошо знакомый всем, кому приходилось в мирные годы ездить поездом на крымские или кавказские курорты. Мы все помним, какой это был чистенький, аккуратный вокзал, какой порядок царил в его залах, как гостеприимно встречали пассажиров в его буфете...

Сейчас все здесь мертво. Трещит под ногами битое стекло. Тянет гарью и пороховым дымом. Лежат на перроне еще не убранные трупы. Среди скрученных взрывами рельс зияют свежие

воронки. За вокзалом горят дома, подожженные отступающими фашистами.

Гул канонады быстро откатывается на юг. Наступающая тишина как-то особенно подчеркивает значимость происходящего момента. Вот уже над полуразрушенным вокзалом кто-то поднял красный флаг. Занимают свои посты воинские караулы - завтра, наверное, они передадут вокзал железнодорожникам, а те начнут готовить станцию к приему поездов. Вдруг сквозь дым и гарь доносится медвяный аромат - цветут липы, уцелевшие в этом страшном военном аду.

Угнетает безлюдье. Город почти пуст. На стене вокзала я читаю объявление, расклеенное фашистской комендатурой еще неделю назад. Это приказ:

"1

Город Белгород эвакуируется. Население будет отправлено в тыл.

2

Начало эвакуации - 29 июля 1943 года утром.

3

Все приказания должны быть беспрекословно исполнены.

За неисполнение приказа виновные будут наказаны".

Неподалеку - указатель дороги, установленный немцами. Такая простая, обыденная и вместе с тем волнующая сегодня надпись: "Харьков - 80 километров". Восемьдесят километров! Завтра в сводке Совинформбюро мы прочтем: "На Харьковском направлении завязались бои..." Нет больше Белгородского, есть уже Харьковское направление, и мы верим: придет - уже скоро придет! - день, когда и это направление исчезнет из сводок, а на смену ему придут другие. И так будет до тех пор, пока в один прекрасный день мы не прочтем: "На Берлинском направлении наши части перешли в наступление и..."

Но я, кажется, размечтался Пока что мы в Белгороде, старом русском городе, стоящем на подступах к украинской земле, которая ждет не дождется своих освободителей. Впереди - долгая и трудная военная страда. И гвардейцы полка, которые пришли сюда с боями из-под самого Сталинграда, не собираются здесь давать себе передышку. Когда я разыскал сегодня в городе подполковника Прошунина, штаб которого разместился в маленьком домике на тихой окраинной уличке, он уже был занят подготовкой к новой операции.

- В общем, - сказал он, - все мои батальоны дрались хорошо, так и запишите. Были, конечно, разные красивые боевые эпизоды, не худо бы о них рассказать, но давайте лучше условимся так: встретимся в Харькове на площади Дзержинского у здания

обкома партии в девять утра в день взятия города. Там и поговорим! Идет?..

И он протянул мне свою широкую крепкую ладонь. Мы обменялись крепким рукопожатием. Эта уверенность в своих силах, уверенность в том, что теперь уже скоро мы сможем встретиться на главной площади второй столицы Украины, по улицам которой пока еще разгуливают гитлеровцы, лучше всяких отвлеченных рассуждений говорила о том, как силен сегодня боевой дух наших войск.

Сейчас, когда я дописываю эти строки, в разбитое окно пустого заброшенного дома, где мы обосновались на час, доносятся звуки военного марша. Батальон гвардейцев марширует по мостовой, сопровождая развевающееся на ветру знамя 89-й гвардейской дивизии. Гвардейцы уже покидают город, двигаясь дальше на юг...

5 августа 1943 года

23 августа наши войска в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьков.

Из оперативной сводки Совинформбюро

23 августа 1943 г.

Алексей Толстой

Русская сила

Военные и штатские, фронт и тыл с затаенным волнением ждали немецкого летнего наступления. Мы хорошо приготовились к нему, но все же проверка на деле - есть проверка на деле.

С волнением, думается мне, и немцы ожидали своего наступления. Начальство, конечно, говорило, что, мол, еще одно усилие, и Красная Армия будет побеждена" и прочее, что в таких случаях у них полагается. Но каждый немец понимал, что это - последний крупный ход в игре быть или не быть...

Нельзя считать, что немецкая армия стала уж так слаба к своему третьему летнему наступлению. Нет, она не намного стала слабее. Серьезность положения придавала ей особенное ожесточение. Она стала осмотрительнее, привыкла к русским условиям. У них были приготовлены новинки, разные "фердинанды", "тигры", модернизированные истребители и другая пакость, ее дивизии были полностью укомплектованы - правда, "тотальными" солдатами...

Итак, произошла проверка на деле. Бешеный натиск решающего всю судьбу войны немецкого наступления был подобен удару кулаком о каменную стену. Немезида - по-русски судьба - сложила из трех пальцев дулю Гитлеру под самый нос:

выкуси-ка! Выяснилось, что русские искусней и сильней немцев, и не потому не удалось врагу июльское наступление, что немецкая армия оказалась слаба, но потому именно, что Красная Армия оказалась сильна. Какие угодно неожиданности готовы были встретить немцы в лето 1943 года, но не такое соотношение сил!

Непреоборимая мощь и упорство русской армии в обороне выяснились с 5 по 17 июля, а после 17 июля выяснилось превосходящее искусство русской армии в наступлении. Нацистам пришлось перейти к обороне, затем - без передышки - к отступлению, затем - со скрежетом зубовным -пережить потерю Орла - этой кинжальной, наиважнейшей для них позиции, протянутой к сердцу России, - потерять Белгород, предмостные укрепления Харькова и наконец, в потоках крови растратив убитыми, ранеными и пленными миллион солдат и офицеров, под немыслимый грохот русской артиллерии и авиации, контратакуя, контратакуя, контратакуя, потерять Харьков. Черт возьми!

В небывало сложной борьбе за Орел, Белгород, Харьков Красная Армия уверенно предъявила немцам высокое искусство ведения маневренной войны. Здесь немцам впору учиться у русских. Но - поздно! Красная Армия торопит мировые события. На ее знаменах горит солнце отныне великого августа, теперь - все возможно для Красной Армии, невозможного нет. Еще валяются по полям и дорогам десятки тысяч обугленных, растерзанных, простреленных проклятых нацистских насильников, еще дымятся пожарища, еще не отбуксированы в тыл бесчисленные военные машины врага, а уже битва за Харьков стала классическим образцом маневренных операций в условиях сверхмощно и глубоко укрепленного района. Маневр стал русским военным искусством!

Когда-то, в давние времена, русские были непобедимы в осаде. Величественные примеры тому, осада Стефаном Баторием Пскова, окончившаяся для поляков конфузней, и осада в Смутное время поляками Троице-Сергиевой лавры, также окончившаяся для врагов наших конфузней. Нынче в осаду хочет сесть немец, а мы не даем ему живым уцепиться за землю. (Мертвым пожалуйста - цепляйся). Наша артиллерия сильнее немецкой, подвижна и маневренна наравне с танком, наша авиация - ужасна для немцев. Немецкие инженеры еще не выдумали таких укреплений, которые бы выдержали удары нашей артиллерии. Ее огненный вал тяжело катится на запад. Наши войска просачиваются, прорываются в тылы врага, окружают, нападают со всех сторон, расчленяют фронт, опережают немца и в скорости передвижения, ив скорости соображения. В основе всего этого прежде всего лежат русский

талант, русская отвага и разбуженная русская ярость. Горд и храбр русский человек. Слава ему. Слава освободителю Харькова.

25 августа 1943 года

Константин Симонов

Песня

На Кубани стояли дождливые осенние дни. Дороги, по которым прокатилось, проехало неисчислимое количество колес, стали почти непроходимыми, машины то буксовали в грязи, то с треском подпрыгивали на кочках и колдобинах. Армия отступала, шли бои, но немецкие танковые колонны каждый день прорывались в тыл, то на одну, то на другую дорогу, и обозы, тыловые учреждения, госпитали каждый день меняли свои места, откочевывали все глубже и глубже на юг.

В пять часов вечера на передовых, у разбитого снарядом сарая, остановилась старенькая санитарная летучка - дребезжащая расшатанная машина с дырявым брезентовым верхом. Из летучки вылезла ее хозяйка - военфельдшер Маруся, которую, впрочем, никто в дивизии по имени не называл, а все звали Малышкой, потому, должно быть, что она и в самом деле была настоящая малышка - семнадцатилетняя курносая девчонка с тонким, детским голосом и руками и ногами такими маленькими, что, казалось, на них во всей армии не подберешь подходящей пары перчаток или сапог.

Малышка соскочила с машины и, как всегда торопливо и отчетливо, стараясь придать своему хорошенькому лицу строгое выражение, спросила:

- Ну, где раненые?

Санитар, отодвинув разбитую створку двери, повел Малышку внутрь сарая. Там, на грязной соломе, лежали семь тяжелораненых. Малышка вошла, посмотрела, сказала: "Ну, вот, сейчас я вас отвезу", - и потом еще что-то ласковое, что она всегда говорила раненым, а в это время ее привычный взгляд незаметно скользил с одного раненого на другого. Лица у всех были бледные, солома местами промокла от крови. Трое лежали с перебитыми ногами, трое были ранены в живот и в грудь, один в голову. Малышка физически, всем телом вспомнила ту дорогу, которую она только сейчас проделала из медсанбата, - двадцать километров страшных рытвин и ухабов, - и представила себе опять эти толчки и падения уже не на своем теле, а вот на этих кровоточащих, израненных телах, лежавших перед ней на земле. При этой мысли она даже поморщилась, словно от боли, но сейчас же вспомнила свои обязанности, как она их понимала, и на ее лицо вернулась обычная добрая улыбка, с которой она вот уже полгода вытаскивала из огня раненых, перевязывала их,

увозила в тыл.

Сначала они с санитаром перенесли тех, кто был ранен в ноги, - их положили в кузов впереди, ближе к кабине. Потом перетащили еще троих. Теперь в летучке уже не оставалось места, и седьмого некуда было положить. Он полусидел у стенки сарая и то открывал глаза, то снова закрывал их, словно впадая в забытье. Малышка в последний раз вошла в сарай. Этого седьмого раненого приходилось оставить до следующей летучки. Но, когда она вошла и сделала шаг к нему, с тем чтобы сказать ему об этом, он, видимо, понял это так, как будто его сейчас тоже возьмут, и неуловимым движением, пытаясь приподняться, потянулся навстречу. Малышка встретила его взгляд мучительный, терпеливый, такой ожидающий, что, несмотря ни на что, казалось невозможным оставить его здесь.

- Вы можете сидеть в кабине, а? - спросила она. - Сидя ехать можете?

- Могу, - сказал раненый и снова закрыл глаза.

Малышка вдвоем с санитаром вывела его из сарая, просунув свою голову ему под мышку, дотащила его до машины и усадила в кабине на свое место.

- А вы, товарищ военфельдшер? - спросил шофер.

И раненый, почувствовав в этих словах шофера упрек себе, тоже тихо спросил:

- А вы где?

- А я на крыле, - сказала Малышка весело.

- Свалитесь, - угрюмо заметил шофер.

- Не свалюсь, - ответила Малышка и в доказательство этого, немедленно захлопнув за раненым дверцу, легла на крыло, вытянув ноги на подножку и крепко схватившись одной рукой за кабину, а другой за край крыла.

- Товарищ военфельдшер... - начал снова шофер.

Но Малышка крикнула, чтобы он ехал, тем строгим, не допускающим возражений голосом, который появлялся у нее тогда, когда дело касалось раненых и когда не понимали, что она. Малышка, лучше кого бы то ни было знает, что нужно делать для того, чтобы раненым было лучше.

Летучка тронулась. Сегодня с полудня дождь перестал, и дороги с чуть подсохшей грязью были особенно скользкие. На рытвинах летучка, как утка, переваливалась с боку на бок, вылетала из колеи и подпрыгивала с треском, который болью отдавался в ушах Малышки. Она чувствовала, как в этот момент в кузове раненых приподнимало и ударяло о дно машины. Два или три раза она сама чуть не свалилась на ухабах, но, уцепившись за крыло и все-таки удержавшись, сама себе улыбалась той улыбкой,

которая у нее всегда появлялась после пережитой опасности.

К хуторку, где располагался санбат, подъехали уже перед самой темнотой. Малышка, соскочив с крыла, подбежала к знакомой хате, но около хаты, к ее удивлению, не было ни одной машины, не было заметно обычной суеты. Она вошла в хату: там было пусто. В следующей было тоже пусто. Только хозяйка безучастно стояла у кровати, перевертывая то на одну, то на другую сторону промокший от крови тюфяк.

- Уехали? - спросила Малышка.

- Да, - сказала хозяйка. - Вот уже час, как уехали. Сообщение какое-то к ним пришло: они все сложили быстро и уехали.

Малышка вернулась к своей летучке и, откинув брезент, заглянула внутрь кузова.

- Что, выгружаемся, сестрица? - спросил усатый казак, раненный в голову и в лицо и перевязанный так, что из-под, бинтов торчали только одни его лохматые седые усы.

- Нет, милый, - ответила Малышка. - Нет, пока не выгружаемся. Уехал отсюда медсанбат. Мы прямо в госпиталь поедем.

- А далеко это, сестрица? - спросил раненный в живот, лежавший навзничь, и застонал.

- А ты зря языком не болтай, - сердито сказал ему усатый. - Сколько будет, столько и поедем.

И Малышка поняла, что усатый рассердился не на вопрос "далеко ли", а на то, что раненый стонет при ней, при Малышке. У нее дрожали руки не от холода, а от усталости, от того, что всю дорогу приходилось так крепко цепляться за крыло, чтобы не упасть.

- Замерзли, сестрица? - спросил усатый.

- Нет, - сказала Малышка.

- А то мы потеснимся, садитесь к нам в кузов.

- Нет, - сказала Малышка. - Я ничего... Поедем поскорей.

Она снова легла на крыло, и машина двинулась. Было уже совсем темно. До госпиталя осталось еще двадцать километров. Дорога становилась все хуже и хуже. Где-то далеко слева виднелись вспышки орудийных выстрелов. Мотор два раза глох, шофер вылезал и, чертыхаясь, возился с карбюратором. Малышка не слезала с крыла во время остановок: ей казалось, что вот так, как сейчас, она продержится, а если слезет, то ее онемевшие пальцы не смогут снова ухватиться за крыло. По ее расчетам, машина уже проехала километров пятнадцать, когда начался дождь. Ветер бил навстречу, и дождь валил сплошной косой стеной, заливая лицо и глаза. Крыло стало скользким, и ей много раз казалось, что вот-вот она свалится.

Наконец они добрались до села. Когда шофер выключил мотор. Малышке почудилось что-то недоброе в той тишине, которая стояла в селе. Она соскочила с машины и, по колено проваливаясь в грязь, побежала к дому, где она как-то была у начальника госпиталя. Около дома стояла доверху груженная полуторка, у которой возились двое красноармейцев, пытаясь еще что-то втиснуть в кузов.

- Здесь госпиталь? - спросила Малышка.

- Был здесь, - сказал красноармеец. - Уехал два часа назад. Вот последние медикаменты грузим.

- И никого, кроме вас, нет? - спросила Малышка.

- Никого.

- А куда уехали?

Красноармеец назвал село, отстоящее на сорок километров отсюда.

- Никого тут? Ни врача ни одного, никого? - еще раз спросила Малышка.

- Нет. Вот нас задержали тут, чтобы направляли мы, кто будет приезжать.

Малышка побрела к летучке. Пять минут назад ей казалось, что вот-вот сейчас все это кончится, сейчас они приедут. Еще вот пригорок, еще поворот, еще несколько домов - и раненые будут уже в госпитале. А теперь еще сорок километров, - еще столько же, сколько они проехали.

Она подошла к летучке, посветила внутрь фонариком и произнесла:

- Товарищи...

- Что, сестрица? - сказал старый казак тоном, в котором чувствовалось, что он понимает, что придется ехать дальше.

- Уехал госпиталь, - сказала Малышка упавшим голосом. - Еще сорок километров до него ехать. Ну, как вы? Ничего вам, а? Потерпите?

В ответ послышался стон. Теперь застонали сразу двое. На этот раз усатый не прикрикнул на них. Видимо, он почувствовал, что стонут оттого, что нет уже больше сил человеческих.

- Дотерпим, - сказал он. - Дотерпим. Ты откуда сама-то, дочка?

- Из-под Каменской, - сказала Малышка.

- Значит, песни казачьи знаешь?

- Знаю, - сказала Малышка, удивленная этим вопросом, который, казалось ей, не имел никакого отношения к тому, дотерпят они или не дотерпят.

- "Скакал казак через долину, через манджурские края..." знаешь песню? - спросил усатый.

- Знаю.

- Ну вот, ты вези нас, а мы ее петь будем, пока не довезешь. Чтобы стонов этих самых не слыхать было, песни играть будем. Поняла? А ты нам тоже подпевай.

- Хорошо, - сказала девушка.

Она легла на крыло, машина тронулась, и сквозь всплески воды и грязи и гудение мотора она услышала, как в кузове сначала один, потом два, потом три голоса затянули песню:

Скакал казак через долину,

Через манджурские края.

Скакал он, всадник одинокий,

Блестит колечко на руке...

Дорога становилась просто страшной. Машина подпрыгивала на каждом шагу. Казалось, что вот-вот она сейчас перевернется в какую-нибудь яму. Дождь превратился в ливень, перед фарами летела сплошная стена воды. Но в кузове продолжали петь:

Она дарила, говорила,

Что через год буду твоя.

...Вот год прошел. Казак стрелою

В село родное поскакал...

Незаметно для себя она начала подпевать. И когда она запела тоже, то почувствовала, что, наверное, им в кузове в самом деле легче оттого, что они поют, и, наверное, если кто-нибудь и стонет, то другие не слышат.

Через десять километров машина стала. Шофер снова начал прочищать карбюратор. Малышка слезла с крыла и заглянула в кузов. Теперь, когда мотор не шумел, песня казалась особенно громкой и сильной. Ее выводили во весь голос, старательно, - так, словно ничего другого, кроме песни, не было в эту минуту на свете.

Навстречу шла ему старушка

И стала речи говорить...

- заводил усатый хриплым и сильным голосом.

- Тебе казачка изменила.

Другому счастье отдала...

- подтягивали все остальные.

Малышка снова засветила свой фонарик. Луч света скользнул по лицам певших. У одного стояли в глазах слезы.

- Загаси, чего на нас смотреть, - сказал усатый. - Давай лучше подтягивай.

Заглушая стоны, песня звучала все сильнее и сильнее, покрывая шум барабанившего по мокрому брезенту дождя.

- Поехали! - крикнул шофер.

Машина тронулась.

Глубокой ночью, когда на окраине станицы санитары вместе с Малышкой подошли к летучке, чтобы наконец выгрузить раненых, из кузова все еще лилась песня... Ее затягивали снова и снова. Голоса стали тише, двое или трое совсем молчали, должно быть, потеряв сознание, но остальные пели:

Напрасно ты, казак, стремишься.

Напрасно мучаешь коня.

Казак свернул коня налево.

Во чисто поле поскакал...

- До свидания, сестрица, - сказал усатый, когда его осторожно клали на носилки. - Значит, под Каменской живешь? После войны приеду сына за тебя сватать.

Он был весь мокрый, даже усы, намоченные дождем, по-запорожски обвисли вниз. Но в последний момент Малышке показалось, что его забинтованное лицо улыбнулось озорной, почти мальчишеской улыбкой.

Она заснула не раздеваясь в приемном покое, присев на корточках на полу у печки. Ей снилось, что по долине скачет казак, а она едет в своей летучке и никак не может догнать его, а летучка подпрыгивает, и Малышка вздрагивала во сне.

- Замучилась, бедная, - сказал проходивший врач.

Вдвоем с санитаром они стащили с нее промокшие сапоги и, положив под нее одну шинель, накрыли ее другой.

А шофер, который был настоящим шофером, и, уже приехав, все-таки не мог успокоиться, не узнав, что такое с проклятым карбюратором, сидел в хате вместе с шоферами, исправлял карбюратор и говорил:

- Восемьдесят километров проехали. Ну, Малышка, ясно, - она и черта заставит ехать, если для раненых нужно, - одним словом, - сестра милосердия.

1943 год

Илья Эренбург

2 сентября 1943 года

Год назад шли бои на улицах Сталинграда. Немцы карабкались на вершины Кавказа. Вероятно, самому Гитлеру это мнится бесконечно давним. Я уже не говорю о сентябре 1941 года, когда немцы каждый день брали какой-нибудь город. Тогда Москва вечером слушала лай зениток и знакомые слова "воздушная тревога", а Берлин упивался "экстренными сообщениями". Все переменилось: берлинцам -зенитки и разрывы бомб, москвичам - сообщения о победах и орудийные салюты.

Чужестранец может спросить: почему же русские так часто говорят о необходимости активизации военных действий на западе? Если они освободили огромные территории от

Владикавказа до Таганрога, от Сталинграда до Глухова, они могут освободить и оставшиеся под немецким гнетом области. Я постараюсь ответить на этот вопрос. Я буду говорить не о суждениях государственных деятелей: они сами говорят, когда считают это нужным. Я буду рупором среднего человека: лейтенанта Красной Армии, инженера, учительницы, механика, старика агронома, студентки.

Чем достигнуты наши победы? Самопожертвованием народа и каждого отдельного человека. Я не говорю, что на войне излишен счет. Холодный рассудок, проверяющий чувства, необходим, даже в бою. Но одной арифметикой нельзя выиграть войну, тем более что у войны своя арифметика. Недаром народы часто называют свои победы "чудом": "чудо на Марне", "чудо под Москвой". Это не чудеса - это законы войны, которая требует и рассудка и безрассудства. Я спрашиваю лейтенанта Комарова: "За что орден?.." Он отвечает: "Четыре танка, два "тигра". Он говорит об этом, как если бы речь шла о куропатках. Одной арифметикой ничего не объяснишь, и если можно цифрой передать толщину брони "тигра", то не поддается учету другое: тоска, гнев, мужество Комарова.

Во время "странной войны" в различных "кафе де коммерс" французские доморощенные стратеги подсчитывали, какой перевес в тяжелой артиллерии будет у союзников к весне 1941 года. Весна 1940 года показала тщету этих упражнений. В июне этого года некоторые немецкие генералы, подсчитывая свои танки и самоходные пушки, намечали этапы ликвидации курского выступа. Если имеются за океаном люди, которые подсчитывают, сколько самолетов, транспортов и пушек будет у союзников в 1945 году, мы можем только горько усмехнуться.

Наши победы связаны с жертвами. Я говорю не только о потерях на фронте - о жертвах всего народа. Если некоторые чужестранцы склонны объяснить нашу военную жизнь каким-то особым долготерпением русского народа или спецификой нашего быта, они заблуждаются. Студентки, изучавшие Лопе де Вега или Ронсара, пасут в Казахстане скот. Им это так же трудно, как трудно было бы студенткам Кембриджа заняться овцами Австралии. Москвичи, до войны не державшие ничего в своей руке, кроме карандаша или иголки, рубят лес, работают в шахтах. Это не вспышка энтузиазма: фейерверки не длятся двадцать шесть месяцев. Это - "ничего не поделаешь - нужно"... Вовсе не легко подросткам работать на заводе. Они предпочли бы играть в мяч или читать Жюля Верна. Вовсе не сладко сибирской крестьянке, проводив на фронт сыновей, расставаться с мужем. Но здесь объяснение пути, пройденного Красной Армией.

Не раз иностранцы описывали положение нашей страны. Может быть, некоторые его видели в слишком темных тонах, другие - в слишком светлых. Я не стану сейчас спорить о деталях. У нас нет голода, но у нас есть дети, которые не видят сахара; помимо мировых проблем, у нас многие заняты проблемой, как залатать единственную пару ботинок, - у нас много лишений. Они связаны с количеством немецких дивизий, находящихся на нашем фронте, и с несколько абстрактной, чересчур логичной и поэтому алогичной медлительностью других членов антигитлеровской коалиции.

Французы, чехи, голландцы, бельгийцы, датчане, норвежцы легко поймут нас. Вот уже свыше двух лет, как огромная часть Советского Союза находится под пятой немцев. Гитлеровцы установили своеобразную иерархию каторги: они обращаются с французами хуже, чем с норвежцами, с русскими хуже, чем с французами. Что должен чувствовать танкист или моряк, уроженец Украины, понимая, что его семью немцы убили или угнали в Германию на каторжные работы, или - в лучшем случае - обрекли на голодное и позорное прозябание?

Сейчас молоденькие девушки отстраивают Сталинград. Это учительницы, студентки, служащие. Они не были каменщиками. У них на пальцах нет кожи сошла. Они кладут в день до пяти тысяч кирпичей. Они живут в землянках, где ютились солдаты. Легко ли это? При этом они читают в газете, что, отступая, немцы жгут города. Сожгли Орел. Сожгли Карачев. Сожгли Жиздру...

Я привез с фронта печатный листок: приказ германского командования о принудительной эвакуации целого района. Приказ на двух языках: русском и немецком. В приказе сказано: "Каждый должен тотчас отправляться со своей семьей, скотом и движимым имуществом в западном направлении". Указывается маршрут, затем следует: "Отправляться только в западном направлении. Кто будет следовать в восточном направлении, будет расстрелян". Это значит, что немцы угоняют на запад сотни тысяч людей с детьми, со стариками. Гитлеру нужны рабочие руки, чтобы рыть укрепления на Днепре и дальше - на Немане, на Висле. Я прошу представить себе размеры трагедии: полк Красной Армии, который, продвинувшись на восемнадцать километров вперед, нашел пепел вместо деревень и десяток обезумевших женщин, спрятавшихся в лесу.

В Таганроге Красная Армия нашла и дома и жителей: немцев оттуда выбили внезапно: они не успели ни сжечь город, ни угнать людей. Это удача. Немцы ее учли, они становятся осторожней; они начинают жечь впрок, угонять жителей заранее. Вот одна из причин великого нетерпения нашего народа: от сроков зависит

судьба страны, судьба миллионов людей, будущее.

Мне привелось прочесть в одной заграничной газете такое толкование нашего нетерпения: мы несем большие жертвы и поэтому обижены, что у наших союзников мало жертв. Нет, наш народ не кровожаден и не злобен. Мы вовсе не хотим, чтобы другому было тяжело, потому что нам тяжело. Мы только хотим скорее покончить с кошмаром России и с кошмаром Европы. Разве можно утешить украинца сознанием, что и французу не легче? Каждый из нас рад, что англичане не испытали вторжения гитлеровцев. Беда не в том, что у наших союзников малые жертвы - это не беда, а радость, беда в том, что Красная Армия должна одна сражаться против всей германской машины. Сейчас -в дни самых напряженных сражений - это может быть сказано буквально: после окончания сицилийской кампании ни один немецкий солдат не сражается ни с кем, кроме как с русскими. Я не говорю при этом о мужестве оккупированных стран: мы его знаем и ценим. Мы знаем, что часть немецких дивизий - увы, относительно малая - удерживается безоружными народами: французами, югославами, поляками, норвежцами, датчанами. Но где подлинный отрыв немецких сил, находящихся на востоке? Его мы не видим, и этим объясняются чувства нашего народа.

Когда мы говорим или пишем о том, что второй фронт необходим, какие-то чудаки или клеветники начинают уверять, будто мы тем самым поворачиваемся к Гитлеру. Нет, наша ненависть к фашизму глубока. Между нами и гитлеровцами море крови, горы пепла. Хорошо, если мирные обыватели какого-нибудь заокеанского штата, которые за воскресным ростбифом говорят о безоговорочной капитуляции Германии, будут так ненавидить Гитлера, как ненавидят его солдаты Красной Армии. Вся страсть наша в одном: покончить с "новым порядком" Гитлера. А с ним теперь можно покончить: мы молча выполнили самую трудную честь работы - мы расшатали, ослабили германскую армию.

Нужно общее усилие всех союзников, чтобы повалить Гитлера. А желтые листья в садах напоминают нам, что листопад не за горами...

Наши войска, наступающие вдоль побережья Азовского моря, сломили упорное сопротивление противника и овладели городом и портом Мариуполь.

Из оперативной сводки Совинформбюро

10 сентября 1943 г

Борис Горбатов

Мариуполь

Этот город когда-то считался самым веселым в Донбассе.

Приморский, зеленый, вечно смеющийся, вечно поющий Мариуполь. Заводы и виноградники. Домашнее, уютное Азовское море. Портовые парни, черноглазые быстрые девчата, веселая комсомолия Азовстали. Да, это был хороший, веселый город. Последний раз я был здесь два года назад. Здесь еще пели, немного тревожно и грустно, - но пели. Город еще не знал своей судьбы.

Догорают пожары в Мариуполе... К нашей машине подходит оборванный, черный, бородатый человек. Всклокоченная, почти седая борода. Остатки зубов во рту. Он смотрит на нас влажными, сияющими глазами.

- Я комсомолец.

С ужасом гляжу я в его старческое лицо. Он грустно улыбается.

- Гестапо, лагеря, два года под гитлеровцами...

Два года... А словно века. Состарились люди, состарился город. Обветшали здания. Бурьяном заросли трамвайные пути. Под воздействием фашистской "культуры" одичали люди.

Город принадлежал солдатам. Главная улица называлась улицей германской армии. Лучшие кинотеатры служили только солдатам - "Солдатенкино". Русских туда не пускали. Солдатские публичные дома располагались в школах и клубах. Школы были закрыты. На садовых скамейках, в скверах красовалась надпись по-русски и по-немецки: "Только для немецких солдат".

Для русских людей Мариуполя были подневольные, каторжные работы, лагеря, тюрьмы. Для непокорных - могила в противотанковом рву. Вероятно, немного найдется в городе людей, не перепоротых гитлеровцами. Били все - от солдата до главного коменданта, били за все - за слово, за жест, за взгляд. За популярную в Донбассе песню "Позор девушкам, гуляющим с гитлеровцами" карали особо сурово.

И все-таки Мариуполь верил, что увидит лучшие времена, дождется своих избавителей. По рукам ходили наши листовки. Летчики сбрасывали их над городом и окрестными селами. Иногда ветер относил их в степь, и тогда из города на поиски листовок отправлялись целые экспедиции. Находили. Приносили, спрятав на груди. Читали друг другу. Дожидались, пока постояльцы, немецкие офицеры, отлучатся с квартиры, и жадно бросались к их радиоприемникам. Ловили Москву. Однажды старик Андрей Удовиченко услышал по радио голос своего сына Святослава, красного офицера. Старик расплакался от счастья. Потом он часто рассказывал о сыне людям.

О "тиграх" гитлеровцы писали в своих газетах как о непобедимых машинах. Мариупольцы с удовольствием

разглядывали пробоины на "тиграх" и восхищались: "Аккуратная работа!" - и ждали страстно, неистово, самозабвенно прихода наших войск. Подымались на курганы, прислушивались: не слышно ли артиллерии. Вглядывались в море: не видно ли десанта с кубанского берега. И твердили друг другу: скоро, теперь скоро...

Объявления городской управы заклинали: "Мариуполь далек от фронта" и умоляли жителей не верить слухам.

А народ принимал свои меры. Он знал, что грозит ему: уходя из города, оккупанты будут угонять мужчин с собою.

Семья Кочеджи заранее вырыла себе туннель в горе. Здесь скрывались они и соседи. Выходили только по ночам -на огороды и по воду. У кого пещер не было, прятались в кукурузнике, в камышах, некоторые даже в речках, в воде. Город опустел. Только дети да старухи еще ютились кое-где в подвалах, дрожали от страха и жарко молились о скорейшем приходе Красной Армии.

Тогда-то оккупанты и выпустили на улицы беззащитного города своих "факельщиков".

Описать это почти невозможно. Три дня над городом, словно черная туча, стоял дым. По улицам метались пьяные солдаты, поджигатели. Врывались в дома, выплескивали на комоды, постели, шкафы бензин, зажигали и бросались дальше. Женщины падали на колени, умоляли пощадить их жилье, протягивали грудных детей. Враги хватали ребенка и швыряли в огонь. Шипело человеческое мясо, полузадушенные люди выбегали из дома под пули автоматчиков. Мать Галины Ренской начала было спасать свой домишко - ее пристрелил гитлеровец. По всему городу металось черное пламя, в огне и дыму с хохотом и свистом, как дикари у костра, носились, приплясывая, пьяные, бесноватые, одержимые демонами разрушения фашисты.

Нет, это не солдаты. Это дикари, пляшущие у костра, каннибалы, пьянеющие от запаха жареного человеческого мяса. Люди, лишенные самых элементарных зачатков цивилизации, не знающие ни жалости, ни чести, ни воинского долга.

Из кукурузников, из камышей, из пещер возвращаются в город люди. Врагам не удалось их угнать. С тощим узелком идет меж развалинами Ольга Володина. Узелок - вот все, что осталось у нее. Восьмилетняя девочка несет штору с алым бантом, ищет мать. Около полусожженных кроватей на пепелище возятся люди. Кто-то разгребает золу. Мужчина с ожесточенными, сухими глазами рубит обгорелые бревна. Он хочет сколотить пока хоть конуру.

В парке, на заводе имени Ильича в первый раз за два года гремит радио. Только что закончился митинг. Сейчас будут

выступать приехавшие в Мариуполь артисты армейского ансамбля. Народ нетерпеливо ждет. Он еще не верит, что это возможно.

Этот город снова будет самым веселым в Донбассе.

Сентябрь 1943 года

Александр Фадеев

Бессмертие

"Я, вступая в ряды "Молодой гвардии", перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной, многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем; хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в "Молодой гвардии"!

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!"

Эту клятву на верность Родине и борьбу до последнего вздоха за ее освобождение от гитлеровских захватчиков дали члены подпольной комсомольской организации "Молодая гвардия" в городе Краснодоне, Ворошиловградской области. Они давали ее осенью 1942 года, стоя друг против друга в маленькой горенке, когда пронзительный осенний ветер завывал над порабощенной и опустошенной землей Донбасса. Маленький городок лежал, затаившись во тьме, в горняцких домах стояли фашисты, одни продажные шкуры-полицейские да заплечных дел мастера из гестапо в эту темную ночь обшаривали квартиры граждан и зверствовали в своих застенках.

Старшему из тех, кто давал клятву, было девятнадцать лет, а главному организатору и вдохновителю Олегу Кошевому - шестнадцать.

Сурова и неприютна открытая донецкая степь, особенно поздней осенью или зимой, под леденящим ветром, когда смерзается комьями черная земля. Но это наша кровная Советская земля, заселенная могучим и славным угольным племенем, дающая энергию, свет и тепло нашей великой Родине. За свободу этой земли в гражданскую войну сражались лучшие ее сыны во главе с Климом Ворошиловым и Александром Пархоменко. Она породила прекрасное стахановское движение. Советский человек глубоко проник в недра донецкой земли, и по неприютному лицу

ее выросли мощные заводы - гордость нашей технической мысли, залитые светом социалистические города, наши школы, клубы, театры, где расцветал и раскрывался во всю свою духовную силу великий советский человек. И вот эту землю топтал враг. Он шел по ней, как смерч, как чума, ввергая во тьму города, превращая школы, больницы, клубы, детские ясли в казармы для постоя солдат, в конюшни, в застенки гестапо.

Огонь, веревка, пуля и топор - эти страшные орудия смерти стали постоянными спутниками жизни советских людей. Советские люди были обречены на мучения, немыслимые с точки зрения человеческого разума и совести. Достаточно сказать, что в городском парке города Краснодона фашисты живьем зарыли в землю тридцать шахтеров за отказ явиться на регистрацию на "биржу труда". Когда город был освобожден Красной Армией и начал отрывать погибших, они так и стояли в земле: сначала обнажились головы, потом плечи, туловища, руки.

Ни в чем не повинные люди вынуждены были уходить из родных мест, скрываться. Рушились семьи. "Я распрощалась с папой, и слезы ручьями потекли из глаз, - рассказывает Валя Борц - член организации "Молодая гвардия". -Какой-то неведомый голос, казалось, шептал: "Ты его видишь в последний раз". Он пошел, а я стояла до тех пор, пока он не скрылся из виду. Сегодня еще этот человек имел семью, угол, приют, детей, а теперь он, как бездомная собака, должен скитаться. А сколько замучено, расстреляно!"

Молодежь, всякими способами уклонявшуюся от регистрации, хватали насильно и угоняли на рабский труд в Германию. Поистине душераздирающие сцены можно было видеть в эти дни на улицах городка. Грубые окрики и брань полицейских сливались с рыданием отцов и матерей, от которых насильно отрывали дочерей и сыновей.

И страшным ядом лжи, распространяемой гнусными фашистскими газетенками и листовками о падении Москвы и Ленинграда, о гибели советского строя, стремился враг разложить душу советских людей.

Это была наша молодежь - та самая, которая растет, воспитывается в советской школе, пионерскими отрядами, комсомольскими организациями. Враг стремился истребить в ней дух свободы, радость творчества и труда, привитые советским строем. И в ответ на это юный советский человек гордо поднял свою голову.

Вольная советская песня! Она сроднилась с советской молодежью, она всегда звенит в душе ее.

"Один раз идем мы с Володей в Свердловку к дедушке. Было

совсем тепло. Летают над головами самолеты. Идем степью. Никого кругом. Мы запели: "Спят курганы темные... Вышел в степь донецкую парень молодой". Потом Володя говорит:

- Я знаю, где наши войска находятся.

Он мне начал рассказывать сводку. Я бросилась к Володе и начала его обнимать".

Эти простые строки воспоминаний сестры Володи Осьмухина нельзя читать без волнения. Непосредственными руководителями "Молодой гвардии" были Кошевой Олег Васильевич, 1926 года рождения, член ВЛКСМ с 1940 года, Земнухов Иван Александрович, 1923 года рождения, член ВЛКСМ с 1941 года. Вскоре патриоты привлекают в свои ряды новых членов организации - Ивана Туркенича, Степана Сафонова, Любу Шевцову, Ульяну Громову, Анатолия Попова, Николая Сумского, Володю Осьмухина, Валю Борц и других. Олег Кошевой был избран комиссаром. Командиром штаб утвердил Туркенича Ивана Васильевича, члена ВЛКСМ с 1940 года.

И эта молодежь, не ведавшая старого строя и, естественно, не проходившая опыта подполья, в течение нескольких месяцев срывает все мероприятия фашистских поработителей и вдохновляет на сопротивление врагу население города Краснодона и окружающих поселков - Изварина, Первомайки, Семейкина, где создаются ответвления организации. Организация разрастается до семидесяти человек, потом насчитывает уже свыше ста - детей шахтеров, крестьян и служащих.

"Молодая гвардия" сотнями и тысячами распространяет листовки - на базарах, в кино, в клубе. Листовки обнаруживаются на здании полиции, даже в карманах полицейских. "Молодая гвардия" устанавливает четыре радиоприемника и ежедневно информирует население о сводках Информбюро.

В условиях подполья происходит прием в ряды комсомола новых членов, на руки выдаются временные удостоверения, принимаются членские взносы. По мере приближения советских войск готовится вооруженное восстание и самыми различными путями добывается оружие.

В это же время ударные группы проводят диверсионные и террористические акты.

В ночь с 7 на 8 ноября группа Ивана Туркенича повесила двух полицейских. На груди повешенных оставили плакаты: "Такая участь ждет каждого продажного пса".

9 ноября группа Анатолия Попова на дороге Гундоровка - Герасимовка уничтожает легковую машину с тремя высшими гитлеровскими офицерами.

15 ноября группа Виктора Петрова освобождает из

концентрационного лагеря в хуторе Волчанске 75 бойцов и командиров Красной Армии.

В начале декабря группа Мошкова на дороге Краснодон - Свердловск сжигает три автомашины с бензином.

Через несколько дней после этой операции группа Тюленина совершает на дороге Краснодон - Ровеньки вооруженное нападение на охрану, которая гнала 500 голов скота, отобранного у жителей. Уничтожает охрану, скот разгоняет по степи.

Члены "Молодой гвардии", устроившиеся по заданию штаба в оккупационные учреждения и на предприятия, умелыми маневрами тормозят их работу. Сергей Левашов, работая шофером в гараже, выводит из строя одну за другой три машины. Юрий Виценовский устраивает на шахте несколько аварий.

В ночь с 5 на 6 декабря отважная тройка молодогвардейцев - Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко проводят блестящую операцию по поджогу биржи труда. Уничтожением биржи труда со всеми документами молодогвардейцы спасли несколько тысяч советских людей от угона в фашистскую Германию.

В ночь с 6 на 7 ноября члены организации вывешивают на зданиях школы, бывшего райпотребсоюза, больницы и на самом высоком дереве городского парка красные флаги. "Когда я увидела на школе флаг, - рассказывает жительница города Краснодона М. А. Литвинова, - невольная радость, гордость охватили меня. Разбудила детей и быстренько побежала через дорогу к Мухиной. Ее я застала стоящей в нижнем белье на подоконнике, слезы ручьями расползались по ее худым щекам. Она сказала: "Марья Алексеевна, ведь это сделано для нас, советских людей. О нас помнят, мы нашими не забыты".

Организация была раскрыта полицией потому, что она вовлекла в свои ряды слишком широкий круг молодежи, среди которой оказались и менее стойкие люди. Но во время страшных пыток, которым подвергли членов "Молодой гвардии" озверевшие враги, с невиданной силой раскрылся нравственный облик юных патриотов, облик такой духовной красоты, что он будет вдохновлять еще многие и многие поколения.

Олег Кошевой. Несмотря на свою молодость, это великолепный организатор. Мечтательность соединялась в нем с исключительной практичностью и деловитостью. Он был вдохновителем и инициатором ряда героических мероприятий. Высокий, широкоплечий, он весь дышал силой и здоровьем и не раз сам был участником смелых вылазок против врага. Будучи арестован, он бесил гестаповцев непоколебимым презрением к ним. Его жгли раскаленным железом, запускали в тело иголки, но

стойкость и воля не покидали его. После каждого допроса в его волосах появлялись седые пряди. На казнь он шел совершенно седой.

Иван Земнухов - один из наиболее образованных, начитанных членов "Молодой гвардии", автор ряда замечательных листовок. Внешне нескладный, но сильный духом, он пользовался всеобщей любовью и авторитетом. Он славился как оратор, любил стихи и сам писал их (как, впрочем, писали их и Олег Кошевой, и многие другие члены "Молодой гвардии"). Иван Земнухов подвергался в застенках самым зверским пыткам и истязаниям. Его подвешивали в петле через специальный блок к потолку, отливали водой, когда он лишался чувств, и снова подвешивали. По три раза в день били плетьми из электрических проводов. Полиция упорно добивалась от него показаний, но не добилась ничего. 15 января он был вместе с другими товарищами сброшен в шурф шахты No 5.

Сергей Тюленин. Это маленький, подвижный, стремительный юноша-подросток, вспыльчивый, с задорным характером, смелый до отчаянности. Он участвовал во многих самых отчаянных предприятиях и лично уничтожил немало врагов. "Это был человек дела, - характеризуют его оставшиеся в живых товарищи. - Не любил хвастунов, болтунов и бездельников. Он говорил: "Ты лучше сделай, и о твоих делах пускай расскажут люди".

Сергей Тюленин был не только сам подвергнут жестоким пыткам, при нем пытали его старую мать. Но как и его товарищи, Сергей Тюленин был стоек до конца.

Вот как характеризует четвертого члена штаба "Молодой гвардии" Ульяну Громову Мария Андреевна Борц, учительница из Краснодона: "Это была девушка высокого роста, стройная брюнетка с вьющимися волосами и красивыми чертами лица. Ее черные, пронизывающие глаза поражали своей серьезностью и умом... Это была серьезная, толковая, умная и развитая девушка. Она не горячилась, как другие, и не сыпала проклятий по адресу истязателей... "Они думают удержать свою власть посредством террора, - говорила она. - Глупые люди! Разве можно колесо истории повернуть назад..."

Девочки попросили ее прочесть "Демона". Она сказала: "С удовольствием! Я "Демона" люблю. Какое это замечательное произведение! Подумайте только, он восстал против самого бога!" В камере стало совсем темно. Она приятным, мелодичным голосом начала читать... Вдруг тишину вечерних сумерек пронизал дикий вопль. Громова перестала читать и сказала: "Начинается!" Стоны и крики все усиливались. В камере была гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова,

обращаясь к нам, твердым голосом прочла:

Сыны снегов, сыны славян.

Зачем вы мужеством упали?

Зачем? Погибнет ваш тиран,

Как все тираны погибали.

Ульяну Громову подвергли нечеловеческим пыткам. Ее подвешивали за волосы, вырезали ей на спине пятиконечную звезду, прижигали тело каленым железом и раны присыпали солью, сажали на раскаленную плиту. Но и перед самой смертью она не пала духом и при помощи шифра "Молодой гвардии" выстукивала через стены ободряющие слова друзьям: "Ребята! Не падайте духом! Наши идут. Крепитесь. Час освобождения близок. Наши идут. Наши идут..."

Ее подруга Любовь Шевцова по заданию штаба работала в качестве разведчицы. Она установила связь с подпольщиками Ворошиловграда и ежемесячно по нескольку раз посещала этот город, проявляя исключительную находчивость и смелость. Одевшись в лучшее платье, изображая "ненавистницу" Советской власти, дочь крупного промышленника, она проникала в среду вражеских офицеров и похищала важные документы. Шевцову пытали дольше всех. Ничего не добившись, городская полиция отправила ее в уездное отделение жандармерии Ровенек. Там ей загоняли под ногти иголки, на спине вырезали звезду. Человек исключительной жизнерадостности и силы духа, она, возвращаясь в камеру после мучений, назло палачам пела песни. Однажды во время пыток, заслышав шум советского самолета, она вдруг засмеялась и сказала: "Наши голосок подают".

7 февраля 1943 года Люба Шевцова была расстреляна.

Так, до конца сдержав свою клятву, погибло большинство членов организации "Молодая гвардия", в живых осталось всего несколько человек. С любимой песней Владимира Ильича "Замучен тяжелой неволей" шли они на казнь.

"Молодая гвардия" - это не одиночное исключительное явление на территории, захваченной фашистскими оккупантами. Везде и повсюду борется гордый советский человек. И хотя члены боевой организации "Молодая гвардия" погибли в борьбе, они бессмертны, потому что их духовные черты есть черты нового советского человека, черты народа страны социализма.

Вечная память и слава юным молодогвардейцам - героическим сынам бессмертного советского народа!

15 сентября 1943 года

Сергей Борзенко

"Малая Земля"

Несколько месяцев просидел красноармеец Иван Квасоля в

одном окопе. Всю землю впереди, по бокам и позади его вдоль и поперек перепахали снаряды. Тысячекилограммовая бомба, упавшая рядом, засыпала все кругом глиной, похоронила под собой редкую зелень. Беспрерывные разрывы мин и пулеметные очереди помяли и скосили нежные кусты винограда, превратили их в жалкий, поломанный валежник.

Место, где Квасоля выкопал себе окоп, углубив для этого бомбовую воронку, было когда-то виноградным полем, на нем трудились люди, пели песни, лакомились сочными гроздьями винограда. Если посмотреть из окопа влево, видны белые камни - развалины винодельческого совхоза. Гитлеровцы ежедневно обстреливают эти камни, и от них подымается кверху белое удушливое облачко пыли.

Сколько ни всматривался Квасоля в окружавший его пейзаж, все было однообразным и желтым. Ни одной травинки, ни одного листка, никаких признаков жизни, даже муравьи перестали ползать по лиловой, опаленной жаром разрывов земле.

- Пустыня, - может быть в тысячный раз вздыхал Иван.

- Чудак, - тоже, наверное, в тысячный раз говорил ему его товарищ по окопу татарин Байязитов. - Пустыня свою красу имеет, над ней орлы в зените стоят, а здесь даже птицы не увидишь. Разлетелись, боятся выстрелов.

- Значит, говоришь, местность хуже пустыни... Пожалуй, твоя правда, соглашался Квасоля. - Вот что враг делает с природой, да и с человеком тоже... Раньше для меня земля запах имела, - разотру в пальцах грудочку, понюхаю и сразу на душе веселей, а сейчас... Все омерзительно пахнет кровью. Тяжело на душе, и только когда вижу убитого фашиста, становится легче.

Они жили в одном окопе неделю, месяц, полгода. Темными ночами вылезали из своей ямы и ползком пробирались в лощину, находившуюся невдалеке, чтобы оправиться, сделать несколько шагов отекшими ногами. Каждый день снаряды все больше разворачивали почву, и нельзя уже было понять, чего здесь больше - ржавых осколков или земли.

Наступил август. Днем нестерпимо пекло солнце, ночью жалили комары и мошки. В единственном ручье, протекавшем в лощине, иссякла вода, и он вскоре совсем пересох, земля на дне его потрескалась от жары. Перед окопом, метров за двадцать, на солнцепеке лежали пять оккупантов, убитых Квасолей. Они лежали настолько близко, что у одного виднелись железные пуговицы, вытертые посредине, и страшное, полопавшееся, сползающее с костей лицо. Трупы разлагались, отравляя воздух зловонием, мешали жить. О, если бы можно было их убрать, засыпать землей, хоть один день не видеть этих гор

копошившихся червей! Когда ветер дул с той стороны, где они лежали, у Квасоли кружилась голова и тошнота подступала к горлу. Но как только гитлеровцы под покровом ночной темноты пытались унести трупы, он открыл стрельбу и уложил двоих; они на второй день необыкновенно вздулись, источая смрад, еще больше отравляющий густой и горячий воздух.

Фашисты притаились невдалеке в своих траншеях. За ними приходилось следить неотрывно. Квасоля стрелял при каждом удобном случае. У него были свои счеты с ними. Из освобожденной зимой деревни ему написали о повешенной фашистами матери, о гибели жены и пятилетней дочки. Письмо, словно нож, вошло ему в сердце, он жестоко страдал, но не разорвал его, не выбросил, а носил с собой и ежедневно перечитывал, чувствуя каждый раз тупую боль, словно нож поворачивали в сердце.

У себя в колхозе он был признанный силач - копну ячменя за один раз поднимал на вилы, и сейчас ему хотелось со всей накопленной и не растраченной за долгие месяцы вынужденного "безделья" силой обрушиться на врагов, крошить их, убивать ударами кулака, головы, ног. Правда, он стрелял в противника, и выстрелы эти немного успокаивали его, но разве нужна для выстрела сила?

С каким удовольствием он трудился бы сейчас в степи от зари до зари, делал бы самую тяжелую черную работу! Он согласен спуститься в шахту долбить уголь, ломать камни, рубить лес. Квасоля потянулся в окопе так, что затрещали кости.

- Кажется, отдал бы полжизни за то, чтобы пройти километр, размять одубевшие ноги, - сказал он, тронув товарища за худенькое плечо.

Байязитов улыбнулся. Оказывается, сидеть на месте труднее, чем делать стокилометровые марши. Он посмотрел на товарища. Молодой, нетерпеливый, не может утихомирить разгоряченную кровь.

Впереди упала мина, оглушительно хлопнула. Квасоля выглянул и ахнул. На глиняном бруствере их окопа колыхался красный цветок, неизвестно когда выросший здесь. Цепкий стебелек мака - цвета советского знамени - вызвал в памяти Квасоли радостные воспоминания мирной жизни. Вишневый сад. Он идет по песчаной дорожке с дочкой на руках, потом сажает ее на качели и легонько раскачивает. Жена зовет их на веранду пить чай с вареньем из крыжовника, и они бегут вдвоем наперегонки домой.

- Девочка у меня, - Квасоля заскрипел зубами. - Пять лет ей было бы теперь, мать ей красное платьице сшила, я ее на руках

носил, аленьким цветочком звал. И вот не пощадили, гады, убили. Что она им сделала?

Растроганный Байязитов вздохнул. У него тоже есть дочка - живая, учится в школе, но увидит ли он ее, вернется ли он к своей семье, в родной колхоз, к любимому труду? Он был конюхом, гонял на пастбища табун коней, объезжал непокорных жеребцов. Но его, природного наездника, судьба забросила не в кавалерию, а в пехоту.

- Вот ты говоришь - землю у себя дома нюхал, а знаешь ли ты, как пахнет лошадь после бешеной скачки?

- Лошадь... Люблю лошадей. У нас в колхозе была конеферма, лучшая в районе. - И Квасоля стал рассказывать о своем колхозе, расположенном на берегу Донца.

- Да, хорошая была жизнь, - сказал татарин.

- После войны должна быть еще лучше. Ведь мы вернемся, будем работать так, что руки будут гореть.

Цветок мака украшал тяжелую жизнь двух породнившихся в окопе бойцов. Во время обстрелов они накрывали его железной каской, а когда огонь прекращался, снимали каску, чтобы алые лепестки нежились под солнечными лучами.

Ночью к ним приползал усатый старшина, приносил в зеленом термосе остывший обед и флягу мутной воды, двоим на сутки. Днем мучила нестерпимая жажда, сильнее той, которая донимала их на маршах, когда они шли по пыльным шляхам Украины, делая по пятьдесят километров в невыносимую жару. Но товарищи оставляли несколько глотков воды и вечером поливали любимый цветок. Как-то к маку подлетела пестрая бабочка, первая за полгода, и, порхая над окопом, так же, как цветок, напомнила о детях.

Однажды на рассвете Байязитов высунулся из окопа.

- Понюхаю, как цветок пахнет, - проговорил он.

- Да ведь маки не пахнут, - хотел сказать Квасоля, но не успел: свистнула пуля, и солдат, вскрикнув на певучем своем языке, свалился на дно окопа.

- Ты ранен? - испуганно спросил Квасоля, поворачивая его лицом к себе.

Байязитов был убит наповал. Квасоля долго смотрел ему в такое знакомое, покрывшееся восковой желтизной, окровавленное лицо, и вдруг с ужасом понял, что после гибели семьи у него не осталось никого, кроме этого преданного ему человека, делившего с ним все тяготы и невзгоды фронтовой жизни. И вот и этого молчаливого друга отняли у него враги. Не вернется в далекий край к седой матери ее ненаглядный сын. Напрасно она будет ждать его возвращения. И дети не дождутся своего отца и

кормильца. За что его убили? Ненависть переполнила душу Квасоли.

Он остался один в окопе со своим цветком, и цветок стал ему еще дороже. И, странное дело, его, так же, как Байязитова, тянуло к цветку, хотелось понюхать его, прижаться к шелковым лепесткам воспаленными, обметанными лихорадкой губами.

Ночью приползли товарищи из взвода и закопали Байязитова в лощине в неглубокой солдатской могиле. Квасоля упал на неуютный холмик земли и заплакал. Впервые за время войны рыдания потрясли его здоровое, могучее тело, он плакал о разоренной земле, об убитых дочке и жене. Слезы, текущие из глаз, уносили из души его боль.

В полночь приполз старшина, принес воду и передал приказ - на рассвете, после того как в сторону противника взлетят три красные ракеты, подниматься и стремительно атаковать позиции фашистов. Узнав, что убит Байязитов, старшина сокрушенно вздохнул.

- Ну, раз так, - сказал он, переменив тон, - получай двойную порцию воды - за себя и за него, это, парень, не часто бывает, да не забудь отомстить за своего дружка.

Как всегда перед боем, Квасоля не спал. Видения прожитых лет сменялись одно другим. Вот с полными ведрами на коромысле навстречу идет красавица жена. Косы ее собраны в корону, и в ней, словно золотые шпильки, торчат соломинки - она уже успела вытопить печь соломой. Вот в подвязанной к потолку колыбели, в которой когда-то мать качала его, лежит его девочка, играя румяным, подвязанным на уровне лица яблоком. Вот начальник политотдела армии - полковник Брежнев - вручает ему партбилет и, поздравляя, говорит: "Будьте во всем, как Ленин". "Во всем -это значит и в бою", - думает Квасоля. Он вспоминает, что у него двойная порция воды и он сможет завтра провести день, не мучаясь от жажды и пить не три раза в день, как они делали с Байязитовым, а сколько угодно.

"Нет, это нехорошо - пить воду убитого", - решает он и, протянув руку, выливает половину содержимого фляги на цветок.

Через несколько минут в голову приходит удивительно спокойная мысль, что и его могут убить во время атаки и его порция воды пропадет без пользы. Он вторично протягивает руку к цветку и выливает на него остатки влаги, оставив на дне фляжки несколько глотков, на всякий случай.

Время идет медленно. Красивые и чистые видения сменяются тяжелыми воспоминаниями, они жгут сердце, требуют мести. Скорей бы сигнал в атаку!

Надо чем-то заняться, отвлечься, успокоить себя. Квасоля

достал из вещевого мешка пахнущую ржаным хлебом пару чистого белья, переоделся. Провел шершавой рукой по колючей щеке, подумал, что хорошо бы перед боем побриться, но в темноте этого не сделаешь.

И вдруг темное небо прорезает ослепительная ракета и, будто надломившись в высоте, стремительно падает вниз. Немцы сразу же открывают минометный огонь по переднему краю. Мины невидимо шуршат в воздухе, словно стая пролетающих уток. Едкий дым затрудняет дыхание. Сухая земля сыплется на лицо и шею. Вторая ракета, роняя перья, летит над землей, словно жар-птица, осветив своим огнем убитого, повисшего на колючей проволоке. Трещат пулеметы. Рассыпая расплавленные брызги, взлетает третья ракета. Пора идти в атаку. Квасоля видит - никто не поднимается с соседних окопов, и чувствует, как холодный ужас прижимает его к сырой стене глиняной ямы. Ему становится страшно. Он тянется к каске, которой накрыт стебелек мака, поспешно двумя руками надевает каску на голову и при вспышке ракеты видит, как пуля срезает голову цветка.

- Хватит!

Враги отобрали у него последнюю радость. Квасоля не спеша поднимается из окопа, страшный и великолепный одновременно, перебрасывает винтовку из левой руки в правую, становится на ноги.

- За мной, товарищи! Пошли! Пошли! - крикнул он, не думая о том, пойдут за ним или нет. Не спеша, экономя на бегу силы, на минуту задержав дыхание у разложившихся трупов, бросился в сторону врага. По грозному топоту, заглушившему свист пуль, понял - за ним следовала вся рота, и на душе его стало радостно и светло. Ведь каждый боец думал о том, о чем думал сейчас он, - взять врага за горло.

Он первый вломился в траншею. Какой-то фашист выстрелил в него. Квасоля не слышал звука, но видел вспышку. Сильным ударом штыка он заколол врага и бросил через плечо, как копну ячменя. На втором гитлеровце сломался штык. Он прикончил его прикладом. О третьего раздробил приклад винтовки и затем, наслаждаясь своей силой, бил кулаками, крошил направо и налево, обливаясь своей и чужой кровью... Убивая, Квасоля мстил за Родину, за Байязитова, за жену, за дочку, за цветок, украсивший жизнь на войне и безжалостно сорванный оккупантами.

1943 год

16 сентября войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом после пятидневных ожесточенных боев овладели городом и портом Новороссийск.

Из оперативной сводки Совинформбюро

16 сентября 1943 г.

Всеволод Вишневский

Балтика - Новороссийску

Дважды на протяжении последних двадцати пяти лет пытались немцы утвердиться на Кавказском побережье и в крупнейшем порту этого побережья Новороссийске.

Летом 1918 года немецкий нажим на побережье Кавказа был яростен. Немцам казалось, что они - "несмотря ни на что" - прорвутся к победе, подавят волю России, деморализуют ее защитников. Черноморский флот был заперт в Новороссийске. В Ростове и Батайске были немцы. В Закавказье были немцы.

Трудно было дышать черноморцам. Они были заблокированы. Германия хотела заполучить Новороссийск и Черноморский флот.

Не быть этому - решили черноморцы. Не быть этому -сказала Россия. С сигналом - "погибаю, но не сдаюсь!" -ушли на дно корабли Черноморского флота.

Черноморцы пошли на сушу - кого куда судьба повела. Одних в Нижний Новгород и Царицын, других - в горы, третьих - в партизаны Украины: мстить за корабли, за новороссийскую трагедию.

Не заполучили тогда немцы Черноморского флота. Только норд-осты выли над могилами кораблей.

Не сломили немцы упорства борцов России. И жалко было зрелище немецкого бегства с Черного моря в ноябре 1918 года...

Спустя двадцать пять лет немцы опять оказались на этих местах. Их тянет, видите ли, Юг. Они напоминали друг другу: "Кенст ду дас ланд, во ди цитронен блюэн?" - "Знаешь ли ты страну, где лимоны цветут?" Им опять нужен стал Кавказ.

И вот они споткнулись в Новороссийске. Здесь, за Стандартом, где был у нас в 1920 году морской штаб (отсюда и ходили моряки с Папаниным в тайные экспедиции в тыл Врангеля), у цементных заводов немцы были остановлены. Тут встало новое племя - наши молодые черноморцы!

Немцы делали рывки. Они воспаленно рвались на Сухумское шоссе - туда к югу, к югу, к пальмам, к одуряющим ароматам магнолий, к лимонным рощам...

А из руин цементных заводов щелкали черноморские снайперы. А со скал у Кабардинки били черноморские батареи. А с моря били корабли Черноморского флота. Мы на Балтике знали: братья-черноморцы не подведут.

Немцы бросали в дело своих альпийских стрелков -горную гвардию. Не помогало. Немцы вспоминали наполеоновское замечание: "Гор не атакуют, за ними наблюдают и их обходят по равнинам". Они попробовали идти на равнины. На равнинах их встретила стена Северо-Кавказского фронта, бойцы Моздока. Выйти к пальмам, к морю, к несказанной красе Черного моря, к золотому руну - немцам не удалось... Напрасно ротные командиры поднимали альпийских стрелков: вот еще бросок, и за этими горами откроется море, счастье. Победа. Мировое могущество. Солнечное сияние и музыка до Берлина, куда повезут всех в отпуск немедленно на каких-нибудь ослепительных пассажирских пароходах.

А пули черноморской морской пехоты щелкали под вой норд-оста, а угрюмый зимний Новороссийск не признавал немцев. Ветер был зол, - он вагоны с рельсов сбрасывает, не то что немцев...

И вот грянул сентябрьский удар - за Новороссийск, за наши старые места, за Стандарт, за горы, за Станичку, за пристани, где столько было пережито, где столько было флотских прощаний и встреч!

Мы знали, что черноморцы начали большой бой. Мы знали, что пошли катера, пошли в дело морская пехота и боевые дивизии Северо-Кавказского фронта. "Бой уже на улицах". Мы знали: расстояние от Кронштадта до Новороссийска - не помеха.

В каждый свой выстрел балтийцы вкладывали двойную силу - помочь вам. Победы вам, братья!

И в сумеречный дождливый час пришла весть: Новороссийск взят. Истреблены альпийские горные дивизии, истреблена и пехота немцев и румын. Жмем руки победителям, обнимаем крепко.

Поклонитесь, черноморцы, старым нашим местам. Поклонитесь могилам тех, кто бился за Россию еще в ту войну, гражданскую. Поклонитесь рейду, под водами которого спят старые корабли.

Поднимите на высшей точке города - на вокзальном элеваторе - флаг победы... Мы слышали сейчас салют Москвы вам, товарищи в Новороссийске. Мы как бы видели вспышки салютных залпов черноморских кораблей. Идет, братья, началась расплата за Севастополь!.. Придет расплата с немцами за все...

И верьте и ждите: вы услышите про Балтику!

17 сентября 1943 года

Войска Степного фронта, успешно форсировав реку Ворскла, после трехдневных упорных боев 23 сентября овладели областным центром Украины городом Полтава.

Из оперативной сводки Совинформбюро

23 сентября 1943 г.

Борис Полевой

Вторая Полтавская битва

Исторические места под Полтавой, овеянные славой великой Полтавской битвы, в которой войска Петра I 234 года тому назад наголову разбили считавшуюся непобедимой шведскую армию Карла XII, снова стали плацдармом великого сражения.

Здесь, в пойме реки Ворсклы, между высоких и пологих холмов, на которых укрепились немцы, как раз в тех местах, где героически сражались солдаты Петра I, завязался бой за Полтаву.

Путь Красной Армии преграждала широкая и полноводная река, весь западный берег которой немцы превратили в сплошной укрепленный район. Бой за Полтаву начался форсированием реки, на которую немцы делали свою последнюю ставку в попытке удержать за собой город.

Мы приехали на берег Ворсклы уже к вечеру, когда косые лучи заката озаряли окрестность, и Полтава, лежащая перед нами на холмах, предстала во всей своей чудесной и печальной красоте, затянутая траурными дымами огромных пожаров. Немцы жгли красавицу Полтаву.

Готовясь к атаке, наши части подтянулись лощинами к берегу Ворсклы, но каждая попытка подойти к реке вызывала бешеный артиллерийский огонь с той стороны. Немецкая артиллерия,

выстроившаяся по западному берегу реки, била почти беспрерывно. "Тигры" и "фердинанды" - эти могучие и неуклюжие стальные махины - крейсировали вдоль берега и по прибрежным высотам, готовые каждую минуту сгруппироваться и сосредоточить свой огонь на первой же лодке, которая показалась бы на воде.

На Ворсклу опускалась сырая и холодная ночь. По воде потянулся густой туман. Сначала он был клочковатый и еле заметный, потом он густел, поднялся выше прибрежных ветел и стал настолько плотным, что нельзя было увидеть своей собственной протянутой руки.

Вот этот-то туман и сумело прекрасно использовать командование Красной Армии. Был отдан приказ форсировать реку сразу с трех направлений. Бесшумно подошли к берегу огромные машины. Саперы молча, сохраняя полнейшую тишину, сняли с них огромные железные лодки и на руках осторожно спустили их в прибрежные камыши. Немецкие батареи услышали подозрительный шум и открыли беглый огонь. Саперы залегли и не отвечали. Потом, когда огонь стал стихать, они снова также молча принялись за свою работу.

С потушенными огнями едем мы на маленьком и юрком "виллисе" вдоль берега реки к другому участку, где наводится переправа. Здесь так же бесшумно, скользя в тумане, как сказочные духи, саперы составляют на воде из отдельных звеньев штурмовой мостик.

Тем временем к берегу подтягиваются артиллеристы. Туман густеет. Он так плотен, что чувствуется, как колеблются его влажные клубы.

- Здорово! Сама природа нам помогает, - говорит высокий и плечистый капитан Цветков, командир саперного батальона. В промокшей плащ-палатке он похож на древнего витязя.

Взвивается красная ракета, и вдруг весь восточный берег реки сотрясается от выстрелов. Это заговорила наша артиллерия. Сплошная стена разрывов встала над западным берегом и сейчас же тысячи людей под прикрытием этой стены молча бросились в железные лодки.

Лодки отчаливают от берега. Бойцы старательно гребут. Немецкая артиллерия беснуется. Мины визжат и разрываются над водой. Вода кипит от разрывов. Никогда со времен Сталинградской битвы не видел я такого яростного вражеского огня. Но саперы героически делают свое дело. Лодки уже коснулись того берега. Автоматчики, не дожидаясь, пока они причалят, прыгают в камыши, в воду. Тем временем в другом месте навели штурмовой мостик. Над рекой перекатывается

старинный клич русских воинов "ура".

Тем временем уже сказываются результаты работы наших артиллерийских батарей. Немецкая артиллерия смолкает. Лишь изредка то тут, то там стреляют минометы. Лодки переносят на западный берег все новые и новые подразделения бойцов. В тумане их не видно, но слышно, как звуки "ура" и пулеметная стрельба переносятся все дальше и дальше в глубь немецкой обороны.

Два соединения, форсировав реку справа и слева, идут в обход Полтавы, затягивая железные клещи вокруг города. Ударная группа, форсировавшая Ворсклу у самого города, переносит бой в глубину улиц.

На резиновом челноке я переправляюсь через Ворсклу. Уже рассветает. Солнце поднялось из-за холмов, но туман еще не рассеялся и, хотя бой перенесен уже на западные окраины города, кажется, что он идет где-то рядом на соседних улицах. Но немецкие снаряды рвутся редко. Это агония. Где-то за городом стягиваются гигантские клещи, и немцы, боясь окружения, стараются поскорее убраться.

Идем к центру города вместе с передовыми подразделениями. Люди сначала робко высматривают из-за подворотен и закрытых ставень, но, убедившись, что немцев уже нет, что пришли свои, родные, долгожданные, они выбегают из ворот и бросаются навстречу. Происходят незабываемые встречи. Женщины целуют бойцов, жмут им руки, смотрят на них и не могут наглядеться. Многие плачут. Целые стаи голодной, истощенной и оборванной ребятни с ножками-палочками, с прозрачным цветом бледных немытых лиц сопровождают по тротуарам наши передовые части. Какая-то пожилая женщина дает мне огромный букет красных осенних астр:

- Спасибо, родные, за то, что прогнали проклятых.

Тут же на улицах наперебой жители рассказывают мне о том, как страшно жилось им при немцах, о тысячах полтавчан, угнанных в неволю, о том, как немецкие работорговцы по вечерам с собаками устраивали облавы на людей, а потом гуртами, как скот, гнали их в свою проклятую Германию.

У железнодорожной станции мы становимся свидетелями страшного зрелища. Догорает огромное здание взорванного депо. Сюда немцы перед отходом загнали несколько сот железнодорожников, отказавшихся уходить вместе с ними. Перед отходом они заперли двери здания, взорвали его и зажгли. И вот горит этот страшный костер, в котором погребены сотни мирных жителей.

На главной улице еще горит великолепное здание

краеведческого музея. Полтавский музей считался одним из наиболее крупных в стране. Немцы разграбили его, увезли из него картины, старинные вещи, ценности, потом зажгли перед отступлением. Страшная подробность. На тротуаре перед музеем лежит восемь обгорелых трупов: шесть мужчин, молодая женщина и десятилетняя девочка. Мне поясняют, что эти люди пытались погасить здание музея, подожженное немецкими факельщиками, и разъяренные немцы бросили их в огонь живыми

28 сентября 1943 года

Войска Западного фронта, продолжая развивать наступление, успешно форсировали Днепр и после упорных боев 25 сентября штурмом овладели областным центром - городом Смоленск.

Из оперативной сводки Совинформбюро

25 сентября 1943 г.

Евгений Воробьев

Утро Смоленска

Еще не отгремели раскаты батарей, еще не засыпаны окопы, прорытые поперек тротуаров и мостовых, еще горят пожары и чадное, дымное облако стоит над городом, еще лужи и уличная грязь присыпаны кирпичной пылью, штукатуркой взорванных домов.

На рассвете город казался вымершим. Но по мере того как наступало утро, откуда-то из погребов, с чердаков, из подземелий выбегали люди, бросались навстречу разведчикам и в радостном смятении пожимали им руки, и обнимали, и плакали, и говорили какие-то бессвязные, ласковые слова, которые можно услышать в жизни только от близких людей после долгой, горькой разлуки.

На невзрачной улочке, которая носит название Первый Смоленский ручей, у ворот дома No 11 стоит женщина, соседки зовут ее Тимофеевной. Перед нею ведро, в руках кружка. Мимо шагают бойцы батальона капитана Крючкова - они первыми вошли в город с его северо-восточной окраины.

Тимофеевна, простоволосая, с платком, упавшим на плечи, угощает бойцов:

- Не побрезгуйте водицей. Простите меня, грешную, больше потчевать нечем. Водичка вот...

Бойцы с задымленными лицами, усталые, с наслаждением пьют, кружка за кружкой, ключевую воду. Ведро быстро пустеет. Бойцы вытирают губы ладонями, на ходу бросают: "Спасибо, хозяюшка!" - и догоняют взвод...

Свыше двух лет длилась наша разлука с древним русским городом. Мы помним горький день в середине июля, когда фашистские танки ворвались в Смоленск по Красненскому шоссе. Геббельс писал в тот день: "Смоленск - это взломанная дверь.

Германская армия открыла путь в глубь России. Исход войны предрешен". Немцы называли город на свой манер - "Шмоленгс". Под городом обосновалась штаб-квартира Гитлера. Вспоминается фотография - Гитлер и Муссолини в Смоленске.

И вот, спустя два года, наши полки вернули Родине древний Смоленск, город русской славы, который когда-то каменной грудью своих стен встретил Наполеона, а два года назад оказал героическое сопротивление немцам.

Бойцы шагают мимо старинных церквей, мимо широких, заросших травой стен смоленского кремля, мимо башен, сложенных из замшелого ноздреватого камня.

Здравствуй, Смоленск, старший брат в семье многострадальных городов и деревень Смоленщины! Мы ждали, мы давно ждали встречи с тобой. Мы мечтали об этой встрече, когда входили в смоленские деревни, в Гжатск и Вязьму, Дорогобуж и Ельню.

Битва за Смоленск началась задолго до сегодняшнего дня в глухих деревеньках, на безымянных высотках и в лощинах, в перелесках и болотах.

Первыми проникли в заречную часть города разведчики капитана Ушакова и минеры. Сегодня минеры - самые надежные проводники, самые осведомленные провожатые для путешествия по городу.

С рассвета приступили к работе минеры 72-го Ярцевского отдельного инженерного батальона майора Мосензона. Его штаб расположился в церквушке на Малоленинградской улице, здесь открыт пункт "скорой саперной помощи". Все утро и день саперы наводили переправы и очищали город от мин.

Отступая, немцы взорвали или сожгли много домов - среди них почти все здания, которые по праву считались украшением города: Дом Советов, Дом штаба Белорусского военного округа, Дом печати, Дом Красной Армии.

Но некоторые большие здания были подозрительно целехоньки, и саперы капитана Савченко отправились на опаснейшую охоту за минами. Василий Петраков и Иван Кузнецов нашли в подвалах домов и в цехах льнокомбината больше двадцати авиационных бомб, каждая весом в четверть тонны. Фашисты не успели использовать эти бомбы по прямому назначению и снарядили их как мины затяжного действия. На перекрестке дорог, около Базарной площади, извлекли мину замедленного действия. Она должна была взорваться через 21 сутки, может быть, в ту минуту на улице будут безмятежно играть дети.

На обочинах Большой Советской и Ленинской улиц, в тихих

аллеях городского сада, на бульваре Блонье, там, где липы и клены роняют свой невесомый осенний лист, лежат обезвреженные мины. Саперы еще обыскивают здание бывшей гимназии, где учились Пржевальский и Глинка.

Памятник Глинке стоит на бульваре, обсыпанный опавшей листвой. В руке у Глинки - дирижерская палочка. Решетка вокруг памятника воспроизводит нотную строку из партитуры "Ивана Сусанина", бессмертная мелодия отлита в чугуне.

Вдоль тротуаров бесконечной лентой тянется кинопленка. Нет, это не след рассеянного кинооператора, который бежал вдоль улицы, не замечая, что у него раскручивается коробка с кинопленкой. Немцы использовали пленку как зажигательный шнур к минам, заложенным в домах.

Подымаемся в город по Большой Советской улице. Бородатый горожанин с веселым ожесточением сдирает с угла дома вывеску - улица никогда больше не будет называться "Хауптштрассе". Жители выбрасывают на свалку всевозможные немецкие указатели, вывески, таблички.

От Дома Красной Армии остались только стены в черных языках копоти, с оголенным от штукатурки кирпичом. Нет даже междуэтажных перекрытий.

Капитан-артиллерист остановился напротив дома, долго стоял, потом сказал, ни к кому не обращаясь:

- Кто бы мог подумать! Еще сержантом сюда, в библиотеку, ходил. На четвертый этаж. Почти каждый день ходил. Сколько хороших книг прочел - и вот...

Капитан запрокинул голову и долго вглядывался вверх, будто там, на высоте четвертого этажа, над развалинами, могла каким-то чудом уцелеть библиотека.

Через пролом в стене капитан поднялся на кучу щебня, поросшего чахлой травой. Когда-то здесь был вестибюль. Вот отсюда, из этого угла, легкой поступью уходила вверх широкая нарядная лестница. И сейчас над щебнем возвышалось несколько ступенек, но дальше - обрыв, пустота, лестница никуда не ведет. Небо над головой, небо в проломах стен, в окнах.

Теплый сентябрьский ветер разгуливает по дому и гремит обрывками карнизов. Будто какие-то невиданные птицы, силясь взлететь, топорщат там свои ржавые крылья.

Капитан внимательно посмотрел под ноги, ковырнул щебень носком порыжевшего сапога, - может, ему померещился знакомый корешок книги, чудом уцелевший от огня? Капитан горестно махнул рукой и торопливо зашагал вверх по улице.

Выше на перекрестке висит пустой обод больших уличных часов - ни циферблата, ни механизма. На Ленинской улице

догорает дом, и все переходят на другую сторону, спасаясь от знойной гари.

Возле дома, где находилась немецкая биржа труда, сидит группа подростков. На днях они совершили побег из колонны молодежи, которую гнали в Германию. Сегодня они могут впервые без опаски сидеть у дома, откуда начиналась дорога на каторгу.

У Никольских ворот прохожих останавливает свисток. Старший лейтенант милиции Виктор Курицын час назад впервые встал на пост. Он предупреждает свистками прохожих - подальше держитесь от того дома, он еще не разминирован! Сегодня в Смоленске это называется - "регулировать уличное движение".

На стене дома висит наш почтовый ящик. Он пустует уже больше двух лет: в последний раз почтальон выбрал из него письма 15 июля 1941 года. Привет тебе, старый знакомый -синий, заржавевший почтовый ящик! На днях ты снова начнешь свою службу, как в былые годы.

С каждым часом на улицах Смоленска становится все оживленнее, многолюднее. Почти все пешеходы - с узлами, котомками, корзинками, сундучками. Некоторые катят ручные тележки с домашним скарбом. Дети помогают взрослым. Все с багажом, точно мы где-то на привокзальной площади после прибытия поезда.

Жители бредут усталые, измученные, но бредут, подняв головы, глаза сияют. Они приветливо здороваются с каждым встречным бойцом. Сегодня город населен только счастливцами и удачниками.

Ольга Васильевна Смеляева возвращается домой из деревни Сенное. Девятнадцатилетний сын ее Дмитрий тащит тележку со скарбом.

- Понимаете? - говорит Ольга Васильевна вполголоса, чтобы сын не услышал. - По дороге уже приставал к двум лейтенантам. В Красную Армию торопится. Три старших брата там воюют.

Десятки тысяч подростков, юношей и девушек отбиты у немцев под Смоленском и освобождены. Среди них особенно много жителей города Ярцево и окрестных деревень. Придет час, когда части Красной Армии где-нибудь в Орше или Минске догонят и отобьют угнанных в рабство смолян...

По соседству с немецкой биржей труда обосновалась редакция продавшейся немцам газеты "Новый путь". В кабинете главного редактора господина К. Долгоненкова, убежавшего с фашистами, я нашел последний номер газеты.

В передовой "Против нелепиц" напечатано дословно следующее: "Им (паникерам) уже видится стремительное

приближение большевиков, слышится спешное распоряжение об эвакуации даже таких стоящих вне угрозы городов, как, например, Смоленск. Город, в котором мы сейчас обитаем, находится вне опасности большевистского нападения. Линия германской активной обороны для противника совершенно непроницаема".

На столе у предателя Долгоненкова лежало редакторское перо, и оно казалось липким от лжи. Нужно было преодолеть чувство гадливости, чтобы прикоснуться к этому перу.

Воздух редакционных комнат кажется затхлым. Хочется поскорей на улицу...

Наступает темный вечер, но возбужденные лица жителей отчетливо видны при свете пожаров.

В городе становится тише, и слышно, как гремят скрученные обрывки кровли на сгоревших домах - словно кто-то ходит по крыше или шевелит кровельные листы беспокойной рукой.

Центр города и его заднепровскую часть связывает только паром. Размером этот паром с широкие ворота, а водит паром, перебирая крепкими руками трос, сапер Александр Курочкин. Весь день он бродил с миноискателем, нашел больше десятка мин, а к ночи превратился в паромщика.

На пароме совсем светло. По соседству догорает подожженный немцами деревянный мост, а за ним виднеется рваный профиль изорванного каменного моста.

Отступая, фашисты подожгли деревянный мост у обоих берегов и взорвали его посередине. Пламя-спускалось по сваям к самой воде, она плескалась внизу в трепещущих багровых пятнах. Река, когда огонь касался ее поверхности, тушила сваи, а до того казалось, что кто-то воткнул эти светильники прямо в воду. Сваи и стропила моста были подсвечены огнем, отсветы огня тревожно лежали на черной воде, и чудилось, что это струится кровь.

Под стать днепровской воде окрашена в багровый свет и стена смоленского кремля.

25 сентября 1943 года

Леонид Леонов

Неизвестному американскому другу. Письмо второе

Мой добрый друг!

Здесь заключено публичное признание моего бессилия. Я никогда не создам этого рассказа. Скорбную мою повесть надо писать на меди: бумагу прожигали бы слова об этих двух безвестных женщинах. Я не знаю ни национальности их, ни имен. Вернее, я теряюсь, какие из семи тысяч я должен выбрать, чтобы не оскорбить памяти остальных членов этого страшного братства.

Ты без труда представишь себе этих двух героинь

ненаписанной повести, мой неизвестный американский друг: пятилетнюю девочку и ее мать. Маленькая была совсем как твоя дочка, которую ты ласкал еще сегодня утром, отправляясь на работу. Ее мать также очень похожа на твою милую и красивую жену, только одета беднее и у нее очень усталое лицо, потому что жить в городе, занятом немецкой армией, несколько труднее, чем под безоблачным небом Америки. Они помещались в крохотном, с бальзаминами на окнах домике, у которого отстрелили снарядом угол в недавнем городском бою. Починить его было некому, так как отец, рядовой русский солдат, ушел со своим полком, чтобы где-то на далеком рубеже без сна и устали отбиваться от беды, грозящей всему цивилизованному человечеству.

Фронт был отодвинут в глубь страны, и грохот русских пушек, этот гневный голос родины, перестал быть слышен в тихом городке. Наступила великая тоска и в ней один предзимний, еще бесснежный денек. Мороз скрепил землю, подернув лужицы стрельчатым ледком. Всем нам в детстве одинаково нравилось ступать по этому хрусткому стеклышку и вслушиваться в веселую музыку зимы. Когда в одно бессолнечное утро девочка попросилась на улицу, мать одела ее потеплее и выпустила с наказом не отходить далеко от дома; сама она собралась тем временем заделать пробоину в стене.

Ставши у ворот, маленькая боязливо улыбалась всему, что видела. Она бессознательно хотела задобрить громадную недобрую тишину, обступившую городок. Никто не замечал присмиревшего ребенка: все были заняты своим делом. Порхали воробьи, и шумел за облаками самолет. Сменные немецкие караулы чеканно направлялись к своим постам. Изредка робкая снежинка падала из пасмурного неба, и, подставив ей ладонь, девочка следила, как та превращалась сперва в прозрачную капельку, потом - в ничто. У маленькой не было ее пестрых, любовно связанных бабушкой перчаток. Ночью случился обыск, а у немецкого солдата, приходившего за трофеями, видимо, имелась девочка такого же возраста в Германии.

Шум в конце улицы привлек внимание ребенка. Объемистый автобус с фальшивыми нарисованными окнами остановился невдалеке. Сняв рукавицы и подняв капот, шофер мирно копался в моторе. Шеренга немецких пехотинцев, как бы скучая и с примкнутыми штыками, двигалась сюда, и в центре полукольца плелись безоружные местные жители, человек сорок, с узелками, старые и малые. Некоторые застегивались на ходу, потому что их внезапно выгнали из дому. Годных к войне между ними не было, грудных несли на руках. Это походило на невод, который по

мелкой воде тянут рыбаки. Шествие приблизилось, впереди шли дети.

Все выглядело вполне обыденно. И хотя все понемножку о чем-то догадывались, никто не плакал из страха вызвать добавочную злобу у этих равнодушных солдат. Видимо, всем этим людям предстояло ехать куда-то во имя жизненных германских интересов, - и нашей маленькой в том числе! Ей очень нравилось ездить в автомобилях, хотя только раз в жизни она испытала это наслаждение. Установился обычай в нынешней России катать детей по первомайским улицам в грузовиках, разукрашенных цветами и флагами; обычно при этом дети пели тоненькими голосками... Кстати, девочка поискала глазами в кучке ребят свою подружку. Маленькая еще не знала, что ее, контуженную при занятии городка, закопали прошлым вечером в вишеннике, за соседским амбаром.

Скоро мертвая петля облавы захлестнула и домик с бальзаминами, возле которого стояла моя пятилетняя героиня. Комплект был набран, и раздалась команда. Козырнув, шофер обошел сзади и открыл высоко над колесами толстую двустворчатую дверь. Людей стали поочередно сажать внутрь фургона; слабым или неловким охотно помогали немецкие солдаты. Одна древняя русская старушка, не шибко доверяя машинам и прочим изобретениям антихриста, украдкой покрестилась при этом. Девочка удивилась не тому, что внутренность машины была обшита гладким металлом, - ее огорчило отсутствие окон, без которых ребенку немыслимо удовольствие прогулки. Она ничего не поняла и потом, когда худой и ужасно длинный солдат под руки, как русские носят самовар, понес ее к остальным, уже погруженным детям, она только улыбнулась ему на всякий случай, чтобы не уронил. В ту же минуту на крыльцо выскочила, с руками по локоть в глине, ее простоволосая мать.

Она вырвала ребенка и закричала, потому что видела накануне этот знаменитый автобус в работе. Она кричала, неистово распахнув рот, во всю силу материнской боли, и это очень удивительно, если не был слышен в Америке этот несказанный вопль. Она так кричала, что ни один из патрульных даже не посмел ударить ее прикладом, когда она рванулась и побежала с дочкой наугад, и запнулась, и упала, и лежала в чудовищной надежде, что ее почтут за мертвую или не заметят в суматохе. Но маленькая не знала, она силилась поднять мать за руку и все твердила: "Мамочка, ты не бойся... я поеду с тобой, мамочка". Она повторяла это и тогда, когда ее вторично понесли в цинковую коробку фургона. Но тогда вдруг заплакали и

закричали все от жалости к маленькой, а громче всех -дети. Это был беспорядок, противный нацистскому духу, и, чтоб прекратить скандал в зародыше, в автобус поднялся хорошо выбритый ефрейтор с большим фабричным тюбиком, что хранился в его походной сумке. Одновременно в его правой руке появилась узкая, на тонком стержне, кисть, вроде тех, что употребляют для гуммиарабика. Из тюбика выползла черная змейка пасты, несколько густой, но, видимо, более удобной в перевозке. Протискиваясь в тесноте среди детей, военный смазывал этим лекарством против крика губы сразу затихавших ребят. Порой, для верности, он без промаха вводил свой помазок в ноздри ребенка, этот косец смерти, и, как скошенная трава, дети клонились и опускались к ногам обезумевших взрослых. Наверно, у него имелось специальное образование, так ловко он совершал свою черную процедуру. Крики затихли, и солдатам уже не составило труда отнести и вдвинуть на пол камеры, в этот людской штабель, потерявшую сознание мать.

Дверь закрыли на автоматический запор, шофер поднялся на сиденье и завел мотор, но машина не сразу отправилась на место назначения. Офицер стал закуривать, солдаты стояли "вольно". Все опять выглядело крайне мирно, ничто не нарушало тишины: ни шумливые краснодарские воробьи, ни - почему бы это? - даже треск выхлопной трубы. И хотя машина по-прежнему стояла на месте, время от времени как-то странно кренился кузов, точно самый металл содрогался от роли, предназначенной ему дьяволом. Когда папироска докурилась и прекратились эти судорожные колыхания, офицер дал знак, и машина поплыла по подмерзшим грязям за город. Там имелся глубокий противотанковый ров, куда германские городские власти ежедневно сваливали свою продукцию... Теперь, после возвращения Красной Армии на временно покинутые места, эти длинные могилы раскопаны, и любители сильных ощущений могут осмотреть фотографии завоевательных успехов Гитлера.

Это краткое либретто темы, способной целые материки поднять в атаку, я безвозмездно дарю Голливуду. Даже в неумелых руках у него получится впечатляющий кинодокумент. Жаль, что его не успели поместить в той запаянной железной коробке с изделиями нашей цивилизации - посылке в века, что закопана под нью-йоркской Всемирной выставкой, чтобы потомки всесторонне ознакомились с действительностью их недавних предков. Хорошо было бы также показать этот боевик многочисленным союзным армиям, которые терпеливо, не первый год, ждут приказа о генеральном наступлении против главного изверга всех веков и поколений.

Конечно, встретятся неминуемые трудности при постановке. Вашей актрисе, Америка, трудно будет воспроизвести смертный крик матери, да и вряд ли пленка выдержит его. Режиссеру и зрителю покажутся экзотически невероятными как самый инвентарь происшествия, так и перечисленные мною вкратце детали. И хотя я вовсе не собирался писать корреспонденцию из ада, я полагаю необходимым, однако, перевести на англосаксонские наречия название этого невиданного транспортного средства, изобретенного в Германии для отправки в вечность: душегубка... Это дизельный закрытый восьмитонный грузовик, изнутри обшитый листами надежного металла, который невозможно ни прокусить, ни процарапать ногтями. Отработанные газы мотора нагнетаются в это герметически закупоренное пространство непосредственно через трубку с защитной от засорения решеткой. Горячая сгущенная окись углерода, CO, немедленно наполняет камеру и быстро поглощается гемоглобином крови заключенных там жертв. Отравление начинается с удушья и головокружения, -не стоит приводить остальных симптомов при смертельных случаях, а это приспособление создано специально для смерти. Это вряд ли и потребуется в проектируемом нами фильме. Впрочем, в классических немецких исследованиях по токсикологии Винца, Шмидеберга и Кункеля подробно разработана вся симптоматика этого дела.

Таким образом, достижения германской науки пригодились сегодня негодяям, которым Германия вверила свою национальную судьбу. И когда Геббельс вопит со своих радиостанций о немецкой культуре, он, видимо, требует от своих будущих жертв, чтобы они до последнего дыхания сохраняли почтительное изумление перед сверкающей аппаратурой палача. Рационализация человекоистребления и дешевизна его доведены до баснословного предела. Знаменитые яды истории: демонский напиток Борджиа или "лейстеровский насморк" елизаветинского министра, или изящная, как музыка Моцарта, отрава маркизы Бренвилье и самая бледная аква тофана, что продавалась в средние века в пузырьках с изображением святого Николая, - все это дорогостоящие забавы для мелкого, индивидуального пользования. Сама Локуста, которую тоже с запозданием догадались казнить только при Гальбе, почернела бы от профессиональной зависти к Гитлеру, который отбросы дизель-мотора, окись углерода, включил на вооружение германской армии.

Эта механическая колымага гибели, что путешествует по просторам оккупированных областей России, обслуживается

специальным отрядом, зондеркомандой, из двухсот человек. Должность свою они исполняют не в патологическом исступлении боя, а спокойной рукой и с сознанием большого государственного поручения. У них ведется учетный журнал с точными графами, куда заносится как дата и способ уничтожения, так и пол, национальность, возраст и количество уничтоженных за сутки жертв. Не верится, что у этих черных бухгалтеров смерти тоже были мамы, которые ласкали их в детстве, и, пряча свои лица, достойные Гойи, просили у неба счастьишка для своих рычащих ублюдков... Обширный штат зондеркоманды вполне окупается размерами ее деятельности. И верно, при максимальной емкости кузова в восемьдесят живых единиц, при дозировке смертной порции в десять минут, дольше которой не выдерживает самый прочный молотобоец, плюс двадцать минут на обратный рейс, включая разгрузки, - а машина действует и на ходу! - пропускную способность одного такого автобуса можно довести до полутора тысяч покойников в сутки. Таким образом, дивизион подобных агрегатов даже при умеренной, но бесперебойной работе может в месяц опустошить цветущую площадь с двухмиллионным населением.

Представь себе этих людей хозяевами земли, и содрогнись за своих любимых!

Народ мой словом и делом проклял этот подлейший замысел дьявола. Народу моему ясно, что, если бы не было пушек мира, следовало бы голыми руками расшвырять это бронированное гнездо убийц. И я люблю мать мою Россию за то, что ум и сердце ее не разъединены с ее волей и силой... за то, что, гордая своей правотой, она идет впереди всех народов на штурм пристанища зла. Видишь ли ты ее, когда она без устали сокрушает обвившего ее ноги дракона? Кровь всемирного подвига катится по ее лицу, и кто в мире назовет мне лицо красивей? Вот почему сегодня Родина моя становится духовной родиной всех, кто верит в торжество правды на земле!

К вечным звездам люди всегда приходили через суровые испытания, но в такую бездну еще ни разу не заглядывал человек. Уже мы не замечаем ни весны, ни полдня. Реки расплавленной стали текут навстречу рекам крови. Никто не удивится, если хлеб, смолотый из завтрашнего урожая, окажется красным и горчей пороха на вкус. Самое железо корчится от боли на полях России, но не русский человек. При равных условиях, в библейские времена, Иезекиили с огненным обличеньем на устах нарождались в народе. Во все времена появлялись они и благовестили людям, эти колокола подлинного гуманизма. Ты помнишь Льва Толстого, который крикнул миру: "Не могу

молчать!", или Золя с его пламенным "Обвиняю!", или Барбюса и Горького. Миллионноголосое эхо подхватывало их призыв, и подлая коммерция себялюбия уступала дорогу совести, и надолго становился чище воздух мира... Ты помнишь и чтишь русского человека, Федора Достоевского, чьи книги в раззолоченных ризах стоят на твоих книжных полках! Этот человек нетерпеливо замахивался на самое Провидение, однажды заприметив слезинку обиженного ребенка. Что же сказали бы они теперь, эти непреклонные правдоносцы, зайдя в детские лазареты, где лежат наши маленькие, тельцем своим познавшие неустройство земли, пряча культяпки под одеялом, стыдясь за взрослых, не сумевших оберечь их от ярости громилы? Они подивились бы человеческой породе, в которой и горячечное пламя тысяч детских глаз не выплавило гневной набатной меди!

Каждый отец есть отец всех детей земли, и наоборот Ты отвечаешь за ребенка, живущего на чужом материке... Вот правда, без усвоения которой никогда не выздороветь нашей планете. Остановить в размахе быструю и решительную руку убийцы - вот неотложный долг всех отцов на земле. Иначе к чему наши академии и могучие заводы, седины праведников и глубокомыслие государственных мудрецов? Или мы затем храним все это, чтоб пощекотать больное и осторожное тщеславье наше? Эта страшная язва Европы, фашизм, так же противоестественна на организме нашей цивилизации, как если бы чешуйчатый хвост пращура просунулся между фалдами профессорского сюртука. Можно ли смотреть на звезды из обсерваторий, пол которых затоплен кровью? Тогда признаемся в великой лжи всего, что с такой двуличной и надменной важностью человечество творило до сегодня. Может быть, и сами мы только размалеванные дикари в сравнении с теми красивыми и совершенными людьми, что завтра осудят моих современников за допущение на землю страшнейшей из болезней.

Нет, неправда это! Прекрасна жизнь, вопреки сквернящим ее злодеям. Прекрасны дети и женщины наши, сады и библиотеки, медом мудрости налитые до краев. Человек еще подымется во весь рост, и это будет содержанием поэм, более значительных, чем сказания о Давиде и Геракле. Народ мой верит в это, ценит локоть и близость друзей -и тех, что пойдут вместе с ним наказать дикаря в его логове, и тех, кто с опасностью для жизни подносит патроны к месту боя. И никакой клевете не разъединить этих соратников, благородных в своих исторических устремлениях и спаянных кровью совместного подвига. Их породнили пламена Варшавы и Белграда, руины Сталинграда и Ковентри... Термитным составом выжжены на пространствах

Европы имена изобретателей тотальной войны. Когда один из них, перечислив преимущества ночных рейдов на мирные города, предупреждал народы, если бы они посмели ответить тем же оружием: "Горе тому, кто проиграет тотальную войну!" - в тот день подсудимый сам произнес себе приговор.

И вот он начинает приводиться в исполнение. Мы проникнуты нетерпеливым ожиданием победы. Самый колос старается расти быстрее, чтоб содействовать ее приближению. Цвет западных наций одевается в хаки. Железные ящеры, урча, сползают с конвейеров: уже им не хватает стойл на родных материках. Владыки океанов неторопливо сходят со стапелей во мглу ночи. Стаи железных птиц, более грозных, чем птицы Апокалипсиса, крылом к крылу покрывают равнины. И когда мысленно созерцаешь сумму стали, людей и резервов у свободолюбивых стран, глубоко веришь, что и горы не устоят перед натиском этого материализованного гнева.

Я не умею разгадать логику зреющего в недрах ваших генеральных штабов великого плана разрушения фашизма. Я простой человек, который пишет черным по белому для миллионов своего народа. Может быть, я не прав, но только мне всегда казалось, что злодей, который в цинковой коробке травит окисью углерода пятилетнюю девочку, заслуживает немедленного удара не в пятку, а в грудь и лицо. Конечно, все дороги ведут в Рим, все же кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая...

Итак, дело за вами, американские друзья! Честная дружба, которою отныне будет жить планета, создается сегодня - на полях совместного боя. Именно здесь познается величие характера и историческая поступь передовых наций.

Из затемненной Москвы я отчетливо вижу твое жилище и стол, за которым ты сидишь. Тебе подает ужин жена, и пятилетняя дочка на твоих коленях торопится поведать о событиях дня. Ночь движет стрелки на циферблате, и красивый, ярко освещенный город шумит за твоим окном... Покойной ночи, мой неизвестный американский друг! Поцелуй свою милую дочку и расскажи ей про русского солдата, который в эту самую ночь, сквозь смерть и грохот, в одиночку и по эвклидовой прямой, движется на запад - за всех маленьких в мире!

1943 год

...Войска Западного фронта после двухдневных боев сломили сопротивление противника и овладели городом и крупным железнодорожным узлом Рославль.

Из оперативной сводки Совинформбюро

25 сентября 1943 г.

Андрей Платонов

Девушка Роза

В рославльской тюрьме, сожженной фашистами вместе с узниками, на стенах казематов еще можно прочитать краткие надписи погибших людей. "17 августа день именин. Сижу в одиночке, голодный, 200 граммов хлеба и 1 литр баланды, вот тебе и пир богатый. 1927 года рождения. Семенов". Другой узник добавил к этому еще одно слово, обозначившее судьбу Семенова: "Расстрелян". В соседнем каземате заключенный обращался к своей матери:

Не плачь, моя милая мама,
Не плачь, не рыдай, не грусти.
Одна ты пробудешь недолго
На этом ужасном пути...
Сижу за решеткой в темнице сырой,
И только лишь бог один знает
К тебе мои мысли несутся волной,
И сердце слезой заливает.

Он не подписал своего имени. Оно ему было уже не нужно, потому что он терял жизнь и уходил от нас в вечное забвение.

В углу того же каземата была надпись, нацарапанная, должно быть, ногтем: "Здесь сидел Злов". Это была самая краткая и скромная повесть человека: жил на свете и томился некий Злов, потом его расстреляли на хозяйственном дворе в рославльской тюрьме, облили труп бензином и сожгли, чтобы ничего не осталось от человека, кроме горсти известкового пепла от его костей, который бесследно смешается с землей и исчезнет в безыменном почвенном прахе.

Возле надписи Злова были начертаны слова неизвестной Розы: "Мне хочется остаться жить. Жизнь - это рай, а жить нельзя, я умру! Я Роза".

Она - Роза. Имя ее было написано острием булавки или ногтем на темно-синей краске стены; от сырости и старости в окраске появились очертания таинственных стран и морей - туманных стран свободы, в которые проникали отсюда своим воображением узники, всматриваясь в сумрак тюремной стены.

Кто же была эта узница Роза и где она теперь - здесь ли, на хозяйственном дворе тюрьмы, упала она без дыхания или судьба вновь ее благословила жить на свободе русской земли и опять она с нами - в раю жизни, как говорила о жизни сама Роза? И кто такой был Злов? Он ничего не сказал о себе и лишь отметился на тюремной стене, что жил такой на свете человек.

Следов существования Злова мы найти не сумели, но Роза и среди мучеников оказалась мученицей, поэтому судьба ее

осталась в памяти у немногих спасшихся от гибели людей. Узники, которых выводили на двор для расстрела, утешали себя воспоминанием о Розе: она уже была однажды на расстреле, и после расстрела она пала на землю, но осталась живой; поверх ее тела положили трупы других павших людей, потом обложили мертвых соломой, облили бензином и предали умерших сожжению; Роза не была тогда мертва, две пули лишь неопасно повредили кожу на ее теле, и она, укрытая сверху мертвыми, не сотлела в огне, она убереглась и опамятовалась, а в сумрачное время ночи выбралась из-под мертвых и ушла на волю через развалины тюремной ограды, обрушенной авиабомбой. Но днем Розу опять взяли в городе фашисты и отвели в тюрьму. И она опять стала жить в заключении, вторично ожидая свою смерть.

Кто видел Розу, тот говорил, что она была красива собою и настолько хороша, словно ее нарочно выдумали тоскующие, грустные люди себе на радость и утешение. У Розы были тонкие, вьющиеся волосы темного цвета и большие младенческие серые глаза, освещенные изнутри доверчивой душой, а лицо у нее было милое, пухлое от тюрьмы и голода, но нежное и чистое. Сама же вся Роза была небольшая, однако крепкая, как мальчик, и умелая на руку, она могла шить платья и раньше работала электромонтером; только делать ей теперь нечего было, кроме как терпеть свою беду; ей сравнялось девятнадцать лет, и на вид она не казалась старше, потому что умела одолевать свое горе и не давала ему старить и калечить себя, - она хотела жить.

Второй раз ждала Роза своей смерти в рославльской тюрьме, но не дождалась ее: немцы помиловали Розу, они поняли, что если убить человека один раз, то более с ним нечего делать и властвовать над ним уже нельзя; без господства же немцу жить неинтересно и невыгодно, ему нужно, чтоб человек существовал при нем, но существовал вполжизни, - чтоб ум у человека стал глупостью, а сердце билось не от радости, а от робости - из боязни умереть, когда велено жить.

Розу вызвали на допрос к следователю. Следователь был уверен, что она все знает о городе Рославле и о русской жизни, словно Роза была всею советской властью. Роза всего не знала, а что знала, про то сказать не могла. Она пила у следователя мюнхенское пиво, ела подогретые сосиски и надевала новое платье. Так называл свое угощение следователь, обращаясь к своим подручным, которых заключенные называли "мастерами того света". Для Розы приносили пивную бутылку, наполненную песком, и били ее этой бутылкой по груди и животу, чтобы в ней замерло навсегда ее будущее материнство; потом Розу стегали гибкими железными прутьями, обжигающими тело до костей, и

когда у нее заходилось дыхание, а сознание уже дремало, тогда Розу "одевали в новое платье": ее туго пеленали жестким черным электрическим проводом, утопив его в мышцы и меж ребер, так что кровь и прохладная предсмертная влага выступала наружу из тела узницы; потом Розу уносили обратно в одиночку и там оставляли на цементном полу; она всех утомляла - и следователя, и "мастеров того света".

Что же нужно было врагам делать дальше? Живая русская девчонка им не подчинялась; можно было бы ее мгновенно убить, но владеть мертвецами было бессмысленно.

Своею жизнью, равно и смертью, эта русская Роза подвергала сомнению и критике весь смысл войны, власти, господства и "новой организации" человечества. Такое волшебство не может быть терпимо - разве бесцельно и напрасно легли в землю германские солдаты?

Немецкий военный следователь задумался в рославльской тюрьме. Над кем разрешено будет властвовать, когда германский народ останется жить в одиночестве на большом кладбище всех прочих народов?

Следователь утратил свое доброе деловое настроение и позвал к себе "скорого Ганса", прозванного скорым за мгновенную исполнительность. Иоганн Фохт прежде долго жил в Советском Союзе, он хорошо знал русский язык. Следователь велел "скорому Гансу" принести сначала водки, а затем спросил у него - как надо организовать человека, чтобы он не жил, но и не умер.

- Пустяк дело! - сразу понял и ответил Ганс.

Следователь выпил, настроение его стало легким, и он велел Гансу сходить к Розе в камеру и проверить - живая она или умерла.

Ганс сходил и вернулся. Он доложил, что Роза дышит, спит и во сне улыбается, и добавил свое мнение:

- А смеяться ей не полагается!..

Следователь согласился, что смеяться Розе не полагается, жить ей тоже не надо, но убивать ее также вредно, потому что будет убыток в живой рабочей силе и мало будет назидания для остального населения. Следователь считал, что нужно бы из Розы сделать постоянный живой пример для устрашения населения, образец ужасной муки для всех непокорных; мертвые же не могут нести такой полезной службы, они вызывают лишь сочувствие живых и склоняют их к бесстрашию.

- Полжизни ей надо дать! - сказал "скорый Ганс". - Я из нее полудурку сделаю...

- Это что полудурка? - спросил следователь.

- Это я ее по темени, - показал себе на голову Ганс, - я ее по

материнскому родничку надавлю рукой, а в руку возьму предметы по потребности.

- Роза скончает жизнь, - сказал следователь.

- Отдышится, - убедительно произнес "скорый Ганс", - я ее умелой рукой, я ее до смерти не допущу...

"Он будет фюрер малого масштаба", - подумал следователь о Гансе и велел ему действовать.

Наутро Розу выпустили из тюрьмы. Она вышла оттуда в нищем платье, обветшалом еще от первых, давних побоев, и босая, потому что башмаки ее пропали в тюремной кладовой... Была уже осень, но Роза не чувствовала осенней прохладной поры: она шла по Рославлю с блаженной робкой улыбкой на прекрасном открытом лице, но взор ее был смутный и равнодушный, и глаза ее сонно глядели на свет. Роза видела теперь все правильно, как и прежде, она видела землю, дома и людей; только она не понимала, что это означает, и сердце ее было сдавлено неподвижным страхом перед каждым явлением.

Иногда Роза чувствовала, что она видит долгий сон, и в слабом, неуверенном воспоминании представляла другой мир, где все было ей понятно и не страшно. А сейчас она из боязни улыбалась всем людям и предметам, томимая своим онемевшим рассудком. Ей захотелось проснуться, она сделала резкое движение, она побежала, но сновидение шло вместе с нею и окостеневший разум ее не пробудился.

Роза вошла в чужой дом. Там была в горнице старая женщина, молившаяся на икону богоматери.

- А где Роза? - спросила Роза, она смутно желала увидеть самое себя живой и здоровой, не помня теперь, кто она сама.

- Какая тут тебе Роза? - сердито сказала старая хозяйка.

- Она Роза была, - с беспомощной кротостью произнесла Роза.

Старуха поглядела на гостью.

- Была, а теперь, стало быть, нету... У фашистов спроси твою Розу там всему народу счет ведут, чтоб меньше его было.

- Ты сердитая, злая старуха! - здраво сказала Роза. -Роза живая была, а потом она в поле ушла и скоро уж вернется.

Старуха всмотрелась в нищую гостью и попросила ее:

- А ну, сядь, посиди со мной, дочка.

Роза покорно осталась; старуха подошла к ней и опробовала одежду на Розе.

- Эх ты, побирушка! - сказала она и заплакала, имея свое, другое горе, а Роза ей только напомнила о нем. Старуха раздела Розу, отмыла ее от тюремной грязи и перевязала раны, а потом обрядила ее, как невесту, в свое старое девичье платье, обула ее в прюнелевые башмаки и накормила чем могла.

Роза ничему не обрадовалась и к вечеру ушла из дома доброй старухи. Она пошла к выходу из города Рославля, но не могла найти ему конца и без рассудка ходила по улицам.

Ночью патруль отвел Розу в комендатуру. В комендатуре осведомились о Розе и наутро освободили ее, сняв с нее красивое платье и прюнелевые башмаки; взамен же ей дали надеть ветошь, что была на одной арестованной. Дознаться, кто одел и обул Розу, в комендатуре не могли - Роза была безответна.

На следующую ночь Розу опять привели в комендатуру. Теперь она была в пальто, с теплым платком на голове и посвежела лицом от воздуха и питания. В городе явно баловали и любили Розу оставшиеся люди, как героическую истину, привлекающую внимание к себе все обездоленные, павшие надеждой сердца.

Сама Роза об этом ничего не ведала, она хотела лишь уйти из города вдаль, в голубое небо, начинавшееся, как она видела, недалеко за городом. Там было чисто и просторно, там далеко видно, и та Роза, которую она с трудом и тоскою вспоминала, та Роза ходит в том краю, там она догонит ее, возьмет ее за руку, и та Роза уведет ее отсюда туда, где она была прежде, где у нее никогда не болела голова и не томилось сердце в разлуке с теми, кто есть на свете, но кого она сейчас забыла и не может узнать.

Роза просила прохожих увести ее в поле, она не помнила туда дорогу, но прохожие в ответ вели ее к себе, угощали, успокаивали и укладывали отдыхать. Роза слушалась всех, она исполняла просьбу каждого человека, а потом опять просила, чтоб ее проводили за руку в чистое поле, где просторно и далеко видно, как на небе.

Один маленький мальчик послушался Розы; он взял ее за руку и вывел в поле, на шоссейную дорогу. Далее Роза пошла одна. Дойдя до контрольного поста на дороге, где стояли двое немецких часовых, Роза остановилась возле них.

- Скорый Ганс, ты опять меня убьешь? - спросила Роза.

- Полудурка! - по-русски сказал один немец, а другой ударил ложем автомата Розу по спине.

Тогда Роза побежала от них прочь; она побежала в поле, заросшее бурьяном, и бежала долго. Немцы смотрели ей вслед и удивлялись, что так далеко ушла от них и все еще жива полудурка, - там был заминированный плацдарм. Потом они увидели мгновенное сияние, свет гибели полудурки Розы.

1943 год

Наши войска успешно форсировали Днепр.

Из оперативной сводки Совинформбюро

7 октября 1943 г.

Василий Гроссман

Первый день на Днепре

1.

Командир дивизии генерал Горишный встретил один из батальонов полка Борисова на подходе к Днепру. Генерал вышел из машины и громким, медленным и отчетливым голосом - этот голос слышали все бойцы - сказал комбату:

- Капитан Ионин, приказываю вам выйти на рубеж реки Днепр и занять оборону по берегу.

Ионин знал задачу до того, как генерал отдал этот приказ. Горишный знал, что Ионину задача известна. Но генерал нарочно торжественно, перед лицом красноармейцев, произнес слова, которые полны были величайшего смысла и значения для тех, кто шел в этот час по полям и лесам Украины.

И как только Горишный произнес слово "Днепр", точно тронуло ветром батальон. Люди, подняв винтовки, стали кричать "ура".

Первым вышел к Днепру батальон старшего лейтенанта Гаврилова. Быстрая, прозрачная вода бесшумно бежала вдоль песчаного берега. Белый, необычайно чистый песок зашуршал под ногами.

Дно Днепра было покрыто таким же чистым песком, и вода, бегущая у берега, казалась светло-желтой, а песок мягко светился под ней то голубоватым, то зеленым цветом.

Впереди лежал плоский песчаный остров, поросший лозой, дальше снова блестела полоса воды, а за ней в дымке вставал поросший темным лесом правый берег Днепра. Люди сошли к воде, начали мыть лица. Многие становились на колени и пили днепровскую воду. И делали они это не потому, что им хотелось пить после долгого и мучительно утомительного перехода, а потому, что и умывание и питье днепровской воды - все приобрело в эти минуты значение торжественного символа.

Год тому назад дивизия генерала Горишного отражала первые атаки 6-й германской армии, предводительствуемой фельдмаршалом Паулюсом на великом волжском рубеже в Сталинграде. Бои шли у Мамаева кургана. Таких боев не знал мир. То не были бои за Мамаев курган. То не были бои за один только Сталинград. То были бои за судьбу России. Думал ли кто-нибудь из тех, кто в сентябрьские дни 1942 года среди развалин Сталинграда на крутом берегу Волги, среди дыма и пламени, под вой немецких пикировщиков отражал зловещий натиск германских танковых и пехотных дивизий, что через год войска Красной Армии огромным победоносным фронтом, от Смоленска до Днепропетровска, выйдут к Днепру? Мечтали ли об этом

сталинградцы?

И потому-то в торжественном и молитвенном волнении люди становились на колени и пили светлую днепровскую воду. Они были свидетелями и участниками величайшего торжества нашего народа. За спиной их лежали сотни километров дороги. Когда-нибудь расскажут об этом страдном пути - о метелях и вьюгах, о злых ветрах, об осенней распутице и холодных дождях, о страшном огне немецких минометов и орудий, о тяжелых самоходных пушках и танках "Т-6", нападавших из засад на передовые цепи советской пехоты.

Когда-нибудь расскажут о том, как в декабре 1941 года красноармейский ансамбль в темный морозный вечер пел перед бойцами песню:

Ой, Днипро, Днипро, ты течешь вдали

И вода твоя, как слеза...

Это было в глубоких воронежских снегах, и бойцы, слушавшие песню, и сами певцы плакали - такими далекими казались им Днепр, Украина. Людям, которые вышли к Днепру в осенний день 1943 года, не нужно было рассказывать и напоминать обо всем этом. Они несли все это в душе своей.

2.

Днем мы пришли на командный пункт командира стрелкового корпуса генерала Лазько. Генерал сидел в хате у открытого окна. Перед ним на столе лежала карта, расчерченная красным карандашом. Наша артиллерия, расположенная неподалеку, вела огонь через Днепр. При каждом выстреле стекла позвякивали. Где-то значительно впереди сухо раздавались редкие разрывы - это немец "кидал", как говорят красноармейцы, с того берега мины. Генералу докладывали и начальник штаба и командующий артиллерией. Человеку, работавшему раньше на заводе, могло бы показаться, что он снова попал в кабинет директора большого завода. Недаром принято называть у нас части и соединения "хозяйствами".

"Хозяйство" Лазько - огромный и сложный организм. Нормальная деятельность и работа такого хозяйства определяется десятками условий. И о чем только не приходится думать, чтобы обеспечить все эти условия. Речь у генерала и двух полковников, докладывавших ему, шла о дорогах, о переправах, о мостах, о зенитных средствах, о горючем, о ремонтных базах, об отставших понтонах, о множестве видов боеприпасов, о продовольствии, о моральном состоянии бойцов, о плотах, о лодках. Говорили они негромко, просматривали донесения о подвезенных на огневые позиции минах для полковых и ротных пушек и для дивизионной артиллерии крупных калибров, о наличности боеприпасов на

"допах" и о боеприпасах, находящихся в пути. Они озабоченно совещались, отмечая на карте растянутые коммуникации, по которым шел подвоз. Десятки, пожалуй, не десятки, а сотни вопросов нужно было решить, увязать, чтобы стрелковый корпус, снабженный огромной, сложной и многообразной техникой, действовал во всю мощь своего огня, действовал с наибольшим эффектом и с наименьшими потерями.

Вот один из элементов нормального действия военного хозяйства - связь. Но, право же, работа московского узла связи, вероятно, не сложней работы какого-нибудь военного хозяйства, где необходимо беспрерывно в условиях вечного движения, внезапных изменений боевой обстановки, в условиях, когда опытный и хитрый враг делает все возможное, чтобы помешать нормальной работе, каждочасно и каждоминутно связывать роты, батальоны, полки и дивизии в единое, гармонично работающее целое. А ведь, кроме того, нужно поддерживать связь с "верхом", со средствами усиления, с танками, авиацией - с соседями справа и слева. Радио, телефон, телеграф, посыльные офицеры связи участвуют в этой работе. Если посмотреть на работу одного хотя бы элемента, осуществляющего связь в бою и в движении - к примеру, скажем, радиосвязи, - и учесть, сколько напряженного труда нужно затратить для ее нормальной работы - и в шифровании, и в сохранении в полевых и боевых условиях сложной аппаратуры, и в поддержке нужного напряжения, и в маскировке от рыщущего в воздухе немца, и если вспомнить, что это лишь один элемент многообразной связи, вспомнить, что сама связь - лишь одно из многочисленных слагаемых военного действия, можно представить себе всю сложность и напряженность работы руководителя современной войны. В нынешней войне участвует большая техника. Самолеты и пушки, гвардейские минометы ничуть не проще, чем самые сложные станки и аппараты современной промышленности. И ведь надо помнить, что военная работа идет вопреки сильному и опытному противнику, он днем и ночью применяет огромные усилия к тому, чтобы рвать коммуникации, разрушать мосты, сжигать и взрывать склады, уничтожать находящиеся на марше колонны, нарушать связь, подслушивать, врываться танками, авиацией, внезапными огневыми налетами в боевые порядки военного хозяйства.

Велик почет, созданный для наших генералов - командиров дивизий, корпусов и армий. Велики и почетны награды, которых удостоены они. Но велика, огромна, тяжела ответственность, легшая на их плечи. Ни на секунду, днем и ночью, не должны, не могут они забывать о ней. Это ответственность за успех боев, за скорейший и полный разгром врага, за очищение нашей земли от

захватчиков. И одновременно это ответственность перед миллионами матерей, пославших на войну своих сыновей, это ответственность за святую кровь, ибо малейшая небрежность, неточность, малейшая неслаженность в работе военного хозяйства заставляет платить за них драгоценной, святой кровью бойцов.

Об этой тягчайшей ответственности за жизнь бойцов, ответственности перед матерями великой страны должны свято помнить все наши генералы и офицеры, не забывать ее ни на секунду, с достоинством и честью нести всю моральную тяжесть ее.

Может быть, потому так нахмурены, серьезны, озабочены были лица генерала и полковника, обсуждавших на командном пункте, в деревенской хате на берегу Днепра сложные и трудные вопросы переправы людей, пушек, продовольствия, боеприпасов, подтягивания растянувшихся тылов, баз и складов горючего.

3.

В ходе войны, в ее решающие минуты играют огромное значение не только замысел и расчеты командиров, но и трезвая, четкая работа тылов и взаимодействие всех видов оружия... В решающие минуты войны великая доля успеха зависит от военного счастья, от жертвы, порыва, душевной силы, от кажущейся подчас безрассудной отваги, от умения внезапно использовать счастливый случай.

Когда вода заблестела в первых косых лучах, в тишине утра послышался со стороны Киева неясный, далекий шум, и боевое охранение, окопавшееся у самой воды, сообщило, что вверх по Днепру идет пароход. Командир батальона Гаврилин приказал красноармейцам залечь и без приказания не открывать огня. Из-за излучины видна была пароходная труба. Пароход шел очень медленно, он тащил за собой груженую баржу, а течение в рукаве Днепра было сильным. На палубе в ранний час стоял лишь один человек, комбат в бинокль различил немецкие унтер-офицерские нашивки. Унтер-офицер тоже смотрел в бинокль, внимательно осматривал берег. Когда пароход вышел к тому месту, где залегли бойцы, Гаврилин приказал открыть огонь. Дружно застучали очереди из автоматов, оглушительно взорвали тишину утра выстрелы противотанковых ружей. Некоторые бойцы, вскочив на ноги, стали бросать в сторону парохода гранаты. С парохода открыли пулеметный огонь. Штурвальный резко повернул пароход, и он пристал к противоположному берегу. Переправившиеся на лодках бойцы роты лейтенанта Кондакова побежали к пароходу. Команда бросила пароход, спрыгнула на берег и скрылась.

И случилось так, что первым вбежавшим на пароход был младший лейтенант Дмитрий Яржин, до войны работавший машинистом на Волге. Среди бойцов его взвода оказался красноармеец Сухинин, до войны работавший штурвальным на речном пароходе. Через час батальон был переправлен на правый берег Днепра. Началась переправа дивизии. Во время одного из рейсов над пароходом пролетели несколько "мессеров", но заместитель командира полка Максимов приказал бойцам убраться с палубы, и "мессеры" прошли, приняв судно за свое. Правда, еще через некоторое время пароход подвергся налету немецкой авиации и, получив девяносто три пробоины, перестал жить. Но он сделал свое дело, этот пароход. На барже, которую он буксировал, груз состоял из бревен, досок, гвоздей. Сотни умелых верных рук застучали молотками и топорами, начали строить понтоны и плоты.

Мы знакомились с несколькими переправами через Днепр. Все они в первые часы и дни шли под знаком величайшего порыва, стихийного народного энтузиазма, всю великую тяжесть их рядовые и офицеры Красной Армии с охотой и радостью приняли на себя. Люди, не дожидаясь подхода понтонов и всех прочих табельных переправочных средств, достигнув берега Днепра, стремительно переправлялись через широкую и быструю воду на плотах, рыбачьих лодках, на самодельных понтонах, устроенных из бочек, покрытых досками, переправлялись под мощным огнем неприятельской артиллерии и минометов, под жестокими ударами немецких бомбардировщиков и истребителей. Были случаи, когда бойцы переправляли полковые пушки на воротах, когда группа красноармейцев переправилась через Днепр на плащ-палатках, набитых сеном.

Этот стихийный порыв во многом помог Красной Армии закрепить плацдармы на правом берегу Днепра. Когда мощные табельные средства подтянулись к Днепру, когда началось строительство мостов и наведение понтонов, когда двинулись танки и тяжелая артиллерия, когда могучие залпы зенитной артиллерии огненным плащом прикрыли переправы, а рев моторов наших истребителей с рассвета до заката стоял над Днепром, - в это время на правом берегу уже находилась наша пехота, вооруженная пулеметами, полковыми пушками, минометами. Она вела ожесточенные бои с немцами, спутав и смешав их расчеты организованно отразить наши попытки к переправе.

Так счастье, смелость, дерзость стали великим вкладом в решение сложнейшей задачи современной войны - форсировании Днепра, одной из самых больших рек нашего материка.

В этом синтезе, единстве дерзкого вдохновения и холодного расчета, в единстве партизанской удачи с могучей силой наших пушек, танков и самолетов, в единстве мудрой науки войны и вдохновенного безумства смелых и состоит одна из отличительных черт нашей Красной Армии.

Эта черта отсутствует в превосходно вымуштрованной, вооруженной техникой и опытом ремесленной армии немецких фашистов.

4.

Такие вечера часто бывают на Украине в осеннюю пору. Широкие, как на рисунках Доре, полупрозрачные лучи заходящего солнца освещали западный берег Днепра. Облака на горизонте светились, как огромные легкие фонари, полные розовых нежных лучей. Далекий сосновый лес темнел под небом, полный мирной прелести и вечернего света. А на земле красное большое пламя вырывалось из черного беспокойного дыма, стоявшего над горящей деревней, и ослепительно вспыхивал прямой яркий блеск снарядных разрывов и пушечных выстрелов. На земле шла битва за Правобережье.

Темные немецкие самолеты низко пронеслись над прибрежной землей, и слышались каркающие, картавые очереди их пулеметов.

И удивительно, какая-то глубокая, полная внутреннего смысла связь была между этим прекрасным, светлым вечерним небом и адом, бушевавшим на земле. Грохот освободительной битвы гармонировал с благородной тишиной и покоем неба.

В этот вечер мы сидели на бревнах возле командного пункта командира гвардейской дивизии генерала Горишного. Капе генерала помещался в брошенном немцами дзоте. Массивные бревна пахли сосновой смолой.

Горишный рассказывал о ходе боя. Ожесточение битвы на правом берегу Днепра напоминало бои в Сталинграде. Десятки злых контратак предпринимали немцы. Самоходные пушки, огонь тяжелых минометов, артиллерия и авиация поддерживали немецкую пехоту, поднимавшуюся по многу раз на день в тщетном стремлении сбросить наших бойцов в Днепр. Многократно возникали гранатные бои, завязывались рукопашные схватки, в которых наши бойцы кололи немцев штыками, рубили лопатками. В медсанбаты поступают раненые с штыковыми и ножевыми ранами. Трудно было закапываться в первое время, когда бои шли на самой прибрежной полосе, - едва бойцы вырывали в песке окоп глубиной в полметра, как выступала вода и стены окопов заваливались. Теперь, когда шаг за шагом наши войска расширяют плацдарм, когда на правом

берегу обосновалась не только пехота, но и мощная наша техника, когда под ногами бойцов твердая почва, когда за спиной уже не десятки и сотни метров, а километры пройденной по Правобережью земли, нет уже силы, способной отбросить нас обратно, нет силы, которая может помешать нашему движению вперед. Горишный подходит к телефону, находящемуся в неглубоком окопе, и разговаривает с командирами, ведущими бой.

И с ними он говорит таким же спокойным, несколько протяжным голосом украинца, каким беседует с нами. Многих командиров называет он по имени и отчеству, ведь людей дивизии связывает долгая боевая дружба. И, может быть, потому так спокойно звучит его негромкий голос здесь, на Днепре, что крепка и непоколебима его вера в людей, сражавшихся вместе с ним у Мамаева кургана и на заводе "Баррикады" на великом волжском рубеже.

Иногда Горишный прислушивается к хаосу звуков, на слух определяет, что происходит на поле боя, какой из его дивизионов открыл огонь, по какому из батальонов сделал огневой налет противник. Хаос боя не был для него хаосом, он уверенно разбирался в нем и читал его. В этот вечер, когда в высоком небе стояла ясная тишина, и на земле, в дыму, среди туч земли и песка, поднятых взрывом, шел бой, пролилось много крови сталинградцев. Донесли, что убита сотрудница медсанбата Галя Чабанная. Горишный и его заместитель, полковник Власенко, оба вскрикнули. Горишный сказал:

- Ах, ты, боже мой, когда после победы уезжали из Сталинграда, на остановках выбегали и в снег друг дружку бросали. И ее, помню, мы купали в снегу, и она смеялась так, что весь эшелон слышал. Никто во всей дивизии не смеялся громче и веселей.

Ранен был майор Максимов, заместитель командира полка. Это он обманул в первый день переправы немецких летчиков.

Пришел на командный пункт заместитель командира батальона старший лейтенант Сурков. Шесть ночей не спал он. Лицо его обросло бородой. Но не видно усталости в этом человеке, он весь еще охвачен страшным возбуждением боя. Может быть, через полчаса он уснет, положив под голову полевую сумку, и тогда уже не пробуй разбудить его. А сейчас глаза его блестят, голос звучит резко, возбужденно. Этот человек, бывший до войны учителем истории, словно несет в себе огонь днепровской битвы. Сурков рассказывает о немецких контратаках, о наших ударах, рассказывает, как откопал засыпанного в окопе посыльного, своего земляка, когда-то бывшего у него учеником в

школе. Сурков учил его истории; сейчас они боевые участники событий, о которых будут через сто лет рассказывать школьникам.

А вечернее небо становилось все величавей, выше, все торжественней. И под этим небом на холодном днепровском песке лежала мертвая девушка, смеявшаяся громче всех в дивизии, пришедшей с далекой Волги.

10 октября 1943 года

В полосе среднего течения Днепра наши войска продолжали вести бои по расширению плацдармов на правом берегу реки в прежних районах и на отдельных участках добились серьезных успехов.

Из оперативной сводки Совинформбюро

12 октября 1943 г.

Леонид Первомайский

Днепровская быль

Ночью, преследуя противника, вышли к Днепру. Низко плыли облака. Тишина нарушалась только позвякиванием оружия, стуком котелков и лопаток, шуршанием тяжелых сапог на песке да сдержанным говором бойцов. Продвигались не спеша, спокойно, с какой-то особенной торжественностью, которая, впрочем, была легко объяснима...

Многие из людей, шагавших здесь в темноте, родились на берегах Днепра. Одни из них только что прошли через свои разрушенные села, видели родные хаты в дыму и огне, останавливались у колодцев, набитых человеческими телами, миновали истоптанные и выжженные поля. У других родной дом был еще впереди, за Днепром. Картина пройденного пути неотступно стояла у них перед глазами и толкала вперед. Они шли в торжественном и суровом молчании, как подобает солдатам, которые знают, что лучший разговор с врагом - на языке оружия. Для тех же, кто не был уроженцем здешних мест, торжественность минуты заключалась в том, что после тяжких военных трудов, преодолев с боями больше пятисот километров, они вышли к рубежу, достичь которого было счастьем их товарищей, а значит, и их счастьем.

Старые бойцы, стоявшие на Днепре еще в сорок первом, также молчали. Они многое вспоминали в эту ночь. Было то, что часто случается в жизни. Идешь к любимому человеку из великого отдаления, которое могло быть воплощено и в верстах, и во времени, и в чувстве, всей исстрадавшейся душой стремишься к нему и бесконечно думаешь о встрече, о тех словах, ласковых и нежных, которые нужно сказать. Но вот ты пришел, и радость встречи так велика, что никакие слова не в силах

выразить ее; не высказать то, что ты пережил и передумал в разлуке, и ты стоишь молча, и только глаза говорят за тебя: посмотри, я долго шел к тебе, но вот я пришел...

Так думал лейтенант Орлянко, стоя в темноте на берегу Днепра. Завернувшись в плащ-палатку, он вздрагивал от ночной прохлады и сырости; на душе у него было светло, как в праздник.

Лодки отделились от берега и, бесшумно подталкиваемые баграми и веслами, поплыли. Вскоре они исчезли из виду, словно растаяли в ночной темноте. Бойцы и офицеры, оставшиеся на берегу ждать своей очереди, лежали на сыром песке и, слушая мерный плеск речной волны, вглядывались в эту темноту, как будто старались угадать, чем она встретит их в следующую минуту. Вскоре лодки вернулись и увезли на правый берег новых людей, которые бережно погрузили с собой пулеметы и ящики с патронами, противотанковые ружья и боеприпасы, гранаты, минометы и сухой паек в больших бумажных мешках.

Переправа под боком у противника проходила успешно. Время и место для нее были выбраны очень удачно. Все чувствовали это и радовались удаче, хотя, конечно, каждый знал, что в любую минуту переправа может быть обнаружена, и тогда торжественность этой ночи превратится в кромешный ад, а ласковые воды Днепра закипят. Понимал это и лейтенант Орлянко. Он ходил по берегу, в нетерпении ожидая своей очереди переправляться, - у него все было наготове: и люди, и кабель на катушках, и все прочее, необходимое для связи. Оставалось только получить приказ и действовать.

К рассвету над рекой поднялся густой туман. Правый берег не был виден, да и здесь, на левом берегу, люди двигались, словно серые тени. На плотах через реку прошли легкие пушки. Орлянко знал, что сейчас его черед, и чувствовал себя уверенно: в тумане он надеялся переправиться без потерь. Но как раз в это время на правом берегу закипела перестрелка - переправившийся батальон капитана Безруких вступил в соприкосновение с врагом.

"Ну, теперь началось", - подумал Орлянко, шагая по берегу к связистам.

Прежде чем он успел отдать им приказание, начался обстрел реки и берега. Туман завыл и загрохотал, послышались крики, стоны раненых. Его людей не затронуло, они все были в сборе; катушки с кабелем лежали на песке, зеленые коробки полевых телефонов стояли тут же. Линия связи уже была протянута к самому берегу, теперь оставалось тянуть ее дальше, сидя в лодке и разматывая кабель с катушки... Все это было бы делом простым и несложным, но грузить кабель приходилось под огнем вражеских батарей, а плыть предстояло по реке, в которую то и

дело шлепались снаряды и мины.

Лейтенант Орлянко приказал грузиться в лодки и, пока бойцы хлопотали у катушек и прочего имущества, снова оглядел берег, как бы соображая, что еще следует захватить с собой.

- Кабель-то нужно опускать на дно, иначе его сносить будет, - вдруг вспомнил Орлянко, и ему стало еще радостнее на душе оттого, что не забыл этой важной необходимости.

- Готово? - крикнул Орлянко, в последний раз оглядывая берег. Отчаливай!..

Он прыгнул в лодку, старшина Нехорошее оттолкнул ее от берега и вскочил вслед за ним. Бойцы налегли на весла, и лодки стали медленно выходить на днепровский простор.

Двигались медленно, кабель раскручивался с катушки и погружался в воду, увлекаемый на дно грузилами. Днепр был здесь широк и приволен, кручи правого берега открывались вдалеке, по-осеннему пышные и яркие. Как ни старались гребцы, они приближались медленно, точно это было во сне, где все движения замедленны и потому особенно памятны.

С правого берега, укрытая где-то в складках высот, непрерывно стреляла артиллерия. Снаряды пролетали над лодками, но к их свисту относились с привычным спокойствием. Ясно было, что это не прицельный огонь; снаряды падали беспорядочно.

Но вот появились вражеские бомбардировщики. Всего их было двенадцать: они летели низко, распластав тяжелые крылья и ожесточенно гудя моторами. Зенитки с левого берега открыли по ним огонь, но самолеты упрямо летели к цели, бомбили каждую машину на подступах к Днепру и каждую лодку на реке.

- Выручай катушки, если что! - успел крикнуть Орлянко и в ту же минуту услышал адский гром. Его захлестнуло водой, перевернуло и потащило на дно, но он, напрягая все силы, толкнул головой воду и вынырнул.

Лодок не было. Людей тоже не хватало. Только четверо, тяжело противоборствуя взбушевавшейся волне, находились недалеко от него. Они плыли парами, держа между собой катушки с кабелем. Кабель разматывался, но грузил уже не было, его сносило течением, и это еще больше затруднило работу пловцов.

Орлянко подплыл к Нехорошеву и Гатуеву вовремя -кабель на катушке кончился. Все теперь понимали друг друга с полуслова. Гатуев, держа конец кабеля в зубах, отдыхал, лежа на спине. Нехорошее поплыл к Дроботу и Василенко, удерживавшим на воде тяжелую катушку с новым кабелем.

Втроем они добрались к Гатуеву и Орлянко. При помощи

движений ног держась на воде, лейтенант стал наращивать кабель. Это стоило больших усилий, тем более что с самолетов их заметили и стали обстреливать. Гатуев был ранен в правое плечо, кровь его окрасила днепровскую воду. Товарищи помогали ему, они плыли к правому берегу, поддерживая катушку и раненого, выбиваясь из сил, коченея в холодной воде.

В это время Орлянко был тоже ранен. Он почувствовал тяжесть во всем теле и, прежде чем связисты успели помочь ему, ушел под воду; понимал, что тонет, глаза его были открыты - он видел солнечный свет, падавший на дно реки сквозь зеленовато-желтую воду, но не мог сделать движения, не мог сопротивляться силе, тянувшей его на дно.

... Лейтенант Орлянко очнулся на берегу. Он увидел над собой раскрасневшееся усатое лицо Нехорошева, державшего его за руки. Угрюмый Василенко больно нажимал ему на живот. Затем они подхватили его, как ребенка, и подняли над телефонным аппаратом, у которого возился мокрый ефрейтор Дробот.

Была тишина. Снова было удивительное красноречивое молчание, в котором выражалась жизнь со всей силой и страстью. Над собой Орлянко видел чистое небо, на кручах свистели птицы, широкая полоса реки лежала перед ними, а у самого его тела, похожий на длинного оливкового ужа, уходил в воду кабель, который они протянули сюда...

13 октября 1943 года

Евгений Кригер

Чуден Днепр...

Белые песчаные дюны. Черные, уже холодные бревна пожарища. Синяя вода. А за синей водой - город на высоких холмах. Стоит на минуту закрыть глаза, и памятью, мыслями, старой болью, не оставлявшей нас эти два года, как прижившийся в человеческом теле осколок, вспомнить Киев таким далеким, каким он был для нас в дни сражений на Волге, за Кубанью, за Доном, за Тереком, - и чудом кажется эта минута, когда снова открываешь глаза и видишь с левого днепровского берега милый наш Киев. В семье советских городов он был одним из самых красивых и самых счастливых братьев. Его оторвали от нас, и таким далеким он стал, что путь к нему измеряли всей землей, разделявшей нас, всей кровью этой земли, друзьями, погибшими в Приднепровье, ночными слезами о них, слезами, которые наутро сушил ветер боя.

И вот мы снова у Киева. Белый песок у Днепра, такой мягкий, легкий, что вспоминаются детство и игры в песке. Громада сражения передвинулась в обе стороны по Днепру и за Днепр

ушла, а тут странная тишина тяжело нависла над городом, над лаврой, венчающей холм, над домами прибрежных кварталов, над рекой, посиневшей от холода. Все как во сне, все не верится встрече.

На том берегу, боясь выдать себя раньше времени, молчат немецкие батареи и пулеметные гнезда. На виду у них вцепились в песок, окопались, зарылись и ни за что не отступят назад наши пехотинцы на Трухановом острове, где и зарыться-то некуда, все плоско и голо, песок и вода. Но перед Киевом даже песок стал крепче гранита для нашей пехоты. Ночью обманчивая тишина взрывается вражескими залпами. Стрельба с того берега сводит реку, как судорога. Осколки с воем гаснут в холодной воде, и залпы внезапно захлебываются. И опять тишина - тяжелая, грозная, чреватая бурей.

Покинем на время эти места, оставим предмостный поселок у Киева, сожженную Дарницу, мертвые Бровары, тлеющие дачи на белом песке среди сосен, гранитную дорогу на берегу со взорванным мостом. Окинем взглядом киевские холмы, зарево над Подолом, безмолвие камня. Мы еще вернемся сюда и будем на этих холмах, в милых осенних садах над Днепром, будем в Киеве. А теперь время быть на земле, куда передвинулся бой.

* * *

Переправы. Ночью, а если наберетесь смелости, то и днем вас приведут к новым мостам, обожженным фашистскими бомбами, проломанным и вновь восстановленным. Дерзость наших саперов сращивает днепровские берега. Их не разорвать теперь врагу. Бой перекинулся на Правобережье. Днепровская вода стала опорой штурма наших войск. Вода в местах переправы будет твердью, гранитом: здесь трудится советский сапер. Назад пути нет. никто не мыслит о нем.

Огневой вал артиллерии пылает на правом берегу, и войска идут на него, как на свет новой зари. Предутренний туман встает над землей в районе Киева, но это туман штурма, войны, это дымы артиллерии. Переправы питают бой патронами и снарядами, потоком штурмовых батальонов, боезапасом, полковыми обозами. Теперь переправа -это мост, скрепленный железными крючьями, выдерживающий тяжесть танков.

Первые переправы едва несли на себе человека. Ни дерева, ни железа, ни мостов, ни понтонов. Гитлеровцы считали Днепр неодолимой преградой. Они ошиблись. Наши солдаты, пробившиеся к Днепру, с ходу перенесли бой на воду, кинулись вплавь, сделали самую воду дорогой, плыли не только на баркасах, лодках, плотах, но и на дощатых воротах, притащенных из сожженных крестьянских усадеб, плыли на бочках, набитых

соломой мешках, - на всем, что держит вода, за что человек может ухватиться рукой. И фашисты увидели, как Днепр рушится на них свинцовыми брызгами из клокочущей штурмом воды, взводами штурма, переплеснувшего первых бойцов на тот берег, первым залпом пехоты на песчаных отмелях Правобережья.

Первых наших бойцов бросила в воду не только инерция боя на предмостных укреплениях врага, не только знакомое солдатам упоение штурмом. Их повел в воду железный расчет командиров. Отвага и разум соединились в этом беспримерном броске с ходу, без отдыха, без передышки -за Днепр, на тот берег. Немецкие войска отходили к Днепру, стекались к немногочисленным днепровским мостам. В местах переправы фронт фашистского отступления принимал форму воронки: поток немецких дивизий в районе мостов, узкое горлышко переправы. Из этого горлышка гитлеровцам предстояло вновь растекаться по правому берегу, занимать оборону. Самый нужный, самый счастливый момент для наших штурмующих рот. Перебросить первых бойцов через Днепр, пока воронки вражеской переправы еще бурлят отступлением, пока поток дивизий еще не полностью разлился по сторонам и не застыл плотным фронтом на том берегу.

Так начиналось это сражение. И были ночи переправы, ночи героев. Вспомним о них теперь, когда через Днепр перекинулись крепкие наши мосты, когда переправы охраняются батареями зенитных орудий, когда не отдельные бойцы, а целые дивизии идут на ту сторону. А в первую ночь успех переправы решался на многих участках дерзостью одиночек, упорством мелких подразделений.

Дул сильный ветер, Днепр беспокойно шумел и метался во мгле. Давно не помнят в тех местах такой непогоды. Небо затянуло черными тучами, мгла встала стеной от земли до самого неба, глухого, беззвездного. А на том берегу были гитлеровцы, их пулеметы, их батареи, танки...

Вспомним это сегодня на крепких наших мостах через Днепр.

В батальоне капитана Саввы, в роте старшего лейтенанта Лещенко вызывались охотники. Одной только смелости мало, нужны хватка, цепкий хозяйственный ум, умелые, хитрые руки.

Старых мостов уже не было - их взорвали гитлеровцы. Бойцы искали лодок, и не было ни одной - их сожгли. Потом бойцы притащили откуда-то волоком две посудины. Еще две другие - дырявые, рассохшиеся - обнаружили где-то в сарае. К Днепру спешили мощные инженерные части, но первым бойцам не было времени ждать. Лодки они отыскали, но весел не оказалось; и весла сделали сами. Можно плыть!

- Погоди, - говорит кто-то, видно, человек прочной и

основательной мысли. - Погоди, не все еще. Ведра ищите!

Вот что порою годится для боя - обыкновенные ведра. Лодки были худые, со щелями. Ведра понадобились, чтобы вычерпывать воду. А немцы били с того берега минометами и артиллерией, в грохоте канонады бойцы искали на пепелищах ведра. Ведра нашлись, и началась переправа - одна из многих в ту ночь.

Первые наши люди вошли в воду, оттолкнулись веслом и скрылись во мгле, в неизвестности. Так мало их было на этом участке, непомерно мало в первоначальном броске через Днепр, что четырех утлых лодчонок хватило на них.

На первой посудине сидел и греб вместе с бойцами старший сержант Нефедов, и еще был у них на той лодке станковый пулемет. На второй лодочке командовал сержант Новосильцев, с ним плыли другие бойцы этой группы, имея ручной пулемет. На последних двух посудинах разместились остальные солдаты.

Лодочки сразу глотнули воды, Днепр бил в них сильной волной. Ведра пошли в ход с первых взмахов веслом. Не успели проплыть и семидесяти метров, как лодки затяжелели. Днепр потянул их на дно. Волна швыряла лодчонки из стороны в сторону, в темноте не стало видно, где левый берег, где правый, ветер рвал пену клочьями. А четыре горстки бойцов, избитых бурей, делали много дел сразу: гребли, выплескивали ведрами воду за борт, искали, снова теряли и опять находили курс на тот берег; и сберегали оружие, чтобы не намокло и не отказало потом в самое нужное время.

Ветром лодки растаскивало далеко одну от другой, но нельзя было допустить, чтобы и без того малую группу бойцов разметало и чтобы потом гитлеровцы расправились с каждой горсткой наших бойцов в отдельности. И на это ушло больше всего сил - держать лодки по возможности вместе.

Путь через Днепр отнял у первых десантников полных два часа времени. У одних руки были в крови, у других спины свело - у тех, что два часа кряду качались с ведрами, как заведенные, вниз и вверх, вниз и вверх, да еще на коленях.

Так бойцы дотянули до правого берега.

Только тут и началось настоящее дело, хотя других свалила бы с ног одна только двухчасовая гребля в том ночном шквале. Был берег - темный, неизвестный. От самой воды он тянулся песчаной отмелью до кустарника, дальше вздымался крутыми холмами. В кустарнике сидели гитлеровцы с автоматами, а наверху нависли над отмелью дзоты и траншеи, начиненные вражескими вооруженными до зубов солдатами.

И против этого крутого и хорошо обороняемого берега вышла из воды горстка наших бойцов. Тут же, в песке, в двух шагах от

воды стали они зарываться. В песке они дрались ночь, и еще день, и еще первые часы второй ночи, когда перебралась к ним вся рота Лещенко, и тогда стало легче.

Так было во многих местах на Днепре.

В ночной темноте нашим бойцам помогали чьи-то невидимые, неизвестные руки. Спустя четырнадцать часов боя, когда Новосильцев был ранен и нужно было его переправить, его переправили, но кто - неведомо до сих пор. Он был без сознания и не знает, не видел. Бойцы тоже не знают, бойцы держали оборону, держали переправу, у них не хватало времени выполнить вторую задачу - отправить назад четыре свои лодчонки для следующих бойцов. Когда потом подползли бойцы к берегу, лодчонки чьими-то руками были доставлены в нужное место, а с ними в беспамятстве раненый Новосильцев.

О таком ночном деле сразу родились легенды. Говорили еще о какой-то старушке, у которой оккупанты угнали дочерей и сынов в Берлин. В ту ночь она якобы пособляла бойцам. Работник армейской газеты искал потом старушку на всем берегу. Никого не нашел он. Но чьи-то руки, как бы там ни было, сделали нужное дело, лодочки оказались на левом берегу, а с ними спасен, доставлен к врачам Новосильцев.

Это - первая ночь переправы. Отряд Нефедова, двенадцать бойцов, зарывшись в песок, отразил тогда три вражеские контратаки. Когда через сутки началась четвертая, самая страшная, контратака, ее отбивала уже вовремя подоспевшая рота.

Штурм наш наращивался, за ротами шли полки и дивизии, и уже наводились большие мосты саперами. Днепр во многих местах переходил в руки Красной Армии. Бойцы майора Подсекайло втянулись в Правобережье, бились всю ночь и еще один день, и тогда в бессилии отвалились от них восемь волн немецкой контратаки. Это подразделение с боями протискивалось сквозь толщу немецкого фронта. В глубине они захватили пять вражеских пушек. Все пять были обложены минами. Мины убрали. Три пушки оказались исправными. Их повернули в сторону врага. Командир батальона капитан Чупай первым повел из тех пушек огонь.

А противник всей силой, согнанной из глубины, всеми дорогами, всеми резервами накапливал ответный удар. Тем ударом гитлеровцы собирались столкнуть наши роты обратно в воду, в Днепр, на дно, на гибель, на смерть.

Появились фашистские танки и бродячие, выскакивающие из-за холмов, стреляющие в упор "фердинанды". У наших бойцов не было за спиной иной опоры, кроме Днепра, ставшего в их

сознании крепче гранитной стены. То, что слабому духом грозит смертью и гибелью, становится для сильных опорой. Днепр мог стать для иных гибелью. Он стал их победой.

Наша пехота выстояла. При восьмой немецкой контратаке впереди роты появился командир полка майор Грибовский. Он позвал за собой автоматчиков. Не оборачиваясь, майор побежал вперед, увязая в песке. И по тому же вязкому песку побежала за ним на высоты целая рота. И другие роты справа и слева шли от Днепра в таком же песке, увязая, падали и опять поднимались, а немцы били с холмов, но за русскими был Днепр, и он был - как стена.

Первая ночь. Кто забудет ее из бывших в бою? Кто забудет семерых солдат переправы, семерых гребцов, награжденных дважды в ту днепровскую ночь? Оказавшись на берегу, когда не оставалось ни минуты на передышку, семеро солдат отыскали рыбацкие лодки и гребли, гребли, пока не сделали сорок восемь рейсов под ураганным огнем. Семеро солдат переправили за ночь целое подразделение нашей пехоты - в бурю, во мгле, в дожде, слепившем глаза. На берегу все семеро помогали грузить ящики и мешки, патроны и снаряды, потом опять садились на весла; сорок восемь рейсов через вздыбленный снарядами Днепр!

Летучая молва распространилась по берегу, молва о семерых покорителях Днепра - так их прозвали. Медалями "За отвагу" их наградил сперва командир полка. В ту же ночь после одного из рейсов им вручил ордена Красной Звезды командир дивизии. Вот имена шестерых - Дмитрий Семенович Конак, Лев Евгеньевич Гроссман, Николай Михайлович Сокольников, Иван Владимирович Третьяков, Алексей Егорович Хроменков, Петр Константинович Трофименко. А седьмой солдат переправы - Баряк, имя Евгений, отчества бойцы не запомнили. В ту ночь он погиб. Он был ранен, но весел не оставил, продолжал грести, пригнал лодку к берегу и умер там на руках у товарищей. Евгений Баряк, седьмой солдат переправы, посмертно награжден орденом боевого Красного Знамени.

Такова эта ночь. Песок и вода. Песок, вода и огонь. Днепр. Переправа. Штурм.

Октябрь 1943 года

1944

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской глиной,
И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.
Александр Твардовский

Илья Эренбург

Победа человека

Кажется, нет народа на свете, который так бы любил театр, как наш. Может быть потому, что в жизни наши люди чуждаются всего театрального, им не по нраву аффект, они избегают поз и с прирожденным недоверием относятся к пафосу. Итальянец или испанец объясняются в любви, как будто они на сцене. Они произносят потрясающие монологи. Наши девушки, услышав такие речи, решили бы, что над ними смеются. Наши юноши ходили месяцы и думали, как бы обыкновенней, невзначай сказать любимой о своих чувствах. Часто наши ораторы говорят о великих подвигах, как о повседневных заботах. В русской природе стыдливость, издавна наш народ облекает в скромную будничную одежду большие чувства и большие дела.

Много незаметного героизма показал советский солдат. На далеком севере, среди камней и пурги, стоят бойцы. Немцы здесь пристрелялись к каждой ямке. Любое неосторожное движение - это гибель. В такой войне нет ничего потрясающего ум или сердце, но она требует от человека большой выдержки и большого мужества. Неприметен героизм саперов, санитаров, связистов... На сцене война - это выстрелы, знамена, исторические фразы, труба горниста, мрамор победы. А война сложное и тяжелое дело - здесь и смерть, и сердечная тоска, и хозяйственная забота.

Мы увидели города и села, которые два года были в немецких руках. Навстречу Красной Армии выходят партизанские отряды. Они состоят из сильных и храбрых: это отбор лучших. Мы знаем про их подвиг. Мы знаем про дела "Молодой гвардии". В древние времена таких людей причислили бы к полубогам или к святым. Есть нечто исключительное в самой душевной структуре Зои Космодемьянской или Олега Кошевого. Но мы мало знаем о героизме людей, никак не рожденных для того, чтобы стать героями, о подвигах, которые рождались непроизвольно от простейших и в то же время прекраснейших добродетелей - от верности, от чести, от любви к родине, к соотечественникам, к правде.

Подлинные чувства проверяются в дни испытаний. Каждый школьник знает, что Советское государство -это общее достояние. Но вот настали годы суровой проверки. В городе Золотоноша была больница. В сентябре 1943 года немцы объявили: весь персонал должен эвакуироваться на запад, инструменты сдать немцам, а больницу сжечь. Обыкновенные люди - врачи, фельдшера, сестры, кладовщик, кухарка - начали необыкновенную войну. Они решили спрятать инструменты, скрыться от эвакуации и отстоять больницу. Они проделали ряд

смелых и хитроумных операций. Заведующий больницей доктор Кучерявый, рискуя жизнью, на глазах у немцев вынес три ящика с инструментами. Врачи и служащие закопали эти ящики. Весь персонал скрылся от эвакуации. В городе шли уличные бои. Служащие больницы, убив двух поджигателей, отстояли часть больницы - терапевтическое отделение и кухню. Из огня вытащили операционные столы, и в тот же день золотоношская больница возродилась для новой жизни.

В другой больнице, в городе Гадяче врач Монбланов, вместе со всем персоналом, спас сотни жизней. В больнице лежали раненые офицеры. Врач объявил их заразными больными, он искусственно поддерживал у этих "больных" температуру - 40 градусов. Он снабдил их гражданским платьем и документами. Он ободрял их, передавая сводки Информбюро и повторяя: "Скоро наши вернутся". Он говорил это не только в августе 1943 года, он говорил это и в августе 1941 года. Монбланов, другие врачи, сестры, все они хорошо понимали, что их ждет, если немцы узнают о спасении офицеров. Но врачи и сестры Гадяча думали не о себе - о своих согражданах, о своем долге. Трудно быть героем один день в бою, еще труднее быть героем два года, среди врагов и предателей. А сколько у нас таких врачей, таких сиделок, таких мужчин и женщин, беззаветно преданных своей родине и своему делу!

28 августа 1941 года возле Люботина летчик Киреев выбросился на парашюте с горящего самолета. Он был тяжело ранен. Немцы видели, куда приземлился летчик. Видела это и Вера Григорьевна Сахно, уроженка города Вильно. Она спрятала Киреева в подвале. Пришли немцы, устроили обыск, грозили Вере Григорьевне расстрелом. Она молчала. Она выходила раненого летчика.

В Речице жила семья капитана Урецкого - жена и девятилетняя дочь Лариса. Когда немцы пришли за ними, Урецкая сказала: "Беги, Ларочка". Мать расстреляли, девочка в слезах бродила по городу. Ее приютила Елена Даниловна Богданова. Немцы узнали, что дочка капитана Урецкого скрывается в Речице. Они вызвали в гестапо Богданову, допрашивали, грозили виселицей. Елена Даниловна не выдала девочку.

Мы часто говорим о дружбе народов. Это великое чувство тоже подверглось страшной проверке. Тяжело раненный офицер морской пехоты Семен Мазур, по национальности еврей, убежал от немцев. Он скрывался в Таганроге. Его спрятала Клавдия Ефимовна Кравченко. Доктор Упрямцев лечил Мазура. Узнав, что раненый офицер - еврей, доктор снабдил его документами одного

умершего больного. Доктор Упрямцев спас многих сограждан. В июле 1942 года немцы его расстреляли. На хуторе Красный Боец в Ставропольском крае скрывался от немцев еврей Клубок шестидесяти девяти лет от роду. Его прятали, рискуя своей жизнью, колхозники Семинихин, Авраменко, Савченко, Максименко. Когда немцы в Харькове убили всех евреев - стариков, женщин, грудных детей, Марии Сокол удалось убежать с тракторного завода. Она нашла приют у Кирилла Арсентьевича Редько. Он скрывал евреев и жен украинских командиров и за это был повешен немцами. Нет, не чернилами - кровью лучших написаны слова о дружбе советских народов, и никаким темным силам мира не стереть этих слов!

В городе Сумы старая женщина спрятала бюст Ленина. Она вынесла его в тот день, когда пришла Красная Армия. Я не знаю имени этой героини. Но не скрою, с глубоким волнением глядел я на памятник, который пережил годы мрака. Не бронзу спасла неизвестная гражданка, но свое сердце и сердце России.

Мне могут сказать: почему вы рассказали об этих людях? Ведь много других, столь же честных и смелых. Да, очень много. Величие описанных мною подвигов именно в этом. Оставаясь будничными по форме, они полны такого духовного подъема, такой глубины, что благоговейно повторяешь каждое имя. Напрасно наши враги пытаются объяснить свои поражения одним превосходством, количественным или качественным, нашей материальной части. Кроме танков, имеются танкисты. Да и танки не растут в степи, их делают люди. С первого дня войны все мыслящие и чувствующие знали, что мы должны победить, потому что за нами высокие добродетели советского человека. Немцы взывали к самым низким инстинктам, они пытались спаивать, натравливали одних на других, поощряли кражи, лихоимство, доносы. Они нашли предателей, моральных уродов. Но все, что было основного в стране, ее почва и подпочва, совесть народа и совесть каждого отдельного гражданина восстали на захватчиков. Забудем на час о границах, возьмем в обнаженном виде человеческие ценности и, глядя на наши прекрасные победы, с полным правом скажем: это прежде всего победа человека.

Войска Ленинградского фронта в первой половине января месяца перешли в наступление против немецко-фашистских войск, державших в осаде город Ленина... Войска Ленинградского фронта ударами из районов Пулково и Ораниенбаум прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев к юго-западу от Ленинграда.

Из сообщения Совинформбюро

22 февраля 1944 г.

Николай Тихонов

Победа!

1.

Когда ленинградцы встречали новый, сорок четвертый, год, они понимающе улыбались друг другу, говоря о новом счастье и новых успехах. Прежде всего они подразумевали под этим освобождение родного города от блокады и разгром немцев под Ленинградом. Затянувшаяся блокада с ее унылыми обстрелами, с ее печальными жертвами заставляла ленинградцев работать с какой-то исступленной энергией, готовя тот час, когда Ленинград подымется для решительного боя.

Час этот был неизвестен, но все знали, что он близок, все хотели этого, но в оживленной сутолоке, в рабочем упорстве каждого дня никто не говорил об этом открыто. Правда, январь месяц для Ленинграда полон особого значения, потому что в прошлом году он был ознаменован таким громадным событием, как прорыв блокады.

В январе сорок четвертого года картина города ничем не выдавала подготовки к новому удару по немцам. Усилившийся обстрел говорил о нервозности врага, о том, что он мечется в тревоге. Напрасно из Берлина кричали, что ленинградский вал немецкой обороны неприступен и можно спать спокойно, - немцы не спали.

Пленные, захваченные разведкой, показывали, что получен приказ, несмотря на глубоко эшелонированную сеть укреплений, еще усилить ее на переднем крае, выстроив на участке каждого батальона по два новых больших дзота, перегруппировать артиллерию.

2.

Пока в городе занимались уборкой свежевыпавшего снега, расчищали трамвайные пути, объявляли новые нормы соревнований заводских бригад, на фронте все зашевелилось. Все чувствовали, что что-то приближается.

И в учебных занятиях, и в беседах по текущему моменту ощущалось то сдержанное нетерпение, какое всегда рождается вокруг события, которого все ждут и о котором условились не говорить.

Генерал, приехавший с другого фронта, слушая доклад о немецких укреплениях, сказал просто:

- Да, это серьезная линия, это очень сильная, очень сложная линия. Вот мы ее и кончим!

Бронебойщик, поглядывая в сторону немецких окопов, на вопрос, какая разница между "тигром" и другими тяжелыми немецкими танками, ответил не сразу, а подумав и с

уверенностью знатока: "Разница такая - "тигры" горят дольше!"

Но и военные и городские люди посматривали с опаской на погоду. Погоды не было. Вместо мороза расползалась какая-то слякоть. И незамерзшая Нева, и лужи на улицах, и мелкий тонкий лед на заливе заставляли людей хмуро морщиться и бормотать всякие неприятные слова насчет небесного хозяйства.

Наконец в сумрачных рощах за Ораниенбаумом, под Пулковской высотой, на предгородской равнине перед Пушкиным - всюду началось оживление. Были командиры и солдаты, командированные в город по служебным надобностям с той стороны залива, и они узнали, что им надо возвращаться немедленно в свои части.

Но, к их глубокому горю, залив представлял мешанину из снега и льда. По этой мешанине не шли мелкие суда, идти пешком - смертельная опасность.

И все-таки люди пошли. Они шли по льду, который качался под ногами, они торопились во что бы то ни стало добраться до того берега, где их товарищи уже готовились к бою. Пришлось вернуться с дороги. Залив не пропустил. Я видел одного командира. Он метался между Лисьим Носом и городом, не зная, что предпринять. Но он не мог оставаться в Ленинграде. Два с половиной года он дрался на своем бронепоезде, и мысль, что сейчас бронепоезд уйдет в бой без него, сводила его с ума. Таких, как он, смельчаков, бросившихся в опасный путь по заливу, было много. Какова была их радость, когда они узнали, что можно попасть к себе: кому по воздуху, кому на специальных судах. Они уезжали счастливые, они торопились в бой, как на праздник.

Это было всеобщее огромное воодушевление. Я видел молодого лейтенанта, который говорил восторженно: "Больше нас ничто не остановит. Я это чувствую всем сердцем и могу подтвердить чем хотите. Я лично буду драться так, что вы обо мне услышите!"

Возбуждение проникло на передовые. Артиллеристы и саперы, снайперы и танкисты - все готовились, все проверяли оружие и снаряжение, хотя и так все было проверено не раз. Генералы обошли весь передний край под минометным обстрелом. Единое чувство наступления охватило войска. Цельность этого большого чувства была удивительна. Больше нельзя терпеть немца под Ленинградом. Враг созрел для гибели. Но он не отдаст ни одной траншеи без упорного сопротивления. Сила встретит силу. Но сила ленинградцев должна побороть вражескую.

3.

Весь город был ошеломлен гигантским гулом, который, как

смерч, проносился над Ленинградом. Много стрельбы слышали за осаду ленинградцы, но такого ошеломляющего, грозного, растущего грохота они еще не слышали. Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища. куда падают снаряды. Но снаряды не падали.

Тогда стало ясно - это стреляем мы, это наши снаряды подымают на воздух немецкие укрепления.

Весь город пришел в возбуждение. Люди поняли, что то, о чем они думали непрестанно, началось. А голос ленинградских орудий ширился по всей дуге фронта. Били орудия на передовой, били тяжелые орудия из глубины, били корабли, били форты, говорил Кронштадт.

Разрывы немецких снарядов, падавших на южные окраины города, не были страшны в этих волнах грохота, превращавшегося в бурю возмездия. Тонны металла разбивали немецкие доты, превращали в лом пушки, рвали на части пехоту, обрушивали блиндажи, сравнивали с землей траншеи. Куски разорванной проволоки взлетали к небу. Рвались мины на минных полях. Черные тучи дыма застилали горизонт.

Что чувствовали уцелевшие гитлеровцы, оглушенные и обезумевшие от ужаса, прижавшиеся к стенкам окопов и укрытий, нас не интересует. Но когда поднялась первая цепь наших автоматчиков, перед которыми еще клубились дымы наших разрывов, она, эта цепь, рванулась вперед с такой неудержимой силой, что немцы побежали перед нею. Автоматчики шли во весь рост.

- Красиво идут! - говорили про них наблюдатели.

Гвардейцы Симоняка поддержали свою гвардейскую славу. Воскрес дух героев прорыва блокады. Войска генерал-майора Трубачева, бравшие Шлиссельбург, бившие белофиннов на Вуоксе в свое время, войска генерал-майора Якубовича, генерал-майора Фадеева - все бывалые воины Ленинградского фронта начали историческую битву, разгром немецкой орды, которой уже не могли помочь никакие укрепления.

Артиллеристы получали приказы передвинуть позиции вперед, на юг, на три, на пять, на семь километров. Два с половиной года стояли иные орудия на одном и том же рубеже, передвигаясь только вдоль него, и, получив такой приказ, люди на руках переносили орудия, задыхаясь от гордости и радости.

Есть нечто заколдованное в том ничьем пространстве, которое годами лежало между позициями нашими и немецкими. На этой темной от воронок земле, среди минных полей и проволочных преград прокладывали себе путь только разведчики. Враг жил, именно жил, там у себя в блиндажах, точно он и впрямь

решил больше не уходить отсюда. И в молчании этого настороженного, пристрелянного пространства, казалось, нельзя выпрямиться, нельзя идти как хочешь, нельзя преодолеть его одним стремительным ударом.

И вдруг это случилось. Сразу рухнула таинственность этого пространства и этих первых неприятельских окопов. В блиндажи врага полетели гранаты, и, когда атакующие оглянулись в пылу атаки, увидели пройденные три линии окопов. Четвертая линия окопов встретила атакующих нестройным огнем.

Опомнившись, немцы стали драться яростно, драться до конца. Да им и некуда было податься теперь. Удары сыпались на них со всех сторон. Уже зарево стало над Петергофом и Стрельной. Уже у Ропши появились наши танки. Уже Дудергофская гора встала перед нашими вплотную. И пошло разрастаться великое сражение под Ленинградом.

4.

Священные руины Петергофа, Павловска, Пушкина, Гатчины явились перед победоносными ленинградскими войсками, чтобы всей надрывающей душу трагичностью своих обвалов, пробоин, обожженных и разбитых стен звать к отмщению. Даже тот солдат и офицер, который никогда не видел их великолепия в мирной жизни, и тот не мог удержаться от волнения при виде того, во что обратили варвары наследие нашего прошлого.

Поваленные деревья вековых парков лежали, как мертвые великаны. Обрывки старинной парчи, бархата и шелка носил ветер над дымом пожарищ. Картины и фарфор, растоптанные сапогами гитлеровцев, лежали в грязи разбитых аллей. Статуи без голов валялись в кустарнике. Огонь пожирал остатки домов. Горело вокруг все, что могло гореть.

Пустыня, заваленная трупами, разбитыми пушками и машинами; пустыня, где возвышались груды щебня и мусора, присыпанные снежком; пустыня, где не было ни одного живого существа, окружала наших бойцов. В подвалах домов, за пустыми стенами, зиявшими дырами, еще отсиживались смертники-фашисты, которые не успели бежать. Их кончали и шли дальше.

Кругом были немецкие доты, траншеи, блиндажи, пулеметные точки. Глубина обороны уже не пугала атакующих. Сколько бы километров ни тянулась эта чудовищная полоса, - все равно она была обречена.

День за днем развертывалась битва, уходя все дальше и дальше на юг. Немцы пробовали еще стрелять по городу, но это были последние разбойничьи выстрелы. Через час-два тяжелые желтью дула замолкали навсегда. Через несколько дней они уже стояли на Дворцовой площади, и ленинградцы смотрели на эти

чудовища, что терзали своими снарядами живое тело города. И вот они в плену, угрюмые, молчаливые, зловещие.

А в это время на другом фланге двинулись новые полки, загремела новая канонада. В этой страшной местности, что была ареной непрерывных сражений, среди незамерзших болот, среди торфяных ям и канав, повитых дымом торфяного пожара, начался штурм немецких укреплений. Было время, когда ленинградцы верили, что с падением неприступной Мги кончатся все бедствия блокады. Маленькая, затерянная в болотах станция стала символом борьбы за Ленинград. Совсем по-другому произошел прорыв блокады, но Мга завоевала себе навсегда мрачную известность упорностью и яростью боев. Тысячи немецких трупов утонули в ее болотах. Сотни тысяч снарядов резали болотные кустарники и кочки. Речушка Мойка, никому не известная, текла кровью в дни осенних боев этого года. На берегу нашей гордой Невы засели немцы, и даже после прорыва блокады их позиции от Арбузова до покрытого сотнями тысяч осколков маленького предместного редута на окраине села Ивановского разрезали наши войска, стоявшие по ту сторону реки Тосно и на северном берегу Мойки.

И вот пала Мга. Зашатались все доты по реке Тосно, и старый противотанковый ров за рекой увидел, как бегут немцы отсюда, где они зубами держались за каждый клочок земли. Мы узнаем позднее подробности этих боев, но теперь известно, что немцев нет больше на Неве, нет больше на всем пространстве от Шлиссельбурга до Тосно, нет их и дальше, а битва продолжается и уходит на запад, на юго-запад, на юг.

5.

Все дальше и дальше уходила битва от Ленинграда, и все глуше слышался грохот стрельбы и наконец исчез в отдалении. И тогда ленинградцы услышали радио, которое объявляло приказ войскам Ленинградского фронта. Это было 27 января. Этот день войдет в историю города, в историю народа, в историю Великой Отечественной войны, в историю мировой борьбы с фашизмом.

Город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника. В восемь часов вечера толпы ленинградцев вышли на улицы, на площади, на набережные. Кто передаст их состояние? Кто расскажет, что они переживали в эту минуту? Нет слов, чтобы изобразить их волнение. Все накопленное за годы испытаний, все пережитое воскресло и пронеслось перед ними, как ряд видений, страшных, невероятных, мрачных, грозных. И все это исчезло в ослепительном блеске ракет и громе исторического салюта. Триста двадцать четыре орудия ударили в честь великой победы,

в честь великого города.

Люди плакали и смеялись от радости, люди смотрели сверкающими глазами, как в блеске салюта возникал из тьмы город всей своей непобедимой громадой. И шпиль Петропавловского собора, и форты старой крепости, набережные, Адмиралтейство, Исаакий, и корабли на Неве, Невский - все просторы города освещались молниями торжествующей радости.

"Мужественные и стойкие ленинградцы! - говорилось в приказе. - Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом". И стояли подписи тех, кто был впереди войск, бравших победу, - Говоров, Жданов, Кузнецов, Соловьев, Гусев.

Так оно и было! И с этого часа начинается другой период жизни города, когда историк берет перо и начинает писать по порядку всю историю законченной трагической эпопеи.

Она уже в прошлом, но это прошлое еще вчера дышало всем полымем борьбы, и еще всюду в городе свежие шрамы и следы этой битвы, не знавшей равных в истории.

Наступает тишина восстановления. Но в ушах еще отзвуки всех бесчисленных выстрелов, в глазах еще картины невиданных подвигов, в сердце горестные воспоминания, подымающие человека на новые труды, на новые подвиги во имя жизни, во имя дальнейшей борьбы, во имя окончательной победы.

27 января 1944 года! Никогда не забудут тебя ленинградцы. И каким бы ни был пасмурным этот зимний день над Невой, он всегда будет сияющим днем для жителей великого города.

6.

Сейчас вспоминается все с самого первого дня, когда разорваны были пути, связывавшие Ленинград со страной, и пароходам некуда было плыть, и поездам некуда было уходить.

Но сейчас радость не приходит одна. И волна нашего наступления возвращает нам эти пути один за другим. Уже свободна Северная дорога, и через Кириши-Мгу поезд может идти в Ленинград, и свободна Нева, можно готовиться к весенней навигации, можно плыть от Ладоги до залива, не думая об опасности и не боясь ничего. И наконец открывается путь, самое название которого наполняет торжеством сердце: Октябрьская железная дорога очищена от немецких захватчиков.

Она, эта дорога, еще изрыта взрывами, мосты лежат в обломках, станции в руинах, шпалы сброшены с насыпи, рельсы

пошли на доты и надолбы, - но это ничего не значит. Есть свободный путь! Загудят паровозные голоса у стен, пахнущих свежим деревом, новые рельсы будут гнуться под тяжелыми составами и пассажирскими поездами, бегущими по старой, родной, прекрасной дороге от берегов реки Москвы, от Московского моря к берегам Невы, к берегам Балтики.

И ленинградцы воскресят свой славный экспресс - "Красная стрела". Русские люди возьмутся за восстановление так же рьяно, как они брались за освобождение родной земли от заклятого врага.

И будет исключительной силы событием для ленинградцев, когда они придут на Октябрьский вокзал встречать первый прямой поезд Москва-Ленинград. Сколько объятий, сколько восклицаний, сколько восторга и бесконечной радости.

Друзья обнимутся, как боевые товарищи. И по улицам, по которым никогда не проходил ни один враг, пройдут москвичи и ленинградцы, чтобы показать всему миру свое великое братство, проверенное страшными испытаниями, из которых они вышли победителями.

1944 год

Константин Федин

Ленинградка

Распространенное представление о русском характере, исполненном широты воображения, горячности, которая соединяется с мечтательностью и с пренебрежением внешними формами, -такое представление о русской натуре ленинградец дополнял и по виду даже опровергал устойчивостью вкусов, предпочтением строгих форм, дисциплиной, исполнительностью, почти педантизмом. Он, конечно, тоже был русской натурой, однако он доказывал, что рядом с широтою этой натуре свойственна целеустремленность, рядом с мечтательностью - самодисциплина, рядом с горячностью - постоянство привязанностей. Ленинградец расширял своею сущностью понятие о русском. Многого нельзя было бы уяснить в нашем характере без того, чем проявился он в петербургской, ленинградской культурно-исторической оправе.

Существо ленинградского патриотизма раскрылось в том, что он оказался глубоко русским и в то же время советским. Ленинград дал пример того, как бьется русский за землю отцов и как защищает советский человек родину своих революционных идей, свою новейшую историю. Строгий, дисциплинированный, суховатый, почти педантичный, ленинградец в войне против фашистов показал себя горячей, кипучей, фантастической натурой. Страсть - вот что обнаружил ленинградец прежде всех своих иных качеств, - страсть человека, от природы лишенного способности покориться воле врага. Пройдя огонь испытаний, патриотизм Ленинграда не утратил особой ленинградской окраски, но раскрыл свою природу как одну из самых страстных черт русского характера готовность на любые жертвы ради отчизны.

Мое свидание с Ленинградом подходило к концу, и я был рад, что в последний день пребывания там встретился с человеком, которого я мог бы назвать настоящим ленинградцем.

Это была молодая женщина, главный хранитель

петергофских дворцов-музеев. Чуть-чуть посмеиваясь над собою и одновременно с пылким порывом, она рассказала мне о своем первом посещении Петергофа после того, как оттуда были изгнаны немцы.

Сначала ее никто не хотел брать туда, где только что было поле кровавого боя, - зачем? Кому охота брать на себя ответственность за какую-то судьбу, когда в военном деле за каждый шаг спрашивают ответа? Но в конце концов упорной, не отступающей ни перед чем женщине удается уговорить каких-то офицеров, что именно ей необходимо раньше всех приехать в Новый Петергоф и немедленно увидеть дворцы, которым она отдавала себя целиком, которые она любила больше, чем собственность, чем близких, чем самое себя. Ей говорят, что машина не пойдет в Петергоф, а направляется в Гатчину, куда отодвинулся фронт. Она отвечает, что по пути. Ее нельзя переубедить. Она ничего не хочет слышать. Она уже сидит в машине.

Ее довозят до развилки дорог Гатчина-Петергоф. Автомобиль уходит. Она остается одна в необъятном снежном поле, рябом от взрытой снарядами земли. Она оглядывается. Исковерканные грузовики, разбитая пушка, зарядные ящики колесами вверх. Вон лежит убитый немец лицом в грунт. Ветер шевелит отросшими волосами на его шаровидном затылке. Проходит машина, другая, третья - все на Гатчину. В Петергоф не едет никто: это - тыл, оказавшийся в стороне от главной дороги войны. Вчера он был центром сражения, сегодня он никому не нужен. Женщина идет пешком, считая убитых немцев. Внезапно позади нее раздается грохот. Она видит - мчится танк. Она останавливает его, подняв руки. Танкист, выглянув из люка, долго не может понять, что ей нужно. Неужели она, одержимая, и правда надеется найти следы своего музея? Потом он говорит, что ему не по пути, он сейчас свернет в сторону. "А впрочем, залезай на танк!" Женщина взбирается на холодный, ледяной горб чудовища и, обняв замерзшими руками ствол орудия, трясется по рытвинам дорожной обочины. Этому счастью скоро приходит конец: танк сворачивает на проселок, танкист машет из люка черной кожаной рукавицей: "До свидания, смешная женщина, давай бог разыскать тебе твой музей!" Женщина идет пешком. Она уже перестала вести счет убитым, она не глядит на них. Непременно дойти засветло - вот ее цель. Ей везет: лошаденка, запряженная в сани, бойко выезжает из-за обгорелых домов поселка. Но надежда рушится так же быстро, как возникает: кучер, конечно, подвез бы женщину, но сани идут не в ту сторону, - это остатки имущества полевого госпиталя, который догоняет фронт. Надо маршировать

дальше, обходя воронки, перелезая через траншеи.

- Эй-э! - кричит ей кучер. - А насчет мин соображаете? Тут кругом минные поля.

Она просто не думала о каких-то минных полях, она идет напрямик. Не возвращаться же назад, когда она уже отшагала километров двенадцать и впереди чернеет длинная прямая полоса петергофского парка.

И вот она у цели. Она стоит на площади перед Большим Петергофским дворцом. Она смотрит на дворец. Нет, это неверно: она стоит, закрыв лицо ладонями. Ветер бьет ее, поземка крутится вокруг ее ног. Она покачивается, не сходя с места. Потом, когда она отрывает от лица застывшие мокрые пальцы, она уже чувствует себя другим человеком. Все, что она знала о своем Петергофе, существовало только в ее памяти. Перед ней лежали руины, из которых возвышались стены, напомнившие что-то знакомое. Что можно сделать из этих дорогих камней? Что еще сохранилось в этих свалках щебня? Она бежит по парку в Нижний сад. Всюду она встречает разрушения: в голландских домиках Петра - Марли и Монплезир, в Эрмитаже и на месте былых фонтанов. Все кажется ей сном, и, как во сне, все начинает исчезать в темноте зимнего вечера.

Она не узнает парка: дорожки и аллеи под снегом, деревья обезличены ночью. Только теперь усталость сковывает ее по рукам и ногам. Она насилу тащится глубокими сугробами, помня одно - что надо идти в гору. И вдруг она слышит голоса из-под земли.

- Да, представьте, - смеется эта женщина, дойдя до неожиданного поворота рассказа, - представьте мое состояние: я в снегу по колено, кругом тьма, я боюсь шагнуть, потому что уже понимаю, что меня хранит чудо, и в этот миг под землей раздаются голоса. Я осмотрелась, вижу -светится щель. Подошла. Оказывается - землянка, блиндаж. И оттуда несется самый что ни на есть морской разговор. Я так обрадовалась! Отворила дверь.

Четверо балтийских матросов, на корточках, вокруг коптилки режутся в карты. Ну, конечно, вскочили они, видят - женщина. Проверили документы, разговорились. "Как же, - спрашивают, - вы уцелели, парк ведь не разминирован",- "А почем я знаю, как уцелела? Ведь вот разве я могла знать, что встречу наших балтийцев за картами?" -"Мы, - говорят, - из охранения сменились и вот отдыхаем". - "Ах, вы из охранения?" Подсела я с ними к коптилке и начала им рассказывать, как было в Петергофе до войны, какое преступление совершили враги, уничтожив наши памятники, и каким будет Петергоф, когда мы его восстановим.

- Восстановим? - перебил я.

- А вы думаете - нет? - воскликнула она. - Матросы ни на минуту не усомнились, что восстановим. Мы целую ночь проговорили с ними - как лучше взяться за восстановление. И, знаете, они теперь мои самые верные помощники по охране дворцов. Они собирают в парке всякие пустяки, осколки, обломки...

- Вот такие осколки? - опять перебил я ее, взяв со стола кусок позолоченной деревянной резьбы, который я подобрал в развалинах Екатерининского дворца в Пушкине.

Взглянув на меня испытующе и помолчав, она выговорила притихшим голосом:

- Самые вредные для нас, музейных работников, люди -это туристы. Зачем вы увезли обломок? На таких кусочках мы будем строить всю работу по реставрации. Я внушаю это сейчас всем и каждому. Мы, как пчелы, соберем наши дворцы из пыли. Мы возродим их из праха.

- Как только начнутся восстановительные работы, -сказал я, - я пошлю этот осколок по месту принадлежности, завернув его в вату.

Она опять поглядела на меня, точно испытывая - не шучу ли я, потом улыбнулась, поняв, что уколола меня словом "туристы".

- Мы немедленно возьмемся за восстановление. Конечно, это будет нелегко. Но вот я вам даю слово, что мы восстановим наш Петергоф так, что там не останется даже духа фашистского пребывания!

Я пожал ей руку с восхищением и благодарностью. Я был убежден, что она дает слово не напрасно. Верность слову составляет нераздельную часть ленинградского патриотизма.

1944 год

Несколько дней назад войска 3-го Украинского фронта, перейдя в наступление из районов северо-восточнее Кривого Рога и северо-восточнее Никополя, прорвали сильно укрепленную оборону немцев, продвинулись вперед за четыре дня наступательных боев от 45 до 60 километров и расширили прорыв до 170 километров по фронту.

Из оперативной сводки Совинформбюро

6 февраля 1944 г.

Борис Горбатов

Чувство движения

В Кривом Роге люди, два с половиной года судорожно жившие под страшной властью оккупантов, сейчас дрожать перестали. Многие месяцы прожили они в тоске и страхе. Шахтеры прятались по шахтам. По ночам вылезали "на-гора", прислушивались к артиллерийскому грому. Он приближался, он

нес им спасение. Они привыкли к шагам канонады - она шла к ним. На выручку. Они жадно ждали.

Артиллерийская гроза прошумела над городом, как спасительный дождь, и прокатилась дальше. На запад. Это - неотвратимое движение. И люди в городе это знают. Никто не спрашивает: неужто гитлеровцы вернутся? Они уже видели врагов, спасавшихся бегством. Видели и наши войска и нашу технику. Чувство победы стало всеобщим, решающим чувством.

Вместе с войсками пришли в город старые криворожцы-руководители. Председатель горсовета Зиненко приехал из далекого Мурманска. Родной город тянет. Родной город ждет хозяев и работников. Зиненко двигался вместе с войсками вслед за артиллерийским громом - это было движение домой, к труду. Вот он пришел. Недолгие объятия с земляками, и за работу. Темпы восстановления жизни в освобожденных городах теперь куда выше, чем в первые месяцы наступления, - мы научились и этому. Наступление строителей на разруху по-военному размерено часами. Каждый час приносит победу. Уже есть телефон. Сейчас будет радио на улицах. Скоро будет вода, свет, печеный хлеб. Это все крепости, и их берут с боя. Стосковавшиеся по труду люди работают жадно.

Из развалин своей редакции вытащил редактор Александр Криворог две печатные машины "американки". Наборщики разыскали шрифт в золе. Редакция ютится в уцелевшем сарае. Но первый номер газеты криворожцев уже вышел.

На шахту прибыл Алексей Семиволос. Он стосковался по родной криворожской руде. Богатая руда, такой нет в мире. Путь к ней лежит сейчас через развалины шахт, через море подземной воды.

Враг зверски разрушил шахты, заводы, поселки Криворожья. Но люди не плачут, не охают над руинами - они засучивают рукава. Можно разрушить дом нельзя испепелить жизнь. Мы видели бульвар в Днепропетровске. Над черными деревьями, изуродованными снарядами, поднялись уже тонкие руки новых ветвей. Сок бежит по древесным жилам. Это великое движение. Это - жизнь.

На железной дороге уже стучат кувалды. Темпы восстановления дорог поразительны. Мы любим благодушно, насмешливо поругивать наш "расейский беспорядок" и бездорожье - мы и не заметили, как в огне войны выковался такой порядок на наших дорогах, до которого немцам далеко. Но раньше железной вползла в Кривой Рог ВАД - военно-автомобильная дорога - с ее бесчисленными указателями, дорожными лозунгами, усатыми регулировщиками,

бензозаправочными пунктами и даже с офицерской гостиницей.

Дорога рвется через город на запад и на юго-запад. Регулировщик молодцевато салютует флажком танкистам. Все охвачено великим чувством движения. И это самое волнующее, что видишь здесь.

Движутся танки, орудия, обозы, забрызганные грязью грузовики везут боеприпасы. Идет пополнение. Оно идет хорошей дорогой - дорогой победы. Это не забудется в бою.

Дороги развезло. Оттепель. Туман. Грязь. И даже дождь в феврале. Грязь здесь густая, тягучая, мощная. Чернозем. Поля покрыты непрочным мокрым снегом и водой. Вода всюду. "По правилам" в такую непогодь наступать нельзя.

Но никто - ни командование, ни офицеры, ни бойцы не говорят себе: нельзя наступать в такую погоду. Напротив, все охвачено наступательным порывом. Великое чувство движения вошло уже в кровь и плоть советского солдата. На запад - это не только лозунг, не только клич, это -импульс. Это - приказ сердца. Тот, кто видел развалины Кривого Рога, тот, кто прошел от Волги до Ингульца, тот не может медлить. Он торопится. Он знает, как ждет освобождения родная земля. Он к ней идет.

Люди тащат орудие на себе по грязи. Если же свое орудие подтащить трудно, то можно и у немцев взять. И берут. Артиллеристы Лукьянчикова захватили немецкую пушку, выделили для нее новый расчет и бьют врага из его же орудия. Тысяча снарядов уже полетела на голову неприятеля. Теперь артиллеристы собираются еще прихватить у врага пушчонку.

Ни дождь, ни грязь не могут остановить наших пехотинцев. Здесь говорят даже, что туман и дождь - не помеха, а скорее подспорье. Туман для внезапного налета хорош, а по грязи врагу удирать труднее. Пользуясь туманом, разведчики ходят в лихие рейды. Группа сержанта Соколова прошла в тыл врага, напала на численно больший отряд гитлеровцев, девятнадцать убила, а офицера привела. Все чаще стали действовать наши подразделения ночью. Внезапными ночными налетами захватываются населенные пункты. По ночам же идет неутомимое преследование отступающих частей. Несмотря на непогодь, линия фронта все дальше отодвигается на запад и юго-запад.

Оккупантов тоже охватило чувство движения. Это движение рака, карабкающегося восвояси под корягу. Враг упирается, он не хочет уходить, он отчаянно сопротивляется, но глаза у него на затылке. Он смотрит назад.

В немецких письмах и дневниках один мотив: мы не знаем, сколько простоим здесь, но похоже на то, что очень недолго. Окончательно потеряв Днепр, они думают теперь о Южном Буге

как об обетованной коряге. Они отчаянно дерутся на каждом промежуточном рубеже. Они цепляются. Но в то, что устоят здесь, больше не верят.

Фронт движется... Несмотря ни на что - ни на грязь, ни на распутицу, ни на отчаянное сопротивление. Это движение - то более быстрое, то временно замедляющееся, но неотвратимое и ежедневное. На запад. К победе.

Март 1944 года

Литовский партизанский отряд "Вильнюс"Y за десять дней пустил под откос пять воинских эшелонов противника. Движение поездов на этом участке было прервано на несколько дней. Другой отряд литовских партизан разгромил вражеский гарнизон, расположенный в крупном немецком имении.

Из оперативной сводки Совинформбюро

24 марта 1944 г.

Антанас Венцлова

Мария Мельникайте

Уже в первый день войны полыхали огнем литовские деревни и города, подожженные бомбами фашистских самолетов и артиллерийскими снарядами. Страшными массовыми убийствами ни в чем не повинных людей в Паланге, Каунасе, Вильнюсе, Укмерге и других местностях враги стремились сломить сопротивление литовского народа. Но литовцы, на протяжении двухсот лет упорно боровшиеся с крестоносцами, были далеки от мысли подчиниться последышам псов-рыцарей - гитлеровским разбойникам.

Первые небольшие партизанские отряды в Литве начали действовать уже в самом начале войны. Под влиянием побед Красной Армии партизанское движение здесь выросло настолько, что для подавления его уже недостаточно обычных карательных отрядов. Оккупанты посылают против партизан регулярные войска, оснащенные артиллерией, танками и самолетами, сжигают деревни и истребляют жителей. Слава о подвигах партизан "Жальгириса", "Маргириса", "Вильнюса", "За Родину" и других отрядов разносится по всей Литве. Всевозрастающий фашистский террор, с одной стороны, а с другой - надежда на скорое освобождение приводят в ряды партизан сотни и тысячи новых борцов.

Среди этих тысяч в памяти литовского народа, как сверкающий алмаз, будет вечно сиять имя героической литовской девушки Марии Мельникайте.

Мария родилась в 1923 году в Восточной Литве, в одной из прекраснейших местностей края - Зарасай, в семье рабочего-слесаря. Она рано узнала нужду и горечь чужого хлеба.

Зимой Мария посещает начальную школу, а летом идет на работу к кулакам - пасет скот, нянчит чужих детей. Едва лишь успев выйти из детского возраста, за жалкие гроши она работает на конфетной фабрике упаковщицей. Только при Советской власти Мария, все время страстно стремившаяся к образованию, получает возможность учиться дальше. Она посещает вечерние курсы, много читает. Мария знает, что ей уже не придется пройти тяжелый жизненный путь ее матери, быть служанкой у богатеев. Она вступает в ряды комсомола, и перед глазами молодой работницы раскрываются красота и глубокий смысл новой жизни. Но ей недолго приходится радоваться своему счастью. Начинается война. Уже в самом начале военной бури ее родной город был превращен в груду пепла.

Вместе с другими не успевшими эвакуироваться юношами и девушками Мария уходит в подполье. Гитлеровские разбойники в Литве свирепствуют. Изо дня в день они расстреливают, вешают лучших сыновей и дочерей Литвы, охотятся за молодежью и угоняют ее на каторгу. Тюрьмы и концентрационные лагеря переполнены. Литва, которую Мария любит со всей страстностью своего двадцатилетнего сердца, залита кровью, превращена в дымящиеся развалины, среди которых вырастают все новые и новью могилы.

Мария начинает организовывать молодежь на борьбу с врагами. До Литвы долетают вести о разгроме фашистов под Москвой, а затем - и у Сталинграда. Сопротивление населения гитлеровцам все возрастает по мере того, как растет надежда на освобождение. Катятся под откос вражеские эшелоны, взлетают в воздух военные склады оккупантов. Партизаны неуловимы. И захватчики еще более усиливают террор против мирного населения.

Мария Мельникайте - одна из самых активных партизанок в Литве. Она возглавляет партизанский отряд. Своей отвагой, стойкостью, верой в победу вдохновляет молодых товарищей. А когда ее вместе с отрядом окружают фашисты у широкой, разлившейся в весеннем паводке реки, Мария призывает товарищей уйти от лютого врага, переплыть реку. Как всегда, первая подает пример сбрасывает одежду, бросается в ледяную воду и, уцепившись за проплывавшее бревно, добирается до другого берега. Таким же образом спасают свою жизнь и другие.

Наступает роковой день - 8 июля 1943 года. Мельникайте вместе с пятью товарищами уходит на выполнение боевого задания. Карательные части, уже давно выслеживавшие отряд, нападают на его след. В роще каратели окружают маленькую группу партизан. Нет пути к отступлению - со всех сторон враги.

И горсточка литовских партизан, воодушевляемая отважной девушкой, в течение целого дня ведет героическую борьбу с превосходящими их по численности силами. В неравной борьбе гибнут один за другим смертью храбрых все пятеро товарищей Марии. Мария еще жива. Она сражается до последнего патрона. От ее руки находят смерть семь фашистских палачей. Когда кончились патроны, Мельникайте отбросила автомат и метнула в подползавших врагов гранату, от которой погибло еще несколько гитлеровских бандитов. Увидев, что ей угрожает опасность попасть в руки врагов, тяжело раненная, обливающаяся кровью, Мария пытается взорвать себя, но не хватает сил выдернуть чеку гранаты.

Начинается последний акт жизни и борьбы героической партизанки. Мария Мельникайте - в когтях гестапо. Кто такая, откуда она, кто ее товарищи, от кого получили оружие? Мария смело смотрит палачам в глаза. Она чувствует всю безысходность своего положения, но вместе с тем и величие своей борьбы и все моральное убожество подлых врагов. "Я не боюсь умереть, - спокойно отвечает она, - от меня вы ничего не узнаете".

Долго продолжаются пытки. Кажется, что проходит целая вечность. Агенты гестапо переламывают ей пальцы, жгут ей ноги, вырезают груди. Мария, крепко стиснув зубы и полным ненависти взглядом окидывая своих палачей, до конца стойко прошла свой тернистый путь мучений. Услышав смертный приговор, Мельникайте сказала палачам:

- Я боролась и умираю за Советскую Литву! А вы зачем сюда пришли, что вы делаете в нашей Литве, фашистские псы?

И, все так же высоко подняв голову, Мария пошла на виселицу, поставленную на площади небольшого местечка Дукштас. Когда петля палача захлестнула ее девичью шею, героическая девушка, в последний раз бросив взгляд на родное небо и людей, которых согнали смотреть на казнь, воскликнула:

- Да здравствует Советская Литва!

Это было 13 июля 1943 года.

Навеки запомнили этот день жители Дукштаса. Этот день запомнил весь литовский народ.

Имя Героя Советского Союза Марии Мельникайте стало близким и родным всем советским людям.

24 марта 1944 года

Якуб Колас

Лагерь смерти

Безлесное моховое болото. Оно занимает гектаров 40-45. Снег еще полностью не растаял на нем, но между кочек уже проступают целые заводи. Неприветливо свисает над ним

холодное мартовское небо, подернутое облаками. Сырой, пронизывающий ветер, обильный мокрый снегопад проносятся над болотом. Оттепель сменяется морозами. Болото находится в зоне двустороннего обстрела. Оно обнесено колючей проволокой и густо заминировано со всех сторон. В этот холодный ад согнали немецкие душегубы несколько десятков тысяч мирного белорусского населения, ограбленного в пути, голодного, плохо одетого и обутого.

Никогда в жизни я не встречал такого количества и в таком виде изможденных людей. Они поистине прошли крестный путь, путь невыразимых мук и невообразимого издевательства. Эти люди - жертвы гитлеровских палачей и убийц. Это - сыны и дочери белорусского народа, немощные старики, женщины и дети. Для них устроили немецкие изверги чудовищный лагерь смерти в районе местечка Азаричи Полесской области.

Нельзя без содрогания сердца слушать рассказы людей, побывавших в когтях немецких хищников и освобожденных из их неволи. Жители разных областей и районов Белоруссии - Гомельской, Могилевской и Полесской рассказывают об одном и том же - о неслыханной жестокости, об издевательствах гитлеровских палачей. Рассказы их искренни, правдивы. В каждом их слове звучит глубокое страдание. Пережитое в пути к лагерю и в самом лагере глубоко вонзилось в психику страдальцев, наложило тяжелый отпечаток боли. Были случаи, когда люди не выдерживали ужасов нравственных и физических пыток и сходили с ума.

Четырнадцатилетняя Екатерина Хоменкова из деревни Фалевичи Рогачевского района рассказала:

- Осенью 1943 года, сразу же после покрова, немцы объявили новую мобилизацию мужчин и молодежи в Германию. Люди, кто как мог, стали уклоняться и прятаться. Обозленные немцы дотла сожгли четыре деревни, расположенные по соседству: Фалевичи, Толочки, Мортков, Волоки.

- В нашей деревне, - говорит Хоменкова, - немцы зверски убили 235 человек.

Из числа убитых она называет свыше пятидесяти имен, которые она помнит: Сущевская Анюта, Сущевский Леша, Антипов Клим, Антипова Маша, Антипова Надя, Антипов Женя, Хоменкова Мария, Хоменкова Ева и другие.

Люди гибли целыми семьями от мала до велика, от седых стариков до грудных младенцев, только-только явившихся на свет. Людей жгли в домах, а прятавшихся в подвалах забрасывали гранатами. Чудом уцелевшие люди убегали в лес, но немцы настигали их, убивали или же сгоняли в лагерь.

Потрясающее впечатление оставляет рассказ шестидесятидвухлетней белорусской крестьянки Арины Игнатьевны Гавриленко. Она родом из деревни Толочки Рогачевского района. Она потеряла четырех детей - немцы сожгли их заживо.

- Все жители нашей деревни Толочки, 287 человек, погибли. В огне сгорели: Красницкий Иван 50 лет, Гусев Петр 37 лет, Красницкая Александра 56 лет, Буслов Платон 37 лет, Красницкая Наталья 17 лет, Буслова Вера 30 лет, вместе с нею погибли ее шестеро детей, Жуковская Надя 28 лет, Захарова Ольга 50 лет и ее две дочери: Фрося 20 лет и Маня 16 лет, и многие другие жители.

Вспоминая о своем пребывании в лагере, Арина Игнатьевна не может сдержать слез. Она не может без глубокого волнения говорить о страданиях народа, о детях, очутившихся в лагере. Немецкие изверги безжалостно оторвали их от матерей, разлучили с ними. В лагере она увидела трехлетнего мальчика Евстафия Голубовского из Жлобина. Измученный, голодный ребенок, коченея от холода, бродит по лагерю, плачет и громко зовет: "Мама, мамочка, где ты? Я хочу кушать!" И он здесь не один, это осиротевшее маленькое существо. Их много. Они плотно прижались друг к дружке на холодной, обледенелой кочке, чтобы защититься от холода. Они уже не плачут, не ищут своих матерей. Они устали, обессилели, изголодались и больше не могут бороться за свою только что начавшуюся жизнь, жестоко обрываемую немецкими палачами.

- Сидят они, бедненькие, коченеют, пока смерть не придет к ним, рассказывает Гавриленко, и слезы текут по ее старческому изможденному лицу. Она, эта самоотверженная простая женщина, взяла мальчика Голубовского.

- Господи, - говорит в заключение Гавриленко, - если бы вы видели, как фашисты издевались над людьми, как они избивали их, как они избивали нас, женщин! Никакие мольбы, никакие крики, ничто не помогало. Это не -люди, это - звери... Нет, они хуже зверей.

О том, как сгоняли население в лагерь и какой путь пришлось ему пройти, рассказывает 19-летняя Людмила Пекорская, уроженка Жлобина:

- 12 марта 1944 года, под вечер, нас, уцелевших жителей города, заставили собраться в течение получаса. Кто не успевал и не выходил на улицу, немцы насильно выгоняли на улицу, а дома поджигали. Под угрозами расстрела, с окриками нас погнали на станцию Жлобин-Южная. Здесь отобрали молодых и куда-то увели их. Я оделась под старуху и поэтому вместе со стариками и

детьми попала в эшелон. Эшелон был огромный. Сколько там было вагонов, я не считала, но на глаз их было не менее ста. В вагоны загнали не только жителей Жлобина, но и многих согнанных из близких и дальних деревень. Вогнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери и не выпускали никого, пока не приехали на место. Куда нас везут, мы не знали. В вагонах поднялся плач: плакали дети, плакали женщины. Старухи рвали на себе волосы. Страшно было. К вечеру 15 марта мы прибыли на станцию. Мне кажется, это была станция Рабкор. Нас выгрузили из эшелона. Большая часть вещей осталась в вагонах. Ночью нас куда-то погнали. Шли мы и утопали по колено в грязи, а немцы подгоняли нас: "Рус, шнель! Рус, скорее!" Почти сразу же на станции раздались выстрелы. Это немецкие конвоиры стреляли в отстающих. Шли очень долго. Многие матери, несшие грудных младенцев, уже не могли двигаться и падали на землю. Загнали нас за какую-то изгородь. Утром, когда начало светать, мы оглянулись и увидели, что находимся на болоте. Рядом с живыми мы увидели мертвых. Это были погибшие за ночь. Из первого лагеря нас погнали во второй.

Тяжелая была наша дорога. Мы выбивались из сил, а немцы подгоняли нас, ломали на нас палки, стреляли в нас. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш не может идти дальше, отстает. Подходит немец и стреляет в него. Когда же мать и двое детей в ужасе останавливаются, солдат-зверь поочередно стреляет и в них. И таких случаев было много. Идут мать и сын Бондаревы. Худенький мальчик не выдержал этого пути и упал. Мать наклоняется над ним. Она хочет утешить его словом, ободрить. Но ни сын, ни мать уже не подымутся: немец-разбойник застрелил их. Из второго лагеря немцы погнали нас дальше, в деревню Белосевичи. Люди измучились, изголодались. Издеваясь над нашим страданием, фашистские звери стали бросать в голодную толпу хлеб, норовя попасть в лицо. Мы находились под открытым небом. Слякоть сменилась морозом. Дров не давали. Разводить костры не разрешили. Воды не было. Воду пили из грязного болота. Люди замерзали, умирали от болезней. Немецкие солдаты и полицейские врывались в лагерь, сдирали сапоги и оставляли людей босыми. Снимали пальто, свитера. Тут же в лагерях бандиты насиловали женщин. Когда к ночи окоченевшие от холода люди стали разводить костры, немцы без предупреждения открыли стрельбу. Многих убили и ранили. Рядом со мной были ранены 9-летний Толя Чикилев и Виктор Мельников. Оба они из Жлобина. Вблизи меня в одну могилу были зарыты сорок женщин и детей, умерших в одну ночь. Тут же некоторые женщины рожали и умирали вместе с

новорожденными.

Картину, нарисованную Людмилой Пекорской, подтверждает и дополняет другой житель Жлобина Петр Николаевич Гарташкин.

- В вагоне мы задыхались от недостатка воздуха, - говорит он. Выходить нас не пускали, и воздух еще более отравлялся. Когда нас начали выгружать, то люди, умирая от жажды, кинулись искать воду. Немцы пускали в ход автоматы, расстреливали тех, кто на несколько шагов отделялся от колонны. За глоток воды люди отдавали все, что было самого ценного у них: кольца, деньги, часы. Умирающие от мук жажды люди руками раскапывали землю и высасывали из глины влагу. 56 лет я живу на свете, но о таких ужасах, что принесли нам немцы, не приходилось и слышать. Будь они прокляты, лютые немецкие гады! Я бы их всех своими руками передавил.

Все эти рассказы и показания целого ряда других лиц свидетельствуют об одном: злодеяния немецких извергов совершались по одному и тому же плану, исходящему от фашистских главарей. План этот - преднамеренное истребление белорусского народа, всей душой ненавидящего Гитлера...

Все многотысячное население лагеря - люди нетрудоспособные. Молодых и сильных немцы угнали на каторгу, и судьба их неизвестна...

Фашизм и злодеяние - неотделимые понятия. С тех пор как фашистская Германия занесла над миром кровавый топор войны, не перестает литься невинная кровь. Велико страдание народов, подвергшихся нападению разнузданных гитлеровских орд. Немцы дошли до последней черты чудовищного злодеяния. Они чувствуют приближение позорного своего конца, и в последние дни своего издыхания они особенно зверствуют. Вот почему свободолюбивые народы должны как можно скорее нанести последний удар в сердце фашистского зверя.

19 апреля 1944 года

Андрей Платонов

Сын народа

Генерал, бывший прежде начальником подполковника Простых, может быть, лучше других знал своего офицера. Он сказал о нем: "Это вдохновенный человек, как бывают вдохновенные музыканты и поэты: бой для него есть творчество и творение его - победа; но он допускает иногда излишний риск и расширяет, так сказать, толкование Устава, а когда укоряешь его, то он отвечает, что в нашем Уставе крупнее всего написано одно слово - "победа", а все остальные слова написаны более мелким шрифтом, - вот какой был у меня Иван Иннокентьевич, но он

хорошо дерется, шут его возьми, прямо одно наслаждение, выругаешь его, а простишь: как будто иногда и неправильно бывает, а все верно - фашисты от него умирают или бегут!"

Я поехал в полк Ивана Простых. Подполковник жил в избушке на краю деревни у многодетной вдовы. У подполковника была та обычная, и все же редкая, наружность, которая напоминает вам, что вы где-то уже видели это лицо и вам чем-то близок и дорог этот человек, хотя ничего вспомнить о нем невозможно. Может быть, вы никогда и не встречали его и не могли его знать, и лишь тайное родственное влечение вашей души к незнакомцу и ваше чувство симпатии к нему рисует на чужом лице знакомые черты... Подполковник на вид был человеком лет сорока, немного сумрачным, с темно-карими утонувшими подо лбом глазами, выражение которых не менялось от его настроения.

Познакомившись, я спросил у него, виделись ли мы когда-нибудь раньше. Он проницательно поглядел на меня и ответил, что - нет, он меня не помнит; правда, был у него один лейтенант, похожий на меня, но тот убит еще под Кромами...

Моя дальнейшая жизнь в полку и знакомство с его командиром все более увеличивали мой интерес к этому офицеру. Есть люди, характер которых возможно приблизительно определить, и образ их делается сразу ясен. Но есть люди иные: вы уже знаете о таком человеке многое, однако они похожи на земное пространство - дойдя до одного горизонта, вы за ним видите следующий, еще более удаленный, и должны идти снова вперед... Такой человек в своем духовном образе подобен бесконечному русскому полю, и это свойство его означает, что вы встретились с развивающимся деятельным человеческим существом, беспрерывно рождающим себя заново в новом опыте жизни.

Гвардейский полк Ивана Иннокентьевича Простых квартировал в двух смежных деревнях, где много было разрушенных пустых жилищ. Командир установил обычай в полку, чтобы его люди всегда жили не в общих избах, совместно с населением, а отдельно. В нежилых или осиротевших местах это было просто: строились землянки и блиндажи и ставились палатки, а в населенных пунктах дело было труднее. В тех деревнях, где полк квартировал сейчас, Простых приказал красноармейцам отремонтировать или привести в годное для жилья состояние поврежденные избы и затем поселил в них своих бойцов. Однако на таких тыловых постоях подполковник совсем не желал, чтобы его солдаты жили с населением вовсе розно или чуждо. Он только хотел, чтобы его люди жили постоянно своим

войсковым домом и чтобы их человеческое чувство удовлетворялось в задушевном боевом товариществе, в учении и службе, - в службе, усвоенной как страстный долг.

С населением солдаты Ивана Простых имели близость жизненного и серьезного значения. Сейчас, когда была пора весны, красноармейцы в свободное время копали в помощь хозяйкам огороды, ровняли навоз на грядках, чинили сельский инвентарь и убирали с проездов мусор от немецкого нашествия и мертвые остатки войны - колючую проволоку, снаряды и погоревшие машины, а девушки-санитарки брали в избы малых крестьянских детей, чтобы их матери спокойно работали в колхозном поле. Это вновь и вновь приучало людей, и красноармейцев и местных жителей, к простым житейским отношениям, к сознанию того, что все они -один народ и дело их родственно. Когда полк Ивана Простых пойдет вперед, позади себя он оставит устроенные жилища, возделанную землю и доброе чувство в крестьянских сердцах.

Я спросил однажды у командира, не устают ли его люди от таких сельских работ, ведь у них есть свои прямые обязанности, требующие всех сил.

- Что ж такое, что они устают* - сказал Простых. -Солдат с усталостью не считается. Да и потом у меня своя есть главная забота! - резко добавил он. - Своя забота! Я здесь не блаженных телят воспитываю, а людей подвига, людей, творящих смерть врагу! А здесь народ два с лишним года был зачумлен немцами, пусть теперь он вспомнит своих людей и полюбит их еще больше, чем любил прежде...

Подполковник обычно весь день проводил в поле на строевых занятиях и учебных стрельбах. От каждого бойца он требовал такой отработки своего оружия - пулемета, миномета, винтовки, автомата и штыка, - чтобы человек владел им, не напрягая сознания. "В бою действуйте своим оружием, как сердцем, без натуги, привычно и свободно, -говорит Простых своим солдатам, - а сознание держите незанятым, чтобы следить за неприятелем, понимать его действия и делать ему смерть. Если же кого жмет оружие, как непригнанный сапог, кто чувствует на себе автомат, как постороннее тело, тот еще не воин".

В долгих беседах с бойцами, в проверке их знаний, после сдачи зачетных стрельб Иван Иннокентьевич внушал всем подчиненным, особенно же новому пополнению, одну "народную философию оружия", как он сам это называл. Подполковник считал неправильным разделение техники на мирные орудия труда и на военные орудия истребления. Он говорил, что нашему народу спокон веков и доныне одинаково нужны и полезны для

жизни как серп, плуг, трактор, станок или жнейка, так равно и копье, штык, автомат, пулемет и пушка. Командир полка здраво полагал, что родственное соединение плуга и винтовки, станка и пулемета как равноценных орудий для поддержания жизни народов вернее всего зачнет в сердцах солдат любовь к оружию, а эта любовь явится лучшей матерью знания: тогда солдат охотно изучит оружие и умело будет владеть им в бою.

При мне он говорил в одной роте о кровном братстве рабочего, пахаря и бойца, плуга и винтовки.

- В мире есть злодейская сила, - сказал Простых солдатам. - Крестьянин возделает землю, токарь на станке создаст нужную вещь, но придет злодей, он убьет пахаря и рабочего, заберет себе их орудия труда - плуг и станок. Что толку в плуге и станке, если у человека отымается его жизнь. Поэтому без винтовки и плуг и станок не нужны. Поэтому для защиты родной земли нужны мы, солдаты. Я вам говорил о труженике, которого может убить злодей. Но если даже пахарь или рабочий останется в живых, то к чему тот хлеб или те вещи, что он наработал, если хлеб его пожрет враг либо заберет себе созданные его трудом вещи и только умножит этим свои силы.

Бойцы с доверчивым изумлением слушали командира: понятные слова его глубоко западали им в сознание, и в сердцах их утверждалось чувство высокого человеческого достоинства, достоинства советского солдата, которому доверено сберечь человечество от убийства. Не знаю, так ли точно понимали они своего командира, но, вероятно, они понимали его лучше и непосредственнее меня.

Возвращаясь однажды с поля пешком, мы с подполковником шли деревенскими огородами. Иван Иннокентьевич негромким, обычным своим голосом говорил страстные слова о смысле деятельности офицера. Он говорил о постижении тайны боя: он верил, что есть рациональные законы, управляющие процессом боя; и тот, кто умеет открыть их, владеет искусством постоянно побеждать. Законы боя очень сложны, это ясно понимал подполковник Простых; но он верил в их полную доступность для человеческого разума, потому что проверка на практике подтвердила истинность его некоторых теоретических открытий.

- Нет более сложного и оживленного явления во всей действительности, чем бой, - с тихой уверенностью говорил Иван Иннокентьевич.

Я подумал было, что Иван Иннокентьевич является офицером-ученым, технологом войны, для которого война представляет как бы научно-исследовательскую работу, а победа - истину. У нас есть такие офицеры; они воюют с рассудительной

страстью и совершают большие дела, но у них есть свои недостатки, и не всякое дело для них посильно; я видел, например, одного такого сосредоточенного офицера на берегу Десны - он ожидал, пока ему для переправы соберут понтон; сосед же его, офицер других душевных и профессиональных свойств, переправился в это время со всей своей частью через Десну на всем, что было легче воды.

- Но когда ты все понимаешь, - произнес Иван Иннокентьевич, - ты еще далеко не всем обладаешь. В бою так именно и бывает. А нужно обладать, нужно иметь власть над врагом, только тогда ты прав. Дело еще остается, стало быть, за твоей волей, за твоей верой в знамя, которому ты служишь... А вера в свое знамя, в правду своего народа -это первое начало солдата. Без этой веры победить нельзя.

Мое представление о подполковнике лишь как об офицере-технике было разрушено. Он снова возвысился предо мной силой своей постоянно действующей, творческой мысли.

Вечером того же дня полк Ивана Простых выступил вперед и к исходу ночи занял свой участок на переднем крае. Теперь можно было увидеть красноармейцев Ивана Иннокентьевича в настоящем деле и оценить их командира.

Подполковник получил вначале простую задачу: сдерживать контратакующего неприятеля. Мощное и обильное противотанковое вооружение полка делало эту задачу нетрудной и посильной. А раз так, то Иван Иннокентьевич размышлял сейчас лишь над тем, чтобы как можно экономней, в отношении крови своих людей, завершить бой. Он считал пехоту сильнейшим родом войск, потому что, сколь ни слаб огонь одного пехотинца, но каждым этим огнем управляет разум человека, и огонь его точен и губителен. Кроме того, пехота может бороться врукопашную, а это и венчает бой победой. Но главным искусством современной пехоты Иван Простых считал борьбу с танками. "Кто не умеет сжечь, изувечить танк, тот еще не солдат-пехотинец! " говорил подполковник своим бойцам и старательно учил их технике сокрушения машин врага.

- Однако. - сказал мне. продолжая свою мысль, Иван Иннокентьевич. можно знать свое оружие и все приемы, дабы наверняка остановить танк, и все же не суметь сделать это. Солдат должен иметь в себе внутреннее оружие -великую душу, сознающую свой долг, чтобы встретить несущуюся на него, бьющую в него огнем, стальную дробящую препятствия машину, - и ударить ее насмерть, сохраняя в себе разум и спокойствие, необходимые в бою. Это внутреннее оружие - душевное устройство - солдату дает лишь родина.

Перед боем люди не спали и занимались малыми, но необходимыми хозяйственными делами; они находились в том тихом, глубоком настроении духа, в котором пребывает человек накануне свершения важного жизненного дела. Красноармейцы чинили одежду, пригоняли обувь, чтобы нога ее не чувствовала, осматривали оружие и брили друг друга. Один боец хотел было переодеться в чистое белье, но его остановили. "Что ты, помирать, что ли, собрался, -обожди, боев еще много впереди, успеешь! - предупредили его более знающие солдаты. - Береги белье до победы: домой поедешь, тогда оно тебе сгодится".

Меж собой красноармейцы были дружны, и каждый охотно делал другому любую уступку и исполнял его желание. Солдаты знали по опыту, что скоро навсегда можно утратить того человека, которому ты сегодня отказал в чем-либо, и тогда, после гибели его, в тебе останется страдание совести, и ты будешь терзаться, что не помог тому, кто уже никогда не будет нуждаться в тебе и кто умер, чтобы ты мог жить.

Я пошел проведать Ивана Иннокентьевича. Он молча сидел в блиндаже, на командном пункте, вместе с начальником штаба попка. Подполковник был сосредоточен и молчалив. Может быть, нет более глубокой думы на земле, чем размышление командира перед сражением, в котором он должен скупиться на каждого своего солдата и быть щедрым на трупы врагов, - и в этом труде размышления, заранее переживающем бой, офицер испытывает все силы своей совести и своих способностей, словно судит их Страшным судом перед лицом своего незримого народа...

- Важно, Иван Иннокентьевич, найти для противника непривычные условия, - произнес начальник штаба.

- Я думаю о них, и мы их найдем, - сказал подполковник. - Надо смутить его дух, потрясти его сердце. Все офицеры знают свое задание?

- Так точно. Все до одного. Я проверил. Подполковник поднялся, точно в предчувствии, и мы все услышали залп немецких батарей.

- Сколько видно танков? - спросил командир.

- Двенадцать в ходу, - доложил начальник штаба Наши корпусные пушки начали издали рубить огнем артиллерийские батареи противника, и мы чувствовали по содроганию земли работу своих орудий. Подполковник позвонил в батальоны.

- Помните, - сказал он, - нам нужны сожженные, уничтоженные танки, на ремонт не оставлять ни одного!..

Противотанковое ружье сержанта Евелина и молодого бойца Проскурякова находилось на правом фланге второго батальона, примерно в центре расположения полка.

Сержант смотрел вперед из окопа На него неслись два немецких танка. Евелин знал по опыту и по верным словам командира полка одну тайну боя: нужно стерпеть противника, пусть он шумит огнем, нужно выждать свой момент, чтобы сразу ударить по врагу на его поражение. Самое трудное - терпеть спокойно и думать здраво. Ближний бой выгоднее дальнего.

Проскуряков был безмолвен возле сержанта, лишь лицо его исказила замершая судорога страха, как онемевший крик. Евелин понимал состояние молодого солдата. "Ничего, обвыкнется", - кратко решал он в уме.

Танк набегал на них. "Не пора еще!" - соображал Евелин. С правого фланга расположения полка ударили гвардейские минометы, и поднебесье сумрачного весеннего утра засветилось бегущими огнями, как нива в цветах, взволнованная ветром. Минометы били по охвостью танков, где шла немецкая пехота "Пора!" - Евелин выстрелил из противотанкового ружья, и танк сейчас же свернул в сторону, а потом перестал дышать мотором и остановился.

Но уже другой танк с живой свежей мощью шел на Евелина. Он выстрелил в него, однако танк продолжал движение, не почувствовав удара. Евелин взялся было за гранату и тут же оставил ее, потому что нужда в ней миновала. Проскуряков бросил в ходовую часть машины одну за другой две гранаты. Потом он управился еще метнуть одну гранату по первому неподвижному танку, и Евелин заметил в этот момент бледное, точно светящееся лицо Проскурякова и его упоенное выражение.

К этому моменту десять танков из всей группы были подбиты. Подполковник тогда приказал выйти одной роте вперед, использовать броню немецких танков как естественное укрытие и встретить оттуда немецкую пехоту точным ближним огнем.

- Для них это будет неожиданно, что мы оседлали их же неостывшие машины, - сказал Иван Иннокентьевич.

Но рота, посланная подполковником, работала мало: она встретила лишь редкую цепь неуверенно идущих вперед немецких солдат и прижала их огнем замертво к земле.

Вслед за тем бой точно остановился на мгновение, перевел дыхание, и все вдруг переменилось. Наша артиллерия тяжелых и средних калибров с внезапностью порыва ветра участила, удесятерила силу огня. Ревущий поток снарядов, как движущийся, бегущий навес, возник в небе над нашей пехотой, и далеко впереди нее встал вал сверкающего пламени и темная медленная туча праха над ним, - что было там живым, то умерщвлялось, что умерло сокрушалось вторично. И тот вал, судя по блеску разрывов, медленно начал удаляться вперед, призывая

за собой пешего солдата.

Красноармейцы, увидев рассвирепевшую, радостную мощь своего огня, поднялись все в рост и пошли в атаку, исполненные восторга веры в непобедимость, и закричали от счастья, от гордости.

Я спросил у подполковника, что теперь дальше будет, какое у него задание.

- Идти вперед, - сказал Иван Иннокентьевич и увлеченно указал в сторону противника, обрабатываемого на его рубежах столь плотным огнем, что там уже более невозможно было никакое живое дыхание. - Вот великое творчество войны! Его создает высший офицер - наш народ, наш священный народ.

1944 год

Константин Симонов

Задержано доставкой...

На этот раз вашему корреспонденту придется начать свою телеграмму с объяснения. События, о которых будет идти речь в этой и последующих статьях, происходили иногда несколько дней, а иногда месяц тому назад. Однако я не мог вам телеграфировать оттуда, где я был. Единственная причина тому - дороги. С них и начну.

Я утверждаю, что человек, не видевший этих дорог, здесь, на юге, этой весной, не может понять до конца, что это такое. Представьте себе старое шоссе, сложенное из пригнанных друг к другу огромных булыжников, застигнутое где-то в самой середине ремонта, когда рабочие выворотили все эти камни один за другим из грунта и так оставили тут же на месте, не успев ни убрать их, ни переложить. Это первое.

Второе. Представьте себе, что сверху на эти вывороченные камни налито полметра жидкой грязи, которой некуда стекать, потому что по обеим сторонам шоссе на одном с ним уровне стоит еще более глубокая грязь.

Третье. Представьте себе, что, если, ползая по такому шоссе на вездеходе, осатанев от вылезания, толкания машины, подкладывания под буксующие колеса бревен, соломы, что попало, вы вдруг бы захотели, плюнув на попытку проехать по такой дороге, выбраться на целину и двинуться по полю, то вас остановило бы от этого неосторожного намерения следующее зрелище: в пятнадцати метрах от дороги прямо из грязи торчит башня танка, не танк, а именно башня, потому что при ближайшем рассмотрении вы выясняете, что танк цел и не поврежден, он просто затонул в грязи. Добавлю к этому, что когда я наконец пришел, повторяю пришел, а не приехал, к знакомому еще с Халхин-Гола генералу, до которого я добирался, то он в

ответ на мои ругательства по поводу дорог, распутицы и необходимости бросить машину и идти пешком только рассмеялся и ответил, что я просто-напросто следую его собственному примеру, чтобы не отставать от своих передовых частей, он сам, бросив машину, последние двое суток тоже идет пешком.

И наконец, последнее, как это ни странно звучит, отрадное для глаз обстоятельство, связанное с отвратительным состоянием дорог: все они загромождены следами немецкого отступления. Мое воображение уже давно трудно удивить подобными вещами, и все-таки, попав сюда, я день за днем поражаюсь количеству брошенных немцами машин всех марок и систем - и боевых, и транспортных. Тут и пресловутые "тигры", и "пантеры", и сожженные и целые, и танки более старых типов, и самоходные пушки, и огромные бронетранспортеры, и маленькие транспортеры с одним ведущим колесом, похожие на мотоциклы, и огромные тупоносые, краденные во Франции грузовики "рено", и бесконечные "мерседесы" и "опели", штабные машины, рации, походные кухни, зенитные установки, дезинфекционные камеры - словом, все, что придумали и что использовали немцы в своих былых стремительных наступлениях. И что сейчас, разбитое, сожженное и просто-напросто брошенное, застряло в грязи этих дорог.

Местами посреди всего этого почти невозможно проехать. У мостов и на обрывах валяются сброшенные вниз с дороги горы разбитого железа, бывшего когда-то машинами. Их пришлось сталкивать с дороги в обе стороны, чтобы пройти и проехать, потому что местами они стояли, застряв на дорогах, в три и в четыре ряда.

На одной из этих дорог, вблизи от границы, я испытал мстительное чувство. По ней в сорок первом году отступала одна из наших легких танковых дивизий. Немцы замкнули ее тогда в кольцо, бросили на нее свою авиацию и тяжелые танки, и эта дивизия, которую мы не успели перевооружить к началу войны и которая целиком состояла из устаревших легких танков, целиком погибла на этой дороге.

Тогда, в сорок первом году, убрав с дорог все свои разбитые и сожженные машины, немцы оставили наши погибшие танки для обозрения на самом виду и даже местами для большего эффекта стащили эти маленькие исковерканные зеленые машины поближе друг к другу и целыми вереницами поставили их на самых заметных местах - на холмах и на поворотах дорог. Так они и простояли там до нынешней весны. И вот теперь, когда проезжаешь мимо всего этого и видишь тут же, поблизости от

этих маленьких зеленых машин, заржавевших от трехлетних снегов и дождей, всю ту разбитую и брошенную немецкую технику, о которой я сказал, трудно не поддаться мстительному чувству!

Не знаю, может быть, тогда, в сорок первом году, никто не клялся здесь, над могилами наших погибших танкистов, отомстить за них. Наши солдаты вообще не расположены к клятвам и громким словам. Но я убежден, что молчаливые обещания свести счеты с немцами многие люди тогда, в сорок первом году, себе давали. И сейчас эти обещания выполняются здесь, на моих глазах. И даже не по библейскому закону - око за око и зуб за зуб, - а в более сокрушительной пропорции.

Маленькая подробность. Между шоссе и деревней, наполовину утонув в грязи, стоит гигантский немецкий транспортер, предназначенный для перевозки особо тяжелых, многотонных грузов. На транспортере сидит деревенский мальчишка лет десяти, выглядящий на этой машине букашкой. Держа в руках гаечный ключ, он с задумчивым видом рассматривает что-то в машине. "А вот и механик появился, - заметив это, без улыбки говорит шофер, с которым мы, медленно буксуя, проползаем по шоссе мимо мальчишки. - Уже занимается восстановительной работой".

Конечно, в этой маленькой подробности нет ничего особенного. Но я еду мимо этого мальчишки и невольно думаю: сколько же тысяч громыхающих немецких машин пронеслось за эти почти три года мимо этого ребенка из пограничной деревни! Сколько немецких танков проскрежетало мимо него! Сколько самолетов проныло у него над головой!.. И вот он сидит с гаечным ключом на отныне беспомощной и нестрашной огромной машине и думает: какую бы гайку ему отвинтить с нее на предмет использования для стрельбы из рогатки? Очевидно так, потому что мальчишки в этом возрасте - вредители по призванию.

Все, что я написал вам о дорогах, конечно, лишь отрывочные наблюдения. И это не главное, о чем я хотел вам сказать. Главное - человек, идущий сейчас вперед по этим дорогам. Пехотинец, русский солдат.

Как бы ни приходилось мокнуть, дрогнуть и чертыхаться на дорогах нашему брату - военному корреспонденту, все его жалобы на то, что ему чаще приходится тащить машину на себе, чем ехать на ней, в конце концов, просто смешны перед лицом того, что делает сейчас самый обыкновенный рядовой пехотинец, один из миллионов, идущих по этим дорогам, иногда совершая именно в тех условиях, которые я вам уже описал, переходы по сорок километров в сутки. На шее у него автомат, за спиной полная

выкладка. Он несет на себе все, что требуется солдату в пути. Человек проходит там, где не проходит машина, и в дополнение к тому, что он и без того нес на себе, несет на себе и то, что должно было ехать. Он идет в условиях, приближающихся к условиям жизни пещерного человека, порой по нескольку суток забывая о том, что такое огонь. Шинель уже месяц не высыхает на нем до конца. И он постоянно чувствует на плечах ее сырость. Во время марша ему часами негде сесть отдохнуть - кругом такая грязь, что в ней можно только тонуть по колено. Он иногда по суткам не видит горячей пищи, ибо порой вслед за ним не могут пройти не только машины, но и лошади с кухней. У него нет табаку, потому что табак тоже где-то застрял. На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые другому человеку не выпадут за всю его жизнь.

И конечно, - я до сих пор не упоминал об этом, - кроме того и прежде всего, он ежедневно и ожесточенно воюет, подвергая себя смертельной опасности.

Такова жизнь солдата в этом нашем весеннем наступлении.

Думаю, что любой из нас, предложи ему перенести все эти испытания в одиночку, ответил бы, что это невозможно, и не только ответил бы, но и действительно не смог бы ни физически, ни психологически всего этого вынести. Однако это выносят у нас сейчас миллионы людей, и выносят именно потому, что их миллионы. Чувство огромности и всеобщности испытаний вселяет в души самых разных людей небывалую до этого и неистребимую коллективную силу, которая может появиться у целого народа только на такой огромной настоящей войне, которая уже давно не похожа ни на батальные картины живописцев, ни на героические кинофильмы, ни даже на то, что мы пишем о ней, как бы мы ни старались написать всю правду.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, позвольте считать все рассказанное мною достаточным объяснением того, почему эта корреспонденция, как, может быть, и последующие, как говорится, задержана доставкой по телеграфу...

Апрель 1944 года

Войска 3-го Украинского фронта сегодня, 28 марта, после упорных боев, штурмом овладели крупным областным и промышленным центром Украины городом Николаев - важным железнодорожным узлом, одним из крупнейших портов на Черном море и сильным опорным пунктом обороны немцев у устья Южного Буга.

Из оперативной сводки Совинформбюро

28 марта 1944 г.

Борис Горбатов

Весна на юге

Я не знаю, что это было, - мечта, вера, уверенность, знание. Но даже в самые горькие дни отступления мы ни на минуту не сомневались: мы вернемся. Мы вернемся к тебе, Одесса. Мы увидим твои лиманы, Николаев. Мы еще будем пригоршнями пить воду из Южного Буга.

Нет, я не обижу наше чувство. Слово "вера" к нему не подходит. Этого слова мало. Сила нашей правды - вот что жило всегда в нас. Грозная сила правды. Правда не могла не победить. Правда нашего дела.

Убежденно пели мы в те дни:

Нас опять Одесса встретит, как хозяев,

Звезды Черноморья будут нам сиять,

Славную Каховку, город Николаев,

Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Эта песня родилась у нас на фронте в дни, когда мы отступали. Ее потом стали петь на всех фронтах, но она всегда оставалась песней южан по преимуществу. В промерзших блиндажах обороны на Миусе пели ее. По дорогам отступления на Дону и Кубани пели ее. В горящем Новороссийске вспоминали Николаев. Обороняя Туапсе, защищали Одессу и наше право прийти туда. И тут и там было Черное море. И тут и там были наши люди.

Казалось: невыносимо долог и тяжек путь от Туапсе до Одессы. На карту было трудно смотреть. Далеко. Но мы прошли этот путь. Мы его прошли.

Нас опять Одесса встретит, как хозяев. Уже сияют нам звезды Черноморья. Две недели тому назад, по пути в Херсон, пролетал я над мирной Каховкой. Песок пылал под багровыми лучами солнца, а мне казалось, что выступила кровь павших. Много крови было пролито там, но сейчас мирно струится дымок над хатами. Волы медленно тащат плуги. И радостно парит теплая освобожденная весенняя земля.

Мы прошли этот путь. Прошли со славой. Войска генерала Цветаева, штурмом взявшие Николаев, еще так недавно брали штурмом Сталино. Сейчас они идут дальше. Их не остановит ни враг, ни грязь. Кто прошел такой путь, тот остановиться не может.

В Николаеве я видел могилу. Над ней - деревянный памятник, знак и на нем надпись: "Гвардии старший лейтенант Георгий Алексеевич Антюхин. Он первый с группой разведчиков вошел в Николаев и пал смертью героя". Эта надпись сделана карандашом. Потом ее повторят золотыми буквами на мраморе. Вместо деревянного временного знака будет монумент

величественный и важный. И так же, как сегодня, будут сидеть у могилы женщины-матери и плакать о неизвестном им, но дорогом сыне.

Много славных имен рождено для бессмертия в эту весну. Глядя на могилу героя, я думал, что рядом с памятником Антюхину надо ставить памятник капитану Феденко - богатырю, павшему в сорок первом году под Каховкой смертью, которой можно завидовать. Надо вспомнить одну славную дивизию, которая здесь, под Николаевом, у станции Грейгово, прорвала железное кольцо врага и дала дорогу нашей армии. Надо вспомнить знаменитую Иркутскую дивизию - здесь, в Николаеве, она впервые била танки Клейста. Много орденов украшают боевое дивизионное знамя Иркутской, много подвигов вписано в летописи. Слава героев наступления сорок четвертого года сливается со славой героев тяжелых боев сорок первого - сорок второго годов, и это слава нашего оружия.

Сейчас на юге весна. Весна наступления. Весна освобождения. Сполз с полей снег, обнажились стосковавшиеся по сеятелю поля. Как снег, как грязь, исчезают с нашей земли оккупанты. Их дивизии тают. Трупами их солдат унаваживается почва. Безостановочно гонят врагов наши войска. К морю. В море. Это - возмездие. Начало возмездия. Я видел горы фашистских трупов в районе Шевченковских хуторов. Это место теперь в народе зовется просто: "Побоище".

Сейчас фашисты удирают к морю. Земля очищается навеки от вражеской парши. Возрождается жизнь. Теперь -не вслед за войсками, а вместе с войсками - идут строители, хозяйственники, советские и партийные работники. В Кривой Рог вместе с передовыми частями пришли шахтеры. В Апостолово и Долгинцево - железнодорожники. В Николаев -инженеры-кораблестроители. Я встретил здесь Прасковью Дмитриевну Гненденко. Она пропагандист Николаевского обкома партии. Эта женщина прошла с войсками весь путь от Днепра до родного города. Она форсировала Днепр на лодке. В Херсон пришла пешком из Берислава вместе с передовыми частями. Под Водопоем вместе с секретарем обкома Филипповым пережила всю ярость последних отчаянных немецких контратак. Николаев еще горел, когда туда пришли она и Филиппов. Было страшно смотреть на развалины. Показалось: нет больше города, родного города. Так всегда кажется в первые часы. Каждая утрата остра и невосполнима. Каждый сожженный дом дорог.

Но дым рассеялся и среди пепелища и развалин обозначились уцелевшие здания и районы. Люди обрадовались им так, как не радовались вновь отстроенным. Закопченные, но

целые, эти дома казались милее и прекраснее, чем были прежде. Уцелело чудесное здание Дворца пионеров, цел знаменитый николаевский элеватор, не сожжена Слободка. Здание Госбанка стоит нерушимо среди разрушенных домов. Эти и многие другие здания сохранились не потому, что враг решил пощадить их. Если бы дать ему волю, он все бы сжег, обратил в пустыню. Во многих уцелевших зданиях мы видели выдолбленные оккупантами отверстия для закладывания тола. Все было подготовлено для взрыва, но поджигателей схватила за руки наша армия. Это Красная Армия спасла то, что уцелело. И, главное, спасла людей Николаева.

Врагу не удалось покорить жителей города Николаева. Они выходят сейчас из подвалов, убежищ. Они очень ослабли от голода. Я видел, как женщины везли своих мужей на тачках - двигаться сами они еще не могли.

- Вот выкопала, - сказала мне, гордо улыбаясь, женщина. - Он у меня закопанный был. Прятался.

Мужчина смущенно усмехается. Ему неловко, что его везет на тачке жена.

- Ослабел, - тихо сказал он. - Но ничего, отойду, еще повоюю.

Враги разрушили в Николаеве все, что сумели разрушить. Многое им удалось. Душу нашего человека разрушить они не смогли. Они взорвали электростанцию, и в городе сейчас нет электроэнергии. Но в людях освобожденного города аккумулированы такие огромные запасы человеческой деятельной творческой энергии, что можно горы своротить. Люди целы, значит, снова будут в Николаеве и верфи, и заводы, и школы, и театры. Люди стосковались по труду. Они приходят за работой сами. Их не надо агитировать, подымать, звать. Им надо только сказать, что делать. Они готовы строить все: дороги, мосты, аэродромы. Они так много видели разрушений, что стройка будет праздником для них. Почти три года на их глазах фашисты разрушали все, что можно было разрушить. Враги ничего не построили на захваченной ими земле, они разрушали и грабили. Они увезли из Николаева в Германию трамвайные вагоны в первые же месяцы своего владычества. Два с половиной года в городе не было трамвая. Оккупанты пришли на нашу землю не за тем, чтобы она расцветала. Они привезли сюда "душегубки" и сифилис, а вывозили отсюда заводы, мясо, сало, хлеб. Они выколачивали из деревни хлеб кнутом, народ отвечал на кнут мужицкой лопатой и партизанским динамитом. Я видел, как в освобожденных селах колхозники первым делом брались за лопату: откапывали зарытый хлеб.

- Земля дала хлеб, земля и схоронила, - говорили они и хитро

усмехались при этом. - Нет, никогда гитлеровцам не перемудрить мужика. Вот он, хлеб, к весне цел, не достался проклятому. Теперь его не к чему прятать. Наша земля, наша воля, наше будущее.

Пошли в ход лопаты и в Николаеве. Рабочие откапывают станки. Врачи сумели спасти и сберечь медицинский инвентарь и медикаменты. Научные сотрудники Исторического музея хотят открыть в ближайшие дни музей - все экспонаты его они сумели спрятать от оккупантов. Сейчас все, что спасено, сносится на заводы, в учреждения, в школы.

При мне в типографию наборщики принесли закопанный ими шрифт. Типография уцелела чудом, оккупанты не успели или в панике забыли ее разрушить. Целы машины цеха, наборные кассы. На валах ротации еще лежит последний номер поднемецкой газетки "Новая мысль". Я сдираю ее с валов и читаю: "Большевикам за эту зиму не удалось добиться существенных стратегических успехов".

Наборщики смеются над этими строчками вместе со мной. Они испытывают сегодня то же чувство, что и я, -чувство возвращения. Они не были в этой типографии с тех пор, как пришли фашисты. Я был здесь в последний день перед оставлением нашими войсками Николаева, в августе сорок первого года. Здесь выходила наша фронтовая газета. Наборщики помнят ее и ее работников. Они нетерпеливо спрашивают: ну что же, скоро газету будем печатать?

Скоро. Это можно твердо сказать. Жизнь возрождается в освобожденных городах со сказочной быстротой. Армия такими темпами гонит врага на запад, что освобожденный вчера город сегодня становится тыловым. Еще месяц назад в Кривом Роге на улицах запросто разрывались вражеские снаряды - сегодня это глубокий тыл. Вчера еще догорало зарево в Николаеве - сегодня женщины метлами и вениками подметают улицы, прихорашивают город. Мальчишки, чистильщики сапог, бойко стучат щетками о свои ящички.

Здесь все охвачено жаждой восстановления. Труд стал праздником, пуск каждого, даже небольшого предприятия - всеобщим торжеством. И это понятно. Тот, кто был здесь в те дни, когда еще догорали пожары, оценит, что это значит: первый рейс трамвая в Днепропетровске, первый кусок руды в Криворожье, первый паровоз на рельсах, первая советская школа в Николаеве, первая колхозная пахота за Бугом.

Раны заживают. Кирпичи разрушенных домов складываются в штабеля - из них будут построены новые здания. Плуг перепахивает поле недавнего боя. Под стальным лемехом

исчезают минные воронки. И в этом есть великое торжество труда. Ради этого мы и воюем - ради будущего.

Я спросил у николаевского юноши Виктора:

- Думали же вы о будущем, о своей судьбе все это время, что жили под властью фашистов? Он горько, не по-детски усмехнулся:

- Какая же может быть судьба у советского юноши при оккупантах? Карьера? Будущность? Нет, не думал. Мы только ждали и верили, что наши вернутся. И боролись, как умели.

Мы ходили с ним долго по городу, и он читал мне свои стихи. Он был рад, что может их, наконец, читать. Ему восемнадцать лет, но на вид он гораздо старше. Горькая морщинка на переносице. И черные пушистые усики.

- А усики вам зачем, Виктор?

- Я теперь их сбрею, - смущенно, совсем по-детски обещает он.

Теперь усики можно сбрить. К юноше вернулась юность.

Когда мы отступали из Николаева, этим мальчикам еще не было шестнадцати лет. Весна их совершеннолетия совпала с весной освобождения. Им повезло. Теперь у них есть будущее. Но они не хотят его получить даром. Все они хотят воевать. Впрочем, этим чувством охвачены все мужчины в освобожденных районах. Они требуют оружия. Они просят бросить их немедленно в бой. У них есть счеты с оккупантами, счеты еще не сведены. Мы видели группы добровольцев у военкомата. Они пришли, не дожидаясь повесток. Они хотят драться и гнать врагов.

Гнать гитлеровцев в море - этим живет сейчас и народ, и армия Юга. В одесской степи день и ночь наши войска неотступно преследуют удирающих врагов.

- Ходко бежит фашист! - смеются солдаты. - Врет, от смерти не убежит.

Возмездие настигает и разит врага и на земле и с воздуха. Не добьет красноармейская пуля - дорубит казацкая шашка. Гвардейцы-конники снова пошли в рейд. Их клинки уже свистят в одесской степи. Через бугские переправы сплошным потоком льются войска. В эти горячие дни напряженно работают все рода войск: саперы, понтонеры, летчики, службы тыла. Все движется на запад. К Одессе. Какой-то кучерявый боец на ходу растягивает меха трофейного аккордеона и напевает:

Нас опять Одесса встретит, как хозяев,

Звезды Черноморья будут нам сиять...

Апрель 1944 года

В течение 9 мая в Крыму войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии

продолжали наступательные бои против немецко-фашистских войск в районе Севастополя. Сломив упорное сопротивление противника, наши войска ночью, несколько часов тому назад, штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море - городом Севастополь. Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления в Крыму, и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

Из оперативной сводки Совинформбюро

9 мая 1944 г.

Евгений Кригер

Штурм Севастополя

Что такое Севастополь, штурм Севастополя? Может быть, в полной мере это поймут лишь наши потомки, перед которыми величие этого сражения предстанет, проясненное временем, видимое как бы с громадного расстояния. Но сегодня, когда мы так близки еще к горячему, обжигающему пламени Севастополя, я вспомню прежде всего дорогу в горах после штурма, ночь, когда главное было уже позади, и сон пехотинцев на этой дороге.

Солдаты лежали в пыли, сжимая в руках винтовки, лежали там, где подкосил их сон, и фары автомобилей вырывали их из мглы, и автомобили останавливались, скрежеща тормозами.

Пехотинцы спали в пыли, на дороге. Шоферы готовы были наброситься на них с проклятиями, - ведь путь шоферов в бою тоже нелегкий, - но, взглянув на черное от усталости, запыленное, обожженное солнцем и боем лицо пехотинца, водители артиллерийских машин, тягачей, тракторов молча поднимали спящих с дороги и относили в сторону, за обочину, в безопасное место.

- Ты прости, брат, - со сна бормотал пехотинец. - Лег, где шел. Да постой, я сам... Ты оттуда, небось? С Севастополя? Мы его брали...

Сначала их принимали за раненых. Их сон был как обморок, но и во сне они были как в бою, а просыпаясь, искали врага. Они еще не понимали, что враг далеко, они сами гнали его с Мекензиевых высот, с Сапун-горы, из ущелий, ощерившихся пулеметными гнездами из пещер, видимых лишь там, где ищет тебя пуля врага, с высот, стерегущих Инкерманскую долину, - отовсюду, где огнем был закрыт путь к Севастополю и где командиры взводов, полков, дивизий не могли сдержать шедшую на приступ солдатскую ярость.

А когда главное было сделано, люди сваливались на дороге, и шоферы выносили их из-под колес за обочину.

Этих пехотинцев, застигнутых сном на дороге, мы вспомнили снова в ту минуту, когда каждый из нас мог свободно прийти на

Графскую пристань, увидеть Южную бухту, через которую на ялике переправлялся когда-то артиллерист русской армии Лев Николаевич Толстой, взглянуть на Корабельную сторону, на обелиск братской могилы за Северной бухтой и сопоставить в воспламененном сознании два века севастопольских битв, две эры нашей славы.

Севастополь в наших руках.

В этот час я вспоминаю рассказ людей, стороживших в дни оккупации музей "Воронцовский дворец" в Алупке, на Южном берегу Крыма. На фризе, в нише "Альгамбра", сохранилась в этом дворце надпись на арабском языке: "И нет победителя, кроме бога". В 1941 году генералы Гитлера, взглянув на фриз, дополняли изречение словами: "Кроме бога и германской армии!" В апреле 1944 года они заговорили другое. Они качали головой, вздыхали и бормотали: "О, да. О, это верно. Да, да, один только бог".

Когда наши армии появились перед Перекопом, вырвались к Сивашу и заперли фашистов на полуострове, гитлеровские генералы бросили своим войскам лозунг:

"Не отдадим врагу солнечного Крыма!"

В этом проявилась вся тупость их ума и сердца. У них не хватило даже чувства юмора, чтобы понять, как нелепо, как смешно звучат эти слова в устах захватчика, вора.

После степных мелитопольских просторов война артиллерийским ураганом прорвалась сквозь узкое горло Перекопа, пронеслась моторной танковой бурей через весь Крымский полуостров и под Севастополем оказалась в тисках каменных гор и ущелий. Там, под Перекопом, наши солдаты прошли старую русскую школу Суворова. Перед ними были позиции неприступные. Такие же позиции они выстроили в своем тылу и учились их штурмовать. Каждый солдат опытом, школой, трудом постигал мысль своего генерала. Учились ночью и днем. Предвосхищали все уловки врага. Прощупывали в учебе все хитрости его обороны, продумывали за него все, что может он нагромоздить на пути предстоящего штурма, и пятьдесят раз подряд захватывали ими же выстроенные пояса обороны, чтобы однажды врасплох и в настоящем бою отбить их на реальном поле сражения.

Немцев отбросили за Перекоп, за Сиваш. Их гнали через весь полуостров. Все рода войск дружили в этой атаке. Вместе с танкистами двигались офицеры авиации, чтобы в вихре танкового наступления тут же захватывать аэродромы, принимать на них свои самолеты и крыльями советской авиации сопутствовать неудержимому движению советских танков. И пехота на

автомобилях и маршем поспевала за боевыми машинами Красной Армии.

И войска вошли в горы. Тут все изменилось мгновенно. Все навыки равнинной войны пришлось изменить. Не было места для дальнего полета снаряда. Не было простора для танков. Скалы вздымались перед пехотой.

Сложность этой войны может понять тот, кто видел на подступах к Севастополю селение Черкез-Кермен. Оно втиснуло свои улочки и дома в каменные пещеры, недоступные ни авиационным бомбам, ни артиллерийским снарядам. На расстоянии пятисот метров это селение, закрытое скалами, невидимо, о существовании его трудно помыслить в нагромождении камня. И лишь оказавшись в узком ущелье, вы останавливаетесь, пораженные тем, что открывается взору.

Это как бы грандиозная раковина, вобравшая в себя двухэтажные дома, пристройки, огороды, заборы, маленькие площади для собраний на головокружительной высоте. И все это внутри камня, в расщелинах, в чреве вздыбленных гор. Горы делают войска слепыми. Каждый метр разведчик должен прощупывать собственным телом, за каждой скалой может таиться такая же раковина, изрыгающая огонь, насыщенная пулеметами, почти недоступная для атаки.

Нашим войскам пришлось прогрызать три пояса германской обороны, три обвода укреплений, во многом повторяющих советские укрепления 1941/42 года, которые дали тогда возможность держать Севастополь в течение восьми месяцев.

Сгоняя людей со всего Южного берега, гитлеровцы с первого месяца своего появления в Севастополе воздвигали новые и новые оборонительные сооружения, зарывались в землю, выдалбливали в горах глубокие норы. Представьте себе каменный лабиринт, разящий огнем из каждой щели, дополните это системой подземных казематов и катакомб, способных вместить целые дивизии и заводы, - это и есть участок фронта под Севастополем. Ночью он пламенел, клокотал багровым пламенем, будто десятки вулканов извергали потоки лавы.

Гитлеровцы набили сюда все запасы войск и вооружения, уцелевшие после разгрома на Перекопе и Сиваше. Я видел участок фронта за селением Мекензия, где на протяжении десяти километров враги установили двадцать четыре батареи одних только зенитных орудий. Но мы видели также, как, невзирая на это, наши самолеты штурмовой авиации день и ночь ныряли среди горных вершин, срывались в пике чуть не до дна узких ущелий и, чудом не расшибаясь о скалы, буквально вылизывали огнем пушек и пулеметов все расщелины и гнезда в горах. Бой

шел в горах, в воздухе и на море. Морская авиация нагоняла и топила вдали от крымских берегов караваны вражеских транспортов и десантных барж, сновавших между Севастополем и портами Румынии. Битву такого невероятного напряжения, такой плотности огня, такого ожесточения можно было видеть только под Сталинградом.

Во всех трех ярусах штурма - на земле, на море и в воздухе - наши люди добились победы, и сегодня они в Севастополе.

Тишина Севастополя.

В нее трудно поверить после грохота горных сражений. Трудно поверить, что стоишь на берегу Южной бухты, и вода, просвеченная майским солнцем, черноморская вода, которую еще Нахимов учил нас любить, бьется волной в разбитые снарядами камни.

Только здесь понимаешь, что значит эта минута для советского человека.

Наутро после решительного штурма я видел, как на площади Третьего Интернационала плакали, обнимаясь и стыдясь этих слез, моряки Черноморского флота. Они снова здесь, в Севастополе.

Изрезанная осколками, чернеет на арке перед Графской пристанью цифра 1846 - год рождения Графской пристани Тишина после боя, и лишь скрипит под ногами прах израненных взрывами зданий.

Улица Ленина. Здесь были фашисты, и потому не осталось ни жизни, ни людей, ни домов. Мертвые стены в дырах, провалившиеся крыши, обрушенные потолки, сожранные динамитом фасады, обезглавленные статуи в нишах -скрипит, скрипит под ногами прах Севастополя. Здесь были захватчики. Севастополь в дни обороны 1941/42 года стал даже для них воплощением русской доблести.

Они возненавидели этот город, они боялись его.

Пройдемте от Графской пристани к музею Крымской войны 1853-1856 годов. Одна из чугунных колонн перед зданием снята с постамента: немцы не успели ее утащить, бросили на камнях мостовой. Вход в здание завален обрушенным камнем. В дверях оборванная проволока: музей собирались минировать. Лежат на камнях чугунные ядра. Лестница. На ступенях обнаженные манекены, с них содраны мундиры солдат и матросов севастопольской обороны: фашисты умеют быть мародерами даже в музеях.

Проткнутый штыком портрет матроса "Потемкина". Изрезанный ножами портрет пластуна Петра Кошки. Главный зал музея: сквозь пробитые стены врывается ветер, свистит в снастях

двух фрегатов. Немцы боялись нашего флота. Они сражались с ним здесь, в музее. Топорами, прикладами они сломали макеты русских фрегатов. Они разрушили дома, стоявшие рядом с музеем, взорвали здание, где в дни нахимовской обороны была гарнизонная церковь, пытались увезти нахимовские пушки. Теперь на страже стоит возле них наш танк, погнавший захватчиков из Севастополя в мае 1944 года.

Центр Севастополя - каменная пустыня. На улице Ленина нет ни одного целого дома. Многие обитатели города ютились на окраинах, в погребах, в подвалах, в ямах. На берегу Южной бухты дымятся портовые здания, из-под воды виднеются палубы затопленных кораблей, торчат фермы плавучего крана, качаются на волнах брошенные немцами шлюпки; и вода в бухте тоже выглядит мертвой, безжизненной, будто ее отравили. Над нею холмы, где, лишенное крыши, высится здание панорамы севастопольской обороны, и дальше обезглавленный памятник Тотлебену. Фашисты казнили даже память о великих людях России.

Оглушает эта тишина Севастополя после бегства врагов, после грохота взрывов, воя пожаров. Я помню, как, оглушенные, подавленные этой тишиной, упавшей на раскаленную пушечным пламенем землю внезапно, как сон или смерть, мы пробирались через груды щебня, камней, железа, дерева, стекла, кирпича на первую улицу города. Волнение сжимало горло, трудно было дышать; казалось, мы входим в склепы молчания, в каменную гробницу, где все бездыханно, где нет и не может быть жизни, где потрясенной душой можно провидеть лишь тени героев, поднявшихся от бастиона Нахимова и встречающих в час новой славы своих русских братьев, кровью вернувших родине наш сегодняшний Севастополь.

На эту окраину мы поднялись из Инкерманской долины и на первой стене, пробитой снарядами, нашли задымленную, запыленную табличку с надписью "Лабораторная" - въезд в город с южнобережного шоссе; и этот маленький кусок жести был для нас как реликвия, извлеченная из окаменевшей лавы сражения. И все было тихо, все молчало, и трудно было ждать в прахе испепеленных домов, чтобы хоть слабый звук жизни возник в склепе города.

И вдруг жизнь ворвалась вся сразу, всей веселой и неунывающей прелестью, надеждой и счастьем, когда мы увидели в дыму взметнувшиеся над развалинами качели. Да, это были качели, те самые, знакомые с детства, наспех прилаженные веревками к двум кипарисам. Вместо доски или лодочки была привязана цинковая лохань, тут же извлеченная из какого-то

погреба, и два пехотинца и севастопольская девушка с ними, хозяйка лохани, взлетали, и падали, и снова взлетали... Еще ночью эти два пехотинца были в бою, в горах, под пулеметами противника, цеплялись за выступы скал, ползли к немецкому доту, и смерть ползла рядом с ними, дыша смрадом пороха, а девушка в эти часы лежала в подвале, оглушенная взрывами. Но так велика ненасытная жажда жить в наших людях, что после военной севастопольской страды, в первый же миг тишины, властно пробуждается в них тяга к простой, невинной радости существования.

В потоке машин, пушек, повозок, гремевших в каменном щебне, мы прошли по улице Ленина к Графской пристани, и нас обогнала группа черноморских матросов, взбудораженных, мокрых от долгого бега, увлеченных каким-то еще непонятным для нас желанием. Не оглядываясь по сторонам, заставляя сторониться всех шедших навстречу, они мигом пересекли Интернациональную площадь и как вкопанные остановились на выщербленных снарядами ступенях Графской пристани.

Молча смотрели они туда, где блеснула перед ними прежним, знакомым севастопольским светом вода Южной бухты. Так встречаются только с любимой или с братом, спасенным от гибели. Матросы смотрели и не могли насмотреться. Они шумно дышали. Они шарили глазами по берегу, обнимая взглядом причалы, пристани, серое здание холодильника в дальнем конце бухты. Корабельную сторону, за которой виден Малахов курган, палубы затопленных кораблей, морские казармы на том берегу, острый выступ скалы в устье бухты, где высится нарядное здание морского госпиталя, торчащий из воды остов плавучего крана, брошенные на пристанях немецкие пушки, повозки, автомобили, вагоны, и снова, как завороженные, переводили взгляд на взлохмаченную ветром воду. Потом один из них хрипло выдохнул:

- Она! Она самая, Южная! Наша же, наша, товарищи!

И все разом встрепенулись, заметались по пристани, теребили друг друга, вцеплялись в прохожих, требуя, чтобы им дали хоть какой-нибудь красный лоскут, хотя бы платок или шарф.

Ничего красного не нашлось. Опережая друг друга, моряки побежали к старым колоннам, по которым любой узнает Графскую пристань. Обрывая бушлаты, они карабкались по колоннам, подсаживали друг друга, цеплялись руками за края свода и там, наверху, столпились тесной кучкой возле флагштока. Им нужен был флаг, флаг для севастопольской бухты. Но флага не было: матросы прорвались к бухте прямо из боя.

Они стояли растерянно, не зная, что делать. И вдруг одного осенило. Он скинул с себя черный бушлат, полетевший с арки на землю, снял через голову синюю форменку, тут же подхваченную ветром, и, оставаясь голым до пояса, сорвал с себя полосатую тельняшку - ту самую, матросскую, русскую флотскую тельняшку, которая ужасала немцев на подступах к Севастополю, когда моряки были твердыней обороны. Краснофлотец широко раскинул в обе стороны рукава, привязал их к веревке флагштока и поднял над пристанью, над бухтой, как флаг возвращения флота.

Матросская тельняшка взвилась в воздух, ветер бил в нее бурно, весело, и стоявшие на арке матросы выхватили из кобур свои пистолеты. Они стреляли вверх, где вспыхивали пухлые облачка зенитных разрывов. Это был матросский салют Севастополю.

Будет жить Севастополь!

С топором в руках, привычно перепрыгивая над водой со сваи на сваю, на звук салюта спешил усатый старик в капитанке с лакированным, потрескавшимся козырьком. Ухватка у него была моряцкая, взгляд острый, вид боцманский. Он поспешил к нам от водной станции дома Военно-Морского Флота, что стоит рядом с Графской пристанью в конце Южной бухты.

- Как выжил, старик? - говорили матросы, похлопывая его по плечу.

Это был действительно боцман, бывалый моряк, еще до войны отдавший свою флотскую выучку стариковской службе на водной станции Черноморского флота, Иосиф Емельянович Безродный, матрос с 1898 года, ходивший на кораблях во все страны света, служивший когда-то на балтийском крейсере "Джигит", потом на черноморской канонерской лодке "Уралец". Еще в ночь нашего штурма он пошел из дома к водной станции, где немцы разместили штаб морской полиции, и, пользуясь паникой, стал прибирать к рукам все, что можно было сохранить для нашего флота: снасти, шлюпки, весла, моторы. И на этом застиг его пистолетный матросский салют на Графской пристани. Задыхаясь от бега по сваям, он докладывал хриплый боцманским голосом:

- Выжил, упрятался, слава богу! Кой-чего сохранил от проклятых, жду, формально, начальства, чтобы сдать по реестру. Начальство, как полагаю, должно немедленно прибыть, хотя бы на самолетах, а может, обязательно придет на эскадренных миноносцах. Пока хозяйствую сам, гоню расхитителей, готовлю причал - вот с топором-то...

И вдруг басовитый, суровый, он расчувствовался, стал тереть

глаза рукавом старенького пальто, вспомнил, как две недели назад с голодухи выехал с соседским мальчиком Витькой удить рыбу, и морской патруль оккупантов наскочил на него, и какая-то рыжая бестия нарочно ударила катером стариковскую лодку, и Витьку долго били до крови, и самого старика стукнули в ухо.

От старого боцмана мы узнали то, что в дни штурма всем нам хотелось узнать: как выглядел Севастополь в последние дни, что творилось в порту, когда советское наступление прижало фашистов к самой воде и они метались в смертной тоске на последнем куске суши, над водой, где тонули их пароходы и баржи, подбитые с воздуха.

Старик рассказал, как захватчики, начиная с 1 мая, совсем потеряли головы. На севастопольских улицах сталкивались и по многу часов не могли расцепиться колонны машин с беглецами, и погрузка, прерываемая бомбовыми ударами с воздуха, шла во всех бухтах, и все впустую, напрасно. Старик видел, как те же машины сыпали во весь дух то к бывшей Царской пристани, то к причалам у Михайловской крепости на Северной стороне, то снова в Южную бухту, и не на что было грузиться, пароходы и баржи где-то тонули в пути, и враги кидались к дальним причалам, в Стрелецкую бухту, Камышевую, Круглую, Казачью. "Они были как скорпионы в огне", - сказал боцман.

Они ослепли от страха, они уже не видели, где друг и где враг. На Царскую пристань пришел пароход "Артадел", румынский, но и тогда все пошло у них вперекос: при посадке немцы передрались с румынами, не хотели пускать их, а румыны прямо тряслись от желания попасть на свой корабль. В ход пошли ножи и винтовки, подшибленные срывались с трапа в воду и орали там, и этот крик слышал весь Севастополь.

Старик рассказывал, и на его голос подошли к нам два человека: муж и жена, уцелевшие жители Севастополя., Муж представился: Василий Иванович Тарханов, бывший механик; жена - Федосея Порфирьевна. Как они уцелели, сами не знают, спасла их румынско-немецкая паника. Они из тех двухсот жителей Северной стороны, которых оккупанты хотели то ли увезти, то ли убить, утопить. Всех взяли в крепость, двое суток держали под стражей без пищи, потом отвезли на Царскую пристань. Там дым стоял коромыслом, советские снаряды уже рвались поблизости, фашисты прижимались к земле, береглись от осколков, и в последнюю минуту погрузка сорвалась. Тогда жителей Северной стороны потащили в Стрелецкую бухту. Но пароходов и барж там не было, и тогда их погнали в Камышевую бухту. Там тоже было пусто, и конвойные решили спасать свою шкуру... Две сотни русских людей с женами и детьми остались в

живых, уцелели.

Страшная тишина Севастополя к концу дня, после штурма, стала наполняться первыми звуками жизни. Где-то стучали топоры пристанских стариков, чинивших взорванные мосты; где-то шел с песней батальон запыленной пехоты; где-то станционные люди собирались в колонну, шли разбирать на путях разбитые вражеские эшелоны; и заливчато пел на воде свисток торопливого катера; и с разбитой у холодильника пристани доносилось привычное, флотское:

- На шлюпке-е! С Корабельной вернетесь на Графскую, старшина будет ждать. Поня-ятно-о?

- Есть с Корабельной вернуться на Графскую! - репетуют со шлюпки, и в этих возгласах, напоминающих прежнюю жизнь Севастополя, уже не кажется мертвой вода в Южной бухте, и, не заглушаемый взрывами, слышен плеск синей волны на камнях. Две бомбовые пробоины, пришедшиеся в самый центр Графской пристани, уже зашиваются свежими досками, и в небе над бухтой спокойно рокочут моторы: самолеты берегут Севастополь.

Город медленно возвращается к жизни, надежно охраняемый на суше, на море и в воздухе.

И только на обратном пути к Симферополю, к самолету, очнувшись от воя железа, раздирающего последние ночи и дни, видишь на перевалах и в Инкерманской долине, и на Мекензиевых горах, за Сапун-горой, на берегах Бельбека и Черной: каким тяжким был труд штурмующего солдата, каждой пулей выжигавшего немцев из скал, каким напряжением разума далось наступление генералам, рушившим три пояса вражеской обороны в горах, какой слитной, единомыслящей, направленной в одну точку силой должны были продавливать немецкую сталь и бетон все рода наших войск, наступавших на Севастополь.

Только под Сталинградом я видел такую землю, как в Инкерманской долине. Здесь били русские пушки. Почва, трава, деревья, листья и камни все, что окружало немецкие доты, приобрело тот неуловимый оттенок медленного горения, постепенного разрушения материи от неистовых вихрей, раскаленного воздуха, какой бывает лишь в районе грандиозных сражений.

Самый воздух в момент канонады стал здесь железным. Я видел дорогу в Инкерманской долине. Сверху немцы прикрыли ее сеткой: в открытую двигаться они не могли, дорога взята будто под крышу, под нею вражеские колонны прятались от нашей авиации. Авиация их нашла. В ущелье перед Северной бухтой есть высокая дамба - железнодорожная насыпь, поднятая на высоту гор, - и там, где пришелся по дамбе бомбовый удар из глубины

неба, дамба разрушена до основания, а в зияющем черном провале, искривленные, измятые, исковерканные, лежат десятки вражеских платформ и вагонов.

Еще ближе к бухте останется для наших потомков зрелище грандиозное, как крушение мира. Здесь была гора, сросшаяся из множества белых скал, а теперь этой горы не существует. Она распалась на отдельные скалы, треснула всей своей каменной толщей и рассыпалась, обрушилась космическим скальным обвалом на поезд, тащивший у подножия горы вагоны с германской пехотой. Здесь прошли советские самолеты.

Он свободен теперь, сторож черноморских просторов, город матросов, герой двух веков, отец русского флота, наш Севастополь.

Май 1944 года

Вадим Кожевников

На берегу Черного моря

На каменном спуске севастопольского Приморского бульвара, у самого зеленого моря, опустив в воду босые натруженные, уставшие ноги, сидел запыленный боец. На разостланной шинели его - автомат, пустые расстрелянные диски. Трудно сказать, сколько лет этому солдату: брови его седы от пыли, лицо в сухих морщинах.

Небо над городом еще черно от нерастаявшей тучи дыма - дыхания недавней битвы. У причалов пристаней полузатопленные пробитые снарядами суда, на которых враг искал спасения в море. Возле причалов лежат трупы гитлеровцев, головы их в воде, и кажется, что они обезглавлены самой черноморской волной.

Но солдат не смотрит на изрешеченные посудины, не смотрит на вражеские трупы, - взор его устремлен в море, словно что-то необыкновенное видит он в его глубине.

- Отдыхаете?

Боец повернулся и тихо сказал:

- Вот, знаете, о чем я сейчас думаю... Пришел я сейчас к самому краешку нашей земли. А позади меня - огромное пространство, и все это пространство я со своей ротой с боями прошел. И были у нас такие крайности в боях, я так полагал, что выше сделанного человеческим силам совершить больше невозможно. То, как Сталинград отбили, навсегда меркой солдатского духа будет. На всю историю измерение. Я человек спокойный, воевал вдумчиво и с оглядкой, а вот на заводе тракторном здание вроде конторы было, так мы в нем с немцами дрались без календаря - то мы на верхнем этаже сутки, то они. Когда у меня автомат повредили, я куском доски бился, а когда на меня один фашист лег, я вцепился зубами в руку, которой он

пистолет держал. Прикололи фашиста ребята, а я не могу зубы разжать, судорога меня всего свела.

Когда бои смолкли и наступила в городе тишина, вышли мы на вольный воздух, взглянули на разбитые камни города и вот вдруг эту тишину почувствовали. Только тогда дошло, что мы пережили, что сделали, против какой страшной силы выстояли. От тишины это до нас дошло.

Вот и сейчас от этой тишины я словно заново бой переживаю сегодняшний. Я вас, верно, разговором задерживаю, а рассказать хочется... Закурите трофейную. Верно, табак у них дрянь, копоть во рту одна... Так, если время вам позволяет, я еще доложу. Пришли мы к Сивашу. Это такое море, гнилое и ядовитое. Его вода словно кислотой обувь ест. Очень скверная, извините за грубое слово, вода. Не стынет она, как прочие воды, не мерзнет зимой, все без льда, - ну, яд, словом, и мороз не берет ее. По этой проклятой воде мы вброд под огнем шли в атаку. Тело болело в холоде, ну, хуже, чем от ранения, а шли под огнем, и кто раненый был - тоже шел; знал - упадет, добьет вода, -и только на берегу позволял себе упасть или помереть.

Столкнули мы фашистов с небольшого кусочка земли, и прозвали ее все "Малой землей". А земля эта была неприютная, сырая, даже холод ее не брал, вроде как больная земля, ее соль разъедала, потому она такая. Ну, бомбил он нас, навылет всю эту "Малую землю" простреливал. Страдали мы без воды очень. Гнилой-то ее много было, а вот глоток простой и сладкой, ну прямо дороже последней закрутки считался.

Соберемся в траншее на ротное партийное собрание -парторг вопрос: как, мол, настроение? Некоторые даже обижались: какое такое может быть настроение, когда мы и на Волге сражались! Я вам правду скажу, мы все очень гордые считаемся. Так и на "Малой земле" мы все гордились и очень высоко свою марку ставили.

А когда мы с "Малой земли" по приказу командования на Крым ринулись, тут чего было - трудно описать. Какой-нибудь специальный человек - он бы выразил, а я не могу всего доложить. Одним словом, действовали с душой. А на душе одно было - изничтожить гадов, которые в Крыму, как гадюки под камнем, засели. Били в Джанкое, в Симферополе, в Бахчисарае и в прочих населенных пунктах. Но сберегли гады себе последнюю точку - вот этот город, где каждый камень совестливый боец целовать готов, потому здесь каждый камень знаменитый.

Мы с ходу позиции заняли у подножия гор. Неловкая позиция. Гитлеровцы на горах, горы эти пушками утыканы, камень весь изрыт, доты, дзоты, траншеи. Доты бетонные. Дзоты

под навесными скалами. Траншеи в полный рост. Нам все это командир роты доложил, старший лейтенант Самошин, может, встречали, - три ордена. Спокойный человек, бесстрашный. Заявил он нам так: "Вот глядите, товарищи бойцы, на то, что нам предстоит сделать. Горы эти, конечно, неприступные. А самая главная из них - Сапун-гора, и взять ее значит войти в Севастополь".

Мы, конечно, всякое видали, но после Сиваша гордости у нас еще прибавилось. А тут, у гор, мы без задора глядели на крутые скалы и знали, что пройти по ним живому все равно что сквозь чугунную струю, когда ее из летки выпускают. Знали, что восемь месяцев высоты эти держали наши люди дорогие, герои наши бессмертные. Ведь враг каждую щель, которую они нарыли, использовал да два года еще строил, население наше сгонял и оставшуюся артиллерию на эти горы со всего Крыма натащил. И опять же, ведь это горы! А мы все в степи дрались, на гладком пространстве. Скребло это все, честно скажу.

А надо командиру ответить. Встал Баранов. Есть такой у нас, очень аккуратный пулеметчик. Когда он тебя огнем прикрывает, идешь в атаку с полным спокойствием, словно отец за спиной стоит. Такое чувствовали все, когда Баранов у пулемета работал.

Выступил этот самый Баранов и сказал: "Я так думаю, товарищи. Те люди наши, которые до последней возможности своих сил Севастополь защищали, в мысли своей самой последней держали, что придут сюда несколько погодя снова советские люди - и такие придут, которые все могут. Они такую мысль держали потому, что свой народ знали, потому, что сами они были такими. Кто чего соображает -я за всех не знаю. Вот гляжу всем в глаза, и вы мне все в глаза глядите, я сейчас клятву скажу перед теми, которых сейчас нет".

Тут все вскочили и начали говорить без записи. Просто как-то от сердца получилось. И сказали мы: "Клянемся!" Я подробностей всех слов не помню. Знаете, такой момент был, сказал бы командир: "Вперед!" - пошли бы, куда хочешь пошли.

...И боец этот, сидевший у берега моря, зачерпнул горстью воду, солено-горькую воду, отпил ее, не заметив, что она горько-соленая, помолчал, затягиваясь папиросой так, что огонь ее полз, шипя, словно по бикфордову шнуру, и потом вдруг окрепшим голосом продолжал:

- Назначили штурм. Вышли мы на исходные. Рань такая, туман, утро тихое. Солнце чуть еще где-то теплится, тишина, дышать бы только и дышать. Ждем сигнала. Кто автомат трогает, гранаты заряжает. Лица у всех такие, ну, одним словом, понимаете: не всем солнце-то сегодня в полном свете увидеть, а

жить-то сейчас, понимаете, как хочется. Сейчас особенно охота жить, когда мы столько земли своей прошли, и чует ведь праздник наш человек, чует всем сердцем: он ведь скоро придет, окончательный праздник... А впереди Сапун-гора, и льдинка в сердце входит. Льдинка эта всегда перед атакой в сердце входит и дыхание теснит. И глядим мы в небо, где так хорошо, и вроде оно садом пахнет. Такая привычка у каждого - на небушко взглянуть, словно сладкой воды отпить, когда все в груди стесняет перед атакой.

И тут, понимаете, вдруг словно оно загудело, все небо: сначала так, исподволь, а потом все гуще, словно туча какая-то каменная по нему катилась. Сидим мы в окопах, знаете, такие удивленные, и потом увидели, что это в небе так гудело. Я всякое видел, я в Сталинграде под немецкими самолетами, лицом в землю уткнувшись, по десять часов лежал. Я знаю, что такое самолеты. Но, поймите, товарищ, это же наши самолеты шли, и столько, сколько я их никогда не видел. Вот как с того времени встала черная туча над немецкими укреплениями, так она еще, видите, до сего часа висит и все не расходится. Это не бомбежка была, это что-то такое невообразимое! А самолеты все идут и идут, конвейером идут. А мы глядим, как на горе камень переворачивается, трескается, раскалывается в пыль, и давно эта самая льдинка холодная под сердцем растаяла, горит сердце, и нет больше терпения ждать.

Командир говорит: "Спокойнее, ребята. Придет время - пойдете", - и на часы, которые у него на руке, смотрит.

А тут какие такие могут быть часы, когда вся душа горит! Сигнал был, но мы его не слышали, мы его почуяли, душой поняли и поднялись. Но не одни мы, дорогой товарищ, шли. Впереди нас каток катился, из огня каток. То артиллерия наша его выставила. Бежим, кричим и голоса своего не слышим. Осколки свистят, а мы на них внимания не держим, - это же наш огонь, к нему жмемся, словно он и ранить не имеет права.

Первые траншеи дрались долго. Гранатами мы бились. Пачку проволокой обвяжешь - и в блиндаж. Подносчики нам в мешках гранаты носили. Когда на вторые траншеи пошли, немец весь оставшийся огонь из уцелевших дотов и дзотов на нас бросил. Но мы пушки с собой тянули на руках в гору. Не знаю, может, четверку коней впрячь - и они бы через минуту из сил выбились, а мы от пушек руки не отрывали, откуда сила бралась! Если бы попросили просто так, для интереса, в другое время хоть метров на пятнадцать по такой крутизне орудие дотащить, - прямо доложу, нет к этому человеческой возможности. А тут ведь подняли до самой высоты, вон они и сейчас стоят там. Из этих

пушек мы прямой наводкой чуть не впритык к дзоту били, гасили гнезда. Били, как ломом.

Третья линия у самого гребня высоты была. Нам тогда казалось, что мы бежали к ней тоже полным ходом, но вот теперь, на отдохнувшую голову, скажу: ползли мы, а кто на четвереньках, - ведь гора эта тысяча сто метров высоты, и на каждом метре бой. Под конец одурел враг. Дымом все поднято было, и камни, которые наша артиллерия на вершине горы вверх подняла, казалось нам тогда, висели в небе и упасть не могли, их взрывами все время вверх подбрасывало, словно они не камни, а вроде кустов перекати-поля (видели во время бурана в степи?).

Стали фашисты из окопов выскакивать, из дзотов, из каменных пещер, чтобы бежать. Но мы их достигали. Зубами прямо за камень хватались, на локтях ползли. Как вырвались на вершину Сапун-горы - не помню.

Не знали мы, что такое произошло. Только увидели -внизу лежит небо чистое, а там, впереди, какой-то город красоты необыкновенной и море зеленое. Не подумали мы, что это Севастополь, не решались так сразу подумать. Вот только после того, как флаги увидели на концах горы зазубренной, поняли, чего мы достигли. Эти флаги мы заранее на каждую роту подготовили и договорились: кто первый достигнет, тот на вершине горы имеет знаменитое право его поставить. И как увидели мы много флагов на гребне, поняли, что не одни мы, не одна наша рота, а много таких и что город этот, - не просто так показалось, - он и есть Севастополь!

И побежали мы к городу.

Ну, там еще бои были. На Английском кладбище сражались. Серьезно пришлось. Когда окраины города достигли, тут опять немножко остановились. В домах там гитлеровцы нам стали под ногами путаться, но для нас в домах драться - это же наше старое занятие, сталинградское. Накидали мы, как полагается, гранат фрицам в форточку. Которых в переулках, на улицах достигли. Кто желал сдаться - тех миловали.

И когда потом стало вдруг нечего делать, оглянулись мы, и как-то нам всем чудно стало. Вроде как это мы и не мы, смотрим и даже радоваться не смеем.

Спрашивают: "Ты жив, Васильчиков?"

Это моя фамилия - Васильчиков, Алексей Леонидович.

"Вроде как да", - отвечаю, а до самого не доходит, что жив.

Стали город смотреть. И все не верится, что это Севастополь. Кто на исторические места пошел, чтобы убедиться, а я вот сюда, к морю, думал к самому краю подойти, чтобы фактически убедиться. Я эту мысль берег, когда еще на исходных стояли,

думал - к самому морю подойду и ногами туда стану. Ну вот, ноги помыл и сейчас думаю с вами вслух.

Я, может, сейчас немного не при себе - после боя все-таки. Говорю вам и знаю, что каждому слову нужно совесть иметь, а я так без разбору и сыплю, хочу сдержаться и не могу. Может, самое главное, что у меня вот тут, в сердце, есть, я вам и не проговорил как следует. Но вы же сами гору видели, как наша сила истолкла ее всю в порошок. Ехали ведь через нее, по белой пыли у вас вижу, что ехали. Так объясните вы мне, - может, знаете, - где есть еще такое место, которое вот эти солдаты - они сейчас по улицам ходят, все на Севастополь удивляются - пройти не смогут?

Я вам и свой и ихний путь объяснил. Есть у меня такая вера, что нет теперь такого места на земле, чтобы мы его насквозь пройти не могли! И решил я сейчас так: как то самое главное, последнее место пройду, сяду на самом последнем краю, все припомню - где прошел, как прошел...

Васильчиков помолчал, снова закурил, поглядел на море, потом вытер полой шинели ноги, обулся, встал, поправил на плече ремень автомата и вдруг застенчиво попросил:

- Только вы про меня чего-нибудь особенного не подумайте. Я даже не в первых рядах шел, только иногда выскакивал. Вы бы других послушали, настоящих ребят, - есть у нас такие, - только разве они будут рассказывать! Это я так вот тут, для разговора, на ветерке посидел, ну вот, значит, и отдохнул. Счастливо оставаться!

Попрощавшись, Васильчиков поднялся по нагретому солнцем камню набережной и скоро скрылся из глаз в гуще идущих по севастопольской улице таких же, как он, опаленных, покрытых пылью бойцов.

1944 год

Борис Полевой

Дочери Молдавии

Старшей из них 63 года. Она высокая, крепкая, хотя уже согбенная старостью, морщинистая женщина, крестьянка села Генерал-Поэтэш Федора Копунь. Весь свой век она прожила в родной деревне, никуда из нее не выезжая, здесь она вышла замуж, здесь вырастила 7 детей, здесь овдовела. Когда в 1941 году враги снова оккупировали Молдавию и по деревням началась кровавая страшная травля отдельных красноармейцев, выходивших из окружения и пробиравшихся за Днестр, ночью в избушку вдовы кто-то тихонько постучал. Это были два русских солдата, которые несли на носилках, сделанных из жердей и плащ-палаток, своего тяжело раненного командира старшего

лейтенанта Василия Цыбина. Цыбин со своей ротой больше месяца держался в блиндажах на берегу Прута. Рота таяла, но держалась и не отходила, и только когда были израсходованы все боеприпасы, а сам командир тяжело ранен, остатки бойцов, взорвав пулеметы, вырвались из окружающего кольца и вынесли своего командира. Кто знает, как удалось им пронести его через всю Бессарабию, когда по дорогам сновали патрули, а по деревням устраивались настоящие облавы с собаками-ищейками, но только они донесли своего командира до самого Днестра. Тут он совсем занемог. Раны его загноились. Он начал агонизировать, а приходя в себя, приказывал бойцам застрелить его и самим продолжать путь. Вот тогда-то они и решились постучать в хату к Федоре Копунь.

Старая молдаванка без слов впустила русских солдат, и хотя они говорили на разных языках, они сразу поняли друг друга. Она показала им место за печью, где можно было незаметно положить раненого, она отдала ему свои перины, взбила для него свои подушки, а бойцам жестами показала за Днестр. Они поняли, что им нужно уходить на восток, догонять своих, и что командира своего они оставляют в верных руках.

Почти два месяца пролежал офицер в своем уголке за печкой. Старая молдаванка ходила за ним, как мать. Она кормила его лучшим, что было в доме. Она приводила к нему мудрых стариков, которые лечили его раны по особому, им одним известному способу. Она продала последнюю корову, чтобы купить для своего названного сына гражданскую одежду, когда он выздоровел и собрался в путь. И она плакала, как мать, проводив его темной и холодной осенней ночью до самого Днестра и сдав в руки знакомому рыбаку, который должен был незаметно перевезти его на ту сторону.

Так старая молдавская крестьянка совершила свой подвиг во имя Родины, совершенно не подозревая, что это был подвиг. Ну, а остальное мне рассказал сам Василий Цыбин, ныне уже майор. С десятками приключений добрался он до линии фронта, перешел ее, отыскал свою часть, а когда враг под ударами Красной Армии побежал назад, майор со своим полком в обратном порядке повторил путь своего отступления. И когда полк его перешел через Днестр и в одно прекрасное утро в окно хатки на краю села Генерал-Поэтэш постучали, вышедшая на порог Федора Копунь едва узнала в рослом, загорелом человеке с поседевшими висками того самого худого юношу, которого качало ветром и которого она поддерживала за руку, когда он, оправившись от раны, учился ходить.

- Я не помню матери. Я потерял ее в раннем детстве. И,

честное слово, я считаю эту старую молдаванку за свою настоящую мать, хотя до сих пор я ни одного слова не знаю по-молдавски, а она по-русски, - сказал мне майор Цыбин, рассказавший мне эту историю у себя в блиндаже за кружкой доброго молдавского вина.

Женьева Петреслу - дочь священника из города Сороки Ее отец пользуется большим уважением среди прихожан. Женьева Давыдовна - молодая учительница, маленькая, очень хрупкая девушка, с тонким лицом, напоминающим лики ангелов старинного письма, с точеным носиком, с огромными стрельчатыми ресницами, из-за которых сверкают голубые, чистые детские глаза.

Перед отступлением из Сорок немецкая часть расположилась в школе, где она преподавала. Маленькая, уютная школа за один день была превращена в хлев. Во дворе немецкая солдатня устроила тир, где расстреливала в качестве мишеней портреты знаменитых русских писателей. Солдаты играли в футбол школьным глобусом, выпили весь спирт из демонстрационных препаратов; из книжек и наглядных пособий сложили во дворе костер и жарили на нем барана. Это были озверевшие дикари, и напрасно маленькая учительница и ее отец-священник пытались образумить их. Солдаты хохотали, бранились, отпускали в адрес девушки циничные шутки, а офицер выгнал их, сказав, что грязным молдавским обезьянам, не желающим воевать за великую Германию, грамота ни к чему.

Днем за горой по ущелью солдаты рыли укрепления, создавая сильную огневую позицию, своеобразную засаду, в которую должны были попасть части Красной Армии, как только они форсировали бы Днестр. Немцы безобразничали в школе, и дебоши их становились с каждой ночью все страшнее. Они ловили девушек, ночью из школы неслись их крики о помощи. Однажды, под утро, когда сломленные хмелем немцы спали в школе, во дворе появилась маленькая фигурка в темном платье. Она бесшумно что-то сделала сначала у одних, потом у других дверей, и вдруг ночь за Днестром осветилась белым пламенем. Это пылала занявшаяся сразу со всех сторон деревенская школа.

Утром часовые передовой части Красной Армии подобрали на берегу маленькую девушку, похожую на ребенка; она была в одном купальном костюме, а по реке гулял холодный мартовский ветер. Когда девушку по ее требованию повели к коменданту, она уже не могла идти и упала без сознания на руки бойцов. Ее привели в себя, и она рассказала о немецкой огневой позиции, которая строится за Днестром, и о плане заманить в ловушку передовые части Красной Армии.

Я видел эту девушку в ее родном городе несколько недель спустя после того, как она переплыла Днестр, чтобы предупредить советские части о грозящей им опасности. Была перемена. Она гуляла со своими учениками по чудесному саду старинного дома, где возобновила свою работу ее школа. Она принимала участие в детских играх, сама увлекаясь ими, как девочка.

Я с уважением пожал маленькую ручку этой, пожалуй, единственной в мире учительницы, которая во имя культуры и цивилизации сожгла свою школу вместе с бандой гитлеровских зверей.

Ну, а третий рассказ мой - о самой маленькой молдавской героине будет самый короткий и самый печальный. Я не видел самой героини, я не знаю ее имени, но я видел ее могилку на зеленой горке, недалеко от Прута у села Барамсуть, и танкисты, тесавшие на этой могилке оградку и памятник-обелиск, рассказали мне о ее подвиге.

Тут, у Прута, бои были особенно жестоки. Немцы ввели здесь в бой несколько новых, свежих подтянутых с Балкан дивизий и бросили их навстречу наступавшим частям Красной Армии. Разведывательная группа из трех советских танков попала в окружение, была отрезана от своих; желая ее уничтожить, немцы создали у дорог несколько противотанковых засад. Вот тут-то и подошла к танкистам эта маленькая, босая, черноволосая девчонка, в пестрой юбке и головном платке. Она знаками показала, что по дороге ехать нельзя, что в ложбине стоят немецкие пушки, и взялась вывести танки из засады.

Танкисты недоверчиво переглянулись: уж очень мал был проводник, но девочка взглядом и жестами умоляла верить ей.

Танкисты посадили девочку на броню танка, и, держась ручонками за люк, она показала им дорогу. На малом газу, с приглушенными моторами, танки выбрались из вражьего кольца. Но тут случилось непредвиденное; один танк увяз в болотце. Товарищи взяли его на буксир, немцы открыли их местонахождение и начали обстреливать танки. Танкисты спрятались вместе с девочкой в броню. Задраили башни и на всей скорости понеслись из кольца. Один немецкий снаряд настиг головной танк и, ранив башенного стрелка и девочку, зажег его. Два танка загородили пылающую машину. Танкисты спасли его экипаж и, усадив всех на свои машины, окончательно вырвались из вражеского кольца. Танки спаслись, но смертельно раненный ребенок умер на руках у танкистов, не успев назвать даже своего имени.

Вся танковая часть с воинскими почестями похоронила

маленькое тельце на вершине пологой горы. Оркестр и салюты прощальных залпов проводили девочку в ее последний путь...

В этих моих историях не прикрашено ни одного слова.

3 июня 1944 года

Илья Эренбург

Три года

До войны мир плохо нас знал. Уже свирепствовала фашистская чума, а многие слепые демократы старались оградиться санитарными кордонами не от очагов заразы, а от страны, которая на пути социального прогресса опередила другие. Европе грозило великое затемнение, а дурные пастыри заслонялись от света. Я читал десятки книг, посвященных нашей стране и написанных иностранцами. В них было много живописных анекдотов и мало исторической перспективы. В них поражало отсутствие прозрения, потеря чувства пропорций. Иностранные туристы охотно останавливались на дорожных ухабах, на тесноте в московской квартире, на плохой обуви. Все это было правдой, и все вместе это было ложью: детали мешали авторам разглядеть целое. Они не увидели страну, которая сказочно росла, не поняли, что мы жили на лесах, что обуть двести миллионов труднее, чем обуть двести тысяч, не прислушивались к разговорам в тесной московской квартире, из которых они могли бы понять, что наш народ приобщился к знанию, что он стал хозяином государства. Снисходительно отмечая отсутствие того или иного предмета комфорта, они забывали, что по соседству с нами гитлеровская Германия и что мы должны думать об обороне.

За границей Россию изображали как "колосса на глиняных ногах". Три года тому назад это сравнение приводило немцев в экстаз, и оно заставляло некоторых американцев преждевременно нас оплакивать. Первые месяцы войны как бы подтверждали этот навет: издали люди не видели, что мы отступали, но не уступали, что в беде страна крепла, что заводы, перекочевав на восток, удесятерили продукцию и что солдаты, отходя, думали о наступлении. Теперь салюты Москвы говорят то, что оставалось непонятным чужестранцам, - у колосса крепкие ноги.

Казалось, мы должны были изнемочь после трех лет кровопролитной войны, но даже в самые блистательные эпохи, когда Вольтер льстил Екатерине или когда Наполеон пал под русскими пиками, даже тогда Россия не мнилась миру такой мощной, как теперь. Три года многое изменили. Мы были первыми солдатами Сопротивления, и мы будем первыми кузнецами победы.

Эта победа не далась нам даром. Мы ее оплатили кровью

лучших. Мы во многом отказывали себе ради детей. Мы думали, что им суждено счастье. Им были суждены страшные бои.

В поте лица своего мы строили страну. Мы гордились нашими городами. Наша жизнь была необжита, как новая квартира, она пахла известкой, клеем, олифой. Немецкий танкист Гейнц Кальвой из дивизии "Мертвая голова" рассказывает: "Указывая на горящий дом, гауптшарфюрер Лютце кричал: "Этот замечательно горит! Так должно быть со всеми домами". Мы танцевали и пели вокруг горящих домов"... Да, они превратили в пепел труд поколения. Они назвали "зону пустыни" "высшим достижением немецкого военного гения".

Они отняли у нас реликвии. В Ясной Поляне они облюбовали дом, где жил Лев Толстой. Они устроили в нем конюшни. В музее Царского села они устроили вошебойку. Из золота новгородского Кремля они сделали стаканы и пепельницы.

Они украли у нас доверчивость, доброту. Они заставили мирнейших людей благословлять оружие. Мы стали мудрыми, и эта мудрость тяжела, как камень.

Я напомню: это было ровно три года тому назад. Вася с припухлым детским лицом терзался: что лучше - история или лингвистика? Председатель колхоза "Заветы Ильича" мечтал о премии на сельскохозяйственной выставке. В парке культуры ракеты чертили слова счастья. Молодой учитель Бобров шептал Оле: "Мы поедем с тобой в Крым". "К августу достроим поселок", - думал, засыпая, архитектор Чебуев. В пьесе "Машенька" старый профессор бормотал: "Где-то война, а мы трудимся", и ему аплодировали. Ревновали: она улыбнулась другому. Терзались: трудно снять дачу. Гадали: каким будет июль, погожим или дождливым? На следующее утро (это было в воскресенье) Москва проснулась беспечной, по-летнему растомленной. Мысли шли к сирени, к лесу, к отдыху.

А по дорогам Литвы уже неслись обезумевшие женщины и кровь пограничников уже горела на зеленой траве. Раздался хрип радио: "Граждане..."

Они долго готовились. Они обдумали каждый шаг. Мюллер шел в Киев. Шульц шел в Ленинград. Квачке торопился в Москву. Их были миллионы, буйных и кичливых, они в нетерпении перебирали ногами, как застоявшиеся лошади. Профессора Иены, Марбурга, Гейдельберга, Бонна им читали лекции: о дворцах Петербурга, о свойствах русского чернозема, о древнем пути в Индию, об уральской руде. Они стояли в городах растерзанной Польши: студенту скотоводы, пивовары, метафизики, колбасники, дуэлянты, воры, полицейские, сверхчеловеки, коммивояжеры, педерасты и бароны.

Среди них был Шрамке, который стащил в Париже восемь пар часов, Штольц, который изнасиловал пятнадцать полек, и Гайнц, который, взобравшись на Акрополь, отбил у Афродиты мраморный палец. У них были справочники: "Русские - низшая раса, созданная для повиновения". У них были словарики: "Давай корову. Становись к стенке. Ложись со мной спать. Копай могилу". У них были компасы, чтобы не заблудиться в сибирской тайге. У них были карты, чтобы пройти напрямик в Иран. У них были мощные танки, пикирующие бомбардировщики, порхающие минометы и автомобили всей Европы. У них были оберфюреры, зондерфюреры, штурмбаннфюреры, ротенфюреры, штандартенфюреры, шарфюреры, штафельфюреры, группенфюреры, и у них был фюрер, ефрейтор, который плюнул на Европу с Эйфелевой башни. В самую короткую ночь года они ринулись на восток. Они стреляли из автоматов в детей. Они давили танками женщин. Они жгли города. Они плыли, ползли и летели.

Это было всего три года тому назад. Как давно это было! Защищая Ленинград, погиб председатель колхоза "Заветы Ильича". Учитель Бобров убит у Сталинграда. Его Оля - связистка, сейчас она в Румынии. Архитектор Чебуев - командир саперного батальона, он дважды был ранен и прославился при переправе через Днепр. Вася не стал ни лингвистом, ни историком, он разведчик. Автора пьесы "Машенька" убила бомба. Люди теперь гадают: каким будет июнь и где мы начнем наступать?

Чтобы глина стала кувшином, надо ее обжечь. Суда смолят и сталь остужают. Мы узнали закал. О зрелом гении говорят: "Он достиг детской простоты". Это неточно: есть простота начала и есть другая простота мудрости. Между ними часто вся жизнь. Кто знает, как далеко мы шагнули за три года? На полях боя мы увидали то, чего не было в книгах. Жизнь оказалась проще и сложнее. Суровый солдат улыбнется ребенку или цветку, но сотни вздорных радостей и ничтожных горестей, три года тому назад волновавших его, теперь в нем вызывают пренебрежение. Он понял, что счастье не электрическая лампочка (повернешь - и вспыхнет), а та искра, которую высекают из кремня. Он теперь предпочитает чащу проложенным дорожкам. Он узнал, что слова условны, а кровь вязка. О человеке говорят: возмужал. О народе мы скажем: возрос.

Есть связь между душевным опытом каждого фронтовика и знаменами гвардии: "Прицел меньше один", - говорит лейтенант, он вызывает огонь на себя. Он не ищет смерти и не боится ее, он понял, что смерть входит в жизнь наравне с цветами и девушками. Этот лейтенант не философствует -ему недосуг, он

говорит о дистанциях, о почте, о щах. Но он и впрямь стал философом: он осознал жизнь.

У нас были до войны высокие идеи, богатейшая страна, таланты, возможности. Нам порой не хватало одного: опыта. В каждом деле важен не только замысел, но и выполнение. В боях наш народ научился выполнять задуманное. Ведь если ошибется наводчик, если поспешит снайпер, если замешкается танкист, битва будет проиграна. Я знаю многих майоров, которые начали войну как рядовые. Важнее другое: рядовой 1944 года не прежний рядовой. На груди у нашего народа маршальская звезда. Вот почему армия, отступавшая летом 1941 года, теперь стучится в ворота Германии.

Из тех немцев, которые 22 июня 1941-го перешли нашу границу, не много осталось в живых. У ветеранов в голове коллекция географических названий. Где только они не побывали! Будь они туристами, они могли бы сказать: "Мы достигли своего". Но это не туристы, это завоеватели. Много ли им пользы от того, что они увидали горы Кавказа, пески Египта, Волгу и Днепр? А надписи на немецких крестах от Сталинграда до Байе и от Карелии до Ливии - это адрес-календарь вчерашней Германии. За спиной у них развалины немецких городов. О том ли они мечтали? Они шли в Индию, в Сибирь, и вот они на тех самых местах, где три года тому назад готовились к походу...

Они теперь говорят об обороне, значит, они потеряли войну. Англичане в 1940 году могли стойко ожидать вторжения: они знали, что защищают свой остров, свои права, свою свободу. Когда немцы дошли до Волги, мы не пали духом: мы защищали русскую землю и Советское государство. У немцев не может быть того высокого сознания, которое позволяет в беде сохранить бодрость. На Германию никто не нападал. Мы идем к ним как истцы и как судьи. Нельзя быть подвижником с отмычкой в кармане и с детской кровью на руках. Германия была сильна, пока она завоевывала, для набегов росли ее дети. Но напрасно Гитлер рассчитывает на душевную силу неудачливых налетчиков.

Год тому назад немцы еще не понимали всего значения Сталинграда. Они готовились к наступлению на Курскую дугу. Они думали отыграться "тиграми" и "пантерами". Это наступление длилось недолго, и оно было последним наступлением Германии. Теперь немцы угрюмо гадают: где им будет нанесен очередной удар? Наше наступление на Выборг и взятие его лишний раз напомнило, что пришла пора решающих штурмов.

Три года войны на нашем фронте подготовили операции союзников в Нормандии. Американские корреспонденты удивленно отмечают, что среди пленных немцев - подростки и

пожилые. Это не потому, что немки двадцать пять лет тому назад не рожали сыновей. Это потому, что двадцатипятилетние немцы убиты в России. Теперь ничто не спасет Германию от окружения: ни "летающие снаряды", ни порхающие фон Палены. Котантенская операция подходит к концу, за ней последуют крупнейшие битвы. Французские партизаны терзают захватчиков. В Италии немцы начинают походить на итальянцев: по пленоспособности и бегоспособности. Все это только начало, но как это начало близко к концу!

Я не говорю, что развязка будет легкой. Перед нами не абстрактный немецкий народ, а вполне реальная многомиллионная банда убийц... Перед нами фашисты, связанные круговой порукой. Они ищут лазейку. Они хотят сыграть вничью. Они мечтают отложить партию на двадцать лет. Они будут яростно отбиваться, и последние "четверть часа" будут тяжелыми. Но все равно мы будем в Берлине: это было предрешено 22 июня 1941 года, в тот самый час, когда немцы на нас напали.

Нас ведет туда справедливый гнев. Наша земля и прежде видала захватчиков. Петр пил за побежденных шведов. Русские, придя в Париж, ласкали детей наполеоновских солдат. Разве можно сравнить наци с шведами Карла или с французами Бонапарта? Обдуманно, спокойно, аккуратно немцы совершали свои бесчеловечные дела - чтобы освободить Россию от русских, чтобы показать свое расовое превосходство, чтобы развлечься. Простить можно живого человека, а не робота, не мастера "душегубок", не "банщиков" из тех бараков, где немцы газами убивают женщин. Можно простить за себя, не за детей. В Мариуполе 20 октября 1941 года немцы повели несколько тысяч жителей на казнь. Обреченным приказали раздеться.

Крохотный Владя, не понимая, что его ждет, кричал: "Мама, мы будем купаться?" Кто посмеет простить за Владю?

В Симеизской обсерватории немцы устроили конюшню, и на площадке, где астрономы изучали ход светил, солдаты испражнялись.

Мы не хотим разбивать телескопы Иены Мы не хотим жечь дом Гете. Мы не хотим мазать губы немецких детей синильной кислотой. Мы хотим одного: очистить мир от преступников. Мы хотим надеть на Германию смирительную рубашку. Мы хотим прийти к ним, чтобы никогда больше они не пришли к нам. Этим мы спасем не только русских детей и Советский Союз, но все человечество.

Три года страдает моя земля... Я не знаю, каким будет день, когда мы войдем в Берлин, - знойный, дождливым или студеным,

но я знаю, что, проходя по унылый казарменным улицам немецкой столицы, каждый из нас вспомнит июньское утро, жизнь, рассеченную пополам. Надломив саблю над головой Германии, мы скажем: больше никогда!

20 июня 1944 года

На Бобруйском направлении наши войска, развивая охватывающие удары с востока и юга на Бобруйск, завершили окружение группировки противника, состоящей из пяти пехотных дивизий, в районе Бобруйска и юго-восточнее города.

Из оперативной сводки Совинформбюро

27 июня 1944 г.

Василий Гроссман

Бобруйский "котел"

1.

День и час наступления рождаются в великой тайне. Но, конечно, тысячи тысяч людей, вся Красная Армия, весь советский народ знали, что наступление будет и ждали его. Противник томительно ждал нашего наступления, готовился к нему, лихорадочно вслушиваясь в лукавую, заманивающую стрельбу наших пушек, вызывавших на ответный огонь немецкие батареи, скрытые в лесах, рощах, высокой зеленой ржи.

Да, немцы ждали и готовились к нашему наступлению.

Дивизии фельдмаршала фон Буша, собранные против армии одного лишь Рокоссовского, к часу удара числом своим не уступали дивизиям Рундштедта, подготовленным к отражению вторжения английских и американских войск во Францию. Но дивизии Буша превосходили европейские армии немцев своей выучкой и военным опытом. Эти отборные войска должны были отразить атаку армий 1-го Белорусского фронта. Фон Буш лично незадолго до нашего наступления объезжал дивизии и полки, призывая к стойкости солдат. С солдат была взята подписка, что они умрут, но не отступят ни на шаг. Им объявили, что отступавшие будут расстреляны, а семьи их в Германии репрессированы. Оборона на реке Друть уходила в глубину на многие километры. Шесть линий траншей, минные поля, проволока, артиллерия всех калибров - все было подготовлено для успешного отражения атаки. Немцы ждали удара. Офицер, захваченный нами в плен за несколько дней до начала наступления, рассказал, что единственной темой разговоров среди немецкого офицерства было предстоящее наступление советских войск. Шепотом поговаривали о громадном белорусском "котле". Гадали о направлении ударов. В армиях были отменены отпуска. В обороне были подготовлены новинки. Так, например, в предвидении нашей артиллерийской подготовки немцы, помимо мощных многонакатных блиндажей, устроили в траншеях специальные купола из гофрированного металла. Такой металлический колокол, сверху засыпанный песком, выдерживает удар снаряда среднего калибра и служит укрытием для пулемета и пулеметчика на время артиллерийской подготовки. Едва кончается огонь артиллерии, пулеметчик выскакивает со своим оружием по специальному лазу и ведет огонь. Такие пулеметы в некоторых траншеях находились друг от друга на расстоянии 10-15 метров. В предвидении того, что многие батареи засечены нашей артиллерийской разведкой, немцы установили новые, "немые", батареи пушек и минометов,ничем не выдававшие своего присутствия в период затишья. Они были специально предназначены к ведению огня по нашей пехоте.

В чем же, рождается вопрос, тайна наступления, если все мы, и не только наши друзья, но и враги наши, ждали его?

Тайна наступления была в том, что немцы не знали дня его и часа, не знали направления главного и вспомогательных ударов.

Успех немецкого наступления в июне 1941 года был в значительной степени определен вероломной, бандитской внезапностью. Неуспех немецкого наступления в июле 1943 года в известной степени определялся тем, что мы знали об этом

наступлении, ждали его и готовились к нему. Наша разведка установила не только день, но и час его. Немцам не удалось нанести удар в спину. Немецкое наступление, лишенное элемента бандитской внезапности, превратилось в отступление. Битва за Курск, начатая немцами, кончилась на Днепре. В этой битве немцы потеряли Украину. При встрече грудь с грудью немцы были разбиты. Ровно через три года после начала войны грохот артиллерийской канонады, перекатываясь по трем фронтам с севера на юг, известил мир, что началась битва за Белоруссию.

Нам не помогало, как немцам в июне 1941 года, вероломство. Повернувшись к врагу грудью, мы доказали в эти дни свое преимущество над ним, превосходство нашего оружия, превосходство нашего духа, нашего умения.

2.

Войска генерала Горбатова начали артиллерийскую подготовку в четыре часа утра. Дул порывистый холодный ветер рассвета. Воздух, избы в пустой деревне, деревья, земля, не по-летнему низкие облака казались серыми, словно весь мир в этот рассветный час был нарисован скучными водянистыми чернилами. На деревьях, торопя приход солнца, кричали птицы. Серый свет без солнца тревожил и пугал их. В это утро было две зари. Небо на западе осветилось мерцающим, сплошным и беспрерывным огнем, он спорил с огнем всходившего солнца. Святой огонь отечественной войны.

Тяжкие молоты артиллерии главного командования, рев дивизионных пушек, удары гаубиц, четкая и частая стрельба полковых пушек слились в единый потрясающий землю звук. Облака, поглощая огонь, начали светиться, точно и в самом деле взошло в небе еще одно солнце.

В грохот артиллерийской молотьбы ворвался свистящий звук, словно огромный паровоз выпускал пары, и в небо поднялись сотни огненных серпов и острием своим вонзились в немецкие траншеи, - то начали свою работу дивизионы гвардейских минометов... Кошка бежала по пустой улице деревни, она, видимо, кричала, но крик ее не был слышен. Листва белорусских кленов, дубов, тополей трепетала. В пустых избах вылетали стекла, рушились печи, хлопали двери и ставни.

На мгновение смолкла стрельба, но тишины не было -на деревьях дружно пели птицы. Они приветствовали солнце свободы, всходившее над Белоруссией.

Когда сторонний человек подъезжает к металлургическому заводу, то грохот разумного труда кажется ему хаосом, ревом моря. В этом сегодняшнем грохоте нашей артиллерии непосвященному человеку тоже могло почудиться бушевание

стихии, хаос. Но то был грохот труда войны, труда столь же умного, сложного и большого, как труд тысяч инженеров, горновых, сталеваров, чертежников, прокатчиков, диспетчеров на металлургическом заводе. Сотни и тысячи часов кропотливой, напряженной работы предшествовали этому буйному пиршеству артиллерийского огня. Каждое из многих сотен орудий било по заранее разведанной и засеченной цели.

Огромный труд разведчиков, командиров полков и дивизионов, летчиков, топографов и штабных офицеров предшествовал шквальному огню артиллерии. Он, этот разумный и кропотливый труд, направлял движение и удары огневого вала, и каждая из наших пушек била по пушке, по пулемету врага. И все же не весь огонь противника был подавлен во время артиллерийской подготовки. Несколько раз наша пехота поднималась в атаку и встречала огонь немецких пулеметов и минометов. Немцы отлично понимали значение рубежа своей обороны, они дрались за него со страшным упорством, с бешенством отчаяния, с яростью самоубийц. Они выползали из-под гофрированных листов металла, устанавливали в полуразрушенных траншеях пулеметы; их "немые" орудия и пулеметы заговорили. В этой встрече грудь с грудью немцы напрягли все свои силы, достигли высшего потенциала своего оборонительного упорства. Это был бой без всяких скидок на "эластичность", мастером которой считался бывший командующий 9-й армией генерал Модель, "Модель эластичный". 8 нынешних боях 9-я армия должна была проявить всю свою стойкость.

Тяжело было наступать дивизиям Красной Армии по болотистой пойме Друти на высоты, занятые немцами, на тянущиеся на километры одна за другой траншеи... К середине дня в воздух поднялась наша авиация. Никогда не приходилось видеть мне такого количества самолетов. Огромный простор неба стал вдруг тесен, как становится тесной Красная площадь в дни майского праздника. Небо гудело - мерно рокотали пикирующие бомбардировщики, жесткими железными голосами гудели штурмовики, пронзительно взвывали моторы "яков" и "лагов". Луга и поля стали пятнистыми от плавных теней облаков и быстрых теней сотен самолетов, летевших между землей и солнцем. За линией фронта поднялась высокая черная стена: дым казался тяжелым и черным, как земля, а земля легко шла в небо, превращенная в дым. И в это время новый тяжкий звук вошел в оркестр битвы. Танковый корпус, тайно сосредоточенный в лесу, всем своим стальным телом пополз к месту нового сосредоточения, готовясь войти в прорыв вражеской обороны.

Машины шли, замаскированные срубленными ветвями и стволами молодых березок и осин. Миллионы молодых зеленых листочков трепетали в воздухе, молодые лица танкистов глядели из люков. Готовясь х наступлению, на фронте обычно говорят: "будет свадьба", "будет праздник". И невольно думалось, глядя на сталь, увенчанную зеленью: вот он наступил, праздник, - суровый, дерзкий праздник войны.

Пришли минуты, когда грохот артиллерии, туя самолетов, рев танковых моторов слились в один потрясающий небо и землю гуд. И казалось - то поднялся Урал, до которого собирались дойти захватчики, поднялся и зашагал на запад, прогибая землю и небо. И ничего так не хотелось, как чудом перенести в этот час торжества силы нашего рабочего отечества тысячи тысяч великих, скромных тружеников, рабочих и инженеров, чьей бессонной работой, чьими золотыми, честными руками, чьим тяжелым потом созданы пушки, танки, самолеты Красной Армии. Их не было, они не могли быть здесь, но пусть знают они, что в эти грозные, кровавые дни приходилось слышать от многих и многих генералов, офицеров, красноармейцев-пехотинцев слова великой благодарности и великой любви, обращенные к нашим рабочим. Их труд, их пот сохранил много молодой крови, крови тех, кто шел вперед.

3.

Говорят, пехота - царица полей. В эти дни пехота была царицей не одних только полей, она царила в лесах, на болотах, на реках. Все роды оружия служат ей, но и она служит им всем. Велика сила моторов, брони, огня механизмов. Пушка борется с пушкой, осколки снарядов рвут колючую проволоку. Саперы прокладывают проходы в минных полях. Страшная это работа: в тридцати - пятидесяти метрах от траншей противника во время нашей артиллерийской подготовки ползком пробираться вперед, обезвреживать мины, резать проволоку. Здесь мы встретились со старыми сталинградцами-гуртьевцами, саперами майора Рывкина, мастера дела, в котором ошибиться можно лишь раз. Так же, как на заводе "Баррикады", ползал перед брустверами немецких окопов сухощавый старший сержант Ефим Ефимович Дудников - в руках ножницы, щуп, в брезентовой сумочке гранаты, на боку пистолет лучшего сапера Сталинграда легендарного Брысина, погибшего несколько месяцев тому назад. Этот пистолет был передан Дудникову командованием дивизии. Проходы в минных полях перед фронтом дивизии были сделаны столь тщательно, что за весь период прорыва вражеской обороны ни один человек не подорвался на вражеской мине. Полковая артиллерия и самоходные пушки, танки поддержки пехоты

сопутствовали стрелкам во все время прорыва. Упорное, бешеное сопротивление немцев, длившееся тридцать часов, было сломлено, и к полудню на второй день наши войска захватили все шесть линий немецких траншей. Сильны моторы и броня танков, сокрушительна сила артиллерийского огня. Сила моторов и пулеметного огня помогли пехоте. И пехотинец, демиург войны, идущий в тоненькой гимнастерочке по железным полям битвы, щедро оплатил ту помощь, что оказали ему при прорыве обороны врага. Он не остался в долгу ни перед артиллерией, ни перед танками, ни перед саперами.

Стрелковые полки, вырвавшись вперед, не знали ни дня, ни ночи. Их бессонное боевое движение не дало врагу закрепиться ни на одном из рубежей. Ни на Догбысне, ни на реке Оле, ни на Вири. Пехота указывала самоходным пушкам скрытые в зарослях "фердинанды". У саперов не стало работы по разминированию дорог и строительству мостов: столь стремительным был натиск пехоты, что немцы не успевали взрывать и минировать. Из-под одного большого моста было вытащено полторы тонны заранее заложенной немцами взрывчатки. Сотни мостов, мостиков, гатей остались целы. Путь танкам был открыт. Пехота шла полями, в болотах по пояс, темным лесом, колючими зарослями, появляясь там, где не ждали ее немцы. Она щедро оплатила свой долг артиллерии и танкам. Операция была рассчитана высшим штабом на девять дней, генерал Горбатов взялся провести ее за семь. Человек с винтовкой, в выцветшей от дождя и солнца гимнастерке дал возможность командованию осуществить свой замысел в три дня.

В чем же заключался этот замысел?

Идея его, как все хорошие и большие идеи, была проста. После прорыва немецкой обороны главный удар был намечен на неожиданном для немцев направлении. Танки, войдя в прорыв и устремившись перпендикулярно к Березине, в определенном пункте резко меняли направление движения и, выйдя северней Бобруйска в тыл немцам, должны были превратиться в стальную наковальню, на которой очутятся пять пехотных и одна танковая дивизия противника. Успех операции сулил немцам жестокий "котел", смертное окружение. Сосредоточение танковых и артиллерийских сил на направлении главного удара происходило в величайшей тайне. Огромные переброски боевой техники шли в течение нескольких недель в темные ночные часы. Пятьдесят опытных офицеров руководили движением. Артиллерийские и танковые полки задолго до рассвета бесследно исчезали в лесах на берегу Друти. Немецкие разведчики констатировали изо дня в день одно и то же: "По дорогам обычное движение".

И вот к полудню на третий день после начала наступления танки Бахарева вошли в прорыв. Они ринулись по дорогам, которые пехота не дала немцам заминировать, переправлялись по мостам, которые пехота не дала немцам взорвать. В течение нескольких часов марш танков был закончен - группировка немцев, отступавшая под ударами наших пехотных дивизий на запад от Друти, была отрезана у восточного берега Березины. Этой части 9-й немецко-фашистской армии не удалось вырваться к Березине, как вырвалась к ней когда-то армия Наполеона. Возмездие настигло немцев не на переправе, а на восточном берегу реки. Березине отныне суждено навеки ужасать всех, помысливших о вторжении в Россию. Березина 1944 года стала рядом с Березиной 1812 года.

4.

Мне удалось видеть, как были сцементированы стены бобруйского "котла" и как, если можно так выразиться, действовали ножом и черпаком наши подразделения внутри самого "котла". Нож рассекал связь и взаимодействие немецких армейских корпусов с дивизиями, дивизий - с полками, полков с батальонами и ротами. Нож уничтожал тех, кто не складывал оружия. Черпак щедро вычерпывал пленных. Он действовал быстро, легко, неутомимо в руках умелых "кашеваров".

Генерал Урбанович сидел в немецком солдатском блиндаже на опушке соснового леса. Солома на нарах еще сохранила отпечатки тел немцев, лежавших здесь несколько часов тому назад. На земляном полу валялись журналы, пухлые книги немецких романистов... Телефонист упорно твердил: "Резеда, слушай меня, Резеда, Резеда, Резеда. Я Мак, я Мак!" "Виллисы" стремглав, как по шоссе, мчались меж сосновых стволов, останавливались у входа в блиндаж.

Потные от жары и радостного возбуждения, командиры-артиллеристы, пехотинцы, офицеры связи докладывали генералу обстановку. В воздухе стоял грохот наших пушек, ухали разрывы немецких снарядов. Урбанович, худощавый человек с начинающей лысеть головой, сидел за картой, положенной на сосновые нетесаные доски стола. Протирая платочком пенсне, он склонялся над картой и, водя по ней карандашом, отдавал приказания окружавшим его офицерам. Танки, самоходные пушки, стрелковые батальоны, артиллерийские батареи размещались им на дорогах, мостах - всюду, где могли быть попытки прорыва немцев из окружения. Спокойные движения, профессорски неторопливая речь Урбановича были противоположны возбуждению окружавших его людей. Боясь, что приказания его будут неточно выполнены в лихорадочном

напряжении этих часов ичто "котел" даст течь, он спрашивал:

- Вам понятно? Запишите. Теперь повторите. Повторите еще раз. Так. Можете идти.

Одна за другой перерезались дороги отхода немцев. Стены "котла" становились все плотней и непроницаемей. К вечеру 27 июня немцы поняли постигшую их катастрофу. Два дня, проведенные нами внутри "котла", богаты таким огромным количеством впечатлений, событий, что простой перечень их занял бы много страниц.

Несколько раз немцы в первые часы окружения, когда управление армейского корпуса и дивизий не было окончательно нарушено, пытались, собрав танковый и артиллерийский кулак, прорваться на северо-запад. Они перешли в атаку в три часа утра 26 июня. Огромной крови стоили им эти попытки. И тщетными оказались они. Тогда немецкое командование предложило войскам вырываться из окружения отрядами, применяя тактику обмана и вероломства. Подняв одну руку и держа в другой оружие, фашисты. объявляли о сдаче, а затем, подойдя на близкое расстояние, бросались в атаку. Несколько наших парламентеров, среди них майор, вышедшие на переговоры, были убиты. И вновь огромной кровью заплатили фашисты за это вероломство. Июнь 1944 года - это не июнь 1941-го. Страшно выглядели белорусские леса в эти дни. Были места в этих лесах, где не стало видно земли под телами фашистов.

Наступил третий период ликвидации "котла". Немцы потеряли артиллерию. Тысячи огромных, откормленных артиллерийских лошадей бродили среди сосен и в высокой зеленой ржи. Штабеля снарядов одиноко стояли под деревьями. Брошенные пушки смотрели на восток, на запад, на север и на юг: в последние часы артиллеристы-немцы ждали нас со всех четырех сторон.

Рассыпались корпуса, дивизии, полки и роты. Немецкие генерал-лейтенанты устраивали митинги под высокими соснами и наши одиночки-разведчики наблюдали из кустарников, как генералы убеждали группки солдат повременить со сдачей в плен. Командиры дивизий, брошенные ординарцами, лишенные кухни и поваров, занялись сбором земляники на лесных полянах. Командиры полков шуршали среди стеблей ржи, выглядывая на дорогу, по которой шли наши танки. Гауптманы, обер-лейтенанты, позванивая орденами, рыли себе берлоги под деревьями.

В "котле" начал работать наш черпак. Пыль поднялась высоко в небо - то зашагали на восток тысячи немецких сапог. По десяткам белорусских дорог задымились желтые столбы пыли,

шли немецкие пленники, солдаты и офицеры. Лица их были черны от грязи, мундиры оборваны, головы опущены, глаза смотрели в землю.

Каких только диковинных немцев не пришлось повидать нам за эти часы, когда черпак выбирал их из бобруйского "котла". Командира полка с семью орденами, убийцу с небесно-голубыми глазами и розовыми губками жеманной девицы, в бумажнике которого мы увидели серии страшных фотографий, на одной из них изображен повешенный партизан и женщина, обнимающая его мертвые ноги. "Это было в Польше", - сказал нам немец, как будто разбой в Польше ненаказуем. "Но почему же на дощечке возле тела повешенного сделана русская надпись: "Мера наказания партизану"? - "Это ничего не значит, это было на границе России и Польши", - ответил убийца. Мы говорили с ошалевшими гауптманами и обер-лейтенантами, только что вышедшими из ржи с поднятыми руками. Не успев опустить руки, они тотчас же заявляли, что Германия непобедима. Когда их спрашивали о судьбе их батальонов, уже пылivших на восток, они безмерно равнодушно пожимали плечами и с дрожью волнения в голосе просили возвратить им ножички, бритвы, перламутровые пилки для ногтей и прочие безделки, не полагающиеся им по должности военнопленных. Из глубины "котла" были вычерпаны диковинные человеки, которых не встретить среди пленных немцев переднего края. Интенданты, пасторы, каратели, знаменитый дипломированный повар с жирными щеками, услаждавший своим искусством желудок генерал-лейтенанта, командовавшего дивизией, капитан гигантского роста, с плечами такой ширины, что он, пожалуй, не смог бы пройти в широко распахнутые ворота, и с таким маленьким черепом, что он был бы тесен для новорожденного младенца. Этот капитан командовал тыловыми обозами. Короткий разговор с ним убедил нас, что лошади его обоза совершенно не были удовлетворены интеллектуальным уровнем своего шефа. Немцев "вычесывали" из лесов, из рощ, из оврагов, из ржи, из болот, поодиночке, десятками, сотнями, огромными толпами. В последние часы добыванием пленных занимались не только автоматчики, стрелки и танкисты, но и "добровольцы" - киномеханик клубной передвижки, парикмахер штаба дивизии, девушки из политотдела дивизии.

Сто часов нашего наступления понадобилось, чтобы довести отборные, воевавшие три года на Восточном фронте дивизии немцев до состояния полного потрясения, маразма, беспомощности. Сто часов понадобилось, чтобы превратить хорошо организованную, глубоко закопавшуюся в траншеи,

снабженную мощной артиллерией и танками, бешено сопротивлявшуюся в первые дни группировку немецко-фашистских войск в огромную толпу, шагающую в желтых облаках пыли под конвоем десятков наших автоматчиков. Все это свидетельствует об огромном, решающем превосходстве Красной Армии над силой фашистских войск.

5.

Через три дня мы вернулись в штаб генерала Горбатова, встретили людей, с которыми в серый холодный рассвет слушали артиллерийскую подготовку, видели плавный могучий ход нашей авиации, слушали рокот бахаревских танков, сосредоточившихся для ввода в прорыв. Неужели прошло только три дня с того часа, когда пехота пошла по смертной пойме Друти в атаку на немецкие траншеи?

Начальник штаба, генерал Ивашечкин, ближайший помощник Горбатова, сидит за столом, его курчавая голова склонилась над картой. Седеющий высокий человек, генерал Горбатов, обратился к войскам с поздравлением, с призывом после славных бобруйских побед еще стремительней бить врага. Его помощники знают закон своего генерала: не жалеть в бою фашистской крови, пуще глаза беречь кровь нашего бойца и командира.

Войска движутся вперед, далекий путь лежит перед ними, велика ждущая их слава. Успеха и счастья, товарищи!

28 июня 1944 года

Натан Рыбак

Ковпак

Таинственно и предостерегающе шумит лес.

Уходят в густую чащу тропы. Сизые облака проплывают совсем низко над деревьями. У дороги лежат громады обгорелых танков, меченных свастикой, опрокинутые вверх колесами немецкие грузовые машины и зарывшийся носом в канаву штабной автомобиль. Картину сражения дополняли еще вчера трупы немцев, а сегодня утром по приказу командира партизанского отряда их убрали.

В этом месте подвижная группа одного немецкого соединения попыталась проложить себе дорогу из окружения. Партизаны в свою очередь окружили немцев и истребили их поголовно. Взятые в плен фашистские офицеры недоуменно разводили руками и охотно утверждали, что Гитлеру капут. Теперь они сидят в землянках. Бородатый Вакуленко стоит у входа в землянку, с автоматом наперевес. Ему скучно, как он выражается, от такой работы, но приказ командира есть приказ, и он стережет фрицев.

К слову сказать, Вакуленко вообще не особенно любит на посту стоять. Куда лучше ходить в разведку! В прошлом старик

Вакуленко - колхозный пастух; в отряде с первого дня его основания; он уже дважды награжден. Партизаны тепло называют его "папаша", а он их всех - "сынки".

Был случай, когда Вакуленко один пригнал в партизанский лагерь двадцать немцев. И все они покорно шли впереди него, словно скотина, а он весело покрикивал на них, помахивая вместо кнута автоматом.

В лесу тихо, только шумит в соснах неспокойный ветер. Над землянками вьются дымки.

Партизаны отдыхают, фронт передвинулся далеко вперед. От командования соединения еще не поступил приказ. Ходит слух, что будет приказ - по домам, поскольку родные места уже освобождены Красной Армией.

Онуфрий Чумак, разглаживая усы, высказывает свои соображения по этому поводу:

- Оно, конечно, домой охота, повоевали мы. Да, с другой стороны, и повоевать тож охота, вперед пойти не мешает. Нам, конечно, с армией не сравняться, да в помощь ей можем стать иногда.

Ну, то батьке виднее: как наш батько генерал скажет, так и будет.

Батько генерал - это Сидор Артемьевич Ковпак. О нем говорят в отряде все. Его приказа ждут, и этому приказу подчиняются беспрекословно.

Онуфрий Чумак вспоминает:

- Когда осенью 1942 года немцы на нас танки бросили и всю дивизию "СС", Сидор Артемьевич спросил: "Ну, как, колхозное войско, не одолеет нас немец?" "Как ты думаешь, так и будет", - ответили мы ему. "Я думаю, не одолеет, - молвил Сидор Артемьевич, - хотя жарковато нам придется".

И, сказать правду, пришлось довольно горячо, да не одолели нас немцы. Вырвались мы из кольца, а их перебили целые горы.

Онуфрий Чумак - в прошлом тракторист. Это ему пригодилось. В нужную минуту он сел в захваченный немецкий танк и неожиданно появился в одном местечке, занятом немцами.

Подъехал к хате, где помещался вражеский штаб, и с ходу ударил из орудия. Обезумевшие немцы бросились кто куда, а танк Чумака "утюжил" по деревне немцев. В отряде об этом случае часто вспоминают. К Чумаку обращаются:

- Расскажи, как ты населенный пункт взял. - -Чумак машет рукой и ухмыляется в ус:

- А чего там рассказывать! Приказал батько генерал, ну и было исполнено. Мое дело маленькое.

...Шла степью девушка. Видно, издалека шла, еле ногами

перебирала, шаталась от усталости. Увидела деда с котомкой. С виду он будто нищий, ветхий, такой немощный. Спросила сразу:

- Дедушка, как партизан мне найти?

Дед глянул подозрительно, пробормотал что-то в ответ и пошел дальше, а она за ним и все просила:

- Скажи, дедушка. Они мне как свет нужны. Ты меня не бойся, я от немцев бежала из самой проклятой Германии.

И молчаливому деду девушка поведала всю свою злосчастную историю о том, как ее в Германию увезли, как на заводе работала она, а потом за сто марок купил ее в Гамбурге кулак и увез к себе в село. И там она, словно скотина, от зари до зари спину на немца гнула. Били ее, ногами пинали. Раз она не выдержала, толкнула хозяйку, которая ее за косы рвала, и тогда рассвирепевший немец топором отрубил ей руку. При этих словах она показала деду забинтованный и скрытый под жакеткой обрубок левой руки.

Тогда дед остановился, глянул ей в глаза и тихо сказал: - Иди за мной. Приведу, куда хочешь.

Дед Свирид Мирошниченко, связной партизан, как выяснила девушка впоследствии, привел ее в свой отряд. И вот спустя много месяцев стоит перед нами она, Мария Стасюк. Рукав на левой руке высоко подстегнут. Это неизгладимая, печальная память о пребывании в немецком рабстве.

Мария слывет одним из лучших бойцов партизанского отряда. Она выполнила немало смелых заданий, физический недостаток не помешал ей стрелять в ненавистных оккупантов. Конечно, как и все, она скучает по родному дому. Ведь небось в Полтаве ее давно похоронили. Но крепко в ней, очень крепко желание с автоматом в руке дойти до немецкого села Фрайтгат и появиться на пороге каменного дома Рудольфа Шемберга. Она хотела бы посмотреть, какое тогда выражение лица станет у герра Шемберга и у фрау Амалии. Забавное будет зрелище! Когда Мария говорит об этом, брови сурово сдвигаются и в глубоких карих глазах вспыхивают грозные огоньки.

О прошлых походах, о невзгодах и трудностях партизаны говорят неохотно и скупо.

- Что рассказывать? Война, как война, - спокойно повествует агроном Николюк. - Конечно, не всем приятно было сознавать, что вокруг немцы. Но нам всем пример показывал Сидор Артемьевич. В его соединении быть великая честь. Он, как карающая рука, всюду настигал немецких злодеев.

Земля, по которой мы ходим и ездим, очищена полностью от фашистов. Но еще не так давно они рыскали здесь повсюду, и партизаны вели упорную и жестокую борьбу с оккупантами. Большие и малые отряды Ковпака неожиданно появлялись там,

где немцы никогда их не ждали. Среди ночи огонь охватывал здания штабов, взлетали в воздух артиллерийские склады, летели под откос эшелоны, выводились из строя станции и мосты. И везде и всюду оккупанты слышали страшное для них слово - "Ковпак". На стенах домов, на заборах, в селах и городах, на придорожных столбах и на деревьях в лесу чьи-то невидимые руки расклеивали краткие листовки. Из них народ узнавал правду о военных действиях, узнавал о событиях за линией фронта.

...Было это в Сорочинцах на базаре в воскресный день сорок второго года. Конечно, базар не такой, как до войны. Ни песен, ни говора, ни смеха не было. Но жить ведь людям надо, и ехали и пешком шли они из окрестных сел в Сорочинцы, чтобы продать то, что осталось утаенного от грабителей, да и людей встретить, новость какую узнать. Ходил среди возов человек в свитке, с кнутом в левой руке. Росту он был среднего, с небольшой седой бородкой; ходит, цыгаркой дымит, улыбается хитровато, посматривает на возы, на людей, будто ищет чего-то. Сел у одного воза возле группки крестьян. Они сразу замолчали, смотрят на непрошенного гостя исподлобья. А он усмехнулся и так прямо сказал:

- А вы не бойтесь - знаю, немцев ругаете. Я человек свой. Как там у вас люди в Грязевке? Что, немцы много беды натворили?

Люди по сторонам оглянулись, смотрят на человека как-то недоверчиво, но потом постепенно разговорились. Конечно, плохо в Грязевке, мочи больше нет терпеть. Староста - подлец, кулак беглый, с немцами и объявился. Теперь мобилизацию проводит, на будущей неделе отправлять будет в Германию парней и девчат - всего человек двести, пусто станет в селе. А заложников сколько уже взяли - не перечесть!

Человек в свитке слушает внимательно. Лицо его становится суровым.

- К нам бы хотя партизаны заглянули, - говорит один колхозник. - Много б с ними ушло, да и немцев потрусили бы. А то расходились каины. Хоть бы Ковпак кого прислал.

- Пришлет, а может, и сам появится у вас, - отвечает человек в свитке.

- А тебе откуда это известно? - отмахивается старичок в домотканой рубахе до колен.

- Мне доподлинно известно, - говорит человек в свитке, - я Ковпак.

А через два дня среди ночи в Грязевке появляется Ковпак с небольшим отрядом партизан.

Взлетает в воздух немецкая комендатура, бегут фрицы в дикой панике, поднимают руки, сдаются в плен. Окруженный

партизанами, стоит на площади перед церковью немецкий прислужник - предатель староста.

Имя народного героя, партизанского водителя Сидора Ковпака благословляется в каждой хате.

Старуха Дарья Сербиченко, у которой три сына в Красной Армии, а сама она с первых дней в одном из партизанских отрядов стряпает еду партизанам, говорит о Ковпаке:

- Герой он такой, что в заморских землях такого не сыщешь, а все потому, что правду народную сердцем чует.

...В сияющем огнями Киевском театре оперы шло заседание сессии Верховного Совета Украины. Впервые после двух лет оккупации собрались народные избранники в освобожденной столице. И когда глава правительства Украины назвал депутатам имя прославленного генерала Ковпака, весь зал поднялся и громовая волна аплодисментов не стихала несколько минут. А генерал Ковпак сидел в боковой ложе, смущенно улыбаясь. Светили юпитеры. Сияли на генеральском кителе ордена.

Большевик Ковпак, верный сын своего народа, поднялся и поклонился залу в знак признательности.

Три года назад, когда мирно цвела наша Родина, в тихом зеленом Путивле Ковпак занимался скромными и будничными исполкомовскими делами. Он любил "Слово о полку Игореве" и гордился своим древним городом. И когда война разразилась, он, Ковпак, знал, что делать. И вскоре имя путивльского гражданина Сидора Ковпака загремело на Украине.

Шумят леса. Теряются в чащах таинственные тропы, по которым идут партизанские отряды. Они ведут по узеньким дорожкам оседланных лошадей с ногами, обмотанными войлоком, и завязанными мордами, тянут орудия, идут через непроходимые топи. А некоторое время спустя уже полнится слухом земля, уже говорят в селах с любовью и надеждой:

- Ковпак пришел!

И несутся по немецким проводам шифровки, и снова диктуются приказы: окружить Ковпака. Назначаются баснословные цены за живого или мертвого. А генерал Ковпак читает немецкие посулы за свою голову и смеется. Он ведет свой счет мести немецким палачам и помогает Красной Армии бить немцев. Многие из его отрядов в походах. А тем, которым приказано возвращаться на родные места, неохота уходить от своего генерала и боевых друзей.

Эти простые, различных профессий люди, ставшие народными мстителями, готовы на любой подвиг во имя счастья своей Родины Велика их любовь к своему народу, и страшна их всесокрушающая ненависть к немцам.

В этом источник их силы и непобедимости.

Полны степи и города Украины великой славы партизанской.

Июль 1944 года

Наши войска вышли к реке Неман севернее и южнее города Алитус на фронте в 120 километров и, форсировав на ряде участков реку, захватили плацдармы на ее западном берегу.

Из оперативной сводки Совинформбюро

15 июля 1944 г.

Евгений Воробьев

Пятеро в лодке

Ладони полные воды твоей набрав,

Мы припадали к ней горящими устами.

Адам Мицкевич, "Неман"

Неман светился в просветах зелени почерневшим серебром, утратившим блеск. Предутренний туман скрывал линию западного берега. Неман казался безбрежно широким, и от этого одного щемило сердце. Хорошо хоть, что D сером небе видны верхушки сосен на том берегу!

Все пятеро торопливо сняли с себя каски, разулись, разделись и аккуратно сложили одежду на берегу. Потом закинули за спины автоматы. Голый Петраков подпоясался, прихватил поясом ремень автомата, подвесил к поясу гранаты, запасные диски, и, глядя на него, так же подпоясались еще четверо.

Резиновая надувная лодка с округлыми бортами и плоским дном ждала в лозняке на берегу.

- Пора! - приказал командир роты Сапожников, и Петраков первым взялся за причальное кольцо.

Сбежали к реке, держа легкую лодку на руках. Мокрый холодный гравий колол голые ступни.

Лодка закачалась на воде. За весла сел широкоплечий, большерукий Степан Васечко, ему было приказано грести тихо - ни плеска, ни шлепанья. Рядом с Васечко, готовые в случае чего сменить гребца, уселись взволнованный Кожин и беззаботный, даже веселый Кочеров. Сапер Моисеев, пожилой, молчаливый человек, устроился, свесив ноги, на носу лодки.

Петраков еще раз из-под ладони поглядел вперед и опять ничего не увидел за туманом. Черные тени елей, стоявших на обрыве за его спиной, отражались в реке, как в пыльном зеркале. Дальше, за верхушками елей, на матовой поверхности воды обозначились рябыми пятнами водовороты.

- Поехали, товарищи, - сказал Петраков спокойно, обыденным тоном, будто собрался с приятелями на рыбалку.

Он с силой спихнул корму лодки с песка и залез в нее уже на ходу.

Васечко выгребал против бурного течения, чтобы лодку не слишком сносило. Скоро стали отчетливо видны сосны и крутой берег, к которому они плыли.

Прошло еще несколько минут, немцы заметили лодку и открыли огонь из пулемета. Одна пуля расщепила весло в руке у Васечко, вторая пробила резиновый борт. Лодка угрожающе зашипела. У предусмотрительного Моисеева был привязан к поясу индивидуальный пакет. Он принялся затыкать им пробоину и едва закончил работу, как пуля попала ему в ногу. Кровавая струйка стекала по ноге, но перевязать ее было нечем. Моисеев, кривясь от боли, придерживал бинт, торчащий пробкой из пробоины.

Пули секли воду рядом с утлым суденышком, вздымали фонтанчики, скакали рикошетом по поверхности реки.

К корме лодки был привязан конец троса, свитый в четыре нитки из пунцового трофейного кабеля. Конец этого троса надо было во что бы то ни стало доставить на тот берег. Только держась за этот трос, натянутый над быстрой водой, смогут форсировать реку пехотинцы в намокшей одежде и в сапогах, навьюченные оружием и боеприпасами. От этого троса зависит успех всей переправы. И если в лодке уцелеет хотя бы один из пятерых, он свяжет оба берега этим тросом.

Васечко греб одним веслом, а обломок второго отдал Кочерову. Оба старались изо всех сил, но лодка попала на быстрину и к берегу подвигалась медленно. Тяжелый трос, опущенный в воду, то и дело цеплялся за подводные валуны. Яростная сила течения увлекала лодку за собой.

"Интересно, во сколько же раз Неман шире нашей деревенской речушки Мокши?" - вдруг подумал Петраков.

К счастью, утро было пасмурное, или, как говорил Петраков, "смарное". Немец-пулеметчик то и дело терял цель. Лодку сильно сносило течением. В этом была опасность, потому что троса могло не хватить, но это же могло и спасти. Ниже по течению берег был круче, и лодка попадала под его защиту.

Еще десяток, другой весельных взмахов - и лодка, не дойдя метров сорока до берега, оказалась в мертвом пространстве. Пули шли поверх голов.

- Пулемет считать недействительным! - весело объявил Кочеров и от восторга выругался.

Между тем пробоина давала себя знать все сильнее, бинт не держал воздуха. Борта резиновой лодки стали дряблыми, она все больше погружалась в воду. Петраков боялся утопить трос и приказал добираться до берега вплавь, тащить лодку с Моисеевым за собой.

Первым из воды вылез Кочеров. Не поднимаясь на заросшую сосняком кручу, Петраков с тросом в руках пошел по воде, вверх по течению. Он облюбовал могучую сосну, стоящую на песчаном обрыве, вскарабкался наверх и захлестнул трос вокруг ствола. Все четверо натянули трос потуже - кто уперся голыми пятками в корневища, а кто плечом в шершавый ствол сосны - и закрепили трос накрепко.

Что же касается Моисеева, то он остался лежать за корягой у самой воды.

Петраков понимал, что немцы вскоре обнаружат их. Трос выдавал местопребывание десантников, но он же сообщал своим на тот берег их точные координаты.

Вначале Петраков хотел занять у подножия сосны круговую оборону, но затем рассудил - лучше отойти от нее подальше, чтобы самим не стать мишенью и чтобы простреливать с двух сторон подступы к сосне. А если немцы попробуют подобраться к сосне со стороны реки, прячась за крутым обрывом, их встретит внизу Моисеев. Кроме того, следовало ввести немцев в заблуждение относительно численности десанта - стрелять из лесу, все время менять свои позиции.

Наши пушки и пулеметы надежно прикрыли десант и дали "окаймление огнем" и, что было не менее важно, подавили огневые точки фашистов на "высоте с крестом", откуда противник простреливал подходы к Неману.

Лес вокруг гудел от разрывов.

Кожин и Петраков забрались в пустые немецкие окопы, а Кочеров и Васечко залегли в куче валежника с другой стороны сосны.

Петраков сидел в окопе спиной к реке. Он всматривался в близкий, полный опасностей лес, но при этом то и дело в тревоге оглядывался, будто краснотелая сосна, на которой алел драгоценный трос, могла уйти с места или ее могло вырвать с корнем, или трос, впившийся в рубчатую кору, мог развязаться сам собой.

Отряд немцев пытался пробиться к сосне, и здесь, у ее подножия, закипела горячая схватка. Десантники пустили в дело свои гранаты и восемь гранат, которые они нашли в покинутом немцами окопе.

Воевали все нагишом, и противное ощущение беззащитности, когда по тебе, по голому, стреляют, не покидало Петракова и его товарищей.

Вскоре отряд немцев отступил в лес, а вокруг сосны остались лежать шестеро убитых врагов и раненый Кожин.

Попытку немцев подойти к сосне со стороны реки отбил

раненый Моисеев, лежавший в засаде за корягой.

"Чудно! - подумал Петраков, ежась от холода и оглядывая поле боя. Живые - нагишом, а мертвые - в одежде".

К этому времени от восточного берега под сильным огневым прикрытием уже отчалил первый плотик. Кожин видел, как бойцы на плотике торопливо перебирали руками трос, но от нетерпения ему казалось, что плотик без толку торчит посередине реки и - ни с места.

Противник тоже обнаружил плотик, бочки, бревна, облепленные пловцами, и зажег в небе три белые ракеты. Но какие-то очень важные минуты были немцами уже потеряны...

Плотик подошел к берегу, и Петраков узнал в одном из четверых бойцов, соскочивших на мокрый песок, Куринского, своего друга, тезку и одногодку, постоянного соседа по окопу и на марше.

Куринский, Кочеров, Васечко и Кожин - ученики Петракова. Он обучал их военному делу в запасном полку, ехал с ними на фронт, водил их в первый бой. И командиру и его бойцам - по двадцать лет, все они комсомольцы, но Петракова уже называют в роте Иваном Ильичем. Этот невысокий паренек, не по возрасту солидный в словах и движениях, - бывалый солдат.

- Утонул ваш гардероб. Везли и не довезли. Смыло водой, - успел сообщить Куринский.

Петраков только махнул рукой и приказал Куринскому и другим солдатам открыть огонь из ручных пулеметов вдоль берега, по кромке леса, чтобы отогнать немцев подальше в чащу, лишить их возможности вести прицельный огонь по переправе.

Держась за спасительный трос, солдаты переправлялись на плотиках, плащ-палатках, набитых сеном, на половинках ворот, снятых с петель, на бревнах, связанных парно обмотками и поясными ремнями, на бочках и пустых снарядных ящиках, тоже связанных вместе.

Один немецкий пулемет никак не удавалось заглушить, и время от времени какой-нибудь солдат безжизненно разжимал пальцы, держащие трос. Если солдат был ранен, его подхватывали товарищи и волокли за собой, борясь с течением.

Рыжеволосый Анатолий Рыцарев, парень из Вязьмы, сидел верхом на бревне, за спиной у него висел телефон.

- Имей в виду, что я - "Алтай", - сказал Рыцарев своему соседу, перебирая в это время трос. - У меня к ноге провод привязан. В случае чего - хоть мертвого вытаскивай меня на тот берег.

Но вот уже приплыли на плоту "максимы", причалил на лодке комбат, приплыли санитары. Они перевязали и согрели водкой окоченевшего и ослабевшего от потери крови Моисеева,

лежавшего на песке за той же корягой, перевязали Кожина и других.

"Алтай" уже требовал переноса огня вперед, вдогонку за немцами.

Командир батальона капитан Онусайтис переплыл Неман, выбрался на берег, и ему навстречу поспешил командир взвода Петраков.

Стоя по команде "смирно", Петраков доложил о выполнении приказа и сделал это так лихо, будто дело происходило на учении в лагерях, будто не стоял он в чем мать родила, пытаясь унять дрожь и стуча зубами от холода.

Онусайтис чинно козырнул, но тут же обнял Петракова и сказал взволнованно:

- От всего батальона...

Онусайтис был бос, светлый чуб, намокший от крови, прилип ко лбу. Осколок мины разрезал козырек фуражки и слегка оцарапал голову.

Комбат еще раз оглядел Петракова, по-прежнему державшего руки по швам, и покачал головой. Ноги у того были сбиты в кровь, а руки он раскровенил, когда углублял окоп, - ни лопатки, ни каски, ни штыка у Петракова не было.

Он то и дело облизывал сухие, запекшиеся губы, видимо, его мучила жажда.

- Герои, а голые. Как в бане!

Комбат указал рукой на пустой плот, привязанный к тросу, и распорядился:

- Езжайте все пятеро. Теперь и без вас управимся. Старшина вас оденет. Согреетесь. Отдохнете. Приказ командира полка Лещенко.

Все пятеро погрузились на плот, доставивший миномет, и отчалили. Моисеев лежал не шевелясь, с забинтованной ногой. Васечко и Кочеров перебирали руками трос.

- Как в раю жили на этом берегу. Чем не Адамы? -сказал Кочеров, кивнув головой на берег.

Кожин с забинтованной головой сидел на краю плота.

- Какую следующую реку будем форсировать, Иван Ильич? - неожиданно спросил он у Петракова.

- Наши реки как будто кончились.

- Значит, теперь за немецкими реками черед?

- Как дважды два.

- Наверно, и вода немецкая какая-нибудь не такая, как у нас, не чистая.

- Вода всюду одинаковая. Только люди ее мутят и пачкают, - подал голос Моисеев, не открывая глаз.

- Вы имейте в виду, я к следующей переправе обязательно поправлюсь, твердо сказал Кожин. - Так что и для меня местечко в лодке оставьте.

- У нас лучше, чем на пароходе. Все места плацкартные, - весело откликнулся Кочеров, перебирая руками витой пунцовый трос.

- Так и быть, по знакомству место устроим, - солидно сказал Петраков.

Петраков подтянулся на руках к краю плота, зачерпнул полные ладони воды и с наслаждением выпил ее.

15 июля 1944 года

Войска 3-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Белорусского фронта, в результате стремительно проведенной операции с глубоким обходным маневром с флангов, 3 июля штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом Минск...

Из оперативной сводки Совинформбюро

3 июля 1944 г.

Илья Эренбург

18 июля 1944 года

Трудными лесными дорожками понеслись к Минску, обгоняя врага, танкисты-тацинцы. Партизаны им указывали путь, строили мосты. Полковник Лосик говорит: "Шли мы там, где только зайцы ходят". Работали над дорогой все, от бойцов до генерала. В одни сутки прошли 120 километров; вышли в тыл к отступавшим немцам: началось великое побоище. Свыше трех тысяч немецких машин с танками и самоходками шли по дороге в четыре ряда. Они не ушли: ни танки, ни машины, ни солдаты.

Когда наши танкисты ворвались с северо-востока в Минск, немцев было в городе больше, нежели наших, но эти немцы были уже деморализованы: блуждающие солдаты успели заразить паникой минский гарнизон, и город был быстро очищен от врага.

Когда я приехал в Минск, город горел. Взрывались дома. А жители уже выходили из подвалов, приветствуя освободителей. Кажется, нигде я не видел такой радости, как в Минске. Кто скажет, что значит пережить три года фашистского ига?.. А танкисты уже были далеко на западе. Еще неуспели убрать у Топочина мешанину из железа и трупов, как началось новое побоище между Минском и Ракувом. Там я видал тысячи и тысячи машин, искромсанных танками и авиацией. Клубы пыли были начинены немецкими приказами, письмами, фотографиями голых женщин -всей той бумажной дрянью, которую таскали с собой недавние завоеватели.

А танкисты неслись дальше, и с трудом я их догнал по дороге

в Лиду.

С завистью сказал мне капитан Мюнхарт, старый немецкий штабист: "Взаимодействие всех видов оружья обеспечило вашу победу". Это не был "фриц-капутник", нет, капитан еще пытался себя утешать надеждой если не на победу, то на какой-то "компромиссный исход", но о нашем военном искусстве он говорил, как будто изучил наши передовицы. Он, бесспорно, был прав. Могли ли танкисты пройти от Орши до Немана без нашей авиации? Командиры авиачастей находились в танках. Летчики были глазами наступающей армии. Прекрасные перспективные фотоснимки ежедневно показывали пути отступления немцев. Огромную роль сыграли "ИЛы", они сразу нарушили связь врага, уничтожили его радиостанции. Гитлеровский солдат особенно нуждается в управлении; предоставленный себе, он мгновенно превращается из дисциплинированного солдата в босяка. Немецкие офицеры и генералы, потеряв связь со своим командованием, окончательно растерялись: Минск был давно в наших руках, а они еще пытались прорваться к Минску.

Как всегда, самое трудное выпало на долю пехоты, и справедливо говорит генерал Глаголев, старый русский солдат: "Прославьте нашего пехотинца". Его прославят историки и поэты. Сейчас я коротко скажу, что наша пехота шла по сорок километров в сутки, что протопали солдатские ноги от Днепра до Немана, что пехотинцы выбивали немцев из дзотов, гнали болотами и лесами, штурмовали тюрьму Вильнюса, от стен которой отскакивали снаряды, и, не передохнув, пошли дальше.

Что вело их? Что гонит вперед? Я слышал, как запыленные, измученные люди спрашивали у крестьянок: "Милая, далеко ли отсюда до Германии?" Бойцы говорили мне: "Хорошо бы в армейской газете каждый день печатать, сколько еще километров до немецкой границы". Сколько? Недавно отвечали: двести. Потом полтораста, сто. Потом... И со вздохом облегчения шептал при мне старшина: "Подходим..." Кроме техники, кроме стратегии, есть сердца, и для сердца не было еще такой неотразимой цели - это главное направление возмущенной совести.

Нужно пройти или проехать по длинной дороге от Москвы до Минска и дальше до Вильнюса, чтобы понять тоску солдатского сердца. Мертва земля между Уваровом и Гжатском: ни человека, ни скотины, ни птицы. Потом начинается "зона пустыни": сожженные и взорванные немцами Гжатск, Вязьма, Смоленск. Снова поля боя и могилы, мины, проволока. Потом скелет Орши, развалины Борисова и разоренный, изуродованный Минск. И дальше все то же: пепелища Ракува, Молодечно, Сморгони. Но

есть нечто страшнее и развалин, и обугленных камней, и самой пустыни: путь гитлеровцев - это путь страшных злодеяний.

Когда наши вошли в Борисов, они увидели гору обугленных трупов. Это было в лагере СД. Там фашисты держали полторы тысячи жителей - мужчин и женщин, стариков и детей. 28 июня, накануне отступления, палачи сожгли обреченных. Часть они погнали к Березине, на баржу, и баржу, облив бензином, подожгли: преступники еще развлекались накануне своей гибели. Чудом спасся инвалид с деревяшкой вместо ноги Василий Везелев: он выкарабкался из-под трупов. Он рассказал проходящим бойцам о трагедии Борисова. И, слушая, бойцы говорили: "Скорей бы в Германию..."

В Борисове бойцы шли мимо Разуваевки, где гитлеровцы в течение трех дней расстреляли десять тысяч евреев -женщин с детьми и старух. Дойдя до Минска, бойцы увидели лагерь для советских военнопленных в Комаровке; там немцы убили четыре тысячи человек. Минчанин, танкист Белькевич узнал в Минске, что фашисты накануне убили его сестру, семнадцатилетнюю Таню. Нужно ли говорить о том, что чувствует Белькевич? Вот деревня Брусы. Была деревня: теперь пепел. Бойцы обступили старика Алексея Петровича Малько. Он рассказывает: "Вчера... Сожгли, проклятые... Двух дочек сожгли - Лену и Глашу". У Ильи Шкленникова гитлеровцы, убегая, сожгли мать и четырехлетнюю дочь. И снова угрюмо спрашивают бойцы: далеко ли до Германии?

Возле Минска есть страшное место - Большой Тростинец. Там гитлеровцы сожгли трупы свыше ста тысяч удушенных евреев. Их привозили в душегубках. Немцы называют эти машины сокращенно "ге-ваген". Недавно немецкие инженеры усовершенствовали душегубку: "ге-кипваген" - кузов для быстроты опрокидывается, выбрасывая трупы удушенных. Желая скрыть следы преступлений, палачи в Большом Тростинце жгли трупы, вырывали закопанных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и, спеша, недожгли. Я видел полуобугленные тела - голову девочки, женское тело и сотни, сотни трупов, сложенных, как дрова...

Я много видел в жизни, но не скрою - я не мог шелохнуться от горя и гнева. Сказать, о чем думали бойцы в Тростинце? Была здесь справедливость: на Могилевское шоссе прорывались окруженные немцы. Рассвирепев, наши бойцы дрались с особенной яростью. Гитлеровцы не ушли от расплаты: снаряды, мины, авиабомбы, пули настигали палачей. Был жаркий день, и нельзя было дышать от трупного смрада: сотни немцев еще валялись вдоль дороги. Быстро передвигаются танки и

мотопехота, но всех быстрее идет Справедливость: это она привела нашу армию к Неману и за Неман - к окрестностям границы.

Леонид Леонов

Немцы в Москве

Беглый очерк о поучительном московском происшествии станет достоянием не только моих современников. С понятной тоской и проникновенной злобой его прочтут и блатаки из берлинского шалмана. Им тоже захочется узнать о судьбе громил, пущенных на поиск чужого добра, и, таким образом, заглянуть в собственное будущее. Поэтому я и взял на себя труд расширить как географические, так и чисто описательные координаты помянутого события.

Это произошло в Москве, красивейшем из городов нашей эпохи, одетом в мечту героического поколения. Все дороги в его будущее ведут через Москву, и потому все взоры обращены к ее Кремлю, видному сейчас из самых отдаленных захолустий мира.

Прекрасна Москва даже в знойном июле, когда пьянят сердце приезжего хмельные ароматы лип и тишина ее вечерних улиц...

...Незабываема она и теперь, в июле четвертого года войны, старшая сестра фронта, забывшая боль и усталость, город внушительного и непоказного величия, у подножия которого прокатилось и потаяло столько завоевательских волн!

В особенности же хороша была Москва 17 июля 1944 года. На сей раз Геббельс и его речистые канальи не прокричали на весь мир об этой знаменательной дате.

В этот день прибыла сюда в несколько облегченном виде еще одна армия, отправленная Гитлером на завоевание Востока. Ее громоздкий багаж остался позади, на полях сражений. По этой причине немцы более походили на "экскурсантов", нежели на покорителей вселенной, и, надо признаться, за восемьсот лет существования Москва еще не видала такого наплыва "интуристов".

Представительные верховые "гиды" на отличных конях и с обнаженными шашками сопровождали эту экскурсию. Пятьдесят семь тысяч мужчин, по двадцать штук в шеренге, проходили мимо нас около трех часов, и жители Москвы вдоволь нагляделись, что за сброд Гитлер пытался посадить им на шею в качестве устроителей всеновейшего порядка. Отвратная зеленая плесень хлынула с ипподрома на чистое, всегда такое праздничное Ленинградское шоссе, и было странно видеть, что у этой пестрой двуногой рвани имеются спины, даже руки по бокам и другие второстепенные признаки человекоподобия.

Оно текло долго по московским улицам, отребье, которому

маньяк внушил, что оно и есть лучшая часть человечества, и женщины Москвы присаживались где попало отдохнуть, устав скорее от отвращения, нежели от однообразия зрелища. Несостоявшиеся хозяева планеты, они плелись мимо нас - долговязые и зобатые, с волосами, вздыбленными, как у чертей в летописных сказаниях, в кителях нараспашку, брюхом наружу, но пока еще не на четвереньках, - в трусиках и босиком, а иные в прочных, на медном гвозде, ботинках, которых до Индии хватило бы, если бы не Россия на пути... Шли с ночлежными рогожками под мышкой, имея на головах фуражки без дна или котелки с дырками, пробитыми для проветривания этой части тела, грязные даже изнутри, словно нарочно подбирал их Гитлер, чтоб ужаснуть мир этим стыдным исподним лицом нынешней Германии. Они шли очень разные, но было и что-то общее в них, будто всех их отштамповала пьяная машина из какого-то протухлого животного утиля.

Эти живые механизмы с пружинками вместо душ не раз топали под музыку по столицам распластанной Европы. Старые облезлые вороны с генеральскими погонами принимали завоевательский парад на парижской Плас Этуаль, и радио послушно разносило по всей планете эхо чугунной германской поступи. Эти же проходили по Москве уже не церемониальным маршем, и в растерянной улыбке у иных, ожидавших встретить разрушенную Геббельсом Москву или шаманов со стеариновой свечкой в зубах на улице Максима Горького, был приметен проблеск еще неуверенной, неоформившейся мысли. Другие откровенно улыбались, не скрывая животную радость, что удалось вовремя и невредимым вывернуться из-под березового гитлеровского креста: нет ничего глупее, как умереть за обреченного барина Адольфа, защищающего ныне лишь собственную шею от смоленой надежной удавки...

Прищурясь и молча, глядела Москва на этот наглядный пример бесконечного политического падения. Только из гнилой сукровицы первой мировой войны могла зародиться инфекция фашизма - этого гнуснейшего из заболеваний человеческого общества. До какого же непотребства и скотства фашизм довел тебя, Германия, которую мы знавали в ее лучшие годы?

Шествие вурдалаков возглавляли генералы, хорошо побритые, числом около двадцати. Немецкие горе-стратеги шли с золотыми лаврами на выпушках воротников и высоких офицерских картузах, с вышитыми рогульками и опознавательными значками на груди и рукавах, чтоб никто не смешал степеней их превосходительного зверства: они были в больших и малых крестах за людоедство, юдоедство и прочее

едство, с орденами Большого Каина или Ирода 1-й степени и с теми дубовыми листками, которые Гитлер раздает своим полководцам для прикрытия воинского срама.

У передних, кроме того, мы отчетливо разглядели большую черно-белую свастику, прикрепленную к кителю близ подвздошной области, - признак принадлежности к уголовно-политической организации, провозгласившей тунеядство и паразитизм основной из их добродетелей. Даже не смирение волка, у которого перебит шейный позвонок, читалось в этих щеголеватых фигурах, ибо есть и у волка своя смертная гордая стать: тупое равнодушие прочла Москва во всем облике этих всемирных бесстыдников.

Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата... Это они травили и стреляли наших маленьких десятками тысяч. Еще не истлели детские тельца в киевских, харьковских и витебских ямах, - маловерам Африки, Австралии и обеих Америк еще не поздно вложить пальцы в эти одинаково незаживаемые раны на теле России, Украины или Белоруссии.

Брезгливое молчание стояло на улицах Москвы, насыщенной шарканьем ста с лишком тысяч ног. Лишь изредка спокойные, ровные голоса, раздумье вслух, доносились до нас сзади:

- Ишь, кобели, что удумали: русских под себя подмять! Но лишь одно, совсем тихое слово, сказанное на ухо кому-то позади, заставило меня обернуться:

- Запомни, Наточка... это те, которые тетю Полю вешали. Смотри на них!

Это произнесла совсем обыкновенная, небольшая женщина своей дочке, девочке лет пяти. Еще трое ребят лесенкой стояли возле нее. Соседка пояснила мне, что отца их Гитлер убил в первый год войны, - я пропустил их вперед. Склонив голову, большими, не женскими руками придерживая крайних, двух худеньких девочек постарше, мать глядела на пеструю, текучую ленту пленных. Громадный битюг из немецких мясников, в резиновых сапогах и зеленой маскировочной вуальке поверх жесткой, пропыленной гривы, переваливаясь, поравнялся с нами

и вдруг, напоровшись глазами на эту женщину, отшатнулся, как от улики. Значит, была какая-то непонятная сила во взгляде этой труженицы и героини, заставившая содрогнуться даже такое животное.

- Поизносились немцы в России, - сказал я ей лишь затем, чтобы она обернулась в мою сторону.

На меня глянули умные, чуть прищуренные и очень строгие глаза, много видевшие и ничему не удивляющиеся... а мне показалось, что я заглянул в самую душу столицы моей, Москвы.

19 июля 1944 года

Войска 1-го Белорусского фронта, развивая успешное наступление, овладели городом и крупным железнодорожным узлом Люблин.

Из оперативной сводки Совинформбюро

24 июля 1944 г.

Василий Гроссман

Бои в Люблине

Наша машина, обгоняя артиллерийские и пехотные полки, всячески нарушая правила движения, все ближе подходила к Люблину. Было около восьми часов вечера. На шоссе, ведущем от Ленчны к Люблину, наступавшую на город дивизию застиг проливной дождь. Было тепло. Желтые тяжелые тучи низко нависли над землей, ливень лил совершенно отвесно, с земли подымался густой туман. Сделалось темно, точно наступила ночь. Потоки желтой воды бежали по шоссе, вода стекала по каскам гвардейцев, выцветшие белью гимнастерки вдруг потемнели, пропитавшись тяжелой влагой. Люди шли, то и дело стирая с лица и со лба слепившую их воду, на ходу отжимая рукава и полы шинелей и гимнастерок.

В трех километрах от Люблина мы нагнали передовой полк дивизии. Орудия с хода разворачивались, съезжая с шоссе на картофельные поля, и открывали огонь. В смятой, мокрой ржи лежали тела убитых бойцов в железных касках, некоторые мертвецы еще не потерявшими гибкость пальцами прижимали к груди свое оружие. Под черным дымящимся танком лежал убитый в кожаном шлеме, сквозь разодранную одежду белело в сумерках его тело. С поросшего деревьями бугра, прилегавшего с юга к шоссе, трещали сотни автоматных очередей. Пехота заходила цепью в спелую рожь, устанавливала пулеметы и противотанковые ружья, образуя как бы железный коридор, по которому двигались к Люблину войска. В мутном от дождя и черного дыма воздухе мы, наконец, увидели купола костелов и монастырей, остроконечные крыши зданий. Всего лишь восемнадцать часов назад мы так же въезжали солнечным ясным

днем в Хелм и издали любовались белыми стенами собора.

Через несколько минут мы поднялись на возвышенность, где находился люблинский мясокомбинат. У длинных приземистых построек головной батальон сосредоточивался для атаки - город лежал внизу.

Огромные склады мясокомбината были захвачены с хода, немцы не смогли ни вывезти, ни уничтожить награбленное ими у польских крестьян добро.

В конторе мясокомбината на полу валялись сотни бумаг, осколки выбитых взрывами стекол, счеты, пишущие машинки. Никогда на войне не приходилось нам слышать такое дикое смешение звуков: разрыв и свист неприятельских мин, пулеметные и автоматные очереди, цоканье осколков, тревожные и настойчивые звонки нескольких конторских телефонов, опрокинутых на письменных столах, пронзительный визг обезумевших от ужаса свиней: они вырвались из каменных хлевов и носились в огромном прямоугольнике двора.

А через несколько мгновений все звуки эти потонули в грохоте нашей артиллерии: пушки, подкатив вслед за пехотой, развернулись тут же, у стен мясокомбината, и открыли огонь по противнику.

Немцы попали в капкан, построенный нашими танками и пехотой. Танки отрезали им одну за другой все дороги отхода на запад пехотные части генерала Рыжова вышли в этот вечер к Люблину с севера и востока. Сперва немцы пытались вырваться, но, отброшенные нашими частями, перешли к обороне внутри самого Люблина. В самом центре немецкий военный комендант с командой своих головорезов-карателей установил крупнокалиберные пулеметы и открыл шквальный огонь вдоль нескольких перекрещивающихся улиц. Борьба пехоты с противником была особенно жестокой, трудной и сложной в эти первые часы. Сумерки сгустились. Тьма нарушалась лишь вспышками выстрелов и пламенем отдельных пожаров. Командиры передовых подразделений не знали города, ни один из них не имел плана Люблина, и ориентироваться ночью в лабиринте улиц и узких переулков, поваленных столбов и разрушенных зданий было очень трудно. У немцев было в ночном бою несомненное преимущество - четыре с половиной года топтали их сапоги польскую землю, немало разбойничьих ночных облав устраивали они за это время на мирное население Люблина. Они достаточно изучили люблинские улицы.

Утром мы увидели картину уличного боя в густонаселенном городе. Легкие полковые пушки стояли на тротуарах и в подворотнях, артиллерийские наблюдатели, вооруженные

биноклями, ползали по крышам, выглядывали из окон, минометчики с городских площадей и пустырей возле костела вели обстрел занятого немцами района города, и широкое желто-красное пламя то и дело вырывалось из жерл тяжелых минометов.

Мы стремительно проехали по одной из центральных улиц Люблина Любартовской, к месту, где находился полк, очищавший западный район города. Здесь уже никто не ходил по мостовой, бойцы перебегали вдоль стен домов. В бетонном гараже нашли мы командование полка. Тут же перевязывали раненых, а на каменном полу лежал убитый, с лицом, прикрытым куском марли.

Сидя, прислонившись к стене, спал боец-связист. Нам объяснили, что он проработал без сна и отдыха в течение пятидесяти часов. Вскоре мы снова вышли на улицу. Над пустынной площадью стояла легкая завеса дыма и кирпичной пыли. И надолго запомнится нам высокая, сухая фигура седого генерала Рыжова, спокойно идущего через пустую площадь к кирпичным домам, из которых густо полыхал ружейный и пулеметный огонь.

Самое удивительное в боях на улицах Люблина - это то, что сотни людей, жителей города, и не только мужчины, но женщины, дети, старики, не прячась от снарядов и мин, пренебрегая опасностью, выходили на улицы из подвалов, подворотен, собирались вокруг бойцов и офицеров, расспрашивали, рассказывали, приглашали попить воды, отдохнуть на скамеечке, совали в руки угощение. Много трогательных сцен пришлось видеть нам в это утро, много хороших благодарных слов выслушали наши бойцы от люблинцев.

И все это вместе: толпы, приветствовавшие армию на подходе к городу, серьезные, умные политические рассуждения старика-лингвиста, знатока шести европейских языков, и мелочи, быстро мелькнувшие перед нами, - артиллерист, поднявший на руки кудрявую девочку, юноша, вскочивший на ходу на подножку нашей машины и бросивший на колени водителю Мухину две пригоршни конфет, и цветы, которые женщины бросали бойцам из раскрытых окон, - все это создавало атмосферу радостного, праздничного настроения, странно гармонировавшую с суровым громом боевых орудий.

23-24 июля 1944 года

Борис Горбатов

Лагерь на Майданеке

1.

Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было

дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить.

Ветер с Майданека приносил в город ужас. Из высокой трубы крематория в лагере круглые сутки валил черный, смрадный дым. Дым относило ветром в город. Над люблинцами нависал тяжкий смрад мертвечины. К этому нельзя было привыкнуть.

"Печами дьявола" звали поляки печи крематория на Майданеке и "фабрикой смерти" - лагерь.

Немцы не стеснялись в своем генерал-губернаторстве -в Польше. Они даже желали, чтоб поляк повседневно дышал запахом смерти, - ужас усмиряет строптивые души. Весь Люблин знал о фабрике смерти. Весь город знал, что в Крембецком лесу расстреливают русских военнопленных и заключенных поляков из Люблинского замка. Все видели транспорты обреченных, прибывающих из всех стран Европы сюда, в лагерь. Все знали, какая судьба ждет их: газовая камера и печь.

Ветер с Майданека стучал в окна: поляк, помни о печах дьявола, помни о смерти! Помни, что у тебя нет жизни, -есть существование, временное, непрочное, жалкое. Помни, что ты только сырье для печей дьявола. Помни и трепещи!

Трупный запах стоял над Люблином. Трупный запах висел над Польшей. Трупный запах подымался над всей замордованной гитлеровцами Европой.

Трупным запахом хотели оккупанты удушить людей и управлять миром.

2.

"Дахау No 2" - так сначала называли фашисты концентрационный лагерь войск СС под Люблином. Потом они отбросили это название. И по своим размерам, и по размаху "производства смерти" лагерь на Майданеке давно превзошел страшный лагерь в Дахау.

Мы нашли здесь пленников Дахау, Бухенвальда, Освенцима.

- Здесь страшнее! - говорят они. - О, здесь!..

На двадцать пять квадратных километров раскинулась эта фабрика смерти со своими агрегатами: полями заключения, межпольями, газовыми камерами, крематориями, рвами, где расстреливали, виселицами, где вешали, и публичным домом для обслуживания немецкой охраны лагеря.

Лагерь расположен в двух километрах от Люблина, прямо у шоссе Люблин Хелм. Его сторожевые вышки видны издалека. Его бараки - все одинаковые выстроены в ряд с линейной точностью. На каждом - четкая надпись и номер. Все вместе они образуют "поле". Всего в лагере шесть полей, и каждое особый мир, огражденный проволокой от другого мира. В центре каждого поля аккуратная виселица для публичной казни. Все дорожки в лагере

замощены. Трава подстрижена. Подле домов немецкой администрации - цветочные клумбы и кресла из необструганной березы для отдыха на лоне природы.

В лагере есть мастерские, склады - враги называли их магазинами, водопровод, свет. Есть магазин, где хранился в банках "циклон" для газовых камер. На банках желтые наклейки: "специально для восточных областей" и "вскрывать только обученным лицам". Есть мастерская, где делают вешалки. На них - значок СС. Эти вешалки выдавались заключенным перед "газованием". Обреченный сам должен был повесить свое платье на свою вешалку.

На полях лагеря буйно цветет капуста. Пышная, грудастая. На нее немыслимо смотреть. Ее нельзя есть. Она взращена на крови и пепле. Пепел сожженных в крематориях трупов разбрасывался гитлеровцами по своим полям. Пеплом человеческим удобрялись огороды.

Весь лагерь производит впечатление фабрики или большого пригородного хозяйства. Даже печи крематория кажутся, - если не слышать трупного запаха, - маленькими электропечами для варки стали. Германская фирма, изготовившая эти печи, предполагала в дальнейшем усовершенствовать их: пристроить змеевик к печам для того, чтобы всегда иметь бесплатную горячую воду.

Да, это фабрика, - немыслимая, но реальная, - фабрика смерти. Комбинат смерти. Здесь все - от карантина до крематория - рассчитано на уничтожение людей. Рассчитано с циркулем и линейкою, начертано на кальке, проконсультировано с врачами и инженерами, словно речь шла о бойне для скота.

Гитлеровцам не удалось при отступлении уничтожить лагерь. Они успели только сжечь здание крематория, но печи сохранились. Уцелел стол, на котором палачи раздевали и рубили жертвы. Сохранились полуобгоревшие скелеты в "складе трупов". До сих пор стоит над крематорием страшный запах мертвечины.

Сохранился весь лагерь. Газовые камеры. Бараки. Склады. Виселицы. Ряды колючей проволоки с сигнализацией и дорожками для собак. Остались в лагере и собаки - немецкие овчарки. Они исподлобья глядят из своих будок иг может быть, скучают без дела Им не надо теперь никого рвать и хватать.

Спасены уцелевшие в лагере заключенные. Есть свидетели, их много. Схвачены палачи.

Мы говорили и с теми, и с другими, и с третьими.

- Я это пережил! - говорит спасенный и сам удивляется тому, как он сумел все это пережить.

- Я это видел! - говорит свидетель и сам удивляется: как же

он не сошел с ума, видев то, что он видел?

- Мы это делали, - тупо признаются палачи.

Каждое слово из того, что будет рассказано дальше, можно подтвердить документами, показаниями свидетелей, признаниями самих немцев.

Уже можно приподнять завесу над Майданеком и поведать всему миру страшную повесть о Люблинском лагере -"лагере для уничтожения".

3.

Лагерь для уничтожения. Фернихтунгслагерь.

Международный лагерь смерти.

На воротах его можно было бы высечь надпись: "Входящий сюда, оставь все надежды. Отсюда не выходят".

Из всех стран оккупированной Европы приходили сюда транспорты обреченных на смерть. Из оккупированных районов России и Польши, из Франции, Бельгии и Голландии, из Греции, Югославии и Чехословакии, из Австрии и Италии, из концентрационных лагерей Германии, из гетто Варшавы и Люблина прибывали сюда партии заключенных. Для уничтожения.

То, что фашистам неудобно было делать на Западе или даже в самой Германии, можно было свершать здесь, в далеком восточном углу Польши. Сюда пригоняли на смерть всех, кто выжил, выстоял, вынес каторжные режимы Дахау и Флоссенбурга. все, что еще жило, дышало, ползало, но уже не могло работать, все, что боролось и сопротивлялось захватчикам. Все, кого гитлеровцы осудили на смерть. Люди всех национальностей, возрастов, мужчины, женщины м дети. Поляки, русские, евреи, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, итальянцы, французы, албанцы, хорваты, сербы, чехи, норвежцы, немцы, греки, голландцы, бельгийцы. Женщины из Греции, остриженные наголо, с номерами, вытатуированными на руке. Слепые мученики подземного лагеря завода "Дора", где производились "ФАУ- 1" самолеты-снаряды. Политические заключенные с красными треугольниками на спине, уголовники с зелеными, "саботажники" с черными, сектанты с фиолетовыми, евреи с желтыми. Дети от грудных до подростков. Те, кому не было еще восьми лет, находились при родителях. Восьмилетние же "преступники" заключались в общие бараки. Совершеннолетие в лагерях смерти наступает очень рано.

Сколько сотен тысяч было уничтожено в этом международном лагере смерти? Трудно сказать/Пепел сожженных развеян по полям.

Но сохранился страшный памятник.

На задворках поля за крематорием есть огромный склад. Он весь доверху заполнен обувью, раздавленной, смятой, спрессованной в кучи. Тут сотни тысяч башмаков, сапог, туфель.

Это - обувь замученных.

Крохотные детские ботиночки с красными и зелеными помпонами. Модные дамские туфли. Грубые простые сапоги. Старушечьи теплые боты. Обувь людей всех возрастов, состояний, сословий, стран. Изящные туфли парижанки рядом с чоботами украинского крестьянина. Смерть уравняла всех. Вот так же, в общий ров - тело к телу - ложились умирать владельцы этой обуви.

Страшно смотреть на эту груду мертвой обуви. Все это носили люди. Они ходили по земле. Мяли траву. Они знали: высокое небо над их головою. Эти люди дышали, трудились, любили, мечтали... Они были рождены для счастья, как птица для полета.

Откуда свалилась на них коричневая беда? За что скосила их смерть? Вот их нет теперь... Их пепел развеян... Только мертвая обувь, раздавленная, растоптанная, кричит, как умеют кричать только мертвые вещи...

Зачем фашисты сохранили этот страшный памятник? Зачем собирали они и хранили обувь в складе?

В дальнем углу барака мы находим ответ. Здесь лежат груды подметок, каблуков, стелек. Все тщательно рассортировано. Каждая партия - отдельно.

Все это шло в Германию. Как пепел на поля, как тепло их крематория в змеевик. Кровь на подметках не пахнет.

Нет, только фашисты способны на такое!

4.

Заместителем начальника лагеря был эсэсовец Туман. Свидетели рассказывают о нем, что он никогда не расставался с огромной овчаркой.

Фашисты любят собак.

Они любят играть с ними, кормить их и ссориться с ними. С собаками у них быстрее находится общий язык. Шеф крематория Мунфельд имел комнатную собачонку. Начальник поля русских военнопленных играл с большим догом.

Эсэсовец Туман не пропускал ни одного расстрела, ни одной казни. Он любил лично присутствовать на них. Если автомобиль был доверху набит жертвами, он вскакивал на подножку и ехал на казнь.

Шеф крематория Мунфельд даже жил в крематории. Трупный запах, от которого задыхался весь Люблин, не смущал его. Он говорил, что от жареных трупов хорошо пахнет.

Он любил шутить с заключенными.

Встречаясь с ними в лагере, он ласково спрашивал:

- Ну, как, приятель? Скоро ко мне, в печечку? - и, хлопая побледневшую жертву по плечу, обещал: - Ничего, для тебя я хорошо истоплю печечку...

И шел дальше, сопровождаемый своей собачонкой.

- Я видел, - рассказывает свидетель Станислав Гальян, житель соседнего села, мобилизованный со своей подводой на работу в лагерь. - Я сам видел, как обершарфюрер Мунфельд взял четырехлетнего ребенка, положил его на землю, встал ногой на ножку ребенка, а другую ножку взял руками и разорвал, - да, разорвал бедняжку пополам. Я видел это собственными глазами. И как все внутренности ребенка вывалились наружу...

Разорвав малыша, Мунфельд бросил его в печь. Потом стал ласкать свою собачонку.

Впрочем, уезжая из лагеря на новое и более высокое место, Мунфельд не взял с собой собачки. Он нежно простился с ней и бросил ее... в печь. Он и здесь остался верен своей природе.

Эсэсовец Шоллин, захваченный нами, занимал в лагере скромное место: он был фюрером кладовой. Он принимал одежду новоприбывших заключенных. Он обыскивал голых людей. Заставлял их раскрывать рты. У него были специальные никелированные щипцы, - он вырывал ими золотые зубы.

До войны Шоллин был мясником на бойне. Его призвали в армию, потом отпустили, мясники нужны были в Германии на бойнях. В 42-м году его все-таки снова призвали и направили сюда, в лагерь. Теперь мясники нужны были здесь.

Шоллин стоит сейчас перед нами и плачет. Он пойман. Слезы эсэсовца какие это отвратительные слезы!

Прежде Шоллин не плакал. Гитлеровцы в лагере на Майданеке любили смеяться и шутить.

Вот одна из их "добрых" шуток.

Эсэсовец подходил к заключенному - любому - и говорил:

- Сейчас я тебя расстреляю!

Заключенный бледнел, но послушно становился под выстрел. Эсэсовец тщательно и долго прицеливался. Наводил пистолет то на лоб, то на сердце, словно выбирал: как лучше убить. Потом отрывисто кричал:

- Пли!

Заключенный вздрагивал и закрывал глаза.

Раздавался выстрел. На голову жертвы обрушивалось что-то тяжелое. Он терял сознание и падал. Когда он через несколько минут приходил в себя, он видел склоненные над ним лица: того, который "расстреливал" его, и того, который незаметно ударил

его сзади палкой по голове.

Эсэсовцы хохотали до слез.

- Ты умер! - кричали они своей жертве. - Ты умер и ты теперь на другом свете. Что? Видишь? И на том свете есть мы. Есть СС.

5.

Да, они были уверены, эти гитлеровские молодчики, что весь мир земной и весь мир небесный принадлежит им.

Для этого нужно только истребить пол-Европы. Сжечь в крематории.

Они строили лагерь на Майданеке с гигантским размахом, три года. Это была только первая очередь стройки.

Лагерь строили заключенные. Они осушали болото, копали котлованы, рыли канавы.

Они знали, что строят тюрьму для себя. Бараки, чтоб им в них гнить. Проволочные заграждения, чтоб им не убежать. Виселицы, чтоб их там вешали. Крематорий, чтоб их там сжигали. Проклятая гитлеровская система! Приговоренные к смерти сами копают себе могилу.

Лагерь вырос на костях и крови заключенных. Умирали и на работе, и в лагере. Замерзали зимой. Валились от истощения.

Каждый вечер на поверке всех выстраивали и осматривали. Тому, кто с трудом держался на ногах, приказывали: лечь наземь. Несчастные ложились. Они знали: это смерть. Встать они уже не могли.

Так лежали они всю ночь в поле. Утром их - и мертвых и еще живых уволакивали прочь. Зацепив крючками, тащили к крематорию или жгли на кострах, - индийским способом: ряд бревен - ряд трупов, и снова ряд бревен - ряд трупов.

Волочить трупы товарищей оккупанты приказывали заключенным. Кто не подчинялся, сам тотчас же становился трупом. Здесь были короткие расправы, в этом лагере уничтожения. Человеческая жизнь здесь стоила дешевле пистолетного патрона. Убивали железными палками.

Заключенные же посылались и на работу в крематорий. Туда выбирали самых отупевших и уже сломанных людей. Их щедро поили водкой, хорошо кормили. Пьяные, одуревшие от смертного смрада, они, ничего не сознавая, копошились у печей дьявола. Они знали, что через месяц сами пойдут в печь. "Неудобные свидетели", - так эсэсовцы официально называли их.

Ну, что ж. Печь, так печь. Они знали, что все равно печь сожрет их поздно или рано. Из этого лагеря нет выхода. Пусть это будет раньше. И они работали у проклятых печей, заливая душу водкой.

Через месяц их всех отправляли в газовую камеру и затем - в

печь...

Ненасытные печи пожирали все. Они дымились круглые сутки. Пять печей сжигали в день тысячу четыреста трупов.

Гитлеровцы думали о строительстве второй очереди лагеря. Им мерещился гигантский комбинат смерти. Если б им дать волю, они всю Польшу превратили бы в крематорий...

Красная Армия стремительным наступлением положила конец этой адской работе печей дьявола.

Пришло время расчета и ответа...

6.

Человек, попадая в лагерь на Майданеке, переставал быть человеком; он становился предметом, подлежащим уничтожению. У него отбирали личные вещи, ценности, одежду. У него отнимали имя. Ему выдавали жестяной номер на проволоке для постоянного ношения на шее и полосатое арестантское рванье. На куртке масляной краской намазывался красный, черный или желтый треугольник и буква, обозначающая национальность заключенного: П - поляк, Ф - француз. Национальность определяла отношение к нему тюремщиков. Человек мог забыть в этом лагере собственное имя, но палачи никогда не позволяли ему забывать, что он "славянская свинья", "польская скотина", "руссише швайн" или "юде" - еврей.

С жестяным номерком на шее, с проволокой, въевшейся в тело, проходил заключенный весь свой крестный путь от карантина до крематория. Этот путь мог быть очень коротким. Мог растянуться на много долгих месяцев медленного умирания, но он всегда приводил к печам обершарфюрера Мунфельда - к печам дьявола.

Отсюда не выходят.

Из Италии пригнали в лагерь каторжников серных копей. Говорят, эти копи - самое страшное место мира. Но эти итальянцы выжили и в серных копях. Тогда их прислали в лагерь под Люблином. Здесь они стали быстро умирать. Машина комбината смерти на Майданеке действовала безошибочно и беспощадно, с тупым азартом топора.

Она приходила в движение уже в карантине.

Вновь прибывшие должны были отбывать карантин... в бараке для больных туберкулезом в открытой форме. Двадцати дней карантина было достаточно для самых крепких. Туберкулез теперь прочно сидел в них, они несли его дальше, в общие бараки.

В одном только марте 1944 года, по официальным документам администрации лагеря, от туберкулеза умерло 1654 человека. Среди них 67 итальянцев, много поляков, русских,

чехов, есть албанцы, югославы, греки, хорваты, словенцы, сербы, литовцы, латыши.

Туберкулез не лечили в лагере. Здесь вообще не лечили. Здесь убивали. Но лазарет в лагере был, и даже блистающий чистотой, специально для фашистских фотокорреспондентов и все время ожидавшихся, но так ни разу и не приехавших "международных комиссий". В этом лазарете были аккуратные дощечки на дверях: "аптека", "операционная", но не было самых элементарных медикаментов, самого необходимого инструментария. Впрочем, это и не было нужно. Среди заключенных жило стойкое убеждение: в лазарет попадать нельзя. Из лазаретов в барак не возвращаются.

Если человек хотел протянуть свое земное существование, он должен был скрывать, что он болен!

В лазарете были медицинские весы. Иногда заключенных взвешивали. Зачем? Фашисты любят порядок. Они аккуратно заносили в книгу: вес заключенного (взрослого) - 32 килограмма.

Тридцать два килограмма - вес взрослого человека! Это вес его костей, обтянутых сухой желтой кожей.

Заключенные получали "суп" из травы, скошенной тут же на поле, у бараков. Эту траву узники Майданека с горьким юмором обреченных называли "витамином СС".

От голода и истощения умирало еще больше, чем от туберкулеза. Люди падали на работе, эсэсовцы добивали их железными палками.

Заключенные-врачи в вечерних рапортичках скрывали умерших за день. Мертвых не уносили. Живые лежали рядом на одних нарах с мертвецами. На другой день паек мертвецов доставался живым.

7.

Человека, заключенного в "лагерь уничтожения", мог убить всякий, принадлежавший к лагерной администрации: начальник картофельного поля Мюллер и самый последний капо. Капо - вспомогательная полиция, навербованная из заключенных-уголовников. Капо соревновались в усердии с эсэсовцами. Убийство заключенного не считалось преступлением, оно было доблестью, долгом, службой.

Эсэсовцы хвалились перед гестаповцами своими подвигами в лагере. Гестаповцы не оставались в долгу.

У каждого СС, у каждого капо был свой метод истязаний. Один убивал ударом сапога в глотку, другой любил плясать на животе жертвы. Длинная костлявая эсэсовка из женского поля избивала бичом. Она била женщин по соскам, по половым органам, по ягодицам. Ее бич со сладострастным свистом падал

на тело. Она была садистка и психопатка и засекала женщин до смерти.

Были среди СС и любители острых шуток. Одни травили заключенных собаками, другие забавлялись у бассейна. Эти заставляли узников нырять в воду и, дождавшись, когда жертва вынырнет, били палкой по голове. Если заключенный не утопал после этого, ему разрешалось выползать из бассейна и одеваться. Одеться он должен был в три секунды. Нет, - снова ныряй в воду, сноба удар палкой по голове, снова три секунды на одевание... И так до тех пор, пока жертвы погибали в бассейне или одевались в три секунды. Чаще погибали.

- Я видел, - рассказывает Владислав Скавронек, возчик, - я на собственные очи видел, как эсэсовка привела в крематорий шестерых детей: двух мальчиков и четырех девочек. Это были крошки: четыре - восемь лет. Начальник крематория Мунфельд сам раздел их догола, расстрелял из револьвера и отправил в печь. Я видел потому, что привез доски для склада.

- Я видел, - показывает Веслав Стопыва, - что они сделали с моим знакомым Чеславом Кшечковским. Ему было сорок два года, он был крепкий человек. Но он неровно стоял в строю, и его стал бить гестаповец. Он ударил его ногой в живот... Потом палкой... Потом прыгал на его животе... Но Кшечковский все еще жил. Он был крепкий человек. Тогда гестаповец взял палку с заостренным концом, воткнул Кшечковскому в рот и с силой рванул... Он разорвал ему все лицо, внутренности... Кшечковский был еще жив... Все его тело содрогалось... Его положили на носилки и унесли в крематорий.

- Я видел, - говорит Петр Денисов, - как СС убил человека. Я инженер-люблинец. Работал в лагере по проведению канализации. Этот СС наблюдал за заключенными. Он был совсем мальчик. Девятнадцати-двадцати лет. У него было нежное, женственное лицо. Я бы никогда не подумал, что он СС. Он выбрал среди заключенных одного молодого сильного еврея и сказал ему: нагни голову! Тот нагнул. Тогда СС начал бить его палкой по шее. Еврей упал. "Оттащите его!" - приказал СС. Еврея потащили лицом по земле. По мерзлым грудам... Был снежок на земле, и он стал красным. Но еврей еще жил. Тогда СС взял бетонную трубу - шестидесяти килограммов - и бросил ее на спину еврея. И еще раз и еще... Я услышал страшный хруст костей... И крик... Я сам закричал... Я не хочу смотреть, но не смотреть не могу. А этот СС подошел к еврею, поднял палкой веко - мертв... И закурил... У него было такое женственное лицо, но оно не побледнело даже.

8.

Человека убить легко. Для этого железной палки хватит. Человечество истребить немыслимо.

Но именно этой маниакальной идеей задался Гитлер. Истребить все человечество, не угодное ему, непокорное, одухотворенное, свободолюбивое. Или по крайней мере истребить все человеческое в оккупированной Европе.

Для свершения такой диверсии против человечества фашистам и понадобились гигантские механизированные комбинаты смерти типа Люблинского лагеря.

Миллионы людей нельзя застрелить из автоматов. Нужен комбинат всех известных людям средств уничтожения.

Это и было сделано в лагере на Майданеке - этом комбинате массового производства смерти.

Расстреливали в лесу. Расстреливали во рвах. Засекали бичами. Травили собаками. Убивали палками. Дробили черепа. Топили в воде. Запихивали в "душегубки". - Плотнее! Плотнее! - Чтоб больше вошло. Морили голодом. Убивали туберкулезом. Душили в серных бетонных камерах. Напихивали людей побольше. Двести пятьдесят. Триста. -Плотнее! Плотнее! - Душили циклоном. Отравляли хлором. Через стеклянный глазок смотрели, как корчатся умирающие. Строили новую газовую камеру. Душили газом. Жгли на кострах. Жгли в старом крематории. Пропускали поодиночке через узкие двери. Оглушали ударами железной палки. По черепу. Тащили в печь. Мертвых и живых. Потерявших сознание. Старались набить печь плотнее. - Плотнее! Плотнее! - Разрубали трупы. Смотрели через синий глазок в печь, как съеживаются и обугливаются люди. Убивали поодиночке. Убивали партиями. Уничтожали целыми транспортами. Сразу восемнадцать тысяч человек. Разом тридцать тысяч человек. Пригоняли партии поляков из Радома, евреев из варшавского гетто. Евреев из Люблина. Гнали через лагерь. Окружали собаками и автоматчиками. Щелкали бичами быстрее! Быстрее!

Через лагерь на пятое поле приходили бесконечные вереницы евреев. Молча. Рядами, взявшись за руки. Дети прижимались к родителям. Молча. Молча. - "Шнель!" - "Быстрее!" - подгоняли гитлеровцы. Рычали собаки. Хлопали бичи. Ряды убыстряли шаг. Задние догоняли передних. Бежали. Спотыкались. Падали. Задыхались.

Вдруг начинали греметь все репродукторы лагеря. Веселые фокстроты, танго. Лагерь замирал от ужаса. Знали: значит, большие расстрелы сегодня. Начинал работать трактор. Фокстрот сменялся румбой.

На пятом поле обреченные раздевались. Догола. До нитки.

Все. Мужчины, женщины, дети. Их гнали ко рву. Быстрей! Быстрей! Ложились в рвы. Тело к телу. Покорно.

Безропотно. - Плотнее! Плотнее! - приказывали палачи. Спрессовывались плотнее. Сплетались. Руки, ноги, головы уже не принадлежали человеку. Они существовали отдельно, придавленные, разбитые. Смятые. На первый ряд ложился второй. Потом третий. Гремели фокстроты в репродукторах. Стучал трактор. Весь ров теперь был до краев наполнен живой, трепетной, стонущей и проклинающей убийц человеческой массой. Автоматчики поливали ров огнем из автоматов.

И все пять печей нового крематория разевали свои жадные пасти. Они работали с адской нагрузкой. И днем и ночью. Тысяча четыреста трупов ежесуточно. Мало! Набивали печи плотнее. Вместо шести - семь трупов в печь. Подымали температуру в печах. 1500 градусов. Мало! Убыстряли процесс сжигания: 45 минут. 40, 30, 25. Деформировался кирпич в печах от невероятной жары. Оплавлялись чугунные шибера. Высокая труба крематория дымила круглые сутки. Черный смрад стоял над лагерем смерти.

Ветер с Майданека разносил трупный запах по всей округе.

9.

Можно ли было уцелеть в этом лагере уничтожения? Отсюда не выходят.

Многие сами искали смерти, чтобы прекратить бесконечные муки. Бросались на электрифицированную проволоку и умирали на ней, почернев и скрючившись.

Инженер Денисов рассказал нам еще и о таком случае добровольной смерти, происшедшей на его глазах.

Двое заключенных подошли к эсэсовцу и попросили повесить их.

- Повесьте нас!

Эсэсовец удивленно посмотрел на них и усмехнулся.

- Яволь. Пожалуйста.

Он сделал петлю, сам накинул ее на шею желающему умереть, поставил его у рва, бросил концы веревки двум своим помощникам и, крикнув им: "держите крепче", ударил заключенного ногой под колено. Тот упал в ров, подергался в петле и умер.

Второй заключенный немедленно подошел ко рву. Он сам расстегнул свой воротничок, сам надел петлю на шею, оттолкнулся - и последовал за товарищем.

Мы нашли на стене барака две карандашные надписи. Первая: "Ваня Иванов дурак в том, что не может себе ничего сделать" и вторая - словно отвечая на первую: "Умри так, чтобы от

смерти твоей была польза".

Можно ли было убежать из лагеря?

Мы слышали о "штурме лопатами" и о "побеге восьмидесяти". В обоих случаях действуют русские пленные. Видно, русскому, советскому человеку наиболее присущ дух борьбы за свободу.

"Штурм лопатами" произошел в Крембецком лесу, где работали военнопленные из лагеря. Семнадцать русских лопатами убили вражескую охрану и убежали.

"Побег 80-ти" произошел позже. Ему предшествовал настоящий митинг в бараке. Обсуждалось: бежать или не бежать. Восемьдесят решили бежать, пятьдесят - остаться.

Решили бежать ночью. Оставшиеся обещали не выдавать. И не выдали. Ночью побег состоялся. Набросив пять одеял на проволоку (тогда еще не электрифицированную), пленные переползли через нее и убежали.

Оставшихся в ту же ночь фашисты вывели из барака и расстреляли.

Я знаю еще один случай побега. Его совершил люблинец Давидсон, еврей. Он бежал в тот момент, когда их гнали из лагеря на работу. Он знал, что его застрелят при побеге. Но он знал также, что его и без побега застрелят. Ему не из чего было выбирать. Он побежал, ожидая пули в затылок. Но пуля миновала его. Он спасся.

Его приютила знакомая польская семья. Два года и тринадцать дней вплоть до прихода наших войск в Люблин - поляки скрывали еврея у себя на чердаке и кормили его. Все эти два года и тринадцать дней он пролежал влежку, чтобы шумом шагов не выдать себя и семью, его приютившую. Все эти два года он никого не видел, ни с кем не разговаривал. Ему забрасывали пищу - и все. Он разучился говорить. Он отвык от солнечного света. Но он сохранил жизнь. Мы видели его.

И так же, как он на своем чердаке, так и тысячи людей в лагере жили смутной надеждой...

Мы видели на стене барака в лагере рисунок синим карандашом. Без подписи. Без текста. Рисунок изображал простой и тихий украинский пейзаж. Сколько горькой тоски по родине, по вольной волюшке было в этом рисунке! Сколько надежды!

Да! Даже здесь, в лагере уничтожения, люди продолжали надеяться. Свои надежды они связывали с наступлением Красной Армии. Красная Армия не обманула их надежд.

10.

Сейчас на Майданек приходят тысячи люблинцев. Приходят увидеть страшный лагерь.

Три года был он их кошмаром. Три года дышали они трупным запахом его печей. Пять лет жили под кнутом оккупанта.

Черным смрадом и тайной был окутан этот лагерь смерти. Теперь нет больше тайн. Вот печи дьявола. Вот рвы, где расстреливали. Вот останки полусожженных трупов в крематории.

Люди смотрят и уже не плачут. Все слезы выплаканы. Слез больше нет. Толпа кричит.

Во рву работают гитлеровцы, захваченные в лагере. Палачей заставили выкопать трупы их жертв.

Глухо звенят лопаты о землю. Палачи работают молча. Они только испуганно вздрагивают, когда слышат яростный рев толпы, и еще ниже склоняются к своим лопатам.

Толпа кричит.

Лопаты стучат о землю. С ужасом вскрикивает женщина. Из груды развороченной глины рва выглянула ножка ребенка.

- Убийцы! - стонет толпа. - О! Убийцы!

Мимо проводят пленных фашистов, солдат и офицеров. Их больше восьмисот. Чтоб оградить их от народной ярости, их ведут по другой стороне рва. Конвоиры показывают им дело их рук. Труп ребенка уже весь извлечен из земли и положен рядом с другими трупами. Фашисты молча идут мимо. Одни отворачиваются. Другие - тупо рассматривают трупы.

- Бандиты! - кричит им толпа. - Убийцы!

Толпа густеет. С дороги из окрестных сел сбегаются люди. Только ров отделяет людей от их палачей. Во рву среди трупов замученных - маленький детский трупик.

Гитлеровцы идут, согнув шеи, уткнув глаза в землю. Руки - за спиной. Толпа неистовствует. Словно хлыст, свистят и падают на спины убийц ее крики:

- Убийцы! Дегенераты! Садисты!

Старик поляк Петр Рожанский подымает палку над головой и кричит:

- Чем, чем вы заплатите мне за моего сына?

Чем?

11.

Снова стучит в окна ветер с Майданека: помни о печах дьявола, поляк, помни о лагере смерти! Помни о миллионах замученных, расстрелянных, сожженных! Помни и мсти!

На площадь перед замком Люблинским стекаются огромные толпы. Поклониться праху мучеников.

Хор поет "Богородицу" - молитву, с которой шло Войско Польское на поля Грюнвальда бить врагов.

Рыдает площадь... Девочки в белых платьях несут венки на могилы. Припали к земле женщины в черном - вдовы замученных.

Обнажив головы, стоят солдаты Войска Польского. Взяли винтовки на караул бойцы Красной Армии.

Торжественно-траурную мессу служит ксендз Крушинский. Перед прахом мучеников он призывает соотечественников к единению. Член Польского Комитета Национального Освобождения В. Ржимовский открывает мемориальную доску на стене Люблинского замка. На ней краткая надпись: "Миллионам жертв, замученных немецкими преступниками на Майданеке и в Замке.

6 августа 1944 года.

Польский народ".

Бывшие заключенные несут урну. В ней - пепел из крематория Майданека. Урна замуровывается в стену замка. Делегация Красной Армии возлагает венки от армии и правительства СССР.

Двадцать пять тысяч собравшихся на площади поют старую антифашистскую песню "Рота".

На крови мучеников, в огне борьбы, в братском союзе с советскими народами встает из пепла новая, свободная Польша.

Август 1944 года

Западнее города Сандомир наши войска вели успешные бои по расширению плацдарма на левом берегу реки Висла и заняли более 60 населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро

7 августа 1944 г.

Сергей Борзенко

На том берегу

С высокого правого берега, куда только достает глаз, виден розовый свет подожженных гитлеровцами пылающих деревень и над ними белый дым горящих лесов. Два цвета -красный с белым - флаг Польши, возрождающейся из пепла.

Невольно задерживаемся на изрытом снарядами берегу Вислы. Вражеская артиллерия бьет по переправам. Осколки, словно косою, режут прутья зеленой ивы, но трудно уйти с берега, с которого так хорошо видна вся великая слава нашей победы.

Впереди много дела: надо осмотреть занятый на той стороне плацдарм, побывать в ротах, первыми форсировавших широкий водный рубеж. Но мы стоим и смотрим, как переправляются наши солдаты на левый берег. В быстрых волнах плывут испуганные водным простором кони, на переполненных паромах - танки, пушки, ящики со снарядами. На самодельных, наспех сколоченных плотах и в узеньких лодочках-душегубках - пехота, которая тут же смывает с себя пыль польских дорог и моет натруженные ноги в воде. Саперы - эти неистовые труженики войны - уже вбивают сваи моста в каменистый грунт реки.

Сходим на скользкий от крови и конского навоза паром и отплываем в шумной, тесной и веселой толпе солдат. Кто-то весело запевает, его подхватывают, и вот уже несется русская песня над широкой польской рекой. В реке плывут, переворачиваясь, трупы вражеских солдат, от которых шарахаются напуганные мертвечиной кони. Темнеет, и пламя пожаров как бы разгорается на той стороне.

- Прилетят еще или нет? - спрашивает старый паромщик-поляк, поглядывая на небо.

- Обязательно сделают последний заход, - отвечает юный разведчик Соболев, с двумя спаренными вишнями, словно серьга, повешенными за ухо. Со своим другом Виктором Марининым он первым ночью вплавь достиг того берега, выбрал место для переправы, вернулся обратно. Им помогали польские партизаны.

Через несколько минут ударили наши зенитки: сверху один за одним пять "мессершмиттов" пошли в пике. Они валились прямо на нас, и все бойцы, находящиеся на пароме, встретили их огнем из винтовок и автоматов. Я стоял возле лошадей, видел, как они прижали уши, приседая на задние ноги, и мне показалось, что, если бы лошади могли стрелять, и они бы стреляли в фашистов - столько злости зажглось в их умных глазах.

Не знаю, то ли вражеский летчик просчитался, то ли в его

самолет попал снаряд зенитки - все произошло в какое-то мгновение, - "мессершмитт" врезался перед нами в реку, обдав всех масляными брызгами. Его тотчас поглотила холодная вода.

Долго блуждали мы в темноте за Вислой, перебирались через противотанковые рвы и проволочные заборы в поисках Ф.Барбасова, чье подразделение первым с боя форсировало реку. Искали его и не находили, натыкались на артиллерийские и минометные батареи и, наконец, решили идти-на звук пулеметных и автоматных очередей, туда, где закипал бой и наши минометы чертили огненные трассы, как бы указывая путь вперед.

Встретили Барбасова в канаве, поросшей крапивой, во время отражения седьмой в этот день контратаки. Гитлеровцы бросили против наших воинов крупные силы и ценою любых потерь пытались сбросить в воду или задержать переправившиеся части, ибо Висла была барьером, на который враг возлагал так много надежд.

Среди копен ржи черным огнем горели четыре только что подожженных бронетранспортера и один танк. Бой понемногу затихал, и только долго еще с опушки леса бил "максим".

- Никак не может остановиться Авдошкин, - сказал Виктор Якушев.

- Ненависть не остановишь, - ответил ему Гайнулин.

Капитаны Якушев и Гайнулин - командиры батальонов, форсировавшие реку и обеспечивавшие захват плацдарма.

Разгоряченный боем Барбасов сел на землю. Срывая стебли жгучей крапивы и не замечая этого, он начал рассказ. Его дивизия, сделав за сутки пятидесятикилометровый марш по непролазной грязи, с ходу устремилась через реку, опередив отступающего противника, не успевшего занять подготовленную оборону. Гитлеровцы переправлялись через Вислу одновременно с нашими справа и слева, и на реке разгорелось жаркое сражение. Авиация противника бесилась над ней, не в силах разобраться, где свои, где чужие.

С сыновней любовью говорил Барбасов о своем генерале:

- Он меня еще на Сане благословил, сказал: "Можешь, бери Вислу с ходу".

Невдалеке светились жаркие угли догорающего села. В зареве кружились черные тени аистов. Польские крестьяне, потерявшие все добро, смотрели на птиц: они жалели не только сгоревших лошадей и коров, но и аистов, которые всю жизнь жили у них на соломенных крышах.

На рассвете мы пошли на переправу. Навстречу спешили польские крестьяне с серпами в руках.

- Куда вы? Там убьют!

- Что делать, хлеб осыпается!

Поднялись на паром. На нем были четыре гитлеровца, взятых в плен бойцом Шморгуном. Находилась тут и молоденькая санитарка. Она везла с собой в госпиталь польку, у которой преждевременно, от страха, родился ребенок, он лежал сейчас на руках санитарки, завернутый в вату.

Когда паром достиг середины реки, снова налетели самолеты. Крупнокалиберная пуля ранила одного нашего бойца. Кровь из его головы пролилась в реку. Молодая полька поглядела на алые капли, сказала:

- Русская кровь, пролитая в польскую реку, снова породнила нас!

Над Вислой рассеивался густой туман, над дымящейся Польшей всходило радостное солнце нового дня.

7 августа 1944 года

Андрей Малышко, Александр Верхолетов

Хозяин неба Александр Покрышкин

Воздух имеет свои законы борьбы. Орел делает крутые повороты правого и левого крыла, когда нападает. Он безукоризненно режет крыльями воздух на вертикалях и делает полет по кругу, защищая себя спереди и сзади. Александр Покрышкин до мельчайших подробностей изучил законы воздуха. Он работает в небе почти инстинктивно. Этот человек - орел, не в пышном, аллегорическом значении этого слова, а в обыкновенном, будничном, деловом.

Сейчас мы все знаем: Александр Покрышкин сбил 59 самолетов, не считая групповых. Это значит, человек 59 раз встречался с врагом лицом к лицу и побеждал его. Враг был вооружен крупнокалиберными пулеметами, пушкой, покрыт броней. Но советский летчик искал слабые места у врага и находил их, и пятьдесят девять раз расстреливал его. В таких поединках рождается бессмертие. Александр Покрышкин многое видел и пережил. Посмотрите на его лицо - суровое, мало когда улыбающееся, даже жесткое, - и вы скажете то же самое.

Признание Александра Покрышкина началось на Кубани и выросло в яркую славу на Висле. Где-то в полынных кубанских степях, с запахом чебреца и сожженной травы, над обуглившимися белыми хатами и вишнями станиц Крымской, Ниберджаевской, Адагума, над "голубой линией" немецкой обороны звенело имя молодого летчика. А над польскими фольварками и замками, над тихими берегами Вислы оно засветилось грозное, как молния.

... Кубань, луга, сады, лиманы, вся земля в предрассветной

дымке. Солнце едва поднимается над степью, а самолет Покрышкина уже на старте.

Еще мощнее заревел мотор, и под винтами волнами заметалась трава. Старт дан. Вихрем взмыл вверх Покрышкин. За ним 8 "ястребков", курс на Крымскую, за наш передний край.

А навстречу ему уже шла группа немецких истребителей. Тяжелые были тогда дни на Кубани, большие воздушные бои. Против наших летчиков брошены отборные немецкие эскадрильи - "Удет", "Мельдерс", "Бриллиантовая".

Покрышкина тогда часто забавляли спесь и гонор, с каким они вели себя в воздухе.

Вот и на этот раз ведущий немец бросился на него в атаку.

С первых же минут боя Покрышкин понял, что перед ним опытный фашистский ас.

После серии бешеных атак, которые спокойно и уверенно отразил Покрышкин, немец почувствовал, что не на такого напал. Перед ним был виртуоз воздуха, прирожденный талант - советский ас Александр Покрышкин.

Куда девалась немецкая наглость и уверенность. Немец перешел к обороне. Но Покрышкин тоже не спешил. Его товарищи недоумевали: что Александр надумал?

Немец сделает маневр. Покрышкин его повторит. Немец попытается вести бой на горизонталях. Покрышкин тоже ведет бой на горизонталях. Немец снова сделает маневр. Покрышкин его повторит. Уже более десяти минут прошло, а Покрышкин все продолжал дразнить немца. Фашистский ас начал нервничать. Он, очевидно, понял, что советский летчик изматывает и его самого, и мотор немецкой машины.

Александр Покрышкин до мельчайших подробностей знает недостатки не только в тактике воздушного противника, но и в конструкциях немецких самолетов.

Мотор машины, на которой дрался немец, обычно на высотах перегревается и начинает плохо тянуть.

Немец пошел вверх. Пошел быстро, а потом все медленнее и медленнее. Со страшной силой Покрышкин бросил вдогонку своего истребителя. Взмыл вверх.

Немецкий ас пытался было отвалить, но поздно...

Пехота с земли слышала, как гукнула где-то высоко пушка, а потом мелькнул пылающий факел. Это рухнул вниз немецкий ас.

Немцы не раз меняли свою тактику. Ходили парами, а потом четверками; бомбардировщики, например, применяют оборонительный круг, прикрываясь истребителями. Попробуй, подступись к такому огненному ежу! А вот летчики Покрышкина знают подступы, умеют найти слабое место. Они прорываются

внутрь и раздирают на части этот круг, ломают оборону и бьют немцев поодиночке.

Когда противник менял тактику, Покрышкин тоже вносил коррективы в свою тактику. Он эшелонирует свои силы и по высоте и в глубину. Он хорошо пользуется резервом в бою, любит хитрить, преподносить немцам "сюрпризы" в воздухе. Он учит своих товарищей воевать без потерь. Покрышкин провел не менее сотни воздушных боев, совершил 600 вылетов - и невредим. Что это случайность, удача, счастье? Нет. Это воинское мастерство. Так воюют и все его питомцы. Летчики Покрышкина во время Великой Отечественной войны сбили свыше 500 самолетов врага.

Каждый одаренный летчик имеет свой, только ему одному присущий почерк боевого полета. Он пишет пулями и снарядами. Боевой почерк Александра Покрышкина знают в воздухе и друзья, и враги.

Утром, на зорьке, загудят моторы, заколышется трава под пропеллерами. Первая тройка выруливает на старт, поднимается в небо.

- Пошли наши голубчики! - скажет тихо кто-нибудь на посадочной площадке. А немецкая станция наведения уже кричит во все печенки:

- Ахтунг! Ахтунг! (Внимание! Внимание!) В воздухе Покрышкин!

Немцы остерегаются его машины в воздухе.

Последний бой произошел несколько дней тому назад в 19 часов 40 минут над Вислой.

Пехота глубже зарывалась в землю. Пыль от разрывов бомб ползла по земле на правом берегу, как густая, темная завеса. Солнце падало за горизонт красное и тяжелое, уставшее за горячий боевой день.

"Юнкерсы" и "хейнкели" шли в пыльном небе ровными четверками, Их было немало. 37 "юнкерсов", 4 "хейнкеля" и 8 "фокке-вульфов". Еще минута, и бомбы полетят на головы нашей пехоты, разрушая переправы, разрывая землю в клочья, обугливая деревья, технику, людей.

Наши самолеты появились из-за леса неожиданно. Четыре. Еще четыре. И еще четыре.

Немцы узнали Покрышкина.

- Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин!

Да, это был он. Но не один. С ним летели его лучшие боевые друзья Как говорится, кровные друзья: капитан Речкалов, Андрей Труд, Клубов, Федоров, Вахненко и верный "щит" Покрышкина - Голубев. "Юнкерсы" стали в свой традиционный круг.

Истребители ушли выше, в потолок неба над

бомбардировщиками, как коршуны, высматривающие свою добычу.

- Речкалов! Бери "юнкерсы" с запада. Я пойду в лоб, -передает по радио командир. И четверка Речкалова обошла "юнкерсы" с запада. Третья четверка взяла на себя потолок, где засели истребители. Начался бой. Заработали крупнокалиберные пулеметы речкаловской четверки.

Ударила пушка. Тяжело груженный бомбами "юнкерс" неуклюже дал крен на правое крыло и пошел вниз. Взрыв. И еще один взрыв. Дым и пламя поползли по земле.

- Давай, Речкалов! Давай!

- Покрышкин? Ты есть? Саша, ты есть?

"Хейнкель", вырвавшись из высоты неба, пошел на самолет Покрышкина. Это заметил Голубев и преградил ему дорогу. И закрутились в смертельном кругу "хейнкель" и Александр Покрышкин.

И на этот раз вся сила огня самолета Покрышкина впилась в мотор "хейнкеля"!

- Готово! - прошептал Покрышкин.

Сбитый самолет запылал и пошел к земле.

- Разве он стреляет? - говорят о нем друзья. - Он наваливается всем огнем, сжигает, как доменная печь.

И это правда. Бой над Вислой закончился.

На земле догорали семь "юнкерсов", один "хейнкель". Все наши двенадцать самолетов вышли из боя и ровными четверками поплыли к родному аэродрому.

- Хороший у нас сегодня счет, можно сказать, - круглые двойки, пошутил на аэродроме Речкалов, встретив Покрышкина.

- Ты сбил - два. Клубов - два.

- А себя что, забыл?

- Ну и я - два, - засмеялся Речкалов.

Позавчера в полку был вечер, посвященный Александру Покрышкину в связи с награждением его третьей медалью "Золотая Звезда".

За столом сидели его лучшие друзья: дважды Герой Советского Союза капитан Речкалов, гвардии майор Фигичев, подполковник Крюков, Герой Советского Союза Андрей Труд, Герой Советского Союза Клубов, Герой Советского Союза Федоров. Все молодые, смуглые, крепкие, овеянные горячей боевой славой. Одна семья. Одна когорта воинов. Одно орлиное гнездо. Десятки телеграмм и сердечных приветствий получил в этот день Александр Покрышкин. Перед этим за несколько дней из далекого родного Новосибирска, из домика на улице Лескова, пришла ему посылка от матери Аксиньи Степановны. В посылке

баночка варенья и теплые шерстяные носки, вязанные заботливыми материнскими руками.

"Ты, Сашенька, варенье съешь, а носки надевай, когда летишь, в воздухе ведь холодно, я знаю".

Да, в воздухе бывает холодно и жарко, и даже смертельно тяжело приходится. На то война.

Но когда весь народ согревает человека своей любовью, тогда ничего не страшно. Тогда человек расправляет крылья и летит, как птица, в бой, в опасность, в завесу огня и стали, думает только о победе.

Таков и Александр Покрышкин.

23 августа 1944 года

Илья Эренбург

Весна в октябре

Есть памятники, которые напоминают о зле. Поэт Барбье сказал о Вандомской колонне: "Матери не смотрят на эту бронзу". Может быть, лицо матери, ребенка которой спасла Красная Армия, будь то белоруска или сербская крестьянка, или женщина заполярного Киркенеса, - лучший памятник историческому событию, потрясшему мир двадцать семь лет тому назад.

Многие тогда не поняли России, измученной, окровавленной, но сильной духом; они сочли родильную горячку за агонию, приняли за бред слова, полные пророческого смысла. Когда теперь нас спрашивают, как сможем мы восстановить разрушенные немцами города, мы вправе ответить: труднее было построить Советское государство. На западе и на востоке, на юге и на севере не утихала война; голод и холод душили людей, а за ними шел сыпняк; зарастала травой колея, ржавели поломанные паровозы; по стране бродили беспризорные; улицы Москвы, с огромными сугробами, походили на пустыню, и маленькая электрическая лампочка казалась ослепительным маяком. Как некогда солдаты Вальми, первые красноармейцы, плохо вооруженные, голодные, разутые, одерживали за победой победу. На субботниках воля людей заменяла уголь. Как на приступ крепости, ринулись на азы науки дети землепашцев и пастухов.

Фрегат Колумба не совершал каботажного плавания. Извилист и труден был путь советского корабля. Годы не походили друг на друга. Было больше надежд, чем воспоминаний, больше пота садовника, чем сока спелых плодов, мы ведь не жили на проценты с прошлого. Неодобрительно поглядывали на нас иные обитатели давно обжитых домов; они брюзжали, что мы строим не по правилам, или в ужасе говорили, что котлованы наших строек - это подкопы под чужое жилье. Те, что подоброе, отсылали нас в детскую, те, что позлее, копили для нас

смирительные рубашки. Нас не смутили ни гримасы эстетов, ни бомбы диверсантов: мы отстояли свое.

Может быть, в тех старых, хорошо надышанных домах, где проживали люди, презиравшие нас за грубость и за бедность, царило счастье? О, разумеется, там было много коверкота и много фаянса, но счастья там не было. Для Запада годы между двумя войнами были эпохой томления, мрачных предчувствий, лихорадочной погони за минутными развлечениями. Еще не успели догореть плошки, зажженные в честь мира, как начались репетиции новой войны. Труды дипломатов были прерваны трудами налетчиков. Вскоре мы услышали новое слово: "фашизм".

Наши юноши одолевали арифметику и машиностроение, диалектику и версификацию. В русских деревнях торжественно открывали ясли. Кочевники увидели строителей Турксиба. А по улицам немецких городов уже бродили убийцы; Гитлер уже прославлял арийскую бестию; из яйца выполз паук-крестовик, чтобы поймать в свою паутину и "твердолобых" и мягкотелых. Те немцы, которые потом сожгли города Европы, еще ходили в детских штанишках; дипломаты, похожие на окаменелости, еще толковали о репарациях прошлой войны, а в роскошных кабинетах Тис-сена или Феглера, а в накуренных "биргалле" Мюнхена или Берлина уже готовились к новым походам.

Запад тогда переживал мучительный кризис; сдавали на лом станки, уничтожали молочных коров и, желая удержать цены на пшеницу, портили ее, примешивали к зерну эозин. Гитлер закричал: "Я нашел для немцев работу" -он уже помышлял о пуске душегубок, о колоссальных "фабриках смерти"; усмехаясь, глядел он, как подмешивали к зерну безвредную красную краску, он знал, что вскоре подмешает к немецким розанчикам и рогаликам настоящую человеческую кровь.

Кончился скрытый период болезни. Стены европейских городов покрылись омерзительной сыпью: призывами к убийствам и знаками свастики. Деньги Тиссена и Феглера не пропали зря: в Берлине вспыхнули факелы будущих "факельщиков". Носители "нового порядка" жгли стихи Гейне; малолетние "сверхчеловеки" гонялись за престарелыми евреями. Люди, проживавшие в старых почтенных домах, ласково журили людоеда, который только-только оттачивал нож. Те же почтенные люди горячо аплодировали последователям людоеда: в Вене Дольфус из пушек стрелял по рабочим домам, в Астурии Хиль Роблес бомбил безоружных горняков, в Париже Ля Рок жег автобусы и убивал женщин.

Мы в те годы обливались потом. Кто видел Кузнецк или Магнитку в пору строительства, знает, что это была настоящая

война, сотворение мира. Люди верили, что они придают плоть идее. Деревцо росло. Дети переходили из класса в класс. На пустырях возникали новые города Хорошели Киев и Воронеж, Новосибирск и Сталинград. Пшеница двинулась на север. Отрок Осетии узнал теорию относительности, и внуки Платона Каратаева поняли душевные муки Андрея Болконского. На один короткий час челюскинцы отвлекли внимание мира от жестоких замыслов "наци", от аферы Стависского, от "черных пятниц".

Может быть, мы тогда не знали, какая пустыня отделяет нас от обетованной земли; может быть, мы тогда не думали, что строки, написанные чернилами, придется скрепить своей кровью; но мы и тогда понимали, что фашизм покушается на самое ценное - на человека.

Когда итальянские чернорубашечники напали на беззащитную Абиссинию, мы возмутились. А ведь не нам грозили выкормыши дуче: пожирая Эфиопию, они рычали: "Мальту! Корсику! Ниццу!"

Драма протекала далеко от нас, но мы поняли, что черная тень повисла над всеми колыбелями мира. Тем временем на Западе улыбались кровавому дуче и, побранив его для приличия в Женеве, дружески с ним чокались в Риме. Удав понял, что кролики не кусаются. Началась страшная испанская война. Я видел, как три года испанский народ пытался отстоять свою свободу от захватчиков: против него воевали и немецкая авиация, и чернорубашечники. Дома Парижа и Лондона еще дышали уютом, на них еще не падали бомбы; и многие обитатели тех домов лицемерно говорили, будто Франко - этот предтеча всех Квислингов -представляет Испанию. Юристы, гордые своими познаниями, доказывали, что когда убийца режет чужого ребенка, судьи должны играть в покер или бридж. Я вспоминаю детские трупы на узеньких улицах Барселоны. Я присутствовал на допросе убийцы: это был летчик германской армии, лейтенант Курт Кетнер. Он нагло рассказывал о планах своего фюрера. Происходило это в барселонской цитадели, и тотчас после допроса к убийце подошел иностранец, назвавший себя представителем Женевы; он не спросил Курта Кетнера, почему тот убил девятнадцать испанских детей; он интересовался другим: дают ли убийце к утреннему кофе достаточно сахара.

Неизвестно, уцелел ли при воздушных бомбардировках тот дом в Мюнхене, где было подписано отречение от Европы. Его стоило бы сохранить в назидание потомству. Газета "Пари суар" после Мюнхена объявила подписку: поднести Чемберлену, "обеспечившему мир на целое поколение", домик в живописном месте. Теперь французы посадили редактора "Пари суар" в острог,

как вульгарного изменника. Дома многих жертвователей разгромлены немцами, а "живописные места" Англии узнали, что значила ветка оливы с меткой "мэйд ин Джермени". Не о мире мечтали "умиротворители" - о войне, но о войне за тридевять земель; они восторженно щебетали: "Гитлеру нужна Украина". Они заснули с мечтой о бомбардировке Баку. Их разбудили сирены.

Мы знали, что такое фашизм; мы пели: "Если завтра война"; и все же июньское воскресное утро потрясло нас своей трагической неожиданностью. Только глупцы могут говорить, что наше государство не было подготовлено к отпору. Но как ни готовься, у нападающего всегда преимущество. Человек может знать, что в городе завелись бандиты, он может запастись хорошим револьвером, он может обладать зорким глазом и крепкими нервами, но он не может жить одним - ожиданием нападения: ведь это -мирный человек, он работает, он - врач, или инженер, или токарь; он идет на работу или с работы, он думает о книгах или о детях; и вот в эту минуту раздается выстрел. Так начались страшные дни 1941 года.

Никогда ни одно государство не подвергалось такому испытанию, как молодая Советская Республика. Враг захватил нашу житницу, нашу кочегарку; враг дошел до Кавказа. Треть населения попала под сапог захватчика. Как мы выстояли в такой беде? Наивно объяснять все ошибками германского командования: ведь то же самое командование казалось безошибочным во Фландрии и в Греции. Мы выстояли, потому что наши люди оказались душевно крепче и выше захватчиков, а не будь Октября, не было бы и этих людей. Если спросят, где истоки нашей победы, мы скажем: не только у Сталинграда или у Москвы - дальше - на площади Зимнего дворца, где Революция встретилась с Россией.

Давно ли в сводках Информбюро стояли названия подмосковных дач, пригородов Ленинграда? Теперь диктор называет наименования, не привычные для русского уха. Мы не в Калмыкии, мы в Восточной Пруссии, вместо Можайского направления теперь Будапештское. Красная Армия освобождает Польшу и Югославию, Чехословакию и Норвегию. Наш народ скромен; несвойственно ему кичиться своими делами. Воюет сейчас сержант Павлов; он даже не напомнил о том, чтобы ему дали медаль за оборону Сталинграда; а мир хорошо помнит, что такое Дом Павлова. Мир хорошо помнит, чем он обязан России. Одно дело воевать, когда ты три года готовишься к наступлению, когда у тебя в глубочайшем тылу сотни миллионов рабочих рук, необозримые нивы, огромные заводы, когда есть время подумать

о каждой пуговке на солдатской шинели. Не так воевали мы: на нас обрушились лучшие бронечасти Германии; наши эвакуированные заводы расположились на пустырях; женщины заменили мужей и у станка и в поле. Три года мы воевали в Европе одни. Мы превратили победителей Дюнкерка в тех фрицев, которые галопом пронеслись от Тулона до Эльзаса и от Нанта до Голландии. Велика радость жнеца; а мы были пахарями победы. Вот почему Красную Армию приветствуют, как Освободительницу, и Парижский Совет Сопротивления, и король Норвегии, и рыбаки Греции, и епископы Англии. Пусть для многих еще недавно мы были падчерицей Европы, пусть одни глядели на нас свысока, другие искоса, третьи исподлобья; теперь полны признательности просветленные взгляды; и на всех языках мы читаем те же многозначительные слова: "Советская Россия спасла Европу и мир".

Мы не одни теперь в борьбе, и, узнав поближе наших друзей, мы научились их ценить. Наши летчики гордятся своими английскими и американскими товарищами, которые наносят врагу суровые удары. Наши пехотинцы уважают англичан, выдержавших в Голландии тяжелые бои. Вся наша армия горда победами союзников на Западе, и весть о падении Аахена мы приняли радостно, как нашу победу. Нужно ли говорить о том, как близко мы принимаем к сердцу радости и горе наших товарищей по оружию: солдат Тито, партизан Словакии, поляков, французов, норвежцев. Когда восстал Париж, вся Россия возрадовалась. Освобождаемые - это не красавицы из легенд, это живые народы; они не ждут кротко освободителей, вместе с нами они сражаются против своих угнетателей. Одни чувства теперь вяжут Советский Союз и мир: добить фашизм.

Да, есть одна страна, где нас не ждут, где люди бледнеют, услышав вдали шаги Красной Армии. Пуще всего страшатся немцы нашего вторжения; не потому, что наши солдаты по природе злее других; даже не потому, что у каждого из наших солдат есть свои личные счеты с захватчиками; немцы особенно страшатся прихода Красной Армии, потому что мы едины в наших помыслах, потому что среди нас нет лицемеров и адвокатов дьявола, потому что мы идем к ним, как суровые судьи, как зрелые мужи, понимающие свою ответственность перед грядущими поколениями, потому что мы твердо решили покончить со злом раз и навсегда.

Я спросил недавно одного летчика из части "Нормандия", отличившегося в боях над Восточной Пруссией, почему он и его товарищи предпочитают сражаться на Восточном фронте; и француз мне ответил: "Меня не интересуют парады, меня

интересует суд".

Все народы смотрят на Москву с великой надеждой не только потому, что мы хорошо сражаемся, но и потому, что за нашей спиной нет черных теней "умиротворителей". Мы слишком любим мир, чтобы пощадить Германию. Мы слишком верим в братство народов, чтобы оставить на земле фашистов. За три года мы видали столько подлинных слез, что не растрогать нас никакими эрзац-рыданиями. Мы научились разгадывать военную маскировку врага; нас не обманет и его гражданская маскировка. Не для того мы выиграем войну, чтобы проиграть мир.

Мы знаем, что фашисты, убежав из Франции в Испанию, нашли там применение; может быть, среди них находится и мой старый знакомый, Курт Кетнер... Мы знаем, что в союзных странах возмущенно встретили фотографии, показывавшие упитанных гитлеровцев, поглощающих американские консервы. Мы знаем, что в разных странах, еще недавно бывших вассалами Гитлера, мучители, отдышавшись после первого страха, примеряют венчики великомучеников. Мы знаем, что есть на свете люди, которые, как и в 1939 году, пуще всего боятся своего народа. Однако теперь иные времена. Красная Армия показала свою силу. Народы Америки, Англии и Франции излечились от многих иллюзий. Они скажут вместе с нами, что нельзя оставить чуму в одном переулке или в одной квартире: чума - зараза. Они скажут вместе с нами, что искупление - это не парикмахерская, где брюнетов перекрашивают в блондинов, а фашистов в демократов. Они скажут вместе с нами, что если есть в мире страна, где люди, приветствуя друг друга, подымают вверх руку, то это руки захватчиков и это страна агрессии. Свободолюбивые народы вместе с нами скажут, что если есть в мире школы, куда не пускают негра, или еврея, или славянина, потому что он негр, еврей или славянин, то из таких школ могут выйти не гуманисты, а народоубийцы. Когда Персей убил Медузу, у нее остались сестры - духи зла. Мы не хотим оставить духовных племянников фюрера или дуче. По-разному живут народы, разное над ними небо, разные у них порядки. Мы радуемся и мощи Соединенных Штатов, и независимости Люксембурга. Но там, где живут люди, нельзя оставлять людоедов, даже таких, которые постятся между двумя сытными трапезами.

Красная Армия воистину Освободительница: она не ищет чужой земли, никому она не навязывает своей воли. Она идет на Запад с одной мыслью, с одним чувством: избавить мир от фашистского зла. Она способна на этот подвиг, потому что двадцать семь лет тому назад наш народ понял, что такое братство.

Осенью 1917 года наш народ переживал душевную смуту. Малодушным тогда казалось, что Россия распадется. И вот холодным, неприветным днем поздней осени огромная надежда родилась в мире: Октябрьская революция. Ее значение теперь поняли все; не только наш народ, но и другие, не только старые друзья, но и былые недоброжелатели: Советская Россия выручила человечество; и вторично мы видим наперекор календарю весну в октябре.

1944 год

Войска Карельского фронта, преследуя немецкие войска, пересекли государственную границу Норвегии и в трудных условиях Заполярья 25 октября овладели важным портом в Баренцевом море - городом Киркенес, а также с боями заняли на территории Норвегии более 30 других населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро

25 октября 1944 г.

Геннадий Фиш

В Северной Норвегии

Горят деревни, хутора, поселки Северной Норвегии, подожженные фашистами. С высоких вершин скалистых гряд видят советские бойцы пламя пожарищ, отражаемых ровной гладью фиордов, и у всех, кто видит это пламя, одна мысль, одно стремление - вперед!

Казалось бы, люди могли устать от трудных переходов, от ночевок без костров под Полярной звездой, от секущих холодных ветров, от непрерывных боев. Но с каждым днем становятся радостнее лица бойцов, все больший подъем овладевает войсками, растет их наступательный порыв.

По трем дорогам - из Никеля, из Петсамо, с юга -с непрерывными боями спешили вперед советские части, наступая на Киркенес, порт и фабричный город Северной Норвегии, крупнейшую базу и опорный пункт врага.

На дорогах - разбитые машины со знаком горноегерских дивизий. Около шоссе - столбы недостроенной подвесной дороги от Никеля до Киркенеса. По обочинам - трупы фашистов, и всюду запах гари, всюду дым пожарищ, и всюду сквозь дым спокойно и уверенно шагает вперед наша заполярная пехота.

Противник оборонял северную дорогу с помощью береговых батарей Киркенеса. Чтобы зайти с фланга, нашим подразделениям требовалось переправиться через фиорд -1700 метров. В дело вступили автомобили-амфибии. А вскоре во тьме осенней северной ночи появились два норвежских мотобота. Команды их - норвежские рыбаки - знаками пригласили бойцов к себе на борт. Советские воины не знали норвежского языка,

норвежские рыбаки не знали русского, но сердца их бились в унисон, и они отлично поняли друг друга.

На маленьком мотоботе "Фрам" капитан Мортен Генсен - старик; на большом мотоботе "Фиск" капитан Турольф Пало - совсем еще молодой парень. Но старые и молодые рыбаки работали не отдыхая, всю ночь и весь день, доставляя через фиорд наших бойцов. Утром из-за мыса выскочил еще один маленький мотобот и тоже немедля приступил к перевозке.

Рядом рвались снаряды и мины, с горы по фиорду гитлеровцы строчили из станковых пулеметов, но норвежские рыбаки продолжали свое дело. Когда я спросил у рыбака Пера Нильсена и Мортена Генсена, в чем они нуждаются, они в один голос ответили:

- Дайте горючего, чтобы дальше работать!..

- Они почти целиком переправили наш полк, - сказал капитан Артемьев. Отличные ребята!

Жестоким был бой у переправы через Эльвеносский фиорд. Гитлеровцы взорвали мосты и минировали подходы к ним. Снова появились амфибии. Ночью подразделения форсировали фиорд и высадились на западном берегу. Рота гвардии капитана Реклицкого немедленно бросилась вперед, к городу. Стремительный рывок ее был поддержан другими ротами батальона. Под огнем, от которого, казалось, закипала вода, амфибии перевезли несколько тысяч человек.

Город горел. В огне - бумажная фабрика, консервный завод, школы, баня, больница. От кварталов жилых домов остались только печи да трубы.

Еще стреляли из-за углов вражеские автоматчики, когда на улице показалось несколько юношей и девушек в гражданской одежде, с повязками Красного Креста на рукавах.

Они стали перевязывать наших раненых бойцов. Через час я встретил двоих из них: Гаральда Стаугнера и Одда Антон-сена. Они повели нас в бомбоубежище. Пройдя катакомбы, мы вошли в уютную комнату. Здесь было до двадцати юношей и девушек.

- Мы прятались тут во время боев. Ждали русских. Мы решили вам помогать, - говорит Гаральд Стаугнер.

- А где остальные жители Киркенеса?

- Спрятались в большом туннеле в горах. Несколько тысяч человек. Теперь они скоро выйдут!

Эти юноши и девушки хотят сфотографироваться обязательно рядом с нашими танками. К танкам же подходят две женщины в косынках. Обе говорят по-русски, оказывается, наши, угнанные гитлеровцами.

- Фашисты бросили нас в концлагерь, но удалось убежать и

спрятаться в бункере. Мы ждали вас и дождались!

27 октября 1944 года

Борис Полевой

Ровесник Родины

Мы познакомились с ним в Карпатах в разгар тяжелого боя, который его дивизия вела уже третий день, штурмуя поросший лесом крутой и обрывистый перевал. Я пришел, вернее приполз, на его наблюдательный пункт, помещавшийся на склоне горы, в скалах, в трехстах метрах от немцев, окопавшихся на соседней горе. Вражеские пули поминутно чирикали над головой и сердито взвывали, рикошетируя о камни. Зато поле боя, развертывающееся за небольшой лощиной на соседнем склоне, было видно простым глазом, и командир дивизии, сидя за скалой, мог видеть на только общие контуры боя, но каждого солдата, каждый идущий в атаку танк.

Момент, когда я к нему прибыл, мало подходил для приема представителя прессы. Понимая, что эти скалистые, поросшие лесом крутые обрывы, за которыми прочно сидела врывшаяся в камни немецкая дивизия, взять не удается, полковник прибег сегодня к излюбленному в русской армии маневру обходу вражеских сил. Он приказал одному полку с приданными ему самоходными орудиями интенсивно штурмовать перевал в лоб, сковывая и отвлекая силы немцев. Лучшие силы двух других полков получили задание незаметно, без единого выстрела, под шум боя обойти перевал справа и слева, подняться без дороги на казавшиеся неприступными скалы и, сосредоточившись у них за спиной, в 4 часа атаковать врага.

Я прибыл сюда в 3 часа 48 минут.

Полковник на миг оторвался от зрелища боя, коротко отрекомендовался:

- Полковник Воловин, командир дивизии.

До боли пожал мне руку своей маленькой, но очень сильной рукой и снова прижал бинокль к глазам.

Пронзительный ветер, дувший в ущелье, как в печной трубе, и несший целые охапки желтых, вялых листьев, доносил из лощины крики "ура". Это полк, наступавший с фронта, шел в атаку. Мы видели, как внизу в долине, перебегая от скалы к скале, ползли, карабкались на четвереньках, но неустанно двигались вперед серые фигурки солдат, как, стоя за нашей спиной на опушке леса, дергались три советские автоматические пушки и как склон перевала весь сверкал красными огнями немецких выстрелов.

Полковник на миг бросил бинокль и схватился за телефонную трубку. Он вызвал к телефону начальника

артиллерии и приказал усилить огонь по врагу.

За эту войну мне десятки раз приходилось быть свидетелем чудесной мощи советской артиллерии, но никогда не устанешь восторгаться ее работой. Батареи, расположенные где-то у нас за спиной, открыли огонь. Снаряды с шуршанием полетели через наши головы и на склоне перевала, под скалами, где оборонялись немцы, запрыгали бурые облачка разрывов, такие частые, что перевал через несколько минут затянуло бурым облаком порохового дыма. Полковник Воловин посмотрел на свои часы: они показывали 3 часа 58 минут. Он отдал по телефону еще одно приказание начальнику артиллерии.

Грохот артиллерии стал оглушающим, как будто в горах сорвалась лавина камней.

Полковник теперь не смотрел в бинокль, он смотрел на часы. Он ждал минуты, когда там, за горой, за седловиной перевала, пойдут в атаку посланные им в обход штурмовые батальоны. Полковник смотрел не на минутную, а на секундную стрелку часов, коротенькими прыжками обходившую циферблат. Он был уверен, что атака с тыла начнется точно в 4 часа.

- Неужели вы верите, что они атакуют ровно минута в минуту? - спросил я полковника.

Он ответил не очень приветливо, даже сердито:

- Я не верю, а знаю. Иначе зачем бы я стал пускать на ветер снаряды. Если они дошли туда живыми, а в этом я не сомневаюсь, то они должны атаковать... - Он сделал паузу, дождался, когда минутная стрелка, встав на часах вертикально, совпала с секундной стрелкой, и добавил: -Должны атаковать вот сейчас.

И действительно, гром артиллерии прекратился, стало тихо, и эта тишина вдруг нарушилась трескотней автоматов из-за перевала.

- Пошли, - сказал полковник и, сев на камень, вытер платком вспотевший лоб. Трескотня за перевалом усилилась, атакующие нажимали, и вдруг мы увидели необычайное зрелище: изрытый взрывами скат, где оборонялись немцы, такой пустынный и мертвый, ожил. Враги вылезали из окопов, из скалистых щелей и, как клопы от света, бежали, бросая позиции, назад в лес, в горы. Полк, атакующий с фронта, пошел за ними по пятам. Через час на вершине перевала, на пирамиде топографической вышки уже развевался красный флаг, привязанный кем-то из солдат. Адъютант полковника по телефону передавал в штаб армии донесение о преодолении перевала.

Сейчас, когда закончился бой, полковник Воловин стал любезным хозяином. Он приветливо ответил на все мои вопросы, мило пошутил насчет того, что часы у него и у его командиров

ходят точно, а потом радушно пригласил к себе обедать. Здесь, в убогой хижине горного пастуха, за столом, накрытым газетой, на котором стояли блюда с немудреными местными закусками - соленым овечьим сыром, мочеными дулями, душистым горным медом, я ближе познакомился с этим интересным человеком, в котором прекрасно сочетались молодость лет с огромным боевым опытом. Я попросил его рассказать о своей жизни. Он полез в чемодан и достал оттуда пожелтевшую фотографию. На ней был изображен русский солдат с георгиевским крестом на груди и с красной ленточкой на папахе и молодая красивая женщина в ситцевом платье с буфами на рукавах, с букетом бумажных цветов.

- Это мои родители, - сказал полковник. - Отец солдат - гренадер царской службы, а с первых революционных лет - красногвардеец - Илья Воловин, и мать Мария Воловина - ткачиха фабрики Цинделя в Москве.

Он сказал это с гордостью, с какой говорят о своем роде потомки старинных дворянских фамилий. Сказал и добавил:

- Я ровесник нашей страны. Я родился в октябре 1917 года.

У Василия Воловина оказалась очень интересная биография. Он был не только ровесником, но и очень типичным сыном своей страны. От родителей своих он унаследовал любовь к упорному труду. Он отлично учился в средней школе. Учась, занимался спортом. Юношей он был одним из лучших спортсменов Ленинграда, и до сих пор завсегдатаи ленинградских стадионов отлично помнят его как замечательного бегуна, мастера по прыжкам с шестом и велогонщика, не раз бравшего первые места на состязаниях.

Но спорт был для Василия Воловина не самоцелью, а средством физического развития. Он мечтал о военном деле, он стал военным в боях с японцами на озере Халхин-Гол, где получил свой первый орден - Красную Звезду. Он был тогда солдатом. Потом учился и окончил офицерскую школу. В первый день войны он был лейтенантом, командовал взводом у западной границы в Латвии. Под Москвой он командовал ротой, а у Сталинграда - батальоном. Его батальон, входивший в одну из сталинградских дивизий, отличился. Капитан Василий Воловин получил за участие в Сталинградской битве орден Красного Знамени и гвардейский значок.

Когда шли бои за Днепр, он командовал уже полком. Здесь, в Карпатах, гвардии полковник Воловин командует уже дивизией, и я сам только что видел военный талант этого молодого командира дивизии во всем его блеске. Ровесник своей великой Родины и типичный сын своего чудесного, мужественного,

трудолюбивого, творчески неутомимого народа, он в 27 лет отнюдь не остановился в своем росте и не стал узко военным человеком. Даже сейчас, в труднейших условиях боев, он не бросает спорта. На каждом новом пункте для него строят турник, параллельные брусья, на которых он тренируется в минуту отдыха. Воловин продолжает начатое до войны изучение английского и немецкого языков. И как бы он ни был занят, всегда выкраивает время, чтобы прочесть по десятку страниц английских или немецких книг для практики. А когда мы с ним сидели в пастушьей хижине в Карпатах, он жадно выспрашивал меня о московских литературных и театральных новостях.

Нам постелили прямо на полу, прикрыв плащ-палатками свежую солому. Утомленный за день, полковник сейчас же заснул, богатырски раскинув руки. Я смотрел на освещенный свечой спокойный и красивый его профиль и долго думал об этом ровеснике моей великой страны, типичном сыне нового поколения выросших в ней людей.

28 октября 1944 года

Илья Эренбург

Герои "Нормандии"

Есть теперь на свете два француза, которые, если их спросят, кто они, смогут ответить: "Мы Герои Советского Союза". Это радость для французов, это радость для нас. Два народа, преданные свободе, народ Вальми и Вердена, народ Перекопа и Сталинграда, равно гордятся отважными солдатами Марселем Альбером и Роланом де ля Пуапом.

Теперь у нас очень много друзей: тесно за столом победителей. Летчики "Нормандии" приехали к нам осенью 1942 года. Нас тогда не было в Восточной Пруссии, гитлеровцы были тогда у Волги. Мы отчаянно сражались, зная, что дальше отступать нельзя. А за границей гадали: сколько недель мы еще продержимся? И вот в ту темную осень наши друзья, французские летчики, приехали к нам. Они поняли нашу силу и поверили в нашу дружбу. Когда немецкие фашисты еще были на Кавказе, французские патриоты поняли, что битва России - это также битва Франции, что можно в русском небе сражаться за французскую землю. Среди первых были Марсель Альбер и Ролан де ля Пуап. Они пришли к нам до Сталинграда, и этого мы не забудем.

Франция теперь освобождена от захватчиков. И в боях за Эльзас французская армия покрыла себя славой. В 1942 году Франция молчала: ей зажимали рот гитлеровцы. Но и тогда мы верили в звезду Франции, но и тогда с уважением, больше того, с любовью говорили воины Красной Армии об этой прекрасной

стране. Теперь Францию признают все. Но мы ее признали, когда она еще была в цепях. И французы этого не забудут.

Марсель Альбер сбил на наших фронтах 23 вражеских самолета. Это первый ас французской армии. Россия ему дала чудесный самолет. Франция вложила в него сердце героя. Фашистская Германия родила в нем великую ненависть. И вот этот веселый француз, парижанин из парижан, сын рабочего, стал Героем Советского Союза. Их было трое, боевых друзей: Лефевр, Дюран и Альбер. Втроем они перелетели из Северной Африки, захваченной фашистами, в Гибралтар. Втроем заявили: "Мы хотим сражаться в России". Они были неразлучны, и товарищи шутя называли их "тремя мушкетерами". Дюран, а потом Лефевр погибли в бою. Марсель Альбер продолжает бить врага.

Велико единство французского народа в борьбе против захватчиков: если Марсель Альбер - сын рабочего, то де ля Пуап - представитель старой аристократии, и если бы он хотел, он мог бы кичиться своими титулами. Но это подлинный демократ, влюбленный в свободу, и гордится он одним: сбитыми самолетами. Когда немецкие фашисты захватили Францию, де ля Пуап не задумываясь уехал на суденышке в Англию и там продолжал сражаться против захватчиков. Узнав, что группа летчиков хочет ехать в Советский Союз, де ля Пуап заявил: "Прошу отправить меня на Восток, чтобы сражаться вместе с Красной Армией". Он сбил 16 гитлеровцев.

Искусство летчика трудно поддается описанию. Это поэзия. Кто расскажет, почему большой поэт пишет хорошие стихи? Я не осмелюсь говорить о воздушных победах двух французских героев. Я только напомню, что они принимали участие в тех операциях, из которых каждая открывала новую главу войны: Орел, Смоленск, Орша, Неман, Восточная Пруссия. Эти названия говорят нам больше, чем толстые тома. И во всех этих битвах пролилась кровь французских летчиков, во всех этих битвах разили врага Марсель Альбер и Ролан де ля Пуап.

Они страстно любят францию. Это понятно без долгих слов. Любят ее виноградники, ее сады, ее седые камни, ее веселых девушек, ее вольности, ее историю. Я скажу сейчас о другом: они полюбили нашу Родину. Они не только научились понимать русский язык, они научились понимать то, о чем не сказано ни в словарях, ни в грамматике: русское сердце. Они увидели пепел наших сожженных городов и горе наших женщин, они увидели мужество Красной Армии, ее путь от Орла до Восточной Пруссии, и каждый из них связан с нами не словами - кровью. И когда-нибудь в Пью-де-Доме, среди зеленых пастбищ и нежной ольхи, Ролан де ля Пуап будет рассказывать детям о стране больших

просторов и большого сердца, о далекой, но близкой России. И когда-нибудь веселый Марсель Альбер среди шума Парижа, который никогда не замолкает, как морской прибой, вдруг вспомнит тишину смоленских лесов и скажет: "Там я узнал меру человеческого горя и крепость человеческого сердца".

Воины Красной Армии приветствуют своих испытанных друзей, героев Франции, ныне Героев Советского Союза. Если дружба проверяется на страшном огне, дружба Советской Республики и Французской Республики проверена. Она пережила горе, она переживает и радость. Мы еще чокнемся с французами в Берлине.

29 ноября 1944 года

Наши войска, действуя совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии, продолжали вести бои по очищению от противника города Белград.

Из оперативной сводки Совинформбюро

19 октября 1944 г.

Константин Симонов

Старшина Ерещенко

Это было здесь же, в Белграде. На четвертый день.

Уже сравнительно близко к концу. Наша рота находилась в театре. Здание сильно разбитое, и из-за стрельбы прохода по улице не было - пробирались по дворам, через крышу соседнего дома по пожарной лестнице и опять вниз.

Утром мы пошли с бойцом за завтраком, только вернулись - приказ: наступать на другой квартал. Пошли в наступление.

По улице бьют два крупнокалиберных пулемета. Мы вдвоем с Абдулаевым перебежали через улицу. Обоих ранило в ноги, его сильно, меня легко и еще немножко по голове царапнуло.

Перебежали. Ворота во двор заперты. Мы спрыгнули в подвал. Там темно. Я засветил фонарь. Было восемь утра.

Абдулаев дальше идти не мог. Совсем ногу перебило. Я его сам стащил в подвал. Его ранило выше колена. Я снял два брючных ремня - с себя и с него - и перетянул ему ляжку. Говорю ему: "Не кричи, тише, здесь немцы. Убьют".

И пошел наверх.

Вижу, проблескивает свет. Дверь на двор. И стоит пулемет, направленный прямо на закрытые ворота, и два немца у пулемета.

Тут у меня мечта, что если я их не убью, то они меня убьют. Убил их с автомата, с расстояния метров пяти и обратно пошел в подвал.

А там Абдулаев просит пить.

"Откуда я тебе возьму? Подожди, полежи, сейчас найду вход в

дом, достану тебе воды".

Пошел искать. Верно, это был завод: узкоколейка уходила в подвал. А вверх шли ступеньки. Чисто, пусто. Коридор поворачивает направо, а налево оказываются две комнаты. Зашел в них.

Слышу, кто-то идет по коридору. Скрылся за стену, держу автомат наготове. Подходит женщина, говорит:

"Здесь немцев нет".

Старая женщина, уборщица.

"А где немцы?"

"Сейчас поведу".

И пошли по коридору. Она меня довела до окна. Там, снаружи, перед окном, огражденные камнями, лежат три немца. И опять пулемет. Старуха показала и ушла от греха.

Я бросил гранату в окно и взорвал пулемет и их убил двоих, а третий уполз.

Стал я выходить из комнаты. В это время в коридор по лестнице бросил гранату немец со второго этажа, но она меня не повредила. Я встал за выступ. Она прокатилась по ступенькам мимо меня и разорвалась ниже. Только все дымом заволокло по коридору.

Я пробежал быстро через коридор и открыл крючок на воротах. Когда я открыл их, через улицу видны наши. Командует старший лейтенант Киселев.

Я кричу им:

"Дайте подмогу, я один остался, кругом немцы!"

Ко мне перебежал пулеметчик второй номер и стрелок, но его ранило. Добежал и лег. Мы его подняли и сразу в первый этаж перенесли.

Как они двое перебежали, больше никто не может -сильный огонь. Мы пошли по коридору налево, в те комнаты, откуда виден дом, из которого немцы обстреливали всю улицу. Нам было видно, что на третьем этаже приподнят железный занавес и оттуда бьет ручной пулемет.

Мы дали по ним две короткие очереди, и они замолчали. Но тут же в другое наше окно бросили снизу, с улицы, гранату. В комнате у нас были нары с матрацами. Граната разорвалась на матрацах, но пулеметчика все-таки ранило в плечо.

Я поверху, не снимая рубашки, перевязал его бинтом.

Потом спустился снова к Абдулаеву. Говорю:

"Абдулаев!"

Он просит:

"Воды мне!"

"Сейчас отнесу тебя наверх. Берись за мои плечи".

Он взялся за мои плечи, обнял меня сзади, но не мог держаться и упал.

"Я, - говорит, - погибаю".

Я бегу наверх и говорю пулеметчику:

"Там человек пропадает, пойдем".

Он говорит:

"Я тоже раненый".

Я ему говорю:

"Это неважно, все мы тут раненые. Пойдем!"

Мы с ним взяли матрац и пошли снова вниз за Абдулаевым. Так мы его и вынесли вверх на матраце. Сказали ему:

"Сейчас мы принесем тебе воды".

И пошли осматривать комнаты.

Всюду тишина. Дошли до последнего окна. Тут из противоположного здания по нас из пулемета. Мы скрылись за стенку. Я выдернул кольцо - и гранату туда, но она не долетела и взорвалась под домом. Я вторую. Она влетела в окно, и больше мы ничего оттуда не слыхали.

Теперь уже свободно прошли мимо окна и в кухню. Там варилась фасоль, грелся чай и было ведро воды.

Я говорю товарищу:

"Смотри кругом, пока я напьюсь воды и налью фляжку".

Потом он также напился.

Вернулись к Абдулаеву, дали ему воды наконец.

Стало смеркаться. На улице мотор слышен - или танк идет, или машина.

Смотрим, подошла немецкая самоходка и стала против нашего окна, - а гранат противотанковых у нас нет.

Я говорю пулеметчику:

"Я сейчас побегу за гранатами и возьму".

А самоходка подошла и начала стрелять вдоль по улице.

Я вернулся к воротам. Пулемет вдоль улицы бьет, и самоходка стреляет. Пройти нельзя. Кричу через улицу нашим:

"Дайте гранату!"

А они не слышат за грохотом.

Потом, как затихло между двумя выстрелами, я опять закричал:

"Киньте мне гранату!"

"Ну ладно, бросим, только, - кричат, - лови. Сначала один запал".

Завернули в бумажку и бросили мне запал. Два метра не докинули.

Я по-пластунски подполз, взял, потом отполз. Тогда они прямо в ворота кинули гранату уже без запала.

Я поймал ее и бросился обратно по коридору в ту комнату, против которой стоит немецкая самоходка, вложил запал, дернул кольцо, кинул в переднюю гусеницу, а сам лег под окно.

Получился через три секунды взрыв. Я сразу поднялся. Два немца соскочили с пушки. Я выстрелил - одного убил, другой заполз за пушку. Пушка встала. Поставил пулеметчика наблюдать, а сам вернулся вниз, дал двум раненым воды. Потом выбежал через двор к воротам. Вдоль улицы бьет еще пулемет, но уже в темноте. Даст очередь и молчит. Все-таки легче.

С той стороны улицы, в парадном, наши сидят, но перейти ко мне нельзя. А у меня трое раненых, потому что пулеметчик тоже лег без сил - у него слишком много крови из плеча вышло.

Тогда я вынес из комнаты, где были нары, три матраца на двор к воротам. И Абдулаева и другого раненого снес вниз и положил на матрацы. Пулеметчик, правда, сам пошел и лег.

Я с кухни взял веревки - там веревок много было - и ковшик, тяжелый, железный.

Пулеметчик меня спрашивает:

"Что ты делаешь?"

Но я ничего не сказал, времени не было с ним разговаривать.

Взял нож, проткнул в двух местах матрац, где Абдулаев лежал, веревку продел - и на два узла, покрепче. Потом к другому концу веревки ковшик привязал и к нашим в парадное через улицу кинул.

Они сначала испугались, думали - граната, а потом поняли, взяли ковшик и с ним конец веревки.

Я кричу им:

"Давай теперь быстрей тяни!"

А Абдулаеву говорю:

"Ты хоть зубами за матрац возьмись, если руки не держутся, а то свалишься, пропадешь среди улицы".

Они натянули веревку и в одну секунду перетащили матрац через улицу. Быстро, как на салазках.

Потом отвязали веревку и вместе с ковшиком мне обратно вернули.

Так я всех трех раненых переправил и остался один на весь дом, как хозяин. Когда совсем темно стало, мне через улицу подкрепление подошло, и мы пошли другой дом занимать...

А так на веревке через улицу переправу делать - это я не в первый раз. Мы так и раньше - и боеприпасы, и пищу в термосах переправляли...

* * *

На этом обрывается рассказ Ерещенко.

Остается сказать, как и где я встретил самого Ерещенко.

Было раннее утро. За ночь наши и югославские части, очистив район вокзала, наконец, прорвались через реку Саву, и бой шел на той стороне, в Земуне, в последнем, еще не взятом предместье Белграда.

Несмотря на ранний час, разбитые, почерневшие и кое-где еще дымившиеся улицы Белграда были полны народом.

Люди шли по тротуарам и мостовым, наступая на хрустящие осколки стекол, шагая через сорванные провода.

И все-таки город имел праздничный вид: такое количество красно-бело-синих - югославских и красных - наших флагов свешивалось со всех крыш, окон и балконов.

Мое внимание привлекла картина, неожиданная в своем сочетании печального и смешного.

По мостовой медленно двигалась телега. Она была доверху нагружена разнообразным домашним скарбом, покрытым пылью и обсыпанным известкой.

На передке телеги, рядом с равнодушным хмурым возчиком, неловко скорчившись, сидел седой генерал в форме старой югославской армии, в высокой круглой генеральской шапке французского образца.

Все это было такое же выцветшее и пыльное, как вещи, громоздившиеся позади генерала на телеге, - и потертая шапка, и мундир с поперечными складками, видимо, только что вынутый из нафталина, и увядшие позументы на штанах.

Куда он ехал, почему ехал с вещами и на телеге - я не знал. Но одно было ясно при взгляде на этого человека: все эти годы он наверняка сидел в своем углу, равнодушный ко всему, кроме сохранения собственной жизни.

И сейчас он так же равнодушно ехал по освобожденному Белграду со своими вещами, по каким-то своим делам.

Все встречные тоже платили ему равнодушием, окидывая его короткими, то презрительными, то насмешливо-сочувственными взглядами, и шли дальше.

Он не существовал для них. Только какой-то партизан, столкнувшись с телегой, вдруг откозырял генералу. Тот неловко и поспешно ответил на приветствие и зябким движением надвинул на уши шапку, еще больше, словно от холода, съежившись на передке.

В эту самую минуту я и увидел шедшего по тротуару старшину. Он шел, сильно прихрамывая на раненую ногу. На нем была выгоревшая добела гимнастерка с двумя орденами, разбитые кирзовые сапоги и засаленная, выслужившая срок пилотка, из-под которой белели бинты.

Рядом с ним шли двое влюбленно смотревших на него

партизан.

Встречные снимали перед ним шапки, хлопали его по плечу, что-то радостно по-своему говорили ему и, долго не выпуская, трясли ему руку.

У старшины было красивое, еще совсем молодое лицо. Он шел смущенный и в то же время гордый вниманием к себе, скромно улыбаясь людям. Вскоре он поравнялся с телегой, везшей генерала, и, не оглянувшись, обогнал ее своей широкой прихрамывающей походкой.

18 декабря 1944 года

1945

Она была в линялой гимнастерке,
И ноги были до крови натерты.
Она пришла и постучалась в дом.
Открыла мать. Был стол накрыт к обеду.
"Твой сын служил со мной в полку одном.
И я пришла. Меня зовут Победа".

Илья Эренбург

Всеволод Вишневский

Привет 1945-му - году Победы!

Минул великолепный грозовой 1944 год, ознаменованный десятью разящими ударами Красной Армии - от Северного Ледовитого океана до берегов голубого Дуная - и встречным смелым, грандиозным броском англо-американских и французских войск от Ла-Манша до Рейна.

1944-й начался незабываемым ударом Ленинграда. Девятьсот дней блокады перенес этот город - и силы, поистине львиные, не убавились. И город доказал это, раздробив, размолов в щебень и пыль так называемое "стальное кольцо" немцев. Поход на Ленинград обошелся Гитлеру в один миллион солдат и офицеров. Кровавые неудачи заставили Гитлера снимать командующих группы "Норд" одного за другим.

Славно разделался город Ленина с немцами, протянувшими руку к алому знамени на Смольном, славно!..

Был 1944 год свидетелем славных, победных битв на Украине - и будто по сей день слышится за Днепром, по-над Бугом и на Днестре хруст костей сотен тысяч немцев, попавших в русскую мертвую хватку, по-немецки обозначаемую термином "котел".

Видел ушедший 1944-й освобождение Крыма и многострадального и знаменитого Севастополя.

Видел 1944-й и новые подвиги Ленинграда: прорыв четырех сильных линий на подступах к Выборгу и бросок через быструю Нарву - в глубь Прибалтики до самого Рижского взморья. Первыми победно прошумели в 1944-м у опустелой

розенберговской резиденции ленинградские танки.

По всему миру в 1944-м пронеслись вести о грандиозных прорывах и окружениях, свершенных Красной Армией в Белоруссии и Бессарабии. Одних немецких дивизий погребено в этих окружениях более пятидесяти.

Родине возвращены необозримые и ценные территории, где люди приобщаются к общенародному вдохновенному труду во имя победы над фашизмом. На этой земле не должно быть фашистских людоедов и поработителей - и не будет.

О, как трудится наш народ во имя своих великих и светлых целей! Он, как мать, выносил под сердцем победу, которая родится завтра. Он уберег это дорогое дитя в стуже заиндевелого и до беспамятства голодного Ленинграда; он пронес его сквозь холод, муки и огонь великой Московской битвы; он спас это дитя в последних дзотах Сталинграда, у самого обрыва над Волгой... Мы верили в победу, хотя бы были в окружении, хотя бы истекали кровью, хотя бы ночь была так черна, будто все звезды пропали в знак сочувствия и траура по горю России... Но она не сгибалась, наша советская родина, - она выпрямлялась во весь свой исполинский рост - и мир увидел ее в 1944-м шагающей через Карпаты... Альпы уже слышат походный шаг сынов нашей страны - и 1945-й увидит наследников Суворова там, где когда-то проходили его чудо-богатыри.

Ничего не убоялся советский человек. Он был в вечном бою и в вечной работе. Он нес в своей светлой душе, -как бы враг подло и гадко ни уродовал нашу землю, наши города и наши села, - чувство жизни, всегда торжествующей... Не черепа "СС", не смрад крематориев гестапо, а возрожденная прекрасная жизнь под синим небом 1944-го - вот что побеждает и победит!

Государство наше полно неисчерпаемых молодых сил, полно неисчислимой энергии. Мы ведем войну, несем на себе всю ее тяжесть уже четвертый год. Кто-то ждал, кому-то казалось: советская кривая пойдет вниз. Нет и снова нет!

Так было в прошлом... К концу 1916 года, когда был призван тринадцатый миллион мужчин, начался паралич хозяйственного организма страны Россия зашаталась...

Великий народ наш падать не захотел. Он стряхнул с себя паразитов, порвал путы и пошел смело, семимильными шагами.

Россия шагать умеет!..

И пусть сегодня, в первый день 1945 года, в памяти нашей в ответ на слова вождя - "водрузить над Берлином знамя победы" - вспыхнут славные дела отцов, дедов и прадедов.

Русская армия брала Берлин в Семилетнюю войну.

Русская армия начала операцию против Берлина 26 сентября

1760 года. Двинутые силы включали в авангарде 5 казачьих, 3 гусарских, 2 гренадерских полка, 4 гренадерских батальона и 15 орудий. Главные силы включали 7 полков пехоты.

Штурм был назначен на 9 октября... Нервы немцев не выдержали, и в ночь на 9-е берлинский гарнизон начал отступление. Русские мгновенно начали бомбардировку и в 5 часов утра первые русские эскадроны ворвались уже на Королевскую площадь. Дивизия Панина с хода атаковала немецкие колонны, отступавшие к Шпандау, и в жестокой короткой схватке весь немецкий арьергард был разгромлен: 2 000 немцев было убито, 1 000 взята в плен. Захвачен был весь немецкий обоз, орудия и множество лошадей.

Берлин был взят. Захваченный гарнизон по документу о сдаче признавался военнопленным. Город платил 1 500 000 золотых талеров контрибуции. Оружейные, литейные и пушечные заводы Берлина и Шпандау были взорваны.

Известие о взятии Берлина вызвало в России огромное ликование. Ключи от германской столицы были доставлены в Санкт-Петербург и сданы на вечное хранение в Казанский собор. Ключи эти, кстати, по сей день хранит у себя Ленинград...

Будем же помнить об этом историческом примере. Родина указывает нам цель в Великой Отечественной войне: водрузить над Берлином знамя победы.

Новый 1945 год да будет свидетелем того, как приказ этот осуществит народ наш и его Красная Армия.

1 января 1945 года

Войска 1-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра в сочетании с атакой с фронта 19 января штурмом овладели древней столицей и одним из важнейших культурно-политических центров союзной нам Польши городом Краков - мощным узлом обороны немцев, прикрывающим подступы к Домбровскому угольному району...

Из оперативной сводки Совинформбюро

19 января 1945 г.

Борис Полевой

В Кракове

Внизу серебристая, слегка припорошенная снегом земля. И первое, что бросается в глаза, когда поднимаешься на самолете, - это пыль над дорогами, настоящая бурая пыль, которая пышным хвостом вьется за машинами и высоким облаком стоит над колоннами танков, пушек, броневиков, непрерывными лентами тянущихся по дорогам наступления на запад, север, юг.

Пролетаем над чертой наших недавних укреплений - знаменитого отныне Завислянского плацдарма - и перед нами

открывается картина, которая настолько поражает даже опытный глаз, что летчик не может удержаться, чтобы на миг не выключить мотор и не крикнуть восхищенно в неожиданно наступившей тишине:

- Видали работку?

Работа, действительно, первоклассная. На припудренной снегом равнине четко видны бесконечные зигзаги немецких укреплений, и все это поле, до самого далеко видного в прозрачном морозном воздухе горизонта, густо покрыто темными рябинами разрывов. Окидывая вот так, с самолета, район прорыва, можно с уверенностью сказать, что на всей этой огромной площади не было местечка, над которым не просвистело бы несколько смертоносных осколков. Но дальше, за этой зоной горячей схватки, все цело. Жителям края повезло. Красная Армия наступала с такой стремительностью, что немцы, откатываясь, не успевали разрушить и разграбить города и села.

Мелькают голые, обдутые ветром холмы, а между ними - бесконечная россыпь хуторов и хуторков, маленьких деревянных костелов. На скованных морозом и пыльных дорогах - бесконечные потоки наших войск, растянувшиеся на десятки километров.

Местность становится все более и более всхолмленной, потом открываются седые извилины не замерзшей еще Вислы, на горизонте показываются легкие, как облако, очертания далеких пологих гор. И вот перед нами облитые солнцем, затянутые серой дымкой пожара башни и шпили великолепного огромного города, широко раскинувшегося по обе стороны реки.

Древний замок Вавель, высоко вознесенный крутым обрывистым берегом Вислы и точно парящий над ней со своими зубчатыми стенами, своими массивными башнями, стрельчатым ажуром своих костелов, стоит видением далекого прошлого среди вполне современного, отлично распланированного города.

Покружившись над Краковом, летчик посадил свой неприхотливый самолет прямо на поле городского ипподрома. Мы в Кракове, в этой колыбели польской государственности, в древнем польском городе, который немцы с наглым тупоумием объявляли исконным немецким городом.

На ипподроме, где мы сели, недавно стояла на отдыхе какая-то немецкая часть. В красивом гимнастическом зале под трибунами немецкие господа офицеры держали своих коней. Офицеры бежали в пешем строю, позабыв о своих конях. Берейтор Казимир Буталовский с готовностью закладывает одного из коней в беговую двуколку и в этом' несколько странном экипаже он везет меня осматривать город, вырванный Красной Армией из лап

немецких захватчиков и возвращенный польскому народу.

По пустынной Университетской улице, по которой холодный ветер гоняет бумаги, растерянные каким-то бежавшим немецким учреждением, мы направляемся к центру. Широкие улицы полны шумной, ликующей толпой. Над городом плывет густой торжественный звон. И вся эта пестрая краковская толпа, в которой можно увидеть и железнодорожника, с головы до ног украшенного блестящими пуговицами, и старика в котелке и штанах гольф, и бледных девушек с заплатанными локтями и высокой прической, и монаха-капуцина в желтой перевязанной веревкой сутане, и даму с древним пенсне на шнурочке, и худых, оборванных рабочих с бледными, но радостными лицами. Вся эта масса людей, высыпавшая на тротуары, радостно шумит, ликует, рукоплещет двигающейся по улицам батарее сверхтяжелых орудий, кричит "привет!" проезжающему на машине генералу, машет шляпами, котелками, платками.

- Такого праздника, как сегодня, у нас еще не было, -говорит мой возница, искусно направляя наш экипаж среди бесконечного потока идущей через город советской техники и ликующей толпы.

По широкому кольцу бульваров подъезжаем мы к древним стенам Вавеля. На самом высоком его шпиле какой-то смельчак укрепил два флага - наш, советский, красный, в честь героев - освободителей Кракова, и польский, красно-белый, впервые взреявший над этим городом за шесть последних лет. Эти два флага полощутся высоко в голубом холодном небе, как символ тесного союза и дружбы советского и польского народов.

Через тяжелые сводчатые ворота въезжаем во двор крепости. Здесь, где веками польский народ хранил свои национальные реликвии и святыни, была резиденция одного из самых кровавых гитлеровских сатрапов - Франка и его заместителя, так называемого "доктора" Зейс-Инкварта, этих кровавых палачей, на счету которых миллионы загубленных жизней.

По гулким сводчатым коридорам, пахнущим вековой плесенью, по мрачной череде покоев со стенами двухметровой толщины обходим мы замок. Все здесь носит следы поспешного бегства. Перед подъездом жилища генерал-губернатора - растерзанные корзины и тючки. Лестницы и переходы усыпаны бумагами, камины полны бумажного пепла. Воры и убийцы перед побегом старались ликвидировать улики и замести следы преступлений. В кабинете Франка все перевернуто, вырваны ящики стола, на окне валяется форменная фашистская куртка с какой-то бляхой в петлице.

Удирая, Зейс-Инкварт и его сообщники по кровавой шайке приказали взорвать святыню польского народа и ценнейший

памятник архитектуры. Были заминированы и дворец, и старинный собор, и усыпальница королей польских, и башни, свидетели многих столетий. Но грохот советской артиллерии под стенами города захватил палачей врасплох. У них не хватило времени зажечь запалы фугасов. Красная Армия вернула польскому народу ценнейший памятник его национальной культуры.

Из Вавеля едем в центр города. На улицах стало еще людней. Теперь на тротуары высыпали и стар и мал - женщины с грудными младенцами, древние старики, опирающиеся на палки. Толпа срывает бланки с немецкими названиями улиц, разбивает немецкие вывески на большой площади, которую немцы назвали площадью Адольфа Гитлера. Шесть лет этот прекрасный польский город должен был терпеть эмалевые дощечки с надписями "только для немцев" и "полякам запрещено"; они висели на дверях магазинов, на колоннах театра, у входа в кафе и бары, на калитке общественного сада, даже на дверях уличной уборной. И вот сейчас жители освобожденного города, срывая со стен остатки немецких плакатов и приказов, стремятся поскорей изжить память об оскорбительных годах немецкого господства, выкурить дух пребывания немцев.

Я видел, как на окраине на стене небольшого каменного домика встал на табуретку какой-то старец в золотом пенсне, с виду учитель или врач, и писал разведенной синькой, путая русские и польские буквы: "Да здравствуют братья-освободители! Привет великой армии российской!" И сколько таких надписей на стенах домов, на тротуарах, на заборах, - надписей простых и искренних, появилось сейчас в Кракове!

В заключение отыскиваем на Почтовой улице редакцию фашистского листка - отвратительной газетенки, которую поляки называли не иначе как гадиной. Сотрудники гадины удрали столь же стремительно, как и их начальство из Вавеля. На столе - оттиск номера, который должен был выйти 16 января. Через всю первую полосу заголовок: "Спокойствие! Советские армии остановлены" и статья под заглавием "Большевикам не быть в Кракове". Этот номер, помеченный 16 января, так и не увидел света по не зависящим от редакции причинам.

Мы уже в Кракове, не за горами тот день, когда будем и в Берлине.

22 января 1945 года

Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление 14 января на двух плацдармах на западном берегу реки Вислы южнее Варшавы, при поддержке массированных ударов артиллерии, несмотря на плохие условия погоды, исключившие возможность использования авиации, прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника. За три дня наступательных боев войска фронта, наступавшие на двух плацдармах, соединились и продвинулись вперед до 60 километров, расширив прорыв до 120 километров по фронту.

Из оперативной сводки Совинформбюро

16 января 1945 г.

Василий Гроссман

Сила наступления

1.

Наступление, начатое утром 14 января с плацдарма на Висле, южнее Варшавы, - одно из крупнейших наступлений Красной Армии за все время войны. (Сила, собранная нашим Верховным Командованием на клочке земли, на западном берегу Вислы, была подобна могучей чудесной пружине -быстрый удар ее на глубину в 570 километров оказался смертелен для немецких войск. На плацдарме перед наступлением собралось столь большое количество войск и техники, что там буквально стало трудно ходить и ездить: из-за каждого древесного ствола выглядывал стальной ствол орудия. Командиры батарей ссорились между собой из-за места, словно хлопотливые хозяйки в тесной общей кухне. Иногда казалось: вот прибрежная земля осядет под тяжестью тысяч орудийных стволов, складов боеприпасов, тяжелых танков, самоходных пушек, гвардейских минометов, военной техники и вооружения всех видов. Здесь, точно в огромном арсенале, наш великий рабочий народ собрал оружие, откованное им в дымных и жарких кузницах Урала, на огромных военных заводах, гремящих день и ночь по всему

простору Советского Союза. Здесь сконцентрировался весь технический и военный опыт наших передовых людей. Здесь сжалась пружиной наша воля к победе, наша воля вернуться к мирной жизни. Здесь, на этом клочке земли, была собрана вся сила советского солдата - его грамотность, его техническое умение, его государственный и политический разум - все, что дала ему пролетарская революция. Этот плацдарм в миниатюре вобрал в себя все особенности и черты нашего народа и нашей армии, стал выразителем нашей силы.

Немцы ожидали наступления с плацдарма, они догадывались примерно и о сроке и о направлении предполагаемого удара. Их нельзя обвинить в беспечности. Они обложили этот плацдарм тремя линиями укреплений, и каждая из этих трех линий состояла из трех траншей, отлично оборудованных, соединенных между собой ходами сообщений. Они усилили свои укрепления таким количеством артиллерии, минометов, двенадцатиствольных и шестиствольных "скрипух", какое редко концентрировали в одном месте на протяжении войны. Они готовили свои войска к этой борьбе, вколачивая в солдатские головы мысль о том, что удар советских армий будет силен и жесток, требовали от каждого солдата полного напряжения сил.

Словом, с точки зрения фашистской армии, немецкие генералы и полковники* коим Гитлер поручил этот участок фронта, поступили вполне обдуманно, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать нашему успеху, парализовать грозившую им опасность. Как боящиеся наводнения возводят мощную дамбу у берега гневной и сильной реки, так они отделили себя от советской силы девятью траншеями, насыпями, рвами. Как боящиеся извержения лавы стараются предугадать путь ее движения и задержать его, так немцы заранее строили мощные рубежи на предполагаемом пути нашего наступления.

И вот пришел день удара - январское утро, тонущее в белом тумане. Стальная пружина разжалась! Белый густой туман не прикрыл немецкую оборону. Удары артиллерии со снайперской точностью пришлись по намеченным целям. Вся оборона противника, все главные узлы ее были изучены не только в своих пространственных координатах, но и во времени. Дело в том, что немецкое командование заставляло в определенные часы суток путешествовать свою пехоту из передних линий траншей во вторые линии, а затем на ночь вновь переводило пехоту в передние траншеи. Артиллерия обрушилась на противника незадолго до начала утреннего перемещения; такого рода удар был наиболее эффективен.

Немецкая пехота очутилась на первой линии своих траншей,

точно на наковальне. По этой наковальне со всей яростью и мощью ударил тяжкий молот нашей артиллерии. Следом за огненным валом на штурм пошла советская пехота.

В этом неукротимом, стремительном движении людьми руководили не только смелость, воинское умение, опыт, но и законная жажда завершить победой навязанную нам войну, ускорить день возвращения на родину, вернуть миру мир.

К исходу второго дня, после тридцатичасового жесточайшего боя, все три многотраншейные линии обороны противника были прорваны, его мощная артиллерия изуродована и подавлена. Вечером, в сгущавшемся мраке, в кровавую брешь, прорубленную пехотой, пошли танки.

Этот миг, когда земля и небо дрожат от угрюмого гула моторов, когда все звуки гаснут и тонут, подавленные потрясающим скрежетом и лязгом сотен боевых машин, миг, когда война пехоты и артиллерии точно обретает крылья и стремительно выносится на просторы немецких тылов, бесспорно самый торжественный и радостный в сражении.

В точном определении момента ввода в прорыв танковых масс развития успеха у наших военачальников сказываются и знание, и опыт, и сила разума, проникающего в самую суть событий и явлений.

Танковые бригады, светя сотнями ярких фар, двумя бесконечными, в десятки километров длины, колоннами, ушли во мрак наводить ужас на спящие в тылу немецкие гарнизоны, будить громом своих пушек немецких полковников и генералов, почивавших под перинами в глубоком тылу, косить пулеметными очередями потоки немецких грузовиков, прорываться через линии долговременной обороны, крушить дзоты, захватывать мосты и переправы, рассекать немецкие полки и батальоны, опрокидывать с ходу спешащие на выручку окруженным немцам танки всех видов и мастей, завладевать складами боеприпасов, рвать и резать кровеносную систему, нервную ткань, питательные органы фашистской армии и фашистского государства.

2.

Каждое новое наступление, каждый новый удар, нанесенный Красной Армией противнику, имеет много черт сходства с предшествующими наступательными операциями. Характер нового наступления в большой степени определяется опытом, мудростью предыдущих. Но каждое новое наступление имеет свои характерные черты, присущие только ему одному, черты, отличающие его, подчас очень резко, от предшествующих. Естественно, что особенно интересно отметить, выделить эти черты различия. Я, конечно, не могу в какой-то мере полно

перечислить особенности нынешнего наступления, приведшего наши войска на подступы к Берлину. Предварительно можно говорить лишь о некоторых моментах, которые сразу бросаются в глаза человеку, имевшему возможность наблюдать и сравнивать.

Темп наступления от Вислы до Одера оказался выше, чем в известных нам доселе наступательных операциях отечественной войны. Мне запомнилось озабоченное лицо генерал-майора авиации, которого я встретил в начале наступления.

- Моя главная задача - не отстать от пехоты, - сказал он.

Последующие события показали: у генерала авиации были основания беспокоиться, чтобы самолеты и их наземные базы не отставали от движения пехотинцев.

Танкисты ни в одном наступлении не имели такого стремительного, всесокрушающего продвижения. Был день, когда танковая лавина прошла 120 километров. Темп движения стал высшим законом для наступающих войск, все подчинялось этому закону. Выигрыш часа, получаса, нескольких минут рассматривался как победа, как крупнейший вклад в дело успеха. Танкисты наводили переправы через реки со сказочной быстротой. Бывали случаи, когда переправу осуществляли без мостов: саперы взрывали лед, и танки шли по дну, поднимая своими стальными лбами груды льда. Лед с грохотом рушился, дробился, крошился, танки, как слоны, переплывшие реку, выходили на берег, и ледяная вода потоками стекала с них. Такая переправа давала выигрыш в два-три часа времени. Драгоценные часы! А танки вновь шли вперед, обсыхая на ветру.

Можно привести много примеров того, какой стремительности достигло продвижение наших танков. Один из руководителей немецкой авиационной промышленности, предварительно проконсультировавшись у военных властей в Берлине, выехал на автомобиле из фашистской столицы за вещами, оставшимися в городке близ восточного берега Одера. Его уверили, что путешествие это совершенно безопасно, что городок Ландсберг находится в глубоком тылу у немецких войск. Путешествие по отличной дороге заняло меньше трех часов. Лишь в одном месте путешественнику пришлось задержаться: через дорогу проходила большая колонна танков. Он с удовольствием наблюдал великолепные машины, пересекавшие шоссе. Один из танков остановился, несколько человек сошли с него. Это были советские танкисты.

Аналогичный случай произошел с немецким офицером, собравшимся поехать в Познань за сигаретами для своей части. Едва он отъехал несколько километров, как был остановлен нашими танкистами. Это прискорбное происшествие произошло в

120 километрах западней той самой Познани, в которую он ехал за сигаретами. Танкисты говорят, что они двигались на запад значительно быстрей тех немецких эшелонов с подкреплениями, которые под всеми парами шли от Берлина на восток.

Этот поистине молниеносный темп наступления рожден, конечно, не только одной лишь волей к победе. Она всегда была сильна в наших войсках! Молниеносный темп определился материальным богатством, невиданной технической оснащенностью, великолепным техническим полнокровием Красной Армии, характерным для нынешнего наступления. В этом наступлении, как никогда прежде, проявилось чувство материального и духовного превосходства, владевшее сознанием наших войск. Это чувство духовного и материального превосходства дало возможность нашим войскам всегда выделять главную, стержневую задачу, пренебрегая побочными препятствиями и трудностями. Это чувство духовного превосходства помогало танкистам безудержно двигаться вперед, не обращая внимания на крупные силы противника, остающиеся в нашем тылу, не обращая внимания на немецкие крепости и гарнизоны, продолжающие вести огонь, не отвлекаясь главными силами на борьбу с котлами и котелками, неподвижными и блуждающими, а внедряться все глубже, все ближе к главным жизненным артериям немецкой армии и немецко-фашистского государства. И, конечно, вскоре сказались результаты столь стремительного наступления. Котлы, оставшиеся в нашем тылу, выкипели до дна, крепости под ударами пехоты и артиллерии одна за другой пали, и огромная территория глубиной в 570 километров оказалась сегодня полностью очищенной от противника в сказочно короткий срок.

Интересно отметить еще одну характерную для нынешнего наступления черту. Главные операции наших танкистов происходили ночью. Стремительные марши, маневры, внезапные жестокие истребительные налеты по тыловым гарнизонам, смелые обходы крупных сил противника, уничтожающие удары по обороне, расположенной в глубине, -все это происходило большей частью в темные, туманные ночи, под низкими, тяжелыми тучами немецкого неба. Эти ночные операции танков оказались исключительно успешны. Танки несли ничтожные потери. Ночной мрак делал их почти неуязвимыми для вражеской артиллерии и для истребителей танков. Эффект же действия самих танков ночью оказывался еще большим, чем днем. Гром их пушек, разящие пулеметные очереди, гул моторов и лязг гусениц в ночном мраке ошеломляли немцев, сковывали их волю к сопротивлению, вызывали в них смертельный ужас.

Эти ночные действия больших танковых масс родились не случайно. Они закономерное порождение заключительного этапа войны, этапа, характеризуемого технической силой и чувством полного духовного и материального превосходства нашей армии над фашистской. Ведь эти ночные бои ведутся на вражеской территории, на ночных вражеских полях, на темных, узких улицах вражеских городов, среди паутины дорог, во мраке вражеских лесов.

Мы помним наступательные бои, которые вели немцы летом 1941 года на нашей земле, помним, какую неуверенность испытывали немцы ночью, всячески избегая не только стычек, но и самых незначительных передвижений после заката солнца. Мы не боимся ночного мрака на вражеской земле. Ночной мрак не спасает немцев, не укрывает их, не дает им отдыха после сражений при жестоком свете дня. Мы научились побеждать и днем и ночью.

У поверхностного и неумного человека может возникнуть мысль, что молниеносное наступление наших войск стало возможным лишь потому, что немцы не оказывали ожесточенного сопротивления, не оборонялись на подготовленных рубежах, по "доброй воле" отошли за Одер. Мыслить так - это то же, что строить дом от крыши к фундаменту, или полагать, что сперва появляется яблоко, а из него растут ветви, листья, ствол и корни яблони. Прекрасный плод молниеносного успеха созрел, налился и был сорван нами после великих и тяжких трудов этой войны. Глубоко в землю ушли корни, высоко в небо поднялся мощный ствол великого дерева победы. Народ и Красная Армия потом и кровью взрастили плоды, которые мы пожинаем в эти дни. Ведь было время, когда Сталин, призывая к смертной борьбе с немецко-фашистскими войсками в октябрьскую годовщину 1941 года, сказал народу суровые слова о том, что у немцев в ту пору было больше танков и самолетов, чем у нас, что немецкая армия в ту пору была оснащенней нашей. Знал ли мир борьбу напряженней и тяжелей той, что вел советский народ за превосходство в вооружении и в промышленной мощи, за превосходство на полях сражений над фашистской Германией?

Нужно ли перечислять те великие и тяжкие битвы, в которых родилось наше превосходство над немецкой армией? Все мы помним их!

Нашу победу родила Октябрьская революция. Два с половиной десятилетия готовили победу миллионы мирных советских людей. Мы сумели осилить фашистскую Германию, измотать ее, нанести ей глубокие, смертельные раны, истощить ее, и мы победителями добиваем ее сегодня лишь потому, что

больше четверти века в нашей стране рабочие и крестьяне были хозяевами жизни. Нашу победу ковал народ, ее ковали те десятки тысяч сельских учительниц, преподавателей рабфаков, вечерних рабочих школ, техникумов и вузов, учивших миллионы детей рабочих и крестьян, сегодняшних танкистов, шоферов, артиллеристов, минометчиков, стахановцев-мастеров, техников, инженеров, сегодняшних офицеров и генералов Красной Армии. Представим себе на минуту, что старая царская армия получила бы великую технику наших войск. Где бы нашлись - при сплошной неграмотности и малограмотности в старой России миллионы людей, умеющих уверенно, властно и свободно управлять чудесными и сложными механизмами танков, зенитных пушек, штурмовых, истребительных, бомбардировочных самолетов? Свет просвещения был принесен в Россию революцией. Советские рабочие построили огромную промышленность, создали могучую технику для колхозных полей и полей оборонительных битв. Тысячи, десятки тысяч светлых голов, обреченных в дореволюционной России на прозябание в невежестве, познали радость творческого труда на нивах науки, вошли как хозяева в университеты, академии, стали управлять могучими заводами, железными дорогами.

И, может быть, только сейчас, стоя под стенами Берлина, оглядываясь назад, мы можем во всем масштабе оценить колоссальные силы, пробужденные революцией. Вызванные революцией к жизни силы творчества народов Советского Союза решают исход этой войны за свободу нашей земли, войны за судьбы мира. В действии этих сил надо искать решения больших и малых битв отечественной войны. И в действии этих сил объяснение особенностей последнего наступления на Берлинском направлении.

Ошеломляющая мощь удара на глубину в 570 километров, уничтожение армий противника, истребление его техники, проведенные в срок, немногим превышающий две недели, - все это следствие силы советского народа, Красной Армии, а не слабости немцев либо нежелания немцев оборонять свои решающие, последние рубежи. Неверно, что караси любят, когда их жарят в сметане. Еще меньше любят жариться на раскаленной сковороде фашистские щуки. И попали они на эту сковороду не потому, что они слабы, а потому, что мы сильнее их.

Укрепленный район, который является главным поясом обороны Берлина, далеко превосходит по мощи линию Маннергейма. Это железобетонный и стальной комбинат, с подземными железными дорогами, с подземными заводами, с подземными электростанциями, с бетонированными шахтами,

уходящими на 30-50 метров в глубь земли. Это подземное царство бетона и стали может вместить в себя целую армию. На десятки километров тянется длинная цепь надолб и низких стальных куполов дотов, похожих на торчащие каски ушедших в землю сорокаметровых гигантов. Кажется, нет силы, могущей сдвинуть либо подавить эти вкопанные в землю сорокаметровые чудовища. И все же наши танки не только сумели обойти этот стальной пояс, но и прорвались непосредственно через него!

Мне пришлось долго беседовать с двумя танкистами, полковниками Бабаджаняном и Гусаковским, осуществившими прорыв этой полосы стратегического прикрытия Берлина. Их рассказ о тактике действия танков объяснил мне "чудо" этого прорыва. В могучей стремительности, в беззаветной смелости экипажей, в гордой, спокойной уверенности в силе и правоте советского оружия, в боевых качествах великолепных машин, в мудром опыте войны разгадка этого победоносного прорыва. Немцы были смяты, дезорганизованы, ошеломлены. Немцы не сумели и не успели привести в действие свою артиллерию. Немцы почувствовали себя беззащитными за полутораметровыми стенами. Немцы не сумели закрыть узкий проход в обороне, по-видимому, оставленный для контратаки немецкими танками. И по этому проходу для несостоявшейся контратаки состоялась молниеносная, точная и смелая атака танков Гусаковского.

Немцы не успели ахнуть, как танки Гусаковского оказались западней знаменитой стратегической обороны - обороны, на строительство которой ушли долгие годы работы десятков тысяч рабочих, огромные количества бетона и стали. Немцы попытались отрезать передовые танки Гусаковского, но в это время тяжелое грохотанье, лязг и гудение, потрясавшие небо и землю, оповестили их о подходе главных танковых сил соединения. То шел Бабаджанян.

Надо сказать, не только в рассказе о тактике танков мы нашли объяснение этого успеха. Мы познакомились с биографиями, характерами людей, осуществлявших прорыв. Их ясная простота, их трогательная дружба, их поистине прекрасная скромность, их трудолюбие, самоотверженность, выносливость, их мудрая, трезвая рассудительность, соединенная с безумной смелостью, - все эти духовные черты сыновей советского народа - реальные элементы нашей боевой мощи.

Войска фронта прошли от Вислы до Одера.

Немецкая 9-я армия, оборонявшая Вислу, перестала существовать. В третий раз уничтожили эту пресловутую армию войска 1-го Белорусского фронта. Летом 1943 года она была разгромлена на Курско-Орловском направлении. Летом 1944 года

ее захлестнуло петлей окружения на Березине. Зимой 1945 года она была рассечена, раздроблена на Висле, и наши танковые соединения прошли сквозь нее, как нож проходит через кусок воска. В четвертый раз немецкое командование собрало свои резервы, на этот раз, по-видимому, последние, спешно перебросило горноегерский корпус из Югославии, выдвинуло запасный берлинский армейский корпус и вновь созданному соединению, в четвертый раз, по-видимому, в последний, присвоило название - 9-я армия.

В четвертый раз назначен новый командующий этой армией - по-видимому, это будет последний ее командующий, барон фон Люттвиц.

Мы помним ее злополучных командующих - Моделя, фон Бока, Фромана. Фон Люттвиц торжественно объявил по армии, что его девизом является:

"Всегда впереди своих войск. Я руковожу только тогда, когда нахожусь впереди".

Девиз хорош, но беда для немцев в том, что армии их стремительно движутся не на восток, а на запад, и, по-видимому, Люттвиц хотел предупредить своих офицеров и солдат, что он будет передовым в этом движении с востока на запад.

Есть все основания думать, что предстоящие бои будут последними боями этой войны. Мы стоим на Одере, на подступах к Берлину. Мощные оборонительные сооружения остались на восток от нас. Судя по старцам из берлинского фольксштурма, захваченным в плен, Гитлер мобилизовал без остатка все свои резервы. Судя по десяткам и сотням самолетов, захваченных на аэродромах без горючего, дела с бензином обстоят катастрофически плохо. Красную Армию отделяют от союзников всего лишь пятьсот с лишним километров. Взаимодействие армий, идущих на Германию с востока и запада, стало реальностью. Я видел, как высоко в небе разворачивались над Одером десятки "летающих крепостей", заходя на Берлин с востока. В деревнях и городах по берегу Одера слышен глухой, низкий гул, когда союзная авиация сбрасывает бомбовый груз на фашистскую столицу...

Да, по всему судя, это последние бои. Но эти бои не будут легкими боями. Немцы стянули и стягивают на восточный фронт свои главные силы. Они мобилизовали в пехоту моряков, летчиков, офицерские и юнкерские школы, отряды СС, отряды нацистов. Они перебрасывают одну за другой пехотные и танковые дивизии с западного фронта Они стянут на восток все что могут из Норвегии и Италии. Наряду с унынием, охватившим широкие массы Германии, пробудилось последнее исступление

нацистских кругов. Палаческая дисциплина Генриха Гиммлера, ставшего во главе армии на узловом участке фронта, заставит всех недовольных и отчаявшихся слепо подчиняться приказам гитлеровской ставки. Гитлер пойдет на любые, самые вероломные средства борьбы.

Эти бои будут нелегкими боями. Но есть ли человек в мире, сомневающийся в их исходе?

Эти последние, решительные бои принесут победу, мир и счастье советскому народу и народам всего мира!

1945 год

В течение 24 января в Восточной Пруссии южнее и юго-западнее города Инстербург наши войска с боем овладели городами Ангербург, Видминнен, а также заняли более 250 населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро

24 января 1945 г.

Илья Эренбург

24 января 1945 года

Трудно говорить о битве во время битвы. Будущий историк изучит освобождение Польши и сражение за Восточную Пруссию. Если нашим детям повезет, будущий Толстой покажет и душу молодого советского офицера, который сейчас умирает под зимними звездами. События разворачиваются настолько быстро, что от передовых частей отстают не только обозы, но и военные сводки. Московские зенитчики еще не знали такой страды: по пять салютов за день. Люди в тылу восторженно прислушиваются к названиям немецких городов, которые с трудом выговаривают русские дикторы, а люди на фронте, не задумываясь над названиями, преодолевая усталость, идут вперед с той стремительностью, которая присуща человеку, когда после долгого путешествия он подходит к дому. Это может показаться парадоксальным, но для каждого бойца "Берлин" звучит как "домой".

Когда летом Красная Армия нанесла немцам тяжелое поражение в Белоруссии, некоторые американские обозреватели объясняли победу русских слабостью немцев. Вряд ли эти обозреватели после арденнского интермеццо вернутся к старым мелодиям. Но что-нибудь они придумают. Прежде чем сказать о характере нашего нового наступления, я должен остановиться на характере наших старых недоброжелателей. Говорят, что американцы - реалисты. Читая статьи в некоторых американских газетах о Красной Армии, я начинаю в этом сомневаться. Забыли ли американские читатели, что мы - это "колосс на глиняных ногах"? Если не забыли, пусть спросят своих обозревателей,

почему "тигры" бессильны перед глиной и как на глиняных ногах Россия дошагала от Волги до Одера. Вполне вероятно, что американские читатели помнят также о том, что Москва должна была пасть осенью 1941 года. Как случилось, что обозреватели, писавшие о неизбежном падении Москвы, не переменив даже для приличия своих подписей, стали писать о неизбежном падении Берлина. Почему, говоря о победе русских в Белоруссии, обозреватели уверяли, что германская армия разложилась, а говоря о ничтожном продвижении немцев в Бельгии, те же обозреватели уверяли, что германская армия весьма боеспособна? Почему, когда союзники в течение трех лет готовились к высадке в Европе, обозреватели объясняли это исключительно военными обстоятельствами, а когда Красная Армия, после трех с половиной лет ожесточенных боев, в течение трех месяцев готовилась к прорыву мощной германской обороны, это было, по словам обозревателей, "политикой"? Почему обозреватели, уверявшие в 1939 году, что мы якобы хотим завоевать мир, в 1944 году стали уверять, что мы из-за злостных побуждений не перейдем нашей государственной границы? Почему они обижаются, когда мы идем, обижаются, когда мы останавливаемся, и обижаются, когда мы снова идем? Можно подумать, что Красная Армия занята не разгромом Германии, а оскорблением некоторых американских обозревателей. На самом деле Красную Армию это мало интересует. Никакие статьи не помогут нам взять Кенигсберг на день раньше, чем мы сможем его взять, и не помешают нам прийти в Берлин именно тогда, когда мы туда придем. Если я остановился на американских обозревателях, то в интересах американских читателей: чтобы понять вздорность многих рассуждений о Красной Армии, не нужно нового Толстого, достаточно крупицы здравого смысла.

Немцы уверяют, что мы продвигаемся только благодаря численному превосходству. Это неправда. Мы превосходим теперь противника и в боевых качествах наших солдат, и в умении командования, и в технике. Мы теперь воюем лучше немцев, и, если взять одну нашу дивизию против одной немецкой, мы побьем немцев. А так как у нас против одной немецкой дивизии во многих местах две, то мы их бьем на редкость быстро.

Всем известно, какую роль сыграла и продолжает играть в этом наступлении наша артиллерия. О качествах русских артиллеристов написано немало. Я хочу только еще раз подчеркнуть наше трезвое понимание войны. Немцы надеются на психологические эффекты, на театральные номера, они блефуют. Что такое различные "фау", как не отчаянная попытка психологической атаки? Мы не хотим ошеломить берлинских

хозяек, мы предпочитаем уничтожить захватчиков. Энергию, силу, выдумку мы положили на создание мощной артиллерии, новых превосходных танков, добротной авиации. В небе мы тоже не жаждем эффектов, наши скромные штурмовики удивительно хороши при наступлении. У немцев была сильна оборона. Они знали, что наше наступление неминуемо, и если на том или ином участке мы обманули их бдительность, то все же германское командование сделало все, чтобы нас не пропустить. Однако мы прошли.

Некоторые американцы интересуются "степенью разложения" немецкой армии. Праздное занятие. Можно устраивать в Америке анкеты института общественного мнения: что делать с Гитлером или кто более верные жены -брюнетки или блондинки? Чтобы ответить даже на самый глупый вопрос, нужно подумать. А немецкие солдаты не думают. Они единодушно восклицают: "Хайль Гитлер!" -и столь же единодушно, попав в плен, кричат: "Гитлер капут!" Куда полезнее штурмовать немецкие города, чем иллюзорную немецкую душу. Германская армия, разумеется, не та, что в 1942 году. Мы видим среди пленных пожилых немцев и подростков. Но немцы отчаянно защищаются. Нужно их добить.

Я надеюсь, что американцы с присущей им любознательностью начнут изучать нашу страну. Пора оставить разговоры о том, что русские только потому побеждают, что русский солдат всегда бывал храбрым. Мы сейчас заняли в Восточной Пруссии места, где царская армия потерпела поражение. Прежде уверяли, будто русские умеют сражаться только на своей земле. Может быть, это и было верно по отношению к солдатам царской России. Теперь мы превосходно воюем за тридевять земель от родных лесов, в Карпатах, в городах Силезии, в Восточной Пруссии. Красная Армия не только хорошо оснащена, это современная армия, обогащенная опытом, с инициативой командиров и бойцов, с разумной дисциплиной, которая равно ее предохраняет от рыхлости и от фашистского механического кретинизма. Наши генералы стали большими полководцами, сохранив демократичность и органическую связь с народом. Американский читатель спросит: "Почему вы расхваливаете себя?" Разумеется, у нас много недостатков, и мы их стараемся исправить. Если я говорю о достоинствах Красной Армии американским друзьям, то только из любви к ним: я хочу, чтобы они поняли законность наших побед. Чем раньше американцы усвоят, что мы сильная и вполне современная страна, что наши победы не случайные выигрыши, а плоды дерзаний и трудов, тем лучше будет и для нас, и для Америки, и для мира.

Бесспорно, у немцев еще имеются сильные оборонительные

линии. Есть у них и резервы. Так что сидя в Нью-Йорке, незачем считать, сколько миль осталось пройти русским до Берлина: это не прогулка. Однако можно сказать, что наступление развивается достаточно хорошо. Я не знаю, что сейчас делает гаулейтер Восточной Пруссии, бывший наместник Украины Эрих Кох, но думаю, что его треплет сквозняк от Черняховского и Рокоссовского. Вторжение танков и пехоты в немецкую Силезию, может быть, еще более волнует Гитлера. Здесь Германия поражена в ее чувствительнейшем месте: это не конечности, а внутренности. Я приберег под конец направление Жукова, его танкистов и кавалерию. Может быть, это направление и менее тревожит немок, поскольку войска Жукова еще не вторглись в Германию, но оно должно особенно тревожить немецких генералов.

Четвертый год войны - это именно четвертый год, и я со всей прямотой писал в одной из последних статей, что нацисты нам осточертели. Именно поэтому наши бойцы сейчас настроены хорошо: усталость придает им энергию. Я видел офицеров, которые накануне наступления молили выписать их из госпиталя. Американцы должны понять, что война для нас не спортивное состязание, мы очень много горя пережили от фашистов и не можем относиться к ним, как Дороти Томпсон. Мы идем на Берлин с твердой решимостью покарать злодеев. Будь то в Силезии, или в Восточной Пруссии, или в Чехословакии повсюду нас гонит на запад оскорбленная совесть. И это позволяет артиллеристам с боем проходить в день двадцать миль. Гитлер перебрасывает войска с запада. Это необходимо учесть. Гитлер объявил своим войскам: "Вы должны драться только на востоке, на западе наступления не будет - мы его сорвали". Это тоже необходимо учесть. Конечно, не мое дело обсуждать вопросы, которые должны обсуждать руководители союзных армий. Но так как я пишу это для американской газеты, а в американских газетах обсуждают военные вопросы такие же непосвященные, как я, то я хочу высказать мое простое мнение: если удар с запада дополнит удар с востока, война может кончиться куда раньше, чем это намечают различные почтенные комиссии. А я думаю, что американские женщины и мужчины ничего не будут иметь против этого.

В течение 4 февраля севернее и северо-западнее Кенигсберга наши войска вели бои по очищению от противника Земландского полуострова и овладели при этом городом и железнодорожной станцией Гранц, а также заняли более 30 других населенных пунктов...

Из оперативной сводки Совинформбюро

4 февраля 1945 г.

Евгений Кригер

Глубина фронта

Через несколько часов после тяжелого боя, когда танкисты и пехотинцы передохнули от многодневных атак, один боец постучал кулаком в броню танка и закричал:

- Подымайся, народ! Поедем дальше!

Он сказал это очень просто, понимая, что надо поторапливаться. Но и сам улыбнулся своим словам, и особенно слову "поедем". Оно. рассмешило всех, кто стоял, сидел или лежал рядом, отдыхая от непрерывного и трудного движения последних дней. Дремавшие проснулись, удивляясь спросонья общему веселью. Тишина схлынула. Люди зашевелились, смех пошел гулять по всем закоулкам, хотя причина его еще не каждому была ясна, и многие смеялись просто оттого, что рядом кто-то очень громко и заразительно хохочет.

- Так ты говоришь, ехать? - спросил один из танкистов пехотинца, стучавшего кулаком по броне. - Ты посмотри, кому ты говоришь! Это же не вол и не лошадь, милый ты человек. Это же танк - двигатель внутреннего сгорания, главный механизм наступления!..

Всем ужасно понравился прыткий пехотинец, и уже многие на все лады повторяли его слова, обращаясь к танкистам. Люди оживились, забыли об усталости, о пяти или шести днях долгого боя в глубине Восточной Пруссии, о бесконечных линиях обороны, которые они прогрызали. Простодушное слово "поедем" потому и развеселило всех, и в первую очередь танкистов, что под "ездой" пехотинец подразумевал не простое движение, а наступление, и спрашивал он, когда же танки снова поведут за собой пехоту. В том, как просто и весело боец выразил свое нетерпение, и в том, как охотно его товарищи, еще недавно придавленные к земле тяжелой усталостью, присоединились к нему и стали с хохотом донимать танкистов, - во всем этом сказалось общее для всей нашей армии в эти дни бодрое и счастливое чувство победы.

Война стала не легче, а тяжелее оттого, что мы перешли на землю врага. Не только Кенигсберг, вся Восточная Пруссия - это крепость, замаскированная на картах господскими дворами и фольварками. Ее приходится брать метр за метром, камень за камнем. Но войска не думают об усталости и тянутся к бою. Те же танкисты, потешавшиеся над молодым пареньком, торопившим "ехать", знали, что значит такая "езда". Танкисты начинали бой в Пруссии не так, как бывает, когда их вводят в уже пробитые щели в полосе вражеской обороны. Границы Восточной Пруссии они

прогрызли вместе с артиллерией и пехотой -траншею за траншеей, в дьявольском лабиринте укреплений, дотов, врытых в землю стальных бастионов, связанных в одну систему губительного, смертоносного огня. Лабиринт смерти уходил далеко в глубь Пруссии и врастал в густую, как Млечный Путь, толщу прусских каменных дворов и поместий, способных выдержать удары артиллерийских снарядов.

Немцы справедливо считали Восточную Пруссию районом сплошной, ничем не пробиваемой обороны. И разве могли они предполагать, что на четвертом году самой изнурительной и небывало жестокой войны на них двинется здесь такая исполинская, не истраченная, а возросшая в испытаниях мощь, как Красная Армия 1945 года? Здесь на штурм сотнями тысяч снарядов наступала ненависть Урала. Здесь Волга шла на великое мщение. Здесь народ наш рушил германскую оборону оружием, какого у немцев не было и не будет, широкой, смелой мыслью своих полководцев, неутомимой яростью своих солдат, организационным опытом всей страны, бросавшей в Пруссию через огромные пространства России сотни и тысячи поездов с орудиями, танками, снарядами, самолетами, бомбами, от которых трещал прусский лабиринт смерти.

И там же, под Кенигсбергом, поднимается с мокрой земли сморенный солдатским сном пехотинец и стучит в броню танка, и торопит: "Поедем дальше, танкисты!"

Русский человек не любит пышных слов перед боем. Он сдобрит свою речь шуткой, но он знает, что означает такая "езда". Он видел танк Митрофана Варибока после одной из многих атак на этой земле.

Старший лейтенант Варибок вел свой танк на немецкую батарею, преграждавшую путь нашей пехоте. Танк его был подожжен снарядом. Экипаж задыхался в дыму. Пламя рвалось внутрь кабины. Обожженные люди знали, что, может быть, с ними через две-три минуты будет покончено, но они видели впереди батарея, которая бьет наших, которую нужно разбить, раздавить. Варибок продолжал вести танк вперед. Издали было видно, как из люка выскользнул один из танкистов. Стоя на мчавшемся танке, он сбивал пламя шинелью. Огонь приближался к запасным бакам с горючим. Как ангел мщения с огненными крыльями, танк Варибока летел к фольварку. Задыхавшиеся, полуслепые танкисты ворвались в каменное гнездо фольварка. Немцы еще метались у пушки, когда, перегрызая зубьями гусениц немецкую орудийную сталь, пылающий танк подминал под себя стволы орудий, кузова автомобилей, снарядные ящики и тех, кто еще минуту назад стрелял в нашу штурмующую пехоту.

Когда черный, страшный, покрытый ржавой опалиной танк Варибока вырвался из вражеского гнезда, путь для пехоты был открыт. Еще били с соседних фольварков пулеметы, но ядро немецкой обороны на этом километре рухнуло. Такие же черные, как танк, люди Варибока вышли наружу. Одежда тлела на них. Судорожно глотая воздух и грязный от пепла снег, они сбивали пламя и сбили. Варибок пытался подать голосом команду. Но из горла, разъеденного горячим дымом, вырвался невнятный хрип.

Он не мог говорить. Он ткнул рукой вперед и стал забираться в люк. Танк Варибока, обожженный, закопченный, не остывший от пламени, остался в бою и влился в грохочущий вал наступления. Следом за танками шла пехота. Со свистом и шелестом проносились тысячи наших снарядов, и это был как бы шелест крыльев победы, летящей над войсками великого штурма.

Немцы в Восточной Пруссии еще пытаются вырваться из кольца. Февральская ростепель нагнала воду на балтийский лед. У немцев нет выхода только в контратаку. На смерть их гонят - они идут. Их офицеры до сих пор не могут поверить в реальность грандиозного по размаху и смелости маневра Красной Армии, одним рывком вышедшей к морю и забравшей в кольцо всю Восточную Пруссию, с сотнями ее городов и поместий.

- Мы уверены были, что прорвемся, - угрюмо твердил на допросе один из них. - В военной истории не было примеров такого невероятного окружения. За короткий срок немыслимо сомкнуть кольцо вокруг большой германской провинции. При этом должны были пострадать плотность и глубина вашего фронта, и я верил, что мы прорвемся. Да, еще вчера я верил...

Он говорит о глубине советского фронта. Но разве способен этот выутюженный немецким шаблоном механический человек судить о подлинной глубине нашего фронта? Она создается движением громадных масс - людей, танков, орудий, направленных вдохновенной и в то же время строгой мыслью полководцев.

Я проезжал через взятый не так уж давно прусский город. На железнодорожных путях свистели советские паровозы. Путейцы быстро и деловито монтировали разбитые семафоры, восстанавливали стрелки, как будто на память знали все схемы восточнопрусских железнодорожных узлов. Сотни людей трудились на станциях, службах и в мастерских. Взорванная, разбитая гитлеровцами станция уже принимала с запада поезда, набитые пленными немцами. Старенький машинист, сняв замасленную фуражку, вытирал платком лысину и бурчал, кивая на вереницу красных товарных вагонов, из которых высовывались головы пленных:

- Немцы из-под Кенигсберга, свежие... А я из Смоленска. Вот какие, значит, дела.

Через несколько часов мы прибыли на передний край, проехав всю глубину фронта - от возникающего из пепла железнодорожного узла до того края, где прогрызается очередной пояс вражеской обороны. Глубина советского фронта измеряется не только пространством и количеством войск, но и мыслями, чувствами воинов, их поведением. Здесь, в огне непрерывного тяжелого штурма, я видел воронку от снаряда. Края ее были отшлифованы телами людей, сидевших и работавших в ней по двое суток. Воронка находилась тогда впереди расположения наших войск - неглубокая яма на так называемой ничейной земле, лежавшей между нашими и неприятельскими позициями. Трудно сказать, как заползли сюда наши люди по земле, вздымаемой роем снарядов и пуль. Они считали это необходимым, и они это сделали.

Им было очень холодно. Они сидели в талой воде. Перед рассветом мокрые шинели покрылись коростой льда. Размяться, согреться не было возможности: лежали, плотно прижавшись к земле, и если бы кто-нибудь неловко высунул руку за край тесной ямы, пальцы и кисть раздробило бы пулями.

Они работали в своей яме, направляя залпы батарей дальнобойных орудий на препятствия, которые надлежало разбить силами артиллерии.

Сорок восемь часов провели эти люди под огнем на "ничейной земле". Когда кто-нибудь начинал замерзать и, теряя власть над собой, поднимался, чтобы размять онемевшее тело, его стаскивали вниз и силой прижимали к земле. У радиста руки окоченели. Когда он работал, пальцы стучали, как деревянные. Но он передал все, что было нужно. Потом у людей, окруженных с трех сторон врагами, хватило воли и силы, чтобы на исходе вторых суток выползти из ямы и выгнать из ближнего хутора последних застрявших там врагов. Связисты Комаров, Новиков, Валихмедов забрались на крышу крайнего дома, сбросили вниз немецкого пулеметчика и из его же пулемета били по окнам, дверям, амбразурам соседних домов.

...Глубина советского фронта на германской земле определяется не только пространством, но и волей наших людей. Гитлеровцам этого не понять. Они твердят: "Это невозможно. Такого не было в истории войн". Да, такого не было. Красная Армия сделала это возможным силой народного гнева, велением сердца, пламенной мыслью своих солдат и полководцев.

"От Москвы 1670 километров", - читает боец на дорожном столбе.

Так вот какой путь прошел он в огне!

В сорок первом году он был тяжело ранен в сражении под Москвой, врачи с трудом выходили его, он вернулся в строй. Три года провел он в невиданных битвах, бок о бок со смертью, и вот теперь идет по дорогам Восточной Пруссии. В его памяти глубина советского фронта уходит к предместьям Москвы, где он пролил свою кровь, где томила его жгучая боль отступления, где глубокий след оставило в сердце зрелище разоренной врагом русской земли, осиротевших детей, раздавленных фашистскими танками женщин, сожженных в колхозных домах стариков. В его простых мыслях это и есть глубина советского фронта: вся война, вся страна, весь народ - от Москвы 1670 километров!

Он говорит:

- Моя дорога! Всю прошел!

Разве он отдаст контратакующим смертникам Гитлера хоть один метр этой дороги великого возмездия?

Ему встречается русская женщина. За плечами у нее узел с вещами. Она идет из плена.

- Пройду я здесь на Смоленск? - спрашивает женщина.

Солдат отвечает:

- Далеко, дорогая гражданочка, но теперь доберешься, дорога тебе свободная.

Из глубины Восточной Пруссии он показал ей путь на родину, к Смоленску. Это право он завоевал подобно миллионам таких же, как он, солдат нашей наступающей армии.

Февраль 1945 года

Николай Тихонов

Армия-освободительница

Темное зимнее небо, обледенелые холмы с высокими ржавыми соснами, пустынные, сожженные города, колючая проволока бывших загонов для рабов, мрачные дома рабовладельцев с накраденными со всей Европы вещами проклятая земля черной Германии. Восточная Пруссия - гнездо прусских юнкеров и помещиков, притон фашистских сиятельных гангстеров - она слышит грохот наших пушек, шум моторов наших танков и самоходных орудий. Она видит бесконечный поток наших войск. Это Красная Армия - Армия справедливости и возмездия идет по ее дорогам, уничтожает очаги фашизма, гитлеровскую вооруженную машину истребления, уничтожает навсегда.

И навстречу славным полкам идет человеческий поток, идет день и ночь шествие освобожденных, вырванных нашим победным оружием из рук смерти. Мужчины, женщины, дети. Они идут и едут, они радостно приветствуют на всех языках своих

освободителей - великую Красную Армию.

Идут все народы Европы навстречу новым частям, движущимся на запад. Гитлеровская тюрьма соединила людей всех наций в одно сборище угнетенных, одетых в лохмотья людей. Они несут бирки, которые им дал рабовладелец нового порядка. Этот проклятый новый порядок они запомнят на всю жизнь. Он написан у них на спине, на плечах, на груди и на шее кровавыми полосами бичей и кнутов. На руках у них следы кандалов, в сердце непреходящая ненависть.

Это идут не только усталые, измученные люди. Это идут спасенные для жизни. И спасла их Красная Армия - Армия-освободительница. Во все углы Европы разнесут они весть о том, как пасмурный зимним днем им блеснуло солнце весны Как упали стены их тюрем, как разорвались цепи. Как понесли наказание их палачи. В рощах Италии, в виноградниках Франции, под оливами Греции, в полях Польши, в скалах Норвегии, в городах Бельгии и Голландии, в горах Югославии эти люди будут рассказывать близким и друзьям о своей страшной жизни в проклятой Германии.

И еще они расскажут о тех замечательных людях, о тех непобедимых воинах, которые принесли им свободу. О Красной Армии сложат они песни и о ее маршалах, каких не видел мир. Они сломали все укрепленные линии, взяли все крепости, разбили все гитлеровские силы, стоявшие в полной уверенности в своей непобедимости на рубежах разбойничьей страны.

Никакие преграды не могут остановить могучий натиск Красной Армии. Она перешла зимние Карпаты, чтобы чехи и словаки могли плакать слезами радости впервые за семь лет каторжной жизни, похожей на черный сон. Она форсировала Вислу, чтобы поляки Варшавы могли выйти из подвалов к солнечному свету. Она освободила всю польскую землю, чтобы никогда больше не смел топтать эти многострадальные поля сапог немецкого насильника. Она прошла по скалам и льдам Севера, чтобы в Киркенесе норвежцы обняли друг друга, поздравляя с наступлением дня посреди немецкой ночи, перед которой полярная ночь кажется радостным видением.

Красная Армия освободила всю родную землю, истребив и сокрушив силу Гитлера, которая всем народам казалась несокрушимой.

Она сокрушила предателей, продавших Гитлеру свои народы. Она вывела из войны Румынию, Финляндию, Венгрию и дала возможность их народам направить свое оружие против немецких наймитов, против Гитлера.

Еще пять лет назад никто не сомневался в Европе, что

Красная Армия сильная Армия. Но когда сравнивали ее с германской армией, то самые опытные военные наблюдатели относились скептически к силе Красной Армии. Гитлер знал, что его блицкриг только тогда имеет шансы на успех, если он один на один бросит силы всей своей Германии и всей подвластной Европы против Красной Армии. И он бросил. Это были титанические битвы, когда мир содрогался перед ужасным ожесточением и небывалым масштабом происходящего.

И вот пришло время - и рассеялся дым гигантского столкновения. И весь мир увидел с радостью, что не Гитлер победил Красную Армию, а Красная Армия вдребезги разнесла его черные легионы и остатки их отбросила за свой рубеж. А отбросив, пошла штурмовать самое его логово. То логово, которое гордилось своей неприступностью, где каждый метр был приспособлен для сопротивления по последнему слову техники, где немцы сражались, как обреченные, как смертники. И здесь Красная Армия сокрушила и продолжает сокрушать это отчаянное сопротивление палачей, боящихся справедливого суда.

Одер не мог остановить натиск наших полков, сплошная крепость Восточной Пруссии доживает последние дни. В Дрездене и Штеттине паника охватила тех, кто еще недавно осмеливался изображать красноармейца как отсталого человека, которому до современной техники, как до неба. А сегодня эти же немцы завопили о превосходстве русской техники, о превосходстве русской стратегии.

Да, приходит последний час гитлеризма. Приходит час суда и возмездия. По земле, где родились чудовищные преступные замыслы, по земле, рождавшей так долго палачей и убийц, идет Армия Правды - Армия Справедливости Красная Армия.

16 февраля 1945 года

Борис Полевой

Имени СССР

Капитан саперов Алексей Кустов, человек, участвовавший в форсировании тринадцати больших и малых рек, и майор танковых войск Сергей Наумов, трижды раненный и четырежды награжденный, рассказали мне об этой необычайной встрече с русскими людьми за очередной форсированной ими рекой.

- Вы понимаете, обстановочка, - начал капитан простуженным голосом. Обстановочка, можно сказать, самая острая... Ночью я кое-как на лодках, на бревнах своих хлопцев на ту сторону переправил. Ну, захватили с ладонь земли. Тут и его - майора Наумова - мотопехота к нам подоспела. Хотели уж мы паромный трос крепить, а вражеская оборона за рекой, сами знаете, как насажена. Пушек, пулеметов и этих, как бойцы наши называют,

"скрипух" везде понатыкано, так что каждая былиночка трехслойным огнем перекрывается. Ну, и начали они наш пятачок обрабатывать. Аж земля на дыбы подскакивает! Но у меня народ крепкий, на тринадцати реках науку проходил, стрельбой его не испугаешь. Зубами вцепились в "пятачок" этот и держат. Майор своими танками и самоходками с той стороны их поддерживает. Ну, контратаки отбиваем. Однако слышу -все жиже и жиже у меня огонь. Несу, стало быть, потери. Только бы, думаю, до ночи продержаться, а там подойдут подкрепления. И вдруг слышу...

- Вы в земле под берегом сидели и только слышали, а я с той стороны с горки из танка все видел. Дайте уж я продолжу, - вмешался в разговор майор Наумов. - Вижу я - над артиллерийскими позициями противника мины вдруг стали рваться. Откуда? У меня минометов нет. Что, думаю, за оказия? И гитлеровцы, должно быть, тоже заметили, что кто-то из тыла минами их угощает.

- А обстреливать нас уже перестали, - перебил капитан. - Что бы там ни происходило, приказываю саперам тянуть канат. Сам вскочил на бугорок и вижу: бегут к нам от леска через болото люди не военные, гражданские, кто в чем одет, кто в синих комбинезонах, кто в каких-то полосатых костюмах. Бегут, винтовками машут и кричат "ура". Не понимаю, кто такие, откуда? Командую моим не стрелять. Да уж какая тут стрельба! Видим, свои, видим, они-то нас и выручили. А уж передние до моих саперов добежали и ну обниматься. Кричат: "Родные, вот где встретились!" Тут я вижу, у всех на рукавах красные повязки и на них написано "СССР". На шапках тоже красные ленточки. Спрашиваю: "Кто такие?" Выходит один из них - большой, рыжий, рекомендуется: "Старшина партизанского отряда "СССР". Спрашиваю: "Чьи вы? Откуда взялись?" Отвечает: "Советские люди. Были увезены гитлеровцами из разных мест, работали в Дрездене на тамошних химических заводах. А прослышав о наступлении Красной Армии, перебили охрану, бежали и организовали отряд. Так, с боем, и прорвались к фронту". И первое, что он меня спросил: "Всем отрядом хотим вступить в Красную Армию. Примут?" Говорю: "Примут". И он своим хлопцам кричит: "Примут!" Как услышали они это, что только поднялось! Кричат "ура", винтовками машут, обнимаются. Ведь вот советский человек - в десяти щелочах его вари, он советским и останется.

Историю партизанского отряда "СССР", действовавшего около месяца во вражеском тылу, я вскоре услышал от самого, как он себя назвал, старшины этого отряда Серафима Андреевича Шумилина. Он прежде работал в транспортном цехе на Мариупольском металлургическом комбинате, потом был рабом

под номером 816-бис на химическом заводе "ИГ Фарбениндустри" около Дрездена. Этому огромному, сильному человеку фашистские палачи разбили грудную клетку, и, разговаривая, он то и дело захлебывается в приступе кашля и сплевывает в платок сгустки крови.

- Не буду много говорить о том, как нам жилось в проклятой неволе, рассказывал Шумилин. - Жилось не лучше, чем другим невольникам, работавшим по 16 часов в сутки. Надсмотрщики, ежедневные избиения, литр буракового пойла в день, голодные смерти. Жилось так, что каждый жалел, что он жив. За клочок газеты, найденный в кармане при обыске, человек попадал в Дахау или Освенцим. И все же мы знали о том, что Красная Армия наступает, ждали, надеялись и понемногу готовились. Уже в январе стало заметно, что у фашистов неладно. Через город мимо нашего завода двигались на вокзал тысячные потоки беженцев. Мы поняли, что дела у гитлеровцев плохи. Поняли: пора! И когда однажды английские самолеты налетели на город, мы, русские, воспользовавшись суматохой, с камнями и кирпичами бросились на охрану и за каких-нибудь полчаса перебили ее. Потом выбежали за проволоку и все, сколько нас было - больше тысячи человек, - бежали в дрезденский лес.

...Ночью в лесу под Дрезденом восставшие рабочие приняли решение организовать партизанский отряд. Они назвали его именем своей Родины "СССР". И почти безоружные люди, сильные только своей ненавистью к врагу и любовью к Отчизне, решили пробиваться через густонаселенные районы Саксонии и Нижней Силезии навстречу наступающей Красной Армии.

Отряд организовался 29 января 1945 года и в первый же день совершил нападение на маленькую товарную станцию восточнее Дрездена. С криками "ура" отряд, вооруженный всего лишь 18 винтовками и тремя автоматами, отбитыми у охраны, ворвался на станцию. Боевая сила отряда была ничтожна, а станция охранялась специальным батальоном железнодорожных войск. Но громовое русское "ура", возникшее тут в ночи, так потрясло охранников, что те бежали, не оказав почти никакого сопротивления, оставив в караульных помещениях оружие.

Отряд "СССР" стал с боями двигаться через леса на восток. Он вооружался и рос, как снежный ком, - в него вливались советские люди, освобождаемые по пути партизанами.

Бесконечные потоки беженцев двигались по всем дорогам, по железнодорожным насыпям, заполняли деревни и городки... Это помогало партизанскому отряду быть неуловимым. Он шел, отмечая свой путь боевыми делами. Подожженные под Калау артиллерийские склады, взорванный шоссейный мост через

Шпрее, разгромленная автоколонна, в которой эвакуировали особо точную аппаратуру с химических заводов, крушения на железной дороге Дрезден - Котбус, десятки больших и малых дел - вот вехи продвижения партизан.

К линии фронта отряд вышел уже хорошо вооруженным. Он имел не только личное оружие и гранаты, но и минометы. И когда партизаны услышали наконец шум боя и гром родных русских пушек, они были вознаграждены и за годы мучения на фашистской каторге, и за лишения, перенесенные в походе по вражеским тылам. Выбрав минуту, они ударили с тыла по контратакующей группе гитлеровцев и помогли саперам капитана Кустова укрепиться на одном из плацдармов на реке.

Рассказав все это, Серафим Андреевич вновь захлебнулся приступом кашля, с хрипом исторгавшегося из его разбитой груди. Горлом у него пошла кровь. Он был совершенно искалечен на гитлеровской каторге, этот большой и сильный человек. Но сейчас он не думал об этом, он был полон надежд. Его людей приняли в Красную Армию, сбылась их мечта.

И мне вспомнились слова капитана Кустова: - Советский человек, хоть в десяти щелочах его вари, советским останется.

4 марта 1945 года

Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление на Данцигском направлении, овладели городом Цоппот и вышли на побережье Данцигской бухты между Гдыней и Данцигом разрезав тем самым группировку немцев на две части...

Из оперативной сводки Совинформбюро

23 марта 1945 г.

Всеволод Вишневский

День в Цоппоте

Более недели под Данцигом стояли дождливые мутные дни. Дороги развезло настолько, что застревали надежные тягачи и транспортеры. И тем не менее удар наших войск не ослабевал.

Войска врезались в Данцигский королевский лес. Он хорошо был подготовлен к обороне. Это посаженный лес, деревья стоят ровными рядами, кустов и подлеска нет, стволы снизу оголены, ветви на одном уровне, словом, истинно немецкий, аккуратный лес, где все отмерено, размерено, оплетено проволокой, окопано и пристреляно.

Над лесом и берегом Данцигской бухты весь день работали наши штурмовики и бомбардировщики. Лес задымился. Когда противник счел, что подготовка кончена и атаки не будет, двинулись наши штурмовые войска. Молодой месяц освещал этот тяжелый, ожесточенный бой...

В Данциге 21 марта объявлена мобилизация молодежи 1929

года рождения. Призыв подписан "фюрером" молодежи Германии Аксманом и данцигским "гебитсфюрером" Хенкелем. 20 марта Гитлер принял в своей ставке двадцать представителей этой молодежи - "верных помощников немецких солдат". Данцигские газеты в возбужденном тоне повествуют о том, что самым младшим среди этой "надежды Германии" был 12-летний Альфред, вынесший двенадцать раненых.

И вот они перед нами, взятые в ночном прорыве к Цоппоту, тихие, подавленно-угрюмые. Нет, Данцигу мальчики шестнадцати лет не помогут!..

Вчера в 6.30 утра части офицеров Зокандина и Кузьмина ворвались в Цоппот. Будем еще точнее, ночью здесь были разведчики с радиостанцией.

Вот он, первый ворвавшийся в этот европейский знаменитый курорт Цоппот, казах Поленов из Алма-Аты. Он легко одет, кинжал на поясе, автомат на ремне. Ему 22 года, и под его ударом не устоят ни 16-летние немцы, ни 22-летние, ни 60-летние...

Еще стелется утренний туман, мешающий разглядеть немецкие крейсеры и миноносцы, бороздящие Данцигскую бухту. Связист сержант Петренко тянет к переднему краю первые провода.

Ведут снова пленных. Среди них тип, обращающий на себя внимание. Угрюмый взгляд гнойных глаз, грязная шинель. Солдат, инвалид, арестант. Был призван в 1944 году, указал на свои болезни и тут же за уклонение от воинской службы был посажен на девять месяцев.

- Вся тюрьма была внезапно эвакуирована из Восточной Пруссии в Данциг, но на пути попала под удар русских танков. Мне посчастливилось, я уцелел. Решил снова явиться в тюрьму, там спокойнее, - откровенно докладывает этот тип. - Но в данцигской тюрьме покоя не было. Явилась комиссия. Тяжелобольных и вовсе негодных расстреляли, ибо в осажденном городе дорог каждый паек. Нам задали вопрос - годитесь на фронт? Я поспешил ответить да. Генерал нам сказал потом: "И фюрер надеется, что вы совершите чудо и спасете Германию". Все ответили: "Так точно!" - и сдались русским...

Бьют наши танки и осадные орудия. Бьют немецкие крейсеры и миноносцы, ясно различимые на рейде... Идем по центральной улице Цоппота.

Отделение данцигской газеты "Данцигер Форпостен". Брошенный тираж газеты, фото, рукописи. Передовица гласит: "Большое наступление наших врагов на востоке и на западе развивается все сильнее, и мы не имеем передышки и покоя". Вы

его и не получите до последнего дня войны!..

На Маккензеналлее, No 27 - мобилизационный пункт для новейших сверхтотальников. Явке подлежат все мужчины с 1884 года рождения по 1929-й.

Мы вытаскиваем немцев из подвалов. Один твердит, что он - старый трубочист и абсолютно не участвовал, не участвует и не будет участвовать в войне. Другой протягивает паспорт и говорит, что он купец и скорее поляк, чем немец. Третий заявляет, что он хотел бы пообедать.

Элегантный проспект ресторанов, кафе, салонов, парикмахерских, кондитерских, цветочных магазинов. В витринах - розовые манекены, которым наши пехотинцы уже подняли руки. Они так и стоят с застывшими улыбками и с поднятыми руками.

Серия зеркальных витрин, отделанных бронзой и никелем, и бумажные наклейки: "Сегодня товаров нет". Ресторан "Имперский орел" и меню на 23 марта. В день нашего появления для немецких курортников рекомендуется хлеб с пикантной рыбной пастой, овощи, тильзитский сыр и пиво. Это небогато. Наша штурмовая пехота предпочитает сегодня съесть мясные щи и кашу со свининой.

Немецкие корабли продолжают бить по Цоппоту. Летит черепица с блистающего казино, летят зеркальные стекла игорного зала. На тротуар со звоном летит последняя афиша: мужчина во фраке танцует с голой женщиной. Кабачки, дансинги - все притихло, замерло...

Спускаемся в подвал. Слабый свет свечи, вода под ногами. Человеческий дух, шепот, плач.

- Здравствуйте, не бойтесь, пришла Красная Армия!

И в ответ - смешанный гул восклицаний наших русских, рыдания, и во тьме кто-то нас обнимает, целует. Передать эту встречу, эти минуты немыслимо. Здесь русские женщины, цоппотские рабыни - поломойки, судомойки, уборщицы Те, над которыми издевались немецкие курортники.

- Товарищи, что же вы сидите в этой тьме и грязи? Выходите на свет, к своим.

И опять взволнованные вперебив голоса и рыдания:

- Господи, неужели наши?

Одна ленинградка рассказывает нам:

- Меня захватили в Володарском 17 сентября 1941 года, потом угнали в Германию...

Перед взором - великий Ленинград. В памяти и на сердце - его мука и его боль, - родимый город, за все ответят тебе города Германии!

День абсолютно весенний. Разбитые стекла сверкают, как

драгоценные камни, и хрустят под ногами.

Подбираем в школе тетрадь ученицы 3-го класса Гильды Вольк. Диктант. "Воспоминания о 9 ноября". "В ноябре 1918 года мировая война пришла к несчастному концу. В ноябре 1944 года это не повторится. Тогда мы проиграли войну. Теперь мы выиграем войну..." Поднимаю с пола школьную сберкнижку Ирены Штрак, - аккуратные взносы и исчисление процентов - до 3 пфеннигов в год. Учебник для 5, 6, 7 и 8-х классов - гимн "Германия, Германия превыше всего". Вся хрестоматия насквозь, все 368 страниц полны гнусными фашистскими текстами.

Входим в одно из административных помещений. Берем телефонную трубку. Телефон в порядке. Вызываем Данциг. Слышно чье-то дыхание и выжидательное молчание. Передаем несколько простых и жестких слов и, так как собеседник не решается ответить, кладем трубку.

Из подвалов осторожно вылезают немцы - местные бюргеры, солдаты, бросившие оружие, женщины. Вытягиваясь по-военному, пузатые дяди докладывают, что они "беженцы" из Восточной Пруссии и ждут приказаний. Приказываем им тушить дом, в который попал снаряд с немецкого крейсера. Они снимают пиджаки и берутся за ведра.

Опрашиваем нескольких данцигцев, которые были в Данциге два-три дня тому назад. Город забит людьми, может быть, в нем сейчас до 900 тысяч, считая беглецов и из Восточной Пруссии, и из Померании. Все надеялись на эвакуацию, но после того как были потоплены подряд три парохода, надежды рухнули, - русские блокируют город и море. Тревоги следовали за тревогами, и потом обстрелы. В городе виселицы для тех, кто отступает, плохо с продовольствием. Населению рекомендовали делать из картофеля... картофельный сыр.

В сизой дымке лежит перед нами Данциг. Хорошая оптика позволяет увидеть башню ратуши, начатой постройкой в 1378 году. Колокола этой башни отбивают время. "Поют поколениям песнь отечества", - как выражается данцигская газета... Песенка гитлеровцев спета.

На Цоппот спускаются сумерки... Шоссе полно движущихся войск. Под звездами плывет сильная, удалая русская песнь. Танкисты идут в бой под переливы гармоники. Десантники поют молодо и горячо. Притихшая немецкая земля слушает раскаты этих голосов. Нетерпеливо фыркают кони. Вспыхивают фары в огромной колонне машин. Бесцельно бьют по Цоппоту немецкие корабли, разворачивая ресторанно-витринную мишуру.

Регулировщица-девушка повелительно кричит:

- На Данциг давай сюда! Ну, не задерживай!

25 марта 1945 года

Константин Симонов

Встреча в Куманче

Это произошло не так давно в отрогах Карпат, в словацком селе Куманча.

Село, в котором сходились две дороги, имело вид, какой обычно имеют прифронтовые села в разгар наступления. Грязно-серые дороги были изборождены следами колес, порыжелые сугробы перемежались с ямами, наполненными бурой водой. У домов впритык стояли грузовики и повозки, скрипели подводы, ржали лошади, протяжно гудели застрявшие машины, и мимо охрипшего усталого регулировщика, тяжело меся сапогами грязный снег, шла через село пехота, таща за собой подпрыгивавшие на колдобинах станковые пулеметы.

Через село двигались части чехословацкой бригады, в ушанках с бронзовыми чехословацкими орлами, ехали обозы русской пехотной дивизии, и среди солдат то там, то здесь мелькали люди в штатских куртках и пиджаках, перетянутых ремнями, в шапках и шляпах с красными ленточками.

В этот и предыдущие дни словацкие партизанские отряды, действовавшие в окрестном районе, пробиваясь через фронт, выходили на соединение с частями Красной Армии и чехословацкого корпуса. В селе был один из сборных пунктов партизан. Они толкались среди солдат по всему селу, отыскивая друг друга, на ходу узнавая, кто жив, кто убит, кто вышел и кто еще остался в тылу у немцев.

Недалеко от перекрестка, где стоял регулировщик, в длинной хате со стенами, иссеченными осколками, и с выбитыми, заткнутыми чем попало стеклами, помещался обогревательный пункт и столовая.

Двое бойцов-дорожников и три помогавшие им женщины-словачки беспрерывно варили на большой плите в нескольких котлах и кастрюлях универсальную солдатскую еду, заменявшую и первое, и второе, и вообще все на свете. Это был суп, в котором варилось много картошки и мяса. Его разливали по тарелкам и снова доливали в котлы и кастрюли воду, и снова бросали туда куски мяса и картошку, и снова бесконечно варили.

Кроме двух столов, нашедшихся в хате, был устроен еще и третий сложенный из нескольких десятков пустых снарядных ящиков. Те же самые снарядные ящики, поставленные на попа, служили скамейками.

За столами сидели различные люди: легкораненые, завернувшие сюда перекусить по дороге в госпиталь, бойцы с дорожно-комендантского участка, два молоденьких лейтенанта в

новеньком обмундировании, видимо, только что назначенные в часть и догонявшие ее, и человек десять чехословацких автоматчиков, сидевших тут уже целый час в ожидании, когда шофер исправит отчаянно ревевший, но не двигавшийся с места грузовик.

Из-за того, что выбитые стекла были заменены фанерой и подушками, в хате было полутемно. Те, кто уже давно сидел здесь, привыкли к этой полутьме, но те, кто только что входил со света, жмурились и пробирались между столами, как слепые, шаря впереди себя вытянутыми руками.

Вдруг дверь распахнулась, и в полосе уличного дневного света появилась маленькая странная фигурка. Это был, несомненно, ребенок, мальчик на вид лет тринадцати, от силы четырнадцати, - узкоплечий, с худым остроносым лицом. И в то же время в этой фигурке было трудно признать ребенка: так не соответствовало его лицу и росту все то, что было на нем надето и навешано.

На голову его, низко спускаясь на глаза, была нахлобучена черная мохнатая шапка с пересекавшей ее красной лентой. На ногах у него были высокие сапоги с заправленными в них домотканными латаными штанами. Наряд его довершал серо-зеленый немецкий френч с подвернутыми вдвое, почти до локтей, рукавами. Френч был перепоясан широким холщовым поясом с нашитыми на нем карманами, которые, оттопыриваясь, обнаруживали засунутые в них несколько гранат-лимонок. Поверх этого пояса френч был перепоясан еще вторым, кожаным поясом, на котором висел большой немецкий парабеллум в треугольной кобуре. Ручка второго револьвера запросто торчала прямо из кармана френча.

- Ты откуда взялся? - обратился к мальчику пораженный его видом сержант-регулировщик, сидевший у самой двери. Мальчик молчал.

- Откуда взялся, говорю, - повторил сержант, поднимаясь ему навстречу. - Откуда оружие взял? Кто такой?

Сержант стоял вплотную перед мальчиком и, глядя сверху вниз, внимательно рассматривал все его вооружение.

- Я - партизан, - не смущаясь, ответил мальчик и гордо заложил руки за спину.

- А по какому праву ты два револьвера носишь, если даже офицерскому составу один револьвер полагается? - спросил сержант, разглядывая оба револьвера, один, висевший на поясе, и другой, засунутый в карман.

- Мне выдали. Я - партизан, - с быстрым и мягким словацким выговором повторил мальчик.

- А документ у тебя есть? - не унимался сержант.

- Есть, - задорно сказал мальчик и разнял руки, которые он до того держал за спиной, чтобы вынуть из нагрудного кармана френча документы.

- Вот документы.

- Так, - сказал сержант. Близко поднеся в полутьме бумажку к глазам, он прочитал там, что Андрей Гота, ефрейтор, является партизаном отряда имени Суворова.

- А откуда ты родом?

- Из Радваны, - сказал мальчик.

При словах "из Радваны" сидевший до этого за столом чехословацкий подофицер с двумя ленточками чешского "Боевого креста" и "Красной звезды" на френче поднялся и, вглядываясь в полутьму, спросил:

- Из Радваны?

- Из Радваны, - повторил мальчик.

- Слушай-ка, - сказал подофицер, - ты там с какой стороны?

- С той, что за дорогой, - ответил мальчик.

- Ты там Гогу Штепана не знал?

- Знал.

- А где он?

- В Россию ушел.

- А откуда ты знаешь?

- А он мой отец.

В хате на несколько секунд наступило молчание. Подофицер вглядывался в мальчика. Тот, немного привыкнув к полутьме, смотрел на подофицера.

Подофицер стоял не двигаясь у стены. Мальчик тоже стоял не двигаясь, а потом вдруг сделал несколько шагов вперед, и только тут все заметили, что он сильно хромает, волоча правую ногу.

Мальчик порывисто сделал еще два шага вперед, споткнулся на хромавшую правую ногу и чуть не упал.

И только в эту секунду остолбенело стоявший до этого подофицер сделал первое, тоже порывистое движение, шагнул к мальчику и, схватив за локти, не дал ему упасть.

Так они простояли секунду или две, а потом отец отступил назад к стене и повел сына, держа его за локти и глядя ему в лицо. Он его довел до скамейки, на которой сидел сам, и так же молча посадил его, а сам сел рядом. Повернувшись к сыну вполоборота, отец долго молча смотрел на него.

Трудно сказать, что означал этот взгляд: то ли он смотрел и все еще не верил, что это его сын; то ли подбирал слова, какие можно сказать в такую минуту.

- Ну что ж, здравствуй, - сказал наконец отец, пожав руку

мальчика.

Он не обнял его, не поцеловал, а именно подал ему руку, как солдат солдату. Если бы его потом спросили, почему он тогда не обнял и не поцеловал сына, он, может быть, даже и не объяснил бы, почему так вышло, но тогда его потянуло именно пожать руку сыну.

- Здравствуй, - сказал сын.

- Ну как мать? - спросил отец.

- Не знаю, - ответил сын, - давно не был.

- А брат?

- Не знаю, - повторил сын, - полтора года не был дома.

Они оба снова замолчали.

- А я тебя не сразу узнал, - нарушил молчание отец. -Шесть лет прошло.

- И я тебя не узнал, - сказал сын. - Здесь темно.

- Да, со свету почти ничего не видно, - согласился отец и, помолчав минуту, спросил:

- Ты что же, в партизанах?

- В партизанах, - сказал сын.

- В каком отряде?

- Суворовском, - ответил сын.

- Когда вышли из тыла? - спросил отец.

- Сегодня ночью.

- Что хромаешь?

- Ранен.

- А-а! - протянул отец. - Сильно ранен?

-Нет.

- Куда идешь?

- В госпиталь.

- А где госпиталь?

- Тут в деревне, говорят.

- Ну, идем, я тебя сведу.

- Идем.

Они поднялись и, молча обходя столпившихся за эти минуты вокруг них людей, пошли к дверям. Отец обнял сына за пояс и незаметно поддерживал его.

Они прошли десяток шагов, сын - сильно хромая, отец - поддерживая его. Вдруг отец покосился на пояс сына, который оттягивали три гранаты и парабеллум.

- Может, снять? Легче будет идти.

- Ничего, - сказал сын, - я все время так хожу.

- Где госпиталь? - спросил подофицер, когда они подошли к регулировщику, стоявшему на перекрестке.

- Налево восьмой дом, - буркнул регулировщик, которому,

видно, уже в сотый раз за день задавали этот вопрос.

Сын повернулся, сделал два шага и, застонав, припал на ногу. Лицо его стало бледным как бумага.

- Больно? - спросил отец.

- Ничего.

- Больно? - настойчиво повторил отец.

И, вдруг, уже не спрашивая, после многих лет разлуки впервые ощутив свои отцовские непререкаемые права, подхватил сына правой рукой под мышки, левой рукой под колени, легко поднял его на воздух и, широко шагая, понес к тому восьмому дому с левой стороны, в котором, по словам регулировщика, должен был помещаться госпиталь.

- Я сам дойду, - пробовал спорить сын, но отец ничего не отвечал.

Он донес сына до здания госпиталя, который помещался в одноэтажном каменном доме с надписью "Колониальная торговля". Он поднялся по затоптанной грязными ногами лестнице, все еще держа сына на руках, внес его в приемный покой и, все так же не спуская с рук, ждал, пока сестра зарегистрирует поступление нового раненого. И потом вслед за санитаркой пошел по коридору в предоперационную палату, куда должны были положить сына.

Он пихнул ногой дверь и вошел в палату и, только здесь спустив его с рук, положил на свободную койку.

Сын лежал на койке по-прежнему бледный, зажмурив глаза. Должно быть, ему было очень больно. Он притерпелся к боли и ходил, а потом, когда отец взял его на руки, вдруг почувствовал боль. И сейчас, положенный на эту койку, из маленького человека, старавшегося быть солдатом, стал тем, кем и был на самом деле, - смертельно усталым, да к тому ж еще и раненым ребенком.

Сначала отец стоял рядом и смотрел на него сверху, потом опустился на колени рядом с койкой и приблизил свое лицо к лицу сына. Он забыл о том, что стоит на коленях, и когда пришла молоденькая женщина-хирург, он отвечал на ее вопросы, все так же стоя на коленях.

Вслед за женщиной-врачом подошла курносая, толстая, рябоватая сестра. Она сняла с мальчика сначала левый сапог, потом взялась за правый.

Мальчик застонал, открыл глаза и снова закрыл их.

- Отойдите, - сказала женщина-врач, - я сама.

Вытащив из кармана халата большие хирургические ножницы, тем резким спокойным движением, которым она, наверное, оперировала людей, лежавших на операционном столе,

она разрезала сверху донизу правое голенище и, придерживая ногу за колено, резким рывком сняла сапог.

Мальчик только глухо и коротко вскрикнул и замолчал. Пальцы на ноге у него побелели от потери крови, а пятка, куда попала пуля, вспухла и стала лиловой.

- Будете оперировать? - спросил отец у врача.

- Будем, - сказала врач, - но только не сейчас, попозже.

Она смочила ватку каким-то дезинфицирующим средством, обтерла вокруг рану, перевязала ее белым бинтом и отошла, сказав, что через час вернется старший хирург, который сделает операцию.

Отец и сын остались снова вдвоем.

- Больно было? - спросил отец.

- Больно, - ответил сын.

- Что же не заплакал? - первый раз за все время улыбнувшись, спросил отец.

- Нельзя, - серьезно сказал сын и не улыбнулся.

- Когда ранен? - спросил отец.

- Ночью, когда выходили на соединение.

- Пешком шел?

- Нет, сначала на лошади ехал, а немцы стали стрелять.

- А ты стрелял?

- Стрелял. Но они были далеко, и я не мог попасть, у меня пистолет. У меня лошадь ранило. И меня - тоже. Я соскочил, пошел пешком.

- А лошадь что?

- Лошади моей попало в глаз. Она упала и сразу подохла.

- Хорошая была лошадь? - спросил отец.

- Хорошая.

- Как ее звали?

- Дюри. Сивая. Грива стриженая, а хвост черный.

- Седло у тебя было?

- Было. Настоящее, военное.

- Как же ты шел, раненный, много?

- Восемь километров.

- Больно было?

- На морозе было не так больно, а как в хату вошел, стало больнее. И крови много. Как в хату по дороге зашел, так заболело.

- Заплакал? - спросил отец.

- Заплакал.

- А потом перестал?

- Перестал.

- Ты сейчас уйдешь? - вдруг спросил сын после паузы.

- Уйду.

- А какая твоя полевая почта?

- Сейчас еще не знаю, мы передвигаемся.

- Как же так не знаешь? - удивился сын.

- Не знаю, - ответил отец. - Да мне и писать некому было.

- Плохо, - сказал сын. - Ну ничего, я узнаю, напишу тебе.

- Хорошо, - согласился отец.

В дверях палаты показался один из чехословацких автоматчиков, сидевших в столовой вместе с подофицером.

- Штепан! - крикнул он. - Пойдем, машина готова!

Отец оглянулся, посмотрел на него и, сказав: "Сейчас, подождите", снова повернулся к сыну.

- Уезжаешь? - спросил сын.

- Да.

- Ну что же, хорошо, - сказал сын серьезно, почти по-старчески, словно благословляя собственного отца. - Я тоже скоро пойду.

Отец наклонился над ним. На секунду в его глазах мелькнула нежность, но в следующее мгновение он просто протянул сыну большую руку и сказал:

- Ну, ладно, до свидания.

- До свидания, - ответил сын, открыв глаза, посмотрел на него и сразу же снова зажмурился от боли. - До свидания.

Неуклюже ступая по узкому проходу между двумя рядами коек и больше не оглядываясь, отец прошел к дверям и скрылся за ними.

Сын, открыв глаза, посмотрел ему в спину, следя за ним. Вот он миновал одну, вторую, третью, четвертую койку, повернул и вышел за дверь. И дверь за ним закрылась.

Мальчик снова зажмурил глаза, и две крупные, должно быть, неожиданные для него самого слезы выкатились из-под его век. Он вытащил из-под одеяла руку, поднес к лицу закатанный бязевый рукав непомерно длинной рубашки и, аккуратно вытерев сначала один глаз, потом другой, так, чтобы никакого следа слез там не оставалось, снова спрятал руку под одеяло и зажмурил глаза от непрекращающейся боли в ноге.

Я увиделся со старым партизаном Андреем Гогой примерно через месяц после этой встречи его с отцом, которая, как часто водится на войне, была одновременно и разлукой.

Называя его "старым партизаном", я говорю это без улыбки. В самом деле, несмотря на свои еще не исполнившиеся четырнадцать лет, он - один из старых партизан Словакии. Впервые он стал помогать партизанам в конце сентября 1943 года.

- Год и пять месяцев в партизанах, - гордо сказал он мне.

- Как же ты попал в партизаны? - спросил я.

- Шесть лет назад, когда к нам пришли немцы, отец бежал в Россию. Я тогда еще был маленький, - солидно добавил он. - Но потом мать мне все рассказала, и я был против немцев.

Он сказал это с убежденностью и твердостью старшего в семье мужчины.

- Когда же ты в первый раз увидел партизан?

- Я ходил в лес за грибами и встретил там разведку партизан. Они мне дали денег и сказали, чтобы я им принес покушать и сигарет. Я взял деньги, пошел в село, купил покушать и сигарет и принес им. Они сказали, чтобы я пришел через три дня снова в лес и снова помог им.

- А дома ты ничего не сказал матери? - спросил я.

- Нет, ничего.

- Почему?

- Я боялся, что она меня больше не пустит в лес.

- И часто ты носил кушать партизанам?

- Через каждые два-три дня. Четыре месяца ходил. А потом совсем ушел к ним.

- Почему?

- Они уходили от нашего села в другое место, а я хотел быть с ними. Когда я пришел в лес и в последний раз принес им кушать, командир отряда Василь - он был молодой, лет двадцати пяти, - сказал мне: "Мы уходим, Андрей. Пойдешь с нами?" Я молчал. Тогда он сказал: "Давай пойдем с нами". - "Давай пойдем", - сказал я и пошел с ними.

- Что же ты делал у партизан? - спросил я.

- Больше всего я ходил в разведку. Я надевал гражданскую одежду и ходил по селам, продавал яйца. Партизаны давали мне полную кошелку яиц. Они покупали яйца по одной кроне за штуку, а я ходил и продавал по три кроны за штуку и меньше не хотел брать. А немцы не хотели покупать по три кроны за штуку, и никто не хотел покупать. Я спокойно ходил со своей корзинкой.

- Что же ты разведывал?

- Я смотрел, где стоят немцы, где у них орудия и пулеметы.

- А тебя никогда не задерживали немцы?

- Нет. Только один раз. А то я ходил всегда спокойно. У меня спрашивали, куда я иду. Я отвечал, что иду к бабушке. Бабушка жила в Волике, а мама - в Радване. И все мне верили.

- А на самом деле ты бывал у бабушки?

- Бывал несколько раз. Кушал там у нее.

- Рассказывал что-нибудь?

- Нет, ничего не рассказывал. Она мне только давала покушать, и я уходил.

- А домой не заходил ни разу?

- Нет.

- Почему?

- Я боялся, что мама меня не пустит опять уйти. А потом мы далеко отошли оттуда, и я совсем ничего не знал, как у меня дома. А потом, уже недавно, когда наше село освободили, я узнал, что маму и брата немцы арестовали и увели.

- А почему?

- Они узнали, что отец бежал в Россию, а я ушел в партизаны. И они увели маму и брата. Я еще не знал даже этого, когда видел отца.

При этом воспоминании лицо его стало печальным. Я не нарушал молчания, а он минут пять сидел и ничего не говорил.

- Значит, ты всегда в разведку благополучно ходил? -спросил я. желая перевести разговор на другую тему.

- Только один раз я попался к немцам, и то это было не в разведке.

- А как же это было?

- Это было около Банско-Бистрицы. Партизаны вышли на окраину, и немцы незаметно окружили их. И взяли десять человек в плен. И меня тоже.

- А у тебя было оружие?

- Было. Когда немцы нас окружили, я опустил револьвер в сапог. Нас взяли в плен и посадили на машины. И в каждой машине ехал немецкий автоматчик. В кузове машины я стоял около немца. Он отвернулся, чтобы закурить, а я вынул у него из автомата обойму и спрыгнул через борт машины. Он схватил автомат, а стрелять не мог: у него не было обоймы. А я убежал с дороги в лес, и потом шел к партизанам по карте. Я знал, где они находятся.

- А ты умеешь разбираться по карте?

- Конечно, - просто сказал Андрей Гога. - Меня учили.

- А пистолет так и остался у тебя в сапоге?

- Да, - сказал он, - пистолет остался у меня в сапоге. Мне пистолет подарил командир отряда Василь. Я его берег.

- А стрелять тебе приходилось из твоего пистолета?

- Приходилось, - вдруг застенчиво улыбнувшись, сказал Гога. - Сегодня утром мишень повесили на двери и стреляли.

- А по немцам?

- По немцам я стрелял, но в них не попал. Я далеко тогда стрелял. Я их тогда не мог убить. Я их убил, когда в прошлом году бросил в них гранату.

- Как это случилось? - спросил я.

- Мы шли в разведку с партизанами. Только подошли к

дороге, а по дороге ехали немцы. Мы стояли за скалой над самой дорогой. У меня была противотанковая граната. Я ее взял и бросил вниз, когда проезжала немецкая машина. Она взорвалась. Мы вышли на дорогу. Партизаны нашли трех убитых немцев. Взяли у них документы и взяли пистолеты.

- А тебе они не дали?

- Чего?

- Пистолета.

- Нет. У меня же был пистолет, вот этот, - Гога внушительно похлопал себя по висевшему у него на поясе парабеллуму. - Мне не нужен был пистолет, я им отдал.

Он тихо сидел передо мной, этот худенький мальчик с внимательными глазами, гладко зачесанными назад волосами и усталым лицом. Кроме висевшего у пояса парабеллума, в нем не было ничего воинственного и необычного.

- Что же ты теперь будешь делать? - спросил я его, когда почувствовал, что наш разговор подходит к концу.

- Теперь поеду до Берлина, - сказал он просто и убежденно, как что-то само собой разумеющееся.

- А в Москву хочешь попасть? - спросил я его, зная, что мечта попасть хоть на неделю в Москву - мечта огромного числа людей в любой из славянских стран, которые я объехал за этот год.

- Сначала поеду до Берлина, а потом до Москвы, - все так же серьезно сказал он.

И вдруг, сжав губы, пристально посмотрев на меня, добавил как что-то самое заветное и давно решенное:

- А потом я хочу быть летчиком.

- А вдруг тебя не примут, вдруг у тебя глаза плохие. ' - Все равно я буду летчиком, - повторил он. - Все равно я буду летчиком, летчиком! - три раза повторил он.

И я понял по его лицу, что пробовать шутить над этим или пробовать возражать ему было бы не только жестоко, но и бесполезно, - все равно он будет летчиком. Если у него будут слабые глаза, он будет летать в очках, но все равно будет летать. Если у него будет один глаз, он все равно будет летать с одним глазом, как Вилли Пост. Он будет летчиком! Все равно будет! Он все равно добьется в жизни всего, чего захочет, он, этот старый партизан 1931 года рождения.

30 марта 1945 года

Евгений Воробьев

Трубка снайпера

С трубкой Номоконов был неразлучен всю войну. Даже в засаде он всегда лежал, держа трубку в зубах. Там нельзя зажечь трубку, тем более подымить вволю, можно только лежать, посасывая холодный и все-таки желанный, аппетитный мундштук.

Номоконов умело маскировал свою позицию. Его не находили немцы и теряли свои.

Он прикидывался валуном, обросшим мхом, когда воевал на Карельском перешейке.

Он выдавал себя за сноп пшеницы под Житомиром.

Он подделывался под кряжистый пень в лесах Валдая.

Он притворялся трубой сгоревшего дома на окраине прусского городка Гольдан.

Война бросала Номоконова на разные фронты, и всюду он оказывался за тридевять земель от родных мест. Иногда письмо

шло из дому месяца два, и тут не было большой вины почтарей. Далеки родные места, и не скоро дойдет на фронт письмо из поселка, затерянного в глухой тайге Забайкалья.

- Песню про славное море, священный Байкал помните? - спрашивает Номоконов. - Там наши места упоминаются. "Шилка и Нерчинск не страшны теперь..."

В мирное время Семен Данилович Номоконов плотничал, а все свободные дни занимался охотой. В родных местах Номоконов славился искусством выслеживать и бить в тайге дикого кабана, сохатого, медведя. В улусе Делюн, где он провел детство, тайга подступала чуть ли не к порогу дома. С девяти лет он начал охотиться. Отец и соседи брали мальчика с собой на промысел. Партии уходили в тайгу на полтора-два месяца, за триста - четыреста километров от дома, к Олекме и Алдану. Семен учился сызмальства экономить патроны: у бедного охотника каждый патрон был на счету. Как знать, не эта ли таежная бережливость положила начало меткости маленького охотника?

Когда началась война, Семен Данилович впервые взялся за трехлинейку.

Сначала он попал в санитары. Затем Номоконову дали автомат ППШ и послали в разведку. Ему не раз довелось охотиться за "языком". Он до сих пор помнит, как они захватили в плен фашиста с ручным пулеметом и по снежным сугробам волокли его на плащ-палатке, оглушенного и связанного.

Вскоре Номоконова, который отличался сверхметкой стрельбой, перевели из разведки в снайперы. Ему вручили винтовку No 2753, и Номоконов прежде всего решил ее пристрелять. Чтобы не тратить даром патронов, он проверил винтовку на фашисте. Тот шел пригнувшись по лесистому берегу озера, разделявшего наши и немецкие позиции. Было это на Валдае 12 марта 1942 года.

- На том берегу много фашистов водилось, - вспоминает Номоконов, попыхивая трубкой. - Только нужно было помнить, что вода к себе пулю притягивает. Так что прицел приходилось брать чуть выше, а стрелять тяжелой пулей...

Номоконов так и сказал о фашистах: "водились", будто речь шла о дичи или звере.

27 марта 1943 года в вечернем сообщении Советского Информбюро было сказано, что снайпер Номоконов истребил двести шестьдесят три фашиста.

Вот и получается, что усилиями Семена Даниловича Номоконова численность армии Гитлера почти каждый день уменьшалась на одного солдата.

- Цена фашисту - одна пуля, - любит повторять Номоконов.

Среди "крестников" Номоконова были не только солдаты. Снайпер особенно терпеливо выслеживал офицеров.

Был случай, когда он взял на мушку и сразил какого-то солидного немца, окруженного целой группой офицеров; они пробирались кустарником по лощине, блестели стекла их биноклей. Какой на переднем крае поднялся переполох! Немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия, но Номоконов и его напарник бурят Тагон Санжиев остались невредимы. Захваченный ночью "язык" рассказал, что русский снайпер подстрелил представителя ставки Гитлера.

В другой раз Номоконов обнаружил на высотке наблюдательный пункт немцев, они корректировали оттуда огонь. Неподалеку от тропы, которая вела к наблюдательному пункту, он приметил на ничейной земле валун, а перед валуном - кустарник. Всю ночь Номоконов отрывал под валуном окоп, а землю оттаскивал в своем "сидоре" к дальним кустам. Днем два офицера стали добычей снайпера, засевшего под валуном. Третий наблюдатель, хотя он уже не шел по тропе в рост, а полз, тоже не добрался до наблюдательного пункта. Немцам не трудно было догадаться о соседстве искусного снайпера. Они перепахали снарядами все вокруг, смешали кустарник с землей. А Номоконов сидел под валуном в своей благословенной земляной норе. Он вышел из засады следующей ночью, когда наши артиллеристы уже свели свои счеты с немецким НП на высоте.

Не всякий отличный стрелок становится снайпером. Одно дело поражать цели на стрельбище или в тире, а другое -вести опасные поединки с вражескими стрелками. Жертвой такого поединка стал земляк Номоконова и его друг Тагон Санжиев. Искусство снайпера требует одновременно смелости и терпения, прямо-таки сверхъестественного терпения, наблюдательности и спокойствия, упорства и сообразительности. Снайпер должен умело решать маленькие тактические задачи.

- Предположим, фашисты идут в атаку, - говорит Номоконов, прищурив глаз и попыхивая трубкой. - Фашисты не знают, что мы хорошо укрепили рубеж. В кого должен прежде всего целиться снайпер - в передних или в задних?

Я беспомощно пожимаю плечами.

- Конечно, в задних, - говорит Номоконов таким тоном, будто ведет занятие в школе снайперов. - Во-первых, фашисты не сразу узнают, что действуют снайперы. Во-вторых, если бить по задним, меньше фашистов уйдет от пуль, когда начнут пятиться обратно... Ну, а если нужно помочь стрелкам отбить атаку?

Я не хочу отвечать наугад и вновь пожимаю плечами.

Номоконов опять прищуривает левый глаз - то ли от дыма, то ли он мысленно целится в фашистов.

- В этом случае нужно в первую очередь бить по передним. А почему? Устроить панику. Пусть любуются, как передние будут валиться! Но тут надо бить с разбором, чтобы не упустить из виду офицеров. Та-ак... Ну, а вот, например, два фашиста вышли из лесу, несут бревно. Они на краю полянки блиндаж строят. Когда огонь открыть?

- Как только цель появилась, немедленно.

- Ошибка, - строго поправляет меня Номоконов. - Зачем же цель пугать? А вдруг несчастный случай? (Так Номоконов называет промах). Тогда фашисты сразу в лесу спрячутся. Лучше всего открыть огонь, когда они со своим бревном на полдороге. От леса уже ушли, а к блиндажу, за которым можно спрятаться, еще не подошли.

-Теперь понятно.

- Ну, а какого фашиста следует снять сперва?

Номоконов, примирившийся с моей непонятливостью, не оставляет мне времени для ответа и тут же объясняет:

- Сперва нужно целить в заднего. А почему? Если снять переднего - тот, кто идет сзади, сразу испугается и может убежать. Лучше пусть тот, кто впереди, подумает, что товарищ сзади споткнулся и уронил бревно...

В месяцы обороны долгими часами выслеживал Номоконов фашистов. И подчас нужны были исключительная изобретательность и упорство, чтобы добиться успеха.

На одном участке фронта появился злой, глазастый и прилежный немецкий снайпер. Дело дошло до того, что он разбил пулей стекло стереотрубы, хотя ее неплохо замаскировали наши артиллеристы.

Обратились к Номоконову за помощью. Он приехал в полк со всем своим снайперским имуществом - две винтовки, запасная каска, уже помятая, исчирканная пулями, большой осколок зеркала.

Наутро он начал слежку. Номоконов лежал на огневой позиции, замаскированный так, будто надел на себя не каску с зеленой вуалью, а шапку-невидимку. Когда можно было, он попыхивал своей старенькой трубкой, а когда нельзя - посасывал ее холодный мундштук. Вся трубка была в черных отметинках: Номоконов раскаленной иголкой выжигал на ней точки - по числу убитых фашистов.

Трое суток не прекращал Номоконов слежку. Он подозревал, что фашист сидит на чердаке дома, стоящего слева, на краю деревни. Но пока это была только догадка.

Номоконов укрылся за камнями, а заряженную винтовку закрепил на бруствере необитаемого окопа. От винтовки, прихваченной для этого случая, он протянул к себе веревку и в подходящий момент дернул за нее.

Фашист ответил выстрелом на выстрел. Пуля попала в бруствер, и по облачку пыли Номоконов установил направление ее полета, убедился, что фашист сидит именно на том чердаке.

Теперь он уже не спускал с чердака зорких, редко мигающих глаз, не слезящихся ни от усталости, ни от ветра. Глаза его, и без того узкие, тем больше суживаются, чем пристальнее он вглядывается.

Вечернее закатное солнце осветило сзади крышу дома, и Номоконов разглядел, что одной планки в дощатой обивке чердака недостает. Он еще раз дернул за веревку, привязанную к винтовке, а когда в щели на чердаке что-то блеснуло - выстрелил сам по черному пятну, подсвеченному сзади солнцем. Фашист, который сидел на стропилах, рухнул вниз.

Конец снайперской дуэли видел генерал. Он пригласил Семена Даниловича в гости и, прослышав о его пристрастии к трубкам, подарил ему свою трубку слоновой кости, перехваченную у мундштука золотыми колечками.

- Курите, Семен Данилович, на здоровье, - сказал генерал, торжественно вручая трубку. - Курите да почаще давайте прикуривать немцам.

Эта трубка прожила у генерала тридцать лет без малого, и провоевал генерал с нею четыре войны.

Номоконов очень гордился подарком и даже написал об этом жене Марье Васильевне, сыну Владимиру, восемнадцатилетнему снайперу, который воевал на соседнем фронте, и двум младшим сыновьям.

Известность Номоконова быстро росла. Поэт Лебедев-Кумач посвятил ему стихотворение "Какие золотые руки, какие острые глаза!"

Где только ни довелось отрывать окопы, маскироваться, высматривать цели и ловить их в оптический прицел Номоконову! Под Старой Руссой и Выборгом, на рубежах демянского котла и в новгородских лесах, под Белой Церковью и Киевом, в предгорьях Карпат и в Восточной Пруссии.

Ему писали начинающие снайперы, его ученики, земляки и совсем незнакомые. Девушки, освобожденные из немецкой неволи, просили отомстить за их страдания, слезы, морщины и седые волосы. Виктор Якушин, горняк из Черемхово, просил земляка отомстить за трех его братьев, погибших на войне.

И только письма из далекого дома приходили редко и шли

подолгу.

2 сентября 1944 года Номоконов, по обыкновению, охотился. Ему удалось в тот день подстрелить трех офицеров, и взбешенные фашисты открыли минометный огонь по ивняку, где прятался Номоконов. Один осколок просвистел у самого уха и попал в трубку. Номоконов с обломком мундштука, крепко зажатым в зубах, остался невредим.

Он долго сокрушался о трубке слоновой кости и никак не мог простить фашистам такой пакости. Он был зол и огорчен так, будто его самого ранили в девятый по счету раз.

Семен Данилович вырезал себе из корневища молодого дуба новую трубку и приделал к ней старый мундштук, перехваченный золотыми колечками.

С новой, впрочем, давно уже обкуренной, трубкой, словно приклеенной к углу рта, я и увидел впервые Номоконова. Мы уселись на крыльце помещичьего дома. Это было в прусском фольварке с трудно запоминаемым названием, на Земландском полуострове, за Кенигсбергом.

- Давно меня писатели из газеты не беспокоили, - мягко усмехнулся Номоконов. - Бывало - отбоя от вопросов не было. А теперь у них заботы поважнее. Теперь танков на каждый полк приходится больше, чем тогда винтовок с оптикой. Снайперы не в моде...

В словах его не было горечи.

Низко над островерхой крышей помещичьего дома шли штурмовики. Они держали путь на Гданьск. Номоконов запрокинул голову и сказал:

- Даже в небо снайперы поднялись. Вот они летают, воздушные стрелки!..

Он проводил штурмовиков долгим взглядом. Те скрылись из виду, а Номоконов еще долго продолжал смотреть в одну точку и думал о чем-то своем.

Я сидел рядом и пытался представить себе всю исполинскую меру труда и подвига, совершенного Семеном Даниловичем Номоконовым. Триста шестьдесят фашистов сразил он за годы войны. Один Номоконов лишил Гитлера двух рот солдат! А кто подсчитает, сколько фашистов уничтожили его ученики?

Помянем же добрым словом снайперов, прилежных и наблюдательных, дальнозорких и настороженных, трудолюбивых и беспощадных героев времен обороны на Днепре, Угре, Наре, Ламе, Жиздре, в лесах Подмосковья, Смоленщины и Орловщины!

Сколько зорких глаз, прищуренных и широко раскрытых; карих, голубых, серых, зеленоватых, черных, васильковых; юношеских, почти стариковских и девичьих; широко

расставленных и раскосых, вглядывалось ежедневно в сторону немецких позиций.

Трудно лежать часами не шелохнувшись в снегу, в грязи, сидеть на суку дерева и всматриваться вдаль. Глаз начинает моргать, затекает слезой, дергается веко. Но еще больше устает не тот глаз, которым смотришь, а который зажмурен. Так что иногда этот второй, безработный, глаз даже лучше завязать платком.

Это они, всевидящие мстители, запретили фашистам ходить по нашей земле во весь рост, заставили их бегать, опасливо пригнувшись, ползать.

- Немец тогда сделался торопкий, боязливый, - вспоминает Номоконов и прищуривается. - Не хотел ждать, пока ты его возьмешь на мушку.

Но все равно сотни и сотни фашистов оказывались ежедневно пойманными в перекрестия оптических прицелов, сотни пальцев плавно нажимали на спусковые крючки, и далекие фигурки шлепались на землю - иные суматошно вскинув перед тем руки, иные уже безжизненно.

В те дни Родина только накапливала силы для ответного удара, и за надежной спиной солдат, сидящих в глубокой обороне, монтажники собирали танки на уральском новоселье, летчики испытывали новые марки истребителей, на полигонах производили контрольные стрельбы из новой пушки, сталевары варили бронебойную сталь для будущих танков, чертежники, копировщики где-то за Волгой готовили карты для будущего наступления, наносили на эти карты названия немецких городов, фольварков, господских дворов.

Я развертываю лист карты, который вмещает в себя Кенигсберг, Фишхаузен, Пиллау и тот фольварк, где мы с Номоконовым встретились. В уголке карты значится: "Составлено в 1942 г. Выпуск - декабрь 1942 г."

- А где вы, Семен Данилович, воевали в декабре 1942 года?

Номоконов прищуривается, долго попыхивает трубкой и говорит:

- Под Новгородом. Леса там, между прочим, стоящие. Во фронтовые подробности при этом Номоконов не вдается и задумчиво смотрит куда-то на восток.

- Соскучился я по настоящему лесу. Все мое здоровье на хвое настояно. А в этих немецких лесах и заболеть недолго. Душу воротит! Каждая тропинка подметена, валежник собран в кучи, деревья все одного роста и стоят по линейке, как солдаты в строю. В таком лесу и зверь жить откажется...

Номоконов мечтает как можно скорей добраться до дому и

вдосталь поохотиться в тайге вместе с сыновьями. - Трубку в зубы, двухстволку за плечи, патронташ за пояс - и пошел!

Никогда еще за последние четыре года дорога на далекую Шилку не представлялась Номоконову такой короткой, хотя никогда прежде он не заезжал так далеко от родных мест.

Апрель 1945 года

В течение 21 апреля Центральная группа наших войск продолжала вести наступательные бои западнее реки Одер и реки Нейсе.

Из оперативной сводки Совинформбюро

21 апреля 1945 г.

Всеволод Иванов

Великая битва

1.

К югу от Франкфурта, по обе стороны Одера, тянется невысокая, метров в десять, дамба, предохраняющая поля от разливов и регулирующая течение реки. Дамба - давней работы: нависшие угловатые ветлы, растущие у ее подошвы, достигают иногда двух обхватов. Тонкие, молодые их листья - в голубой игре ветра, и смиренные тени их скользят по нашей машине, когда мы пробираемся вдоль дамбы к лодочной переправе, чтобы попасть на западный берег, в район нашего плацдарма.

Течение Одера быстрое. Гребцы налегают на весла. Мелькает мимо крошечный островок, покрытый пушисто-синими лозами. Посредине островка яма: в полдень сюда попал снаряд, но мокрая земля уже осела, и ямы почти не видно. Только изломанные, искромсанные ветки чертят путь взрыва.

- "Он" часто подбрасывает сюда, - говорит гребец, - да ведь лодка увертлива. В лодке жить легко: и ехать не путем, а кормить не бензином, и гнать не кнутом...

Гребец, как и все встречные, разговорчив. Но люди здесь разговорчивы по-особому. Это не бесплодная, скверная болтливость, а стремление передать вам свои хорошие качества, глубокие думы. Мне кажется, что люди здесь хотят передать вам о человеческом подвиге такое, чего вы не знаете и о чем слабо догадываетесь.

И пока мы плывем в лодке, вглядываясь в противоположный берег, в изрытую дамбу, где расположилась дивизия, где рядом с орудием - землянка политотдела, а с землянкой - стойло для коня или укрытие автомашины, где дамба поделена на некое подобие клетей, - пока мы рассматриваем эти каракули войны, сопровождающие нас гребцы рассказывают о форсировании Одера.

День был холодный, лохматый, в надменно-серых тучах.

Земля была мерзлая, холодная, грязная, и, однако, пришлось покинуть ее, чтоб под пулями и снарядами немцев перебираться на тот берег.

Горька война, но горечь ее преодолевается и побеждается упорством и знанием. Так был побежден Одер.

В числе других на самодельном плотике форсировал Одер старший сержант Абатуров. Он переплыл реку, выскочил на берег и увидал глубокий канал. За каналом -насыпь, и оттуда бьет немецкий пулемет, и поблескивают огоньки его выстрелов, как чешуя. Но, как у рыбы не мясо, так и чешуя - не перья, и не улететь тебе от нашего гнева, фашист!

Абатуров бросился в ледяную воду, глотнул ее горечи, победил ее, переплыл канал и пополз вдоль скользкой насыпи. Он подкрался к немецкому пулемету, навалился телом на его ствол. Наступила короткая тишина: короткий и бессмертный миг жизни, который осталось прожить Абатурову, потому что тело его было пронзено пулями. Что вспомнил он? О чем он подумал? Он вспомнил свою прекрасную родину. Он как бы встал перед ней во весь свой рост, - и он крикнул бойцам, которые ползли за ним, слова, священные для нашей родины, являющиеся воплощением ее творческих сил. Он крикнул:

- Вперед, за родину, ребята!..

Будь же бессмертно-цветуща жизнь народа, породившего и воспитавшего такого сына!..

Переплыли на лодках, на плотах. Начали наводить переправу. Тем временем артиллерия долбила вражеский берег. Немцы отвечали довольно усердно. Укладывая доски штурмового мостика, командир взвода лейтенант Агафонов торопил:

- Попробуем-ка еще быстрей, друзья! Что касается "его", так "он" бьет с натугой теперь; ему теперь через тын да в яму! У него жизнь, как бутылка, теперь: головы нет, а горло цело. Клади доски быстрей, друзья. Кладем верную дорогу на Берлин!

Так стояли они, подбадриваемые шутками лейтенанта, долгие часы в воде, ползуче-ледяной, под промозглым и пасмурным ветром. Стояли с писаными мертвенно-серыми лицами, вбивали колья, стлали доски под разрывами снарядов, стояли, думая о тепле, которого, казалось, откусили бы и от камня. Стояли - не подумали уйти. Мало того, переправа была готова раньше срока.

Будь же бессмертно-цветуща жизнь народа, породившего и воспитавшего таких детей!

Рванули к дамбе. Немцы укрылись на ней.

- Ну что ж? Река за нами, - сказал парторг младший лейтенант Жаров. Остается, выходит, только один верный путь:

на Берлин.

А к дамбе прибывают новые группы немцев.

Пулемет противника заработал на фланге. Он может помешать нашему движению к дамбе. Под пулями немцев командир Рябцев бросился к пулемету. За ним автоматчики - Кукушкин и Котлун. Они подползли сзади к дзоту. Рябцев бросил туда гранату. Немецкий пулемет умолк.

- На дамбу, друзья! Отсюда видней Берлин.

Ворвались. Дамба косматa от боя, от взрывов, от криков. Бой таков, что оставшихся в живых немцев вытаскивают из окопов за шиворот.

Звенящим от волнения голосом говорит о завоевании плацдарма за Одером младший сержант Моревин:

- Мы прошли вперед через множество вражеских трупов! Мы шли на Берлин.

Видна дорога, обсаженная деревьями, обширный луг и дальше - опять вода. Километрах в полутора отсюда немцы взорвали плотину. Вода хлынула на луг. Наш плацдарм, завоеванный с таким трудом, мог быть затоплен.

И тогда отдан был приказ - выбить немцев из района взорванной плотины. Выбить, заделать брешь.

После ожесточенного боя немцев выбили, а брешь начали заделывать. Подвозили на лодках бетон в мешках. Бутили два дня. Забутили. Вода остановилась и начала сбывать. Однако передний край проходил по воде, и там, в легкой бархатистой дымке, впереди, среди разлившихся вод, сидит наша передовая рота.

Вскоре после того, как пролом был заделан, на плацдарм доставили фильм "Сердца четырех". Наступили сумерки. Пора бы смотреть фильм. Но как раз в это время немцы начали обстрел наших позиций. Бойцов от взрывов закрывала и защищала плотина. Воды разлившегося Одера плескались у подножья ее. За плотиной, по направлению к западу, расстилался луг. Как бы превосходно было растянуть над этим лугом экран и смотреть фильм! Но луг не только обстреливается - он и виден немцам! Ни "движок", который дает электричество, ни тем более экран нельзя вынести за плотину, в это обстреливаемое пространство. Неужели же отправить фильм обратно? Неужели же махнуть на искусство?

- Нет, фильм надо посмотреть. Придумаем.

И придумали. Так как расстояние между экраном и зрителем, расположившимся на плотине, было слишком коротким, то экран укрепили среди лоз, на воде, на самом Одере. "Движок" втиснули в углубление. Смотрели. Правда, текст фильма заглушался порой звуками стрельбы, но его восполняли воображением...

Я стою на плотине, где смотрели фильм. Воды уходят. Луг обнажается.

2.

Горят леса. Собственно, горят не леса - деревья еще в весенней влаге и не загораются, а горит мох, сухая, прошлогодняя трава, сучья, все, что скопилось у подножья деревьев. Однако дыму много, и часто в глубине леса видишь бойко ползущие ручьи пламени. От дыма придорожная трава кажется особенно четко зеленой. Небо во мгле, а солнце -огромное и какое-то холодно-оранжевое.

Мы возвратились с плацдарма и стоим теперь на террасе сельского дома, выходящего в сад. По тропинке, возле куста сирени, бегает ручной ежик. Три генерала - командующий армией, командующий артиллерией и член Военного совета армии - вышли сюда, к нам, на минутку отдохнуть после длинного совещания. Завтра - штурм укрепленных позиций противника на западном берегу Одера. Наводятся переправы, подвозятся войска, стягивается артиллерия. Завтрашний день начнется артиллерийской симфонией, где лейтмотивом будет: "К Берлину, товарищи! К Берлину! В Берлин!"

Командарм - седой и стройный, с чеховским лицом, с застенчивыми движениями. Командующий артиллерией - широкоплечий, грузный, в молодости бывший бурлаком и грузчиком на Волге, с массивным лицом, словно двумя взмахами резца вырезанным из гранита. Член Военного совета - темноусый украинец с бархатными глазами. Все они одинаково бледны от волнения, все они погружены в напряженные думы.

И вдруг, видимо, уловив общие мысли, командарм говорит:

- А знаете, я видел Льва Толстого. Мой отец был начальником железнодорожной станции неподалеку от Ясной Поляны. Толстой почти каждый день приезжал на станцию верхом за газетами. И каждый день я, мальчишка, выбегал на крыльцо, чтоб встретить его. Он ездил на маленькой лошаденке. Я не успею сказать: "Здравствуйте, Лев Николаевич", - как он уже снимает шляпу и легкими, быстрыми шагами идет к станции...

И командарм смотрит в сад. И всем нам кажется упоминание о Льве Толстом таким уместным, таким понятным и таким трогательным, словно где-то здесь, за кустами воздушной сирени, прошла его тень. Нынче все - от командарма до бойца - под впечатлением огромной ответственности приближающейся битвы, в которой сыны великой отчизны будут защищать от фашизма культуру не только нашей страны, но и жизнь и культуру всего человечества, а кто лучше Льва Толстого мог понять и воспеть величие битвы за счастье человечества?..

3.

Вчера я встретил полковника Аралова. Это - высокий, слегка сутулый человек с мягкими манерами и тихим голосом. Перед войной он был заместителем заведующего Литературным музеем в Москве. В 1941 году этот старый революционер пошел добровольцем в ополченскую дивизию. Улыбаясь, он говорит:

- Я проделал блестящий путь: от Москвы-реки до Одера, и в одной и той же армии. - И он добавляет, относясь с мягкой иронией к своему возрасту: А также не менее блестящую карьеру: от рядового до полковника.

Сейчас он начальник трофейного отдела армии. Он с гордостью говорит, что армия, где он служит, за время войны собрала и отправила тылу свыше ста тысяч тонн металлолома.

Окно его узкой и длинной комнаты выходит во двор помещичьего дома. За сараями и деревьями блестит капризно вода: не то речка, не то озерко. Окно открыто. Ласковый и пахучий запах молодой травы доносится сюда.

Вокруг - на столе, диване и просто на полу - книги, картины, китайская резьба по слоновой кости. Все это было награблено гитлеровцами, и все это найдено нашими бойцами. Аралов показывает нам собрание гравюр из Павловского дворца. Затем он бережно достает небольшую книгу в кожаном переплете, темно-коричневом, жирном на ощупь. С особым, игольчато-колющим чувством берешь эту книгу.

Очарование времени, очарование гения охватывает вас.

Это - первое издание труда Коперника. Это - первый удар в великий колокол Возрождения, удар мощный, удар, сделанный рукою славянина.

Гений Коперника, гений Герцена, гений всего того, что освещало мир, хотел растоптать немецко-фашистский сапог. И здесь, на берегу Одера, советский воин, отбросив прочь фашистов, нашел, встретился и с гением Коперника, и с гением Герцена.

Полковник говорит:

- Собирать запрятанные немцами наши предметы искусства оказалось не так легко. Бойцы привыкли собирать танки, орудия, машины. Увидит, сейчас же сообщит своему командиру. А увидит статую, картину или книги, пройдет мимо, поделившись мнением только среди своих. Но стоило лишь провести небольшую разъяснительную работу, как люди мгновенно переключились. Теперь сообщают обо всем. У людей обнаружился вкус к отысканию наших картин и вещей.

- Пожалуй, это и не так трудно, - говорит кто-то из нас. - Живопись у немцев ужасная, аляповатая. В любую квартиру

войди: одни и те же цветные репродукции в золотых рамах, одни и те же изречения насчет того, что жена должна почитать мужа и блюсти дом.

- Да, - говорит, улыбаясь, полковник, - на этом унылом коленкоровом фоне бархатом выделяется наше искусство. И мы постараемся вернуть его нашей стране, куда б его ни запрятали...

Неусыпно священным чувством ненависти к врагу, умением воплощать это чувство в дело, то есть полностью уничтожать и громить врага, полны, как никогда, эти дни яркой сечи, великой битвы, гигантского наступления на Берлин, на мутно-мглистое, душное и несносное, как ядовитый туман, логово фашистского зверя.

4.

Он пришел, этот день наступления.

Пятый час утра. Скоро начнется артиллерийская подготовка. Но пока тишина такая, что кажется, пролети мошка, и ту услышишь. К тому же над рекой и ее окрестностями разлит, как масло, липкий туман: смесь речных испарений и дыма, нанесенного ветром из лесов.

1945 год

Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление с плацдармов на западном берегу Одера при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую Берлин с востока, продвинулись вперед от 60 до 100 километров, овладели городами Франкфурт-на-Одере, Вандлитц, Ораниенбург, Биркенвердер, Геннигсдорф, Панков, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Кепеник и ворвались в столицу Германии Берлин.

Из оперативной сводки Совинформбюро

23 апреля 1945 г.

Всеволод Вишневский

Уличные бои в Берлине

Это была ночь с 20 на 21 апреля. Войска, совершившие в пять дней длинный, почти 100-километровый поход с непрерывными боями, готовились к последнему рывку - в самый Берлин. Надо видеть эти последние 100 километров перед Берлином! Здесь изрыта вся почва. Безобразно-серый слой земли начинается сразу за Одером. Сплошные ямы, кротовые ходы, воронки, зияющие дыры и щели. Отсюда с насквозь просматриваемых и простреливаемых плацдармов, с сырой и гиблой низины, и ринулись наши войска, проломали четыре тяжелейших пояса немецкой обороны и подошли к столице "третьей империи".

С особым порывом шли части, тренированные в калининских

и прибалтийских лесных боях, части, воспитавшие в себе навыки ночного боя. Эти навыки сослужили в битве за Берлин неоценимую службу.

Немцы, скованные могучим натиском наших войск, пытались по ночам приводить свои части в порядок, подвозить резервы, перегруппировывать дивизии и так называемые "боевые группы" - остатки битых дивизий и полков; пытались по ночам кормить свои измотанные части и давать им хотя бы недолгий сон. Вот тут-то и вступали в дело наши закаленные полки, для которых боевые действия в лесу и ночью привычны... "Днем его, дьявола, выкуриваешь - километра на три, четыре...Траншей нарыли немцы - сами видите сколько - ну и упираются. А ночью мы двигаем и все семь, а то и десять километров. Ходоки у нас проворные - ориентируются, хоть глаза завяжи, и огонь такой ведут, что немец не выдерживает. Тьмы боится, и огня, и обхода". Достаточно сказать, что в канун решающего удара части, о которых речь, сделали умелый бросок километров на двадцать. Бойцы буквально наступали немцам на пятки. Если встречались упорные очаги сопротивления, их обходили, обтекали и гнали немцев неустанно, идя тропами, лесными дорогами, просеками... Так русский боевой опыт лесных боев и поломал немецкую оборону в Бранденбургских лесах...

Было еще темно, когда на шоссе стали вытягиваться тяжелые машины с просмоленными челноками. Не сразу можно было разобрать, что за предметы на машинах. Бойцы строили догадки. Потом сомнения были разрешены простым сообщением: "Это лодки поданы, чтобы форсировать реку Шпрее в Берлине, когда вы, товарищи, ворветесь в город".

Тьма, приглушенный говор, полусекундное мерцание фонариков, кое-где лязг оружия. И тяжелый шаг советской пехоты... Ночь была сырая, дождливая. В дивизиях и полках главной была мысль: не только ворваться в Берлин, но ворваться первыми. В батареях ясное решение - не отстать от пехоты ни на шаг... В одном из ленинградских артполков бойцам напоминают: "Действовать, как при штурме немецкой границы, - и еще решительнее!" А при штурме этот полк в нужную минуту на полном ходу повел свои могучие гаубицы впереди пехоты, развернулся и расхлестал немцев прямой наводкой... На лицах людей абсолютная решимость. И - волнующий, жгучий вопрос: кто ворвется в Берлин первым, кто первым откроет огонь по Берлину? На шоссе - столбы и желтые дорожные немецкие указатели, освещаемые короткими вспышками фонариков. Город во тьме, вот тут, близко; на фоне пожаров уже видна гряда тяжелых архитектурных силуэтов... Это ты, Берлин!

Пехота идет по мостам и виадукам... Ага, кольцевая Берлинская автострада. Граница Большого Берлина... Тягачи батарей делают новый рывок и первые русские батареи втягиваются в город... Пригород Аренсфельде... Каждые 20 секунд ложится немецкий залп. Артиллеристы, как на ученье, молча, с глазами, вперенными вдаль, едут вперед. Руки сжимают скобы сидений. Часть развертывается вправо и влево от шоссе. Лопаты врезаются в берлинскую землю - тут рыжий песок с галькой.

Пехота идет по полям и садам пригорода...

В рассветной мгле звучит необычайно ясно и вибрирующе-трепетно голос офицера: "По столице фашистской Германии - батарею зарядить!" Лязг замков... Командир батареи старший лейтенант Царуковский стоит неподвижно, устремив глаза на город... Вот ты, долгожданный час, вот ты, день, которого ждал весь советский народ!.. "Батарея, огонь!" Сернисто-желтые огромные вспышки; орудия тяжело откатываются... 6 часов утра 21 апреля 1945 года.

2-я батарея открывает огонь. Нам оказывают честь и мы стреляем по Берлину - по огневым позициям противника в восточной части города... Пехота идет на Мальхов. Правее могуче-стремительным клином, опережая всех, врезается в Берлин гвардейская дивизия. Она идет на Панков.

На стенах мы читаем нервно-аляповатые, белой краской наляпанные лозунги гитлеровцев: "Соблюдать спокойствие! Берлин не будет сдан". Нет, спокойствия в городе не будет. Берлин будет взят!..

При свете утра видишь в сырой пелене панораму города, черные колоссальные столбы дыма, ряды по-солдатски вытянутых в шеренгу огромных заводских труб, столбы электропередачи... В домах свет, действует телефон. Но, когда мы спрашиваем у обывателей газету, нам отвечают, что уже четырнадцать дней, как нет газет. На стенах последняя афиша, помеченная 20 апреля. Это последняя мобилизация из всех объявленных Гитлером. Призываются все солдаты-отпускники и все отпускники с заводов. Вот один из таких: без фуражки, в цветном кашне, лохматый... "Там был такой беспорядок, все смешалось, - офицеры перепугались..." "Фокке-вульфы" пикируют на наши передовью подразделения и позиции батарей. Зенитчики сшибают в минуту-две четырех немцев - и налет исчерпан... Нахлестывая коней, в город мчатся первые обозники, усатые дядьки. Они подают боезапас. И по берлинскому асфальту бешено стучат копыта русских коней и сыплются яркие искры. "Эй, милые!.."

Штурмующие части вгрызаются в город. Около батареи - она укомплектована сплошь ленинградской молодежью - рвутся

немецкие снаряды; звенят щиты, валятся ветви, резко ударяются в землю осколки. На батарею идет пехотный офицер: "Товарищи артиллеристы, вот из того двухэтажного дома работают два немецких пулемета, губят наших". И расчеты под свист и вой осколков становятся к орудиям. Старший лейтенант Патрикеев командует: "По пулеметам наводить!" И пехотный офицер говорит: "Если вы, братцы, уничтожите эти расчеты пулеметные, которые, видно, слишком любят фашизм, я лично буду ходатайствовать, чтобы вас представили к высшей награде. Вы только поймите - они мешают в Берлин войти!" И это было сказано так чисто и просто, что не понять, не ответить было нельзя. И Патрикеев ответил: "Не для того мы прошли от Ленинграда до Берлина, чтобы сплошать". И сам пошел в пехоту, чтобы в упор определить, где, в каких окнах эти два пулемета. Идет и говорит: "В дом попаду сразу, но мне надо попасть в пулеметы". Тогда вскакивают два бойца: "Сейчас покажем", - идут вперед и вызывают на себя огонь пулеметов. Патрикеев говорит: "Теперь вижу". Подал команду. Первый разрыв лег влево 25 и перелет - ясно, что артиллеристы боялись за свою пехоту и прицел взяли чуть больше. Второй дал недолет, третий лег в дом. Потом дали налет шестнадцатью снарядами, из них три легли как раз в пулеметы.

Таким-то вот родом и был взят один квартал Берлина.

По улице, по проулкам, вдоль заборов, пригибаясь, идут навстречу бегущие из берлинской каторги советские граждане. Проходит старушка: "Родненькие, как тут на Орел пройтить-то?" Бабушку с улыбкой провожают к ближайшей идущей в тыл машине.

Сплошные массивные дома и местами руины - следы англо-американских бомбардировок 1943-1944 годов. Неубранные, слипшиеся кучи щебня, кирпича... Берлин грязен...

Бой принимает специфический характер: немцы сидят на чердаках, в подвалах, в сараях, на задних дворах и стремятся, пропустив наши штурмовые группы, бить их в затылок. Некоторые немецкие группы перебегают по подземным ходам или по подвалам, которые тянутся в иных местах на длину всего квартала.

Бойцы, имеющие опыт Ленинграда и Сталинграда, опыт штурма Познани и других городов, быстро раскусывают эту тактику. Артиллерия, танки и самоходки бьют прямой наводкой по чердакам - и немецкие снайперы летят к чертям вместе с раскрошенной черепицей, а в подвалы, откуда стреляют, наши аккуратно бросают ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Это сразу успокаивает любителей засад.

Вот выскакивают какие-то типы: в пиджаках, но в серо-зеленых штанах и кованых ботинках. "Солдат?" - "Нет". Морды нагло-пьяные, из ртов несет кислым спиртным перегаром. Это мальчишки из дивизии "Гитлерюгенд". Один икает и плачет. Стреляли по нашим частям в затылок. Потом, попавшись, стали переодеваться и удирать.

Из другого подвала вылезают полицейские в прекрасных голубых шинелях. Они козыряют, они спешно сообщают фамилии всего полицейского начальства.

Высоко проходят наши бомбардировщики. Они обрабатывают западные районы - казармы, аэродромы и прочее. Постукивают очереди из автомата. У булочной стоит немецкая очередь за хлебом - домохозяйки и старички жмутся к стенке, кланяются. Наши бойцы, испытующе глядя, тут же на бульваре роют окопы. Стоят белые трамваи, на которых кто-то не успел уехать в центр. Опять надпись: "Спокойствие! Берлин не будет сдан!" Два хозяйчика-сапожника спрашивают, выглядывая из дверей, что им делать.

На улицу падает залп: четыре тяжелых немецких снаряда. Летят витрины, золотые буквы названий фирм, падают зеленые ветки вековых лип. Группа немецких ребятишек тащит из магазина игрушки, коробки оловянных солдатиков. Проносятся машины, водитель, притормозив, спрашивает: "Куда тут к рейхстагу?" - "Не взят пока". - "Так заберем!" -и нажимает педаль. С окон свисают белые флаги, но из этих же домов опять стреляют. Танк, урча, всаживает в эти дома несколько снарядов.

Берем резко к северу, чтобы выйти на соседние участки - к району Панков. Часть пути делаем по кольцевой автостраде. Здесь уже стоят регулировщицы. Флажки направляют потоки машин, вливающихся с радиально расходящихся шоссе. Движение так густо и так непринужденно, будто все эти водители ездили тут, по крайней мере, полжизни. Местами танки проложили свои собственные варианты поворотов и объездов. Берем по танковому следу круто влево и устремляемся в северные районы города.

Высится прямоугольная башня Панков. Над ней реет алое знамя. Башня вся изрешечена снарядами - немцы бьют упорно и методически, чтобы сбить это знамя, но им не удается это сделать. Горят огромные артиллерийские склады, подожженные противником. Железнодорожный путь здесь изуродован совершенно: немцы подорвали каждый стык рельсов и шпалы взломали тяжелым резаком, который буксировался паровозом. Путь тут нужно настигать заново, рельс за рельсом. Огромное здание, судя по колоссальному красному кресту, госпиталь. Подъезжаем ближе: в концах этого красного креста... аккуратно

сделанные бойницы дотов - четыре дота. Огромное садоводство - гряды клумб, тюльпаны всех оттенков, длинные ряды кустов: смородинник, малинник. Под кустами огневые точки, развороченные нашей артиллерией. Садоводство, как и госпиталь, было рассчитано на создание огневой ловушки.

Выходы из метро - оттуда тянет кисло-гнилым запахом. Выходы наблюдаются. Открытая пивная, персонал которой, напряженно улыбаясь, наливает пиво. Каким-то стандартным движением, напоказ, пробует его: "Не отравлено", -и предлагает нашей проходящей пехоте. Стоят брошенные немецкие автомашины.

В одном из домов - командный пункт части. Передний край в 30 метрах: дом напротив, там сидят немцы. Вблизи наши зажали батальон фольксштурма; немцы сгрудились во дворе, выходы заперты. Являются два парламентера, им вручают ультиматум. Немцы его читают и перечитывают, кивают головами и деревянным шагом уходят к своим. Проходит назначенный срок, и немцы отвечают, что предлагают сдаться нашим. Командир, усталый от бессонницы, осипший от многодневных телефонных и радиопереговоров и команд, отпускает несколько слов. Артиллерия обрушивает шквал. "Если враг не сдается - его уничтожают".

Какой-то господин пробует доказать, что нельзя обстреливать дома, в частности его собственный дом. Кладем перед господином германский журнал "Ди Вермахт" ("Вооруженные силы") номер 18-й от 27 августа 1941 года. "Ваш журнал?" Господин перелистывает журнал, смотрит дату, штамп официального издания, адрес издания: "Берлин, Шарлоттенбург, 2 Уландштрассе, 7-8". Тогда мы показываем господину снимки на 6-й и 7-й страницах, разворот на две полосы: "Бомбы над Москвой". Снимки ночных пожаров. Подпись: "Снимок показывает, насколько уничтожающа сила немецкой авиации". Мы говорим, возможно сжатее, и о том, что было в других наших городах - в Ленинграде, в Сталинграде, в Севастополе и прочих. Мы добавляем: "Теперь мы пришли с ответом".

Штурмовые группы вгрызаются в город все глубже... Тебе не будет ни часа спокойствия, Берлин. Мы говорили 22 июня 1941 года о том что русские бывали в Берлине дважды: в 1760-м и 1813-м, - и о том, что мы придем и в третий раз. И мы пришли.

27 апреля 1945 года

Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 27 апреля овладели городами Ратенов, Шпандау, Потсдам - важными узлами дорог и мощными опорными пунктами обороны немцев в центральной Германии. Одновременно войска фронта

продолжали уличные бои в Берлине.

Из оперативной сводки Совинформбюро

27 апреля 1945 г.

Илья Эренбург

27 апреля 1945 года

Легко сейчас писать, легче, чем в октябре сорок первого; ведь если горе молчаливо, то радость не скупится на слова. А в наших сердцах великая радость - трагедия XX века подходит к концу: мы в Берлине!

Это началось с маленького: горел рейхстаг, подожженный фашистами. Это кончается на том же месте - пожаром Берлина.

Медленно шагает справедливость, извилисты ее пути. Нужны были годы жестоких испытаний, пепел Варшавы, Роттердама, Смоленска, чтобы поджигатели наконец-то узнали возмездие.

Есть нечто тупое и отвратительное в конце третьего рейха: чванливые надписи на стенах и белые тряпки, истошные вопли гаулейтеров и подобострастные улыбки, волки-оборотни с ножами и волки в овечьих шкурах. Напрасно гангстеры, недавно правившие чуть ли не всей Европой, именовали себя "министрами" или "фельдмаршалами", они оставались и остаются гангстерами. Не о сохранении немецких городов они думают, а о своей шкуре: каждый час их жизни оплачивается жизнями тысяч их соотечественников. Но ничто уже не в силах отодвинуть развязку. Гитлеровская Германия расползается, как гнилая ткань. Союзники стремительно продвигаются по Баварии к Берхтесгадену, к убежищу отшельника-людоеда. Тем временем Красная Армия в Саксонии и на улицах Берлина уничтожает последние армии Гитлера. Если Германия не капитулирует, то только потому, что некому капитулировать: главари озабочены своим спасением, а обыватели, брошенные на произвол судьбы, способны сдать лишь свой дом, в лучшем случае свой переулок.

Справедливо, закономерно, человечно, что именно Красная Армия укрощает Берлин: мы начали разгром гитлеровской Германии - мы его кончаем. Мы начали на Волге, и мы кончаем на Шпрее. Может быть, когда бои шли в неведомых иностранцам местах - в Касторном или в Корсуни, или в Синявине, мир еще не понимал, чем он обязан Красной Армии. Теперь и слепые видят, чьи ноги прошли от Сальских степей до Эльбы, чьи руки разбили броню Германии.

На улицы Берлина пришли воины, много испытавшие. Иные уже пролили свою кровь на родной земле; как Антей, они приподнялись и пришли в Берлин. С ними пришли и тени павших героев. Вспомним все: зной первого лета, лязг вражеских танков и скрип крестьянских телег. Вспомним степи сорок второго,

горький дух полыни и сжатые зубы. Вспомним клятву тех лет: выстоять! Мы пришли в Берлин, потому что крепкие советские люди, когда судьба искушала их малодушным спасением, умирали, но не сдавались. Мир теперь видит сияющее лицо победы, но пусть мир помнит, как рождалась эта победа: в русской крови, на русской земле.

Красная Армия идет по улицам Берлина. Уже недалеко до Бранденбургских ворот и "Аллеи побед". Возвысимся на минуту над событиями часа, задумаемся над значением происходящего. С тех пор как Берлин стал столицей хищной империи, ни один чужестранный солдат не проходил по его улицам. Расчет был прост: немцы воевали на чужой земле. Они сжали горло крохотной Дании. Они повалили Австро-Венгрию. Потом они затеяли первую мировую войну и, проиграв ее, но не уплатив проигрыша, стали готовиться ко второй. Если в Нюрнберге, в Веймаре, в Дрездене есть старые памятники подлинного величия немецкого духа, то Берлин - это памятник заносчивости прусских генералов...

Мы в Берлине: конец прусской военщине, конец разбойным набегам! Если все свободолюбивые народы могут теперь за длинным столом Сан-Франциско в безопасности говорить о международной безопасности, то это потому, что русский пехотинец, хлебнувший горя где-нибудь на Дону или у Великих Лук, углем пометил под укрощенной валькирией: "Я в Берлине. Сидоров".

Мы в Берлине: конец фашизму! Я помню, как много лет назад на улицах вокруг Александерплац упражнялись в стрельбе молодые людоеды: они стреляли тогда в строптивых сограждан. Потом они прошли по Праге, по Парижу, по Киеву. Теперь они расстреливают свои последние патроны на тех же улицах. Один английский журналист пишет: "Когда нам говорили о немецких зверствах, мы считали это преувеличением, в Бухенвальде, в Орадуре мы поняли, на что способны нацисты..." Что к этому добавить? Да, может быть, одно: что Бухенвальд или Орадур - это миниатюрные макеты Майданека, Треблинки, Освенцима. Я знаю, что горе нельзя измерить цифрами, и все же я приведу одну цифру -в Освенциме заснят кинооператорами склад: шесть тонн женских волос, срезанных с замученных. Мир видит, от какой судьбы мы спасли женщин всех стран, наших далеких сестер из Гаскони, Шотландии, Огайо.

Страшная цепь! Мирный Берлин наслаждался невинными забавами: бюргер, покупая ботинки, требовал, чтобы предварительно поглядели с помощью радиоскопии, хорошо ли сидит на нем обувь. Потом он шел в ресторан и, прежде чем

проглотить бифштекс, справлялся, сколько в нем калорий четыреста или пятьсот. А в соседнем доме специалисты чертили планы печей Майданека, Освенцима, Бухенвальда. И вот цифра: шесть тонн женских волос... Что было бы с детьми канадского фермера и австралийского пастуха, если бы товарищ Сидоров не дошел до Берлина?

Мы никогда не были расистами. Руководитель нашего государства сказал миру: не за то бьют волка, что он сер, а за то, что он овцу съел. Победители, мы не говорим о масти волка. Но об овцах мы говорим и будем говорить: это - длиннее, чем жизнь, это - горе каждого из нас.

Я еще раз хочу напомнить, что никогда и не думал о низкой мести. В самые страшные дни, когда враг топтал нашу землю, я знал, что не опустится наш боец до расправы. "Мы не мечтаем о мести. Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытать детей или мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Мы хотим уничтожить фашистов: этого требует справедливость... Если немецкий солдат опустит оружие и сдастся в плен, мы его не тронем, он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает, сделает из тупого убийцы труженика и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашей земле, о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы научились любить".

Когда я писал это, немцы были в Ржеве. Я повторю это и теперь, когда мы в Берлине. Много говорили о ключах страшного города. Мы вошли в него без ключей. А может быть, был ключ у каждого бойца в сердце: большая любовь и большая ненависть. Издавна говорят, что победители великодушны. Если можно в чем-то попрекнуть наш народ, то только не в недостатке великодушия. Мы не воюем с безоружными, не мстим неповинным. Но мы помним обо всем, и не остыла и не остынет наша ненависть к палачам Майданека, к вешателям и поджигателям. Скорее отрублю свою руку, чем напишу о прощении злодеев, которые закапывали в землю живых детей, и я знаю, что так думают, так чувствуют все граждане нашей Родины, все честные люди мира.

Мы в Берлине: конец затемнению века, затемнению стран, совести, сознания. Берлин был символом зла, гнездом смерти, питомником насилия. Из Берлина налетали хищники на Гернику, на Мадрид, на Барселону. Из Берлина двинулись колонны, растоптавшие сады Франции, искалечившие древности Греции, терзавшие Норвегию и Югославию, Польшу и Голландию. Придя в Берлин, мы спасли не только нашу страну, мы спасли культуру.

Если суждено Англии породить нового Шекспира, если будет во Франции новый Делакруа, если воплотятся мечты лучших умов человечества о золотом веке, то это потому, что Сидоров сейчас ступает по улицам Берлина мимо пивнушек и казарм, мимо застенков, мимо тех мастерских, где плели из волос мучениц усовершенствованные гамаки.

Прислушиваясь к грому орудий, который каждый вечер наполняет улицы нашей столицы, вспомним тишину трудного июньского утра. Отступая среди пылавших сел Белоруссии и Смоленщины, мы знали, что будем в Берлине. Как много можно об этом говорить, а может быть, и не нужны здесь слова, кроме одного: Берлин, Берлин! Это было самое темное слово, и оно сейчас для нас прекраснее всех: там, среди развалин и пожаров города, откуда пришла война, рождается счастье - Родины, ребенка, мира.

Борис Горбатов

В районах Берлина

В Берлине наши войска захватили кинокопировальную фабрику. Мы были на ней. В ваннах с проявителем еще мокла пленка, на контрольном столе лежал ролик последней ленты. Это был последний выпуск кинохроники "Новости недели". Но самой главной "новости" этой исторической недели в нем не было: советские войска ворвались в Берлин и положили конец гитлеровской мрачной хронике.

Берлин окружен. Взят за глотку. Шаг за шагом, от дома к дому пробиваются к центру города наши бойцы. За Шпрее. К рейхстагу. К Тиргартену. С боем берутся дома, вокзалы, фабрики. Как водные рубежи, форсируются многочисленные городские каналы. Ожесточенный бой идет на улицах и в переулках, в воздухе, на земле и под землей -в берлинском метро.

Берлин основательно разрушен. Гигантские воронки на каждом шагу. Обугленный камень, развороченный бетон, сплющенная арматура, битое стекло. И над всем этим -облака кирпичной пыли и дыма.

В кварталах, охваченных боем, жителей, естественно, не видно. Только кое-где из окна уже высунулся робкий белый флаг. Из окон - белый флаг, а с чердаков - беглый огонь. Но противоречия здесь часто нет. Еще сопротивляются фашистские дивизии. Бессмысленно, упорно, ожесточенно. Это агония загнанного в яму волка. Но мысль о бесполезности борьбы уже проникает в сознание многих немцев.

Мы хотим видеть жителей Берлина. Где они? Кто вывешивал белью флаги?

В подворотне большого дома стоят женщины. Пожилые

немки, они испуганно смотрят на нас.

- Что вы здесь делаете?

- Дышим, - отвечают они, - дышим воздухом.

Есть два Берлина, мы это увидели теперь своими глазами. Один нанесенный на карту, вот этот, в котором мы деремся сейчас, разбитый американскими бомбами и русскими снарядами, другой - подземный, пещерный Берлин, в котором многие месяцы жили, спасаясь от бомбардировок, обыватели столицы. Мы побывали и в этом Берлине.

Подвалы. Бункера. Подземелья. Пещеры. Темно. Сыро. Душно. Тесно. Как сельди в бочке - люди, они сидят, скорчившись, поджав ноги, прикорнув на табуретке, прижавшись плечами друг к другу. Пожилые бюргеры и бюргерши, молодые женщины, дети, грудные младенцы и престарелые бабушки, которые все еще хотят жить.

- Это нам дал Гитлер, - усмехнувшись, сказал Вилли Вестфаль, ресторатор, - он обещал нам весь мир, а дал эту пещеру...

В этих подземельях и жил обыватель Берлина в долгие часы частых бомбардировок. Постепенно с верхних этажей перекочевывали сюда подушки, матрацы, детские кроватки, примусы, сковородки, кастрюли. Постели с пуховиками сменились узкими нарами, паркетные полы - сырым цементом, люстры - коптилкой. Так сложился пещерный быт берлинского немца.

Несколько месяцев назад томми разбомбили в этом районе водокачку и электростанцию. Исчез свет, нет газа, нет воды, нет отопления.

Мы - не жестокие люди, но сознаемся: мы смотрели на этот пещерный быт без жалости и сочувствия. Мы вспоминали Ленинград в блокаде и Сталинград.

Это они, а не мы хотели войны, и они ее получили. Теперь они начинают понимать, что такое война. Война пришла на их землю. Война разворотила их быт, их квартиры, обжитые отцами и дедами, целыми поколениями приобретателей и стяжателей. Этот культ двухспальной постели, дешевых картинок в вишневых рамочках, гобеленов, люстр. Этот культ кухни, где на белых фарфоровых банках аккуратно написано: "соль", "перец", "кофе". Эти пригородные дачи с бетонными дорожками, с яблонями в цвету, с ваннами в саду, с птичниками и крольчатниками.

Ограбив всю Европу, они жили хорошо. Они были довольны, пока война обогащала их. Они жили в чаду и дурмане побед. Они называли себя нацией солдат. В каждой квартире на почетном месте вы увидите две большие фотографии. На одной - глава

фамилии с будущей женой в подвенечном платье, на другой - глава фамилии в солдатском мундире -кайзеровском, рейхсверовском или эсэсовском. В золоченых рамках висят снимки парадов, смотров, учений. В них обязательно присутствует глава фамилии.

Они разожгли войну. Теперь война жжет их - их землю, их города, их дачи и квартиры. И теперь они не хотят войны. Они вывесили детские пеленки, белые простыни и скатерти: сдаемся!

Обыкновенный берлинец - обыватель, лавочник, рабочий - действительно больше не хочет войны. Война проиграна, гитлеровская армия разгромлена, русские - в Берлине.

На переднем крае к нашей мощной звукоустановке подбегает взволнованная немка. Она слышит, как советский майор по радио обращается к немецким солдатам с требованием прекратить бессмысленное сопротивление. Она кричит:

- Позвольте мне сказать. Я хочу говорить с ними. Ей разрешают, и она горячо, взволнованно кричит в микрофон:

- Солдаты! Если меня слышит мой муж или мой брат, путь он сейчас же прекратит войну. Это неправда, что русские убивают мирных жителей. Я немка, и это я вам говорю.

Мы говорили с ней и еще с десятком других берлинцев. Чего они хотят? Жить. Жить. Просто жить. Пусть будет скорее конец ужаса, порядок, покой.

Советские снаряды и англо-американские бомбы хорошо озонировали воздух. Пусть медленно, но уже начинает рассеиваться гитлеровский дурман. Горечь разочарования, позор поражения, ненависть к зло обманувшему их Гитлеру и страх за свою жизнь, за свое будущее - вот что испытывает сейчас средний немец.

- Обман! Обман! Много лет обман! - горько говорит старик Эмиль Мюллер - шофер берлинского омнибуса.

Теперь они клянут Гитлера. Клянут громко, яростно, на все лады. Их не смущает близость переднего края. Борьба за Берлин еще не кончена, гитлеровские солдаты еще ожесточенно дерутся, переходят в контратаки, иногда отвоевывают отдельные дома, но и Эмиль Мюллер, и тысячи других уже знают, что все равно - капут, конец гитлеризму. Они открыто клянут Гитлера и охотно называют нам свои имена.

Было бы неверно представлять себе всех немцев как нечто единое и одинаковое. Единства нет. Одни еще сопротивляются, другие поднимают белые флаги. Одни сдаются в плен, другие переодеваются в штатское платье и стреляют в нас из-за угла. Только что на одной улице выстрелом в спину убит наш майор. Кто стрелял? Немец. Фашист. Но вот подходит к нам старик и

поднимает над головой сжатый кулак: Тот фронт!" Его зовут Карл Вентцель, и он только что освободился из тюрьмы, где сидел за попытку "ниспровергнуть нацистский строй". Он показывает нам документы. И он тоже - немец.

Подходит шестнадцатилетний парень Гарри Хикс.

- Я ненавижу Гитлера, - говорит он, блистая глазами, -он погубил Германию.

Этот мальчик - тоже немец. А другие мальчишки по подпольному телефону сообщают гитлеровским офицерам данные о наших КП. Все перемешалось сейчас в немецком народе, в сознании и в душе каждого немца. Он потрясен, раздавлен, перепуган, взбудоражен. Он понимает, что гитлеровская Германия кончилась, что начинается какое-то новое существование. Он хочет знать какое. И больше всего он хочет, чтобы скорее кончилась стрельба в Берлине и были объявлены приказы победителей о том, что будет дальше.

Эльза Хаугарт сказала нам:

- Немец состоит из мяса, костей и дисциплины. Немец любит приказы.

Когда в отвоеванных районах Берлина появились первые советские военные коменданты, а на стенах - первые ярко-зеленые объявления комендатуры и листовки к населению, - весь подземный Берлин выполз на улицы, немцы огромными толпами трудились около объявлений. Толкались. Читали и перечитывали. Пересказывали соседям, обсуждали и еще раз читали:

"В связи с ложными утверждениями гитлеровской пропаганды о том, что Красная Армия имеет целью истребить весь немецкий народ, разъясняем: Красная Армия не ставит себе задачей уничтожение или порабощение немецкого народа, у нас нет и не может быть таких идиотских целей..."

Они читают это с удовлетворением.

"Призываем население поддерживать установленный режим и порядок, беспрекословно выполнять все указания властей".

Эти приказы и листовки внесли большое успокоение. Порядок устанавливается. Теперь немцы целыми днями толпятся в комендатуре. Они приходят сюда за справками, спрашивают, что можно и чего нельзя: можно ли запирать двери, переезжать из подвалов на верхние этажи, торговать? Все суют коменданту какие-то справки, паспорта, документы.

Приходят врачи из больницы. Открываются магазины, пекарни.

Берлинские немцы знают теперь, что будет суд над военными преступниками. Берлинские немцы знают, что Германия должна ответить за разрушения, причиненные фашистскими войсками

нашей стране. Они знают, что будет порядок. Они видят, как по улицам Берлина ходят комендантские патрули с красной повязкой на рукаве - власть; у предприятий стоят часовые порядок; по улицам идут бойцы, танки, пушки - сила. Они знают, что Берлин в кольце, что Штеттин пал, что англичане, американцы и русские на Эльбе. Они знают также, что исход борьбы решен. Да, исход борьбы решен! Правда, в центре города яростно и ожесточенно сопротивляются эсэсовские головорезы, нацистские преступники, которым нечего больше терять, и экзальтированные немки из женских батальонов Геббельса. Но часы их сочтены. Штурм цитадели гитлеровского мракобесия и разбоя близится к концу.

Апрель 1945 года

Войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на запад, и 25 апреля соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив, таким образом, полное окружение Берлина.

Из оперативной сводки Совинформбюро

25 апреля 1945 г.

Павел Трояновский

Берлин в огне

В четвертом часу дня 21 апреля 1945 года генерал Переверткин перешел на новый наблюдательный пункт, выбранный на окраине берлинского пригорода Вейсензее.

- Ну вот и Берлин, любуйтесь, - сказал генерал своим помощникам, открывая окно маленькой комнаты на чердаке.

Уже не нужно было бинокля, чтобы увидеть широкую бескрайнюю панораму германской столицы. От горизонта до горизонта громоздились дома, сады, корпуса и трубы заводов, многочисленные кирхи вздымали свои высокие и острые шпили, в нескольких местах блестела на солнце узкая лента Шпрее.

Огромный Берлин лежал перед наступающей Красной Армией - город, где была задумана и подготовлена война, город, который осенью 1941 года с часу на час ждал сообщения о взятии Москвы, а до этого ликовал по поводу падения Вены, Праги, Варшавы, Парижа, Брюсселя, Амстердама, Афин, Киева...

Клубы черного дыма поднимались отовсюду и собирались над Берлином в громадное тяжелое облако. Немецкая столица горела. Гром артиллерийской канонады сотрясал воздух, землю, дома. По Берлину били многие тысячи пушек, и Берлин отвечал тысячами снарядов и мин.

Через тридцать минут генерал Переверткин вынужден был покинуть чердак. Два неприятельских снаряда один за другим ударили в крышу дома, три снаряда пробили стену второго этажа.

- Огрызается, - заметил генерал.

Дом закачался. Две минуты продолжался вражеский артиллерийский налет.

А когда генерал спустился в подвальное помещение, ему доложили сообщения из частей:

"Вступили на Берлинераллею. Движение прекратили. Стреляет каждый дом, каждое окно. Подтягиваем артиллерию".

"Роты залегли. Продвигаться вперед невозможно, сильный огонь со всех строи. Ждем танки и самоходные орудия..."

К ночи артиллерийские разведчики и звукобатарея корпусного артиллерийского полка только на участке наступления одной дивизии засекли четырнадцать вражеских батарей, в том числе три батареи зенитной артиллерии, два тяжелых полевых дивизиона и подразделение шестиствольных минометов.

За ночь соединение продвинулось вперед на восемьсот метров. И это было совсем немало!

Так шли дела не только на северной окраине, куда вступили полки генерала Переверткина. Так встретил Берлин наши войска на восточной, юго-восточной, на южной окраинах.

Немецкая столица отчаянно сопротивлялась.

Казалось, перед нашими бойцами и офицерами был не просто город, а чудовище, начиненное огнем и сталью, что дома в нем сложены не из кирпича, а из динамитных плит, что нет в нем площадей и скверов, а есть одни огневые позиции артиллерии и минометов.

Удары по районам немецкой столицы наносились строго по плану. Прежде всего они нацеливались на такие места, потеря которых расшатывала систему обороны противника. В первые же дни боев был занят район Тегель, где расположены главные станции водоснабжения Берлина. Наши войска быстро овладели аэропортами Адлерсхоф и Тельтов, лишив остатки немецкой авиации возможности базироваться у Берлина. Были заняты все радиостанции, все электростанции и главные газовые заводы в Сименсштадте.

В разгар уличных боев Берлин остался без воды, без света, без посадочных площадок для самолетов, без радиостанций. 25 апреля германская столица была полностью окружена и отрезана от всей страны.

На улицах Берлина замерли трамваи, остановились поезда метро, потухли лампочки; берлинцы спешно копали колодцы, ходили за водой на Шпрее.

Аэропорт Темпельхоф, оставшийся в руках врага, нейтрализовала наша артиллерия. Это была замечательная

работа. Однажды вечером артиллеристы одного советского соединения подняли в воздух аэростат. Корректировщик майор Филиппов увидел в бинокль взлетные площадки центрального берлинского аэропорта, ангары, много самолетов самых различных систем.

- Прошу огня! - сказал Филиппов по телефону в штаб.

Ударили пушки. Филиппов наблюдал разрывы снарядов и сообщал по телефону поправки.

Немцы на аэродроме засуетились. Многие самолеты начали рулить к старту. Вражеские зенитки открыли огонь по аэростату.

- Спустите меня ниже! - скомандовал Филиппов.

Немецкие снаряды начали рваться высоко над ним, а наши пушки, пристрелявшись, перешли на поражение. Филиппов сообщал:

- Горят три самолета.

- Подбит истребитель!

- Вспыхнули две автоцистерны...

За два часа непрерывного огня наша артиллерия сожгла и подбила двадцать два немецких самолета, из них четыре загорелись на взлете.

Ночью советская артиллерия обрушила на Темпельхоф новый удар. После него, вплоть до занятия аэропорта нашей пехотой, ни один немецкий самолет не поднимался отсюда в воздух и не садился здесь.

Все время боев неослабную и неоценимую помощь наземным войскам оказывала советская авиация. Сотни, тысячи самолетов день и ночь кружились над немецкой столицей. Немцы встречали наши самолеты неистовым зенитным огнем. Но это не снижало активности авиации.

Мы были свидетелями удивительного случая. Часть подполковника Утихеева вела бой за банк на Гамбургераллее. Со двора банка злобно и часто били неприятельские шестиствольные минометы. Обработка двора артиллерией ничего не дала, и подполковник Утихеев обратился к представителю авиационного штаба за помощью. Вскоре над банком появилась пятерка наших штурмовиков. Банк загорелся, окутался дымом. Один наш самолет был подбит немецкой зениткой. Летчик и стрелок выбросились с парашютами.

Вот они плавно стали опускаться на землю. Но ветер дул в сторону немцев и, к горечи всех нас, наблюдавших с земли, летчиков стало относить к противнику.

И вдруг у банка раздалось "ура". Пехота бросилась вперед. Рванулись вперед танки.

Через несколько минут подполковнику Утихееву донесли из

первого батальона:

- Летчики приземлились на территории второй роты. Сержанты Батюков и Смолин вынесли их из-под огня.

Выяснилось, что пехота бросилась в атаку, чтобы спасти летчиков лейтенанта Иволгина и старшину Возницина.

Так герои земли соревновались в отваге и смелости с героями воздуха.

Разве мог сдержать напор этих героев старый, надломленный и окруженный Берлин!

Днем 30 апреля и в ночь на 1 мая бои за Берлин достигли наивысшего напряжения. Наши части вонзили глубокие клинья в центр немецкой столицы. От рейхстага советские подразделения проникли к Бранденбургским воротам и через трехметровую баррикаду, сооруженную немцами, стали простреливать Унтер-ден-Линден. Шпрее перешли танки. Они с ходу вступили в огневой бой с вражеской артиллерией, расположенной в парке Тиргартен. Пехота подходила к Зоологическому саду. Бои гремели на Вильгельмштрассе, у Потсдамского вокзала.

Берлин стал тесен для наших войск. Улицы были забиты танками, самоходными орудиями, автомашинами, обозами; площади, пустыри и развалины не вмещали артиллерию. Срочно растаскивались завалы кирпича и железа; на улицах делались проходы; дорожные батальоны устанавливали маршруты одностороннего движения. Убиралась разбитая вражеская техника изуродованные "тигры" и "пантеры", длинноствольные зенитки, неуклюжие бронетранспортеры, минометы, машины.

Жители Берлина с тревогой и удивлением смотрели на нескончаемые массы русских войск. Наиболее смелые и любопытные берлинцы подходили к огромным серым советским танкам и спрашивали:

- Из Америки?

Танкисты не без удовольствия отвечали:

- Нет, это из России, с Урала.

Немцы качали головами и обращались к артиллеристам:

- Английские?

Командир тяжелого орудия, которое тащили два мощных трактора, строго говорил:

- Нам таких красавиц Урал присылает...

Особенно удивляла немцев "катюша". Три года с лишним в письмах и рассказах фронтовиков они слышали жалобы на этот странный и страшный вид оружия. Сейчас они его увидели и далеко обходили каждую машину, шепотом передавая друг другу пугающее слово "катюша".

Штурм последних очагов сопротивления врага продолжался

всю ночь. По темным дымным улицам Берлина потянулись колонны пленных немецких солдат и офицеров. Пленные показывали, что оборона иссякает, ощущается недостаток в снарядах и патронах, что нет сил выдержать напряжение боя, которое росло с каждой минутой. Среди ста тридцати немцев, взятых в плен, в подвалах и убежищах министерства авиации советские военные врачи обнаружили семнадцать сумасшедших.

Окруженный гарнизон станции метрополитена против Потсдамского вокзала в четвертом часу утра побросал оружие и поднял руки вверх.

В эти критические для Берлина минуты на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово:

- Капитуляция...

Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник германского генерального штаба генерал Кребс готов явиться к советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона немецких войск.

Советское командование согласилось принять Кребса, и он вскоре приехал к генерал-полковнику Чуйкову. Тут же был представитель Ставки генерал армии Соколовский.

Высокий, с утомленным бледным лицом, Кребс громко стукнул каблуками, поклонился нашим генералам и сказал:

- Я уполномочен известить советское командование и через него Советское правительство, что вчера, тридцатого апреля, германский фюрер Адольф Гитлер добровольно покинул этот свет...

Кребс помолчал, на секунду опустил голову, потом выпрямился и продолжал:

- Своим преемником в завещании Гитлер оставил гросс-адмирала Деница, а руководителем нового германского правительства назначил доктора Геббельса... Я имею честь быть представителем этого нового правительства и явился к вам с личным поручением Геббельса...

- Что вы еще имеете сказать советскому командованию? - спросил Чуйков.

Кребс продолжал:

- Новое германское правительство и высшее военное командование считают бесполезным дальнейшее сопротивление в Берлине и просят советское командование объявить на одни сутки перемирие, чтобы в течение их сформулировать условия капитуляции и выяснить отношение Советского правительства и

правительств ваших союзников к новому германскому правительству.

На это генералу Кребсу было отвечено:

- Советское правительство не может и не будет вести какие-либо переговоры с любым фашистским правительством Германии. Никакого перемирия на сутки или на час советское командование объявлять не будет и вырабатывать условия капитуляции остатков берлинского гарнизона не желает. Дальнейшее ваше сопротивление бессмысленно и приведет к полному истреблению ваших солдат и офицеров. Поэтому советское командование предлагает вам отдать приказ о немедленной, полной и безоговорочной капитуляции остатков немецкого гарнизона в Берлине.

Кребс попросил разрешения съездить на доклад к Геббельсу и спросил, не сумеет ли советское командование установить со штабом обороны Берлина телефонную связь.

Эти просьбы начальника немецкого генерального штаба были удовлетворены.

До линии фронта генерала Кребса сопровождали представители нашего командования, а потом в его машину сел советский связист с телефонным аппаратом и двумя катушками кабеля.

Через некоторое время в нашем штабе раздался телефонный звонок:

- Говорит штаб обороны Берлина. Генерал Кребс сделал доклад Геббельсу и просит снова его принять.

Во второй свой приезд Кребс был более многословен и настойчив. И приехал он не один, а с адъютантом, советниками, помощниками. Он заявил:

- На капитуляцию мы согласны, но мы просим Советское правительство и советское командование признать новое правительство Германии и оставить в его распоряжении ту часть Берлина, которая в настоящую минуту находится в руках немецких войск.

Ему ответили:

- Никаких условий, генерал Кребс. Безоговорочная и полная капитуляция - вот чего мы от вас ждем.

Кребс снова принялся излагать свои соображения. Между прочим, он сказал:

- Поймите, мы не можем остаться без территории. Наше правительство без территории будет похоже на польское правительство в Лондоне. Это же смешно и невозможно...

Ему опять ответили:

- Генерал Кребс, ни о каком вашем правительстве не может

быть и речи. Вы должны немедленно безоговорочно капитулировать...

После этого Кребс еще раз попросил разрешения поехать в штаб обороны Берлина для доклада и консультации. Стало явным, что он стремится выиграть время и как можно дольше оттянуть сроки капитуляции. Его отпустили, но заявили:

- Если вы немедленно не отдадите приказа о полной капитуляции остатков немецкого гарнизона, мы начинаем последний штурм.

Кребс уехал.

Тут случилось одно событие, которое с новой силой зажгло ненависть к фашистам в сердцах наших воинов. Генерала Кребса, как и всех немцев, сопровождали в целях безопасности советские офицеры. Машины подъехали к боевому охранению наших войск. Советские офицеры отдали распоряжение пропустить немцев дальше. Вот скрылась за поворотом последняя машина. И вдруг с немецкой стороны раздалась пулеметная очередь, потом вторая, третья. Немцы стреляли по офицерам, которые проводили генерала Кребса!

Майор Белоусов схватился за грудь. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он зашатался и упал на мокрые камни. К майору бросились бойцы, офицеры.

- Вот гады... Никогда не верьте им...

Его положили на плащ-палатку и понесли в укрытие. Кровь капала на мостовую.

По смертельно раненному майору гитлеровцы дали еще несколько очередей из пулемета, и новая пуля раздробила его левую ногу.

С нашей стороны ответная стрельба возникла стихийно и мгновенно. С каждой минутой она разрасталась, усиливалась. Штаб обороны Берлина и генерал Кребс молчали.

Наш штаб отдал общий приказ:

- Огонь!

Берлин задрожал. Он уже познакомился за дни боев с мощью и силой русской артиллерии, минометов, авиации. Но то, что он услышал и пережил в минуты последнего штурма, - превзошло все. Можно себе представить, что творилось на позициях врага, если, например, только на одном километре фронта у Унтер-ден-Линден стояло свыше пятисот советских орудий!

День почернел. Дым, пыль и гарь закрыли солнце.

Через сорок пять минут наша пехота на всех участках фронта бросилась в атаку. В одном месте сержанты Иванов и Стариков увидели вдруг крадущегося вдоль каменной стены согнувшегося немецкого генерала.

- Стой, руки вверх! - закричали они ему.

Генерал выпрямился. Сержанты увидели на его груди железные кресты, а в правой руке белый флаг.

- Капитуляция! - сказал генерал.

Сержант Иванов проводил генерала в штаб полка, и там узнали, что это Вейдлинг, начальник немецкого гарнизона Берлина. Вейдлинг пожаловался командиру полка на страшный огонь советской артиллерии.

- Тридцать минут я не мог сделать ни одного шага, -заявил он. - У меня заболели уши, и я плохо слышу...

Спустя несколько минут Вейдлинг сидел уже в штабе генерала Чуйкова. Он сообщил, что Геббельс и генерал Кребс покончили с собой, и добавил:

- А я и мои войска готовы капитулировать...

В ожидании машинистки генерал Вейдлинг молча ходил взад и вперед по просторному и светлому кабинету нашего командующего. Чуйков стоял у окна и тоже молчал. Вейдлинг вдруг остановился и сказал:

- Вы знаете, генерал, в чьем доме размещен штаб вашей дивизии, куда я доставлен был сегодня утром?

- Не знаю, - ответил Чуйков, - не интересовался.

- В моем родовом доме. Ваш полковник сидит в моем кабинете, за моим столом...

Вейдлинг снова помолчал, а потом добавил:

- Это настоящий крах... Судьба...

В кабинет вошла машинистка. Вейдлинг подошел к ней и спросил Чуйкова:

- Разрешите?

- Пожалуйста, - ответил Чуйков.

- Приказ по войскам берлинского гарнизона... - начал диктовать Вейдлинг.

- Солдаты, офицеры, генералы!

Тридцатого апреля фюрер покончил с собой, предоставив нас, давших ему присягу, самим себе.

Вы думаете, что согласно приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то, что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час нашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому, в согласии с Верховным Командованием советских войск, я призываю вас немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Вейдлинг - генерал артиллерии и командующий

обороной Берлина. 2 мая 1945 года.

В центре Берлина в это время уже шла массовая капитуляция немецких частей и подразделений. Некоторые из них приняли решение о капитуляции самостоятельно, многие подчинились устному приказу Вейдлинга, переданному из штаба обороны Берлина по телефону и радио, а иные части складывали оружие по примеру соседей.

В места, где немцы продолжали сопротивляться, поехали на мощных радиомашинах офицеры германского генерального штаба и штаба обороны Берлина с письменным приказом Вейдлинга.

Стрельба в Берлине начала стихать.

Из подвалов, из развалин домов, из тоннелей метрополитена, из окопов и траншей Тиргартена и Зоологического сада выходили немецкие офицеры с белыми флагами и спрашивали у наших офицеров, где сдавать оружие.

Около приемных пунктов образовались длинные очереди. Штабеля винтовок, автоматов, пулеметов, кучи патронов, лент росли с каждой минутой.

- Двадцатая тысяча, - устало говорил старшина Ведерников соседу, но внимательно и придирчиво осматривал двадцатитысячный автомат, который подал ему рыжеватый, с очками, немецкий ефрейтор.

- Глазу за вами не было, - продолжал Ведерников, - сколько грязи... А ну-ка почистить его здесь, вот тряпки возьми...

Немецкий ефрейтор без переводчика понял старшину и опустился на землю, чтобы почистить автомат.

Артиллеристы сдавали пушки, танкисты - танки, минометчики - минометы, связисты - средства связи, шоферы - машины. Сдавали продовольственные, артиллерийские, санитарные и другие склады, госпитали, оружейные мастерские, гауптвахты.

Приемщики - артиллеристы дивизии полковника Смолина обратили внимание на одну немецкую гаубицу. На ее стальном зеленом щите была нарисована карта с датами и надписями.

- Музейная? - спросил лейтенант Перегудов у командира немецкой батареи.

- Историческая, - ответил немец.

Наши артиллеристы рассмотрели карту. Она отмечала путь этой немецкой гаубицы: вышла она из Берлина и побывала в Париже, в Афинах, под Москвой, на Кавказе.

- Обер-лейтенант, -обратился к немцу Перегудов, - мы вам дадим краску и кисточку. Напишите последний пункт, где стреляла ваша гаубица: Берлин. Мы ее в Москву на выставку отправим.

Немец с неохотой, но все-таки написал: "Берлин. 20 апреля - 2 мая 1945 г."

По улицам немецкой столицы потянулись длинные колонны капитулировавших фашистских войск. Пленные шли по Унтер-ден-Линден, по Фридрихштрассе, по улице Вильгельма, по улице Геринга. Впереди каждой дивизионной колонны шагали генералы и офицеры.

Толпы женщин, стариков и детей выстроились у домов, на площадях, у мостов. Тысячи глаз были устремлены на капитулировавшее войско Гитлера. Часто раздавались крики:

- Герман!

- Пауль!

- Генрих!

Это женщины узнавали своих мужей, сыновей, отцов.

Берлин никогда не забудет своеобразного и последнего "парада" германских войск.

Дымились дома. На мостовых валялись камни, стекла, арматура. Маленькие, большие и совсем огромные воронки чернели на асфальте. В дырявых стенах свистел ветер. С неба падал не по-весеннему холодный и мелкий дождь.

По улицам шли кривые шатающиеся ряды черных, грязных, закопченных и ободранных немецких солдат. Лица худые, изможденные, ноги еле двигаются; руки или заложены за согнутую спину, или устало болтаются у карманов. Ни один

солдат не смотрел в глаза берлинцам.

Заслуженный позор немецкой фашистской армии, позор поверженной германской столицы! С гордостью победителей смотрели советские воины на врагов, сокрушенных в бою, на черную силу фашизма, сломленную и раздавленную нашей Красной Армией. И не было жалости к этим вереницам согбенных скелетов в мутно-зеленых мундирах, к дымящимся развалинам вражеской столицы. Слишком много зла принесли они в мир. Но вот теперь довоевались, "завоеватели" вселенной, "покорители" Европы, Азии, Африки!

1945 год

Леонид Леонов

Утро Победы

Германия рассечена. Зло локализовано. Война подыхает.

Она подыхает в том самом немецком рейхе, который выпустил ее на погибель мира. Она корчится и в муках грызет чрево, ее породившее. Нет зрелища срамней и поучительней: дочь пожирает родную мать. Это - возмездие.

Почти полтора десятка лет сряду германские империалисты растили гигантскую человеко-жабу - фашизм. Над ней шептали тысячелетние заклинанья, ей холили когти, поили до отвала соками прусской души. Когда жаба подросла, ее вывели из норы на белый вольный свет. В полной тишине она обвела мутным зраком затихшие пространства Центральной Европы. О, у ада взор человечней и мягче! Было и тогда еще не поздно придушить гаденка: четыре миллиарда людских рук и горы расплющат, объединясь. Случилось иначе. Вдовы и сироты до гроба будут помнить имя проклятого баварского города, где малодушные пали на колени перед скотской гордыней фашизма.

Сытый, лоснящийся после первых удач зверь стоял посреди сплошной кровавой лужи, что растекалась на месте нарядных, благоустроенных государств. Он высматривал очередную жертву. Вдруг он обернулся на восток и ринулся во глубину России - оплота добра и правды на земле... Как бы привиденья с Брокена двинулись по нашей равнине, не щадя ни красоты наших городов, ни древности святынь, ни даже невинности малюток, - избы, цветы и рощи наши казнили они огнем лишь за то, что это славянское, русское, советское добро. Плохо пришлось бы нам, кабы не песенная живая вода нашей веры в свои силы и в свое историческое призвание.

Перед последней атакой, когда в орудийные прицелы с обеих сторон уже видно содрогающееся сердце фашистской Германии, полезно припомнить и весь ход войны. Мои современники помнят первый истошный вопль зверя, когда наши смельчаки вырвали из

него пробный клок мяса под Москвой. Они не забыли также и легендарный бой на Волге, о каждом дне которого будет написана книга, подобная Илиаде. Эта священная русская река стала тогда заветной жилочкой человечества, перекусив которую, зверь стал бы почти непобедимым. С дырой в боку, он был еще свеж, нахрапист, прочен; боль удесятеряла его ярость, он скакал и бесновался; когда он поднялся на дыбки для решающего прыжка - через оазисы Казахстана в райские дебри Индии, -Россия вогнала ему под вздох, туго, как в ножны, рогатину своей старинной доблести и непревзойденной военной техники. Хотя до рассвета было еще далеко, человечество впервые улыбнулось сквозь слезы... О дальнейшем, как мы преследовали и клочили подбитую гадину, пространно доскажет история.

Нам было тяжко. Наши братья качались в петлях над Одером; наши сестры и невесты горше Ярославен плакали в немецком полоне, - мы дрались в полную ярость. Мы не смели умирать; весь народ, от маршала до бойца, от наркома до курьерши, понимал, какая ночь наступит на земле, если мы не устоим. Даже на обычную честную усталость, какую знает и железо, не имели мы права. О, неизвестно, в каком из океанов - или во всех четырех сразу! -отражалась бы сейчас морда зверя с квадратными усиками и юркими рысьими ноздрями, если бы хоть на мгновение мы усомнились в победе. Все это не похвальба. Никто не сможет отнять величие подвига у наших бескорыстных героев, ничего не требующих за свой неоплатный смертный труд - кроме справедливости. Мы поднимаем голос лишь потому, что, к стыду человеческой породы, кое-кто в зарубежных подворотнях уже высовывает шершавый свой язык на защиту палачей.

Из безопасных убежищ они смотрят в предсмертные потемки Германии и в каждой мелочи с содроганием видят приближение собственного скорого и неизбежного конца. Грабленое золото - горючее для будущих злодейств - уже перекачивается в надежные нейтральные тайники; уже гаулейтеры примеряют на себя перед зеркалом вдовьи рожи; вчерашние упыри репетируют вполголоса лебединые арии под названием "гитлеркапут". Наверно, в эту самую минуту где-нибудь в стерильном подземелье придворные мастера пластических операций перекраивают под местной анестезией личности Адольфа Гитлера, и его портативной говорильной обезьянки - душки Риббентропа, и долговязого трупоеда Гиммлера. Мы отлично понимаем, что обозначает "сердечное заболевание" Германа Геринга, но трудновато будет выкроить из этого борова даже среднего качества мадонну! Им очень желательно ускользнуть неузнанными от судей... Вряд ли все эти эрзац-человеки, ненавидимые даже в собственной стране,

сами и добровольно уйдут из жизни. Нет, этим далеко даже до ихнего Фридриха, который после успехов конфедерации лишь пытался наложить на себя руки. Этих придется вешать... Но до самой удавки они будут рассчитывать, что найдется бесчестный или ротозей, который выронит из своих уст слово "пощада", если поскулить поплачевней. Вот ход их мыслей: "Ну и побьют немножко для приличия, даже посекут публично на глазах у Германии, крепко до вывихов шеи, дадут разок-другой по сусалам, даже могут непоправимо попортить внешность... и отпустят. Э, дескать, нам с лица не воду пить, а при наличии капиталов можно существовать и с несколько несимметричной наружностью.

Здесь требуется грубое слово, суровое и разящее, как взгляд солдата, что дерется сейчас за разум, честь и красоту на пылающих развалинах Унтер-ден-Линден. Неудивительно видеть в кучке непрошенных добряков и плакальщиков такое лающее четвероногое, как журналист Ялчин. Есть такие преданные псы, что скулят и грызутся, когда секут их хозяина: помнит собачья душонка сладкий кусок мясца!.. Понятны также причины, по каким забыл про Ковентри и Лондон семидесятилетний Брейлсфорд, предлагавший лечить гестаповцев настоем из маргариток и путешествиями по святым местам. И вообще-то слаб человек, а этот вдобавок женился недавно на молодой, сочной фрау, служебные номер и кличка которой нам пока неизвестны. Немудрено, равным образом, найти объяснение знаменитому милосердию некоторых пожилых великосветских дам, вчерашних патронесс общества "противников вивисекции" - сегодняшних опекунш в отношении безусых элегантных садистов, этих выродков с пузырчатыми водянистыми капсулами вместо глаз. Бессильные сами бороться со злом или в надежде на будущие услуги от него, они вышибают честный штык из рук солдата, хватают за ноги бегущего в последнюю атаку, и вот он падает с дыркой во лбу, защитник угнетенных и гордость своей родины. Пожалуй, не стоило бы упоминать об этих сомнительных друзьях культуры. Она для них лишь бизнес, и как бизнес она процветает. И если бы Гитлеру удалось наконец истребить полностью весь род людской, они скорбели бы лишь об утрате столь обширного покупательского контингента. Пусть! Даже когда отомрет звериный хвост у человечества, все же останутся в порах земли микробы и алчности, и недоумия, и похоти... Планету не вскипятишь! Но в этой толпе доброхотных пахарей милосердия выделяется своей патриархальной сединой сам римский первосвященник... только этот работает втихую! Видимо, какая-то малоизвестная заповедь или догмат руководят поступками

святейшего отца. Ввиду того, что, по слову Григория Великого, папа есть не только "консул всетворца", но и "раб рабов божьих", мы обращаемся к нему с простодушной просьбой: рассказать вслух, на виду всего христианского мира, как он вступился за наших братьев и сестер, когда их пришивали пулеметными очередями к мерзлой земле, травили "циклоном", оскопляли в застенках, пластовали и выкачивали кровь на мраморных столах, закапывали живьем, распинали, истребляли голодом и сумасшествием, изготовляли из них удобрение для мавританских лужаек, кроили абажуры и подтяжки из их еще неостылой кожи! Пусть он покажет детям земли гневные буллы к своему подопечному в Берлин, чтобы тот пощадил хотя бы крошек, которых так любил Иисус!

Их нет, мы не нашли таких посланий в гестаповских канцеляриях, где еще не просохла безвинная кровь. Зачем же вы так нехорошо молчите, ваше святейшество? Может быть, вы не верите в злодеяния нацистов на православной Украине и в католической Польше? Ведь чужие слезы всегда такие неслышные, и вдобавок - пройдя через тончайшие фильтры просвещенного скептицизма, достигают, наверно, вашей совести в виде дистиллированной воды. Конечно, вы пребываете в безмолвии мудрости, и самая осиротевшая мать не докричится до вашего горнего уединения. Тогда посетите места, где свирепствовала гитлеровская орда. Я сам, как Вергилий, проведу вас по кругам Майданека и Бабьего Яра, у которых плачут и бывалые солдаты, поправшие смерть под Сталинградом и у Киева. Вложите апостолические персты в раны моего народа, и если только с приятием чина ангельского вы не утратили облика человеческого, то - подобно Петру, подъявшему свой меч на негодяев, пришедших за Иисусом, - вы поднимите свой посох, как палку, на злодеев, худших, чем даже ваши предшественники: хотя бы мрачный убийца Балтазар Косса, осрамивший лик человеческий в качестве Иоанна XXIII, или тот Иоанн XII, что пил в своем гареме за здоровье дьявола, или знаменитый дон Родриго Борджиа, которого прокляли Рим и мир под именем Александра VI.

Ах, папа, папа, загадочный пастырь, охраняющий волков от овец! Не бойтесь за Германию. Мы могли бы считать, что после содеянного ею на Востоке - нам позволено все; но мы пришли туда не за тем, чтобы убивать женщин и детей, а чтобы уничтожить воинствующую хамскую мечту о порабощении народов чужого языка и расы. Даже не ради мщенья, а в целях санитарной профилактики мы обойдем с оружием эту преступную страну. Нам нет нужды истреблять всех немецких дураков,

поверивших своему ефрейтору, будто германская кровь дороже французской, негритянской или еврейской... Утешьте же обреченных фашистских главарей, ваше святейшество, обещанием райского блаженства после петли, а потом, когда свершится правосудие, молитесь за них - сообразно вашему досугу -за смирных и безопасных, навеки сомкнувших свои вурдалачьи окровавленные уста!

Нет, не помилуем, не отпустим, не простим. Не предадим наших великих мертвецов. Гадкий спектакль фашизма кончается, и освистанным балаганщикам не помогут теперь ни молитвенные воздыхания, ни дамское заступничество, ни купеческая доброта ко всемогущему злу, доставляющему дивиденды. Мы распознаем их в любом обличье, обшарим горы, подымем каждую песчинку в захолустьях далеких материков. И если только былое отчаянье не выжгло чувство чести у людей, они не помилуют ни дворца, ни хижины, где застигнут притихших, перелицованных беглецов - обуглят самую землю, давшую им пристанище. Только так возможно обезвредить все, чем они еще грозятся будущим поколениям, испуская дух. Только беспощадностью к злодейству измеряется степень любви к людям. Да здравствует жалость, жалость неподкупных судей, - жалость к тем, которые еще не родились!

Наступает желанная минута, ради которой мы четыре года бестрепетно принимали лишения, тревоги, горечи неминуемых потерь. Борьба продолжается, предстоит еще добить врага, но уже неправедная немецкая земля под сапогами нашими. Это утро - и скоро день... Завтра, впервые за много лет, воины без опаски разведут костры на привалах. Грянул громовой капут тысячелетней бредовой немецкой мечте о надмирном владычестве... Потом пепел, смрад и вздыбленный прах медленно осядут на остывающие камни Германии, и тогда для человечества наступит ослепительный полдень, который пусть никогда уже не сменится ночью! Какое отличное утро смотрит нам в лицо; как красивы и праздничны даже эти дымящиеся, с красными флагами пламени берлинские развалины - в час, когда в них вступает Свобода!

Совесть в нас чиста. Потомки не упрекнут нас в равнодушии к их жребию. Вы хорошо поработали, труженики добра и правды, которых фашизм хотел обратить не в данников, не в рабов, даже не в безгласный человеко-скот, но в навозный компост для нацистского огорода... Слава вам, повелители боя, сколько бы звезд ни украшало ваши плечи; слава матерям, вас родившим; слава избам, которые огласил ваш первый детский крик; слава лесным тропкам, по которым бегали в детстве ваши босые ножки;

слава бескрайним нивам, взрастившим ваш честный хлеб; слава чистому небу, что свободно неслось в юности над головами вашими!.. Живи вечно, мой исполинский народ, ликуй в близкий теперь день торжества великой правды, о которой в кандалах, задолго до Октября, мечтали твои отцы и деды.

Мы победили потому, что добра мы хотели еще сильней, чем враги наши хотели зла. Германия расплачивается за черный грех алчности, в который вовлекли ее фюрер и его орава. Они сделали ее своим стойлом, харчевней для жратвы, притоном для демагогического блуда, станком для экзекуций, плац-парадом для маньякальных шествий... Злую судьбу на многие века готовили они Европе и миру. Тогда мы хлынули на эту страну, как море, - и вот она лежит на боку, битая, раскорякая, обезумевшая.

Мы расплачиваемся с ней вполгнева, иначе один лишь ветер ночной плакал бы теперь на ее голых отмелях. Громадна сила наша - по широте нашей страны, по глубине наших социальных стремлений, по могуществу индустрии нашей, по величию нашего духа. История не могла поступить иначе. Наше дело правое. Мы сказали. Слово наше крепко. Аминь.

30 апреля 1945 года

Борис Горбатов

Капитуляция

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!

Шли к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед. Мы ничего не жалели.

И вот он, вот этот день. Берлин в дымке, солнце над Темпельхофским аэродромом и высокое небо над головою - ждем появления самолетов в нем. Амфитеатром расположился огромный аэропорт. Его ангары разбомблены, здания сожжены. На бетонированном поле еще валяются разбитые "юнкерсы", под ногами - холодные, мертвые осколки бомб. Это поле - поле боя. Оно, как весь наш путь, - путь боев и побед. Сегодня оно будет полем встречи с друзьями и союзниками для того, чтобы вместе продиктовать свою волю побежденному врагу.

- Что же, Темпельхофский аэродром будет Компьенским лесом? - говорит кто-то.

Нет, это не Компьен. Компьена не будет. И Версаля не будет. И гитлеровского кошмара больше не будет никогда.

Ровно в двенадцать часов пятьдесят минут один за другим

стремительно, красиво, словно линия, подымаются в небо наши истребители. Они делают круг над аэродромом и уходят на запад, навстречу самолетам союзников. Спустя полчаса с аэродрома в городе Штендаль подымаются пять "дугласов" и берут курс на восток. Почетным эскортом сопровождают их наши истребители. Два из них впереди.

В 14 часов на Темпельхофский аэродром в Берлине прибывают представители командования Красной Армии во главе с генералом армии Соколовским. Затем в небе появляются "дугласы" с американскими и английскими опознавательными знаками. Самолеты слетаются и вот уже бегут по бетонной дороге.

Из самолетов выходят глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур В.Теддер, за ним генерал Карл Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, офицеры английской и американской армии и флота, корреспонденты газет и кинооператоры.

Генерал армии Соколовский здоровается с главой делегации и представляет ему начальника гарнизона и коменданта Берлина, генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Бокова. Американские и английские генералы и офицеры сердечно пожимают руки советских генералов и офицеров. Крепкое рукопожатие. Встреча союзников и победителей.

Из другого самолета выходят представители гитлеровского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Они идут молча и хмуро. Они в своих генеральских мундирах, при орденах и крестах. Высокий худой Кейтель изредка поворачивает голову в сторону - там, в дымке, Берлин. Они проходят к машинам, ожидающим их. Сев в машину, фельдмаршал Кейтель тотчас же раскрыл папку и стал читать какой-то документ.

А по бетонным дорожкам аэропорта, мимо молодцеватого почетного караула советских воинов, идут победители - советские, американские, английские генералы и офицеры. Развеваются флаги союзных держав. Оркестр играет гимны. Церемониальным маршем, крепко вколачивая шаги в бетон, проходят русские воины. До чего же солнечно сейчас на душе у каждого!

* * *

Все чувствуют величие момента. Каждый понимает, что присутствует при акте, определяющем судьбу поколений. Глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур Теддер произносит перед микрофоном речь:

- Я являюсь представителем верховного главнокомандующего Эйзенхауэра. Он уполномочил меня работать на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад, потому что я приветствую их в Берлине. Союзники на западе и востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь передать самое теплое приветствие с Запада - Востоку.

Начальник почетного караула полковник Лебедев сообщает эти слова воинам караула и провозглашает:

- За нашу победу - "ура"!

Могучее "ура" победителей гремит в поверженном Берлине.

Затем члены делегаций и все присутствующие на аэродроме отправляются в Карлсхорст - пригород Берлина, где должен быть подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Путь лежит через весь Берлин - через разрушенный, побежденный Берлин, через Берлин, штурмом взятый нашими войсками.

Поток машин несется по улицам германской столицы. Дорога расчищена, но на тротуарах лежат груды битого кирпича и мусора. Развалины - следы работы союзных летчиков и советских артиллеристов. Победители едут по Берлину. На перекрестках молча стоят жители города. Победители мчатся по Берлину, и вслед за ними следуют побежденные гитлеровские генералы, принесшие капитуляцию. О чем думают они сейчас, проезжая по улицам Берлина? Вспоминают ли плац-парады или последние дни крушения? Они посеяли ветер и теперь пожинают бурю.

Машины проходят под воздвигнутой нашими бойцами аркой победы. Над ней гордо развеваются три флага и надпись: "Красной Армии - слава!" Поток машин проносится под аркой. Мелькают улицы, развалины, люди.

Вот, наконец, Карлсхорст. Карлсхорст - этот берлинский пригород сегодня на наших глазах вошел в историю. Здесь могила гитлеровской Германии, здесь конец войне. Все здесь принадлежит истории. И это здание бывшего немецкого военно-инженерного училища, в котором состоялось подписание акта капитуляции. И этот зал офицерской столовой, эти четыре флага на стене - советский, американский, английский и французский - символ боевого сотрудничества. И эти столы, покрытые серо-зеленым сукном, и все минуты этого короткого, но преисполненного глубокого волнения и смысла заседания - все это принадлежит истории. Хочется запечатлеть каждую минуту.

В зал входят Маршал Советского Союза Жуков, главный маршал британской авиации сэр Артур В.Теддер, генерал Спаатс,

адмирал сэр Гарольд Бэрроу, генерал Делатр де Тассиньи и члены советской, американской, английской и французской делегаций.

Историческое заседание начинается. Оно очень недолго продолжалось. Немного людей присутствует в зале, немного слов произносится. Но за этими словами - долгие годы войны. Маршал Жуков на русском языке, а затем главный маршал авиации Теддер объявляют, что для принятия условий безоговорочной капитуляции пришли уполномоченные германского верховного командования.

- Пригласите сюда представителей германского верховного командования, - говорит маршал Жуков дежурному офицеру.

В зал входят немецкие генералы. Впереди идет генерал-фельдмаршал Кейтель. Он идет, стараясь сохранить достоинство и даже гордость. Поднимает перед собой свой фельдмаршальский жезл и тут же опускает его. Он хочет быть картинным в своем позоре, но дрожащие пятна проступают на его лице. Здесь, в Берлине, сегодня его последний "плац-парад". Вслед за ним входят генерал-адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф. Они садятся за отведенный им в стороне стол. Сзади их адъютанты.

Маршал Жуков и главный маршал авиации Теддер объявляют:

- Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Немцам переводят эти слова. Кейтель кивает головой:

- Да, да, капитуляция.

Имеют ли они полномочия немецкого верховного командования для подписания акта капитуляции?

Кейтель предъявил полномочия. Документ подписан гроссадмиралом Деницем, уполномочивающим генерал-фельдмаршала Кейтеля подписать акт безусловной капитуляции.

- Имеют ли они на руках акт капитуляции, познакомились ли с ним, согласны ли его подписать? - спрашивают маршал Жуков и маршал Теддер.

О капитуляции, только о капитуляции - полной, безоговорочной, безусловной, идет речь в этом зале сегодня.

- Да, согласны, - отвечает Кейтель.

Он разворачивает папку с документами, вставляет монокль в глаз, берет перо и собирается подписать акт. Его останавливает маршал Жуков.

- Я предлагаю представителям главного немецкого командования, медленно произносит маршал Жуков, - подойти сюда к столу и здесь подписать акт.

Он показывает рукой, куда надо подойти фельдмаршалу.

Кейтель встает и идет к столу. На его лице багровые пятна. Но его глаза слезятся. Он садится за стол и подписывает акт о капитуляции. Кейтель подписывает все экземпляры акта. Это длится несколько минут. Все молчат, только трещат киноаппараты. В этом зале сейчас нет равнодушных людей, нет равнодушных и во всем человечестве и тем более - в Советском Союзе. Это на нас обрушилась войной гитлеровская военная машина. Наши города жгли, наши поля топтали, наших людей убивали, у наших детей хотели украсть будущее.

Сейчас в этом зале гитлеровцев поставили на колени. Это победитель диктует свою волю побежденному. Это человечество разоружает зверя.

Фельдмаршал Кейтель подписал капитуляцию. Он встает, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать, он ничего и не ждет. Он вдруг улыбается жалким подобием улыбки, вынимает монокль и возвращается к своему месту за столом немецкой делегации. Но прежде чем сесть, он снова вытягивает перед собой свой фельдмаршальский жезл, затем кладет его на стол. Акт о капитуляции подписывают генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Все это происходит молча, без слов. Слов уже не надо. Все нужные слова сказали Красная Армия и армии наших союзников. Теперь это только безусловная, безоговорочная капитуляция. Больше от гитлеровцев ничего не требуется. Немецкие уполномоченные молча подписывают акт. Затем акт подписывают маршал Жуков и главный маршал авиации сэр Артур Теддер. Вот подписывают акт также свидетели - генерал Спаатс и представитель французской делегации генерал Делатр де Тассиньи.

Члены немецкой делегации могут покинуть зал.

Немецкие генералы встают и уходят из зала - из истории. Все присутствующие на этом историческом заседании радостно поздравляют друг друга с победой. Война окончена. Маршал Советского Союза Жуков жмет руку маршалу английской авиации Теддеру, генералу американской армии Спаатсу и другим генералам.

Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют.

В ночь на 9 мая 1945 года

Войска 1-го Украинского фронта, в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты, сломили сопротивление противника и 9 мая в 4 часа утра освободили от немецких захватчиков столицу союзной нам Чехословакии город Прагу...

Из оперативной сводки Совинформбюро
9 мая 1945 г.
Борис Полевой
Освобождение Праги

Прага освобождена от немецко-фашистских банд! Эти слова, переданные вчера полевой рацией прославленного генерала танковых войск Лелюшенко, были приняты военными радиостанциями под утро, когда фронтовой народ, ликуя, праздновал долгожданную победу.

Освобождение Праги означало не только изгнание немецких оккупантов из столицы Чехословакии. С военной точки зрения оно означало ликвидацию последнего крупнейшего очага сопротивления немцев, где вопреки подписанному акту о капитуляции они еще пытались продолжать войну.

Вопреки этому документу большая группа немецких войск, так называемая "Митль-группа", руководимая фельдмаршалом Шернером, все еще вела активные бои.

Теснимая нашими наступающими частями, она прикрывалась сильными арьергардами и, оказывая сопротивление на каждом рубеже, начала откатываться на юг, в Чехословакию, чтобы закрепиться за высокой грядой Рудных гор. Эти отпетые гитлеровцы имели, по-видимому, своей целью соединиться с немецкими войсками, оккупировавшими Чехословакию, и развернуть бой в районе Праги.

Тогда наше командование отдало приказ преследовать и неотступно уничтожать нарушившие условия капитуляции войска "Митль-группы". Чтобы не дать им соединиться с оккупационными немецкими частями Чехословакии и предупредить занятие ими Праги, что неминуемо вызвало бы разрушение города, танкисты генералов Лелюшенко и Рыбалко получили приказ прорваться сквозь фронт отступающих неприятельских войск, оставить их в тылу и, стремительно продвигаясь на юг, освободить от оккупантов столицу Чехословакии, прежде чем в нее успеет ворваться Шернер со своими бандами.

Вот этот-то поистине молниеносный удар и был совершен нашими танкистами в историческую ночь, когда весь советский народ, а с ним вместе свободолюбивые народы всего мира праздновали победу над гитлеровской Германией. Танкистам предстояло за ночь пройти с боями почти сто километров. Но главная трудность состояла не в этом: путь наступающим преграждали высокие гряды гор, тянущихся с запада на восток несколькими параллельными хребтами. Эти горы невысоки, но очень круты.

Дороги через них местами висят над пропастями, перевалы узки и извилисты.

И вот танковые части 1-го Украинского фронта начали эту историческую операцию.

Пока еще трудно воспроизвести ее во всех подробностях, но по отрывочным сведениям, уже поступившим по радио, и по рассказам самих танкистов, слышанным мною в Праге, картина этого ночного перехода танковых соединений через горы рисуется так. Танки рвались вперед, сметая на пути вражеские заслоны. Подчас на горных речках танкисты вылезали из машин и вместе с мотопехотинцами, которые ехали на броне, превращались в саперов, наводя мосты и выкладывая деревянные гати.

В топких лощинах, на перевалах и узких горных дорогах немцы успели устроить труднопреодолимые завалы. Огромные срубленные сосны были опутаны проволокой и заминированы. Каждая минута стоила выигранного боя, и танкисты разметывали эти завалы сокрушающим огнем своих пушек и шли дальше по узким, витым дорогам, пробираясь там, где обычно ездили только всадники.

Ночью, отбросив в бою последние вражеские заслоны, стальная лавина перевалила через хребты и сразу хлынула вниз, в долину. Внезапное появление наших танков ночью, за горными хребтами, было настолько неожиданным для командования "Митль-группы", что в долине немецкие засады порой даже не оказывали сопротивления и разбегались, бросая противотанковые пушки и не успевая убрать предупреждающие таблички с минных полей.

Под утро наши танки, еще раз опрокинув немецкие заслоны в предместьях Праги, ворвались в чехословацкую столицу и освободили ее.

* * *

Мы летим в освобожденную столицу Чехословакии, и под крылом самолета видны следы последнего нашего удара. По всем дорогам тянутся на север бесконечные, длинные вереницы пленных. Мы видим четко обозначенные на зелени нив зигзаги окопов, вокруг деревень и городков -дзоты, огневые точки, а в городах - баррикады на перекрестках. Танковые завалы, бетонные массивные шлагбаумы на въездах.

Вереница брошенных орудий, танков, тягачей. Пролетели над большим военным аэродромом, на котором в неприкосновенности в шахматном порядке стояли "хейнкели" и "фокке-вульфы". Все это оставлено, брошено, позабыто. Минуем город, еще дымящийся своими заводскими трубами, переваливаем через зеленые, лохматые хребты гор. И вот в

сиянии великолепного весеннего дня, на фоне чистого синего южного неба по берегам извилистой и быстрой Влтавы зубцами своих башен, острыми кинжалами шпилей костелов и церквей встает чудесная, зеленая красавица -Прага.

Мы делаем над ней несколько кругов, ища место посадки, и, пока под нами, как в кино, проплывает этот великолепный город, я вспоминаю слова чешского патриота Дороша, старого пражского инженера из корпуса генерала Свободы, сказанные им далеко отсюда, в Карпатах, в первый день, когда чехословацкие солдаты вместе с Красной Армией освободили первые километры чехословацкой земли.

- Каждый из нас готов трижды умереть в бою, чтобы только дойти до Праги, поцеловать ее мостовую, выпить воду из светлой Влтавы.

И вот сбылась эта мечта. Красная Армия освободила и вернула своим славянским собратьям их чудесную столицу. Даже с самолета видны на улицах и на бульварах праздничные толпы и масса чехословацких трехцветных государственных флагов, бог весть кем сохраненных в течение шести лет немецкой оккупации и вот сегодня снова вывешенных на башнях, на балконах, на окнах.

Приземление немудреного нашего самолета на аэродроме неожиданно вызывает триумф. Это первый самолет Красной Армии, севший здесь, и нам, как представителям Красной Армии, приходится принять адресованные ей восторги и уважение праздничной шумной пражской толпы, в несколько минут сбежавшейся сюда.

И уже тут, на Пражском аэродроме, ощущаешь во всей мощи и полноте то чудесное, восторженное отношение, которое питают к Красной Армии народы, освобожденные ею от немецкой оккупации, и чувством невольной гордости наполняется сердце за свое советское гражданство, за свой русский офицерский мундир. Девушки протягивают нам букеты цветов, какие-то очень солидные и радостно оживленные люди протягивают записные книжки, требуя автографов.

Нам долго, вероятно, не вырваться из окружения этой толпы, если бы не патруль из местных партизан с трехцветными повязками на рукавах. Они остановили первую же проходившую легковую машину и, объяснив ее владельцу доктору Надену, кто мы, попросили его провезти нас по городу. От них мы узнали, что, прослышав о приближении наших танков, население во многих районах столицы подняло восстание, вооружилось спрятанным до поры до времени оружием и завязало бои с немецким гарнизоном. А сейчас повстанцы взяли на себя роль

охранителей порядка и, нужно сказать, справляются с этим отлично.

На стареньком докторском "фордике", построенном, вероятно, на заре автомобилестроения, объезжаем мы залитые солнцем, полные ликующей толпой улицы Праги.

Открыто и шумно, со славянской сердечностью и непосредственностью празднует Прага день своего освобождения.

У группы наших танков на улице Масарика такая большая толпа, что по ней прекратилось движение. Огромные стальные машины, как потом, покрытые маслом и пылью, украшены венками, лентами. Смущенные, улыбающиеся танкисты едва успевают отвечать на рукопожатия и принимать новые и новые букеты цветов. И тут же на гусеницах, отполированных долгими переходами, целая выставка съестного - корзиночки с яблоками и солеными помидорами, бутылками с молоком, кругленькие какие-то пирожки и зеленые сырки.

- Вот попали в окружение-то! - скалит белые зубы гвардии младший лейтенант Олег Еременко. - Говорим им: не надо, сыты мы вот так. Нет, несут и несут. Этак постоим еще здесь... Целый "гастроном" образуется.

Механик-водитель гвардии сержант Сережников говорит:

- Или вот цветы, венки эти самые, алые ленты, так нешто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел.

Командиры танков рассказывали мне, что, когда передовые машины подошли к предместьям города, юноши и девушки из повстанческих отрядов с трехцветными повязками, вскочив на броню, показывали дорогу в обход немецким засадам, заминированным улицам, волчьим ямам и западням...

- Я хочу сказать, что мгновение, когда я увидела на дороге у Влтавы колонну ваших танков, было самым счастливым за все годы моей жизни, заявила студентка Пражского университета, участница восстания Анжелика Петрашел.

- ... Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной Армии за то, что они освободили мою Прагу, - под общий дружный и одобрительный смех сказала Женевьева Прохаска, работница пражского трамвая... Не хочется расставаться с веселой и солнечной Прагой.

Но пора. Ведь до телеграфа добрых 300 километров. И, сделав прощальный круг над городом, мы улетаем на север, унося с собой теплоту этих пражских встреч.

11 мая 1945 года

Леонид Леонов

Имя радости

Убийца на коленях. Оружие выбито из его рук. Он у ног ваших, победители. Ему хочется покоя и милосердия. Палач с вековым стажем оказывается вдобавок бесстыдником... Судите его, люди, по всем статьям своего высокого закона!

Никто не спал в эту ночь. В рассветном небе летают самолеты с фонариками. Старуха, солдатская мать, обнимает смущенного милиционера. Две девушки идут и плачут, обнявшись. Еще неизведанным волнением до отказа переполнена вселенная, и кажется, что даже солнцу тесно в ней. Трудно дышать, как на вершине горы... Так выглядел первый день Победы. Две весны слились в одну, и поэтам не дано найти слова для ее обозначенья. Мы вообще еще не способны сегодня охватить разумом весь смысл происшедшего события. Мы были храбры и справедливы в прошлом, эти битвы принесли нам зрелость для будущего. Мало прийти в землю обетованную - надо еще распахать целину, построить дом на ней и оградить себя от зверя. Мы совершили все это, первые поселенцы в стране немеркнущего счастья. Лишь с годами возможно будет постигнуть суровое величие прожитых дней, смертельность отгремевших боев, всю глубину вашего трудового подвига, незаметные труженики Советского Союза, не уместившиеся ни в песнях, ни в обширных наградных списках: так много вас! Если доныне празднуются Полтава и поле Куликово, на сколько же веков хватит нынешней нашей радости? Только она выразится потом не в торжественных сверканьях оркестров, не в радугах салютов, а в спокойном вещественном преображенье страны, в цветенье духовной жизни, в долголетии старости, в красоте быта, в творчестве инженеров и художников, садоводов и зодчих. Немыслимо в одно поколенье собрать урожай такой победы.

Советские люди сеяли ее долго, каждое зернышко было опущено в почву заботливой и терпеливой рукой. В зимние ночи они своей улыбкой грели ее первые всходы, они берегли их от плевела и летучего гада, и вот под сенью первого ветвистого и плодоносного дерева собираются на пиршество воины и кузнецы оружия. Они запевают песню новой, мирной эры. И если только человечество сохранит мудрость, приобретенную в войне, как оно стремится сберечь боевую дружбу, этой величавой запевке подтянут все... а песня -как братский кубок, она сроднит народы на века! Какой нескончаемый праздник предстоит людям, если они не позволят подлым изгадить его в самом зародыше. Давайте мечтать и сообща глядеть за горизонты грядущего столетия - отныне это тоже становится умной и действенной работой. Мечтой мы победили тех, у кого ее не было вовсе: было бы кощунством считать за мечту их замысел всеобщего скотства.

Итак, пусть это будет гордый и честный, благоустроенный и строгий мир, в котором новые святыни воздвигнутся по лицу земли взамен разрушенных варварством, потому что святыня - постоянное горение живого человеческого духа. Молодые люди, созревшие для творчества жизни, отныне не будут корчиться на колючей проволоке концлагерей. На планете станут жить только мастера вещей и мысли, подмастерья и их ученики; многообразен труд, и только руки мертвеца не умеют ничего. Стихии станут служанками человека, а недра гор - его кладовыми, а ночное небо - упоительной книгой самопознания, которую он будет читать с листа и без опаски получить за это нож между лопаток. Красота придет в мир - та самая красота, за которую бились герои и которую люди иногда стыдятся называть, ибо наивно звучит всякая вслух высказанная мечта. Но теперь эта мечта гением Ленина возведена в степень точной науки и, кроме того, если не этой, то какой иною путеводной звездой руководиться всечеловеческому кораблю в его великих океанских странствиях?! Только безумец или наследственный тунеядец, питающийся людским горем, посмеет утверждать, что люди не доросли до такого счастья, что им приличней начинать свою жизнь в бомбоубежищах и кончать ее в братских могилах, что кровавое рубище и рабская мука совершенствуют добродетели и умственные способности человечества.

Люди хотят жить иначе, их воля переходит в действие. Новая пора уже настает, и это так же верно, как то, что мы живем и побеждаем. Мы родились не для войны, и когда мы беремся за меч, то не для упражнения в человекоубийстве, не ради веселой игры в Аттилу, какою сделали войну германские фашисты. Мы люди простые, рабочие. Освободительная война для нас - почетный, но тяжкий и опасный труд, неразделимый с другой, не менее сложной и нужной работой - возмездием. Иначе к чему была бы такая свирепая трагедия, где каждый акт длился по году, где боль и ужас были настоящие, где принимало участие все население земного шара? Мы приступаем к делу воздаяния без злорадства и с полной ответственностью перед потомками. Наш народ слывет образцом великодушия и доброты, но великодушие добрых он полагает сегодня в непримиримости к злым... Пусть невинные отойдут к сторонке. Благословенна рука, подъятая покарать преступление.

Мысленно мы проходим по осквернённой Европе. Нет в ней ни одного уцелевшего селения, где не ликовал бы сейчас народ, даже среди свежих могил и незатушенных костров. Нельзя не петь в такое утро. Радость застилает нам очи. и порой пропадают из поля зрения дымящиеся руины, которые надлежало бы сохранить

навеки в качестве улик последнего фашистского дикарства. Уже начинает действовать спасительная привычка забвенья, но история не хочет, чтобы мы забывали об этом. Едва стали блекнуть в памяти подробности Майданека и Бабьего Яра, она Освенцимом напомнила нам об опасности даже и поверженного злодейства. Этот документ написан человеческой кровью, и каждой буквы в нем хватило бы омрачить самый волшебный полдень.

О, эти полтораста тысяч чьих-то матерей и невест, обритых перед сожженьем! Детские локоны и девичьи косы, которые прижимали к губам любимые, которые нежно и бережно перебирал ветер, с прядками которых на сердце дрались на фронтах сыновья, отцы и женихи. Костный суперфосфат, окровавленные лохмотья, прессованная людская зола, упакованная в тонны и ставшая сырьем для промышленности и земледелия прусских... А ведь каждая кричала и тоже молила о пощаде, и единственным просветом в ее черной тьме была надежда на воздаяние убийцам. Нет, пусть слезы радости не затуманят ясного взора судей.

Итак, это фашистское чудовище, замахнувшееся на человечество, сгрызло в своих пещерах, может быть, двадцать миллионов жизней. Никто не удивится, если при окончательном подсчете эта цифра вдвое возрастет. Можно исчислить сожженные деревни, даже рубли, потраченные на порох и танки, - нельзя устроить перекличку мертвым. Сколько их, о которых некому не только плакать, но и вспомнить. Суд свободолюбивых народов разберется, кто повинен в содеянных мерзостях: не все, но многие. Они хотели обратить нас всех в бессловесных доноров костной муки и человеческого волоса. Но мир не пал, как Рим, который всегда любил класть свою тиару к ногам очередного Гензериха... Что ж, пришла очередь расплаты. Выходите вперед, оборотни и упыри, кладбищенские весельчаки и экзекуторы, не прячьтесь в недрах нации. Согласно параграфам германской юстиции, кара преступнику назначается за каждое преступление в отдельности: убивший троих приговаривается к смерти трижды. Всякий из вас должен был бы умереть по тысяче, по сто тысяч, по миллиону раз подряд - вы умрете по разу. Никто не упрекнет победителя в отсутствии милости. Уйдите же, перестаньте быть, истайте вместе с пороховою гарью, закройте гробовою крышкой свое поганое лицо, дайте нам улыбаться такой весне!

Пушки одеваются в чехлы. Милые лесные пичуги недоверчиво обсуждают наступившее безмолвие. Оно громадно и розово сейчас, как самый воздух утра над Европой... А еще недавно, когда истекали последние минуты войны, казалось - никакого

человеческого ликования не хватит насытить его до конца. Нет, радость наша больше горя, а жизнь сильнее смерти, и громче любой тишины людская песня. Ей аплодируют молодые листочки в рощах, ей вторят басовитые прибои наших морей и подголоски вешних родников. Ее содержанье в том, о чем думали в годы войны все вы - наши женщины у заводских станков, вы - осиротелые на целых четыре года ребятишки, вы солдаты, в зябкий рассветный, перед штурмом, час!.. Только в песне все уложено плотней, заключено в едином слове - Победа - как отдельные росинки и дождинки слиты в могучий таран океанской волны. Это песня о великой осуществленной сказке, которая однажды пройдет по земле прекрасным, в венчике из полевых цветов, ребенком... Отдайтесь же своей радости современники, товарищи, друзья. Вы прошагали от Октября до Победы, от Сталинграда до Берлина, но вы прошли бы и вдесятеро больший путь. Всмотритесь друг в друга - как вы красивы сегодня, и не только мускулистая ваша сила, но и передовая ваша человечность отразилась в зеркале победы. Не стыдитесь: поздравьте соседа, обнимите встречного, улыбнитесь незнакомому они, так же, как и вы, не спали в эти героические ночи - машинист или врач, милиционер или академик. Нет предела нашему ликованью.

Да и отдаленные правнуки наши, отойдя на века, еще не увидят нас в полный исполинский рост. Слава наша будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли написать на одной странице - и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защитили не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм.

11 мая 1945 года

Прием пленных немецких солдат на всех фронтах закончен.

Из оперативной сводки Совинформбюро

15 мая 1945 г.{

13}

Константин Федин

Вершина

Путь истории есть путь горный.

Через ущелья, от утеса к утесу, по теснинам, на дне которых клокочут реки и гремят водопады, сквозь туманы и снеговые бури вьется дорога с высоты на высоту, чтобы подняться к наивысшей вершине.

Советское необъятное государство народов-братьев в своем историческом пути, подымаясь выше и выше, достигло вершины, откуда раскрываются просторы, осиянные славой.

Враг пал ниц перед оружием Красной Армии и наших

союзников. Отечественная война советского народа завершена полной победой. Гитлеровская Германия не существует.

Мир вздохнул освобожденной грудью. Разорению культур положен конец.

С вершины, на которую мы вступили, видно, как веют флаги торжества ликующих народов. Гул голосов объял землю - гул победных песен, гул славословия героям-воинам, людям подвига и отваги.

Навечно пали оковы, которыми силился заковать человечество его повергнутый враг. И взоры благодарных наций обращаются прежде всего к великому воинству Советского Союза.

Красная Армия разгромила противника исключительной мощи - вооруженную силу, подготовленную к разрушительным ударам.

Германская армия выращивалась гитлеровцами на основе исторической враждебности к русскому соседу. Захват земель на Востоке был девизом немецкого рыцарства и вошел в программу гитлеровцев. Они вышколили для универсального молниеносного налета на Россию миллионные кадры головорезов, прививая им злобу ко всему советскому, научив коварству в военной тактике, беспощадности в обращении с женщинами и детьми. Они раздули нетерпимую мысль об "избранности" немецкого народа, разожгли ненависть ко всем иным нациям и старательно воспитали присущую характеру немца бездумную способность повиновения.

Как странно теперь вспомнить наглую орду, вооруженную бронированными машинами и брошенную на наши земли в 1941 году!

Через три недели после нападения Германии на Советский Союз я был в лагере военнопленных и видел летчиков, сбитых нами в самых первых боях, немецких ефрейторов, унтер-офицеров и лейтенантов. Все они были похожи друг на друга - с заносчивым огоньком в глазах, с высокомерно, глуповато вздернутыми физиономиями. Кое-кто из них насчитывал с полсотни налетов на Лондон, кое-кто успел покидать бомбы в Польше, в Греции, над Парижем. Все были награждены за свой разбой "пряжками" и Железными крестами. Им казалось - они отправились в развлекательную прогулку покорения России, и они очутились в лагере, явно к великому своему удивлению. Нельзя сказать, чтобы у них не было страха перед непохожей на победную обстановкой. Но они маскировали страх дутым самодовольством. Один такой недоросль явился на допрос в расстегнутой рубашке, в подтяжках. Майор Красной Армии, ведший допрос, спросил его, почему он не одет.

- Жарко, - ответил он развязно.

- Одеться по форме! Кругом - марш!

Мальчишка распрямился, как пружина, сделал поворот по уставу и помчался в барак. Назад он вернулся одетым в форму унтер-офицера, застегнутым на все пуговицы, автоматически точным в движениях и отвечал не задумываясь на все вопросы. С ним говорил командир, с ним не шутили. Этого было довольно, чтобы в нем ожил механизм беспрекословного послушания.

Я спросил его, долго ли, по его мнению, придется ему посидеть в лагере.

- О, не слишком, - ответил он. - К осени все будет кончено.

- Отдаете ли вы себе отчет, против кого вы пошли воевать?

- О, конечно! Россия - страна огромных территорий.

- И это - все?

- А что же еще? - спросил он с наивностью и опасливо скрытым вызовом.

И вот мы показали немцам "что еще": в Берлине Верховным Главнокомандованием Красной Армии, совместно с командованием союзников, принята безоговорочная капитуляция разбитой, поверженной наземь германской армии. Наша победа является плодом всенародных усилий. Лучшие качества, воспитанные в нас на протяжении почти трех десятилетий после Октябрьской революции, наше сознательное уважение к труду, наша самоотверженность во имя интересов отечества были собраны воедино и устремлены к единой цели.

На протяжении войны советский воин явил всему миру пример неповторимой доблести. Он приобрел в закалке огнем такую школу военного знания и умения владеть любым оружием, какой не было никогда прежде.

В то же время советские военачальники обогатились совершенным искусством вождения грандиозных воинских соединений, по количеству превзошедших собою все примеры прошлых массовых воинских организаций.

В руководстве титаническими боями, которые, начиная со Сталинграда, неизменно выигрывались советским оружием, участвовало не только приобретенное на полях сражений знание современных условий боя. Великий опыт славного русского оружия в прошлом помогал нашему восхождению на вершину победы. Тени Румянцева, Суворова, Кутузова, Ушакова сопутствовали советским генералам и морякам в их трудном деле борьбы с озлобленным и опытным противником.

Никогда прежде ни один военный союз не мог реализовать с такой железной последовательностью наступление на врага и его разгром, как великое содружество свободолюбивых наций - СССР, США и Англии. Колоссальное наступательное движение, начатое

в горах Кавказа и у берегов Волги - с востока, из пустынь Египта и просторов Марокко -с юга, от Британских островов - с запада, через Карпаты, Апеннины, Альпы, через реки, озера, моря, привело войска демократических держав в страну главного врага и виновника войны и раздавило его, подняв над ним свои победные знамена.

В конце концов германская армия перестала существовать. Ее генеральный штаб, ее главнокомандование сдались вместе с ней. Остатки гитлеровцев будут вылавливаться из щелей. Виновники войны предстанут перед судом во всех странах. Справедливость осуществляется. Справедливость не может умереть, как бы этого ни хотели ее ненавистники.

Новый Гомер воспоет величие Красной Армии, пронесшей на своих плечах самый тяжелый груз испытаний тогда, когда германская армия, еще в полной своей силе, бросала на Советский Союз неисчислимые стада железных чудовищ истребления. Солдат, шедший под красным знаменем на защиту своего отечества, будет не только героем военных историков, но любимым героем сказаний и поэм. Много славных книг будет написано об Отечественной войне Советского Союза. И самая великая из них запечатлеет на своих страницах наш народ в счастливый день достижения им вершины славы - в День Победы.

1945 год

Всеволод Иванов

Парад бессмертной славы

Осталось несколько мгновений до начала парада, несколько мгновений ожидания, ожидания яркого, пышного и сладостно-задумчивого. Нет мгновения лучше, чем ожидание этого парада, и нет счастья больше, чем видеть этот парад, великий парад бессмертной славы советского народа!

А внимание ко всему происходящему такое, что громко произносимые слова кажутся шепотом, и звуки мешаются, и звон часов на Спасской башне почти однозначим со звуком каскада, устроенного на Лобном месте. Припоминается, бежит мимо многое, и с мягкой сыновьей любовью осматриваешь нашу русскую Красную площадь, ее седовласую и в то же время вечно юную древность. И рядом с прошлым встает настоящее, то, которое никак еще не ушло в исторические книги, встают золотые картины Великой Отечественной войны, участники которой построились ныне на изжелта-красном клинкере площади. И взметываешься ты, нахмуренная сталинградская пурга, и сердитые топи под Корсунь-Шевченковским, и глубокие серебристые струи Днепра, и неистово холодные скалы Заполярья, и жаркие берега Черного моря, и тягостные леса

Белоруссии, и угрюмые дамбы возле Одера, и злобные хутора Восточной Пруссии, каждый из которых - дот!..

Долго, бесконечно долго будет царить слава наших дней. Каждый человек во Вселенной отныне будет явственно видеть и осязать - как бы далеко он ни находился, на каких бы расстояниях ни жил от Советского Союза, - он будет чувствовать близость благородного, высокого мира, способного жертвовать всем, чем только может пожертвовать человек ради творчества, прогресса, цивилизации, высших устремлений гуманизма, науки и искусства. Безнадежности отныне не существует! Никому не придется душить в себе любовь к светлому, ибо существуют и могут существовать иные отношения между людьми - вечно молодые, обаятельные и совершенно необыкновенные, отношения небывалой дружбы, героизма, взаимоуважения Именно эти отношения осуществлены в необычайной степени, и люди, осуществившие их, стоят ныне на Красной площади.

Построены войска. Недвижно замерли знамена возле каждого сводного полка. Деловито, в своих парадных мундирах, с боевыми орденами - знаками торжества и победы -ходят вдоль рядов генералы, вглядываясь в лица солдат. Фуражки, шлемы летчиков, каски с висячими каплями легкого дождя отбрасывают фосфорический отблеск на серебристо-золотые дорожки песка, пересекающие поле площади. Небо облачно, наполнено влагой, она льется на священные наши поля, торопя урожай... ну что поделаешь, если дождь! И примирение глядишь на рассыпчатое серебро в лужицах, по которому шагают люди, и глядишь не наглядишься в ласковые, мягкие лица вокруг, в загорелые лица солдат, прямо глядящих на Кремлевскую стену, на Мавзолей, на глубокое любимое слово, пересекающее его, - Ленин, - на багрянец нашего флага, что расплеснулся за стенами Кремля.

Жарко круглятся трубы оркестров, громкий и невыразимо знакомый марш мерещится, как эхо, которое никто не видит, но каждый слышит. И находящийся здесь, на площади, мнит себя эхом, которого не увидят потомки, но жизнь которого, подобно маршу победы, непременно услышат.

- Спасибо тебе. Отчизна, родившая меня и сохранившая до этих огненных и неописуемо прекрасных дней! - так думает каждый из нас...

- Равнение на средину-у!..

Оркестры вскидывают долгожданный марш. Круглый, красиво выгнутый, катится он по Красной площади, и под звуки его белый конь под синим чепраком скачет от Спасской башни. Маршал Г. К. Жуков, трижды Герой Советского Союза, едет принимать парад. Вороной конь под пунцовым чепраком скачет к

нему навстречу. Маршал К. К. Рокоссовский, дважды Герой Советского Союза, командующий парадом, едет с рапортом.

Они объезжают войска, и пышное, стройное, залихватское русское "ура" сопровождает их. Казалось, войска только и ждали возможности закричать это "ура", выразить в нем тот острый восторг, который они испытывают, ту любовь, святую и белую, что заполняет их сердца, ту мучительно-сладкую радость, которой светятся их глаза. Излучистое, как река, могучее и мощное, как мысль, многозвучное и многорадостное, как жизнь, и неизбежное, как наша победа, несется это "ура" над Красной площадью, над прилегающими улицами, несется над всем миром, несется, как блестящий символ нашего счастья и торжества. С восхищением слушают это "ура" трибуны. Мавзолей; все, кто слышит его, слушают и видят что-то далекое и вместе с тем близкое, что-то горячее и творчески неожиданное: видят свою жизнь, видят воссоздание, видят новые города, заводы, дороги, машины, видят лучистые и мерцающие зарницы необыкновенного!..

И хотя "ура" уже затихло, но кажется, что оно гремит даже тогда, когда маршал Жуков произносит свою речь о победе, о том, как создавалась она, как строилась и как осуществлялась...

Словно камни какого-то грандиозного здания, ложатся один за другим залпы торжественного артиллерийского салюта, и жгущей, жаркой молнией прорезают эти салюты свободный и сильный Гимн Советского Союза. 1400 человек оркестра исполняют его. А затем беспокойный, молодой звук трубы дает сигнал к торжественному маршу.

И под жемчужную трель барабана, под голубые звуки литавр двинулись сводные полки героев.

Идет Победа.

Вы все помните эти тягостные, как мрак, слова: "На всем протяжении фронта от Баренцева до Черного моря идут ожесточенные бои". Вы помните невыносимые страдания, с которыми мы читали эти слова. Враг был силен, коварен, беспощадно жесток и вооружен могучей и современной техникой, на врага работала вся порабощенная им Европа.

Народ наш не жаловался. Живой и бурный, как море, он гранитным морем застыл, встал против врага, вдохновенно и величаво опрокинул его и бил до тех пор, пока в доме врага не наступило мертвое, гробовое молчание...

"На всем протяжении фронта от Баренцева моря..."

И вот теперь великое событие, парад Победы, открывается шествием войск Карельского фронта.

Это те, кто бился у Баренцева моря, кто сквозь жестокий и

леденящий мороз проносил свою горячую любовь к родине, кто бился насмерть в тускло-сизом мраке пурги, возле глухих и ненасытных безмолвием скал, возле бездонных морей и рек.

Упорные и властительные, как мысль, вытянуты штыки. Певуче и гармонично шагают в марше бойцы. Какое дивное наслаждение - шагать по площади... Какое приподнятое и радужное настроение, раздольное и чистое, как поле! Ибо волею, жизнью и подвигами этих бойцов снято со сводки Баренцево море.

За сводным полком Карельского фронта идут ленинградцы. Великий город России, Октябрьская столица, бурный и вдохновенный, как порыв, вечно мощный и молодой, певучий и стремительный, как поток, город-поэт, он показал нам истинную правду жизни, истинный героизм, истинную и никогда не забываемую историю. Он всегда был историчен и высоко благороден. История его защиты это защита всей нашей страны от ига немецких захватчиков, и Ленинград показал себя как силу бурного и вечно шумного прибоя, отбросившего неистовые, грабительские полчища гитлеровцев.

Идут герои Первого Прибалтийского фронта. Бледно-лазурное, мечтательное море, песчаные дюны, сосны под неумолчным ветром. Здесь родились подвиги бойцов, освобождавших Прибалтику, здесь закладывались, как прочнейший фундамент эпоса, те песни, которые поют о них. Мерно и уверенно шагают они на первом параде мирного времени, того времени, которое они завоевали для Прибалтики.

Идут ветераны и молодежь Третьего Белорусского фронта. Они первыми перешагнули границу Германии, той фашистской Германии, которую они перед тем заботливо и густо били под Орлом, под Минском, под Каунасом и добивали, превращая германскую хвастливость в серую пыль, под Кенигсбергом, взяв яростным, безмерным по дерзости штурмом столицу Восточной Пруссии Кенигсберг.

* * *

Раздольный и размашистый барабанный бой звучит особенно победно и огненно. Двести бойцов, двести героев под этот звонкий и голосистый бой несут, склоненно, знамена. По шелку и атласу их - мрачные знаки, знаки насилия, высокомерия и тупости. Это - эмблемы фашизма, свастика, эмблемы гитлеровской Германии. Среди этих знамен -знамя людоеда, тупого крикуна, личный штандарт Гитлера.

И ныне эти знамена, волочась по камням Красной площади, руками наших бойцов брошены к подножию Мавзолея.

Прекрасная, светлая и пылкая Победа принесла их сюда,

бросила их к ногам советского народа, бросила с такой мощью, что никогда отныне не поднимутся они, как никогда не поднимется фашистская Германия.

Идут и идут сводные полки, идут неудержимым, размашистым и в то же время степенным шагом, шагом победителей. Алые и пылающие, как розы, веют над ними знамена; высоко и светло поет оркестр, и горящая алмазная роса дождя лежит на их оружии. Идет сводный полк Второго Белорусского фронта, идет слава взятия Гдыни, Гданьска, Штеттина и многих городов. Идет Первый Украинский фронт. Сводный полк Четвертого Украинского фронта. Второго Украинского. Третьего Украинского... Никакой буйной и вдохновенной речи не хватит для того, чтоб описать их подвиги, то, что они сделали для славы и процветания нашей Родины, и много лет скромные художники и писатели нашей страны будут говорить о их деяниях, о их жизни, о том, что мы сейчас еще так кратко называем подвигом. Подвиг их раскрыт нашими сердцами, нашими думами и, несомненно, будет раскрыт красками, чтобы все человечество узнало героев полностью, со всеми их думами, заботами, чтобы полностью была раскрыта их любовь к Родине, создавшей их, любовь, благодаря которой родился их подвиг.

26 июня 1945 года

Летопись огненных лет. Писатели в Совинформбюро (1941-1945 гг.)

"От Советского Информбюро". Этими словами в годы войны начинались передачи по радио. Застыв у репродукторов - на работе, на улицах, дома, миллионы людей по всей стране, затаив дыхание, слушали сводки о положении на фронте, о мужестве и героизме советских воинов. Созданное на третий день после начала войны по решению ЦК партии и правительства новое агентство выполняло поставленную перед ним задачу: "... освещать в печати и по радио международные события, военные действия на фронтах и жизнь страны".

В составе Советского Информбюро была образована литературная группа. В ее работе участвовали многие известные советские писатели и журналисты. Среди них К Вирта, Вс. Иванов, В. Инбер, В. Катаев, Б. Лавренев, Л. Леонов, Н. Никитин, А. Новиков-Прибой, П. Павленко, Е. Петров, Б. Полевой, О. Савич, Л. Сейфуллина, С. Сергеев-Ценский, К. Симонов, В. Ставский, Н. Тихонов, А. Толстой, К. Тренев, П. Тычина, А. Фадеев, К. Федин, К. Финн, К. Чуковский, М. Шагинян, М. Шолохов, И. Эренбург и многие другие. В Совинформбюро также сотрудничали немецкие писатели-антифашисты В. Бредель, Ф. Вольф.

Но у Совинформбюро была еще одна в высшей степени

важная задача - об этом известно меньше, - в годы войны оно готовило и направляло во многие зарубежные органы печати и радио статьи, очерки, репортажи, рассказывавшие о борьбе Красной Армии и всего советского народа против гитлеровского нашествия.

На совещании писателей, состоявшемся в Совинформбюро в марте 1942 года, Илья Эренбург говорил о том, что зарубежные газеты отличаются от наших и что для них надо писать иначе. Между тем за рубеж иногда посылаются статьи без учета того, что действительно может быть интересно иностранному читателю. Важно, считал Эренбург, связать писателей и журналистов с газетами и агентствами, с которыми они будут сотрудничать: "У нас есть ряд военных корреспондентов, которые часто бывают на фронте или там находятся. Необходимо бы было им объяснить, что они должны раз в неделю давать специальные сообщения с фронта для иностранной печати. Таких корреспондентов шесть - восемь. Их можно прикрепить к определенным газетам и агентствам". В качестве примера хорошей работы для зарубежной печати он привел очерки известного советского писателя, военного корреспондента Совинформбюро Евгения Петрова. Петров, говорил Эренбург, пишет с глубоким оптимизмом, он оптимист по природе, это в его характере, таким он вошел в литературу.

Трудно без волнения читать наклеенные на листы пожелтевшие от времени телеграфные ленты. Вот одна из страниц: "29 ноября. Передаю для "НАНА". Сегодня под Москвой. Величайшее сражение идет четырнадцатый день. Далеко впереди горят оставленные нами деревни... Немец должен выдохнуться и остановиться. А остановка его в поле будет равносильна проигрышу генерального сражения. И это будет началом конца. Евгений Петров. Действующая армия".

НАНА - сокращенное название газетного объединения "Норд американ ньюспейпер аллайэнс", для которого Петров писал с начала войны. В далекой от советско-германского фронта Америке его статьи читались с огромным интересом. "Когда можно ожидать фронтовых корреспонденции Петрова" - такая телеграмма была отправлена из Нью-Йорка 3 сентября 1941 года. А спустя два дня еще одна: "Москва. Евгению Петрову. Поздравляем превосходным фронтовым очерком. Ждем дальнейших ярких эпизодов". Когда писатель погиб, американское агентство прислало телеграмму:

"Опечалены смертью Петрова. Его работа была великолепна".

Илья Эренбург в то время писал: "Весь год войны он посылал свои очерки в Америку, они печатались в сотнях крупнейших

газет. Они рассказывали американцам о доблести Красной Армии. Петров знал Америку и находил слова, которые доходили до самого сердца его заатлантических читателей. Своими телеграфными очерками он подбодрял рабочих, которые изготовляли самолеты и танки, он придавал бодрости американским солдатам, которые готовились к трудному европейскому походу. Петров много сделал, чтобы открыть Америке правду нашей войны. Петров много сделал для нашей победы".

Немало в этой характеристике того, что можно отнести к работе самого Эренбурга. Через много лет после войны, когда впервые на русском языке были опубликованы статьи и корреспонденции Эренбурга, писавшиеся для зарубежной прессы, Константин Симонов так определял их пафос: "Корреспонденции, которые посылал за рубеж Эренбург, не только были полны глубочайшей веры в свою страну, в свой народ, в свою армию, они не только дышали гордостью за советских людей, сделавших на этой войне, казалось бы, невозможное. Корреспонденции Эренбурга были одновременно с этим непримиримы по отношению ко всем тем, кто на Западе не желал воевать в полную силу. Ко всем, кто отсиживался, оттягивал открытие второго фронта, надеялся загрести жар чужими руками. Корреспонденции Эренбурга полны полемики, имеющей не только исторический, но самый живой современный интерес".

Вспоминая о первых днях войны, И. Эренбург писал: "Никогда в жизни я так много не работал, писал по три-четыре статьи в день; сидел в Лаврушенском и стучал на машинке, вечером шел в "Красную звезду", писал статью в номер, читал немецкие документы, радиоперехваты, редактировал переводы, сочинял подписи под фотографиями... Начали приходить телеграммы из-за границы; различные газеты предлагали мне писать для них: "Дейли геральд", "Нью-Йорк пост", "Ля Франс", шведские газеты, американское агентство Юнайтед Пресс. Приходилось менять не только словарь - для красноармейцев и для нейтральных шведов требовались различные доводы".

Более трехсот материалов написал в годы войны для Совинформбюро Эренбург - кроме тысячи с лишним статей, очерков, заметок, фельетонов, опубликованных в советской печати.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), где хранятся материалы Советского Информбюро (фонд 8581), нами обнаружены статьи Эренбурга, а также телеграфная переписка

писателя с зарубежными газетными агентствами и редакциями. В номер гостиницы "Москва", где Эренбург жил почти все годы войны, шли телеграммы из многих стран мира.

"Благодарим за первоклассный очерк. Лучшие пожелания. "Ивнинг стандарт". Агентство Юнайтед Пресс телеграфировало: "Ваша статья очень хороша для наших целей. Ценим старания включить насколько возможно описание конкретных военных действий"; "Благодарим за ваши слова: "Эти люди - не французы". Ваша статья превосходна. Пьер Комер, "Франс" (в статье Эренбурга шла речь о французских коллаборационистах). Тот же П. Комер сообщал: "Использовали и используем Ваши телеграммы, за которые еще раз благодарим Вас. Будем счастливы получить Ваши статьи на различные темы". Главный орган правительства генерала де Голля "Марсельез", выходивший в освобожденном Париже, регулярно, в каждом номере печатал статьи Эренбурга.

Только американское агентство Юнайтед Пресс передавало статьи Эренбурга в 1600 газет. Радио Уругвая "Эль Эспектадор" сообщало, что три раза в неделю транслирует специальный выпуск "Русских очерков" и очень хотело бы получать комментарии Эренбурга, для которых, по словам директора этой радиостанции, "постараемся найти специальное место в нашей информационной программе".

Много откликов зарубежных читателей на статьи Эренбурга получала, например, редакция газеты "Совьет уор ньюс", издававшейся в Англии Совинформбюро. Г. Хэмпшир из Шеффилда писал в январе 1944 года: "Спасибо за то, что вы меня познакомили с мастером военных корреспонденции Ильей Эренбургом. Я жалею, что не сохранил всех его статей, так как я готовился к бою. Он не знает об одном поклоннике, который восхищается его пламенными словами. Его перо - это настоящий меч. Его внимание к мелочам, критическое и безжалостное остроумие делает наших так называемых корреспондентов бледными, но высокопарными призраками... Он отбрасывает официально принятую, плавно скользящую манеру письма ("все хорошо" - в стиле "нашего спецкора"). Это журналист - боец боевой нации".

Или вот письмо другого англичанина, Р. Маршалла: "Из всех корреспондентов "Совьет уор ньюс" первое место принадлежит Илье Эренбургу, и мы все набрасываемся на газету, если помещена его статья".

Читая эти письма, вспоминаешь слова К. Симонова: "С первых же дней войны сражаясь на страницах наших газет с фашизмом, Эренбург открыл свой собственный счет. Так во время войны мы

обычно говорили не о писателях, а о снайперах, о людях прямого и смертельного действия. Но это с достаточной точностью применимо и к Эренбургу. И метафора, что Илья Эренбург - снайпер пера, - не новая и не моя. А старая, солдатская, времен войны".

И Евгений Петров и Илья Эренбург были блестящими представителями целой плеяды талантливых советских писателей, которые заслужили высокое право зваться воинами. Их яркая злободневная публицистика привлекала внимание читателей газет и журналов, радиослушателей во многих странах. Один и тот же вопрос занимал миллионы людей за пределами нашей страны, имевших о Советском Союзе скудную или, хуже того, недоброжелательную информацию: в чем источник силы Красной Армии и советского народа? На него отвечали многие статьи, подготовленные авторами Совинформбюро.

В 1943 году, обращаясь к американцам, Михаил Шолохов писал: "Вот уже скоро два года, как мы ведем войну -войну жестокую и тяжелую. О том, что нам удалось остановить и отбросить врага, вы знаете. Вы, может быть, недостаточно знаете, с какими трудностями для каждого из нас связана эта война. А мне хотелось бы, чтобы наши друзья знали об этом". М. Шолохов еще в 1941 году написал для Совинформбюро свои первые фронтовые очерки.

"Люди Красной Армии" - так назывался написанный в начале октября 1941 года очерк, в котором М. Шолохов рассказывал о поездке в действующую армию, о встречах на фронтовых дорогах, об увиденном и пережитом. Подлинник этого и двух других очерков М. Шолохова ("По пути к фронту" и "Первые встречи"), написанных специально для Совинформбюро, хранится в ЦГАОР. Они явились результатом поездки М. Шолохова, А. Фадеева и Е. Петрова в августе-сентябре 1941 г. на фронт, где они побывали в войсках 19-й армии под Духовщиной. Командующий армией генерал-лейтенант И. С. Конев, вспоминая об этом, впоследствии писал: "Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочек войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разделить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве".

Многие фронтовые наблюдения Шолохова отозвались затем в романе "Они сражались за Родину", рассказах "Наука ненависти" и "Судьба человека".

Героизм воинов Красной Армии на фронте, работа тыла, культурная жизнь Советского Союза в военные годы - все это вызывало живейший интерес среди широких масс в странах - союзниках по антигитлеровской коалиции, в нейтральных государствах. Советское Информбюро снабжало материалами наши посольства, миссии и консульства в разных частях света. Зарубежные советские представительства использовали их в издаваемых ими бюллетенях, передавали для публикации в редакции газет и журналов.

В адрес Совинформбюро приходили письма из многих стран мира, в которых выражалось чувство признательности Красной Армии и советскому народу, преградившим дорогу гитлеровской чуме. Из Англии: "Привет храброй Красной Армии и всему советскому народу. Вместе мы добьемся победы над фашистскими поработителями, обеспечим всем народам мир, свободу, счастье". Из индийского города Кочина в начале 1942 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, пришло послание, в котором говорилось: "Мы приветствуем вас, свободных рабочих, крестьян и интеллигенцию советской земли, за воодушевляющие действия, которыми вы в настоящее время начали контрнаступление после храброго шестимесячного сопротивления зверской атаке германских фашистов".

В августе 1942 года, когда фашистские полчища подошли к Сталинграду, Леонид Леонов написал письмо "Неизвестному американскому другу". "Мой добрый друг, - говорилось в конце этого замечательного публицистического выступления, - подумай о происходящем вокруг. Вот сыновья героев 1914-1918 годов ложатся на кости своих отцов, не успевшие истлеть на полях сражений. Какие гарантии у тебя, что и твой голубоглазый мальчик, соскользнув с злодейского штыка, не упадет на кости деда?

Цивилизации гибнут, как и люди. Бездне нет предела. Помни, потухают и звезды.

Мы, Россия, произнесли свое слово: Освобождение. Мы отдаем все, что имеем, делу победы. Еще не родилось искусство, чтобы соразмерно рассказать об отваге наших армий. Они отдают жизнь за самое главное, чему и ты себя считаешь другом.

Но... amicus cognoscitur amore, more, ore, re{14}.

Я опускаю это письмо в почтовый ящик мира.

Дойдет ли оно?"

Страстное слово советского писателя достигло адресата. По

подсчетам американских радиокомпаний, письмо Леонова, прочитанное по радио, услышали не меньше 10 миллионов человек. Редакции газет, в которых оно было опубликовано, получили около тысячи писем американцев, поддержавших призыв писателя к скорейшему открытию второго фронта.

Спустя год Леонов написал второе письмо "Неизвестному американскому другу", также имевшее большой успех.

Горячим призывом к открытию второго фронта в Европе были проникнуты многие статьи Ильи Эренбурга, с гневом он писал о тех политических и военных кругах Запада, которые не торопились разделить с Советским Союзом всю тяжесть борьбы с гитлеровскими полчищами. В его обращении к выдающемуся чилийскому поэту Пабло Неруде, написанном в середине сентября 1942 года, говорилось: "Мы встретились в обреченной Испании. Мы расстались в обреченном Париже. Мы многое потеряли. Расставаясь, мы говорили о верности: мы сохранили веру. Я хочу теперь сказать Вам, что на русской земле идет грозная битва: за нас, за вас, за Париж, за Америку, за нашу любимицу Испанию, за гуманизм, за искусство, за жизнь. Я хочу Вам сказать, что мы сражаемся одни против страшной силы, что все народы и все люди должны услышать бурю над Волгой и вступить в бой... Вы слышали запах коричневой смерти. Скажите Вашим друзьям, скажите Вашему народу, скажите всем народам Америки, что наступил двенадцатый час. Если Америка не пойдет походом на Германию, Германия пойдет походом на Америку".

Нельзя сказать, что прямые и острые выступления советского писателя вызывали восторг буржуазной прессы. Эренбурга обвиняли в том, что его статьи носят пропагандистский характер, призывали к "объективности", т. е. к отказу от постановки вопросов, волновавших не только советский народ, но и всех честных людей, стремившихся к скорейшей победе над фашизмом. Но Эренбург твердо отстаивал свою точку зрения.

К публицистическим выступлениям Л. Леонова и И. Эренбурга примыкает статья Константина Федина "Волга - Миссисипи", отправленная Советским Информбюро в США в августе 1942 года. В ней Федин писал: "Мы отдаем драгоценнейшие силы, чтобы остановить лавину танков Гитлера, чтобы перебить ненавистных фашистских солдат, брошенных наперерез Волге.

Волгу отдавать нельзя. Мы ее не отдадим.

Но, дорогой друг американец, не забывай, что Волга -это Миссисипи и что Гитлер стоит где-то в ста километрах от нее. А для того, чтобы отстоять такие реки, как Волга и Миссисипи, нельзя терять времени".

В марте 1943 года, после окончания победоносного сражения на Волге у Сталинграда, К. Федин отправил через Советское Информбюро в США "Письма русского". Во вступлении к ним автор писал: "Мир с изумлением следит за героической борьбой Красной Армии, показавшей образцы отваги, мужества, военно-технической мощи и стратегического искусства. Изумление вызывают повсюду за границей не только результаты наступления Красной Армии, но и вопрос, из каких источников черпает силу русский народ для своего наступательного порыва, каким характером обладает человек, сумевший устоять под чудовищным напором на него германской военной машины и - в единоборстве -нанести ей невиданный урон. Вопросу о характере русского человека я и хочу посвятить свои корреспонденции, назвав их "Письмами русского".

Подводя как бы итог своим размышлениям о русском характере, Федин пишет: "Есть две черты, которые проявляют русские особенно в моменты опасности: приспособляемость и решимость". И далее: "Приспособляемость, то есть способность трудиться в самых изменчивых условиях, быстро приноравливаться к ним, и решимость, то есть готовность без колебаний пожертвовать любыми плодами своего труда, если это нужно для важной цели".

Как эти, так и другие статьи Федина вызывали большой интерес у читателей. В отчете о работе группы литературы и искусства Совинформбюро за первый год войны отмечается: "В США за последнее время особый успех имели фронтовые очерки Константина Федина. Они были посланы в агентство НАНА и получили прекрасный отзыв агентства, которое просило продолжить эти очерки".

НАНА просило Совинформбюро присылать новые статьи Федина, и он стал постоянным корреспондентом этого агентства после гибели на боевом посту летом 1942 года корреспондента Совинформбюро Е. Петрова. Для НАНА писали также В. Лидин, Вс. Иванов, К. Симонов. Большой резонанс имели, например, пять очерков Симонова об Орловско-Курской битве.

Через Совинформбюро шли письма с прямым обращением советских писателей к своим зарубежным коллегам-литераторам. 22 августа 1942 года секретарь президиума Союза советских писателей СССР Александр Фадеев телеграфировал в Лондон: "От имени советских писателей приношу глубокую благодарность за братское приветствие английских писателей... Вся работа нашей всесоюзной творческой организации писателей - Союза советских писателей подчинена интересам войны против кровавого гитлеровского бандитизма... Крепкая боевая действенная дружба

соратников в борьбе против гитлеризма нужна особенно теперь, когда для сохранения миллионов человеческих жизней и ценнейших достижений культуры необходимо скорее разорвать гитлеровские полчища и разгромить их. Горячий братский привет писателям Англии".

В августе 1941 года Алексей Толстой адресовал письмо в редакцию журнала "Хоризон мэгэзин", в котором благодарил издателей этого журнала за дружеское приветствие советским писателям. "Мы, советские писатели, говорилось в письме, - так же, как наша Красная Армия и все единодушно и братски сплоченные народы Советского Союза, полны оптимизма. Борьба тяжела и упорна. Враг, как раненое чудовище, напрягает все свои силы, но мощь сопротивления нашей армии растет с каждым днем... Передайте от имени советской литературы дружеский, братский привет писателям Англии и Америки - всем, кто отдает свои силы для уничтожения на нашей земле кровавого и зверского фашизма. От всех нас зависит, чтобы скорее миновала эта черная ночь".

Месяцем раньше Толстой направил в Совинформбюро свой "Рассказ связиста". За этим последовали его статьи "Почему Гитлер должен потерпеть поражение", "Поправка к сообщениям фашистской прессы о бомбардировках Москвы" и др. О том, какое важное значение писатель придавал своему сотрудничеству в Совинформбюро, свидетельствует приписка, сделанная им 23 июля 1941 года к статье "Почему Гитлер должен потерпеть поражение": "Прошу извинения, что непредвиденная случайность заставила задержать эту статью на один день". Статья предназначалась автором для английской газеты "Ньюс кроникл".

А. Толстой был членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Не случайно он часто рассказывал зарубежным читателям о злодеяниях гитлеровцев на советской земле.

Через Советское Информбюро в зарубежную печать была передана в декабре 1942 года речь академика А. Толстого на сессии Академии наук СССР. В разгар небывалой в истории войны писатель говорил: "В этой войне не счастье, не случай и не только талант полководца принесут победу: победит та сторона, у которой больше моторов и тверже нравственный дух народа.. Вот почему особенно уместно в наши дни говорить о литературе, о каменщиках крепости невидимой, крепости души народной".

Толстой говорил о том, что война открыла новый этап развития советской литературы. "Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен

заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, - все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественной формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало великого".

Писатель с гордостью отметил, что в рядах действующей армии, среди воюющего советского народа, находятся девятьсот советских писателей романистов, драматургов, поэтов, очеркистов, что, помимо непосредственных задач борьбы, они проходят высокую школу художественного опыта. Высказанные А. Толстым мысли имели непосредственное отношение к творческой деятельности писателей и журналистов в Советском Информбюро. Очерки и рассказы, созданные на документальной основе, репортажи вошли в золотой фонд советской литературы периода Великой Отечественной войны.

В этом смысле представляют интерес высказывания Петра Лидова - автора известных очерков о Тане - Зое Космодемьянской: "Я считаю, что триумф "Тани" - это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской, моя же роль - это скромная роль репортера, протоколиста событий, который по рассказам очевидцев добросовестно и пунктуально записал все, что связано с подвигом и гибелью нашей героини. Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны, и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста, не запасшегося достаточным количеством добротных фактов. Мой жанр - не очерк, не репортаж, а злободневная корреспонденция, построенная на факте. И еще: "Информация это черный хлеб газеты. Трудный, но необходимый".

Конечно, эти слова нельзя понимать так, что их автор ратует за простое фотографирование событий. Если бы очерк Лидова "Таня" не имел силы художественного произведения, он не произвел бы такое сильное впечатление ни на советских, ни на зарубежных его читателей. На имя П. Лидова пришло очень много взволнованных писем. Вот что писала ему группа фронтовиков: "Сейчас ночь, темная и грозная. Нас пятеро, командиров Красной Армии. Сидим мы в землянке. Бой давно стих, а с рассветом он начнется заново. Нам бы поспать, но спать невозможно. Все мысли о прочитанном. Никогда ничего не читали мы так страстно, так горячо".

О месте факта в литературе говорилось на писательском совещании в Совинформбюро, состоявшемся 9 мая 1942 года. На нем выступали А. Сурков, В. Инбер, К. Финн. А. Сурков говорил об умении пропагандировать фактами, взятыми из действительности. "Если люди пишут о партизанах, не видя их, сказала В. Инбер, - это не годится, но добиваться точной фотографичности, может быть, не стоит, - должно быть подлинное правдоподобие, и тут нужно соблюдать определенный такт и соблюдать чувство ответственности".

К. Финн заявил: "Факт - это вовсе не есть величина постоянная, факт это величина переменная. По-моему, для писателя являются фактом и представляют интерес для заграницы следующие обстоятельства. Например, завод переехал в очень трудные условия, но он выполняет... план, установленный в московских условиях. И вот если мы об этом запасе прочности, который имеется в советском человеке, который, вообще говоря, является тем прекрасным, что рождено на нашей земле... об этом напишем, напишем так, как нужно, и покажем эту мощность - это будет факт, факт описанный. В этом вся суть вопроса".

И. Эренбург в 1944 году в статье "Сила слова" писал, что "миллионы людей жадно ищут в газетах статью, помеченную: "От военного корреспондента". Они хотят найти подтекст к скупым словам сводок. Да и фронтовик хочет взглянуть на себя, понять характер этой войны, причину успеха или неуспеха, природу врага, его нисхождение, подъем нашей армии.

Военные корреспонденты - это глаза страны, и это скромные люди, капитаны, майоры или подполковники, которые делят с армией все трудности походной жизни".

Эти слова в полной мере относятся и к военным корреспондентам, писавшим для зарубежной печати.

В одном из отчетов Совинформбюро отмечается, что наибольшим успехом в английской печати пользуются статьи Е. Кригера, Б. Полевого, Б. Горбатова, В. Гроссмана. Далее в отчете говорилось: "Яркая статья Кригера с актуальным боевым репортажем с 1-го Украинского фронта, посланная нами в Лондон и опубликованная в "Дейли экспресс" 30 марта 1944 года, привела к тому, что эта чуть ли не самая крупная газета в мире, несмотря на наличие у нее специального корреспондента в Москве, обратилась к нам с просьбой прикрепить к ней Кригера как постоянного корреспондента. В день третьей годовщины Великой Отечественной войны "Дейли экспресс" поместила под крупной шапкой на видном месте статью Е. Кригера, посвященную этой дате".

В другом отчете отмечалось, что канадская газета "Стар

уикли" "регулярно печатает статьи майора Б. Полевого, которых лишь за первые месяцы 1944 года опубликовано 16". Та же газета охотно печатала статьи о жизни советских детей во время войны и о судьбе сирот, если их писали такие авторы, как Е. Кононенко или Т. Тэсс.

Активно сотрудничал в Советском Информбюро О. Савич. В мае 1942 года на его имя поступила телеграмма из американского агентства Оверсис Ньюс: "Корреспонденции обычно превосходны. Они помещаются в "Нью-Йорк пост", "Бостон глоб", "Монреаль газетт", "Торонто стар" и во многих других газетах,.. Советую посылать больше корреспонденции с фронта. Мы особенно интересуемся действиями партизан, а также беседами с выдающимися руководителями". Писатель быстро откликнулся на это пожелание, и в Оверсис Ньюс были посланы статьи о советских партизанах. На войне не просто взять интервью у видного военачальника. К. Финн чуть ли не первым написал о генерал-лейтенанте, будущем Маршале Советского Союза К. Рокоссовском. Писатель нарисовал выразительный портрет полководца, который сказал: "Я бью немцев. И буду бить. Они проиграют войну. Это бесспорно. Они проиграют войну нам. Вопрос во времени. Только". Это было сказано и записано в октябре сорок первого года, когда на Западе кое-кто уже списал Красную Армию со счета...

Совинформбюро провело несколько совещаний своего авторского актива. В архиве хранится стенограмма одного из таких совещаний, состоявшегося 14 марта 1942 года. Заместитель начальника Совинформбюро С. Лозовский говорил: "Мы получили такую мировую аудиторию, при которой от каждого из нас требуется взвешивать каждую фразу, каждое слово. От этого зависит воздействие, влияние, правильная информация о Советском Союзе... Нам нужно не только большое количество разнообразных статей, нам нужны статьи высокого качества... Отдельные факты, обобщения должны показать боевые качества нашей армии, единство фронта и тыла... Если исходить из того, что подготовку хороших статей, очерков считать политическим делом, то каждый должен считать заказ Информбюро боевым заданием... У нас есть тенденция изображать фронт в виде идиллии... Но ведь это же война... И то, что мы эти трудности войны преодолеваем и через кровь и смерть идем вперед, - все это надо показать. Не в том сила нашей страны, что мы легко все делаем, а в том, что, несмотря на огромные трудности, огромные жертвы, мы идем вперед при непоколебимом моральном единстве. Это значит по-настоящему изображать, что такое Советский Союз и в чем сила Советского Союза".

"Опыт этой войны показал, - сказал Е. Петров, - что у нас есть много журналистов, которые блестяще себя показали и с литературной стороны. Многие статьи наших журналистов, например Кригера, Курганова, Лидова, которые пишут с фронта, шли бы нарасхват в той же Америке".

"Мне кажется очень важным, - поддержал его А. Сурков, - чтобы Информбюро завязало регулярные хорошие, плотные связи с корреспондентским корпусом, которым располагает наша печать на всех фронтах. Там есть люди, выросшие на войне".

В результате Е. Кригер, П. Лидов, а также О. Курганов и многие другие фронтовые корреспонденты были привлечены в качестве авторов Совинформбюро.

Следует остановиться на одной, мало освещенной в печати стороне деятельности Совинформбюро, такой, как издание книг и брошюр. Старейший советский писатель Н. Михайлов в своей книге "Черствые именины" вспоминает: "Как-то само собой выпала в жизни дополнительная должность - писать книги особо для зарубежного читателя. Их заказывали мне, а сами заключали договоры с иностранными издателями - сначала "Международная книга", потом книжный отдел Совинформбюро, потом, в наши дни. Издательство АПН".

Еще до войны, в 1935 году, в Лондоне вышла первая такая книга Н. Михайлова - "Новое лицо России". С тех пор на 48 языках народов мира вышли 279 изданий его книг. В годы Великой Отечественной войны Н. Михайловым была написана книга "Борьба и труд русского народа". По неполным данным, она была издана в семи странах под разными названиями - "Русская история", "Русская слава", "Русский фронт" и т. д.

В 1944 году Совинформбюро снабжало материалами 32 телеграфных и газетных агентства, 18 радиостанций во многих странах - США, Англии, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Китае, Мексике, Уругвае, на Кубе. В том же году за границу было направлено около 60 тысяч статей, многие из них были взяты из советской печати. Всего же за годы войны Совинформбюро выслало зарубежным газетам, журналам, радиостанциям, в бюллетени советских посольств и миссий около 135 тысяч статей. Цифра поистине колоссальная!

С начала Великой Отечественной войны советское посольство в Англии выпускало ежедневный бюллетень "Совьет уор ньюс" ("Советские военные новости"). В январе 1942 года бюллетень был преобразован в еженедельную газету. Адмирал Николай Харламов, руководивший в годы войны советской военной миссией в Лондоне, вспоминает: "Хорошо помню,когда редактор газеты Семен Ростовский - Эрнст Генри принес мне тот первый,

еще пахнувший типографской краской номер восьмиполосной "Совьет уор ньюс уикли". Для нас это было радостное событие. Ведь издание "Совьет уор ньюс уикли" стало своего рода символом крепнущих союзнических связей между Советским Союзом и Англией. К тому же мы понимали, что через нашу газету британцы будут узнавать правду о борьбе советских людей против фашистских захватчиков, о героизме Красной Армии".

Широкое проникновение материалов советских авторов в печать капиталистических стран объяснялось в первую очередь тем, что победы Красной Армии и героическое сопротивление советского народа вызвали во всем мире небывалый интерес к нашей стране. В этой войне Страна Советов не только отстаивала и отстояла свою свободу и независимость, но и спасла от фашистского порабощения народы всего мира.

Увлекательно перелистывать и изучать архивные дела. Материалы Советского Информбюро создают широкую картину войны, в ходе которой решалась судьба человечества. Собранные вместе, эти документы становятся летописью огненных лет, написанной советскими писателями и журналистами.

С. Красильщик

Авторы

Писатели и публицисты:

С. Борзенко

А. Венцлова

А. Верхолетов

В. Вишневский

Б. Войтехов

Е. Воробьев

Е. Габрилович

Б. Горбатов

В. Гроссман

А. Довженко

Ю. Жуков

Вс. Иванов

В. Инбер

А. Каплер

В. Кожевников

Я. Колас

Е. Кригер

П. Крылов

О. Курганов

Б. Лавренев

Б. Лапин

Г. Леонидзе

Л. Леонов
П. Лидов
А. Малышко
Л. Никулин
П. Нилин
П. Павленко
Ф. Панферов
Л. Первомайский
Е. Петров
А. Платонов
Б. Полевой
Н. Рыбак
М. Рыльский
Л. Сейфуллина
К. Симонов
Л. Славин
Л. Соболев
В. Ставский
Н. Тихонов
А. Толстой
П. Трояновский
А. Фадеев
К. Федин
К. Финн
Г. Фиш
А. Хамадан
З. Хацревин
К. Чуковский
М. Шолохов
И. Эренбург
Фотокорреспонденты:
М. Альперт
А. Архипов
А. Бродский
Н. Вихирев
В. Гребнев
А. Григорьев
Э. Евзерихин
В. Доброницкий
Г. Зельма
А. Капустянский
В. Кинеловский
Б. Кудояров
Ф. Левшин

М. Марков-Гринбер
А. Межуев
А. Морозов
Г. Петрусов
М. Редькин
Я. Рюмкин
М. Трахман
А. Устинов
Е. Халдей
И. Шагин
А. Шайхет
В. Юдин
Б. Ярославцев

Издательство АПН выражает благодарность всем, кто принял участие в подготовке этой книги

Примечания

{1} Ныне газета выходит под названием "Совьет уикли"

{2} Первая сводка Советского Информбюро.

{3} Вс. Вишневский принимал участие в первой мировой и гражданской войнах, а также войнах в Испании и с белофиннами.

{4} Б. Лапин и З. Хацревин погибли в боях под Киевом в сентябре 1941 г.

{5} В. Ставский погиб на фронте под Невелем в ноябре 1943 г.

{6} Это первый очерк о Зое Космодемьянской. Петр Лидов писал его, не зная еще подлинного имени героини. Он погиб на боевом посту 22 июня 1944 года под Полтавой.

{7} Скорее же!

{8} RAF (Royal Air Forces) - ВВС Великобритании. (Прим. ред.)

{9} Очерк "На левом фланге" - последний из написанных Евгением Петровым для американского агентства "НАНА". Известный советский писатель-орденоносец, корреспондент Совинформбюро Евгений Петрович Катаев (Евгений Петров) погиб на боевом посту 2 июля 1942 г. Материал доставлен в Москву после смерти автора.

{10} А. Хамадан, участник антифашистского подполья в оккупированном Севастополе, погиб 29 мая 1943 г.

{11} Друг познается по любви, по нраву, по лицу, по делу (лат.).

{12} "странная война"

{13} Последняя сводка Совинформбюро.

{14} Друг познается по любви, по нраву, по лицу, по делу (лат.).